

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х.МАРГУЛАНА
КАЗАХСТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

К.М. БАЙПАКОВ

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

*по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции*

Книга II

Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в.

Алматы 2013

*Посвящаю светлой памяти
моих учителей, выдающихся ученых
Кималя Акишевича Акишева,
Вадима Михайловича Массона*

ББК
Б

Издание осуществляется в рамках междисциплинарной
программы комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
«Ғылыми Қазына»

Байпаков К.М.

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

(по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. - Алматы, 2013. - 514 с., илл.

Книга посвящена развитию городской культуры древнего и средневекового Казахстана, в эпоху второй половины VIII - начале XIII в. Основой ее послужили материалы Южно-Казахстанской археологической комплексной экспедиции, которая работает на территории Казахстана 42 года. В книге рассматривается важный этап урбанизации средневекового Казахстана, связанного с эпохой Мусульманского Ренессанса. Исследуются вопросы локализации городов, характеристика городищ, Топография и планировка, кварталы и жилища, общественные сооружения, ремесла и торговля, религиозная жизнь.

Ответственный редактор: академик Национальной Академии наук
Республики Казахстан д.и.н. Б.Е. Кумеков

Научный редактор: д.и.н. Т.В. Савельева

Рецензенты: к.и.н. Д.А. Воякин, д.и.н. В.Д. Горячева

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК

ISBN

© Байпаков К., 2013
© Институт археологии МОН РК, 2013

Содержание

Введение	8
Глава I. Локализация городов в IX – начале XIII в.	23
Глава II. Города Южного Казахстана и Приаралья: типология, застройка, жилище	101
Глава III. Города и поселения Юго-Западного Жетысу	183
Глава IV. Города и поселения Северо-Восточного Жетысу и Центрального Казахстана	253
Глава V. Развитие ремесла и торговли, некоторые черты городской жизни, благоустройство.....	307
Глава VI. Религии и культуры	441
Заключение	497

Введение

Период развитого средневековья в истории Казахстана (истории Казахской ССР) начинается с X в. и продолжался до начала XIII в.: «Развитие производительных сил и производственных отношений на территории Казахстана в конце I - начале II тыс. вступили в новый этап, четче, чем раньше обозначились консолидационные этнические процессы. Исторически сложившееся взаимодействие таких хозяйственно-культурных типов, как кочевое и полукочевое скотоводство, оседлое земледелие, базировавшееся на поливе, расширение внутренних и внешних торговых связей, переход части кочевого и полукочевого населения к оседлости, рост городов и ремесленного производства вели к существенным изменениям в общественном и политическом строе средневекового Казахстана».¹

В середине X в. на территории Семиречья/Жетысу, Южного Казахстана и части Восточного Туркестана (Кашгара) возникло государство Караханидов с политической и социальной развитой структурой, естественно вобравшей в себя многие традиции предшествовавших ему государственных образований.²

Изучены история завоевания Средней Азии арабами, их походы в Южный Казахстан и Жетысу и противостояние им тюрок.³

С 766 г. борьбу с арабами возглавляли карлуки, создавшие свое государство. Вторая половина VIII в. для арабов стала временем активного сопротивления их экспансии в Среднюю Азию, Южный Казахстан и Жетысу.

Наиболее мощными были антиарабские движения Муканны, поддержанные тюрками. Подавив мятеж согдийцев во главе с Руфи ибн Лейсом, которого поддержали карлуки, токуз-гузы и тибетцы, арабы совершили поход в Жетысу, достигнув Кулана и Мирке.

В своих исследованиях Б.Е. Кумекоев подчеркивает, что арабское завоевание Средней Азии, походы арабов на юг Казахстана и Жетысу отмечены важнейшими изменениями в общественной жизни древнетюркских государств. Это было время распространения ислама – новой религии завоевателей, арабского языка и письменности, что привело к созданию во многом общей для народов, втянутых в орбиту ислама, культуры – синтеза местной и мусульманской культур.

В I томе пятитомной «Истории Казахстана», вышедшем в Независимом Казахстане в 2010 г., был выделен этап урбанизации, охвативший период со второй половины IX до начала XIII в.⁴ Эта периодизация развития городской культуры отличалась от предложенной ранее известным историком О.Г. Большаковым, который выделил новый период урбанизации Средней Азии – послерабский «мусульманский». Граница, разделяющая доарабский (домусульманский) период, считает он, прошла через середину VIII в., когда усилилась роль местной знати. «Столицей Халифата, – пишет он, – становится Мерв; ал-Мамун, избравший его своей резиденцией (809-818 гг.), смог свергнуть ал-Амина и воцариться в Багдаде только с помощью феодалов Хорасана и Мавераннахра, которые вместе с ним торжественно вошли в столицу Халифата. В Багдаде возникли целые кварталы, заселенные воинами из хорезмийских, согдийских, ферганских и других отрядов. Все это не могло не способствовать установлению значительного единства культуры от Багдада до Ферганы. Начавшись в узком кругу культуры феодальной верхушки, процесс унификации захватывал все более и более широкие сферы. Этому способствовали условия единого государства, единство религии (игравшее в средние века едва ли не большую роль, чем единство национальное), разнообразные и дальние экономические связи внутри этого государства. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знания» расширяли кругозор людей и способствовали переносу достижений ремесла, науки и искусства. Средством общения, обеспечивающим сближение, служил арабский язык, но уже не как язык завоевателей, а как фактор культуры, науки и религии».⁵

За прошедшие годы накоплен новый материал, позволяющий пересмотреть время начала исламизации Казахстана. Начало нового мусульманского этапа урбанизации Казахстана можно определить первой половиной IX в. Для этого есть следующие основания: по мнению С.Г. Кляшторного, сделанного на основании анализа древнетюркских источников, арабы, несмотря на их походы, не смогли включить в состав Халифата Среднюю Сырдарью, Фергану и Семиречье. Испиджаб был завоеван, как сообщает ал-Самани в своем сочинении «Китаб ал-ансаб», в 839-840 гг. саманидом Нухом ибн Саманом.⁶

В 859 г. его брат Ахмед ибн Хасан совершил поход на Шавгар.⁷ Видимо, какая-то часть карлуков, владевших Жетысу, приняла ислам еще при Халифе Махди (775-785 гг.).⁸ Однако, в 893 г. Исмаил ибн Ахмед вынужден был совершить поход на Тараз. Он взял один город, являвшийся столицей, и пленил хатун, жену царя: было взято в плен 15000 тюрков и убито из них 10000. Говорят, что того царя называют Танкас – это имя было прозвищем для всякого царя, который правил этой страной. Я думаю, что он из племени известного под именем халладжей», – писал ал-Масуди.⁹ В свете выше сказанного, начало нового мусульманского этапа следует отнести к первой половине IX в.

Распространение ислама: начало нового этапа урбанизации

Археологические исследования на территории Казахстана, в Отрарском оазисе, Жетысу позволили проследить начало арабских завоеваний и начальный этап исламизации Южного Казахстана и Жетысу, распространение ислама в городах, в степной зоне Казахстана. Отмечены пути и периоды исламизации в периоды Караханидов, Монгольской империи и в позднее средневековье.

Завоевание арабами Средней Азии и части Южного Казахстана и Жетысу растянулось на столетия, поскольку арабам пришлось столкнуться с упорным сопротивлением Согда, а затем с коалицией Согда, Чача, Ферганы и Тюркского каганата.¹⁰

В 714 г. полководец арабов Кутейба захватывает Чач (Ташкент) и совершает поход на Испиджаб-Сайрам, находившийся неподалеку от современного Шымкента.

При наместнике Хорасана Насре ибн Сейяре, совершившем походы в Чач, Фергану и Фараб (738-739 гг.), сопротивление местных владетелей было сломлено, но борьба населения продолжалась. И еще долгое время Средняя Азия и юг Казахстана считались одними из самых ненадежных окраин Халифата.

В 751 г. арабы дошли до Таласа, на берегах которого совместно с карлуками разбили китайскую армию.¹¹

Вопрос о времени первых арабских походов в Мавераннахр и на юг Казахстана является дискуссионным.

В свое время В.В. Бартольд, касаясь завоеваний арабов, различал завоевания арабов с целью расширения границ Халифата и походы арабов, нацеленные на отпор тюркским отрядам и китайским войскам.

Он писал, что арабы дальше Амударьи не наступали и что «ислам на границе с тюрками перешел от наступления к обороне».¹² Он также высказал идею о принципиальных отличиях в характере исламизации оседлых оазисов и городов Средней Азии и тюрков, их кочевой части. Исламизация последних, по его мнению, носила ненасильственный, мирный характер. Он также считал, что тюрки были сразу более усердными почитателями ислама, чем оседлое население.¹³ Более того, впоследствии содействовали успешному расширению границ мусульманского мира.¹⁴

Безусловно, останавливало походы арабов в тюркские владения и реальное представление арабов о военном искусстве тюрков, тем более они не смогли достичь каких-либо значительных успехов в столкновениях с ними вплоть до правления хорасанского наместника Кутейбы б. Муслима.

Вот как писал о тюрках историк XIII в. Ибн ал-Ибри: «Что касается тюрков, это многочисленный народ, главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искуснее всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и стрельбе». Из уст в уста передавалось предосте-

режение, будто бы оставленное пророком Мухаммедом: «Не трогайте тюрков, пока они не трогают вас» и «Тюрки будут первыми, кто сможет отобрать у моего народа его владение».¹⁵

Одновременно с арабскими завоеваниями в регионе распространялся ислам, особенно интенсивно после движения Абу Муслима, которое привело к свержению Омейядов и уравниению в правах арабской и среднеазиатской знати. Ислам постепенно превращался из религии завоевателей, принятой завоеванными ради «живота своя» и освобождения от налогов, в верование по убеждению, в собственную религию.

Именно об этом факте, как наиболее ярком, писали средневековые авторы: «И отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу Муслима, и была эта перемена веры похожа на начало новой религии».

Процесс распространения ислама и мусульманской культуры привел к установлению значительного единства ее от Багдада до Сырдарьи и Жетысу. Этому способствовал и Великий Шелковый путь. Торговые поездки, странствия ученых расширяли кругозор людей и способствовали сближению и интеграции культур народов, принявших ислам.¹⁶

В.В. Бартольд подчеркивал связь религиозного миссионерства с международной торговлей. Данный тезис доказывается на примерах из различных периодов мусульманской истории. Признано, что караванные пути были и путями религий, а Великий Шелковый путь является исключительным и важным в контексте исследования исламизации тюрков средневековья. Тезис о связи торговли и миссионерства использовался В.В. Бартольдом и для критики мнения только о насильственном обращении в ислам многих народов. Говоря об успехах ислама у волжских булгар, ученый пишет, что они были «связаны с успехами мусульманской торговли, а не успехами мусульманского оружия».¹⁷

Исламизация продолжалась и с выделением из Халифата самостоятельного государства Саманидов с центром в Бухаре.

Археологические раскопки городищ на юге Казахстана, в Отрарском и Туркестанском оазисах дали материалы, которые позволяют отнести начало арабских завоеваний к VIII в.

В Ташкентском оазисе в Чаче археологами отмечены следы пожаров на городище Мингурюк, Кугаиттеге и Ханабад, которые датируются первой третью VIII в.

Разгромы и опустошения городов, по мнению М.И. Филанович, были связаны с арабскими походами на Чач, но при этом она отмечает, что Чач не был покорен и управлялся своими правителями.¹⁸ Распространение ислама здесь шло медленно и населением Чача по-прежнему исповедовался зороастризм, о чем свидетельствуют домашние святилища.¹⁹

Пожары в слое VIII в. на цитадели Мингурюка Ю.Ф. Буяков связывает с борьбой населения против арабского и китайского нашествий.²⁰

Однако Е.А. Смагулов пишет, что арабской областью Чача и Тарбандом управлял местный правитель.²¹

В Туркестанском оазисе (область Шавгар) при раскопках верхнего строительного горизонта цитадели городища Сидак, представленного дворцово-храмовым комплексом, были зафиксированы следы пожара.²² Он произошел, по мнению Е.А. Смагулова, в первой половине VIII в., ближе к середине VIII в. Медная монета, на которой базируется его положение, найдена в слое пожара и принадлежит чекану Хусрова – удельного хорезмийского правителя области Кедер (низовья Амударьи). По мнению Е.А. Смагулова, можно считать, что пожар, уничтоживший храм на Сидаке во второй четверти VIII в., может быть связан с походом арабов. С арабскими завоеваниями Фараба Е.А. Смагулов связывает также и пожар, зафиксированный при раскопках городища Куйрыктобе в Отрарском оазисе.²³ К этому же времени Е.А. Смагулов относит пожар еще на одном городище Отрарского оазиса – Куик-Мардан и соотносит его с действиями арабских войск.²⁴

М. Кожа привлекает письменные источники – родословную казахских ходжей «Насиб-Наме» для выяснения времени начального этапа исламизации Южного Казахстана.²⁵ Он датирует походы арабов на юг Казахстана и захват ими городов серединой VIII в. При этом он вслед за Е.А. Смагуловым ссылается на следы пожаров на городищах Куйрыктобе и Куик-Мардан в Отрарском оазисе, а также на прекращение жизни на городищах левого берега Сырдарьи – Байркум, Шаушукум и Актобе.

Завоевание городища Баба-Ата арабами М. Кожа относит ко второй половине VIII в. В округе Сайрама запустели 9 из 13 городищ и поселений. Арабы дошли до Приаралья – Барчинкенда (Барчкента) и Дженда. Он считает, опираясь на данные родословных и археологические материалы, что исламизация Южного Казахстана началась в VIII в. и сопровождалась большими разрушениями, строительством крепостей и мечетей, каналов и стен вокруг городов.²⁶

Однако в вопросе хронологии пожаров на городищах Куйрыктобе и Куик-Мардан в связи с арабскими завоеваниями не все так однозначно. Дата пожара на цитадели Куйрыктобе может быть связана и с началом IX в., благодаря описанным в письменных источниках событиям. Конкретно, это сведения ат-Табари, взятые им из сочинения Абу-л-Вахида Мухаммеда аль-Азраки «Хроника города Мекки», в комментариях к надписям трофеев ал-Мамуна, короне и трону, хранившихся в сокровищнице Каабы. Ал-Азраки сообщает о том, что ал-Мамун (наместник Хорасана в 809-818 гг.) перед началом войны с Халифом ал-Амином жаловался своему визиру аль-Фадлу ибн Сахлю на сложную ситуацию в Хорасане и Мавераннахре: «приходится бороться (против ал-Амина) после разорения и мятежа... после отказа

джабгу повиноваться, уверток хакана, владельца Тибета, когда царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил». Имеется и продолжение этого повествования, связанное с карательным походом: «из области Тарбад (ал-Фадл) послал то, что потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар: он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей Карлукского джабгу с его женами»²⁷.

С этим походом, видимо, и следует связать пожар в цитадели Куйрыктобе, датировав его соответственно началом IX в. (первые два десятилетия).²⁸

Но позже, «в 859 г., был еще и поход на Шавгар и совершил его саманид Нух б. Асад. Во время его похода было убито несколько тысяч человек».²⁹

Миновать Фараб и Отрарский оазис Нух Асад никак не мог. Возможен ли пожар на цитадели Куйрыктобе в это время? Исключать этот факт нельзя.

Поэтому, датировать точно и однозначно пожар в цитадели Куйрыктобе невозможно и вот почему. Во-первых, комплекс керамики из слоя пожара датируется VII – началом IX в.³⁰

Не дают точной даты и монеты, которые чеканились в Отрарском оазисе, начиная с VIII в., но имели хождение до X в.³¹ Поэтому предложенная Е.А. Смагуловым дата пожара – середина VIII в. – не может быть принята как безоговорочная. Но вероятность походов арабов на Отрар и на Среднюю Азию в VIII в. не исключается. Тем более, что у того же аль-Азраки говорится о дани, которую платил царь Отрарбенда, то есть он был подчинен арабам еще до карательного похода ал-Фадла ибн Сахля.

В.В. Бартольд также пишет, ссылаясь на ат-Табари, что в годы наместничества в Хорасане Насра б. Сайяра (738-748 гг.), бывшего в свое время сподвижником Кутейбы, было восстановлено арабское владычество в бассейне Сырдарьи.³² Что касается высказанного мнения М. Кожи о том, что в VIII в. Сауран стал «центром борьбы за веру», то оно сомнительно, так же как и подчинение арабами Барчкента и Дженда, которые в указанный период под этими именами еще не существовали. Конечно, невероятно, чтобы арабы строили каналы и длинные стены вокруг захваченных в VIII в. городов.

Необходимо также отметить и то, что сведения «Насиб-Наме» зачастую противоречат данным других источников по истории исламизации Средней Азии и требуют критического анализа, что было отмечено В.В. Бартольдом и А.К. Муминовым.³³

Однако, походы арабов, если они и были в VIII в., как выше отмечалось, не привели к завоеванию средней Сырдарьи, Жетысу и Ферганы. Эти области не входили в состав Халифата и лишь после подавления восстания Мукадды в Средней Азии эти регионы были втянуты в экономическую и культурную жизнь арабского халифата. Через VIII в., по мнению О.Г. Большакова, проходит граница, разделяющая два

больших периода истории Средней Азии. Он пишет: «Вторжение арабов, принесших с собой новую религию и язык, включение мелких княжеств в систему единого государства, установление новых культурных и экономических связей привело к существенному изменению всего облика духовной и материальной культуры».³⁴

Лишь в конце VIII в. в основном завершается исламизация Средней Азии, а местная знать становится вровень с арабской.

Б.Г. Гафуров отмечал, что «мусульманская культура – результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе и среднеазиатских. Итак, с точки зрения исторической перспективы включение Средней Азии в Халифат способствовало, в конечном счете, широкому развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел всеобъемлющий культурный синтез в Средней Азии и на всем Ближнем Востоке в IX-X вв.».³⁵

Этот процесс получил название «Мусульманский ренессанс».³⁶

По мнению академика Н.И. Конрада, «Возрождение» – есть процесс, характерный не только для Европы, но представляющий собой «проявление общей закономерности исторического процесса» обязательно наступающего в определенный момент развития народов «с длительной, непрерывно развивающейся и продолжающейся и в наше время исторической жизнью и культурой».³⁷

Безусловно, процессы, связанные с инновациями мусульманского периода, имели место и в Казахстане, также как и имел здесь место и Мусульманский ренессанс. Юг Казахстана и Жетысу, хотя и не были завоеваны арабами,³⁸ но общая историческая ситуация в среднеазиатско-казахстанском регионе определяла их экономическое и культурное развитие в едином русле.

Это событие имело большое значение, поскольку победа арабов определила мусульманский вектор в развитии Средней Азии и Казахстана.

В 751 г. Зияд б. Салих разбил китайское войско под началом Гао Сянь-Чжи в Атлахской битве неподалеку от Тараза.³⁹

Источники, повествующие о событиях конца VIII – IX в., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана и Жетысу. В 840 г. саманид Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб.⁴⁰ В 859 г., как выше отмечалось, его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар.⁴¹

Карлуки, захватившие в 766 г. политическое господство в Жетысу и на юге Казахстана, подверглись наибольшему влиянию мусульманской культуры. Есть мнение о том, что они приняли ислам еще при халифе Махди (775-785 гг.). Однако, видимо, это относится лишь к какой-то части их, так как только в 893 г. Исмаил ибн Ахмад взял Тараз и «обратил главную церковь этого города в мечеть».⁴²

В.В. Бартольд очертил в своих трудах хронологию вовлечения тюрков в орбиту новой религии. Согласно ей, знакомство тюрков с исламом начинается в VII-VIII вв., а в эпоху Саманидов произошло по-настоящему успешное обращение тюрков в ислам.

Массовую же исламизацию тюрков ученый связывал с 960 г., когда, по сообщениям Ибн аль-Асира, имел место факт принятия ислама тюркскими кочевниками, численность которых определена в 200 тыс. шатров, но точное местопребывание этих племен и этническая атрибуция точно не известны. Анализируя данный факт, В.В. Бартольд предположил, что произошло это событие скорее в Караханидском каганате в Семиречье (Жетысу). В начале X в. ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук, а его сын Богра-хан Харун б. Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией.⁴³

В первую очередь мусульманство распространялось в городах. В письменных источниках сохранились указания на процесс исламизации горожан. Так, Ибн Хордадбех сообщает об отрядах мусульман в главном городе округа Фараб – Кедеге.⁴⁴ Ибн Хаукаль пишет про город Сюткент, находившийся на левом берегу Сырдарьи на границе с Шашем: «...в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из разных племен: гузов и карлуков, которые уже приняли ислам».⁴⁵ Главный город Южного Казахстана был «местом войны за веру».⁴⁶ Ал-Макдиси, перечисляя крупные города округа Испиджаб, в качестве их обязательного компонента застройки называет мечеть.⁴⁷

Постепенно новая религия распространяется и в среде кочевников, тот же Ибн Хаукаль сообщает о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенжидой и Шашем.⁴⁸

Что касается личностей, имен, то вероятно причастность к данным событиям некоего ученого – иранца из Бухары Абу-л Хасана Мухаммеда б. Суфьян ад-Келимати, перешедшего на службу к караханидскому хану и умершего при его дворе раньше 960 г. «Из других представителей ислама, действовавших среди тюрков, был Абу-л Хасан Саид б. Хатим ал-Усбаникат, который «ушел в страну тюрков» раньше 990 г.». Также В.В. Бартольд обращает внимание на причастность к исламизации тюрков Караханидского каганата бежавшего к тюркам Кашгара саманидского царевича Наср б. Нуха в первой половине X в. Он оценивал исламизацию караханидских тюрков как прогрессивный для их истории факт, который в числе других определил и характер их завоевания Мавераннахра – достаточно мирный и неразрушительный.⁴⁹

Несмотря на политические коллизии, активно функционирует Шелковый путь, а южно-казахстанские и семиреченские города на нем так же хорошо известны в Багдаде это Испиджаб и Тараз, Отрар и Шавгар, а в Шельджи известен Исфаган.⁵⁰

В середине X в. на территории Жетысу и юга Казахстана возникло государство Караханидов. В 999 г. Караханиды захватили Бухару и подчинили себе владения Саманидов. При Караханидах Жетысу находилось в составе Восточного, а часть Южного Казахстана – в составе Западного владения.⁵¹ Кроме того, внутри обоих владений имелись уделы.

Караханидские ханы стремились к централизации власти, борясь с племенной знатью – кочевниками и верхушкой оседлого общества.⁵²

Однако междоусобицы, войны с соседями привели к тому, что в первой половине XI в. государство Караханидов фактически сошло с исторической сцены.

Часть Южного Казахстана и прежде всего нижнее течение Сырдарьи входили в конце IX – X в. в состав державы огузов, столицей которой был город Янгикент.⁵³

Крайние северо-восточные районы Жетысу в IX-XI вв. принадлежали кимакам, столица которых находилась на Иртыше.⁵⁴

В результате гибели Караханидского государства политическое главенство в области захватили каракитаи, ставка которых располагалась вблизи Баласагуна. Каракитаи, бывшие в основной своей массе кочевниками, ограничивались сбором дани с оседлого и кочевого населения.⁵⁵

При Караханидах и каракитаях продолжало существовать независимое владение карлукских джабгу в Северо-Восточном Жетысу, центром которого являлся город Каялык.⁵⁶

Увеличение налогов, межплеменные распри, религиозные притеснения, которые начались с середины XII в., вызвали во владениях каракитаев выступления местного мусульманского населения. Поддержанные Хорезмом, к тому времени вышедшим из-под власти каракитаев, восстали жители Баласагуна. Восстание было подавлено, город взят штурмом.⁵⁷ Однако эти события окончательно подорвали силу каракитаев, и власть в Юго-Западном Жетысу перешла на короткое время к найманам, а районы Средней Сырдарьи захватил хорезмшах Мухаммед, который поставил в сырдарьинских городах своих наместников.

Города, оказавшиеся в пограничной полосе между владениями найманов и хорезмшахов – Тараз, Сайрам, Усбаникет были разрушены по приказу Мухаммеда.⁵⁸

Районы городской культуры Нижней Сырдарьи, входившие в состав государства огузов, после распада последнего в начале XI в. вошли в состав кипчакских владений. В конце XI в. кипчаки достигли окрестностей Тараза. В северной части Таласской долины им принадлежал город Кенджак-Сенгир.⁵⁹ В середине XI в. кипчакам удалось создать государственное объединение, которое имело свою правящую династию.⁶⁰

Южный Казахстан и Жетысу, как и Мавераннахр, распались на ряд уделов с различной степенью зависимости от верховной власти. Единственной реальной силой являлось войско кочевников, а господствующим сословием – военная аристократия. Государственный же аппарат находился в руках чиновников из местных землевладельцев и горожан.

Политическая раздробленность, однако, не оказала существенного влияния на экономическое и культурное единство Средней Азии и Казахстана. Происходил процесс укрепления феодальных отношений, наиболее четко проявившихся в государстве Караханидов. По мнению В.В. Бартольда и А.Ю. Якубовского, в это время победила удельная

система, а икта стала господствующей формой землевладения.⁶¹ О.Г. Большаков считает, что икта не получила здесь широкого распространения.⁶²

Осторожно к вопросу об икте в государстве Караханидов подходит Е.А. Давидович.⁶³

В целом наблюдается подъем экономики, развиваются ремесла и торговля, растут города.⁶⁴

Подъем и развитие городской культуры в Южном Казахстане и Жетысу подтверждаются новыми археологическими материалами.

Вместе с тем, В.В. Бартольд оценивал период владычества Караханидов в истории Среднеазиатского междуречья (после блестящей Саманидской эпохи) в одних местах как частичный регресс, а в других - полагал, что смена династий и тюркизация мало отразились на культурной жизни региона и «перерыва в культурном развитии не было». В.В. Бартольд одним из первых обратил внимание на легенды о Сатуке Богра хане и выдвинул свои версии об исламизации Караханидского государства. Интересна оценка им поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутатгу Билик», которая, по его словам, всецело «проникнута духом ислама» и свидетельствует об исламизации караханидской культуры.⁶⁵

Для сегодняшнего дня имеют ценность его выводы об исторических предпосылках исламизации. Это признание мировых и в целом этнических религий более высокой степенью религиозного и умственного развития человечества, истоком полноценных цивилизаций; установление факта духовного упадка многих религий, превосходства молодого ислама; представление о торговых путях и мусульманском образовании как важном факторе духовной пропаганды, о характере и особенностях мировых процессов, исламизации тюрков, роли суфийских орденов.

И еще одно крайне важное для современной культурологии и религиоведения положение.

В 2009 г. в Москве был опубликован сборник статей «Archaeology abrahamic», посвященных исследованиям в области археологии и художественных традиций иудаизма, христианства и ислама.

Сборник этот, безусловно, имеет знаковое значение в процессе создания единого поля «для изучения древностей трех генетически родственных религий: иудаизма, христианства, ислама. Потребность в этом, – пишет Л.А. Беляев, – «ощущается всеми и не должно рассматриваться как чье-то изобретение. Постепенно, но упорно находит она себе место в работах по истории культуры и искусства».⁶⁶

Далее он пишет: «Есть не менее важные обстоятельства, которые мешают видеть эти три культурных пространства как единое целое. Во-первых, древние и прочные границы между религиями, которые протянулись из далекого прошлого и разделяют не только конфессии, не только культурную и политическую (государственную) реальность, но и саму науку. Во-вторых, общей сравнительной работе препятствует неравномерность развития отдельных областей культурной истории и, особенно, археологии».⁶⁷

Наиболее разработано и обладает многовековой традицией с XVII в. христианская и церковная археология. Археология иудаизма сравнительно молода (ей 50-70 лет). Прошли времена, когда актуальность археологии ислама требовалось доказывать.⁶⁸

Начало аврамической археологии – вторая половина XX в., когда изучение религиозных древностей отвоевало себе место в кругу гуманитарных дисциплин советской науки. Это место «образовалось» в области практических исследований и в целом не только не противоречило дореволюционной традиции, но и развивало ее, ставило на более твердую почву благодаря усиленной заботе о материальном мире, столь свойственной археологии.

«В советской науке ветви религиозной археологии получали маскирующие названия: церковная археология становилась древнерусской архитектурной археологией; иконография и история иконописи – историей древнерусской живописи; археология ислама – археологией Нижнего и Среднего Поволжья или Средней Азии и Казахстана эпохи феодализма».⁶⁹

Изучение памятников средневековой археологии и архитектуры, археологической архитектуры в Средней Азии и Казахстане в значительной своей части было связано с изучением памятников, относящихся к мусульманской культуре, которая утверждается здесь в VIII-IX вв. и получает бурное развитие в эпоху Мусульманского ренессанса.

Как известно, ислам определял характер культуры Казахстана эпохи развитого и позднего средневековья и нового времени, вплоть до революции 1917 года и образования в 1922 г. СССР с его марксистско-ленинской идеологией и воинствующим атеизмом. И лишь после распада Советского Союза начинается возрождение религии, в том числе исламских ценностей.

Постепенно стало обычным интерпретировать многие явления материальной и духовной культуры с позиций ислама и его определяющего влияния.

Большое значение в казахстанской археологии при изучении средневековых городов стало уделяться раскопкам исламской архитектуры – мечетей, мавзолеев, медресе, ханака. Число этих памятников быстро увеличивается.

Распространились дефиниции «культурный комплекс с общемусульманскими стандартами и эталонами», «тюрко-мусульманское культурное наследие».⁷⁰

В 2005-2007 гг. было озвучено и стало интенсивно развиваться новое направление в археологии Казахстана – «мусульманская археология».

Появилась первая сводка памятников средневековой исламской архитектуры Казахстана, которая показала, что число их значительно в разы превышает количество сохранившихся наземных исламских архитектурных сооружений.⁷¹

Религиозное строительство – важнейший элемент любой цивилизации: строя себе дом и храм, человек, в конечном счете,

создает свой национальный характер. Поэтому так важно знать, куда уводят остатки архитектурных построек, что можно извлечь из них для понимания духовной культуры казахов и казахского ислама, о характере которого существуют разные мнения.

К кругу памятников, связанных с мусульманской культурой, относятся керамика, стекло, металл с арабскими надписями, монеты, намогильные камни с эпитафиями – кайраки и намогильные кирпичи с эпитафиями из Южного Казахстана и Жетысу.

Изучение исламской археологии, безусловно, поможет более обоснованно решать вопросы о времени арабских завоеваний, взаимоотношений в государствах карлуков, саманидов, караханидов, тюрок, иранцев и арабов, исламизации тюрок, их культуры.

Однако, изучая мусульманские памятники Казахстана, важно рассматривать историю исламского мира в контексте глобальных процессов с явлениями христианского мира, иудаизма, буддизма.

Что касается верхних границ периода, то они не вызывают сомнений – это начало XIII в. Событием вселенского масштаба стало завоевание монголов, создание ими Евразийской монгольской империи, ее распад. Монгольские завоевания признаны верхней границей исследуемого периода урбанизации, что не противоречит истории Казахстана.

Как отмечает О.Г. Большаков, монгольское нашествие «оставило грубый и болезненный рубец на теле Средней Азии, уничтожив не только города и села, но и исторические сочинения и документы». Этот небывалый разгром образует верхнюю границу рассматриваемого нами периода.⁷² Эти слова с полным основанием относятся и к Казахстану.

-
- 1 *История Казахской ССР*. - Алма-Ата, 1977. - Т. II. - С. 13.
 - 2 *История Казахской ССР...* С. 13.
 - 3 *Кумеков Б.Е.* Арабы на территории Южного Казахстана // *История Казахской ССР*. - Алма-Ата, 1977. - Т. I. - С. 348-352.
 - 4 *История Казахстана*. - Алматы, 1996. - Т. I. - С. 454-488.
 - 5 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начала XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. - М., 1979. - С. 132.
 - 6 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ АН КазССР*. - 1960. - Т. 8. - С. 86.
 - 7 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Соч.* - М.-Л., 1963. - Т. 1. - С. 253-254.
 - 8 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 154-155.
 - 9 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 78.
 - 10 *Большаков О.Г.* История Халифата. Между двух гражданских войн (656-696). - М., 1998. - Т. III.
 - 11 *Большаков О.Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // *Страны и народы Востока*. - 1980. - Вып. 22. - С. 132-136; *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начала XIII в. - С. 132-133.

- 12 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. - М., 1963. - Т. II. - Ч. I. - С. 244; *Нуртазина Н.Д.* Вклад В.В. Бартольда в историю исламизации тюрков // Проблемы востоковедения. - Уфа, 2010. - № 1. - С. 58-64.
- 13 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 329.
- 14 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. - С. 238; *Камоллидинов Ш.К.* «Ктай ал-Канди» Абу Хафоса ан-Насафи и его сведения по истории распространения ислама в Бухаре // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса: матер. конф. по результатам совместных узбекско-итальянских исследований в археологии и востоковедении. Бухара, 26-27 сентября 2003. - Самарканд-Рим, 2006. - С. 55-59.
- 15 *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. - Баку, 1993. - С. 21-22.
- 16 *Большаков О.Г.* Город в конце VII - начале XIII в. - С. 133.
- 17 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. - С. 240.
- 18 *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. - Ташкент, 1983. - С. 187-188, 210.
- 19 *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. - С. 187.
- 20 *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. - Ташкент, 1982. - С. 180.
- 21 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане // Мобилизованный археологией. - Алматы, 2004. - С. 105.
- 22 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане. - С. 109.
- 23 *Смагулов Е.А., Туякбаев М.Х.* Археологические исследования на городище Сидак // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. - 2003. - № 1. - С. 83-98.
- 24 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане. - С. 30.
- 25 Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак-Баба в нормативной и генеалогических традициях // Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX-XXI вв.: Насиб-Наме и группа ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак-Бабе. - Алматы-Берн-Ташкент-Блумингтон, 2008. - № 3. - С. 164-169.
- 26 *Кожжа М.* О начальном этапе исламизации юга Казахстана на основании данных родословных и археологии // Научный мир Казахстана. - Шымкент, 2008. - № 3. - С. 164-169.
- 27 *Михайлова А.И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // ЭВ. - 1954. - Т. V. - С. 11-12.
- 28 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). - Алматы, 1986. - С. 48-59.
- 29 *Кандия Малая.* Перевод В. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. - 1906. - Вып. VIII. - С. 242; Якубовский А.Ю. датирует поход концом IX в.: *Якубовский А.Ю.* Об одном раннесаманидском фельсе // КСИА. - 1946. - Вып. XII. - С. 111.
- 30 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.)... С. 58-59.
- 31 *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 60-65; История Казахстана. - Алматы, 1996. - Т. 1. - С. 170.
- 32 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 250.
- 33 *Муминов А.К.* Казахские ходжи // Shygyys. Восток. Orient. - Алматы, 2004. - № 1. - С. 230.
- 34 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII в. - С. 132.
- 35 *Гафуров Б.Г.* История Таджикского народа. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М., 1972. - С. 322-324.

- 36 *Мец А.* Мусульманский ренессанс. - М., 1966.
- 37 *Конрад Н.И.* Предисловие к книге *В.К. Чалоян.* Армянский ренессанс. - М., 1963. - С. 161.
- 38 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 154-155.
- 39 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 253-254; История Казахстана. - Алматы, 1996. - Т. 1. - С. 338-341.
- 40 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 75.
- 41 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 268.
- 42 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. - М., 1963. - Т. 2. - Ч. 1. - С. 268.
- 43 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 315-316, 318.
- 44 МИТТ. - М.-Л., 1939. - Т. 1. - С. 44.
- 45 МИТТ... С. 184.
- 46 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 234.
- 47 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 81-82.
- 48 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 235.
- 49 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. - С. 129, 256.
- 50 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80, 81.
- 51 История Казахской ССР. - Алма-Ата, 1977. - Т. II. - С. 18.
- 52 *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Древнейшая, древняя и средневековая история... С. 239.
- 53 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 94.
- 54 *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков в IX-XI вв. - Алма-Ата, 1972. - С. 108.
- 55 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. - С. 50-52.
- 56 *Бартольд В.В.* Общие работы по истории Средней Азии, работы по истории Кавказа и Восточной Европы // Соч. - М., 1963. - Т. 2. - Ч. 1. - С. 53.
- 57 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 54.
- 58 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 86-87, 89.
- 59 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. - С. 84.
- 60 История Казахской ССР. - Алма-Ата, 1977. - Т. I. - С. 66-67.
- 61 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - С. 330, 367; *Якубовский А.Ю.* Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI-XV вв.) // КСИИМК. - 1940. - Вып. 28. - С. 39-40.
- 62 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. - С. 134.
- 63 *Давидович Е.А.* Предисловие // Киргизия при караханидах. - Фрунзе, 1983. - С. 4-5.
- 64 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. - С. 134-135; *Гафуров Б.Г.* Таджики, история таджикского народа. Древнейшая, древняя и средневековая история... С. 134-135.
- 65 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. - С. 41-47; *Нуртазина Н.Д.* Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории исламизации тюрок... С. 58-64.
- 66 *Беляев Л.А.* De archaeologia abrahamica // Archaeologia abrahamica. - М., 2009. - С. 6.
- 67 *Беляев Л.А.* De archaeologia abrahamica... С. 6-7.
- 68 Case Studies in Archaeology and World religion // BAR. International Sr. Cambridge. - Oxford, 1999. - № 755.

- 69 *Беляев Л.А.* De archaeologia abrahamica... С. 8.
- 70 *Байпаков К.М.* Археология и культурное наследие Казахстана: Государственная программа «Культурное наследие» // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004». - Алматы, 2005. - С. 100; *Байпаков К.М.* Археология и культурное наследие Казахстана: Государственная программа «Культурное наследие» // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2005». - Алматы, 2006. - С. 166-167.
- 71 *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана - Islamic architecture and archaeology of Kazakhstan. - Алматы-Самарканд, Almaty-Samarkand, 2012.
- 72 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII в. С. 135.

ГЛАВА I

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГОРОДОВ в IX – начале XIII в.

В 1867 г. известный русский востоковед П.И. Лерх по заданию Императорского Русского археологического общества совершил поездку в Туркестанский край с целью обследования памятников Сырдарьи. Он осмотрел развалины Джанкента, Саурана, Сыгнака, Туркестана и составил отчет, в котором привел исторические сведения о средневековых городах юга Казахстана, охарактеризовал развалины некоторых из них. Ряд городов был сопоставлен им с конкретными городищами.¹

Небольшой по объему отчет П.И. Лерха явился первой работой по исторической географии средневекового Казахстана. Его исследования были продолжены В.В. Бартольдом, уделявшим этому вопросу много внимания.²

В дореволюционное и советское время это научное направление успешно развивалось. Особенно интересными являются работы В.А. Калаура и других членов Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 году в г. Ташкенте.³

В конце 40 - начале 50-х годов в городах Казахстана работала Южно-Казахстанская археологическая экспедиция во главе с А.Н. Берштамом и Е.И. Агеевой. В публикациях, посвященных исследованиям экспедиции, большое внимание было уделено вопросам локализации средневековых городов.⁴

Пристальное внимание городищам и локализации древних городов уделил С.П. Толстов, возглавлявший Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию АН ССР, работавшую в Приаралье, в низовьях Амударьи и Сырдарьи.⁵

Много интересных сопоставлений городов письменных источников и археологических городищ содержат работы А.Х. Маргулана.⁶ Вопросы местонахождения городов Казахстана затрагивались им в ряде специальных статей и обобщающих работ.⁷

Археологические исследования ЮККАЭ выявили много нового. Был открыт ряд ранее неизвестных городищ, уточнена датировка некоторых, описанных в прошлом памятников долины Арыси, левобережья Сырдарьи, предгорьев Каратау, Приаралья, Центрального Казахстана. Исследования последних лет изменили представление о масштабах оседлости и земледелия, заставили иначе взглянуть на роль караванных путей в развитии урбанизации. В этот же период востоко-

ведами была проделана большая работа по выявлению и публикации средневековых письменных источников.⁸ Все это позволяет вернуться в предлагаемом исследовании к вопросам исторической географии средневековых городов эпохи развитого средневековья.

Локализация городов Южного Казахстана

Испиджаб, согласно сведениям письменных источников, считался крупнейшим городом на юге Казахстана. Он так же один из наиболее часто упоминаемых в исторических и географических сочинениях городов.⁹ К области Испиджаб причислялась вся местность на восток до долины Таласа и на северо-запад до Янгикента.¹⁰

Испиджаб был также одним из наиболее важных узловых центров на Великом Шелковом пути: в Испиджабе сходились важнейшие направления Шелкового пути - Тянь-Шанский, Сырдарьинский и Сарыаркинский. Из Испиджаба на юг шла дорога в Чач, Согд, Хорасан и далее в Афганистан, Иран, Индию.

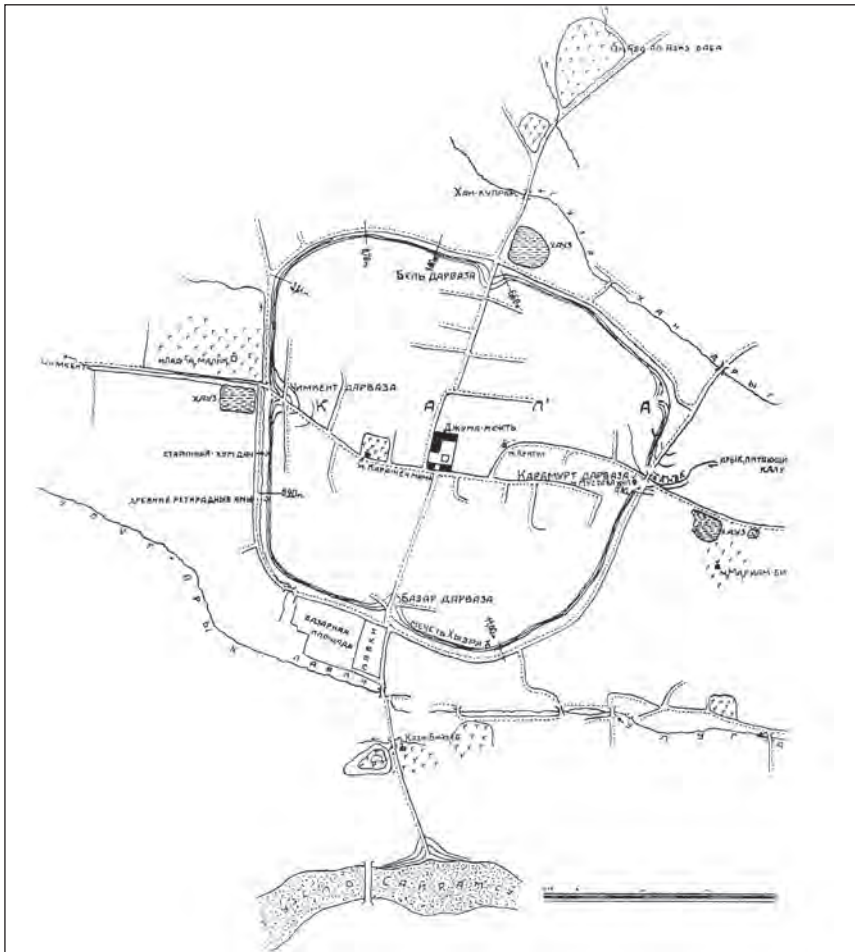

Рис. 1. Городище Сайрам. План

Из этого города вниз по Сырдарье шел караванный путь через присырдарьинские города в Приаралье, оттуда в Хорезм, Мангыстау, Поволжье, на Кавказ, Крым, Европу.

На север через перевалы в горах Каратау шли дороги в степи Центрального Казахстана к ставкам и городам Дашт-и Кыпчака и поселениям металлургов-плавильщиков меди, серебра и золота. Осюда дороги вели на Алтай и в Сибирь. На Восток из Испиджаба караваны двигались через Тараз, в долины рек Чу/Шу, Или, к берегам Иссык-Куля, в Китай, Монголию.

Месторасположение Испиджаба не вызывает сомнения в его локализации на месте городища Сайрам, вошедшего сейчас в границы расположенного в 12 км города Шымкента, оно определено Махмудом Кашгарским - выдающимся ученым XI века в сочинении «Словарь тюркских наречий». Он написал: «Сайрам - название Белого города (ал-Мединат, ал-Байда), который Испиджаб. Про него говорят также Сарьям».¹¹

В.В. Бартольд на основе анализа письменных источников составил характеристику Испиджаба-Сайрама: «Город Исфиджаб был втрое меньше Бинкета, его цитадель в X в. уже лежала в развалинах: остались только шахристан и рабад. Длина стен рабада равнялась фарсаху (в окружности). Шахристан имел четверо ворот: Нуджикетские, Фарханские, Шакранские и Бухарские; в нем помещались дворец, тюрьма, соборная мечеть и базары, среди которых Макдиси отдельно упоминает базар хлопчатобумажных тканей. Исфиджаб еще в большей степени, чем Бинкет был сборным пунктом «воинов за веру», для которых было построено множество рабатов (караван-сараев), по Макдиси, до 1700».

Упоминается рабат нахшебцев (рабад бухарцев и рабад самаркандцев), они часто были построены на деньги, пожертвованные каким-нибудь вельможей: таким был рабад Кара-тегина, управляющего Исфиджабом при Насре б. Ахмеде; здесь была его могила и рядом с ней могила его сына Мансура, умершего в 640/951 г., там же находился основанный Кара-тегином базар, доход с которого (700 дирхемов в месяц) был предназначен на покупку хлеба и другой пищи для бедняков. Здания города были построены из глины».¹²

Мнение В.В. Бартольда о тождестве Исфиджаба-Сайрама и локализации города на месте городища в с. Сайрам получило распространение в научной литературе.¹³ Однако есть и другие высказывания о месторасположении Испиджаба. Так, М.Е. Массон, который исследовал топографию городища Сайрам, открыл длинные стены, окружавшие некогда, по его мнению, рабад города. Он обнаружил остатки, по крайней мере, двух рядов стен. Расстояние внешнего кольца стен от центра городища соответствует не менее 7,5 км. Поэтому он предположил, что это остатки стен, которые были сооружены по приказу Нуха ибн Асада Самани после завоевания им области Испиджаб в 840 г. вокруг виноградников и пашен жителей для защиты от кочевников.¹⁴ Вот

как об этом писал ал-Белазури в сочинении «Китаб футух-Ал-булдан» во второй половине IX в.: «и завоевал Кутейба весь Шаш и достиг Испиджаба. И говорят: взятие крепости Испиджаб было в старину, потом завладели ею турки и с ними группа людей из жителей Шаша, потом взял его Нух ибн Асад в Халифат Эмира правоверных Мутасима Биллаха и построил вокруг него стену, окружающую виноградники и посеы жителей.¹⁵

В целом, соглашаясь с локализацией Испиджаба на месте Сайрама, М.Е. Массон, все же ссылаясь на некоторые несовпадения своих археолого-топографических исследований и данных письменных источников, таких как «отсутствие цитадели», считал то, что Испиджаб, который он исследовал, лежит не на равнине, как пишут средневековые авторы, а в холмистой местности. В то же время, ссылаясь на описание местности Сайрама у Чань-Чуня, он находит, что характеристика местности Испиджаба-Сайрама, данная даосским монахом, совпадает с нынешней местностью вокруг Сайрама. И заключает свою статью о Сайраме следующими словами: «Все эти сопоставления и противоречивые известия письменных источников заставляют с осторожностью отнестись к категорическим утверждениям об идентичности современного Сайрама древнему Испиджабу.¹⁶

Он писал: «Остатки старого Сайрама сами по себе не дают пока права отрицать предположение, что Испиджаб лежал где-то к западу от Сайрама, на равнине, в долине Бадама. Последнее отнюдь не представляет заключительного вывода автора.¹⁷

Сомнения в выводе о тождестве Испиджаба и городища Сайрам высказывали А.Н. Бернштам и Е.И. Агеева, которые отметили, что в подъемном материале с городища Сайрам имелось лишь незначительное количество караханидской керамики X-XI вв. и отсутствовала согдийская керамика VII-VIII вв.¹⁸ И, наконец, сомнения о локализации Испиджаба на месте Сайрама высказал Б.А. Байтанаев.

В своих статьях он отмечает, что археологические раскопки, проведенные под его руководством на городище Сайрам, не дали массовых находок материалов раннесредневекового времени. И поэтому, считает он, центр Испиджаба находился в другом месте, по крайней мере, до завоевания города саманидами.¹⁹ Однако в другой статье Б.А. Байтанаев утверждал, что «с выводами о сомнении идентичности Испиджаба и Сайрама мы согласны». При этом он критиковал М.Е. Массона, которому на этот момент был незнаком перевод текста М. Кашгарского об Испиджабе-Сайраме.²⁰

Надо отметить, что в свое время Г.И. Пацевич, отвечая на отрицания М.Е. Массоном, А.Н. Бернштамом и Е.И. Агеевой тождества Испиджаб-городище Сайрам и на их предложения искать Испиджаб в другом месте, в частности, в долине р. Бадам, заметил, что крупного городища в предгорной части, в долине Бадама и в верховьях Арыси, нет.²¹

Призывы искать такое городище не увенчались успехом и сейчас, спустя много лет после появления статьи А.Н. Бернштама. Такого памятника не найдено, несмотря на долгие и тщательные поиски и исследования.²²

Поэтому тождество Белый город – Испиджаб – Сайрам надо признать доказанным.

Неподалеку от Сайрама находится и городище Шымкент.

Шымкент впервые упоминается в событиях 1366 г. в сочинении Шереф ад-дина Йезди «Зафар-наме». Это была деревня около Сайрама.²³

Новые исследование городища, изучение его стратиграфии и хронологии позволило определить время жизни на городище III-II вв. до н. э. - XIX в.²⁴ Городище, по мнению К.М. Байпакова, отождествляется с городом Хурлуг.²⁵ Однако есть мнение, что Шымкент XIV в. ранее, в VII-VIII вв., называли Нуджикет (Нучизцань), что это сопоставление, видимо, не соответствует действительности.²⁶

Город под названием *Маданкет* есть в списке городов округа Испиджаб. Арабский географ XII-XIII вв. Якут пишет: «Маданкет - одно из селений Испиджаба», «Манкет - город в окрестностях Испиджаба».²⁷ Древнее наименование средневекового населенного пункта сохранилось до настоящего времени в названии города Манкент, расположенного в 20 км северо-восточнее Сайрама. Рядом с Манкентом находится средневековое городище Булак-Ковал.²⁸ Городище имеет вид плоского подчетыреугольного бугра с хорошо видимыми цитаделью, шахристаном и рабадом, оно датируется IX-XII вв. Отождествление Булак-Ковала с Маданкетом (Манкетом) вполне оправдано.

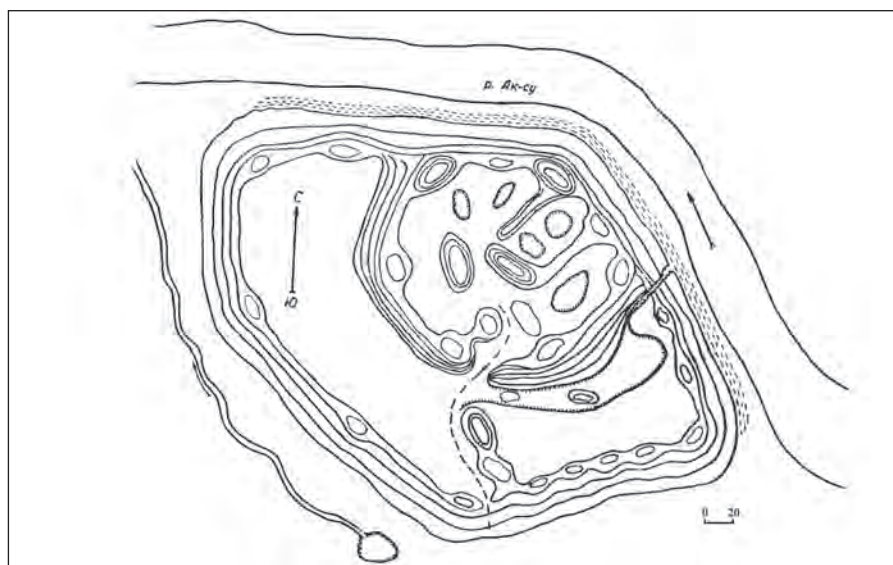

Рис. 2. Городище Булак-Ковал. План

Рядом же с Испиджабом находился и город *Джумишлагу*. Ал-Макдиси писал о нем: это «... большой и обширный город, в нем есть проточная вода. Туда переселилось много воинов. Соборная мечеть в отдалении от рынков».²⁹

Город Джумишлагу, на наш взгляд, следует искать в долине р. Кумуш, притока Арыси, и его можно отождествить с городищем

Тортколь-тобе, исследования которого дали интересный материал, в том числе и керамику X-XI вв.³⁰

Восточнее Испиджаба, на караванном пути в Тараз, согласно Ибн Хордадбеку и Кудама, находились следующие населенные пункты: *Шараб, Будухкет, Тамтадж, Абарджадж, Джувикат*. Первые два находились недалеко от Испиджаба. Между Испиджабом и Шарабом расстояние равнялось четырем фарсахам «по пустыне, в которой две большие реки: одна называется Мава, другая - Юган». Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич локализовали Шараб на месте городища Торткуль у с. Балыкчи.³¹

От Шараба до Будухкета, по свидетельствам Кудама, - «4 фарсаха по колодцам».³² Ал-Макдиси указывает, что «от Испиджаба до Будухкета - один дневной переход и затем до Тараза - дневной переход».³³ Будухкет отождествлялся с городищем Казатлык, в районе с. Ванновки, датируемым IX-XI вв. Новые материалы, полученные в результате археологических исследований, позволяют пересмотреть локализацию этих городов.

Сейчас убедительно доказано, что Шараб, а точнее Шаваб (Черная вода, Черная речка), отождествляли с городищем Ишкургантобе, расположенном на Черной речке (Карасу), а городище Тортколь Балыкчи отождествлялось с городищем Будухкет.³⁴

Северо-западнее Испиджаба находился округ Кенджида, центром которого был город *Усбаникет (Субаникет, Арсубаникет)*.³⁵ Согласно ал-Истахри, от «Испиджаба до Усбаникета перехода два дня».³⁶

В персидском географическом сочинении X в. «Худуд ал-Алем» сказано, что Саникес (Субаникет) - приятный, процветающий и богатый город.³⁷ В словаре автора XII в. ал-Самани говорится: «Усбаникет - один из городов Испиджаба, в большом дневном переходе от него».³⁸ Эти же сведения приводит арабский географ XII в. Якут.³⁹

В источниках монгольского времени Усбаникет уже не упоминался. В.В. Бартольд локализовал округ Кенджида в среднем течении Арыси.⁴⁰ Что касается Усбаникета, то этот город, по мнению ряда исследователей, отождествляется с городищем Жуан-тобе.

Но против такого отождествления свидетельствует установленный археологический факт отсутствия здесь слоя X-XII вв., времени, когда Усбаникет был столицей округа.

Археологические открытия последних лет позволяют предложить еще один пункт в качестве места расположения Усбаникета. Это средневековое городище Шор-тобе, расположенное от Жуан-тобе в 5 км вверх по течению Арыси и дожившее до XIV в.⁴¹

На Арыси стоял город Карасаман, который впервые упоминается в 1392 г. как место, где Тимур принимал послов Тохтамыша.⁴²

Карасаман Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем отождествляется с городищем Караспан вблизи с. Обручевка.⁴³ Раскопки на городище показали, что город возник еще в первые века н. э. и прошел в своем развитии периоды раннего и развитого средневековья, существовал

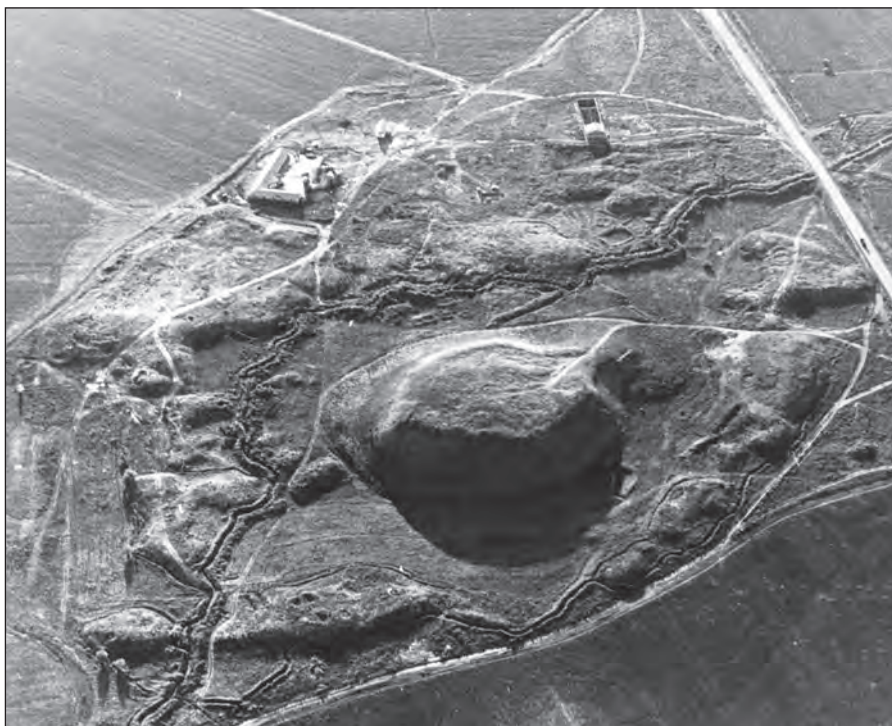

Рис. 3. Городище Караспан. Аэрофото

и был центром округа Кенджиде в X - начале XIV вв., а затем Кендже. Ниже Кенджиды от Арыси находился округ *Фараб-Отрар* с центром в одноименном городе. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль помещают округ Фараб в среднем течении Сырдарьи, в двух или трех переходах от Испиджаба, в одном дневном переходе от столицы округа Кенджида - Субаникета (Арсубаникета).⁴⁴ Округ Фараб занимал площадь около дня пути в длину и ширину. Ибн Хаукаль сообщает: «В нем есть укрепления и форты. В стране этой солончаковая почва и есть болота, и посевы к западу от фарабской реки». ⁴⁵ Главный город округа, по ал-Истахри, носил название Кедер и находился в полуфарсахе от реки. «Между Фарабом, Кенджидой и Шашем, - пишет Ибн Хаукаль - хорошие пастбища, (там) около тысячи семей тюрок, которые уже приняли ислам». ⁴⁶

О том, что *Фараб* более древний город, чем Кедер, свидетельствует сочинение ал-Макдиси (конец X в.). Он отмечает, что главный город носил имя округа - Фараб. Это был крупный город, так как он мог выставить до 70 тысяч войска, имел соборную мечеть в шахристане, базары - в рабаде. ⁴⁷ «Кедер, - поясняет ал-Макдиси, - был новым городом, устройство в нем минбара вызвало междоусобные войны». ⁴⁸

Кедер, по-видимому, оставался столицей до конца X в. По крайней мере, анонимный автор «Худуд ал-Алем» сообщает, что «Фараб - богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры - это место стечения купцов». ⁴⁹

Рис. 4. Городище Отрар. Аэрофото

После X в. Кедер навсегда исчезает со страниц исторических и географических сочинений, и в роли столицы одноименного округа выступает город Фараб.

Интерес представляет историческая обстановка, которая способствовала возвышению Кедера и временному оттеснению на второй план Фараба.

Во время политического господства в Средней Азии саманидов Фараб входил в округ Испиджаб, который в X в. управлялся своей тюркской династией и пользовался «важными привилегиями, даже свободой от податей». Для саманидов Испиджаб являлся форпостом на северных границах. По словам ал-Макдиси, «это славная пограничная крепость и место войны за веру». В X веке саманиды выпускают в Фарабе монеты⁵⁰.

Опасаясь набегов тюрков, Саманид Нух б. Асад велел построить в Испиджабе «стену вокруг виноградников и пашен жителей»,⁵¹ не ограничиваясь только оборонительными мерами.

Саманиды совершают и военные походы вглубь тюркской территории.

В 859 г. в области Шавгара было убито несколько тысяч человек.⁵²

В IX в. Фараб подчинялся тюркам-карлукам, о которых сообщает Ибн Хордадбех.⁵³

В начале X в. здесь доминируют огузы. Ибн Хаукаль в числе жителей Фараба, Сайрама, Сюткенда называет и огузов.⁵⁴ По сведениям ал-Истахри: «Пределы страны гузов - то, что находится между хазарами и кимаками, страной карлуков и болгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Испиджаба».⁵⁵ Далее он уточняет: «Все границы Мавераннахра - место военных действий от Хорезма до окрестностей Испиджаба с тюрками-огузами, от Испиджаба до отдаленных мест Ферганы с тюрками-карлуками».⁵⁶ Данные письменных источников достаточно убедительно свидетельствуют о господстве огузов в IX-X вв. в долине Сырдарьи, предгорьях Каратау, в районе Фараба и Кенджида.⁵⁷ Их широкое расселение связано с образованием в конце IX - начале X в. державы сырдарьинских ябгу.⁵⁸

Гибели огузской державы способствовали кипчаки. По ал-Макдиси, в конце X в. они располагались близ Саурана. Ослабленная внутренними противоречиями держава ябгу окончательно пала под ударами кыпчакских племен к середине XI в.⁵⁹ Как видно из этого экскурса в область политических отношений в долине Сырдарьи и на юге Казахстана, время возвышения Кедера до ранга столицы области Фараб совпадает с периодом сложения и усиления здесь государства огузов.

Скорее всего, Кедер являлся городом-резиденцией наместника огузского ябгу. В период кризиса державы огузов в конце X в. - начале XI в. Кедер также переживает упадок.

Кедер находился недалеко от Отрара-Фараба⁶⁰ и отождествляется с городищем Куйрыктобе.⁶¹

В источниках XI в. Фараб как область названа Абу Рейхан Бируни в «Тaufхиме», составленном между 1029 и 1034 гг. «Шестой иклим, - пишет он, - начинается с обиталищ восточных тюрок: каи, кунов... страны туркмен, Фараба, страны хазар...».⁶²

Мухаммед ибн Неджиб Бекран писал в своем сочинении «Джихан-наме» на основании материалов X-XI вв. следующее: «Местопребывание огузов вначале было в Тарабе (Фарабе) и на Джэндском море, по обе стороны реки Чача».⁶³

По всей вероятности, Фараб, как и другие области, расположенные севернее Испиджаба, к середине XI в. вошел в состав одного из караханидских уделов.⁶⁴

Как город Фараб упоминается Якутом вместе с Испиджабом, Таразом, Субаникетом и Саураном в числе городов, разрушенных хорезмшахом Мухаммедом в 1211-1215 гг. во время борьбы с Кучлуком.⁶⁵

Нет упоминаний о Фарабе и в источниках XII в. В это время юг Казахстана и Средняя Азия подверглись нашествию каракитаев.⁶⁶

В конце XII - начале XIII в. усилившееся государство Хорезмшахов начало борьбу с каракитаями. На страницах исторических сочинений, описывающих походы хорезмшахов за Сырдарью, вновь появляется город Отрар.

Так, у Джувейни в «Истории завоевателя мира» в разделе, посвященном походу хорезмшаха Мухаммеда на каракитаев, сообщается, что, переправившись через Сырдарью, он встретил в долине Иламиш войско каракитайского Таянку и разбил его. На обратном пути отряды Мухаммеда взяли Отрар. Наместником Отрара стал Тадж ад-дин Бильге-хан, двоюродный брат Османа, владельца Самарканда.⁶⁷ Отрар подчинился Хорезму недолго. В 1218 г. здесь произошло событие, известное в истории Востока под названием «Отрарская катастрофа». Ее описывают Ибн ал-Асир и Рашид ад-дин. Первый из них сообщает: «Чингисхан отправил партию купцов и тюрков с большим запасом серебра, бобров и других вещей в города Мавераннахр, Самарканд и Бухару, поручив им купить для него материал на одежду. Пришли они в один из тюркских городов, называемом Отраром и составляющим крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник.

Когда к нему прибыл этот отряд, то он (наместник) послал к хорезмшаху уведомить об их прибытии и сообщить ему об их имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему.

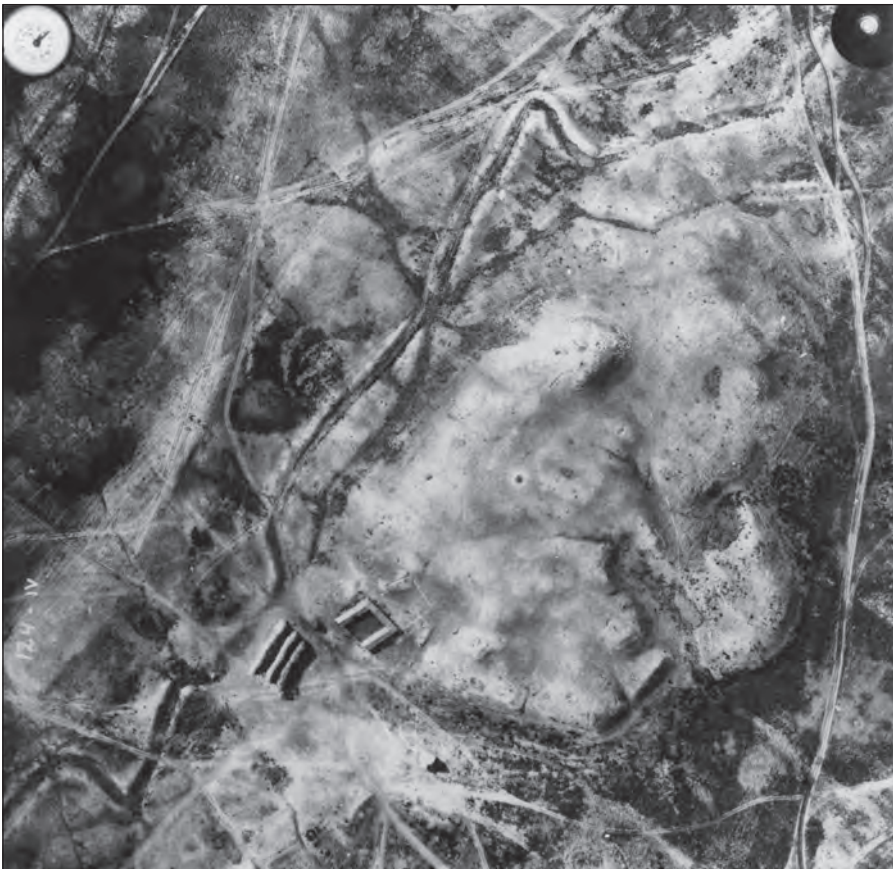

Рис. 5. Городище Куйрыктобе. Аэрофото

Он (наместник) убил их и отослал то, что при них было». ⁶⁸ Для таких действий было основание.

По сообщению Нисави, купцы обвинялись в шпионаже и запугивании жителей города «грядущим бедствием». В караване, кроме купцов, находились воины-кочевники, присоединившиеся к посольству по приказу Чингисхана. ⁶⁹

В качестве главного города округа Фараб в IX в. назван Кедер, который оставался столицей округа до конца X в. В «Худуд ал-Алеме» отмечается, что «Фараб - богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры - это место стечения купцов». ⁷⁰ Кедер, как выше отмечалось, соответствует городищу Куйрыктобе. Предпочтение можно отдать Куйрыктобе.

В округе Фараб имелось укрепленное поселение или город - *Весидж*, где жил «сильный эмир». Оно находилось на расстоянии двух фарсахов ниже Кедера.

Весидж приобрел широкую известность как родина Абу Насра аль-Фараби. Город фигурирует в источниках до XII в. ⁷¹

Весидж локализуется на месте городища Оксус, в урочище Ак-жар, в 20 км северо-западнее Отрара. ⁷²

В начале XIII века в районе Отрара находился город под названием *Зернук* (*Уджук-Зернук*). Именно здесь переправилась через Сырдарью армия монголов, причем Зернук, сдавшийся без боя, назван ими «Кутлуг-Балыг» ⁷³.

Есть предположение, согласно которому Зернук - новое название Оксуса. ⁷⁴

Дополнительным аргументом в пользу такого мнения является то, что у ал-Макдиси в реестре городов упомянут Зерах (Зернук) и нет Весиджа. Вместе с Зерахом назван Турар, который по отношению к Зераху был главным, поэтому иногда говорили Турар-Зерах. ⁷⁵ Согласно же Якуту, «Турарбанд. город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Турар и Отрар». ⁷⁶

На левом берегу Сырдарьи источники помещают город *Сюткент*. ⁷⁷

По сообщению Ибн Хаукаля, а это X в.: «Сюткент лежит к западу от реки Шаш (Сырдарья), в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из разных племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам и они жители города, храбры и воюют с тюрками и неподступились до них». ⁷⁸

В анонимном сочинении «Худуд ал-Алем» отмечено, что «Сюткент – место, изобилующее благами и расположенное на берегу реки, его население воинственное». ⁷⁹ Ал-Истахри причисляет город к округу Фараб. ⁸⁰

Махмуд Кашгарский причисляет Сюткент к городам огузов. ⁸¹

В Отрарском оазисе находился город *Бурук*, сведения о нем приводит ал-Макдиси. «Бурук, по его сведениям, старый (большой) [город], соборная мечеть на рынке». ⁸² Бурук локализуется на месте городища Бузук, в 20 км восточнее с. Шаульдер.

Оно является остатками крупного средневекового города. Бузук-тобе датируется на основании предварительных раскопочных работ первыми веками нашей эры - XV в.⁸³

К северо-западу от Кедера вниз, по течению Сырдарьи, лежал округ Шавгар с центром в одноименном городе. *Шавгар* отождествляется с городищем Торткуль 1 на р. Карачик. Шавгар по согдийски означает «черные горы», калькой этого названия является Карачик. Город Карачик назван в источниках как город огузов, в переводе с тюркского - «Черногорск».⁸⁴ Затем центр округа Шавгар перемещается в город Яссы, находящийся на месте городища Туркестан.

В округе Ясы - Туркестан находились города, о которых упоминают источники.

Рис. 6. Городище Бузук. Аэрофото

Так, город под названием *Шагильджан* приведен ал-Макдиси в списке городов округа Испиджаб.⁸⁵ Существует мнение, что Шагильджан соответствует городищу Ишкан.⁸⁶ Это неверно, поскольку старое название Ишкан-Карнак – город, хорошо известный по источникам.

Имя Шагильджан сохранило одно из городищ на южных склонах Каратау - Шага. Оно находится в 20 км северо-восточнее Туркестана, на окраине с. Шага (Чага). Городище датируется X-XVII вв.⁸⁷ Карнак же фигурирует в сочинении Махмуда Кашгарского.⁸⁸ Не вызывает сомнения локализация Карнака на месте городища Ишкан, которое расположено в с. Карнак.⁸⁹

Одним из наиболее известных средневековых городов Казахстана является *Сауран*. Его остатки, сохранившие древнее название, находятся

Рис. 7. Городище Тортколь I. Аэрофото

в 35 км северо-западнее г. Туркестана. Первые упоминания о городе относятся к X в. Известный арабский географ ал-Макдиси характеризовал его так: «Сауран (Савран, Сайран) - большой город, окруженный стенами, одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть находится во внутреннем городе. Он пограничная крепость против гузов и кипчаков».⁹⁰ Впоследствии о нем упоминают Ион ал-Асир и Якут как о крупном культурном и торговом центре.⁹¹

Долгое время вопрос о локализации Саурана X - начала XIII в. оставался дискуссионным, тогда как Сауран монгольского и послемонгольского времени, эпохи Ак Орды и Казахского ханства, безусловно, соответствует городищу Сауран.⁹²

И лишь после долгих поисков домонгольский Сауран был отождествлен с городищем Каратобе, расположенном в 2-3 км восточнее городища Сауран.⁹³

Город *Саганак*, который средневековые авторы называют в след за Саураном, получил широкую известность как центр кыпчакского государственного объединения XII в.⁹⁴ Первое упоминание о Сыгнаке (Сунаке) находится в анонимном персидском сочинении Худуда ал-Алем: «Сунак, небольшой город в области Фараб, очень богатый, откуда вывозятся в разные места очень хорошие луки».⁹⁵ В.В. Бартольд

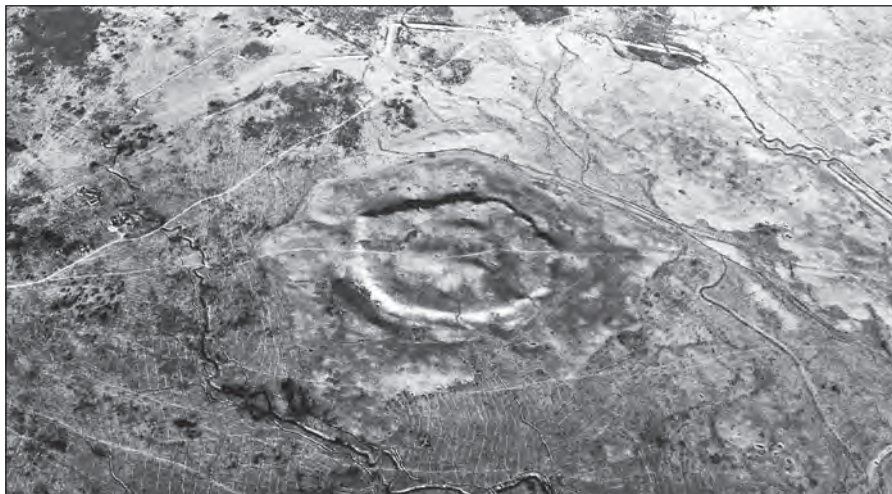

Рис. 8. Городище Каратобе. Аэрофото

отождествил город с развалинами городища Сыгнак - Сунак-Ата, расположенного рядом со станцией Тюмень-Арык.⁹⁶

Ниже по Сырдарье, на левом берегу находился город *Янгикент*.

В X в. Ибн Хаукаль среди сырдарьинских городов называет Янгикент и отмечает, что «он - столица государства гузов; там живет царь гузов».⁹⁷ Локализация Янгикента, предложенная еще П.И. Лерхом,

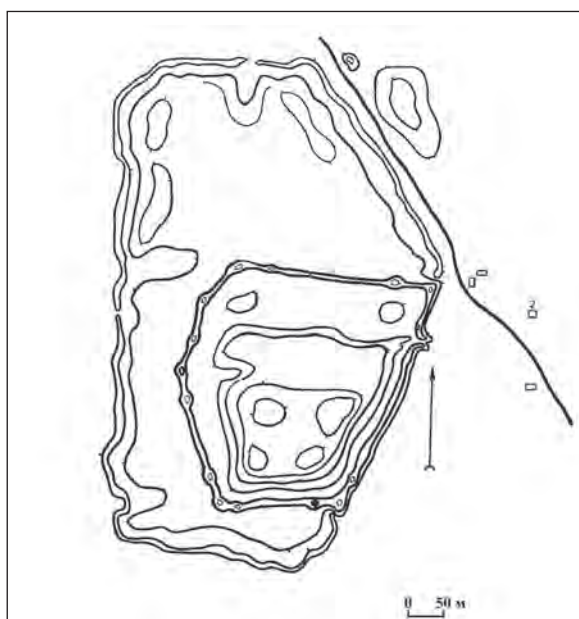

Рис. 9. Городище Сауран. План

не вызывает сомнений. Ему соответствует городище Джанкент, находящееся в 15 км от Казалинска, исследования которого составили одну из интересных страниц истории археологии.⁹⁸ Рядом с Янгикентом источники помещают город *Джувара (Хувара, Хора)*.

Рис. 10. Городище Кескен-Куюккала. Аэрофото

По мнению исследователей, Джувара, в противовес Янгикенту (новому городу), была старой столицей огузов. Остатки ее под названием Куюк-Кескенкала находятся недалеко от городища Джанкент, в 25 км южнее его.⁹⁹

В связи с завоеваниями монголов в Казахстане письменные источники упоминают еще два города, взятых ими штурмом, - *Барчынлыгкенд* (*Барчкенд*) и *Ашнас* (*Ашанас*). Они известны еще с XII в. как города, входившие в состав джендского владения кыпчаков.¹⁰⁰ Асанас бесспорно отождествляется с городищем Асанас, сохранившим имя средневекового города.¹⁰¹ Барчкенд, видимо, отождествляется с городищем Кыз-кала.¹⁰²

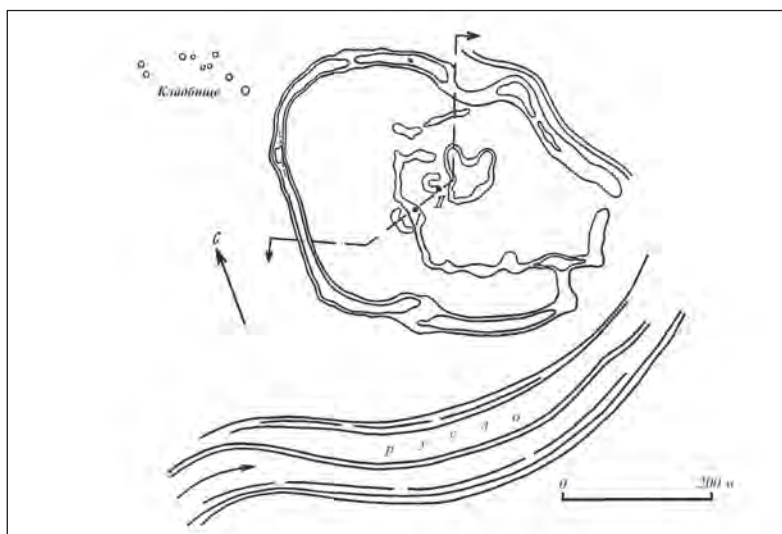

Рис. 11. Городище Асанас. План

Развитым районом городской культуры являлись северные склоны Каратау. Среди городов данного региона у ал-Макдиси названы города *Баладж* и *Берукет*. «Баладж - маленький город. Стены его уже пришли в разрушение, соборная мечеть - на базаре».

Берукет - большой город; он и Баладж - пограничные крепости против туркмен, которые (теперь) уже приняли ислам из страха (перед мусульманскими войсками). Стены его уже пришли в разрушение».¹⁰³

Город Баладж и Берукет следует локализовать на месте городища Баба-Ата и Тамды.¹⁰⁴

Рис. 12. Городище Тамды

Локализация городов Юго-Западного Жетысу

В отличие от Южного Казахстана, где многие из городищ сохраняют средневековые названия городов, в Юго-Западном Жетысу остались лишь единичные старые названия, но и это значительно облегчает локализацию городов. Такие топонимы, как городище Барскаун, городища Мирки и Аспара, давшие имена современным населенным пунктам Мерке и Аспара, и гидронимы - Аспара, Мерки, Талас позволяют локализовать города Барсхан, Мирки, Аспара, Тараз.

В среднем течении Таласа крупнейшим городским центром был *Тараз*. Он впервые упоминается в 568 г. в сочинении византийского историка Менандра. Он сообщает о посольстве византийского посла Демарха в ставку тюркского кагана Дизабула в городе Таласе.¹⁰⁵

Для первой половины VIII в. засвидетельствованы и другие названия города: Аргу-Талас, Алтун-Талас-улуш, Талас-улуш.¹⁰⁶

Один из важнейших вопросов к ученым-исследователям - это вопрос о времени возникновения города Тараза, поскольку ясно, что он появился гораздо раньше, чем о нем писал Менандр.

При этом надо подчеркнуть, что это был город с присущими ему функциями политического, экономического и культурного центра.

Небезынтересны в этой связи сведения письменных источников, повествующих о событиях середины I в. до н. э. и проецируемых на регион Таласской долины.

Как известно, в 55 г. до н. э. произошло разделение могущественной империи гуннов на две части - северную и южную. Владелец северных гуннов шаньюй Чжи-Чжи принял предложение государства Кангюй переселиться на берега Таласа, чтобы помочь Кангюю в борьбе с их противником - государством Усунь. Однако вскоре начались разногласия между Чжи-Чжи и верхушкой.

По словам китайского летописца: «в начале Чжи-Чжи-шаньюй стал думать сам о себе-как о большом государе».

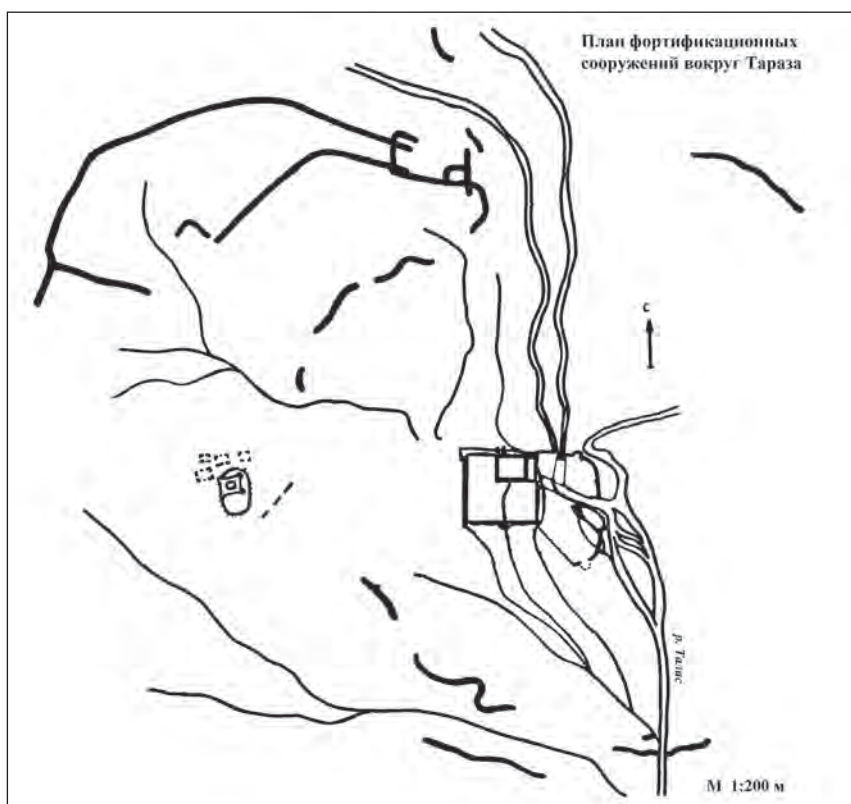

Рис. 13. Городище Тараз. План

Затем прославленный именем и осыпaeмый почестями и, кроме того, возгордившийся своими победами, отказался подчиняться обычаям кангюйского князя. В гневе убил дочь кангюйского князя, а так же именитых людей и несколько сотен простого народа, или же побросал их в реку Далас (Талас). Это привело к конфликту с кангюйцами и изгнанию Чжи-Чжи из ставки князя. Шаньюй должен был уйти в верховья Таласа и искать себе убежище, рассчитывая на собственные силы. Здесь он

начинает строить город, предполагаемую столицу будущего гуннского государства. Ежедневно на постройке города работало более 500 человек».

После того, как крепость была построена, владетель гуннов был осажден в ней объединенным китайским и кангюйским войском, посланным для уничтожения гуннов. Ставка Шаньюя Чжи-Чжи была взята штурмом, а сам он и его ближайшие сподвижники убиты.¹⁰⁷

Эти сведения дают перспективу для поисков «города Чжи-Чжи», а так же для изучения кангюйских поселений, относящихся к концу последних веков до н. э. и первых веков н. э.

В 629 г. Тараз (Далосы) описывает китайский полемник Сюань Цзянь: «Пройдя 140-150 ли на запад от Цяньцюань, мы прибыли в город Далосы. Город в окружности 8-9 ли. В нем смешанно живут купцы из разных стран и хусцы (согдийцы). Земля и климат такие же, как в Суйе. Примерно в 10 ли на юге от него есть небольшой одиночный город с населением около 300 дворов. Это, собственно, люди из Срединного царства. Некогда они были взяты в плен Туцзюэ, но впоследствии объединились в землячество и осели в этом городе, живя в его центральных усадьбах. Когда же одежда изнасилась, они стали одеваться как Туцзюэ, но их язык, обычаи и законы такие же, как в Китае».¹⁰⁸

В VII в. Тараз стал крупным городом, игравшим важную роль на трассе Великого Шелкового пути.

Именно с этого времени его известность распространяется повсеместно благодаря сведениям о нем, содержащимся в маршрутных, древних хрониках и географических сочинениях. В 751 г. Тараз и часть юго-западного Жетысу были завоеваны арабами, но с 766 г. город вошел в состав владений карлуков, а в конце IX в. подчинился саманидам.

В 893 г., как пишут источники, Исмаил ибн Ахмад пошел войной на Тараз и перенес много трудностей. В конце концов, эмир Тараза сдался на милость победителя и с многочисленными дехканами принял ислам.

При этом Исмаил ибн Ахмад «взял столицу царя их и пленил его (царя), жену его - хатун и около 10 000 (человек). Он убил многих из них, а забрал так много верховых животных, что нельзя было и сосчитать. Каждому мусульманскому всаднику при разделе досталось из добычи 1000 дирхемов».¹⁰⁹

Наршахи подчеркивает, что при взятии Тараза Исмаилом ибн Ахмедом и Эмир владетель города, и дихканы вынуждены были покориться, главная церковь была превращена в мечеть.¹¹⁰

Знаменитый географ X в. ал-Макдиси так характеризует город: «Тараз большой, укрепленный город со множеством садов, густо заселенный, у него ров, четверо ворот и населенный рабад. У ворот медины большая река, за ней часть города, через нее есть переход. Соборная мечеть среди рынков».¹¹¹ Он также отмечает, что из Тараза вывозятся козьи шкуры.¹¹²

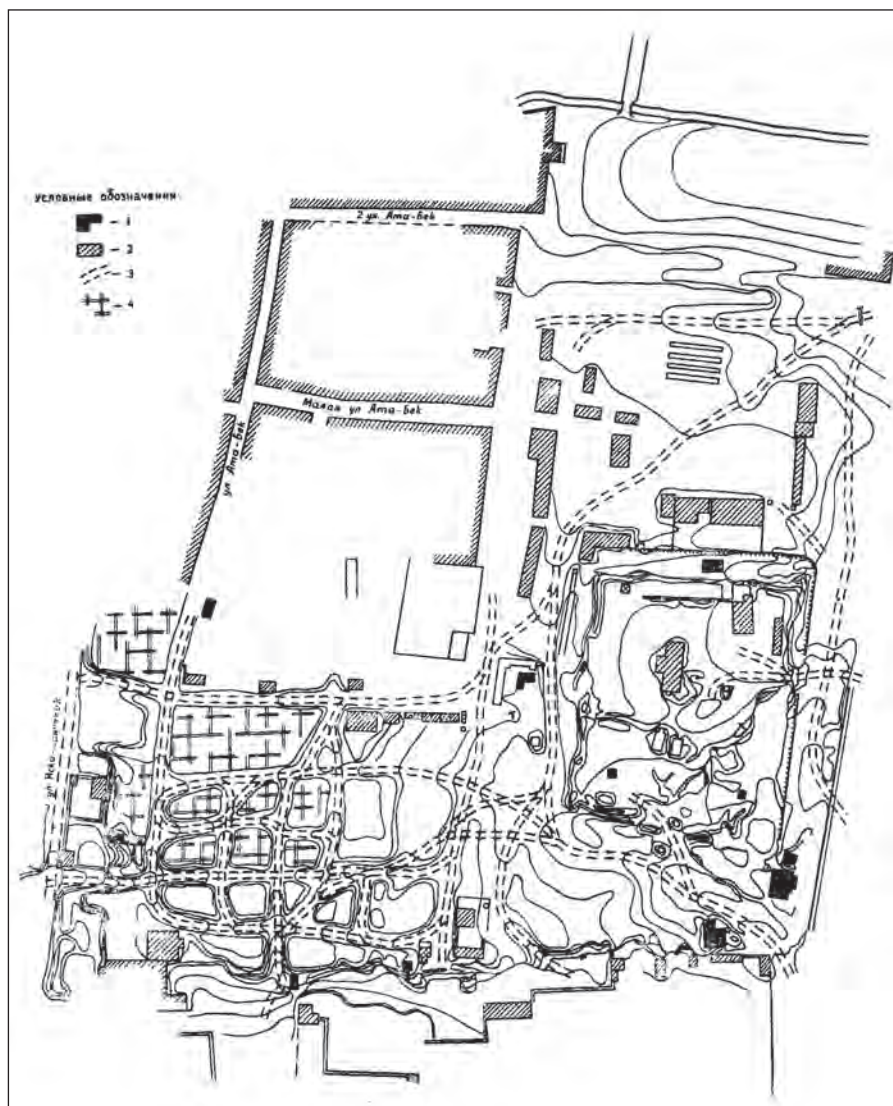

Рис. 14. Городище Тараз. План (северо-восточный угол)

Махмуд Кашгарский, автор XI в., подчеркнул что: «жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Также жители Тараза и жители Белого города (Мадинат ал-Байда)».¹¹³

В словаре Якута ал-Хамави (XI в.) есть сведения о Таразе: «Тараз -конец пятого климата, долгота его 100° 30' и широта его 40° 25'.

Это город, близкий от Испиджаба, один из пограничных тюркских крепостей, он близок к тому, который перед ним.

Тараз также квартал в Исфагане, он восходит к нему. Многие купцы из жителей Тараза селились в нем.¹¹⁴

В конце X-XI в., после завоевания Жетысу, Южного Казахстана и Средней Азии династией караханидов, Тараз стал столицей одного из уделов нового государства.

В начале XIII в., в смутную для Жетысу и Средней Азии пору, накануне монгольского нашествия, когда разворачивалась борьба за господство в Средней Азии между каракитаями, найманами и хорезмшахом Мухаммадом Тараз несколько раз переходил из рук в руки и был разрушен.

Остатки древнего и средневекового Тараза, по мнению В.В. Бартольда, М.Е. Массона, А.Н. Бернштама, Т.Н. Сениговой, находятся на территории центральной части Тараза (район базара). Это самое крупное городище региона, место, где были сконцентрированы многочисленные остатки строительных построек и откуда и происходят яркие археологические находки, сделанные случайно.¹¹⁵

Отождестве Тараза и городища, о котором сказано выше, свидетельствуют материалы раскопок.

Постройки его возведены из сырцового кирпича. Керамика из слоя отличается разнообразием видов, своеобразием декора. Найдены грушевидные кувшины и краснолощенные кружки, близкие по форме металлическим сосудам, с крышками, оформленными резным орнаментом, а также форма для отливки головы глиняной фигурки, сосуд с сирийской надписью.

Слой VIII-X вв. свидетельствует об интенсивной жизни города в этот промежуток времени. Хорошо датируется находками тюркешских монет VII-VIII вв. Остатки помещений с полами из жженого кирпича 22х22х5 см, булыжные вымостки свидетельствуют об изменениях в строительной технике. Раскопки в различных частях городища вскрыли строительные комплексы и постройки разных периодов жизни Тараза. В шахристане, у восточного угла раскопана баня. Здание бани в плане почти квадратное. Размеры его 13,5х12,5 м.

При раскопках найдены семнадцать медных бухарских монет, датированных XI в.

Ко времени постройки бани относятся и остатки городских благоустройств, обнаруженные при раскопках.

Известность в связи со сражением между арабами и китайцами в 751 г, получившее название «Таласская битва» приобрел город Таласской долины – *Атлах*.¹¹⁶ А.Н. Бернштам отождествил Атлах с городищем Джуван-тобе, датированным VI-XII вв.¹¹⁷

Об Атлахе у ал-Макдиси было написано: «Атлах большой город, приближается по площади к главному городу, вокруг него стена. Большая часть его - сады, а в рустаке его преобладают виноградники. Соборная мечеть в медине, а рынки в рабаде».¹¹⁸

Предположение А.Н. Бернштама подтвердилось находкой рунической надписи на каменной поделке, найденной на городище Джувантобе. Надпись из пяти знаков читается без труда и содержит одно слово - Атлах, буквально «место переправы, перевала».¹¹⁹ Город *Джамукат-Хамукат* удалось достаточно обоснованно отождествить с городищем Костобе, расположенном на правом берегу р. Талас, напротив с. Михайловка, сейчас Сары-Кемир. Его топография и застройка близка

другим согдийским городам Жетысу. Здесь раскопан дворец в цитадели VI-XII вв. с парадными и культовыми залами, украшенными резным шtukом и росписями, изучен некрополь VI-X вв.¹²⁰

Город Джамукат-Хамукат был основан выходцами из города Бухары. Историк X в. Наршахи пишет об этом так: Правитель города Бухары Абруй «стал жестоко править этой областью так, что терпение жителей истощилось. Дихкапы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат, потому что великий дихкан, бывший во главе переселившихся, назывался Хамук, что на языке бухарцев, означает жемчуг, а Кат значит город. Таким образом, название это означало - город Хамука. Вообще бухарцы называют «хамуками» своих вельмож».¹²¹

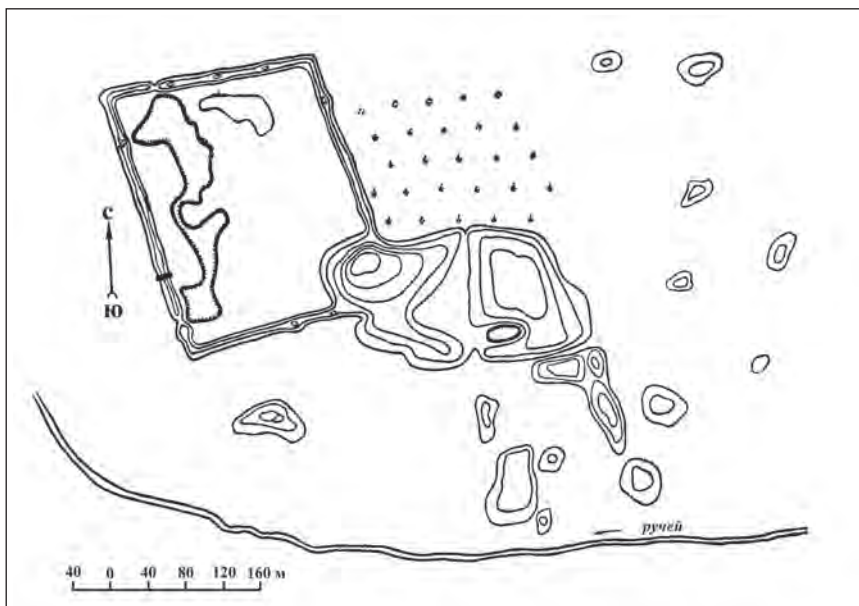

Рис. 15. Городище Джувантобе. План

Не вызывает сомнений локализация *Нижнего Барсхана*, расположенного восточнее Тараза на расстоянии 3 фарсахов.¹²² В 20 км восточнее Тараза находится городище Тортколь-тобе, которое отождествляется с Нижним Барсханом.¹²³ Рядом с Таразом находился город *Джикиль*, упомянутый в 629 г. Сюан-Цзяном под именем Чигиль, назван в описании его путешествия как город, где жили поначалу «племенные китайцы».

Этот «китайский город» продолжал жить и в эпоху развитого средневековья. Автор XI в. Махмуд Кашгарский приводит легенду об основании города Александром Македонским. Он также связывает город с именем джикилей.¹²⁴ А.Н. Бернштам помещал *Адахкес* и *Дех-Нуджикес* в долине р. Асса и отождествлял их с городищем Каракемир.¹²⁵ Л.И. Ремпель искал Дех-Нуджикес в дальних низовьях Таласа и отождествлял с городищем Шарвашлык.¹²⁶

Б.А. Байтанаев предложил отождествить Дех-Нуджикет, он называет его Нуджикес, с городищем Шымкент, вблизи Испиджаба.¹²⁷ Адахкет, Б.А. Байтанаев называет его Дахкет, который также находился в округе Тараза, Б.А. Байтанаев предложил отождествить с городищем Жыланбузген. Оно находилось в 14-15 км южнее села Сайрам.¹²⁸

Научная дискуссия о локализации двух этих городов возвращается к признанию предложения А.Н. Бернштама.

Путь к этим двум городам арабский географ Ибн ал-Факих ал-Хамадани, написавший свое сочинение «Китаб ахбар ал-булдан» в начале X в., охарактеризовал так: «Спросили мы его путь к кимакам от Тараза. Он сказал, что дорога лежит влево от Тараза к двум

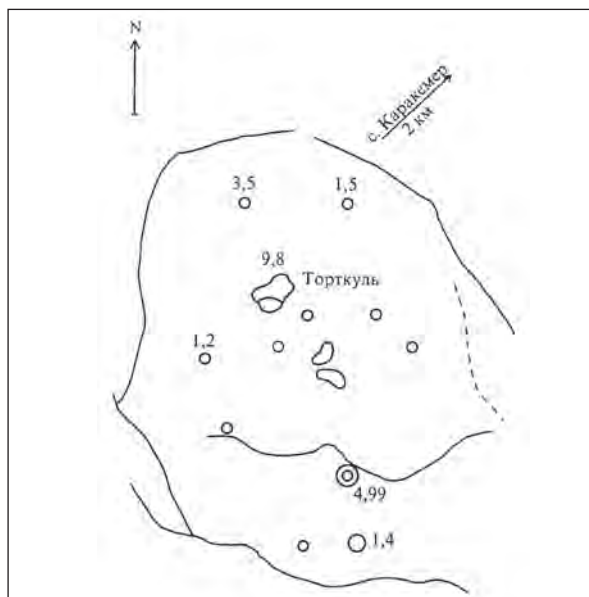

Рис. 16. Городище Каракемир I и II. План на основе космоснимка

многочисленным и цветущим деревьям в местности, которая называется Кавакиб. Эти деревни находятся на расстоянии 7 фарсахов. От этой местности до царя кимаков путь в 80 дней для усердного всадника с запасом провианта».¹²⁹

У ал-Макдиси, в чьем сочинении приводится характеристика двух этих городов, говорится: «Адахкет - большой (город), соборная мечеть, внутри рабад населен, в нем рынки, у него (города) много рабадов». «Нуджикес - маленький город, в нем рынок три месяца весной: мясо без костей продается за 4 мана за дихрем. Он был большим (городом), но когда Исмаил ибн Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем в нем много построек, он укреплен и имеет цитадель».

Более уверенно можно отождествить эти два города с расположенными рядом, в 2 км одно от другого, городищами Каракемир 1 и Каракемир 2 на р. Асса. Оба они имеют общую сельскую округу, окруженную длинной стеной. Она, видимо, и называлась местностью Кевакет (Кевакиб).

Расстояние, указанное средневековыми авторами, равняется 7 фарсахам, что соответствует участку дороги от Тараза в 30 км на северо-запад и в 10 км (7 фарсахов) от Тараза.¹³⁰

Сейчас имеется возможность уточнить направление Шелкового пути на участке от Абарджаджа, который вслед за Г.И. Пацевичем¹³¹ можно сопоставить с безымянным городищем в местности Мынбулак вблизи с. Кремневка. Следующим населенным пунктом за Абарджаджем была «станция на Баркуабе».¹³²

В свое время В.В. Бартольд отождествил Баркуаб («обратно-текущая вода») с рекой Терс.¹³³ На Терсе в районе бывшего села Бурно-Октябрьское (Турара Рыскулова) расположены три небольших городища, существовавших в VII-XII вв., каждое из которых может соответствовать «станции на Баркуабе».

Отсюда древний караванный путь шел не по нынешней автомобильной трассе Шымкент - Тараз через Куюкский перевал, а южнее, по берегу Асы. Именно здесь проходила и старая почтовая дорога.¹³⁴

Кудама в своем дорожнике пишет, что после переправы через Баркуаб «до Шавгара, горы точильного камня, 3 фарсаха от Шавгара до Джувиката 2 фарсаха по пустыне... от Джувиката до города Тараза... 2 фарсаха».¹³⁵

Это описание соответствует и современному характеру местности: узкий каньон Асы прорезает хребет Каратау (Шавгар - «Черные горы»), который подходит своим юго-восточным концом к Таласскому Алатау. Долина реки богата выходами черных сланцевых пород - «точильного камня».

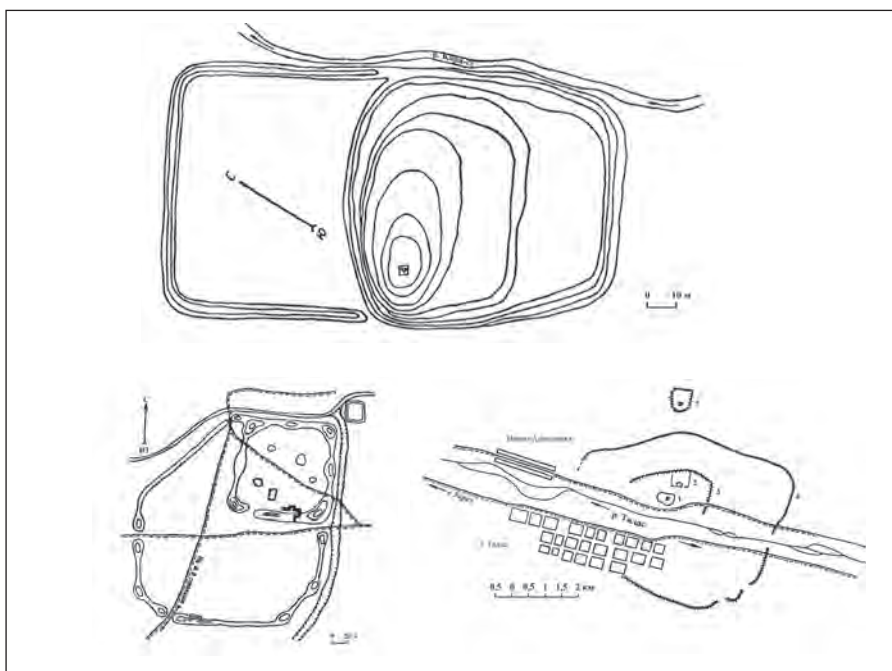

Рис. 17. Городища на реке Терс. Планы

В более подробном переводе Кудамы есть даже упоминание о каменоломнях Шавгара.¹³⁶

От берегов Ассы путь шел по каменистой безводной местности до Джувиката. Единственное на участке от Баркуаба до Тараза крупное городище здесь - Бектобе, которое находится в 15 км западнее Тараза. По общему мнению, оно и соответствует городу Джувикату.¹³⁷

В долинной части Тараза находился город *Кенджак-Сенгир*, названный впервые в XI в. Махмудом Кашгарским.¹³⁸ После монгольского нашествия город продолжал существовать под названием Кенджак, Источники сообщают: «Янги - это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один - Янги, другой - Янги-Балык, третий - Кенджак, последний - Тараз».¹³⁹

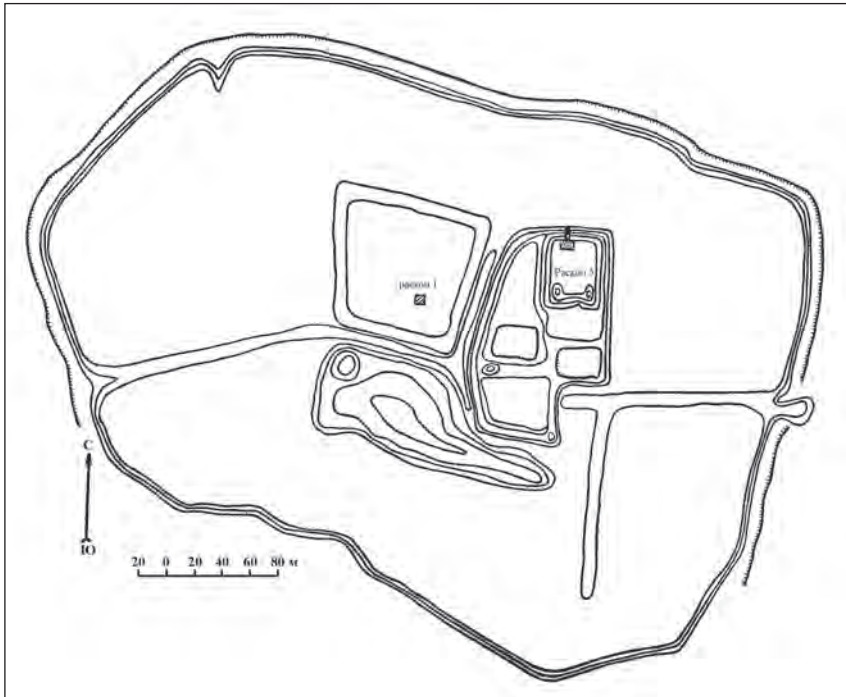

Рис. 18. Городище Актобе Таласское. План

Кенджак находился севернее Тараза, судя по данным Г. Рубрука: «...на седьмой день к югу от нас стали видны очень высокие горы и мы выехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли... Мы въехали в сарацинский город по имени Кинчат... На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам... Я спросил о городе Талас, в котором были немцы-рабы Бури. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Менгу-хана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас возле гор, на шесть дней пути».¹⁴⁰

Скорее всего, Кенджаку соответствует городище Шарвашлык, а селению, которого Рубрук достиг на следующий день, - Оххум. Оба городища имеют слои XIII-XIV вв.

В горной части Таласской долины располагались города, связанные с горнодобывающим и горно-металлургическим производством.¹⁴¹ Это *Шельджи*, *Куль*, *Текабкет* и *Сус*.¹⁴²

Среди исследователей нет разночтений относительно местонахождения городов: *Шельджи* идентифицируется с городищем Садыр-Курган, *Куль* – с Актобе Орловским, *Текабкет* – с Актобе Таласским и *Сус* – с городищем Чалдовар.¹⁴³ Первым населенным пунктом на пути из Таласской в Чуйскую/Шуйскую долину после нижнего Барсхана, отождествленного, как выше отмечалось, с городищем Тортколь был *Касрибас*. Он отождествляется с городищем Ахырташ. Идентичность подтверждается интерпретацией Ахырташа как дворцовой постройки в ставке карлуков.¹⁴⁴

Кудама писал о Касрибасе: «Это теплое место, где зимуют карлуки, а поблизости от него зимовье халаджей»,¹⁴⁵ показательное, что именно здесь обнаружены многочисленные древнетюркские некрополи.¹⁴⁶

От Касрибаса насчитывалось 4 фарсаха до *Куль-Шуба* и еще 4 - до *Джусль-Шуба*.¹⁴⁷

Они отождествляются с городищами Орнек и Культобе, которые по своей топографии и расположению в предгорной полосе Кыргызского Алатау соответствуют дефиниции ставок. Вот как характеризует *Куль-Шуб* в своей работе «Китаб ал Харадж» Кудама: «От Касрибаса до *Кульшуба* 4 фарсаха, а он такой же, как Касрибас, направо от него гора, где много плодов, клевер и горные овощи».¹⁴⁸

Города *Кулан*, *Мирки* и *Аспара* на трассе Шелкового пути локализируются достаточно уверенно. Городища *Мирки* и *Аспара* сохранили

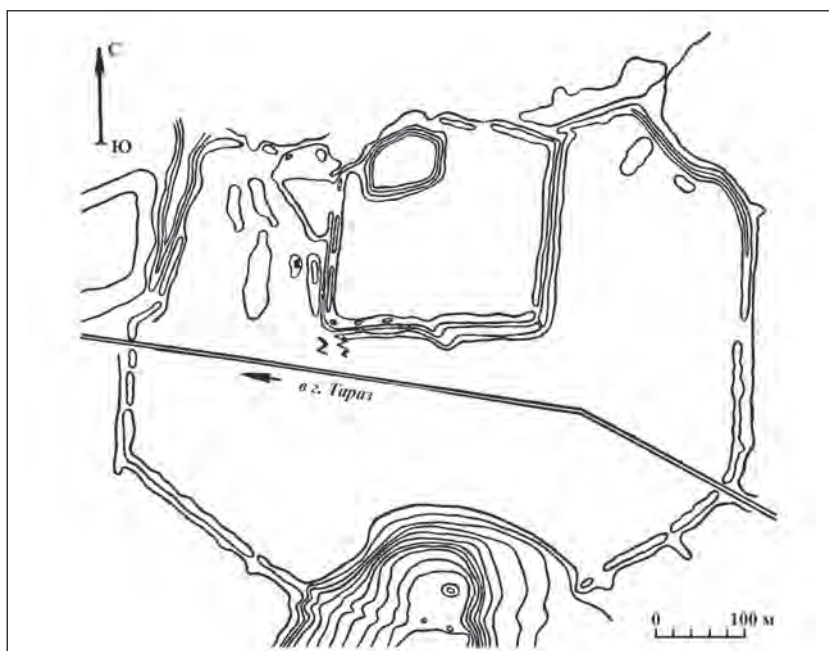

Рис. 19. Городище Садыр-Курган. План

свои названия до сих пор, а городище у села Луговое, сейчас Кулан, является единственным крупным памятником между Таразом и Мирки и бесспорно соответствует Кулану.

Почти совпадает и расстояние в километрах от Тараза до Лугового (110 км) и в фарсах от Тараза до Кулана (14 фарсахов).¹⁴⁹ Кудама так характеризует дорогу от Тараза до Кулана: «Песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за песком пустыня из песка и гальки, в ней ехидны, (она) тянется до границы кимаков».¹⁵⁰ А вот что пишет о Кулане ал-Макдиси: «Кулан, укрепленный город, соборная мечеть в нем (медина), он уже опустел. Он - на большой Таразской дороге».¹⁵¹

В 4 фарсах от Кулана находился город Мирки, а в 4 фарсах Аспара и далее город Нузкет, а еще в 4 фарсах от Нузкета - город Харанджуван.¹⁵²

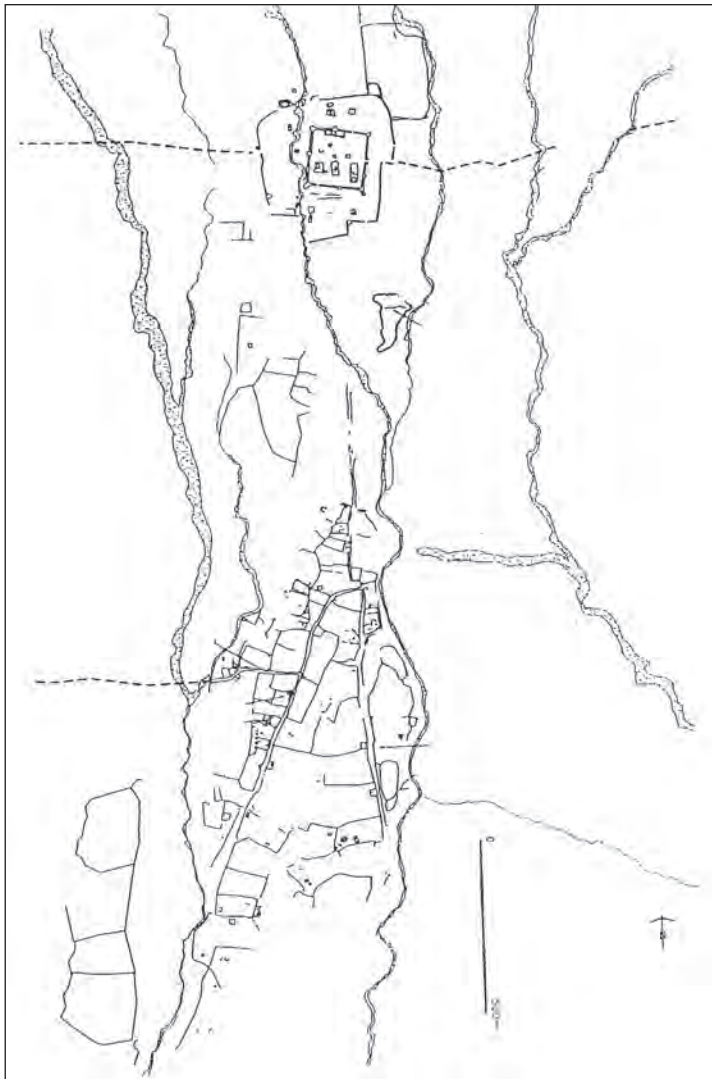

Рис. 20. Городище Орнек. План

Мирки, по описаниям ал-Макдиси, город средней величины, укрепленный, имеет цитадель. Соборная мечеть в древности была церковью. Эмир Амид ад-даула Фаик построил рабат за стеной».¹⁵³

Городище Мирки обследовано археологами, установлены его размеры, выделены цитадель и шахристан, остатки длинной стены вокруг сельскохозяйственной округи, определена хронология в рамках VII-начала XIII вв.¹⁵⁴

Что касается Аспары, то уже отмечалось, что городище и река, на которой он стоит, сохранили средневековое имя.

Так, ал-Омари, биограф Тимура, написавший свой труд в первой половине XV в., сообщает о строительстве Тимуром крепостей на границе с Могулистаном «на востоке и по направлению к владениям моголов и Китаю в месяце пути от страны Мавераннахра. Они заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная от них называется Ашпара. Они построили в ней неприступную, готовую к грабежу и опустошению».¹⁵⁵

Городище Аспара, как показали исследования, действительно имеет мощную фортификацию, высокие стены и предвратные башни. Датируется городище VII - началом XV вв.¹⁵⁶

Город Нузкет. В.В. Бартольд отождествлял его с городищем вблизи с. Беловодское, отмечая, что здесь сохранились аналогичные топонимы.¹⁵⁷ А.Н. Бернштам локализовал город на месте городища Шиштобе.¹⁵⁸

Харанджуван исследователи идентифицировали с городищем Актобе Степнинское.¹⁵⁹

Представляется более обоснованным отождествление Нузкета с городищем Шиштобе и вот почему.

Рис. 21. Городище Мерке. Аэрофото

Нузкет в источниках - «крупное селение» и «город», поэтому ему должно соответствовать значительное городище, а на отрезке в 8 фарсахов или 55-60 км таковым является именно Шиштобе.

Харанджуван источники характеризуют как сильно укрепленный город: «...вокруг него стена, в ней цитадель, в которой живет дикхан». ¹⁶⁰ Поэтому ему должно соответствовать Беловодское городище, расположенное на естественных возвышенностях и характеризующееся остатками мощных оборонительных стен. Не случайно другое название памятника - Беловодская крепость. ¹⁶¹

В 4 фарсахов от Харанджувана находился город Джуль, ¹⁶² который в свое время локализовали в районе Бишкека (Пишпека) ¹⁶³ и отождествляли с городищем Чола-казах. ¹⁶⁴ Для более уверенной локализации города важную роль играет то, что Джуль существовал и в XIV-XV в. У ал-Омари он назван Джуюль. ¹⁶⁵ Поэтому ему должно соответствовать городище, имеющее слои XIII-XIV вв. Городище Чола-казах не может быть Джулем, поскольку прекращает существование в XII в. Городу Джулю - Джуюлю более всего соответствует городище Сокулук. П.Н. Кожемяко отмечал следы обживания на нем в XIII в. ¹⁶⁶ Здесь обнаружены здесь материалы XIV-XIV вв., что является важным аргументом в пользу предложенного им отождествления.

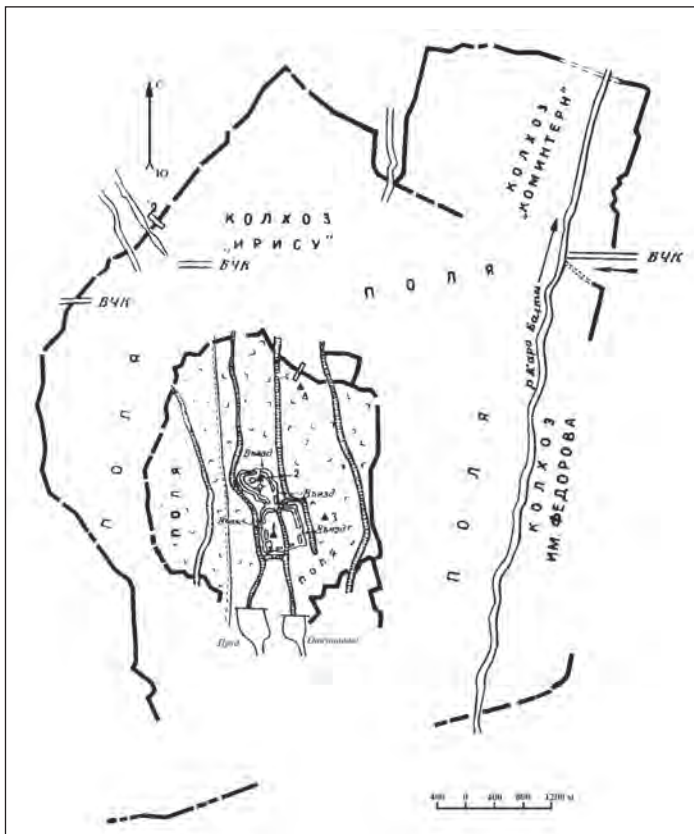

Рис. 22. Городище Шиштобе. План

За Джулем через 7 фарсахов находился *Сарыг*, еще через 4 фарсаха - «селение тюркского кагана», от которого 2 фарсаха до *Кирмирау* и еще два - до *Навакета*. От Навакета до *Бунджикета* - 2 фарсаха.¹⁶⁷

Таким образом, на участке от Джуля до Навакета протяженностью 13 фарсахов расположено 5 городов. Локализация их затруднена тем, что городищ, которые могут быть сопоставлены с этими городами, шесть. Поэтому существует известное разночтение в локализации этих населенных пунктов. Так, Сарыг А.Н. Бернштам отождествлял с городищем Красная Речка.¹⁶⁸

Новые материалы позволяют предложить другую локализацию Навакета.

Навакет – «новый город» – известен в китайских дорожниках уже в VII в.¹⁶⁹ как Синьчен (Новый город). Как согдийская колония Навакет упоминается в одном из документов начала VIII в. с горы Муг.¹⁷⁰

Город наряду с Суябом известен как ставка тюркских каганов.¹⁷¹

В составленном в начале XIII в. каталоге Амра кашгарский митрополит именуется митрополитом Кашгара и Навакета.¹⁷² Из приведенных описаний достаточно ясно вырисовывается столичный характер города, которому должно соответствовать одно из наиболее крупных городищ Чуйской долины. Таковым является Краснореченское городище. Это подтвердили широкомасштабные раскопки. Здесь открыты постройки IX – начала XIII в., буддийские храмы, многочисленные согдийские надписи, несторианские кайраки.¹⁷³

Рис. 23. Городище Красная речка. План

Определение местоположения Навакета позволяет иначе локализовать и другие вышеназванные города.

По дороге в Суяб, на расстоянии одного фарсаха от Навакета, стоял город *Пенджикет-Бунджикат*.¹⁷⁴ Поэтому его следует отождествлять с городищем Кысмычи, находящимся на правом берегу р. Шу, в 15 км от городища Красная речка.

Это большое городище с цитаделью и шахристаном, сельской округой, окруженной длинной стеной, которая частично сохранилась до сих пор. Датируется городище VII - началом XIII вв.¹⁷⁵

Из Джуля - городища Сокулук Шелковый путь проходил через 7 фарсахов (50 км) и приводил к Сарыгу, которому соответствует городище Грозненское, расположенное в долине р. Аларчи, в 15 км севернее г. Бишкека. Из Сарыга путь шел на «селение тюркского кагана». Оно отождествляется с Чумышским городищем. П.Н. Кожемяко отмечал, что «чрезвычайно мощные оборонительные сооружения внешней стены Чумышских развалин ставят их в особое положение среди городищ с длинными стенами. Они своей монументальностью напрашиваются на отождествление их с важным военно-административным центром».¹⁷⁶ В свете этих особенностей топографии городища сопоставление его с «селением тюркского кагана» приобретает большую достоверность. В 2 фарсахх восточнее Навакета находилось селение Кирмирау. Локализации Кирмирау помогает раскрытие этимологии этого слова. Оно означает буквально «Красная вода», «Красная речка», где «кирмир» - «красный», а дифтонг «ау» равнозначен «аб» (вода, река).¹⁷⁷ Ближе к Красной речке находится Покровское городище, которое можно отождествить с Кирмирау.¹⁷⁸

Суяб и Баласагун. Два наиболее известных средневековых города Семиречья - Суяб и Баласагун - крупные центры на Шелковом пути неизменно привлекают внимание исследователей: Суяб как столица Западнотюркского и Тюркешского каганатов, Баласагун - как политический центр караханидов и каракитаев.

Однако, несмотря на довольно многочисленные сведения об этих городах в трудах средневековых авторов, кое-что в их исторических судьбах оставалось неясным.

Это касается, в частности, и определения их месторасположения.

Как известно наиболее ранние сведения о Суябе, относящиеся к первой половине VII-VIII вв., содержат китайские источники. В 629 г. буддийский паломник Сюань Цзянь по пути в Индию проехал через Жетысу. На реке Суйе он нашел город. «В окружности он имел 6-7 ли. В нем жили купцы из разных стран и хусцы (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Прямо от Суйе на запад находилось несколько десятков одиночных городов, независимых друг от друга». Далее Сюань Цзянь характеризует жителей городов Жетысу, их нравы, одежду, обычаи и заключает рассказ сообщением, что в городах живут земледельцы и торговцы.¹⁷⁹

В 677 г., сообщают источники (старая Тайская история), китайцы совершили поход на западных тюрок, захватили кагана Дучжи в плен и отправили его в город Суяе (Суяб).

Во времена господства в Жетысу тюргешей в Суябе находилась главная орда их кагана. В первом десятилетии VIII в. город упоминается в связи с междоусобицами.

Так, в 740 г. один из тюргешских князей Мохе-дагань в союзе с ферганским и ташкентским владетелями разбил при Суябе сына тюргешского кагана Сули и сам стал во главе тюргешей.

Однако правление Мохэ-даганя было непродолжительным: в 748 г. наместник Восточного Туркестана Ван Чжень сунь предпринял военную экспедицию на запад, разрушил городские стены и построил буддийский храм.¹⁸⁰

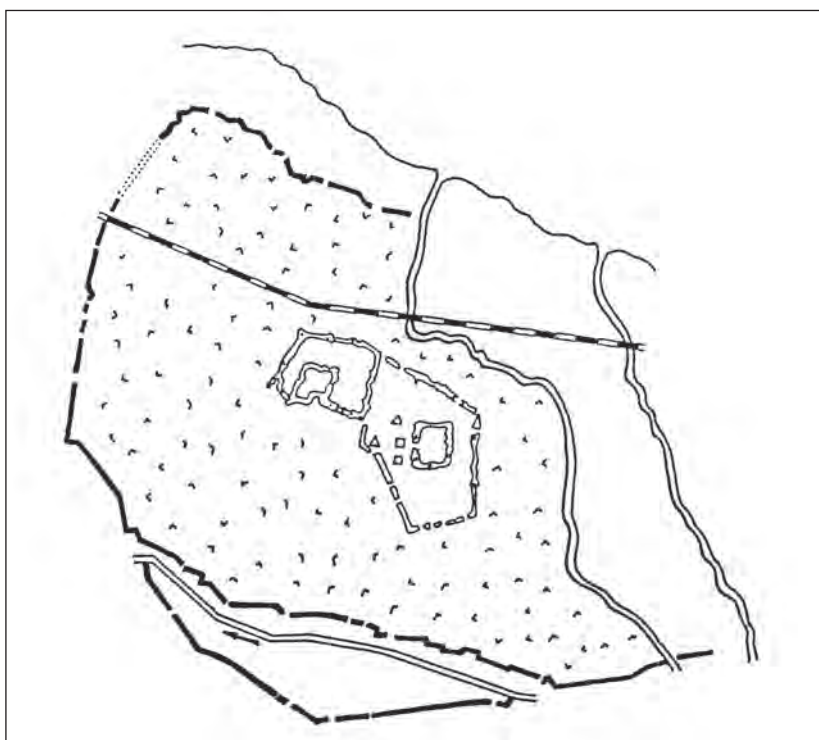

Рис. 24. Городище Ак-Бешим. План

Вмешательство китайцев в дела Западного Туркестана закончилось после поражения, нанесенного им в 751 г. при Атлахе арабским полководцем Зиядом б. Салихом.

Главенство в Жетысу захватили карлуки: в 766 г. они заняли Суяб и сделали его своей столицей.¹⁸¹ К середине VIII в. относится первая мусульманская информация о городах Жетысу, в частности о Суябе. У ибн-Хордадбеха и Кудама Суяб фигурирует в числе городов на Великом Шелковом пути.

В анонимном сочинении «Худуд ал-Алем» и в сочинении Гардизи «Зайн ал-Акбар», сведения о которых также взяты у информаторов,

живших не позднее середины VIII в., содержится такая характеристика Суяба: «Это было большое селение, откуда выходят 20 тысяч человек. Владетелем города был брат джабгу, который носил титул ялан-шаха».¹⁸²

Затем Суяб исчезает со страниц письменных источников. В качестве столичного города Жетысу выступает Баласагун.¹⁸³ Впервые он упоминается в рассказе сельджукского везира Низам ал-Мулька о завоевании Баласагуна неверными тюрками незадолго до 943 г. Захватив Баласагун, тюрки (караханиды) приняли ислам и постепенно завоевали Среднюю Азию. Баласагун был столицей одного из уделов Караханидского государства.¹⁸⁴

В конце X в. Баласагун, согласно ал-Макдиси, представлял собой «большой населенный пункт, обильный благами». Махмуд Кашгарский приводит другие названия города: Куз-Улуш и Куз-Урду.

Он же сообщает о том, что жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, и о том, что «сугдаг - люди, живущие в Баласагуне. Они из Согда, но выглядят как тюрки и приняли их обычаи».¹⁸⁵

Около 1130 г. Баласагун завоевали каракитаи,¹⁸⁶ которые в 1210 г. были разбиты хорезмшахом Мухаммедом, чем воспользовались жители Баласагуна: они отказались пустить в город разгромленное войско.

Однако после осады город был взят штурмом и разграблен.

По сведениям источников число убитых составляло 47 тысяч человек. В 1218 г. Баласагун был занят монголами без боя и получил название «Гобалык» - Хороший город».¹⁸⁷

При монголах письменные источники Баласагун не упоминают. Нет известий о нем и в описаниях походов Тимура в Моголистан.

По мнению известного ориенталиста В. Томашека, который сопоставил китайские маршрутники «Истории династии Тан» и маршрутники ибн-Хордадбеха и Кудамы, Суяб находился у западной оконечности Иссык-Куля. В.В. Бартольд предложил искать Суяб гораздо западнее.¹⁸⁸ Он же определил локализацию Баласагуна, первоначально отождествляя его с городищем Бурана, но затем сопоставил город с развалинами Ак-Бешима.¹⁸⁹

Первая гипотеза подтверждается сведениями автора XV-XVI вв. Мухаммеда Хайдара, в которых указывалось: «В стране Джу в одном месте есть следы большого города; его минареты, купола и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени того города никто не знает, то монголы называют его «Ун Монара». Он же сообщает о сохранившемся в то время надгробии имама Мухаммеда Факиха Баласагунского, скончавшегося в 1311-1312 гг.»¹⁹⁰

То, что Монара (Бурана) и есть Буранинское городище, описанное Мухаммедом Хайдаром, бесспорно, судя по тождеству названий.¹⁹¹

Кроме того, если судить по сведениям Махмуда ибн Вали (1634-1641), писавшего о Баласагуне как о развалинах, то последний достаточно уверенно отождествляется именно с Буранинским городищем. Махмуд ибн Вали писал: «Баласагун - из городов Туркестанзамина,

известного под названием Моголистан». До монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых. Мустауфи говорит: (Баласагун) - страна обширная и природная; из шестого-седьмого климатов.

Климат его очень холодный. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной (гяза). Баласагун имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе... После нашествия монголов до тех пор, пока обычаи монголов не повредили ему, был он благоустроенным и цветущим. И с тех времен до сегодняшнего дня он находится в опустошенном и заброшенном состоянии. Некий путешественник кашгарец во время сопоставления сей книги в Балхе рассказывал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмыков. Спустя два месяца, следуя направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка на четыре-пять зира выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе и приметы их «были видны с расстояния четырех фарсангов. Недалеко от той местности мы настигли калмыков (и между нами) приключилось

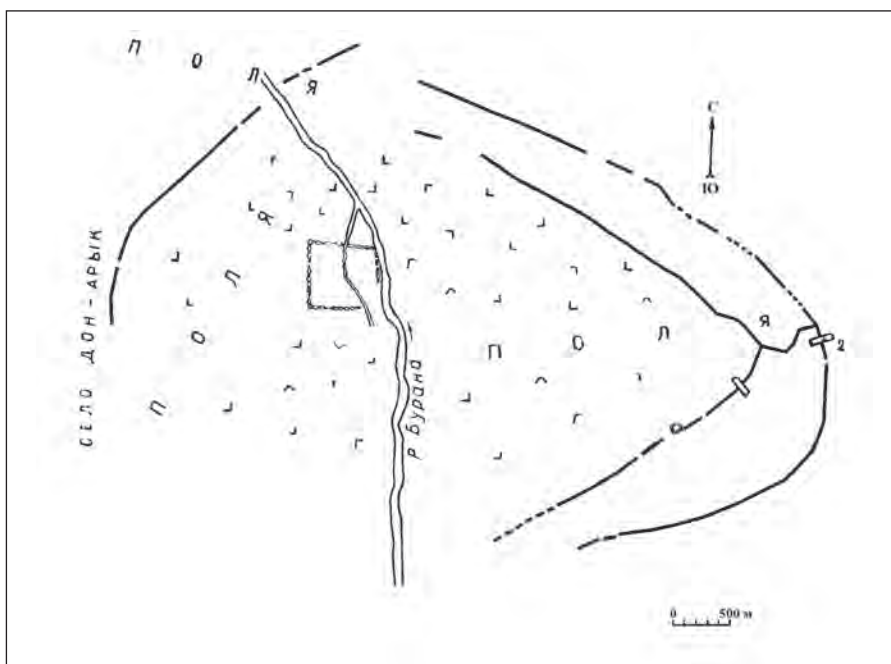

Рис. 25. Городище Бурана. План

сражение. Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где (раньше) мы увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно (лишь) то, что здесь (в прошлом) был город под названием Баласагун.

Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто (даже его имя)». ¹⁹² Таким образом, два автора, независимо друг от друга, сообщают почти одни и те же сведения о городище, где сохранились архитектурные памятники, в частности, минарет (мунара, бурана), а Махмуд ибн Вали приводит его старое название, отождествляя Баласагун с Бураной. Это мнение поддерживает сейчас большинство исследователей, среди которых археолог В.Д. Горячева, нумизмат и эпиграфист В.Н. Настич. ¹⁹³

Однако в литературе существует еще одна гипотеза, предложенная У.Х. Шалекеновым. Он считает, что Баласагун находился на месте городища Актобе Степнинского в среднем течении р. Чу. ¹⁹⁴

Однако У.Х. Шалекенов, на наш взгляд, не учитывает ряда обстоятельств, о которых сказано выше, и, кроме того, имеется основной аргумент, опровергающий эту точку зрения.

Баласагун существовал в XIII - начале XIV в., значит, на городище, которое с ним сопоставляют, должен быть археологический материал этого времени. На Актобе его нет - верхняя граница жизни городища относится к XII - началу XIII в.

Недавно появилось мнение об отождествлении городища Актобе с городом *Кадирийа*. И вот почему: на городище Актобе найдено большое количество караханидских монет, на которых выявлен неизвестный чекан города Кадирийа. Это может быть основанием для тождества этого города и городища Актобе. ¹⁹⁵

Суяб А.Н. Бернштам отождествлял с городищем у с. Новороссийское в долине Чон-Кемина. ¹⁹⁶ Однако анализ нумизматического материала из Ак-Бешима позволил Г. Клаусону также отождествить Ак-Бешим с Суябом. ¹⁹⁷

В подтверждение приведем некоторые дополнительные аргументы.

Как известно, Суяб со страниц письменных источников исчезает в IX в. В подробном реестре ал-Макдиси города под таким названием нет, что вовсе не значит, что Суяб перестал к этому времени существовать. Скорее всего, изменилось или, вернее, видоизменилось его имя. Видимо, город Шуй, ¹⁹⁸ упоминаемый у ал-Макдиси, соответствует Суябу.

И вот почему. В сообщении Махмуда Кашгарского приводится легенда о крепости Шу, построенной тюркским царем Шу близ Баласагуна. ¹⁹⁹ В другом месте он пишет: «Орду - город поблизости от Баласагуна. А Баласагун от этого называется «Куз-Урду» - «город царя»». ²⁰⁰ Логично предположить, что основанный царем Шу одноименный город и есть Урду. Под названием Урду-Ордакент Суяб был известен гораздо раньше.

В манихейском сочинении из Ходжо, датированном первой половиной VIII в., среди городов Жетысу перечислены Иаканкент, Ордукент, Чингильбалык, Кашу. ²⁰¹ Отсутствие в этом ряду широко известного Суяба позволяет считать, что он, как столичный город, назывался Ордукент. Следовательно, можно считать, что Суяб, он же

Ордуцент, в позднее время был известен также под названием Шуи, Шу, Урду. Баласагун известен уже в середине VIII в. В сочинениях средневековых географов в числе селений Жетысу названо «Беклиг» («Беклелиг»), которое по-согдийски звучало как «Семекна». Владелец селенья носил титул Баган-Сангу или по-тюркски Иинал-Тегин; у него было 3000 воинов, кроме того, город выставлял 7 000 воинов.²⁰²

Селение Беклиг (Беклелиг), или Семекна, соответствует Баласагуну и вот почему. Обратимся к этимологии ойконима (населенный пункт) «Беклиг» и сопоставив его со словом «балык», которое пишется «балиг»²⁰³ и употребляется в тюркских языках в значении «город».²⁰⁴

Анализ слова «балык» дан С.П. Толстовым. «Баласагун», по его мнению, как и монгольская форма «Balgasun», означает «город», и то и другое произошли от тюркского слова «балык» – «город».

Рис. 26. Городище Актобе Степнинское. План

Возможно и другое толкование ойконима: «баласагун» - слово, состоящее из двух - «бала» и «сагун», где «бала» - усеченная форма «балык-беклиг», а «сагун» - военно-административный титул, распространенный как среди тюркской знати, так и других народов Центральной и Средней Азии.²⁰⁵ Особое значение для наших рассуждений играет тот факт, что владелец города Беклига носил титул Бадан-Сангу, в котором «Бадан» является именем, известным в среде согдийской и персидской аристократии. С.Г. Кляшторный убедительно показал: титул «Сенгун»

(«Сангу») был наследственным, поскольку в 731 г. посольство городов согдийцев Жетысу возглавлял Нек Сенгун и Огул-Тархан. Первый был предшественником Бадан-Сангу.²⁰⁶

Напрашивается вывод о тождестве Беклига и Баласагуна. Первое название означает «просто город», второе осмысливается как «город Сагуна-Сегуна». По-согдийски «Беклиг» назывался «Семекна», В.В. Бартольд считал его согдийской колонией. В пользу такого мнения свидетельствует также анализ 52-53 строк рунической надписи в честь Кюль-Тегина, где говорится о посольстве согдийских городов, одним из руководителей которого был Нек Сенгун и он, на наш взгляд, являлся владельцем именно Беклига - Семекны - Баласагуна. Согдийское население в Баласагуне сохранялось еще в XI в., и не случайно Махмуд Кашгарский писал, что «сугдак - люди, живущие в Баласагуне».²⁰⁷ Это еще одно подтверждение в пользу тождества города Беклига - Семекны и города Баласагуна, где проживали отюреченные согдийцы. Таким образом, Суяб и Баласагун возникли и существовали одновременно, но в те или иные периоды истории Жетысу играли различную роль.

В VII-VIII вв. столицей был Суяб - Ордакент, а Баласагун, известный под именем «Беклиг» или «Семекна», был крупным селением. В IX-X вв. главенствующее положение переходит к Баласагуну - Куз-Орду, а Суяб, теперь известный как Шуи - Шу, превращается в город, по традиции называемый Урду.

Суяб и Баласагун находились рядом, им соответствуют городища Ак-Бешим и Бурана, расположенные в 5 км один от другого. Расцвет Ак-Бешима - Суяба, судя по археологическим материалам, заканчивается в X в., Бурана-Баласагун интенсивно живет и в X-XIII вв. Оба городища находятся на территории Кыргызской Республики.

О локализации городов Северо-Восточного Жетысу

Караванные пути из Юго-Западного Жетысу в Северо-Восточное проходили через горный перевал Кастек - горы Цзедань.

Они располагались, по китайским источникам, в 40 ли севернее р. Суй-е (Шу). «Здесь каган 10 родов производит утверждение владетелей и старейшин».²⁰⁸

По арабским источникам было известно, что здесь у кагана были запретный луг и запретная гора, к которым никто не смел приближаться; стада, пасшиеся на лугу, и дичь, и горы должны были служить провиантом при военных походах».²⁰⁹ Тюрки называли эти горы Урунг-Ардж. Гардизи сообщает, что тюрки почитают эту гору, клянутся ею и считают ее местопребыванием всемогущего божества.²¹⁰

Перевал через эти горы в долину р. Или назывался Урунг-Ардж. Слово это означает «длинный перевал». «Урун» значит «узун», что по-тюркски означает «длинный».²¹¹ Внизу спуска на северной стороне гор, на речке Каракастек обнаружено несколько городищ, одно из которых названо археологами Каракастек и датируется X-XIII вв. Это

был караван-сарай, на базе которого сформировался торговый город *Урун-Ардж*.²¹²

Урунг-Ардж соединяет горный район с городом Навакетом. В «Худуд ал-Алам» сказано так: «Урунг-Ардж, раньше это был город, а теперь он разрушен и [служит] убежищем для воров».²¹³ Наиболее ранние сведения о городах Илийской долины содержит анонимное сочинение X в. «Худуд ал-Алам».

В нем названо селение *Тальхиза – Тальхир*, расположенное среди гор вблизи озера Иссык-Куль.²¹⁴

Остатки этого города обнаружены и исследованы археологами. Они находятся на правом берегу р. Талгар, на южной окраине города Талгар.²¹⁵ Это один из наиболее крупных памятников Северо-Восточного Жетысу. Городище сохранило с некоторыми изменениями в своем названии имя

Рис. 27. Городище Каракастек. Аэрофото

– Тальхиз или Тальхир. О нем сказано в вышеназванном сочинении следующее: «Тонг и Тальхиза - два селения, расположенные между горами на самой границе между чигилиями и карлуками, поблизости от озера Иссык-Куль. Жители воинственные, смелые и доблестные».²¹⁶

Первым о Талгарском городище написал Ч.Ч. Валиханов как о «Рустемовском кургане». Так этот памятник называло местное население.²¹⁷

К настоящему времени городище - одно из наиболее изученных в Жетысу, давшее интересные материалы по градостроительству, городской застройке, фортификации, ремеслу, торговле, культуре. Письменные источники сообщают еще о двух городах. Они назывались *Чжимуэр* и *Лабан*. Первое из них отождествляется с городищем Чилик, а второе с городищем Сумбе.²¹⁸

Город *Ики-Огуз* впервые показан на карте Махмуда Кашгарского.²¹⁹ Позднее, в середине XIII в., город был назван Гильомом Рубруком – Эквиус. Он писал, достигнув предгорьев Заилийского/Илейского Алатау: «Через несколько дней мы въехали в горы, в которых обычно живут каракитай, и нашли там большую реку, через которую надлежало переправиться на судне.

После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город

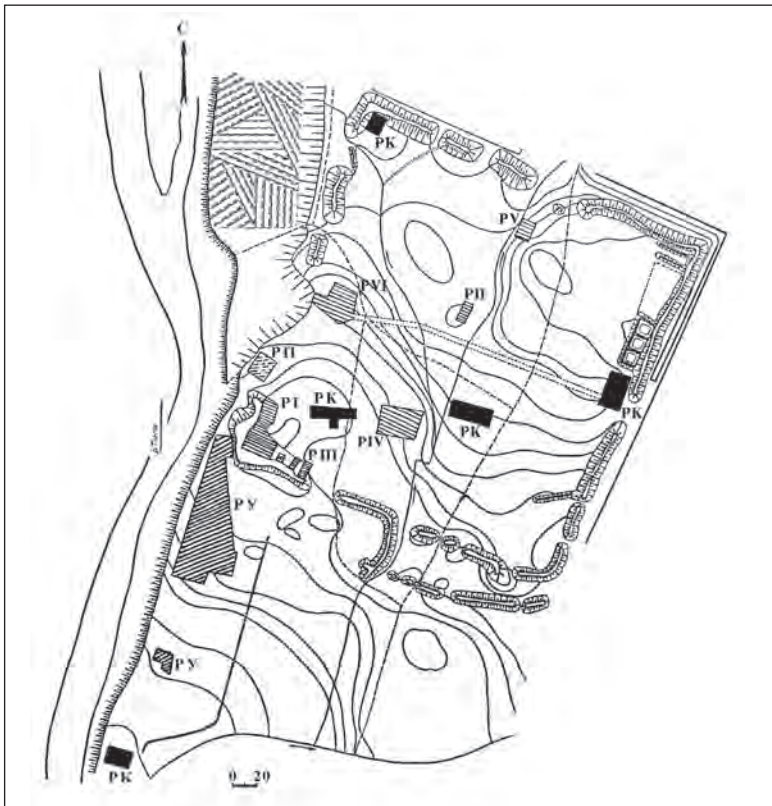

Рис. 28. Городище Талгар. План

по имени Эквиус, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии». ²²⁰ В свое время В.В. Бартольд и А.Н. Бернштам отождествляли город Эквиус с городищем Чингильды. ²²¹

Археологические исследования заставили пересмотреть локализацию Эквиуса. Городище Чингильды/Шынгельды не может соответствовать Эквиусу прежде всего потому, что здесь отсутствует материал XIII в. Кроме того, размеры городища никак не соответствуют крупному городу, каким был Эквиус. Оно квадратное в плане, размерами 75x75 м, и является остатками караван-сарая. ²²² Эквиус следует отождествить с крупным городищем. Сейчас принята точка зрения, согласно которой Ики-огуз соответствует городищу Дунгене, расположенному в долине Коксу, неподалеку от современного Талдыкоргана. ²²³

Крупнейшим городом Илийской долины был *Каялык - Кайлак*, столица карлукского джабгу. ²²⁴ Каялык несомненно тождествен Кайлаку Гильома Рубрука. Последний так описывает свой путь после Эквиуса: «На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на двадцать пять дней пути в окружности. И эта равнина была прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где, главным образом, были высокие горы.

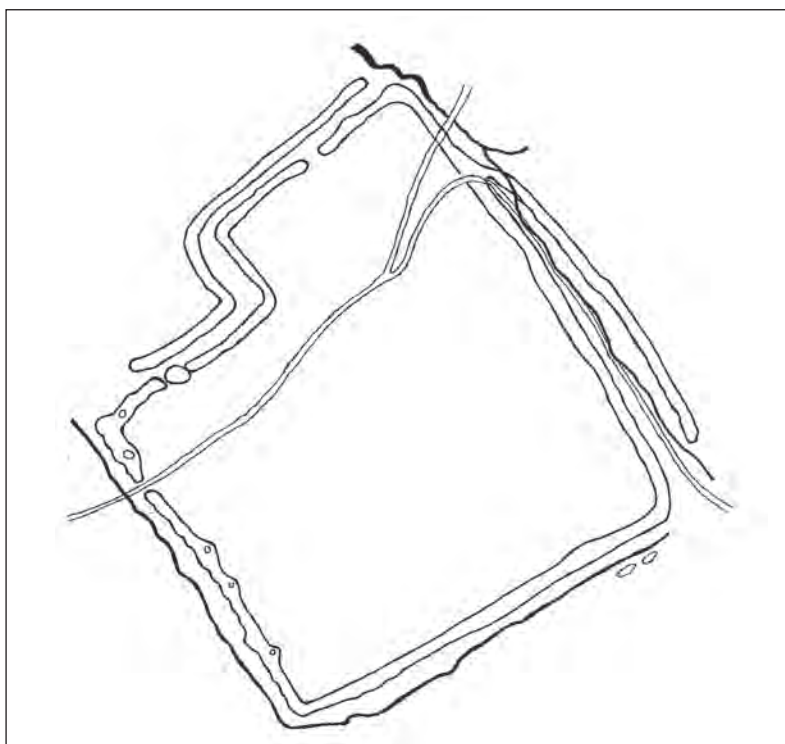

Рис. 29. Городище Дунгене. План

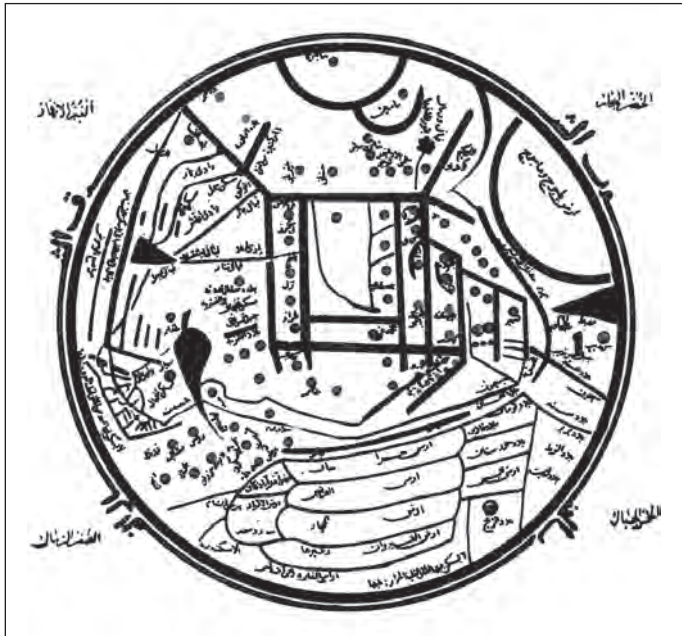

Рис. 30. Карта Махмуда Кашигарского

На вышеупомянутой равнине было много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти скот, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы». ²²⁵ По мнению В.В. Бартольда, Каялык находился в районе Капала. ²²⁶ А.Н. Бернштам предлагал локализовать город на месте городища Дунгене. ²²⁷ Сейчас общепринята другая локализация Каялыка, основанная на дополнительных данных. Долина, где, по сведениям Рубрука, было много городов, соответствует междуречью Каратал - Лепсы. Здесь обнаружено несколько десятков городищ и среди них крупнейшее в Илийской долине - Антоновское. Оно и отождествляется с Каялыком (Кайлаком). ²²⁸

Г. Рубрук покинул Каялык в день святого Андрея, (17 ноября) 1253 г., и достиг через 3 лье поселения «совершенно несторианского». «Войдя в церковь их, мы произнесли с радостью, как только могли громко: «Радуйся царица», так давно мы не видели церкви». ²²⁹ По мнению исследователей, «несторианскому селению» соответствует расположенное в 6 км западнее городища Антоновское – города Каялыка городище Лепсы на левом берегу р. Лепсы. ²³⁰ Дальше, сообщает Г. Рубрук, мы добрались до «столицы этой области» в начале вышеназванного моря, которое показалось нам столь бурным, как океан. И мы видели на нем большой остров». Затем Рубрук красочно описывает ветры, которые дуют в этой местности. ²³¹

В море, которое упоминает путешественник, нетрудно узнать Алаколь. Остров, который видел Рубрук, Аралтобе. Вершина его

на 200 м выше уровня моря. «Аралтобе виден издалека и его черная одинокая масса, возвышающаяся над зеленой поверхностью Алаколя, еще более увеличивает мрачность пустынного ландшафта».²³²

Для Алаколя типичны сильные ветры. «Ветер Эбе выходит из недр, которые несколько раз пытались засыпать камнями, но всякий раз ветер разрушал преграды и вырывался с новой силой».²³³ Почти также звучит легенда об алакольском ветре в рассказе Плано Карпини, побывавшего здесь незадолго до Гильома де Рубрука.²³⁴

«Столица области» может быть локализована на месте городища Кок-Тума, которое в настоящее время почти полностью смыто Алаколем. Находки с городища свидетельствуют о Кок-Туме как о крупном торгово-ремесленном и культурном центре.

Среди находок - поливная керамика, стекло, жженые кирпичи, на одном из которых имелся отгиск стилизованной фигуры льва, свидетельствуют о значимости этого города.²³⁵

О локализации городов Восточного, Центрального и Западного Казахстана

От трассы Великого Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Жетысу, отходили ответвления на север, восток и запад, которые вели в районы Восточного Казахстана к берегам Иртыша на Алтай и в Монголию, а также в Центральный Казахстан, который назывался в средние века Дешт-и Кыпчак. Сырдарьинский участок Шелкового пути соединялся с Урало-Каспийским отрезком, который шел к берегам Урала, в Монголию и далее в Поволжье, Крым, Европу. Археологические исследования показывают, что степные районы Казахстана были населены не только номадами. Повсюду в удобных для земледелия местах, в долинах рек Иртыш, Сарысу, Кенгир, Жезды, в предгорьях Улытау, на берегах Урала, в оазисах Мангистау в период средневековья возникала и развивалась земледельческая и городская жизнь. Уже в эпоху бронзы в Сарыарке разрабатывались месторождения меди, олова, свинца, серебра, а в более позднее время здесь же выросли поселки рудокопов, плавильщиков бронзы, серебра и золотодобытчиков. Богатые сырьевыми ресурсами, а также скотом, шерстью, кожей, металлом эти районы Казахстана вовлекались в систему торговых связей и были включены в систему Шелкового пути караванными дорогами.

Из Южного Казахстана эти дороги переваливали через горы Каратау, выходили в степи Центрального Казахстана. Здесь открыты поселения четырехугольных в плане городищ с оплывшими стенами: Балган-Ана, Жаман-Курган, Ногербек-Дарасы, Домбаул, Милыкудук, Ормамбет. Вокруг них находились обширные некрополи с сохранившимися архитектурными памятниками.

Прослежено, что дорога из Джанкента (Янгикента) шла на северо-восток, выходила на берега речки Белеуты и далее приводила в район Сарыарки.

В Центральный Казахстан вел так называемый Сарысуйский путь: из Отрара через Шавгар и Турланский перевал, в низовья Шу и Сарысу вверх по реке до Улытау (горы Кендирлик), а оттуда - по Ишиму и Иртышу в Сибирь; другой путь шел через Сузак в низовья Шу.

Еще одна дорога - «Ханжол» использовалась до недавнего времени и шла из Тараза вниз по Таласу через пески Муюнкумы и Бетпак-Далу к берегам р. Атасу.

Из Тараза вел торговый путь к кимакам на Иртыш в резиденцию хакана кимаков и в страну кыргызов, расположившуюся на Енисее. Каждые три года к кыргызам отправлялся караван с шелком. Через города Приаралья, Джанкент и Дженд шли пути, огибающие Арал с юга и приводившие к городам на Урале, откуда караваны шли в Европу.

Еще один важный путь отходил от Тянь-Шанского отрезка Великого Шелкового пути и вел в Прибалхашье, а затем вдоль сухих протоков р. Или, к берегу Балхаша, а дальше по полуострову Узун-Арал к узкому проливу.

Можно предположить, что караваны переходили пролив зимой по льду или когда уровень воды в Балхаше падал - в брод, выходили в устье р. Токрау и затем по ее берегам шли к предгорьям Улытау.²³⁶

Города кимаков в Прииртышье

В XI - начале XIII в. Прииртышье становится одним из крупных районов городской жизни. Именно здесь, согласно письменным сочинениям Ибн Хордадбега, Кудама, Тамима ибн Бахра, анонимного автора «Худуд ал-Алам», находилась страна кимаков. Абу Усман ибн Бахр ал-Джахиз, уроженец Багдада, человек энциклопедических знаний, был одним из ярких летописцев древних тюрок, их обычаев, нравов, военной тактики, помещал страну кимаков к северо-западу от города Тараза, в 80 дней пути «для всадника, едущего быстро, который везет с собой провизию». «Весь путь к кимакам, - пишет Тамим ибн Бахр, проходит по степям, пескам, обширным долинам с многочисленными пастбищами и источниками воды ...».²³⁷ Однако основным материалом по изучению кимаков содержит труд знаменитого арабского географа ал-Идриси - автора одного из крупнейших и интереснейших географических сочинений арабского средневековья «Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак» («Развлечение истомлённого в странствии по областям») или «Китаб ар-Руджар» («Книга Роджера»).

Ценной частью труда ал-Идриси являются географические карты.

Основная часть сведений ал-Идриси о стране кимаков связана общей нитью. Единая маршрутная схема и даже детали, которые не противоречат друг другу, позволяют отнести эти сведения к тексту одного источника, из которого черпал сведения ал-Идриси. Таким источником можно считать труд Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, который назван в предисловии к «Нузхат ал-муштак». Сведения об этом авторе отсутствуют, но, судя по его имени, он был кимаком по происхождению.²³⁸

Впервые в мусульманских источниках имя «кимаки» зарегистрировано в персидском сочинении «Границы мира». В нем упомянуто название столицы кимаков - *Намакия* (Немакия). Кимакский племенной союз состоял из девяти племен, среди которых были и кыпчаки, которые расселились в XI - начале XIII вв. на обширных пространствах степной Евразии и стали известны на Руси и Европе под именем половцев и куманов. Кимаки занимались скотоводством и земледелием.

Наличие оседлых поселений у кимаков отмечают многие средневековые арабо-персидские авторы. В том же сочинении «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов: «Рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются *Имакия* - летняя резиденция царя (*хакана*) и деревня *Жубин*. По сведениям ал-Идриси, кимаки имели

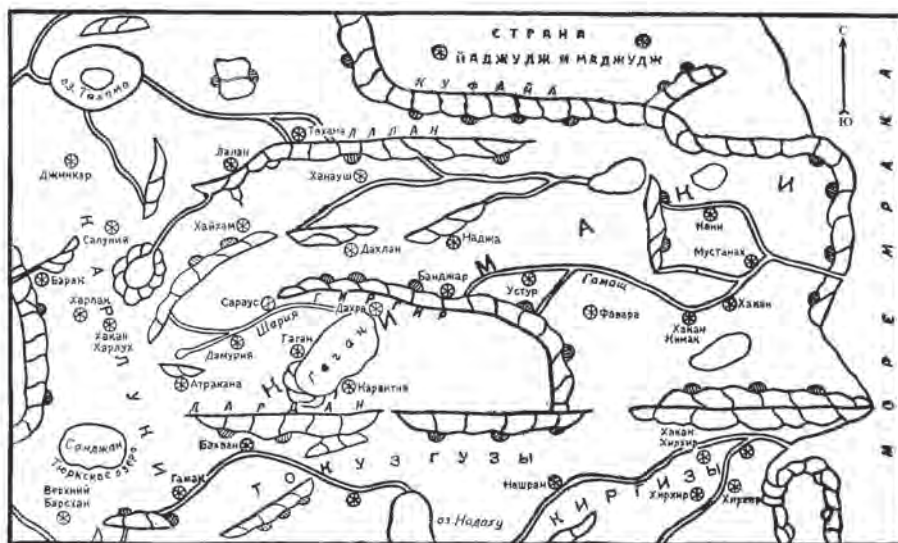

Рис. 31. Страна кимаков на карте ал-Идриси

16 городов. Они располагались по берегам озер, рек, в неприступных горных районах, в пограничных областях, в местах разработок полезных ископаемых. Все они находились на торговых трассах. Характерной чертой кимакских городов было то, что все они были хорошо укреплены, в каждом из них располагалось войско. Самым крупным городом, военно-административным, торговым и ремесленным центром была столица хакана кимаков. Город хакана был окружен стеной с железными воротами.

Ал-Идриси сообщает: «Городов у кимакских царей шестнадцать... Карантия, первый кимакский город, большой, его длина 9 миль, в ширину 3 мили, расположен на берегу большого озера, которое называется Гаган. От Карантии до города царя кимаков 24 перехода, и вся эта дорога тянется с запада на восток. Озеро получило свое название от города Гаган». Город был расположен на берегу озера с западной стороны. От Гагана до Дамурии в западном направлении 4 дня пути. Город Дамурия назван «цветущим и многолюдным городом».

Сараус являлся большим городом, окруженным крепостной стеной. Банджар - огромный многолюдный город, населенный различными родами тюрков-кимаков.

В нем находилось многочисленное войско и необходимое количество припасов для нужд его населения.

Дахлан был неприступным замком, в котором имелось войско.

Ханаш и *Астур* были многолюдными городами. Рядом с Астуром имелись железные рудники. Из железа делали «изделия необычайной красоты».

Видимо, сведения ал-Идриси преувеличены. Размеры описываемых городов явно говорят о желании человека, давшего информацию автору, не унижить культуру и богатство собственной страны в глазах жителей таких крупных городов, как Багдад или Дамаск.

Согласно тексту ал-Идриси, 8 из 16 городов кимаков находились в долине р. Гамаш. Отождествление реки Гамаш с Иртышом позволяет поместить основную часть городов вместе со столицей хакана кимаков в Прииртышье. Сопоставляя данные письменных источников и археологические материалы, ученые приходят к выводу о наличии оседлоземледельческой и городской культуры в Восточном Казахстане и определяют ее как область городов кимаков, возникших на базе кочевых ставок в IX-X вв.²³⁹

К сожалению, пока остатки городов не найдены, но есть предположения о том, что некоторые из них можно отождествлять с уже известными памятниками.

Так, по мнению Б.Е. Кумекова, город Гаган может быть отождествлен с городищем Коктума на юго-западном берегу Алаколя, а города Дамурия и Сараус искать на берегах реки Тентек, впадающей в Алаколь.²⁴⁰

Города и городища Центрального Казахстана: вопросы локализации

Один из первых исследователей памятников Центрального Казахстана, инженер-горняк И.П. Шангин, посетивший этот район в 1816 г., открыл на р. Ишим остатки нескольких поселений. Особенно интересны обнаруженные им крепостные стены в урочище Байкошкар, возле озера Жолдыбай, и вал у озера Жаксы-Жангызтау.

Большое число остатков поселений И.П. Шангин нашел в районе слияния рек Аккайракты и Ишима.²⁴¹

Остатки укрепленного поселения были обнаружены Л.Ф. Семеновым в 1930 г. близ Акмолинска (ныне Астана) в урочище Бузук.²⁴²

А.Х. Маргулан, основываясь на сведениях первых исследователей и своих изысканиях, открыл науке своеобразный мир городской культуры Сарыарки. Это многочисленные поселения и города: Хан-Ордасы в устье р. Аксу при впадении ее в Кара-Кенгир; средневековое поселение в устье р. Нуры; Караагач, Карасакал, Белен-Ана, Жуан-Ана на р. Сагрысу; Баскамыр, Аяккамыр на р. Жезды и многие другие.²⁴³

Рис. 32. Городища Центрального Казахстана. Карта

Крупнейшим центром добычи медной руды, выплавки меди и бронзы был район Жезказгана, где находилось крупное средневековое городище Милыкудук. Географ ал-Идриси, описывая страну огузов и кыпчаков, отмечает, что у них имеются медные и серебряные рудники.

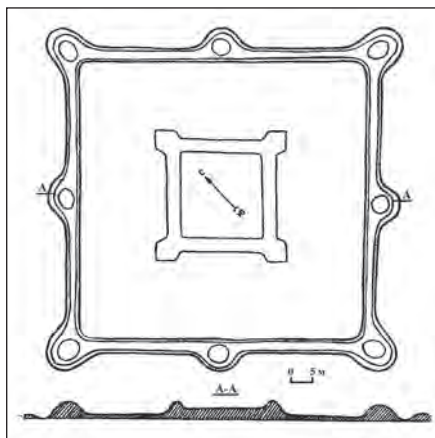

Рис. 33. Городище Баскамыр. План

на север. Если ежедневный переход каравана принять за 30-40 км, то от Шаша до рудников будет чуть больше 700 км, что вполне соответствует месту расположения Жезгазгана.

В древнеиранском эпосе упоминается легендарный «Медный замок» (*Диз-и-Руин*), около которого был убит вождь туранцев Афрасиаб. Местонахождение «Медного замка», по мнению А.Х. Маргулана, совпадает с современным рудником Милыкудук. Это мнение было подтверждено материалами археоло-

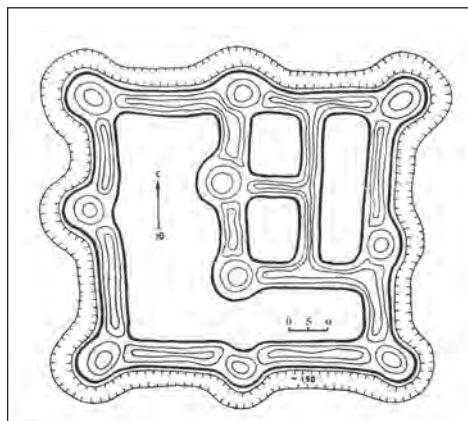

Рис. 35. Городище Хан-Ордасы. План

«Страна гузов плодородна, пишет он, жители ее богаты. Говорят, что их земля дает четверть неочищенного серебра. Из этих рудников добывают много металла. Шашские (ташкентские) купцы отправляются к ним с товаром для обмена, покупают там у них много верблюдов с большим количеством товара (меди и серебра) и вывозят его во все страны».

По ал-Идриси, эти рудники находились в стране огузов и кипчаков примерно на расстоянии 18-дневного перехода от Шаша (Ташкента)

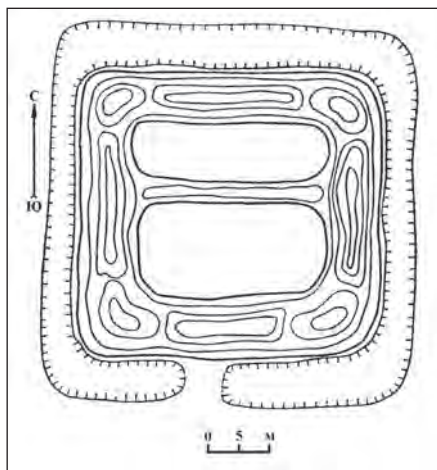

Рис. 34. Городище Топрак-Корган.
План

гических раскопок, проведенных на поселениях древних и средневековых рудокопов Милыкудук, Соркудук и Айнакуль, составляющих отдельные участки рудоносного региона Жезгазгана.

Центром древнего и средневекового месторождения было городище Милыкудук. Участок, занятый поселением, занимал площадь не менее 10 га. Здесь

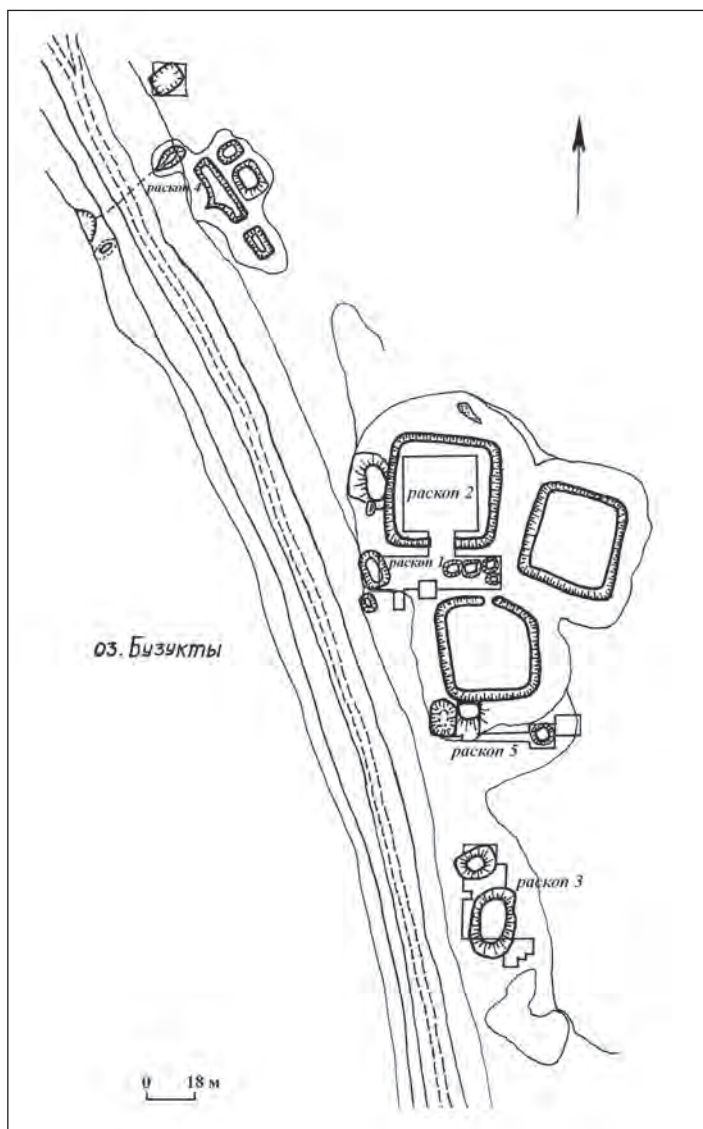

Рис. 36. Городище Бозок. План

обнаружены остатки жилых и хозяйственных строений, мастерских и складских помещений в виде бугров и ям.

Археологический материал подтверждает, что средневековый Милькудук был важным ремесленным центром Дешт-и Кыпчака. Здесь открыты крупные мастерские с большим числом плавильных печей. Кроме того, развивались гончарные, железоделательные, камнетесные ремесла.

Количество вынудой, хорошо раздробленной и обогащенной руды, наличие большого числа плавильных печей и крупных мастерских позволяют сказать, что медь и железо в древнем Милькудуке производились не только «для себя», но и на экспорт в соседние страны.²⁴⁴

Важные исследования были проведены в 1997-2003 гг. на средневековом *городище Бозок* вблизи г. Астана экспедицией Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева, возглавляемой К.А. Акишевым и М.К. Хабдулиной.

Городище, настоящее имя которого нам пока неизвестно, условно названо Бузук (Бозок) по одноименному названию озера, на берегу которого оно стоит. Памятник относится к средневековой эпохе, ко времени, когда территория Центрального Казахстана входила в состав кыпчакского государства. Речь идет о предмонгольском времени X-XII вв.

На современной поверхности видны развалы валов, окружающие их рвы. Они огораживают три квартала. Интересна планировка кварталов, расположенных в виде трехлепестковой розетки и сгруппированных вокруг центральной площади.

По результатам раскопок исследователи пришли к выводу, что городище Бозок было военной ставкой, резиденцией кыпчакского владетеля в X-XIV вв.

Из письменных источников известно, что в средние века в степи формирование города шло вокруг резиденций правителей или культовых мест. В данном случае оба этих процесса совместились. Древний город оказался и кульгово-мемориальным центром.

Здесь раскопали развалины двух мавзолеев, минарета и погребальных оградок, сложенных из сырцового кирпича.

Примечательно, что ставка находится в пяти километрах от крупного брода Караоткель через Ишим.

Это очень удобное местоположение не только в географическом плане, но и в стратегическом. Ставка контролировала все караванные пути, которые пересекали Сарыарку.²⁴⁵

Города Западного Казахстана

Дороги, которые шли на Запад в Европу, в Крым и на Кавказ проходили по южному и северному Приаралью и приводили к городам на р. Жайк-Урал.

Сарайчик - один из самых западных городов Казахстана. Вот что о нем пишет великий путешественник XIV в. Ибн Баттута: «Сарайджук, джук значит «маленький». Они, таким образом, хотели выразить, что это Сарай Малый. Город этот расположен на берегу полноводной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода».

Через нее переброшен мост из лодок, такой же, как в Багдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось...».²⁴⁶

Это и другие сообщения письменных источников о городе характеризуют его как важнейший центр на трассе Великого Шелкового пути, бывший своеобразными воротами в Азию.

Не случайно до недавнего времени на левобережье Урала, по представлениям местного населения, начиналась «бухарская сторона».²⁴⁷

Развалины Сарайчика находятся в 50 км от города Атырау, вверх по Уралу. До сих пор современный поселок, который стоит на развалинах древнего города, называется Сарайчик. Благодаря исследованиям археологов, история города, известная ранее по скудным сведениям источников, становится все более подробной, насыщается фактами, событиями, материальной культурой.

Возник город, если следовать письменным источникам, по повелению основателя Золотой Орды - громадного государства в Европе и Азии, с центром в Поволжье - хана Бату (Батыея). Именно в этом городе, согласно историческим преданиям, принял ислам монгольский хан Берке (1257-1266), после чего ислам стал государственной религией Золотой Орды.

Однако, есть мнение, что Сарайчик был гораздо старше и что он существовал еще в эпоху домонгольских завоеваний, в X-XII вв., но на этот вопрос могут дать ответ лишь последующие раскопки.²⁴⁸

И еще один город, который был недавно локализован и который жил в X-XIV вв. По мнению А. Астафьева, это был город Мангышлак,²⁴⁹ он отождествляется с городищем Кызыл-кала, расположенным на Мангистау, рядом с горой Шеркам, в местности Акмыш.²⁵⁰ Мангышлак упомянут в географическом сочинении Якута (Йакута) ал-Хамави.

Города огузов: вопросы локализации

Огузские и туркменские племена государства огузов и сельджуков играли важную роль в истории Евразии.²⁵¹ Период их пребывания на территории Казахстана приходится на IX-XII вв., до того как эти

Рис. 37. Городище Сарайчик. Раскопки

племена ушли из Казахстана на юг Средней Азии, в Иран и Афганистан, Закавказье, Малую Азию, где приняли участие в формировании туркменского, азербайджанского и турецкого народов. Значительные группы племен огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, татар.²⁵²

В археологии наибольшую известность получили остатки города Янгикента - столицы огузов.

Этому городу и двум расположенным рядом, остатки которых называются сейчас Кескен Куюккала и Большая Куюккала, была посвящена статья руководителя Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР С.П. Толстова. Она привлекла к самим городам и к огузской проблеме большой интерес.²⁵³

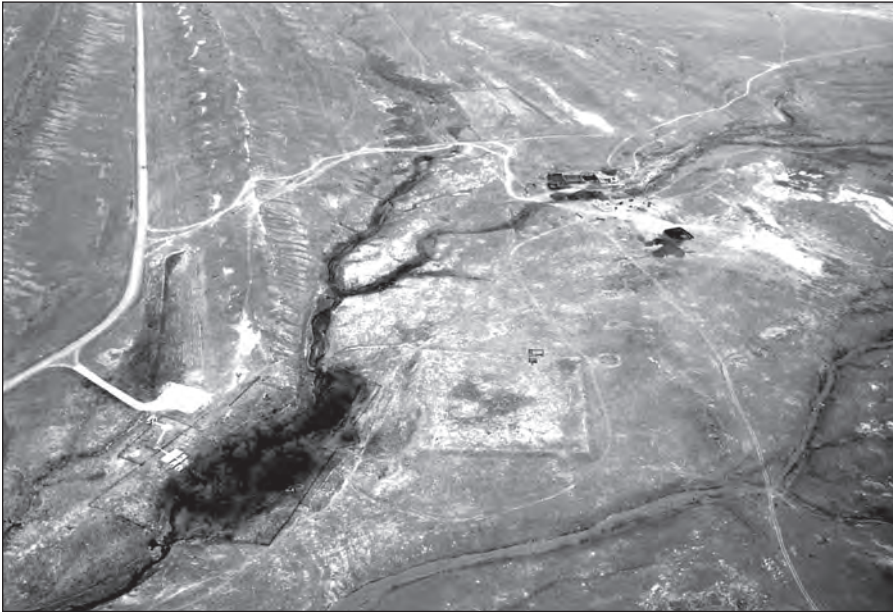

Рис. 38. Городище Кызылкала

Огузские племена не составляли основную массу населения. Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сырдарьи в предгорьях Каратау. Отдельные группы огузов обитали в Жетысу, где в X в. среди местного тюркоязычного степного населения преобладали карлуки и кимаки.

В X в. одна из групп огузских племен обитала в долине реки Чу и в горах Таласского Алатау. Ал-Идриси называет огузов Шуйской долины хандагами, которые отличались храбростью и независимостью.

В X в. группы огузов населяли также среднее течение Сырдарьи и предгорья сырдарьинских Каратау. Купцы из Чача прибывали сюда для покупки скота, главным образом, верблюдов.

Следует отметить, что расселение огузов на среднем течении Сырдарьи подтверждается и другими арабоязычными источниками X в. В сочинении Ибн Хаукаля говорится, что огузы жили по краям

пустыни, где река Шаш пересекала границу Сабрана. Интересные сведения о расселении огузов в этих сырдарьинских областях содержатся в персидской версии труда ал-Истахри. «Когда (река Чач), - говорится в этом источнике, - проходит пределы Сабрана, то на этой реке (в местности) Даруйе находятся жилища гузов». Огузские кочевья заходили и на левый берег Сырдарьи. В пользу этого мнения говорит текст ал-Истахри, который пишет, что «город Сюткент являлся пограничным рубежом Мавераннахра с кочевьями тюрок-огузов».

Группа огузских племен обитала между Фарабом и Кенджидай.

Кочевья и стоянки огузов, вероятно, были разбросаны от Шаульдера до восточной оконечности песков Алкаколь-Кум.

В X в. часть огузов жила также в пределах Шашской/Чачской и Испиджабской областей, в Келесской степи, в долине Ангрена и Чирчика, в предгорьях Чаткальского и Угамского хребтов. Огузские племена обитали здесь вперемешку с карлуками и другими тюркоязычными группами. Огузы, подвергшиеся исламизации, частично осели в городах и сельских поселениях Чачской и Испиджабской областей.

В X в. огузские племена обитали в степях вокруг Аральского и Каспийского морей.

Огузы занимали часть территории Мангышлака (горы Сияхкук). Западные границы становищ и крепостей огузов достигали Южного Урала и Южного Поволжья, они располагались на Эмбе/Жем и Урале. На западе огузы граничили с башкирами, с хазарами и буртасами.²⁵⁴

Есть и другие сведения, которые сообщают о том, что огузы вообще не имеют городов. Так, в сочинении анонимного автора «Худуд ал-Алам» сказано: «Гузы не имеют ни одного города, но народ, имеющий войлочные юрты, весьма многочислен».²⁵⁵

В.В. Бартольд, пытаясь примирить эти противоречивые сведения, считал, что «гузские города» были основаны не самими огузами, а хорезмийцами, но в них селилась и обитала часть огузов, перешедшая к оседлости.²⁵⁶

Более конкретно по этому вопросу высказывался С.П. Толстов, который считал, что хозяйство племен Приаралья, в том числе и огузов, было комплексным, и наряду с кочевничеством у них развивались земледелие, оседлость и городская жизнь. Эта точка зрения получила широкое признание у ряда исследователей.

Огузы, по мнению С.П. Толстова, были не только скотоводами и кочевниками, но и имели города. С.П. Толстов приводит сведения о городах огузов из письменных источников: «Города огузов» возникли и развивались задолго до прихода в эти места собственно огузов и туркмен, можно говорить лишь об огузском периоде в их существовании, о том времени, когда огузы владычествовали здесь в политическом отношении, а часть их перешла к оседлости и поселилась в городах. Пребывание огузского населения в городской среде документируется наличием своеобразной керамики, которую исследователи считают огузской.²⁵⁷

В карте ал-Идриси показано, что река Руза, вытекающая из ущелья с Аскараузских гор, огибает небольшой кряж, на одной из вершин которого помещена крепость Хийам.²⁵⁸ Хийам находится между двумя безымянными реками. На других картах Хийам показан в месте слияния Рузы и Иргиза, на других - к северу от Хорезмского озера.

Понятно, что во многом поиски месторасположения этого города зависят от отождествления реки Рузы и гор Аскарауза как определяющих ориентиров.

По мнению С.Г. Агаджанова, Руза - это река Шу, а Аскарауз - горы Тянь-Шаня.²⁵⁹ Исходя из этого, С.Г. Агаджанов помещает Хийам в долине р. Шу и сопоставляет его с городом Урду-Орду, о котором автор X в. ал-Макдиси писал: «Урду - маленький город, в нем царь туркмен, который постоянно посылает подарки владельцу Испиджаба. Вокруг него стена и ров, наполненный водой. Дом царя в цитадели».²⁶⁰

Если допустить тождество Хийам - Урду, то город надо искать где-то в местности между городами Мирки и Харраном или Харран-Джуваном, локализованными на трассе Великого Шелкового пути.²⁶¹ Для уточнения местоположения Хийама важное значение имеет замечание ал-Идриси о том, что Хийам является центром огузских племен, называющихся хандаги. Топоним хандаги сохранился до сих пор, это горы Хантау. Именно здесь в Хантау и следует искать Хийам, а севернее него, уже в Центральном Казахстане, должны были находиться города *Нуджан* и *Бадагах*.²⁶²

Южнее Хийама находился город *Джаджам*, причем между Хийамом и Джаджаном было 7 дней пути.²⁶³

Среди городов, расположенных в предгорьях Киргизского хребта, местоположение которых определено, названо «селение тюркского кагана», которое отождествляется с Чумышским городищем, находящимся в 20 км западнее Бишкека.²⁶⁴ Исследователи пишут о нем: «чрезвычайно мощные оборонительные сооружения внешней стены городища ставят их в особое положение среди городищ с длинными стенами...».²⁶⁵

Учитывая назначение города Джаджана как ставки и крепости, следует локализовать Джаджан на месте Чумышского городища в пограничной зоне Шуйской и Илийской долин.²⁶⁶

Огузский город *Дахлан* характеризуется у ал-Идриси как укрепленный город-крепость. Владелец города располагал многочисленным войском и совершал набеги на Тараз и Барикет.

Месторасположение Тараза и Барикета определено. Первый находился на месте современного Тараза, на левом берегу Таласа, а второй - северо-западнее Тараза. Если учесть, что Барикет в середине XIII в. известен под названием Паркент в маршрутке армянского царя Гетума, который, следуя из Тараза в северо-западном направлении, прошел через города *Хутухчин*, *Паркент*, *Сулхан*, *Уросоган*, *Койкан* и *Сузак*, то Хутухчин следует отождествить с городищем Майтобе, а Паркент – с Тамды.²⁶⁷

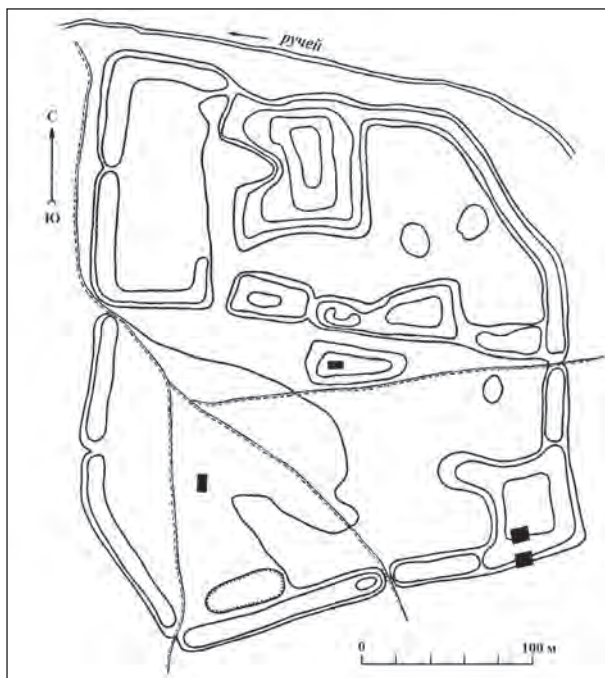

Рис. 40. Городище Чалдавар. План

Из сообщений ал-Идриси известно, что Дахлан славился как место торговли скотом, именно сюда купы из Шаша приезжали покупать верблюдов.²⁶⁸ В X в. ал-Макдиси сообщал, что недалеко от Тараза находился город «Дех-Нуджикет - маленький город, в нем рынок три месяца весной: мясо без костей продается 4 маны за дирхем».²⁶⁹

Дех-Нуджикет отождествляется с городищем Каракемир I, расположенным в 30 км северо-западнее Тараза и представляющим собой городище с двумя рядами стен, рвами и небольшой цитаделью.²⁷⁰

Таким образом, предположив тождество Дахлан - Дех-Нуджикет, следует локализовать огузский город Дахлан на месте городища Каракемир.

По словам ал-Идриси, в 5 днях пути от Дахлана находился *Гарбиан*, рядом с которым располагались серебряные рудники. Сюда регулярно ездили купцы из Шаша за серебром. Местоположение *Гарбиана*, согласно ал-Идриси, находилось к северо-западу от Дахлана, а на карте 1154 г. он отмечен около вершины Аскарауз.

А.Х. Маргулан помещал *Гарбиан* в Центральном Казахстане,²⁷¹ тогда как С.Г. Агаджанов был склонен искать его в горах Тянь-Шаня.²⁷²

Второе предположение более предпочтительно, поскольку наиболее известное в средневековье месторождение серебра находилось в горной части р. Талас, вблизи города Шельджи, отождествляемого с городищем Садыркурган.²⁷³ Серебро добывали также вблизи городов Куль, Сус и Текабкет в верховьях Таласа.²⁷⁴

Таким образом, *Гарбиану*, скорее всего, должно соответствовать одно из городищ верховьев Таласа. По мнению С.Г. Агаджанова,

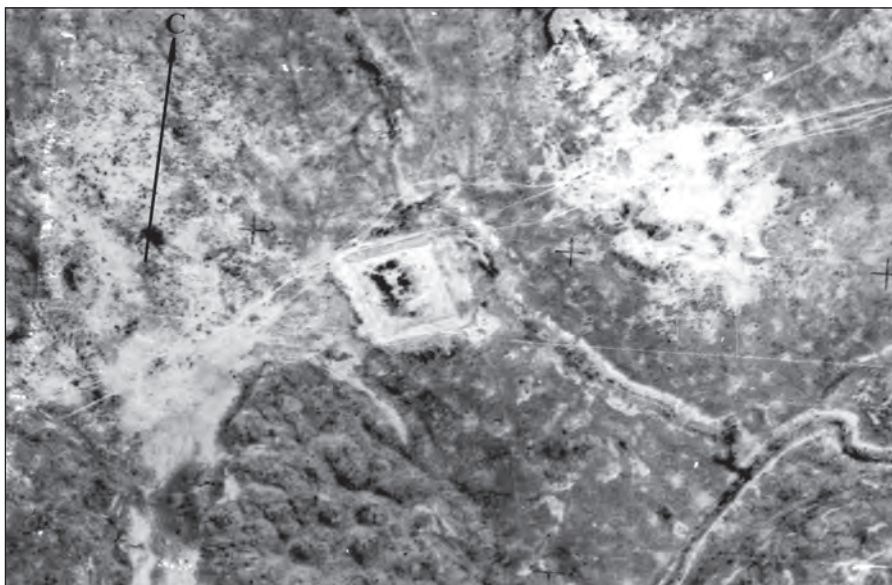

Рис. 41. Городище Карамерген. Аэрофото

название Гарбиан, вероятно, связано с названием серебряной руды.²⁷⁵ В таком случае Гарбиану могло соответствовать одно из разрабатываемых в средние века месторождений, расположенных на левом притоке Таласа Кумыштаге (серебряная гора).²⁷⁶ Крупнейшим здесь было городище Чалдывар, датированное X-XII вв. Это был металлургический центр.²⁷⁷ Чалдывар, скорее всего, и соответствует средневековому Гарбиану.²⁷⁸

В сочинении Ибн Ййса назван огузский город *Горгуз*, который лежал рядом или на горе, «лишенной растительности», расположенной южнее озера Горгуз. Это было «величайшее» пресноводное озеро, имеющее 400 миль в окружности. В озеро впадали воды пятидесяти рек.²⁷⁹

С.Г. Агаджанов считает, что озеро Горгуз - это Балхаш,²⁸⁰ а город, носящий это же имя, он локализовал в Шу-Илийских горах. Возможно предположить, что «горы, не имеющие растительности» к югу от озера, это дюнные пески Южного Прибалхашья (Сары-Есикотрау), которые прорезали протоки Или - баканасы. На одном из них - Ортасу были обнаружены и обследованы городища Агашаяк, Карамерген и Бархан. Все они, а особенно Карамерген, отличаются мощными оборонительными стенами с угловыми спаренными башнями, «Г»-образными въездами, рвами. Наиболее укрепленное из них - Карамерген, может соответствовать огузскому городу Горгузу, бывшему крепостью и городищем, характерным для кочевых и полукочевых племен.²⁸¹

Широкомасштабные раскопки городищ Жетысу накопили богатые коллекции керамики с VII по XII вв. и среди них есть керамика, которая связывается исследователями с огузами. Это керамика известна из сборов на прибалхашских городищах, в частности, с Карамергена и Актама, а также городища Жаксылык.²⁸²

В письменных источниках нет конкретных сведений о первоначальном месте обитания племен сельджукского объединения огузов. Однако в труде Захир ад-Дина Нишапури в качестве первородины сельджуков указывается регион Туркестана. В «Сельджук-наме» говорится, что они ушли затем из Туркестана и поселились в Нуре Бухарском и Согде Самаркандском. Аналогичные сведения приводятся Рашид ад-Дином и Хафиз-и Абру. В пользу этого мнения свидетельствует Гетум, который пишет о происхождении сельджукидов из окрестностей *Карачыка (Карачука)* и *Сыгнаха (Сыгнака)*.

В XI в. Карачуком назывались и горы, и город. Следовательно, колыбелью племен сельджукского объединения был район современного г. Туркестана в среднем течении реки Сырдарья.²⁸³

Данный вывод можно подкрепить историческими преданиями туркмен Самаркандской и Бухарской областей. Эти туркмены, входившие в сельджукскую группировку, поселились в Нуре Бухарском в X - начале XI вв. Согласно преданиям, они являлись пришельцами из Южного Казахстана, с берегов Сырдарьи. В качестве своей первоначальной родины они указывали область нынешнего Туркестана. Самаркандские и Бухарские туркмены рассказывают, что они отстали от основной части своего народа, ушедшего за Амударью. Предки туркменского народа, по их словам, двигались из Туркестана через Нур Бухарский и далее в Закаспийские степи.²⁸⁴

Махмуд Кашгарский писал, что «Карачук - название Фараба, а это название города гузов».²⁸⁵ Бесспорно Карачук у Махмуда Кашгарского - это тот же город, который ранее назывался *Шавгар*.

Если обратиться к этимологии имени Шавгар, то оно, по мнению В. Шуховцова, достаточно прозрачно и представляет собой согдийское отражение древнеиранского «*Syavagari*» - «Черные горы», «Черногорье».²⁸⁶ По-тюркски этот же термин звучит как «Каратау», «Карачук». Можно считать, что Шавгар - Табари Макдиси и ал-Идриси - это Карачук Махмуда Кашгарского.

Карачук, как уже сообщалось, уверенно отождествляется с городищем Тортколь I на реке Карашык, тогда как позднесредневековый Карачук Хафиза Таныша и русских источников XV-XVIII вв. соответствует городищу Тортколь II, расположенному на левом берегу р. Карачик.²⁸⁷

Месторасположение памятника Тортколь I, топография, характер подъемного материала и данные топонимики свидетельствуют в пользу отождествления его со средневековым Шавгаром, поздним Карачуком.²⁸⁸ Поэтому Махмуд Кашгарский и указывает на более раннее название Карачука - Фараб, бывшего в свое время составной частью округа Тарбанд, объединявшего и Фараб, и Шавгар.

Как выше отмечалось, в X в. в Отрарском оазисе появляется новый столичный город *Кедер*, о котором ал-Истахри сообщает следующее: «Ниже Кенджида находится округ Фараб, занимающий пространство по обеим сторонам Сырдарьи, меньше чем за один день пути в длину и ширину. Главный город Кедер находился на расстоянии половины фарсаха от реки».²⁸⁹

Этот город неожиданно исчезает со страниц летописей; в XI в. его не упоминает ни один средневековый автор.

Десятый век на Сырдарье был достаточно бурным. В конце IX в. печенеги (кангары) были разгромлены огузами, которые утвердились в их владениях.

У огузов, кроме ябгу, было несколько царей (князей), которые имели резиденции в городах. Видимо, одной из таких резиденций надо считать новую столицу Отрарского оазиса в X в. - Кедер.

Он, как установлено, соответствует городищу Куйрыктобе.²⁹⁰

На рубеже X и XI в. непрочное рыхлое государственное объединение огузов переживало острый кризис. Феодалные смуты, борьба за власть, острый конфликт правящей верхушки с простыми массами кочевого и оседлого населения привели к упадку государства. А в середине XI в. в степи Казахстана ворвались племена кыпчаков, под их ударами держава сырдарьинских ябгу окончательно пала. По-видимому, в это же время город Кедер перестал быть столицей.

Изучение топонима Кедер позволило в свое время С.П. Толстову, анализируя сходный урбоним Кердер, принадлежащий городу в низовьях Амударьи, прийти к выводу, что керд (керт) представляет собой одну из древнейших основ для обозначения города. В таком случае, отмечал он, Кедер означает «страну городов».²⁹¹

Вполне возможно и другое толкование.

Ибн Фадлан, путешественник X в., писал, что наместники огузского ябгу, а их было несколько, именовались кудеркин.²⁹² В таком случае Кудер (Кедер), возможно, и был резиденцией такого наместника.

Последнее толкование, вероятно оправданно и с исторической позиции, поскольку Кедер выступает в качестве главного города округа Фараб в период сложения на Сырдарье державы огузов и теряет свою роль столицы вместе с гибелью этого государства.

На средней Сырдарье находился еще один огузский город – *Карнак*,²⁹³ отождествлялся с городищем Ишкан, сохранившим название средневекового Карнака.²⁹⁴

Автор X в. ал-Макдиси так описывает город *Сауран*: «Сауран (Савран, Сабран) - большой город, окруженный семью стенами одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть находится во внутреннем городе. Он пограничная крепость против огузов и кипчаков».²⁹⁵

Махмуд Кашгарский называет Сауран в числе городов огузов. Следует отметить, что расселение огузов на среднем течении Сырдарьи подтверждается арабоязычными источниками X в. В сочинении Ибн Хаукаля говорится, что огузы жили по краям пустыни, где река Шаш пересекала границу Сабрана.

Интересные сведения о расселении огузов в этих сырдарьинских областях содержатся в персидской версии труда ал-Истахри. «Когда (река Чач), говорится в этом источнике, проходит пределы Сабрана, то на этой реке (в местности) Даруйте находятся жилища гузов».²⁹⁶

Интересно, что середине XIII в. Сауран под названием Савран, «который очень велик», указан в маршрутке армянского царя Гетума

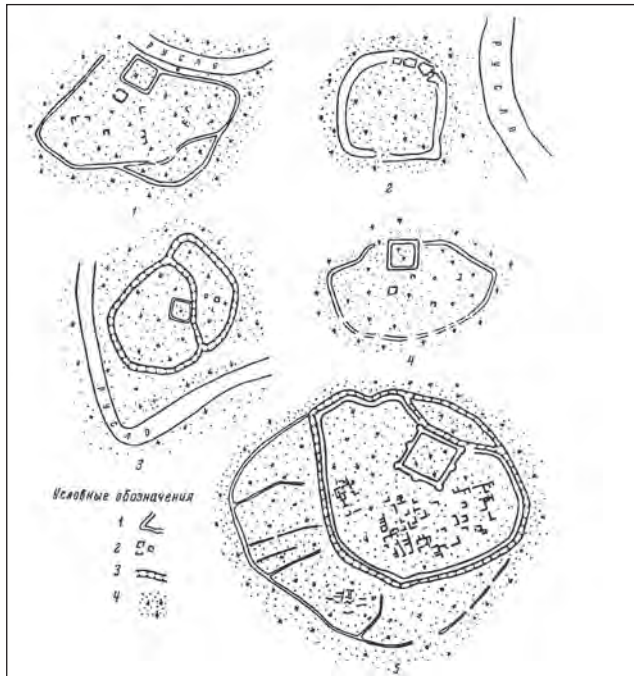

Рис. 42. Городища огузов в Приаралье. Планы

в одном ряду с Харчуком (Карачуком) и Асоном (Яссы). Он так же пишет о горах Харчук (откуда происходят сельджуки).²⁹⁷

Локализация домонгольского Саурана, который соответствует городу огузов, сейчас доказана - город отождествляется с городищем Каратобе, расположенным в 3 км восточнее городища Сауран.

Установлено, что Сауран в послемонгольское время был перенесён на новое место и домонгольский Сауран отождествляется с городищем Каратобе, датируемым первыми веками н.э. - началом XIII в. В пользу тождества Сауран-Каратобе свидетельствует топография городища, для которой характерно наличие нескольких рядов, которые можно сопоставить с «семью стенами», о которых писал ал-Макдиси.²⁹⁸

На левом берегу Сырдарьи, в ее среднем течении, находился город Сюткент, который согласно Махмуду Кашгарскому принадлежал огузам. Название города сохранилось до сих пор в имени современного поселка и расположенных рядом средневековых городищ.²⁹⁹

Одним из центров огузов и туркмен сельджукского объединения был также город *Сызнак*.³⁰⁰

Уже отмечалось, что столицей огузов был город Янгикент - новый город. Однако если была новая столица, то должна быть и старая. И ей, скорее всего, соответствовал город *Хора-Хувара-Джувара*.

В низовьях Сырдарьи находится крупное городище Асанас. Оно отождествляется со средневековым городом *Ашанас* (*Ашнас*).

Он также относился к огузским городам. Город сохранил свое название до сих пор, так называется городище в 30 км северо-западнее г. Кызылорда.³⁰¹

О локализации Дженда

С Джендом связано много исторически значимых событий. Среди них такие, как миграция в X в. части огузов и туркмен, предводительствуемых сельджукидами, на территорию Джендской области и непосредственно захват Дженда; борьба сельджукидов с правителем Джанкента Али и его сыном Шах-Меликом, наместником Дженда; войны сельджукидов и хорезмшахов за обладание низовьями Сырдарьи и Дженда.³⁰²

Во время монгольского нашествия город захватил Джучи-хан в 1220 году и сделал его своей ставкой. С именем города связана борьба эмира Ходженда Темур-мелика, давшего монголам героический отпор.³⁰³

По названию города именовалась область, а Аральское море называлось Джендским озером, пустыня Кызылкум – Джендской

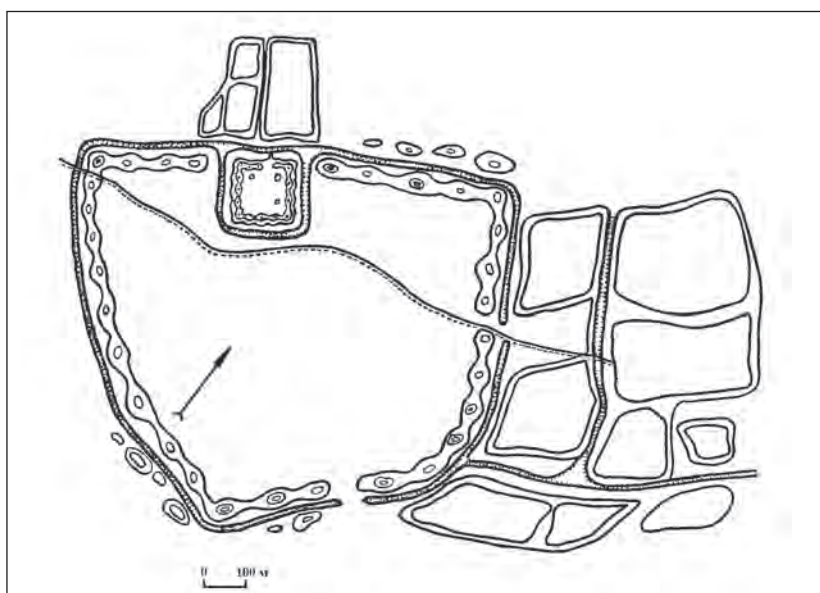

Рис. 43. Городище Сюткент. План

пустыней.³⁰⁴ С Джендом были связаны судьбы выдающихся людей – Джалал ад-Дина Манкбурны, о котором современники говорили: «это был лев среди львов и самый отважный среди всадников-смельчаков он любил облегчать жизнь подданных». Видным поэтом времени правления хорезмшахов был Гийас ад Дин Абу-л-Маджд Мухаммад ибн аль-Хасан ибн Ибрахим аль-Дженди. Про него ибн аль-Фувати написал, что «он был одним из прекраснейших поэтов, стихи которого были замечательны».³⁰⁵

В Дженде был похоронен Сельджук,³⁰⁶ там же находилась могила известного суфия Камалиддина ал-Хорезми, называемого Шейх Баба. Наконец, Дженд для хорезмшахов (как это звучит в указах) был «главнейшей местностью мира и величайшей пограничной окраиной ислама» и Дженд – «основа и начало нашего победоносного

Рис. 44. Городище Джан-кала. Аэрофото

государства». Хорезмшах придавал Дженду такое же значение, как самому Хорезму.³⁰⁷ У географа Якута (XII в.) Дженд упоминается при описании пути из Хорезма по Сырдарье через селения *Бугайдид*, или Багдадех, в малый Багдад, находившийся между Хорезмом и Джендом. В 20 фарсах от Дженда находилось селение *Сагдере*, а в окрестностях Дженда источники упоминают город *Хайрабад*.

В.В. Бартольд заметил, что Дженд располагался в той же местности, что и Джанкент, на расстоянии 20 дней пути от Фараба, десяти дней от Хорезма, двух дней от Аральского моря и одного фарсаха от реки и локализовал его в урочище Тумар-уткуль, в 30 км от Кызылорды.³⁰⁸

Абу Рейхан Бируни отмечает, что Новое селение (Джанкент), Дженд и Хора располагались в устье Сырдарьи (низовье Чача), впадающей в Джендское озеро.³⁰⁹

Косвенную информацию о близости расположения Дженда и Хоры (Кескен-Куюккала)³¹⁰ можно увидеть в находке монет чекана Бухары, относящихся к IX-X вв. на городище Кескен-куюккала.³¹¹ Обнаруженный нумизматический материал связан с военно-политическим союзом сельджукидов Дженда и саманидов. В борьбе между караха-

нидами и саманидами сельджукские племена Дженда оказали военную помощь саманиду Нуху ибн Мансуру, благодаря которой последний вернул Бухару после ее захватам Богра-ханом.³¹²

В 1145 году хорезмшах Атсыз, совершив стремительный бросок из Гурганджа через пустыню и после осады, без кровопролития захватывает Дженд и низовья Сырдарьи. З.М. Бунятов приводит содержание победной грамоты (фатх-наме): «...Дженд является важной областью мира и великой границей ислама: освобождение его, преславный и всевышний господь сделал для вас доступным и накинул на него аркан повиновения и послушания нам... [Так продолжалось до тех пор], пока ... не привело в начале раби II 540 года (октябрь 1145 г.) к нашему выступлению из Хорезма - центра величия и местопребывания нашего счастья и не внесло в наши достойные мысли намерение отправиться в область Дженд. Сопутствуемые благополучной судьбой и счастливой звездой, мы изволили двинуться. Государство [наше] сильно, победа ожидалась великая, судьба повиновалась нам. Пустыню Дженда, известную как один из страшных и грозных путей, мы, с помощью Аллаха и при поддержке небес, пересекли за одну неделю и 8-го этого месяца (27 октября) остановились на берегу моря, в известном местечке, которое именуют Дженаг-дара, в 20 фарсахах от Дженда. Как только вьючные животные победоносного войска (да дарует ему Аллах победу!) немного отдохнули, мы в течение одной ночи пришли к Дженду и в пятницу утром, 9-го числа (28 октября), достигли ворот Дженда...».³¹³

Об огузском периоде в жизни города свидетельствуют монеты. Дженд, как крупный город и один из центров огузов, чеканил монету. Первые монеты Дженда X-XI вв. были обнаружены в собрании отдела нумизматики Эрмитажа.

Затем в Самаркандской области на холме Койчилитепа был найден клад куфических фельсов, в котором оказалась аналогичная эрмитажной монета. Самые поздние монеты Койчилитепинского клада датируются 415/1024-25 г. Эта дата определяет и верхнюю хронологическую границу выпуска джендских фельсов.³¹⁴

В частном собрании коллекционеров удалось обнаружить еще один фельс с двусторонней розеткой, причем в центре одной из розеток помещено имя Али.³¹⁵ Это, очевидно, упоминание огузского ябгу, сын которого, Шах-Малик б. Али, определенно названный в рукописных источниках как владетель Дженда второй четверти XI в. Относительно времени правления самого Али достоверных сведений в источниках нет, но считается, что он пришел к власти, вероятно, не раньше середины - начала второй половины X в.³¹⁶

Десять эпиграфных фельсов с двусторонней розеткой найдены в разное время на городище Варахша в бухарском оазисе. Фельсы относятся в X-XI вв.³¹⁷

В первую очередь для Дженда и его округа существенно то, что они характеризуют состояние именно Дженда, свидетельствуя о важном

его торгово-экономическом значении (быть может, возросшем к началу XII в.), о значительном развитии внутренней мелкой торговли товарами повседневного потребления. С другой стороны, джендские фельсы выполняли отчасти еще одну функцию, участвуя, как показывают монетные находки, в межобластной торговле. Выявление медного джендского чекана открывает ту сторону жизни Дженда, которая до сих пор была совершенно неизвестна. Не менее важно его обнаружение для истории государства сырдарьинских ябгу. Фельс с именем Али - это первый (и пока единственный) образец именного чекана огузск их ябгу.

С.Г. Агаджанов считал, что ябгу Али из рода барани достиг власти не ранее середины X в., продолжительность же его правления не известна. Столицей его владений был Янгикент.

Скорее всего, в конце 80-х годов X в. Дженд был захвачен Сельджуком, вождем одной из туркменских группировок, в борьбе с огузским ябгу, который в источниках не назван по имени и в котором С.Г. Агаджанов предлагал видеть Али. После смерти Сельджука, между 1010-1032 гг., вожди его группировки потеряли Джендскую область и покинули низовья Сырдарьи, а Дженд вновь вошел в сослав державы сырдарьинских ябгу, но уже, видимо, при следующем правителе Шах-Малике.³¹⁸

Монеты являют собой источник вполне объективный. Судя по этим фельсам, Али был жив еще в первой четверти XI в., а к его сыну Шах-Малику власть перешла не раньше этого времени. Ясно также, что именно Али вначале потерял Джендскую область, а затем сумел вернуть ее, вытеснив Сельджукскую группировку до 1024 г. Вновь овладев Джендом, Али и выпустил фельсы.

Намного больше достоверных известий дошло о Шах-Малике б. Али. Вражда между ним и потомками Сельджука была особенно непримиримой. Когда в 1034 г. хорезмшах Харун б. Алтунташ отвел Сельджукидам земли на окраинах Хорезма, Шах-Малик напал на них, разгромил и перебил много людей, вынудив сельджукидов бежать в Хорасан и решительно отвергнув предложения Харуна о посредничестве. В 1041 г. Шах-Малик в битве на равнине Асиб разбил Исмаила, брата и преемника Харуна, и захватил Хорезм. Тем временем сельджукиды в Хорасане усилились, нанесли несколько поражений газиевидам и уже в 1043 г. внук Сельджука Чагры-бек Дауд, бежавший в 1034 г. от Шах-Малика, совершил победоносный поход на Хорезм, откуда теперь был вынужден бежать уже Шах-Малик. В конце концов, он был схвачен в Кермане и умер в плену.³¹⁹

Неясно, кто управлял Джендской областью после бегства Шах-Малика. Сообщается лишь, что когда Алп-Арслан, сын Чагры-бека Дауда, совершил в 1065 г. поход на Дженд, его встретил некий Дженд-хан (т. е., очевидно, просто «хан Дженда») и был оставлен правителем области.³²⁰ Присоединив низовья Сырдарьи к своей империи, около 1137 г. Атсыз, хорезмшах из династии Аиуштегинидов, вассал Сельджукида Санджара, предпринял поход на Дженд и завоевал его, а затем отделился

от Санджара. В 1138 г. в битве у Хазараспа Атсыз был разбит последним и бежал, но вскоре после ухода Санджара возвратился в Хорезм.

На каком-то из этапов затянувшейся на много лет борьбы с Санджаром Атсыз потерял Дженд, где утвердился хан Камал ад-Дин, происходивший из Караханидов.

Хорезмшах заключил с ним союз для совместного похода против неверных кыпчаков, но когда хорезмшахское войско в 1152 г. подошло к Дженду, хан, напуганный его многочисленностью, бежал. Атсыз отправил к нему послов, убедив вернуться, а затем схватил и до конца его жизни продержал в плену.³²¹

Скорее всего, Джендская область принадлежала караханидам между 1138-1152гг.³²²

П.И. Лерх в 1867 году совершил командировку в Туркестан, во время которой делались попытки установить месторасположение Дженда. В.А. Каллаур считал Джендом развалины Кыс-калы или Гыш-калы, расположенных в 25-30 верстах от Перовска.³²³ В.В. Бартольд по вопросу локализации Дженда разделял точку зрения В.А. Каллаура.³²⁴

С.П. Толстов установил локализацию Дженда.³²⁵

По мнению С.П. Толстова, все крупные города в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи сохранили до сих пор или, по крайней мере, сохраняли еще недавно свои названия в почти не измененном, во всяком случае, легко узнаваемом виде: Янгикент - Джанкент-кала, Сауран - Сауран, Сыгнак - Сунак-курган; Ашнас - Асанас. Мало вероятно, считает он, чтобы имя такого значительного центра средневековья как Дженд, полностью было забыто. И единственным памятником Нижней Сырдарьи, до сих пор носящим созвучное с Джендом имя, считает он, является городище Джан-кала.

Важным ориентиром, по мнению С.П. Толстова, мог бы явиться, если бы можно было определить его местоположение, упоминаемый в сборнике документов XII в. («Инша») пункт Сагдере, расположенный на реке по дороге из Хорезма в Дженд, в 20 фарсах от Дженда. Если отложить это расстояние на запад от Джан-кала по линии современной дороги Тахта-Купыр - Кызылорда вдоль русла Жанадарьи, то оно окажется совпадающим с городищем Чирик-рабат (по прямой 110 км от Джан-кала).

Сагдере – тюрко-иранское сочетание слов со значением «правая долина», «правое русло». Как раз перед Чирик-рабатом Жанадарья разветвляется на два рукава, на правом из которых, недалеко от его истока, расположены развалины. Приведенные выше аргументы позволяют считать идентификацию окончательной. Чирик-рабат - это раннесредневековое урочище Сагдере, Джан-кала - город Дженд.

Дальнейшие воздушные и наземные раскопки показали, что Джан-кала был центром значительного района, густо заселенного в XII-XIII вв.

Далее к югу расположен комплекс средневековых развалин Кум-кала 2: большой центр и примыкающий к нему обширный рустак.

Следы средневековой ирригации, усадеб, развалины значительных укреплений тянутся вдоль южного берега Жанадарьи почти до края современной культурной полосы, по крайней мере, на 40-50 км на восток от Джан-кала. Во всем этом комплексе памятников Джан-кала, бесспорно, наиболее значительный.³²⁶

Вслед за С.П. Толстовым ученые, занимающиеся разработкой вопросов, прямо или косвенно связанных с историей этого знаменитого города, отождествляют Дженд с городищем Джан-кала.³²⁷

К сожалению, описания городища Джан-кала, приведенные в работах С.П. Толстова, отрывочны, а датировки, основанные на подъемном материале, не дают возможности широких рассуждений. Так, С.П. Толстов пишет: «Керамика городища относится к нескольким историческим периодам. Большую группу составляют изделия типологически близкие формам, бытовавшим в Хорезме в XIII-XIV вв. Наконец, на городище найдены образцы хорошо известных люстровых сосудов XVI-XVII вв., селадоновых и фарфоровых чаш (типа кобальт) XVI-XVII вв.»³²⁸ Эти описания керамики свидетельствуют об отсутствии материала, который может быть датирован временем ранее XIII-XIV вв.

В 2009 г. изучение городища было возобновлено.

Городище Джан-кала имеет трехчастное деление: цитадель, шахристан и рабад. Цитадель городища представлена несколькими элементами - это дворец, окружающая его внешняя стена и угловая северо-восточная башня. Внешняя стена цитадели шириной 1 м окружает дворец и формирует внутреннее пространство цитадели размерами 75x75 м. Центральное сооружение, условно называемое дворцом, имеет размеры 37x28 м. И, наконец, восьмиугольная башня, диаметром 8 м, устроена в северо-восточном внешнем углу цитадели. Шахристан городища окружен стеной, ширина которой достигает 5 м, включая оплывы. Стена во всех частях сильно разрушена, хотя высота ее колеблется от 0,2 до 3 м. Шахристан занимает площадь 23 га. Направления стен шахристана повторяют направления стен цитадели.

На территории шахристана расположено несколько крупных объектов. Среди них два объекта могут быть интерпретированы как караван-сарай.

Рабад городища обширен. По линии запад-восток его территория вытянута на 1800 м, а по линии север-запад - на 1500 м. Застройка рабада не регулярная.

В юго-западной части городища расположена загородная резиденция. Функциональное назначение ее выявлено по наличию центрального сооружения 37x26 м, сложенного комбинацией сырцового и жженого кирпича; сада-чорбак, представляющего собой обширную территорию 4,8 га, обнесенную стеной и имеющую локальную ирригационную систему; многочисленных построек второго порядка. Вся территория загородной резиденции была обнесена стеной шириной 1 м, в восточной части устроен мощный (3 м шириной) въезд в виде портала пештака.

С восточной стороны городища в непосредственной близости от внешней стены шахристана зафиксированы руины мечети (объект 4) размерами 9,7х9,7 м, с сохранившейся михрабной стеной и нишей. Стены мечети сложены из сырцового кирпича. Мечеть, вероятнее всего, является поминальной. На это заключение наталкивает факт расположения поблизости руин двух мавзолеев, сооруженных из жженого кирпича и украшенных глазурованной плиткой со штампованным орнаментом растительного характера.

С южной стороны городища, также на территории рабада, зафиксированы развалины еще одной мечети, сложенной из жженого кирпича. Размеры мечети 12,3х7,3 м. Эта постройка также может быть отнесена к типу поминальных, но по другому признаку, в отличие от выше описанной. Мечеть имеет два зала. Внешний - гурхана и внутренний - собственно мечеть.

Многочисленные усадьбы, мавзолеи, поля разбросаны по всей территории рабада.

Ирригационная система городища базировалась на мощном канале, выведенном из Жанадарьи.

В ходе проведения исследований на городище собран обширный подъемный материал. В основном это керамика, монеты, изделия из стекла и металла.

Керамический материал, полученный в процессе реализации археологических работ на городище Джан-кала, в основном представлен фрагментами неполивной сероглиняной посуды, штампованной поливной керамикой.

Изученный керамический комплекс городища дает относительную дату в пределах середины XIV в., для основной массы керамики вплоть до XVI-XVII вв.

Интерес представляют монетные сборы на городище Джан-кала.

В значительном по объему нумизматическом материале, собранном в последнее время на городище Джан-кала, представленным подъемным материалом (108 медных и 15 серебряных монет), по определению нумизматов монет чекана Дженда X-XII вв. обнаружено не было. В монетном обращении этого памятника преобладают монеты Хорезма XIV в.

Таким образом, на городище Джан-кала монеты X-XII вв. отсутствуют.

Выше отмечалось, что в коллекции керамики так же нет материалов раньше XIII-XV вв. Поэтому тождество города Дженда и городища Джан-кала не подтвердилось и поиски развалин Дженда продолжаются.³²⁹

- 1 *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. - СПб., 1870.
- 2 *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Соч. - М., 1966. - Т. IV - С. 21-87.
- 3 *Лукин В.Б.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане // Туркестанский кружок любителей археологии (1985-1917). - Ташкент, 1958; Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии // Историко-культурные памятники Казахстана. - Туркестан, 2011. - С. 27-62; 62-69; 69-78; 78-85; 85-89; 124-134; 144-145; 168-171; 182-105; 199-203; 204-211; 223-227; 228-232; 232-235; 229-246; 268-274; 283-290; 290-294; 310-336; 336-241; 342-344; 349-356; 400-402; 418-419; 432-435.
- 4 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины. - Алма-Ата, 1941; *Бернштам А.Н.* К исторической топографии Чуйской долины (из археологических работ 1939 г. в Киргизии) // ВДИ. - 1940. - № 2. - С. 191-198; *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1948. - Вып. 1. - С. 79-91; Древний Отрар (Предварительный отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1951. - Вып. 3. - С. 81-97; *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Средневекового Казахстана // Труды ИИАЭ - Алма-Ата, 1958.
- 5 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Якерта. - М., 1962.
- 6 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950.
- 7 *Байпаков К.М.* О локализации городов Илийской долины // Вестник АН КазССР. - 1968. - № 7. - С. 21-25; *Ерзакович Л.Б.* Караванные пути на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1969. - № 2. - С. 79-84; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. - Алма-Ата, 1986.
- 8 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 83.
- 9 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 232-233.
- 10 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 233.
- 11 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 84.
- 12 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 232-233.
- 13 *Иванов П.П.* К вопросу об исторической топографии старого Сайрама // *В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели.* - Ташкент, 1927. - С. 151-164; *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. V. Археология. - С. 124-131; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.)... С. 23.
- 14 *Массон М.Е.* Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. - Ташкент, 1928. - Вып. 3. - С. 35-39.
- 15 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 75.
- 16 *Массон М.Е.* Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. - Ташкент, 1928. - Вып. 3. - С. 40-41.
- 17 *Массон М.Е.* Старый Сайрам... С. 41.
- 18 *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1949. - Вып. 2. - С. 74-76; *Агеева Е.Н.* Керамика городов и поселений Среднего течения Сырдарьи и Каратау // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1949. - Вып. 2. - С. 103.

- 19 *Байтанаев Б.А.* Вопросы локализации Нуджкета // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научно-практ. конф. «Маргулановские чтения-15. - Алматы, 2004. - С. 80-81.
- 20 *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб. - Шымкент-Алматы, 2003. - С. 12-13.
- 21 *Агеева ЕМ, Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 131; Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. - Алматы, 1994.
- 22 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. - Алматы, 1994.
- 23 *Бартольд В.В.* Чимкент // Соч. - М., 1965. - Т. III. - С. 563-564.
- 24 *Байпаков К.М., Байтанаев Б.А., Сулейманов Р.Л., Грищенко А.С.* Стратиграфия городища Шымкент: возникновение и развитие города // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: матер. международ. научно-практ. конф. 16 октября 2008 г. - Шымкент, 2008. - С. 19-37.
- 25 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.)... С. 24.
- 26 *Байтанаев Б.А.* История Шымкента. - Алматы, 2012. - С. 69-77.
- 27 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Алматы, 2012. – Кн. 1.
- 28 *Бартольд ВВ.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Соч. - М., 1963. - Т. II. - С. 81-112.
- 29 *Агеева ЕИ, Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 131-133.
- 30 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 81.
- 31 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 76.
- 32 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 76.
- 33 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 205.
- 34 *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб... С. 43-61.
- 35 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 78.
- 36 *Бетгер Е.К.* Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. - Ташкент, 1957. - Новая серия. Вып. CXI. Исторические науки. - Кн. 25. Археология Средней Азии. IV. - С. 24.
- 37 *Худуд ал-Алем.* Рукопись Туманского. С введением и указателем *В.В. Бартольда* - Л., 1930. - С. 246.
- 38 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 85.
- 39 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 85.
- 40 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 233.
- 41 *Акишев К.А., Байпаков КМ., Ерзакович Л.Б.* Новое в средневековой археологии Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 14; *Массон М.Е.* Исторический этюд по нумизматике джагатаидов // Труды САГУ. - Вып. CXI. Исторические науки. Археология Средней Азии. - IV, Кн. 25. - Ташкент, 1957. - С. 76; *Жуков В.Д.* Чекан Кендже и анэпиграфные монеты в Дукентском кладе // ИМКУ. - Ташкент, 1961. - Вып. 2. - С. 307.
- 42 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных и обработанных В.Г. Тизенгаузеном и обработанных Н.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. - М.-Л., 1941. - Т. II. - С. 112.
- 43 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 109.

- 44 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. - СПб., 1914. - С. 233.
- 45 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 233; МИТТ. - Т.1... С. 183-184, 291; *Бетгер Е.К.* Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн Хаукаля // Труды САГУ. - Ташкент, 1957. - Новая серия. Вып. СХІ. Исторические науки. - Кн. 25. Археология Средней Азии. IV. - С. 24.
- 46 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана... С. 224.
- 47 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 233-234.
- 48 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 234; *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С.270; *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. С.80.
- 49 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80-81.
- 50 *Давидович Е.А.* Бараб - новый монетный двор Саманидов и Ануштегинидов // Письменные памятники Востока. - М., 1972. - С. 124-126.
- 51 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 270.
- 52 *Кандия Малая.* Перевод В. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. - 1906. - Вып. VIII. - С. 242; *Якубовский А.Ю.* датирует поход на Шавгар концом IX в. См.: *Якубовский А.Ю.* Об одном раннесаманидском фельсе // КСИИМК. - 1946. - Вып. XII. - С. 111; МИТТ... - Т.1. - С. 144.
- 53 МИТТ... - Т. 1. -С. 167,
- 54 МИТТ... - Т. 1. - С. 78.
- 55 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 72-75; *Якубовский А.Ю.* Вопросы этногенеза туркмен // СЭ. - 1947. - № 3. - С. 48-54; *Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. - 1947. - № 3. - С. 56-57; *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. - М.-Л., 1963. - Т. II. ч. II. - С. 563-565; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948. - С. 248.
- 56 *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. - М., 1968. - Т. V. - С. 93-101; *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах // Соч. - М., 1968. - Т. V. - С. 400.
- 57 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 72-75.
- 58 *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. - М., 1968. - Т. V. - С. 93-101.
- 59 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 158.
- 60 *Бартольд В.В.* предлагал локализовать Кедер севернее развалин Отрара. См.: Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. - М., 1963. - Т. 1. - С. 234.
- 61 *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе - город Кедер. - Алматы, 2005.
- 62 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 84.
- 63 МИТТ... - Т.1. - С. 349.
- 64 *Бернштам А.Н.* определяет для района среднего течения Сырдарьи XI-XII вв. как время сложения культурной и до известной степени политической автономии. См.: *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археолог. - 1950. - Вып. 2. - С. 78.
- 65 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 86-87.
- 66 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 386.
- 67 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 429.
- 68 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - СПб., 1884. - Т. I. - С. 5. Рашид ад-Дин характеризует это событие более подробнее. «В караване, - пишет он, - насчитывалось 450 мусульман. Чингисхан

- присоединил к гем купцам в качестве послов Махмуда Хорезми, Али Ходжу Бухари и Юсуфа Каика Отрари, отправил их к Хорезмшаху с известием». См.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. - М., 1952. - Т. I. - Кн. 2. - С. 188.
- 69 *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1220 гг. и его последствия // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. - М., 1970. - С. 106-107.
- 70 МИТГ... - Т. 1. - С.216.
- 71 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 234.
- 72 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 124.
- 73 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана... С. 224.
- 74 *Агеева Е.И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 24.
- 75 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 234-235.
- 76 Цит. по: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - Л., 1964. - С. 158.
- 77 МИТГ... С. 184.
- 78 МИТГ... С. 216.
- 79 МИТГ... С. 178.
- 80 МИТГ... С. 311.
- 81 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 119-121.
- 82 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80-81.
- 83 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 165-170.
- 84 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. - Алматы, 2012. - Кн. 1. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы раннего средневековья. - С. 213-215.
- 85 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80.
- 86 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 104.
- 87 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар... С. 177.
- 88 МИТГ... С. 312.
- 89 *Бернштам АН.* Древний Отрар // *Известия АН КазССР. Серия археологии*. - 1951. - № 3. - С. 23.
- 90 МИТГ... С. 258; *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана... С. 225.
- 91 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 86.
- 92 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998; *Смагулов Е.А.* Древний Сауран. - Алматы, 2011.
- 93 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. - Алматы, 2005.
- 94 МИТГ... С. 311.
- 95 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 236.
- 96 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 482.
- 97 МИТГ... - Т. 1. - С. 184.
- 98 *Чабров Е.Г.* Из истории изучения развалин древнего города Джанкента // *Труды САГУ*. - Новая серия. Вып. СХI. - Исторические науки. - Кн. 25. - Археология Средней Азии. - Ташкент, 1957. - IV. - С. 197-230.
- 99 *Байпаков КМ.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // *Известия НАН РК*. - 2007. - № 1. - С. 52.
- 100 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана... С. 277.
- 101 *Вактурская Н.Н.* Новые данные о городище Асанас // *Этнография и археология Средней Азии*. - М., 1979. - С. 127-133.

- 102 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 28.
- 103 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв в долине р. Талас и смежных районах... С. 81.
- 104 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья...
- 105 Византийские историки / Составитель С. Дестунис. - СПб., 1860.- С. 380.
- 106 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964. - С. 131.
- 107 *Зуев Ю.А.* Поход гуннского Шаньюя Чжи-Чжи на Талас и вопрос о так называемом массовом проникновении гуннов в Среднюю Азию // Труды КАЭЭ. - 1959. - Т. III. - С. 163-168.
- 108 *Зуев Ю.А.* Китайские известия о Суябе // Ранние тюрки; очерк истории и идеологии. - Алматы, 2002. - С. 269.
- 109 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 76-78.
- 110 *Бартольд В.В.* Тараз // Соч. - М., 1965. - Т. III. - С. 495.
- 111 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 81.
- 112 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 83.
- 113 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 83
- 114 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 87.
- 115 *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию // Соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 115; *Умняков И.И.* Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. // Известия Средазкомстариса. - Ташкент, 1928. - Вып. III. - С. 265-275; *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины. - Алма-Ата, 1941; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972; *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2012. С. 298-365.
- 116 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 79-80; *Большаков О.Т.* К истории Таласской битвы // Страны и народы Востока. - Л. - 1980. - Вып. XII. - С. 132-134.
- 117 *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 171-177.
- 118 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 82.
- 119 *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // История Центральной Азии. Памятники рунического письма. - СПб., 2003. - С. 288-289.
- 120 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 100-108.
- 121 *Наршахи Абу-Бакр Мухаммад*, сын Джафара Наршахи // История Средней Азии. - М., 2003. - С. 122-123.
- 122 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI в. о долине р. Талас и смежных районах... С. 82.
- 123 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - С. 68.
- 124 *Волин С.Н.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 84.
- 125 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Таласской долины. - Алма-Ата, 1941. - С. 44.
- 126 *Ремпель Л.Л.* Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1956. - Т. 1. - С. 72.
- 127 *Байтанаев Б.А.* Вопросы локализации Нуджикеса // Труды научно-практ. конф. «Маргулановские чтения-15». - Алматы, 2004. - С. 76-79.

- 128 *Байтанаев Б.А.* Вопросы локализации Дахкета // Матер. Междунар. археолог. конф. «Маргулановские чтения-2011». - Астана, 2011.
- 129 *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннем средневековье. Переводы. - Баку, 1993. - С. 48.
- 130 *Байпаков К.М.* Городище Каракемир // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. - Алматы, 2002. - С. 141. - Рис. 181; *Байпаков К.М.* Тараз и средневековые города Таласской долины // Матер. Междунар. научно-теорет. конф. «Тараз: диалог тысячелетий и цивилизаций» (26-27 сентября 2002). - Тараз, 2002. - С. 27.
- 131 *Пацевич Г.П.* Памятники междуречья Талас – Чу // Архив ИИАЭ АН КазССР. Ф.2. Д.6. Рукопись. - С. 157-158.
- 132 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI в. о долине р. Талас и смежных районах... С. 74, 77.
- 133 *Бартольд В.В.* Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 28.
- 134 Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. - СПб., 1913. - С. 757.
- 135 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 77.
- 136 *Бартольд В.В.* Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии... С. 28.
- 137 *Каллаур В.А.* Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата к границе Чимкентского уезда // Протоколы ТКЛА. - 1904 - № 9. - Приложение. С. 53.
- 138 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 84.
- 139 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 91.
- 140 Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. - Алматы, 1993. - С. 109.
- 141 *Бубнова М.А.* Горно-металлургическая область Шельджи в IX-XII вв.: автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1963.
- 142 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников в IX-XVI вв. о долине р Талас и смежных районах... .
- 143 *Кожмяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 145-171, 191-196.; *Бубнова М.А.* Горно-металлургическая область Шельджи в IX-XII вв... С. 125-144; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - С. 143-147.
- 144 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 94-99.
- 145 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С.7.
- 146 *Максимова Л.Г.* Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 146-158.
- 147 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р Талас и смежных районах... .
- 148 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р Талас и смежных районах... С. 77.
- 149 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 31; *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана... С. 55-57.
- 150 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 82.
- 151 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 77.
- 152 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 74, 77, 80.
- 153 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 82.

- 154 *Кузнецова О.В., Нуржанов А.А.* Городище Мерке. - Алматы, 2009.
- 155 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 91-92.
- 156 *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Капеева Г.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011. - С. 452-462.
- 157 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Соч. - М., 1964. - Т. 2, Ч. 2. - С. 282.
- 158 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции. - М., 1950. - С. 24-25.
- 159 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 205.
- 160 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников в IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80.
- 161 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 31.
- 162 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 76-77.
- 163 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период... С. 282.
- 164 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 24-25.
- 165 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 74, 77.
- 166 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959. - С. 94.
- 167 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 74, 77.
- 168 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 30-47.
- 169 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период... С. 269.
- 170 *Лившин В.А.* Согдийский брачный контракт начала VIII в. // СЭ. - 1960. - № 5. - С. 80-84.
- 171 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 76.
- 172 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период... С. 294.
- 173 *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* К вопросу о локализации Навакета // Культура и искусство Киргизии»: тезисы докл. Всесоюзной науч. конф. - Л., 1983. - Вып. 1. - С. 74-75; Красная речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). - Фрунзе, 1989.
- 174 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. - Т. II, ч. 1. - М., 1963. - С. 38.
- 175 *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Каткова Г.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011. - С. 446-451.
- 176 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 112.
- 177 Такая этимология Кирмирау предложена В.А. Ромодиным в устной беседе с автором.
- 178 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 33.
- 179 *Зуев Ю.А.* Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. - 1960. - Вып. 3 (14). - С. 87-89.
- 180 *Зуев Ю.А.* Китайские известия о Суябе... С. 95-96.
- 181 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 33.
- 182 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 74.
- 183 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 40; *Бартольд В.В.* Баласагун // Соч. - М., 1965. - Т. 3. - С. 355-357.

- 184 *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов // Соч. - М., 1968. - Т. 3. - С. 74-78.
- 185 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 84.
- 186 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 82, 83-86, 99.
- 187 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 54-56.
- 188 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане... С. 282-283.
- 189 *Бартольд В. В.* Баласагун... С. 357.
- 190 *Бартольд В.В.* Баласагун... С. 357.
- 191 *Петровский Н.Ф.* Башня Бурана близ Токмака // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. - СПб., 1894. - Т. VIII. - С. 354.
- 192 *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (География). – Ташкент, 1977. - С. 24.
- 193 *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. – Фрунзе, 1983. - С. 54-66; *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). - Фрунзе, 1989. - С. 176.
- 194 *Шалекенов У.Х.* Актобе - средневековый памятник // История материальной культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С. 13-40.; *Шалекенов У.Х.* (Баласагун). Город Баласагун в V-XIII вв. – Алматы, 2009.
- 195 *Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов А.В.* Баласагун и Орда - монетные дворы Чуйской долины первой трети XIII в. // Известия НАН РК – 2012. - № 3. - С. 174.
- 196 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 12-14, 21-22.
- 197 *Clauson V.* Ak-Beshim-Sujab // Труды международного конгресса востоковедов. - М., 1965. - С. 126-127.
- 198 Переход звука «Ч» в звуки «С» и «Ш» вполне оправдан. См.: *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 74 (прим.).
- 199 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 85.
- 200 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 83.
- 201 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964. - С. 1-15.
- 202 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 36,38.
- 203 *Бартольд В.В.* Балык // Соч. – М., 1965. - Т. 3. - С. 365.
- 204 *Толстов С.П.* Города гузов (Историко-этнографические этюды) // СЭ. -1947. - № 3. - С. 72.
- 205 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С. 132.
- 206 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С.132.
- 207 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 84.
- 208 *Зуев Ю.А.* Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. - 1960. - Вып. 3. - С. 94.
- 209 *Бартольд В.В.* Очерк по истории Семиречья... С. 34.
- 210 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 183.
- 211 *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. -Алма-Ата, 1974. - С. 229.
- 212 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 24, рис. 7.
- 213 Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М., 1973. - Вып. 1. - С. 42.
- 214 *Бартольд В.В.* Работы по отдельным проблемам Средней Азии // Соч. – М., 1964. - Т. 2, Ч. 2. - С. 43, 60.

- 215 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950. - С. 60.
- 216 МИКК... С. 43.
- 217 *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. - С. 245, 280-281.
- 218 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу... С. 19-24, 26, 28-30.
- 219 Hudud al Alam. The Regions of the world. A persion Geography 372 А.Н. - 982 А.Д. Transl. and explained b.V. Mihorsky, with the preface b. V.V. Bartold. Translated from Russian. - London, 1937. - P. 277.
- 220 Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. - Алматы, 1993. - С. 110.
- 221 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. - М., 1963. - С. 62; *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Соч. - М., 1966. - С. 85; *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. - 1948. - № 48. Серия археологическая. - Вып. 1. - С. 83.
- 222 *Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Семиречья: автореф. дисс.... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1966. - С. 12.
- 223 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 104, *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алма-Атинской области... С. 82-85.
- 224 *Бартольд В.В.* Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Соч. - М., 1966. - Т. IV. - С. 105.
- 225 Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука... С. 110-111.
- 226 *Бартольд В.В.* Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Соч. - М., 1966. - Т. 4. - С. 105.
- 227 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алма-Атинской области... С. 88.
- 228 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. - Алматы, 2007. - С. 51-52.
- 229 Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука...
- 230 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 105.
- 231 Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука... С. 64.
- 232 *Голубев Л.Д.* Озеро Алакуль // Записки РГО. - СПб., 1867. - № 1. - С. 359.
- 233 *Голубев А.Д.* Озеро Алакуль... С. 356.
- 234 *Карпини Иоан де Плано.* История Монголов. - СПб., 1911; *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны / Перевод и прим. Малейна. - СПб., 1911. - С. 51.
- 235 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья... С. 64.
- 236 *Маргулан А.Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - Алма-Ата, 1951. - Вып. 3. - С. 3-7; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 101-106; *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 36-109; *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1958. - С. 203-210.
- 237 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Таласе и смежных районах... С. 74, 75, 77.
- 238 *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972. - С. 21-30.
- 239 *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам... С. 98-108.

- 240 Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам... С. 106-107.
- 241 Шангин, И.П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в киргизкайсацкой степи в 1816 г. // Сибирский вестник. - СПб., 1820. - Ч. IX. - С. 74-75.
- 242 Семенов Л.Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинской области // Вестник Центрального музея Казахстана. - Алма-Ата, 1930. - № 1. - С. 77-78.
- 243 Маргулан А.Х. Из истории городов и строительном исследовании Древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1951. - С. 88-106; Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 37.
- 244 Маргулан А.Х. Джезказган - древний металлургический центр (городище Милыкудук // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1978. - С. 3-42.
- 245 Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. - Астана, 2011. - С. 203-255.
- 246 Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. - М., 1988. - С. 72.
- 247 Байпаков К.М. Древние города Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 291-301, 354-356, Тасмагамбетов И.Н, Самашев З.С. Сарайчик. - Алматы, 2001.
- 248 Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды Хорезмской археологической экспедиции - М., 1958. - Т. II. - С. 14.
- 249 Самашев З, Кушербаев К, Аманшаев Е, Астафьев А. Сокровища Устюрта и Мангыстау. - Алматы, 2007. - С. 315-326.
- 250 Буниятов З.М. Государство хорезмшахов Ануштегитов 1097-1231 // Академик З.М. Буниятов. Избр. соч. в трех томах. - Баку, 1999. - Т. 3. - С. 110.
- 251 Огузы - тюркоязычные племена Центральной Азии. Туркменами называлась часть огузов, смешанная с ираноязычным населением. Сельджуки - это объединение племен, основное ядро которых составляли огузы и туркмены. См.: Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 5-1; Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. - Ашхабад, 1973. - С. 5.
- 252 История Казахстана. - Алматы, 1996. - Т. I. - С. 314-320.
- 253 Толстов С.П. Города гузов // СЭ. - 1947. - № 3. - С. 55-102.
- 254 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 49-84.
- 255 МИТГ... С. 211.
- 256 Бартольд В.В. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. // Соч. - М., 1963. - Т. II. - С. 561.
- 257 Толстов С.П. Города гузов... С. 66-71, рис. 13-15.
- 258 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 62-65.
- 259 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 62-67.
- 260 Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 82.
- 261 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.)... С. 91.
- 262 Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 7-8.
- 263 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 99.
- 264 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.)... С. 32.
- 265 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 112.

- 266 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу... С. 99.
- 267 *Байпаков К.М.* О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре - Алма.-Ата, 1977. - С. 91-92.
- 268 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 69, 74.
- 269 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 81.
- 270 *Байпаков К.М.* Урбанизация древнего и средневекового Казахстана. - Алматы, 2012.
- 271 *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане... С. 8.
- 272 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 69.
- 273 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.)... С. 30.
- 274 *Бубнова М.А.* Средневековое поселение Ак-Тобе у с. Орловка // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 125-144.
- 275 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 70.
- 276 *Бубнова М.А.* Средневековое поселение Ак-Тобе у с. Орловка... С. 236-250.
- 277 *Кожмяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины... С. 191-196.
- 278 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 100.
- 279 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 70.
- 280 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 72..
- 281 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 100.
- 282 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. С. 100.
- 283 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 174.
- 284 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 174.
- 285 МИТТ... С. 312; МИКК. - Т. I. - М., 1973. - С. 22.
- 286 *Шуховцов В.* Несколько заметок по этимологии туркестанских топонимов // Материалы республиканской научно-практической конференции молодых ученых по общественным наукам. - Алма-Ата, 1978. - С. 151-152.
- 287 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 27; *Байпаков К.М.* О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. - Алма-Ата, 1977. - С. 88; *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 172-174.
- 288 *Байпаков К.* О локализации средневекового Шавгара // Transoxiana. История и культура. - Ташкент, 2004. - С. 40-43.
- 289 МИТТ... С. 183-184.
- 290 *Байпаков К.М.* Городище Куйрук тобе - город Кедер. - Алматы, 2005. - С. 44-48.
- 291 *Толстов С.П.* Города гузов... С. 77.
- 292 *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. - М., 1963. - Т. II, Ч. I. - С. 563.
- 293 МИТТ... С. 183-184.
- 294 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 26-27.
- 295 МИТТ... С. 125; *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Соч. - М., 1965. - Т. III. - С. 225.

- 296 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 74.
- 297 *Гандзакеци Киракос.* История Армении. - М., 1976. - С. 224.
- 298 *Байпаков КМ.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 65-70.
- 299 МИГТ... С. 311.
- 300 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 174.
- 301 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 28; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1961. - С. 282., *Вактурская Н.Н.* Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. - М., 1979. - С. 27-133.
- 302 *Толстов С.П.* Города гузов... С. 91-93.
- 303 *Бунятов З.М.* Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097-1231). - М., 1986.
- 304 *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. – М., 1963. - С. 560.
- 305 *Бунятов З.М.* Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097-1231)... С. 62,76.
- 306 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 176-177.
- 307 *Бунятов З.М.* Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097-1231)...
- 308 *Бартольд В.В.* Очерки истории туркменского народа... С. 560.
- 309 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 84, 133.
- 310 *Байпаков К. М., Воякин Д. А.* Джувара - город солнца // Промышленность Казахстана. - 2007. - № 10. - С. 96-98.
- 311 *Курманкупов Ж.К., Аржанцева Н.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т.* Материалы Джанкентской археологической экспедиции. - Алматы, 2007. - С. 51.
- 312 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 179-180.
- 313 *Бунятов З.М.* Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097-1231)... С. 24.
- 314 *Кочнев Б.В.* К истории Дженда XI-XII вв. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1995. - № 4. - С. 68.
- 315 *Кочнев Б.В.* К истории Дженда XI-XII вв. ... С. 68.
- 316 *Кочнев Б.В.* К истории Дженда XI-XII вв. ... С. 68.
- 317 *Кочнев Б.В.* К истории Дженда XI-XII вв. ... С. 69.
- 318 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 137.
- 319 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 360, 365, 366.
- 320 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 52.
- 321 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 387-392.
- 322 *Кочнев Б.В.* К истории Дженда XI-XII вв. ... С. 72.
- 323 *Каллаур В.А.* Древние города Сыгнак, Сунак, Эшнас (Асанас) в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1900. - С. 16; *Каллаур В.А.* О следах древнего города «Дженд» // Протоколы ТКЛА. - Ташкент, 1900. - С. 78-89; *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Соч. - М., 1965. - Т. III. - С. 228, 229.
- 324 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана... С. 229.
- 325 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта... С. 288.
- 326 *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948. - С. 60-61.

- 327 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. ... С. 76; *Байпаков К.М.* Средневековые города на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 73; *Байпаков К.М.* Древние города Казахстана. - Алматы, 2005. - С. 269-270; *Y. Bregel.* An Historical Atlas of Central Asia. - Leiden-Boston, 2003. - P. 22-39; *Bekir Deniz.* Jand City and its Caravansarai // Культурное наследие. - Астана, 2009. - № 1. - С. 123-134.
- 328 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта... С. 290-291.
- 329 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Археологические исследования городища Джан-кала в Приаралье // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2010. - № 1. - С. 115.

ГЛАВА II

ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И ПРИАРАЛЬЯ: типология, застройка, жилище

Количество городищ и их типология

Рост числа городов. Археологические исследования, материалы и данные письменных источников дают представление об увеличении числа городов. Если в предшествующий период (VII – первая половина IX в.) в Южном Казахстане зафиксировано около 30 городищ, то теперь количество их возросло до 52. Важно отметить, что если письменные источники предшествующего времени называют лишь 6 городов, то теперь – 33. Это означает не только большую осведомленность средневековой исторической и географической литературы об этом районе, но и о росте значимости городов, включившихся в систему политических, экономических и культурных связей Востока и Запада по Великому Шелковому пути. В Южном Казахстане в предгорной полосе источники называют новые города Джумишлагу и Манкент, на средней Арыси сформировался в это время округ Кенжида с центром в Усбаникете. В округе Фараб кроме Отрара средневековые авторы называют новую столицу Кедер, города Весидж и Бурух.

В округе Шавгар источники называют Ясы, к округу Фараб причисляют Сюткент, Карачук, Шагильджан, Карнак, Сауран; в Приаралье – Янгикент, Дженд, Асанас, Барчкент; на северных склонах Каратау – Беладж.

Происходит рост территории городов. Площадь рабада Отрара, например, увеличилась до 170 га. Конечно, площади рабадов, если они не ограничены стенами, не могут считаться окончательными до широких раскопок, но бесспорен факт, что в отмеченных границах рабады сформировались именно в IX-XII вв.

Если раньше общая площадь большинства городищ неизвестна, за исключением тех, верхние слои которых относятся к VI-VIII вв., то теперь размеры почти всех памятников известны по результатам изучения топографии и топонимов.

Типология городищ Южного Казахстана. Материалы исследований позволяют разработать типологию памятников городской культуры Южного Казахстана и Приаралья. В какой-то мере эти установки – лишь срез действительности, но в целом они отражают реальную картину, в основе которой лежат сведения письменных источников: археолого-топографические характеристики, а это

топография построек, связанных со структурой городищ, общие размеры памятников, характеристика ремесла и торговли, сделанная на имеющейся базе ремесленных изделий, наличие монетных дворов и монетной эмиссии. Именно эти признаки заложены в основу типологии городищ, а, следовательно, их экономического потенциала и демографии, в характеристику и типологию городов.

Слои первой половины IX – начала XIII в. имеют городища: Тортколь, Балыкчи, Булак-ковал, Тортколь на Кумышке, городище на Черной речке (район Карамурта), Джувантобе, Шортобе, Караспан, Отрартобе, Актобе I, Чиликское, Куйрыктобе, Алтынтобе, Джалпактобе, Куйик-Мардан (Конуртобе), Байркум, Кок-сарай. Шойтобе, Тортколь на р. Карачик, Туркестан, Каратобе, Сунак-Ата, Джанкент, Куюк-Кескенкала, Асанас, Баба-Ата, Сузак, Кумкент, Саудагент.

Бесспорно, к числу городов следует отнести те городища, которые идентифицируются с городами письменных источников, с той моделью города, которая сложилась в представлении современников.¹

Однако этот путь приемлем только для тех районов, где имеются достаточно подробные списки городов. В основном отличить город от сельского поселения бывает трудно, поскольку понятия города и деревни часто сливались

Зачастую разница между ними определялась не уровнем развития ремесла и торговли, а только наличием администрации власти, как это было в мусульманском мире VIII – начала XIII в. и относительно недавно в Средней Азии и Казахстане.²

В археологической литературе было традиционным определять типологию городищ на основании следующих данных: топографических признаков, в частности, форм и размеров, сведений письменных источников; хронологических сведений; географического положения памятника и взаимодействия с окружающей территорией; особенностей архитектуры, использования тех или иных строительных материалов, планировочные приемы. В среднеазиатской археологии были выработаны особые приемы изучения городищ с целью максимального использования содержащейся в них информации для исторических реконструкций. Определился подход к изучению микрорельефа, отражающий особенности скрытых под ним элементов городского организма.³

Особое значение приобретает использование количественных методов при рассмотрении развития среднеазиатского города от начала его явления до средневековья.

Например, изучение динамики городских поселений Ферганы за весь период существования показывает, что типы поселений изменялись медленно, городское население было стабильным. По мнению Ю.А. Заднепровского, важную роль в типологических построениях играет соотношение цитадели и площади городища. В сельских поселениях цитадель, как правило, имеет больше 25% всей территории.⁴ На материалах Согда установлено, что в селе на цитадель приходится

большая часть площади.⁵ Этот признак использован при типологии городищ Чача.⁶ Большую роль играет типологизация поселений и рассмотрение групп поселений или древних оазисов как своего рода макросистем с иерархической внутренней структурой. Так, кушанские поселения площадью более 5 га В.М. Массон относит к городам. Четкий геометрический план городищ, по его мнению, указывает на возможность какого-то централизованного начала.⁷ Э.В. Ртвеладзе при выделении поселений городского типа пользовался такими признаками, как размер, форма, трехчастное деление, наличие фортификационных сооружений.⁸ Трехчастность городища, и по мнению других исследователей, является важным признаком его отнесения к городу.⁹ Аналогичные принципы использовались при классификации оседлых памятников эпохи Сасанидов в Южном Туркменистане.¹⁰

По мнению исследователей, значительные размеры памятника сами по себе уже отражают сложность выполнявшихся им функций.

Если тип поселения рассматривать как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных, в первую очередь, с выполняемыми этими поселениями функциями, то функции находят отражение и в размерах памятника, его внутренней структуре, и в составе находок.¹¹

Типологическое изучение конкретных памятников будет способствовать более углубленному пониманию закономерностей исторического процесса. «Типология - очень плодотворный метод, позволяющий определить наряду с известными и какие-то новые существенные стороны конкретного, т. е. единичного, а затем и общего.

Типологический метод предлагает доведение в историческом познании сравнительного метода до его полного и наиболее результативного выражения».¹²

При определении типологии раннесредневековых городищ Южного Казахстана использована совокупность следующих признаков: хронология; структура городища, размеры городища и соотношение его частей (цитадель и вся площадь или цитадель и шахристан); фортификация; толщина культурного слоя; археологический комплекс, если он получен; керамика и материалы из шурфов и сборов.

Так, например, площадь Отрара увеличивается до 200 га, тогда как раньше, судя по шурфам, давшим материал VI-IX вв., она не превышала 20 га. Конечно, эти цифры не могут считаться абсолютными до широких раскопок, но бесспорен факт, что рабады сформировались именно в IX-XII вв: это установлено для Будухкета, Сайрама-Испиджаба, Куйрыктобе, Куик-Мардана, Бузука правобережного, Янгикента, Хувары, Асанаса.

Если раньше общая площадь большинства городищ была неизвестна за исключением тех, где верхние слои относятся к VI-VIII вв., то теперь данные о размерах почти всех памятников имеются, что позволяет разработать типологию памятников городской культуры Южного Казахстана и Приаралья, Жетысу и Центрального Казахстана.

По этому признаку, по размерам, можно выделить три группы городищ.

К первой относятся: городища Сайрам, Шортобе, Караспан, Отрартобе, Куйрыктобе, Туркестан, Каратобе, Сунак-Ата, Джанкент, Кескен-Куюккала.

Почти все эти городища отождествляются с конкретными городами письменных источников: Сайрам - это Испиджаб, Будухкет - Торколь на реке Балыкчи, городище Шортобе и Караспан претендуют на роль Усбаникета, Отрартобе - Отрар, Куйрыктобе - Кедер, Туркестан - город Ясы, Каратобе - средневековый Сауран, Сунак-Ата - Сыгнак, Джанкент - Янгикент, Кескен-Куюккала - Хувара. Источники четко определяют перечисленные города как столичные.

Испиджаб в «табеле о рангах» занимает место столицы всего Южного Казахстана; Янгикент, Хувара - столицы огузов, Сыгнак - центр кыпчакского государственного объединения, Ясы - главный город округа Шавгар, принявший эту роль у Карачика - Шавгара. Другие городища - центры округов и крупные города с площадью не менее 30 га.

В городах Испиджабе, Будухкете, Отраре-Фарабе, Ясы чеканилась монета караханидами и хорезмшахом Мухаммедом.

Все перечисленные городища были в свое время центрами ремесла, торговли и культуры. При раскопках их собраны богатые коллекции керамики, стекла, изделий из металла и кости. Монетные комплексы свидетельствуют о городской, межобластной, международной торговле.

Города имели благоустройства: водопровод и местную канализацию. В Отраре открыты две бани XI-XII вв.

В Кедере обнаружена и исследована мечеть X-XII вв., рядом - некрополь с мусульманскими захоронениями. В вышеназванных городах имелись мечети и действовали базары, где продавались местные и привезенные товары.

Испиджаб славился своими фирменными товарами, которые вывозили в другие страны: белые ткани, оружие, мечи, медь и железо. Из этого города на невольничьи рынки поставлялись «рабы из тюрков». В Испиджабе имелись крытые рынки и рынок полотна, многочисленные рабады бухарцев, нахшебцев.¹³

Из Туркестана на продажу поставлялись лошади и мулы.¹⁴

Вторую группу городищ составляют те городища, площадь которых колеблется от 15 до 20 гектаров. В большинстве своем они отождествляются с городищами, известными в письменных источниках, и входившими в реестр городов Испиджаба: это Хурлуг, Манкент, Шаваб, Джумишлагу, Чилик/Шилик, Оксыз, Сюткент, Карнак, Карачик, Беладж.

Третью группу составляли небольшие городки и поселения площадью менее 10 гектаров. Это десятки городищ в предгорной зоне Таласского хребта, на Южных склонах Каратау, в долинах Арыси, Бадаана, Келеса, в среднем и нижнем течении Сырдарьи.

Кроме городищ имеющих традиционную структуру, следует отметить и значительную группу так называемых «тортколей». Они имеются в предгорной части Киргизского и Таласского Алатау, на склонах Каратау, в долинах Сырдарьи, Арыси и Бадама. В каждом

конкретном случае они могут интерпретироваться как укрепления вблизи крупных городов - укрепления у выхода из ущелий горных рек с целью «командования» военными ресурсами и как караван-сарай.

Городище Отрартобе

Городище древнего Отрара расположено в 11,5 км к западу от железнодорожной станции Тимур. На северо-западе оно примыкает к аулу Талапты.

Отрартобе представляет собой пятиугольный в плане бугор, ориентированный углами по сторонам света с незначительным отклонением. Его южная сторона равна 380 м, юго-западная – 145 м, западная – 400 м, северо-восточная – 380 м и восточная – 350 м. Наибольшая высота бугра от подошвы (18 м) зафиксирована в точке 8 топоплана, т. е. в юго-западной части, ближе к углу; в среднем его высота колеблется от 10 до 15 м.

Городище окружено стеной. Лучше всего стены сохранились с северо-восточной и восточной стороны. В некоторых местах крутизна наружного фаса достигает 75-80°. Стена укреплена башнями. От них остались выступающие наружу оплывшие осыпи. Башни лучше всего сохранились на юго-западном и юго-восточном углах.

Вокруг основного бугра прослеживаются остатки рва в виде лощины с покатыми краями. Глубина его ниже основания городища на 2-3 м, ширина - 10-15 м. На северо-западной стороне ров целиком заполнен оплывами стены. В город вели три въезда. Два устроены напротив друг друга: один - в южной, второй - в северо-восточной стене и третий - в середине западной. Центральными были ворота южной стены. Они располагались в 135 м от южного угла. Судя по всхлмлениям на стене, въезд охраняли две башни. Современный проем-впадина достигает 20 м.

Северо-восточные ворота устроены там, где стена образует выступ, сделанный, видимо, для усиления обороны, который позволял контролировать значительный участок перед въездом.

Третьи, западные ворота, менее заметны в топографии городища, проем въезда меньше, чем у первых двух, он равен 7-10 м.

Перед воротами внутри имеется свободная площадь в форме треугольника, основанием примыкающего к воротам.

Центральная, главная, улица пересекает городище и соединяет ворота южной и северо-восточной стен. Она почти прямая и отчетливо прослеживается в топографии памятника в виде ложбины шириной 12 м. От неё под прямым углом отходят в сторону улицы, которые упираются в стены.

От них, в свою очередь, ответвляются мелкие переулочки и тупички, разделяющие территорию городища на кварталы.

К центральному бугру городища примыкает территория, окруженная двумя рядами стен, которые отчетливо видны на аэрофото- и топоснимках. С северо-западной стороны к стене подходит современный поселок Талапты.

У южной стены главного бугра сохранился восьмеркообразный котлован с плавно понижающимися стенками. Сейчас он зарос травой. Это бывшее водохранилище. Оно наполнялось водой из магистрального канала, выводившего воду из реки Арысь.¹⁵

В одной из недавно опубликованных статей был отмечен отрезок еще одной - третьей стены, а возможно это остатки «длинной стены», окружающей весь округ Фараба-Отрара.¹⁶

Такие «длинные стены» более характерны для городищ Юго-Западного Жетысу.¹⁷ Прослежена стена и в округе Испиджаб, а также отмечена для Кенджида, округа на р. Арысь.¹⁸ Обнаруженная «длинная стена» вокруг территории столичных центров средневековья в Южном Казахстане заставляет по-новому взглянуть на топографию городов и сопоставить их с городами Шу-Таласского междуречья.

Стратиграфия и хронология слоев. В ходе археологических работ на городище выявлен культурный пласт толщиной до 18 м. Материалы из верхних слоев раскопа III позволяют выделить пять строительных горизонтов в юго-западной части центрального бугра Отрара. Верхние строительные горизонты (I, II, III, IV, V) датируются IX-XVIII вв.

Горизонт V характеризуется наслоениями мощностью до 1,3 м и тремя уровнями полов в пределах от 5,6 м до 4,8 м. Хотя горизонт исследован не на всей площади раскопа III, ясно, что микростратиграфия культурного слоя этим не исчерпывается. Синхронность помещений прослеживается по поверхностям полов, из которых третий и кое-где второй имеют следы пожара. Однако завал в помещениях отсутствует.

Поздний пол перекрыт мощными натечно-надувными слоями, особенно четко фиксируемыми в северо-восточной части раскопа, поскольку этот участок долгое время оставался заброшенным. Присутствие более поздних построек рядом со стенами заброшенных помещений свидетельствует о разновременности слоя на уровне горизонтальной стратиграфии.

Для строительных конструкций характерна регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40-45х20-22х10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20-22х10-11х3,5 см. Стены тщательно несколько раз оштукатурены тонкими слоями обмазки. В жилых комнатах имеются разновысокие суфы с обязательным тандыром и керамическим очагом-алтарем на полу в центре помещения.

Важную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарно-гигиенические узлы, тамбурные входы, коридоры. Для туалетных комнат характерны керамические ванночки и унитазы, снабженные системой «пирамида» из крупных сосудов без дна для отвода сточных вод через трубу (кубур) и колодец.

Керамический комплекс поливной посуды этого горизонта характеризуется конусовидностью открытых форм, гравировкой или росписью, подражающей гравировке по поверхности, локальным расположением орнамента, наличием разноцветных пятен на светлом фоне. На значи-

тельной части керамики отдельные элементы орнамента имеют темный фон и выделены гравировкой или росписью. Этот прием имитировал технику «резерва» (орнамент на фоне, с которого удален ангоб), распространенную в XI-XII вв. Перечисленные особенности комплекса характерны для керамики X - начала XIII в. этого городища.¹⁹ Очень сходна с отрарской поливная керамика Карабулака XII в., датированная по монетам узгенского чекана последней четвертью XII в.²⁰ Близкие аналоги есть в глазурованной керамике Шаша X-XII в.²¹ Среди твердо определяемых монет слоя имеется саманидский фельс, две китайские монеты X-XI вв. и две монеты (бронзовая и серебряная) бухархудатского типа, находившиеся в обращении с IX по XII в.²² Преобладающие в количественном отношении монеты «караханидского облика» близки ферганскому чекану второй четверти XI в.²³

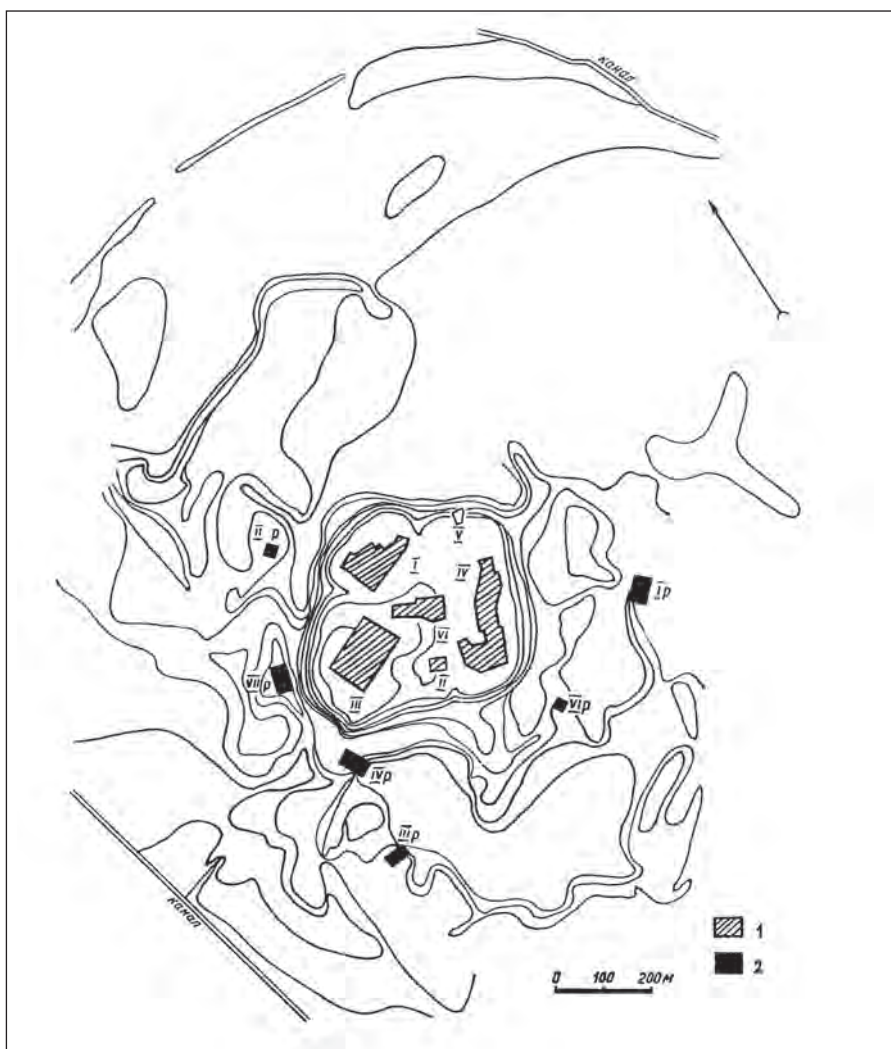

Рис. 45. План центральных развалин и рабада городища Отрартобе:
1 - раскопки на шахристане; 2 - раскопки на рабаде

Эти монеты встречаются среди одиночных находок, но особенно многочисленны в кладах. Один из кладов найден в квартале «Ж» (дом 3, помещение 51) под уровнем первоначального пола IV горизонта. Другой обнаружен в помещении 17 в углублении пола V горизонта.

Клад связан с поздними полами помещения — первым или вторым. Кроме того, клад оказался в помещении, вход в которое забутован.

Оба клада представлены монетами, которые не только не дают точной даты слоя, но и сами требуют датировки. Существует предположение, что монеты «ферганского типа» находились в обращении до середины XII в. Представляется, что отрарские материалы позволяют уточнить, по крайней мере, верхнюю дату монет.

Итак, в целом V горизонт датируется по самым поздним монетам слоя - дирхемам Хасана б. Абд аль-Халика (Кутлуг Билга-хан), правителя Отрара начала XIII в.²⁴ Две монеты найдены в завале верхнего пола, а одна в горелом слое в помещении L4 в алтаре на уровне пола 2. По всей вероятности, пожар произошел во время разгрома Отрара монголами в начале 1220 г. Если учесть, что выше уровня пола со следами пожара существовал еще один, верхнюю дату V горизонта можно обозначить серединой XIII в.

Следовательно, монеты «караханидского облика» ферганского типа использовались как средство городского товарного обращения до монгольского нашествия, скорее всего, и после него, вплоть до выпуска медных фельсов чагатаидского чекана в третьей четверти XIII в.²⁵ Начальная дата обращения литых монет «караханидского облика» - вторая половина XI в.

*Застройка шахристана по итогам работ 1986-1991гг.*²⁶ Планировка города послемонгольского периода исследована на небольшом участке в юго-западной части шахристана, в северо-западной части раскопа III. Первоначально раскоп занимал площадь 500 кв. м. По мере углубления площадь раскопа сокращалась и составила 300 кв. м.

На территории раскопа III выявлено шесть строительных горизонтов.

Застройка по уровню V строительного горизонта вскрыта лишь в северной части раскопа III на площади чуть больше 300 кв. м. Здесь существовала скученная застройка, разреженная улицей широтного направления на южном участке. Шестой открыт на небольшом участке (помещения 14, 19).

Восстановить планировку отдельных построек, установить систему связи с улицами пока не удастся. Тем не менее, прослеживаются связи между отдельными помещениями и возможные границы домовладений.

Дом 1. Объединяет три помещения (1, 2, 3). Одно из них (3) - это коридор шириной 1,2 м и длиной 6 м. С западной стороны коридора, вытянутого с севера на юг, находятся два помещения, одно из них (1) открыто частично, другое (2) - полностью.

В южной половине помещения обнаружены суфы высотой 0,5 м и шириной 0,75 м у южной стены и шириной 1 м - у западной. Не исключено, что суфа была и возле восточной стены. В южную суфу ближе к юго-восточному углу вмазан тандыр с поддувалом.

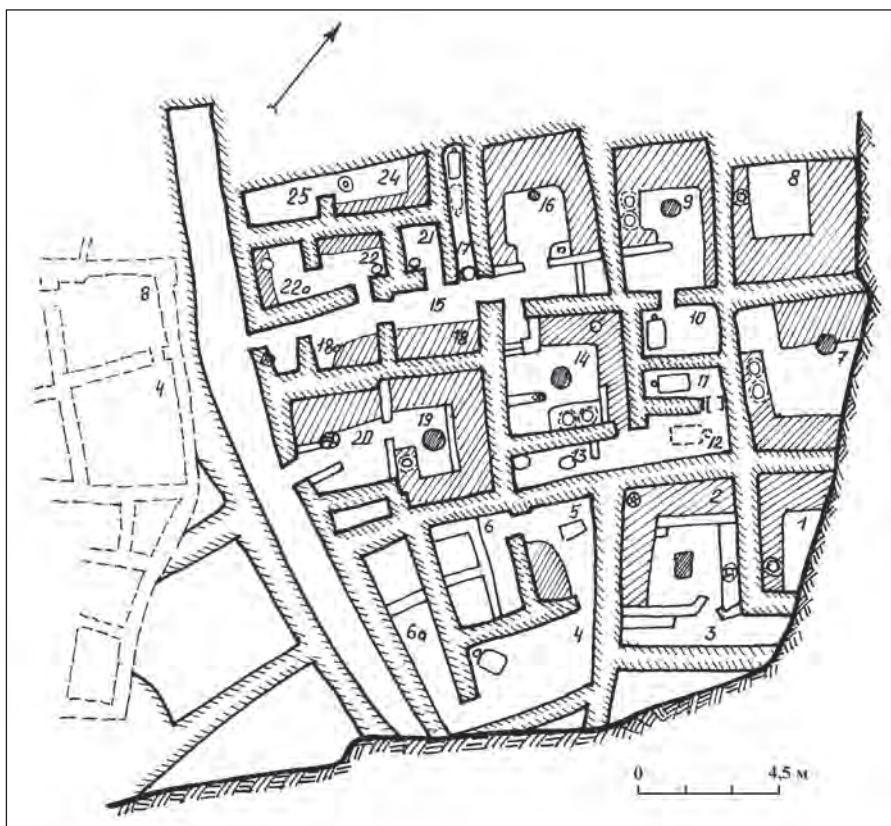

Рис. 46. Городище Отрартобе. Раскоп III. План V горизонта

Помещение 2 размером 4,75x4 м характеризуется тремя капитальными стенами, сложенными из сырца размером 40x20x8-9 см. Передняя стенка, обращенная в коридор, представляет собой, скорее, перегородку. Вдоль стен помещения расположена «П»-образная суфа. Справа от прохода у северной стены стоял тандыр диаметром 0,5 м по основанию. В центре помещения вровень с полом вмазан антропоморфный керамический алтарь.

Он выглядит как прямоугольное корытце размером 1,0x0,66 м, глубиной 10 см. С восточной стороны имеется антропоморфный выступ. Поверхность алтаря, украшенная красным ангобом, покрылась тонким слоем белого пепла. Сильно закопчена и прогорела лунка и прилегающая поверхность алтаря.

Уровень пола 3 отмечен пожаром. Следы его сохранились на штукатурке стен, в обмазке пола. Пол, отмеченный пожаром в доме 1, перекрывают помещения, в последний период жизни их интерьер во многом остается неясным, поскольку стены XI—XII вв., как правило, срублены до основания. Установлено, что в помещении 2 у западной стены, противоположной входу, была суфа шириной 1,15 м. У северной стены сохранились остатки тандыра. Алтарь пола 2 был поставлен вплотную к перегородке слева от прохода в помещение. Алтарь круглый,

диаметром 0,52 м. Внутренняя поверхность покрыта красным ангобом, на сохранившихся участках дна заметны остатки штампованного орнамента в виде круглых многолепестковых розеток.

На уровне пола 1 также отмечен керамический алтарь. Он располагался с восточной стороны помещения в 0,32 м от перегородки и был скрыт под обмазкой нового пола. Алтарь также круглый, диаметром 0,61 м. Внутренние стенки высотой 10 см украшены непрерывной цепочкой полуовальных выступов со штампованным орнаментом. Восточная часть алтаря не сохранилась, но, судя по отпечаткам на дне, и здесь присутствовали полукруглые выступы.

Южнее глухой стены дома 1 находятся четыре помещения (4, 5, 6, ба), которые объединены в единый комплекс – *дом 2*. Жилая часть дома, помещения с суфой и алтарем, видимо, осталась за пределами раскопа.

Подсобные и хозяйственные помещения, занимающие площадь размером около 60 кв. м, связаны проходами и со всех сторон, кроме восточной, замкнуты глухими стенами. Проход в жилую часть дома был сделан, видимо, в восточной стене помещения 4.

Три помещения (4, 5, 6) имеют размеры соответственно 14,5 кв. м, 11 кв. м, 10 кв. м.

В северо-западном углу помещения 5 устроен погребок. Два других помещения примечательны напольными ванночками с носиком-сливом, направленным в отверстие вертикально поставленной керамической трубы. Они прямоугольные в плане, с закругленными углами, размером 0,7х0,55 м и 0,85х0,65 м. Глубина их 6-7 см, толщина стенок около 2 см. Слив всех ванночек находится на узкой стороне, слегка наклоненной в сторону трубы-кубура. Это – туалеты.

Оба описанных дома отделены от застройки квартала с западной стороны спрямленной линией глухой стены. За стеной находится ряд помещений, которые входили в состав различных комплексов. Один из них *дом 3*, видимо, раскопан полностью.

Он включает в себя два проходных помещения (19, 20), открытых дверным проемом на улицу.

В глубине дома находится жилое помещение 19 размером 4,7 кв. м.

Здесь также выявлены три уровня полов. Вдоль всех стен помещения расположена суфа. В помещении находился керамический алтарь. Он найден на втором полу в переднем помещении 20. У алтаря утрачена частично стенка и донная часть, но размеры «крышки» и лунки в помещении и на раннем полу совпадают.

В жилом помещении на уровне пола 3 хорошо прослеживаются следы пожара.

Дом 4 огибает предыдущую постройку с западной и северной сторон. Это многокомнатная и многосекционная постройка, где коридор проходом связан с улицей. По левую сторону коридора располагаются хозяйственные, подсобные помещения (17, 21, 22, 24, 25) и жилая комната (16), а справа, в самом конце - жилое помещение (14), сам коридор имеет длину 15 м, ширину от 2,25 до 1,15 м в конце.

На левой стороне коридора шесть нежилых помещений. Пять из них поставлены в два ряда (21, 22А, 22, 24 и 25), одно (17) вытянуто на всю ширину двухрядного блока помещений. Хозяйственное назначение этой части дома не вызывает сомнений. Все помещения имеют площади от 2 до 6 кв. м. В помещении 24 отмечена «Г»-образная суфа. Неподалеку от прохода в соседнее помещение 25 на полу обнаружен верхний диск ручной мельницы.

Помещение 17 - туалет, с ванночкой ташнау у задней стенки. Размер ванночки 0,8х0,62 м.

Вход в помещение 14 размером 4,35х3,9 м предваряет небольшой тамбур (1,35х0,65 м), образованный капитальной южной стенкой и перегородкой, сложенной на толщину одного кирпича. Суфа в помещении трехсторонняя, шириной у северной стены 1,1 м, у восточной - 0,6 м, у западной - 1,3 м, высотой 0,6 м. К южной стене в 0,8 м от юго-восточного угла поставлена короткая перегородка, в которую вмазаны две круглые деревянные стойки диаметром 15 см.

В центре помещения находился алтарь диаметром 0,6 м, высотой 0,1 м. Северная его часть вырезана полукруглыми выступами, направленными к центру, где раскопана лунка диаметром 0,09 м. Лунка и северный участок алтаря сильно закопчены.

Алтарь покрыт красным ангобом и украшен штампованным и прорезным орнаментом. Проход ведет в санитарно-гигиеническую зону. Ванночка сильно наклонена к северу, где располагались слив и кубур. Помещение 11 - туалет. Справа от прохода в жилую секцию дома расположено помещение 13. Проход в него выделен перегородкой, за которой находится яма (диаметр 0,55 м, глубина 1,2 м), заполненная керамикой, костями, золой. В углу помещения стоял хум высотой 0,7 м с остатками зерна. По уровню пола 3 (сверху) сохранились следы пожара.

Еще одно жилое помещение - 16, размером 4,90х3,75 м, характеризуется тремя капитальными стенами толщиной 0,8 м и одной тонкой толщиной 0,25 м. Проход в помещение имеет ширину 0,8 м. Вдоль стен помещения расположена суфа.

В помещении прослеживаются три уровня полов, на третьем сверху видны следы пожара, особенно заметные в центральной части помещения. Поднятие уровней полов сопровождалось ремонтом: обломками кирпича наращивалось устье тандыра, к западной стене приставлена ремонтная стена. Последний уровень (3) пола примечателен алтарем, устроенным на суфе с северной стороны.

По борту он украшен полукруглыми выступами вокруг лунки - штампованным орнаментом в виде солярных знаков.

С северной стороны дома расположены помещения, их два (жилое и санитарное), соединенные проходом. Помещение 9 размером 5,35х3,6 м имеет четырехстороннюю суфу.

В центре помещения сохранилась лунка от алтаря, диаметром около 0,6 м, глубиной 0,09 м. Дно ее слегка прокалено.

Помещение 7 вошло в площадь раскопа частично, установлена длина южной стены - 5,05 м. За пределами раскопа оказалась северная

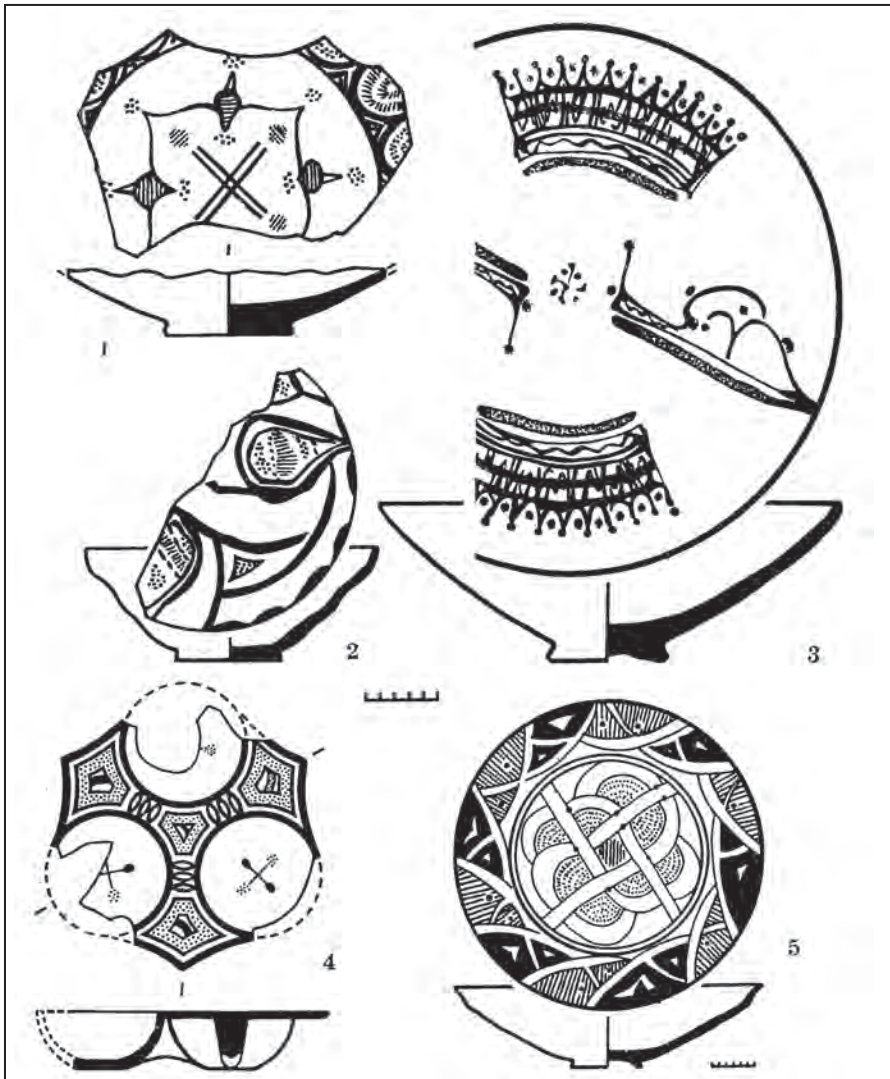

Рис. 47. Поливная керамика начала XIII в.

стена, где располагался вход в помещение. Вдоль трех остальных стен тянулись суфы различной ширины. В южной суфе устроен тандыр. Тандыр перестраивался по меньшей мере два раза.

На первоначальном полу у западного угла суфы был установлен круглый алтарь.

Изучение застройки города по итогам раскопок 2007-2011 гг.

В 2011 г. исследования на раскопе III были продолжены по уровню горизонта V. Верхняя часть раскопа была сильно разрушена вследствие размыва и опадания стен разрезов. Расчистка производилась по уровню четвертого пола, который выявил некоторые конструктивные различия в расположении входов помещения, но в пределах основных стен домов.

Участок прилегает к восточному углу раскопа, включает в себя полностью два домовладения и еще одно частично. С юго-западной стороны участок ограничен улицей. При расчистке выяснилось, что

часть ранее открытых внутренних перегородок и элементов интерьера: суфы, тандыры, очаги-сандалы, закрома, санитарно-гигиенические узлы не сохранились. Вновь работы здесь были продолжены в 2012 г. В результате всех этих работ была выявлена следующая картина.

Дом 1. Состоял из трех помещений, сообщающихся проходами и коридором. Расчищены основные стены помещений, оказавшиеся в сильно оплывшем состоянии.

Жилое помещение (2) имело тандыр, вмазанный в суфу, очаг-сандак прямоугольной формы, располагавшийся в центре помещения. Вдоль стен устроены суфы. От коридора помещение отделяется экраном-перегородкой с проходом в середине. В данном помещении сохранились основные стены, суфы прослеживаются в следах. От перегородки сохранилась южная часть. Тандыр и очаг-сандак не сохранились.

Помещение (1) и северо-западный конец коридора (3) остались под оплывами бровки раскопа. Стены в плохом состоянии.

Дом 2. В предыдущих раскопках в помещениях (5) и (6) был сделан шурф вдоль северо-западной стены размерами 5x2 м, расширенный к северо-западу до 3 м, глубиной до 1 м. При расчистке в шурфе был исследован нераскопанный участок. Заполнение состояло из рыхлого золистого грунта с содержанием многочисленных фрагментов керамики,

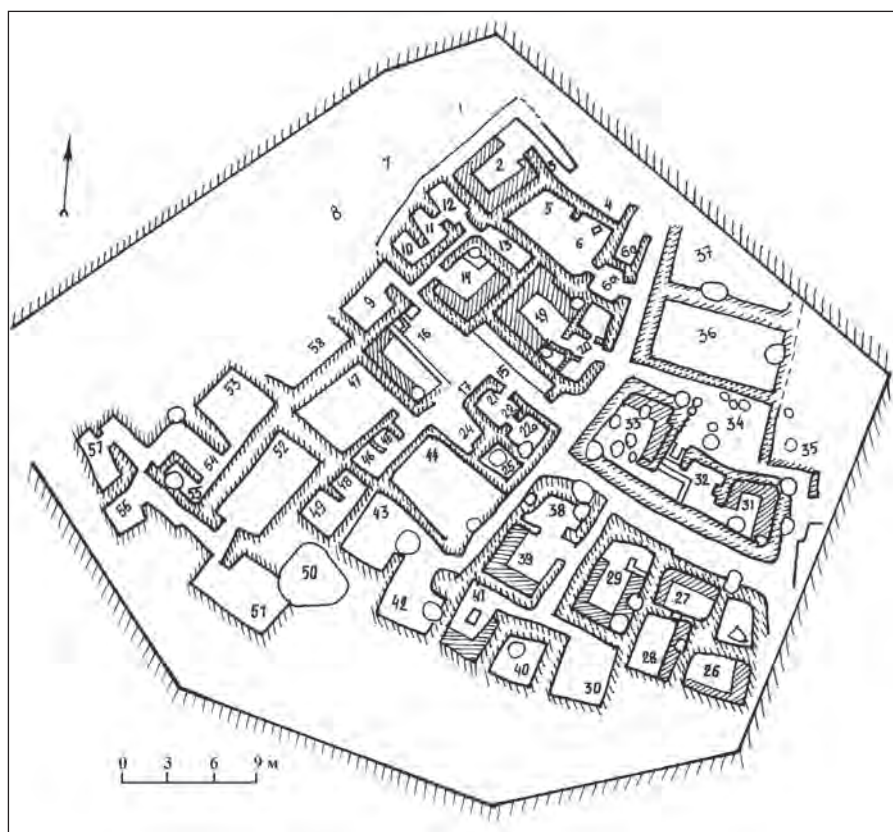

Рис. 48. Городище Отрартобе. Раскоп 3 (2007-2011 гг.)

костей животных. Здесь найдены отпиленные рога маралов. Выявлен участок суфы с остатками тандыра, относящиеся к нижнему горизонту. Стена с проходом, разделяющая помещения, сохранилась на 1 м в длину, высотой 0,5 м.

Закрома в помещении-кладовой (6) не сохранились.

Помещения (4 и 6а) расчищены по уровню пола.

Дом 3 находится в западной части расчищенного участка (помещения 19, 20). На плане видно, что он состоял из одного помещения, разделенного перегородкой на две части: переднюю и жилую с проходом в центре. Вход находился в юго-западной стене со стороны улицы. У входа с двух сторон устроены стенки-экраны. В жилой части вдоль стен устроены суфы, тандыр в суфе справа от входа, и очаг-сандак круглой формы в центре.

На момент расчистки все элементы кроме основных стен оказались сильно разрушенными. Под суфой, ближе к середине северо-западной стены, в 46 см от нее и 210 см от западного угла, обнаружено устье ямы-бадраба.

У юго-восточной стены, ближе к середине, находился полуразрушенный тандыр диаметром 58 см, сохранившаяся высота - 30 см. Пол выложен обломками жженных кирпичей.

Дом 4. Это дом, состоящий из двух частей (помещения 10-14), в которых присутствуют жилые помещения, кладовые, туалеты. Была расчищена вторая часть дома, находящаяся в глубине, проход, в которую осуществлялся через коридор и жилое помещение первой части. Дверной проем в жилое помещение устроен в западном углу, прикрыт стенкой-экраном «Г»-образного плана. Вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стен были устроены суфы. В середине юго-западной стены устроена тумба, на которой стояли сосуды. В суфе у юго-восточной стены находились два тандыра. В центре помещения на полу круглый очаг-сандак. В восточном углу в юго-восточной стене раскрыт проход в кладовую и туалет. Проход заслоняла от остальной части помещения стенка-экран.

Кладовая представляла собой узкое, длинное помещение, примыкающее к жилому помещению с юго-восточной стороны. В дальнем углу кладовой стоял вкопанный в пол хум. Помещение туалета напротив кладовой примыкало к жилому помещению с северо-восточной стороны. Состояла из трех отсеков.

Крайний, северный отсек относился к другому домовладению. В каждом из отсеков находились санитарно-гигиенические узлы.

Помещение было раскопано по уровню второго пола, где были зафиксированы конструктивные изменения. Проход в помещение находился в северном углу, от помещения был отделен заслонкой-экраном. Заслонки прохода в помещение и в кладовую образовывали узкий коридор. «Г»-образная в плане суфа зафиксирована вдоль северо-западной и юго-западной стен. В пределах помещения расчищено три ямы-бадраба. Из этих ям происходит большая часть керамического материала, комплекс стеклянных изделий, отдельные находки.

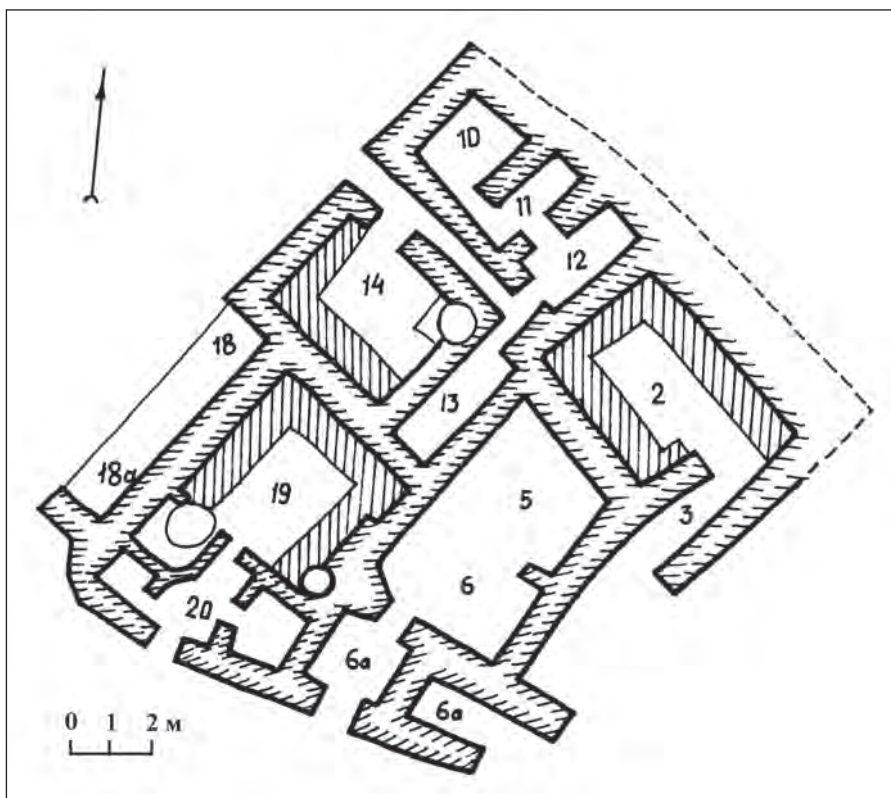

Рис. 49. Городище Отрартобе. Раскоп 3. Дома 1-4

Дом 5 состоял из пяти помещений (26, 26а - 29). Южный угол дома занимал туалет, размером 3,1х2,2 м, в пределах которого выявлены два периода функционирования.

Выявленные остатки уборных, вероятно, относятся к верхнему строительному периоду горизонта V, датированному XII - первой половиной XIII века.

Далее раскопками исследовались конструкции, относящиеся ко второму и третьему строительным периодам горизонта V.

К северо-западу от туалета вскрыто помещение. Ширина его 2,3 м, длина помещения не выяснена, юго-западная часть осталась под бровкой раскопа. Стены помещения сохранились плохо. Они сложены из сырцовых кирпичей размером 40х22 см, ширина стены осталась неизвестной из-за плохой сохранности. На стенах имеется штукатурка из глины с примесью соломы и извести.

В заполнении помещения обнаружены кости домашних животных, рыбы позвонки и чешуя, фрагменты керамики и стеклянных изделий, остатки камышового перекрытия и тлен.

После удаления стен помещения второго строительного периода, раскоп был углублен на 50 см. В заполнении его зафиксирован зольник и в нем найдены фрагменты керамики.

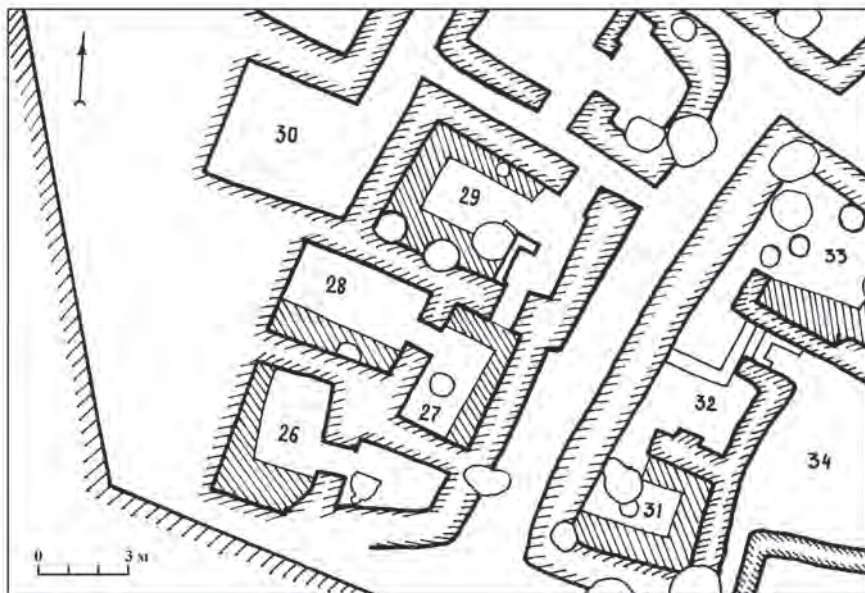

Рис. 50. Городище Отрартобе. Раскоп 3. Дом 5

Помещение с суфами вдоль двух стен расчищено по уровню пола. Суфы, расположенные вдоль юго-западной и северо-западной стен, сохранились хуже, поверхность с трещинами местами сошла. Пол обмазан глиной серого цвета с примесью соломы. На полу имеется прокаленный участок с сажой. На полу обнаружено множество обломков неполивной кухонной посуды. Среди находок следует отметить блюдо со стилизованной арабской надписью и орнаментированную ножку дастархана, кружку, целый кувшин с ручкой, два светильника, покрытых зеленой поливой.

В северо-восточной части зафиксирован проход шириной 0,8 м, ведущий в помещение.

К северо-востоку от первого туалета обнаружено жилое помещение. Параметры помещения по уровню второго строительного периода не выявлены из-за плохой сохранности стен. Кирпичи стен из сырца размером 28x20x5 см желтого цвета, сохранились разрозненно. На стенах местами сохранилась штукатурка.

Вдоль северной стены зафиксированы остатки суфы, у западного угла - выступающий из стены подиум. В южной стене устроена ниша. В центре помещения очаг-сандал, вмозанный в пол. Очаг округлой формы, покрыт красноватым ангобом. С внутренней стороны ободка и в центре очаг украшен штампованным орнаментом. Имеет четыре выступа в виде бараньих рогов. Диаметр очага 73 см, стенки высотой 8 см. На месте горения угольков черная сажа. Суфа, расположенная в западном углу, сохранилась плохо. Длина суфы составила 1,80 см, ширина - 1,25 см, высота - 5 см. Поверхность суфы разбита, обмазка из желтой глины сохранилась местами. На суфе обнаружены многочисленные фрагменты керамики.

У южного угла суфы устроен подиум для посуды. Он выступает на 40 см, длина - 70 см, ширина - 68 см, высотой 18,5 см, обмазан глиной с примесью соломы. Между суфой и подиумом стояла хумча, которая была раздавлена. В юго-восточной стене помещения устроена ниша длиной 40 см, шириной 23 см, высотой 10 см, пол выложен обломками керамики. Пол помещения обмазан глиной сероватого цвета, на поверхности – остатки тлена от рухнувшего камышового перекрытия. При расчистке помещения был найден керамический материал: крышки и кувшин. В южном углу помещения расчищен завал керамики. В завале найдена вставка перстня размером 1,2x8 мм из стеклянной пасты красного цвета. На вставке имеется надпись арабской вязью. Над надписью прочерчена звездочка. Также в заполнении найдены железные изделия, кости животных и рыб, золистые слои и битый сырцовый кирпич.

По соседству с вышеописанным помещением, в северной части раскопа выявлено помещение, в котором прослежены два периода.

По уровню второго строительного периода сохранность помещения плохая, только в восточной стене имеется три ряда кладки. Южный угол срезан поздней ямой. Стены шириной 75 см сложены из сырцовых кирпичей размером 41x19x15 см. Помещение являлось туалетом. У его северо-восточной стены обнаружена ванночка. Сохранность её плохая, размеры 60x75 см, высота стенок 14 см, диаметр слива 4 см. Ванночка поставлена с наклоном в сторону слива. Однако яма-бадраб отсутствует, что наталкивает на мысль, что она была принесена из другого места. Обнаружены керамика, кости, фрагменты изделий из стекла, остатки камышового перекрытия. В третий строительный период помещение служило кладовой. Параметры помещения: длина (ВЗ) 4,3 м, ширина – 2 м. В помещении выявлена суфа, расположенная вдоль южной стенки. Ширина суфы 0,8 м. Восточную часть суфы прорезала яма диаметром 0,7 м. Стены сохранились на высоту 0,4 м.

К востоку от помещения 28 расположено помещение 29. При углублении в пределах помещения на 50 см обнаружен нижний пол. Стены помещения размером 6,75x2,6 м сложены из кирпичей желтого цвета, размером 40x20x8 см. Вдоль западной, северной и восточной стен устроены суфы. Длина суфы вдоль западной стены 4 м, ширина – 90 см, высота – 48 см; вдоль северной стены: длина - 4 м, ширина - 80 см, высота – 50 см; вдоль восточной стены: длина – 4 м, ширина – 40 см, высота – 60 см. Угол западной суфы прорезала яма. Суфы, стены и пол обмазаны глиной желтого цвета с примесью соломы. На поверхностях суфы сохранился тлен от камыша, возможно, от циновки. В середине восточной суфы устроен тандыр. Высота тандыра - 46 см, диаметр дна – 54 см, диаметр устья – 40 см. На дне находился слой золы с древесными угольками. Поддувало диаметром 7,5 см выходит в сторону помещения. Отверстие поддувала четырехугольное, высота – 16 см, ширина – 12 см.

Юго-восточный угол помещения отделяет стенка-перегородка, перпендикулярная северной стене.

В помещении 30 на полу сохранился лишь очаг-сандал. Расположено оно с западной стороны помещения 29. Размеры помещения по уровню второго строительного периода 5,1х2 м. Стены сложены из сырца размером 37х22х8 см. В заполнении мощностью 40 см расчищены завал керамики, остатки камышового перекрытия, найдены фрагменты стеклянных изделий. Выявлены суфы, устроенные вдоль северной, западной и южной стен.

Ширина суф: южной – 0,5 м, западной - 0,8 м и северной – 1 м. Пол помещения на 35 см ниже уровня суф, размеры его составляют 2,35х2,35 м.

В середине западной суфы устроен тандыр. Высота тандыра 30 см, толщина стенок 2 см, диаметр дна – 38 см. Поддувало выходит в помещение, диаметр отверстия 8 см.

Вышеописанные помещения 26, 27, 28, 29 и туалет, судя по расположению и функциональному назначению, составляют одно домовладение. Группа помещений, объединяющихся в еще один дом б, выявлена в южной части раскопа. В доме было четыре помещения, из них: два жилых, одно хозяйственное и одно, вероятно, - перекрытый летний айван. Дом с трех сторон окружен улочкой.

В дом входили помещения 31, 32, 33, 34. Три помещения расположены анфиладой на одной линии, по направлению северо-восток - юго-запад.

В дом попадали с квартальной улицы, с северо-востока. Узкий коридор длиной около 4 м, вел сначала на крытую площадку перед домом (помещение 34). Размеры площадки 5,6х5 м. На ней устроены четыре тандыра. Два тандыра расположены вдоль восточной стены. Диаметры тандыров 55 и 70 см, глубиной 20 и 30 см. Два других тандыра, диаметром 50 и 45 см, глубиной 15 и 30 см, устроены вдоль северной стенки, на углу. В западной стене у угла имеется проход в помещение 32. Дверной проем шириной 0,8 м, перед проходом расположен порог в виде площадки 1,2х1,2 м, вымощенной сырцовым кирпичом.

Помещение 32 центральное, размером 4,3х3,3 м. Через него попадали в помещения 31 и 33. Перед проходом в помещение 33 выявлен заком. Он огорожен невысокой стенкой 0,4 м, сложенной из сырцового кирпича формата 40х22х10 см. Помещение 31 (3х3 м) занимает юго-западную угловую часть дома и имеет суфы, выявленные вдоль северной, восточной и южной стен

В центре помещения зафиксированы остатки напольного, переносного, керамического очага-сандала с бортами высотой 10 см. Очаг имеет округлую в плане форму. Южная стена помещения с внешней стороны частично повреждена, то есть прорезана ямой. В ЮЗ углу зафиксирована яма диаметром 0,8 м. Помещение 33 жилое.

Помещение прямоугольной в плане формы, длина 4,8 м, ширина 3,2 м. Выявлена суфа, расположенная вдоль южной и восточной стен. Ширина суфы - 0,9 м, высота - 0,25 м. На суфе в ЮВ части обна-

ружена медная крышка. В центре помещения обнаружена часть сандала (0,9x0,5 м). Сандал в плане прямоугольной формы с бортиками, украшенными штампованным орнаментом.

Стены сложены из сырцового кирпича формата 40x22x10 см, западная внешняя стена имеет толщину 1 м и сохранилась в высоту 0,45 м.

Таким образом, было раскопано отдельное домовладение, хозяин которого, судя по количеству в нем нескольких тандыров, был пекарем.

Одной из характерных черт жилищ рассматриваемого периода является обязательное наличие санитарно-гигиенических помещений - туалетов. Они, как правило, расположены в глубине дома. В них попадали через или минуя жилое помещение. Отличаются они меньшими размерами и устройством в них своеобразных «санитарных узлов». Конструкция «санитарного узла» представляла собой соединение керамической ванночки - тазара и трубы - «унитаза», установленной над глубокой ямой - бадрабом. Элементы санитарного узла - тазары зафиксированы во всех помещениях-уборных исследованных домов V горизонта. Трубы-«унитазы» обнаруживались в самих ямах-бадрабах на глубине 1,5-2 м:

Санитарные узлы «in situ» представляют собой конструкции из ванночки, трубы-слива и глубокой ямы, выявлены в уборной домовладения 5. Это два одновременных узла. Ванночки и труба первого узла керамические, при обжиге получили желтоватый цвет. Яма уборной была перекрыта сводом из сырцовых кирпичей. Труба-«унитаз» зафиксирован кладкой свода. Перекрытие ямы наполовину обрушилось в яму, сохранилось оно вокруг трубы. Труба-«унитаз» высотой 71 см, устье

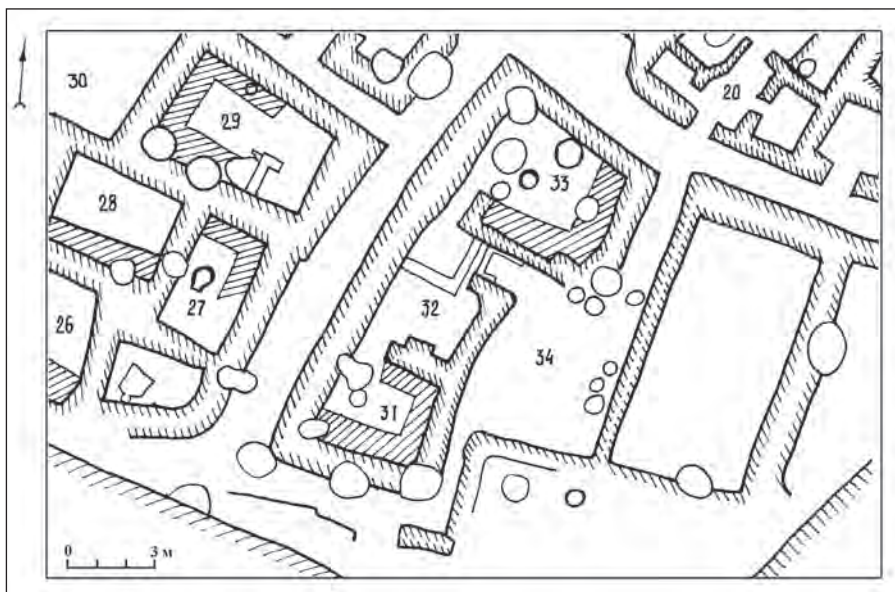

Рис. 51. Городище Отрартобе. Раскоп 3. Дом 5 - 6

Рис. 52. Сосуд из помещения 28 дома 5

овальной формы размером 19х22,5 см. Толщина стенок 3 см. Ванночка перед унитазом сохранилась полностью, имеет грушеобразную форму размером 0,73х1,2 м, высота бортов 11 см, толщина стенок - 1,1 см.

На зауженном конце имеется сливное отверстие диаметром 10 см. На дне лежали два кирпича размером 21х21х8 см и 22х11х8 см.

Яма с диаметром устья 1,45 м была расчищена на глубину 1,5 м. В яме были найдены в основном кирпичи перекрытия. Прослежены остатки камышового тлена. Найдены кости крупного рогатого скота, фрагменты поливной и неполивной керамики. Из керамики следует отметить кумган, предназначенный для совершения омовения.

Второй «санитарный узел» обнаружен в 2 м западнее. От него сохранилась лишь труба-«унитаз». Рядом с трубой лежали фрагменты керамики. «Унитаз» состоял из трех труб, надетых одна на другую, что говорит о его долгом использовании. Вокруг трубы выявлен камышовый тлен от циновки, возможно расстеленной на полу нижележащего строительного периода. На одном уровне с полом с циновкой выявлены прямоугольные булыжники размером 35х40х10 см, с северного края которых устроен бордюр толщиной 10 см. Яма-бадраб уборной прорезала юго-западную суфу помещения нижележащего строительного периода.

Раскопки на городище Куйрыктобе

Городище Куйрыктобе находится в 3-4 км юго-западнее Отрартобе и в 4 км от берега Сырдарьи, протекающей западнее памятника.

В топографии городища выделяются цитадель, шахристан и неукрепленный рабад.²⁷ Бугор шахристана имеет в плане овальные очертания. Длинной стороной он вытянут по линии север-юг на 280 м, а короткой с востока на запад на 250 м. Общая площадь шахристана чуть больше 5 га. Контур шахристана извилистый, на местах выступов первоначально располагались башни, соединенные отрезками стен. Въезд находился с восточной стороны и обозначен площадкой, углубленной как бы внутрь города, откуда шел пучок магистральных улиц, пересекающих городище по четырем направлениям. Видимо, главной была улица, условно названная «центральной». Она пересекает городище в направлении восток-запад и соединяет восточный въезд с западным. Высота шахристана колеблется в пределах 5-13 м, причем, наиболее высокой была южная часть, где относительные отметки достигают высоты 10-13 м.

Поверхность городища дает некоторое представление о структуре города. Различаются впадины площадей в центре городища и в юго-восточной части; прослеживаются массивы застройки, объединенные тупиковыми улочками.

Цитадель занимает западный угол шахристана. Она имеет вид трапециевидного в плане бугра, выступающего за уровень западного обвода шахристана.

Размеры бугра цитадели в основании 100x100 м, а площадки наверху - 35x35 м. Высота его - 17 м. Южная и восточные стороны бугра пологие, а западный имеет крутизну около 70°.

Въезд в цитадель в виде ложбины прослеживается с южной стороны. Цитадель, судя по топографии, была обнесена стеной с башнями по углам. Вокруг центрального городища прослеживаются следы ровов и болотистых участков, куда подходили ответвления от каналов, русла которых проходили западнее Куйрыктобе.

Остатки неукрепленного рабада со следами построек, судя по характеру подъемного материала - железоделательных и гончарных мастерских, занимают площадь свыше 25 га и расположены в основном к югу и западу от центрального бугра вдоль каналов и ответвлений от них. Помещение 2 имело размеры 6,0x3,0 м. Площадь его, за исключением восточного угла, занята суфой. У южного угла, на суфе, обнаружены своды небольшого очага.

Раскоп I. Был заложен на шахристане рядом с цитаделью (к юго-востоку). Общая площадь раскопа составила около 800 кв. м. Более 2/3 ее площади раскопано на глубину двух штыков (40 см).

В результате выявлено, что в самый поздний период существования города здесь находилось мусульманское кладбище. Погребенные обычно ориентированы головой на запад - юго-запад. Инвентаря при них нет. Захоронения совершались в течение длительного времени,

Рис. 53. Городище Куйрыктобе. План раскопов

поэтому глубина залегания костяков различна. Нижние погребения обнаруживаются по характерному перекрытию кладкой-елочкой, где два кирпича устанавливаются «на уголок». Стены погребальных сооружений перекрыты сырцовым кирпичом, взятым из стен заброшенных жилых сооружений.

Разрушение интерьера помещений и самих конструкций на всей площади раскопа - обычное явление. Так, на восточной половине раскопа жилые сооружения разрушены почти полностью. Достаточно достоверно удастся восстановить планировку участка жилого массива в западной половине раскопа, менее всего нарушенной погребениями.

Участок раскопа, о котором идет речь, ограничен улицами: с северо-запада - улицей шириной около 1,9 м, с юго-запада - шириной

1,5 м. Стены верхнего горизонта сохранились на высоту в 2-3 кирпича, практически на высоту суф.

Дом 1 состоял из помещения 1 и 2. Он имел линейную, осевую планировку. Вход в дом осуществлялся из тупичка, связанного на северо-западе с улочкой.

Дом 2 состоял из помещения 7 и 8. Вдоль северо-западной стены помещения 8 прослежены остатки стены, образующей со стеной помещения коридор, из которого входили в оба помещения дома.

Размеры помещения 8 – 3,2х4,0 м. Вся площадь, включая северный угол, занята суфой высотой 40 см.

Проход находился в западном углу северо-западной стены. В северном углу в суфу вмонтирован очаг подпрямоугольной формы. Очаг топился сверху. В юго-восточной стенке очага имелось ложно-топочное отверстие. Выложено оно в виде ниши.

В эту нишу, очевидно, ставился светильник. Очаг по своей конструкции отличается от остальных очагов, выявленных на городище. Он не был утилитарным.

Раскоп II. На краю нижней площадки шахристана, к востоку от цитадели, выявлены следы планировки верхнего строительного горизонта, проступающие на современной поверхности.

На площади около 800 кв. м было вскрыто 17 помещений по уровню верхнего горизонта и выявлены контуры ещё 9 помещений.

Раскоп имел «Г»-образную форму.

Раскопанные помещения занимают его юго-восточную часть, располагаясь массивом, вытянутым с севера на юг.

Северо-восточную часть раскопа пререзает улочка, идущая на юго-запад в направлении цитадели. Она поворачивает на север и огибает массив из 9-ти не раскопанных помещений. Сохранность стен раскопанных помещений различна, но зачастую они прослежены по уровню суф и порошков. Ряд помещений на склоне холма был смыт почти полностью. Надежным аргументом при выделении домовладений является конструктивная связь помещений.

Раскопанные помещения объединены в 4 домовладения, содержащих по три помещения, и в одно, состоящее из двух помещений. Принадлежность трех помещений к каким-либо комплексам установить не удалось.

Дом 1 состоит из помещений 1, 1а и 1б, расположенных в восточном углу квартала.

Дом 2 состоит из помещений 4, 10, 11 (9), расположенных у северо-восточного края раскопа.

Юго-западнее располагался дом 3, состоящий из помещений 5 и 9. Помещение 5 имеет трапециевидную в плане форму. Юго-западная стена равна 4,0 м, северо-восточная - 5,35 м, длина с ЮЗ на СВ - 4,3 м. Оно расчищено до пола на глубину 1,0 м. Вдоль юго-восточной стены находится суфа, не достигающая 1,0 м до юго-западной стены.

Дом 4 состоит из трех помещений, расположенных по оси (помещения 2, 6, 8). Помещение 2 вытянуто с северо-востока на юго-запад на 5,8 м, ширина его 2,2 м.

Дом 5 состоит из помещений 13, 14, 15 и 16.

Помещение 16 узкое, вытянутое с юго-востока на северо-запад на 10,5 м, ширина его 1,0-1,6 м. Коридором оно связано с остальными помещениями комплекса.

Раскоп III. Захватил всю верхнюю площадь цитадели размерами около 1500 кв. м.

Постройки цитадели характеризуются наличием нескольких строительных горизонтов с ремонтными работами и перестройками. Конструкции верхнего строительного горизонта сохранились в центральной, наиболее возвышенной части цитадели.

Постройка или, точнее, часть постройки состояла из пяти помещений, со всех сторон окруженных обходным коридором. Стены сложены из сырцового кирпича размерами 38x24x8 см и 4x23x9 см.

Конструкции второго строительного горизонта вскрыты в восточной и северной частях цитадели. Остатки гончарных печей, завалы, ямы с керамикой свидетельствуют о том, что в этот период на цитадели, по крайней мере, в её северо-восточной части располагались гончарные мастерские.

Одна из них характеризуется наличием двора с гончарной печью.

Площадь двора 24,7 кв. м (5,5x11,5 м). В его северном углу находилась печь грушевидной в плане формы. Сохранилась топка печки. Длина её 1,7 м, ширина 0,6 м, высота 0,6 м.

Керамика найдена в заполнениях печи и в ямах, бесспорно связанных с печкой, забитых керамическим браком, датированным XI в. В яме 8 обнаружены лепные крышки, украшенные резьбой, кружки с резным орнаментом.

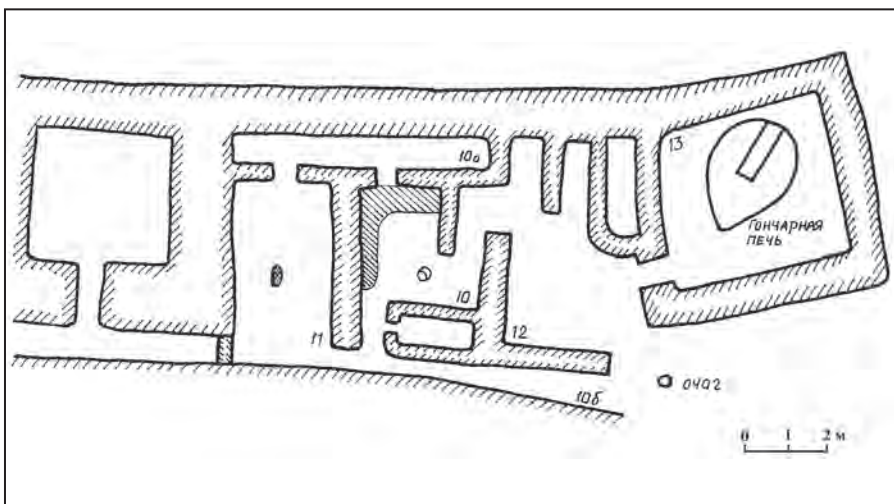

Рис. 54. Гончарная мастерская

Кроме двора, с мастерской связаны ещё 4 помещения: 10, 10А, 11, 12.

Помещение 12 размерами 6х3,7 м расположено от двора через стенку и связано с ним проходом. В западной части помещения расчищены два закрома. Один из них замкнутый, другой открыт с восточной стороны. Стены сложены из одного ряда кирпичей, обмазанных толстым слоем штукатурки. Толщина стенок у закровов 10-12 см.

Соседнее помещение 10 имеет размеры 3,5х5,2 м. Вдоль юго-западной и северо-восточной стен комнаты были устроены суфы шириной 0,5-0,7 м. В центре расчищен земляной очаг в виде овального углубления, заполненного красноватой золой. У северо-восточной стены находился загром в виде ящика, пристроенного к капитальной стене.

Две другие стены, сложенные в один кирпич, имеют ширину 12 см. Размеры его 2,5х1 м, высота стенок 1 м.

Следующий ряд помещений, расположенных севернее комплекса мастерской, сохранился плохо.

Возможно, что с мастерской были связаны два помещения, расположенные в северо-западной части цитадели и объединенные с мастерской узким коридором. Помещения были забутованы сырцовым кирпичом в последний период жизни цитадели.

Квартал «Г»

Всего в квартале насчитывалось не менее 12 домовладений, часть из них смыта, другая разрушена постройками более позднего времени.

Постройки квартала группировались вокруг «П»-образной улочки.

Дом 1 состоял из помещений 1 и 2.

Помещение 1 имеет размеры 5,52х3,46 м. Вход шириной до 0,85 м с тамбуром, образованным в южном углу узкой стеной (1,36х0,44 м). У северо-западной и северо-восточной стен располагаются суфы шириной соответственно 0,88 и 1,06 м.

Почти в центре помещения 1 располагается напольный очаг.

Он представляет собой прямоугольную площадку размером 1,14х0,95 м, возвышающуюся над уровнем пола на 7-9 см. На ней прослеживается прямоугольное пятно прокала размером 0,7х0,62 м. К северо-востоку от очага был отгорожен хозяйственный уголок. Его образовывала невысокая стенка-бортик, отходившая от восточного угла очага.

Помещение 2 располагается к северо-западу от помещения 1 за стенкой толщиной в 0,6 м. Размеры его 3,64х2,62 м. Интерьер отсутствует, вероятно, это кладовая. Полы обоих помещений находятся на одном уровне.

Дом 2 (помещения 3, 4) по планировочному решению дублирует дом 1, представляя разницу лишь в параметрах.

Помещение 3 (5,32х4,17 м) имеет вход с тамбуром. Стены помещения тщательно оштукатурены. У северо-западной и юго-восточной стен располагаются суфы шириной 1,1 и 1,0 м. В середине размещен напольный очаг прямоугольной формы, размеры которого 1,12х0,98 м. Он имеет бортик высотой 0,5 см из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. На юго-западной стене, напротив очага, выявлены следы более раннего пристенного очага. От него осталась неглубокая (до 17 см) ниша в стене с плавно выведенными краями.

У северо-западной стены обнаружена мусорная яма с перекрытым жердями устьем.

Яма заполнена отходами гончарного производства: рыхлой золой от сгоревшей колючки или соломы, кусками керамического шлака. С северо-запада к помещению 3 примыкает помещение 4 размерами 3,64x2,12-2,6 м с четырьмя мусорными ямами в полу.

Вероятно, помещение использовалось как кладовая. В дом 3 входит помещение 10, предположительно, хозяйственного назначения. Размеры помещения 5,45x3,7-3,9 м.

Вход находился в северном углу. Внутри помещения он продолжался тонкой стенкой, образующей своеобразный тамбур. С другой стороны к этой стенке примыкала «Г»-образная суфа шириной 1,1 м и 0,8-0,86 м, высотой около 0,2 м. В восточном углу находилась кладовая (2,3x1,4 м), отгороженная высокой стенкой. Рядом, в южном углу, открыты остатки какого-то приспособления, вероятно, подставки под ручную мельницу, поскольку рядом найден фрагмент жернова.

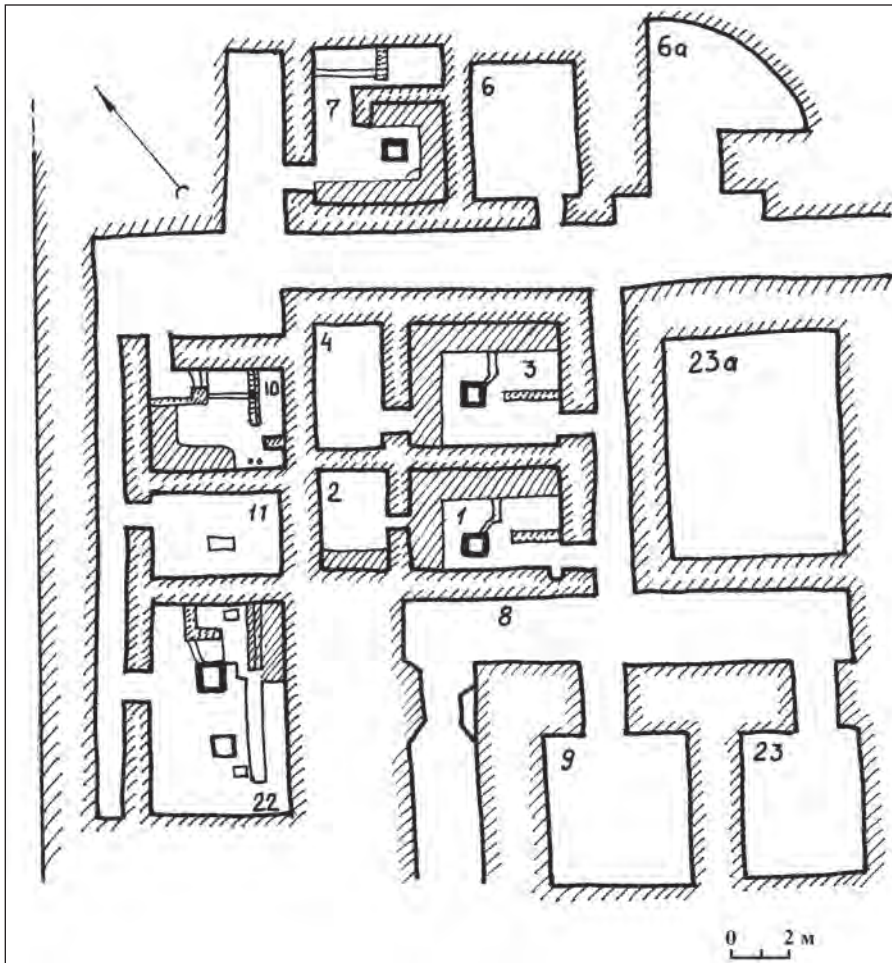

Рис. 55. Городище Куйрыктобе. Цитадель. Квартал «Г».
IX - первая половина X в.

С другой стороны кладовой обнаружена вырубленная в восточной стене ниша-камин. Ниша оформлена примитивными колонками, на одну из них были положены фрагменты жаровни. Расстояние между колонками 24 см.

Дом 4 состоит из помещений 11 и 22.

Помещение 11 (5,0x2,72-2,82 м). Почти в центре помещения обнаружен след от плашки или бруса - базы опорной колонны.

Здесь найден железный замок «Г»-образной формы.

Наиболее интересный материал был обнаружен в яме 27, находящейся в южном углу. Здесь обнаружены: наконечник стрелы, гагатовая бусинка, донце чаши с рисунком лица усатого мужчины и несколько монет хорошей сохранности.

Рис. 56. Донце пиалы (внешняя часть)

Размеры помещения 22- 6,6x5,34 м. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад. Северо-западная стена разрушена шурфом. Почти вся площадь помещения занята суфой.

Восточный угол помещения обособлен в отсек-кладовую размерами 1,95x1,0 м. В средней части помещения расположены два напольных очага. У юго-западной и северо-восточной стен выявлены следы от баз колонн.

На суфе у юго-восточной стены найдены несколько пластин панцирного доспеха и железный серп.

Дом 5 состоит из одного помещения 7. Оно имеет размеры 4,8x3,6 м. Вдоль северо-восточной и юго-восточной стен располагались суфы шириной 90 и 96 см.

В центре расчищен напольный очаг прямоугольной формы (1,25x0,96 м) с округленным северо-западным краем.

Помещение 6 располагается к юго-востоку от помещения 7. Размеры его 4,48x3,85 м. Выявлено, что оно относится к третьему строительному периоду и стены его возведены из пахсы.

На некоторых участках раскопа выявлены «обрывки» капитальных стен третьего горизонта с прокаленной пожаром штукатуркой.

Это остатки стен дворца цитадели, частично включенные в планировку более позднего времени.

Раскоп IV. Был заложен в юго-восточной части Куйрыктобе. Площадь его 3200 кв. м. Раскоп вскрыл остатки трех городских кварталов, датированных XI в.

Квартал «Д»

Дом 1 состоит из четырех помещений: 57, 58, 59, 59 А. Помещение 57 прямоугольное в плане с размерами стен 3,5x2,3 м. Дверь в восточном углу шириной 0,8 м соединяет его с помещением 58, прямоугольным в плане, размером 5,25x3,25 м. Восточная половина помещения занята суфой шириной 3 м.

На суфе сохранились следы округлого очага диаметром 0,75 м. Последнее помещение 59А имеет размеры 4,75x1,7 м.

Дом 2 состоит из двух помещений - 10 и 11. Помещение 10 - трапезническое (4,22-4,75x5,9 м). В южной половине помещения - прямоугольная суфа размерами 4,0x3,1 м. Помещение было связано с помещением 11 дверным проемом шириной 0,8 м. Второе помещение домовладения трапезническое в плане (4,25-2,75x6,8 м). В северном углу устроена ниша размерами 1,2x0,8 м. Посередине на полу располагался круглый очаг диаметром 1,4 м. К северу от очага находилась хозяйственная яма. Ее диаметр 1,2 м.

В дом 3 входят два помещения - 56 и 55. Помещение 56 в плане прямоугольное (6,0x3,75 м). В него попадали с улицы через дверной проем шириной 0,9 м. При входе - площадка размерами 3,35x2,75 м. В западном углу - заком (1,4x1,0 м). Остальная площадь помещения занята «Г»-образной суфой. Второе помещение домовладения также прямоугольное - 5,25x3,4 м. В северо-западном углу помещения устроена хозяйственная яма диаметром 0,75 м.

Дом 4 состоит из двух «пустых» помещений 54 и 53. Дверной проем, соединяющий эти два помещения, обнаружить не удалось. Помещение 54 имеет размеры 5,0x3,75 м, помещение 53 - 4,8x3,75 м.

Дом 5 также состоит из двух прямоугольных помещений - 52 и 51. Соединены они между собой дверью шириной 1,1 м.

В помещение 52 размерами 5,1x3,6 м попадали с улицы чрез дверной проем шириной 0,95 м. Размеры второго помещения 7,0x4,7 м. При входе в помещение находилось ташнау - 3,8x3,7 м.

В дом 6 входят три помещения: 48, 49, 50. Помещение 48 прямоугольное в плане. Его размеры 6,5x4,6 м. В юго-восточном углу расположена суфа (3,25x2,75 м). Данное помещение связано с помещением 49 коридором шириной 0,9 м. Размеры помещения 49 - 3,5x1,8 м. Помещение 58 подпрямоугольное в плане - 4,75x2,5 м. Западную половину его занимала суфа размерами 2,5x1,2 м.

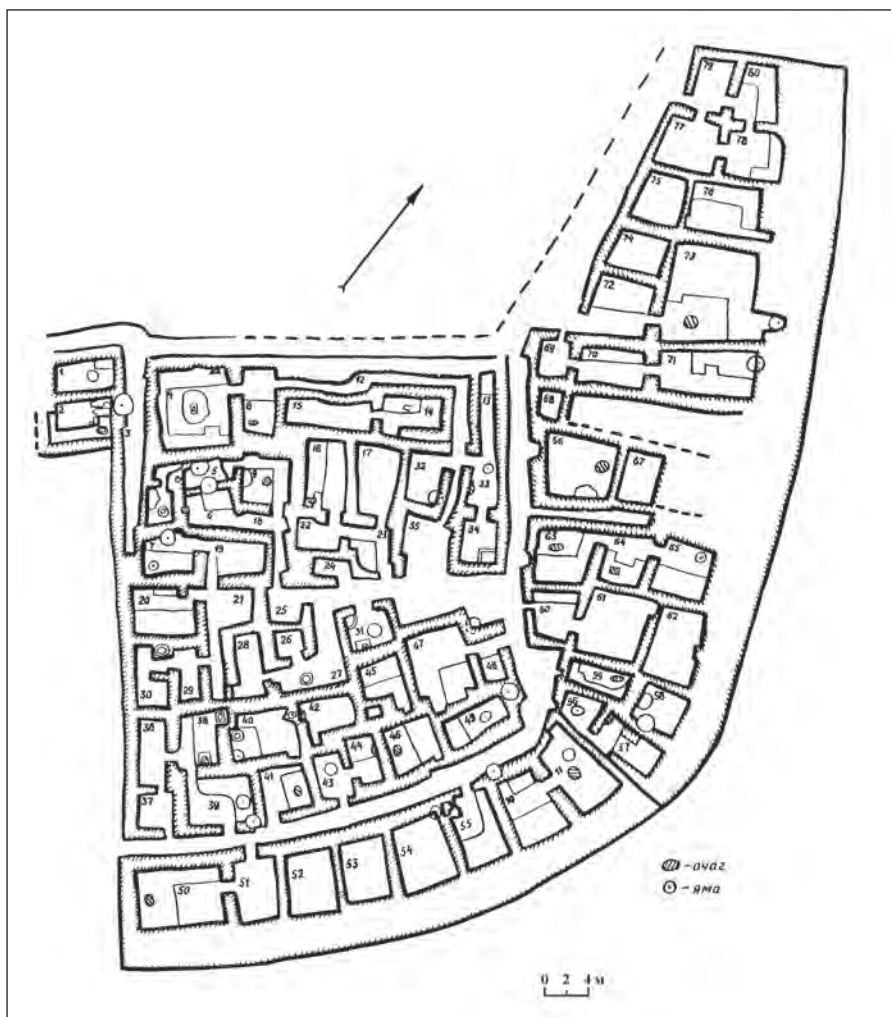

Рис. 57. Городище Куйрыктобе. Раскоп IV. План

Дом 7 насчитывает два помещения: 47 и 46. Первое помещение подквадратное в плане - 4,2x4,1 м. В юго-восточном углу устроена прямоугольная ниша. Западную половину занимает суфа размерами 4,1x2,7 м. На суфе - эллипсовидный очаг размером 0,9x0,5 м. Помещение 46 прямоугольное в плане - 5,5x3,5 м. В южном углу помещения - закром (1,1x0,8 м). Южную половину занимала суфа.

В доме 8 три помещения: 43, 44, 45. Все три помещения прямоугольные в плане.

Первое, т.е. помещение 43, размером 4,5x2,75 м, в южном углу имеет подквадратную нишу 0,9x0,8 м. У западной стены находился эллипсовидный напольный очаг 1,25x0,6 м. Помещение 44 имеет размеры 4,0x2,6 м. Оно связано с улицей дверным проемом шириной 0,8 м. Размеры помещения 45 - 4,0x1,75 м. Северную половину его занимает суфа (2,0x1,75 м).

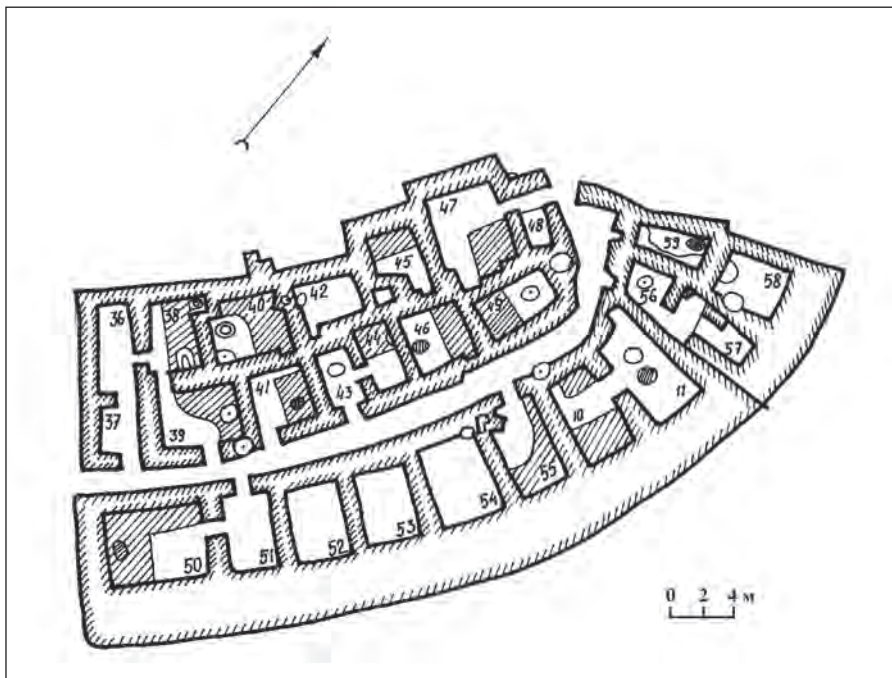

Рис. 58. Городище Куйрыктобе. Квартал Д. План

В *доме 9* два помещения: 41 и 42. Юго-западная часть помещения 41 была занята суфой. В помещении находились две хозяйственные ямы. Помещение 42 прямоугольное в плане (3,75x3,5 м). Через дверной проем оно связано с улицей. Ширина двери 1,1 м. В восточном углу находится суфа размерами 2,5x2,0 м.

Дом 10 состоит из четырех помещений: 37, 38, 39, 40. Все четыре помещения подпрямоугольные в плане. Помещение 37 имеет размеры 5,25x2,25 м. Через дверные проемы оно связано с помещениями 38 и 39. В северном углу помещения 39 (4,6x3,0 м) расположена ниша с закромом.

Восточная половина занята прямоугольной суфой. Размеры помещения 38 - 3,1x2,6 м. Дверной проем шириной 0,8 м соединял помещение с улицей. Помещение 40 в плане прямоугольное (5,2x3,7 м), оно связано с улицей и помещением 39 проходами. Восточную половину помещения занимает «Г»-образная суфа.

Квартал «Е» примыкает к городской стене. В его составе восемь домовладений, выходящие на отрезок магистральной улицы.

В *доме 1* - четыре помещения: 78, 79, 80 и 81. Помещение 78 подпрямоугольное в плане (4,2x3,5 м). Ширина входа 0,8 м. В помещение 79 вход осуществлялся через дверной проем шириной 0,8 м, находящийся в северо-западном углу. Восточную половину помещения занимает «Г»-образная суфа.

Помещение 80 прямоугольное в плане (4,5x2,5 м). В него попадали с улицы через дверь шириной 0,9 м. Из помещения 80 имелись проходы в помещения 78 и 81. Помещение 81 трапециевидное в плане

(2,0-3,0x4,5 м). Вся площадь помещения занимает суфа. Оно было связано дверью с помещением 79.

Дом 2 состоит из двух помещений: 76 и 77. Помещение 76 имеет размеры (4,25x3,5 м). Второе помещение (77) также прямоугольное в плане (5,25x4,25 м). Северную половину комнаты занимает «Г»-образная суфа.

В дом 3 входят два помещения: 73 и 74. Помещение 73 прямоугольное в плане (5,0x4,7 м). Вход в помещение с улицы. Ширина дверного проема 1,7 м. Размеры помещения 74 - 7,75x6,8 м. В середине комнаты на полу находился открытый очаг круглой формы диаметром 1,1 м.

Дом 4 насчитывает три помещения: 70, 71, 72. Все помещения прямоугольные в плане. Северо-восточную половину помещения 72 занимает прямоугольная суфа (5,1x2,2 м).

Дом 5 состоит из одного подпрямоугольного в плане помещения. Его размеры 2,6x1,7 м.

Дом 6 - двух-комнатный. Размеры помещения 67 - 5,5x4,75 м. В северо-восточной половине находился напольный очаг округлой формы диаметром 60 см. Южная стена пробита хозяйственной ямой диаметром 1,1 м.

Дом 7 состоит из трех прямоугольных в плане помещений: 64, 65, 66. Помещение 64 имеет размеры 4,3x4,2 м. Северо-западный угол занимает суфа размерами 2,7x2,3 м. Это помещение было связано с комнатой 65 дверным проемом шириной 0,75 м, находящимся в северо-восточном углу.

Размеры помещения 65 - 4,0x3,5 м. Южную половину занимает прямоугольная суфа (3,5x2,3 м). Третье помещение дома - 66.

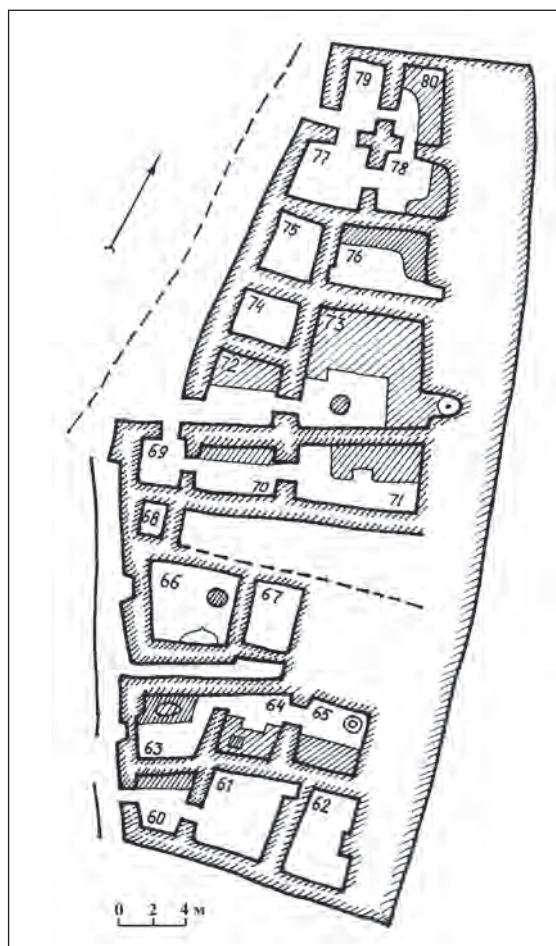

Рис. 59. Городище Куйрыктобе. Квартал «Е». План

Его размеры 4,8x4,2 м. Южная половина помещения занята суфой размерами 4,2x2,1 м.

Дом 8 состоит из трех помещений: 61, 62, 63. Все три помещения прямоугольные в плане. Помещение 61 (3,0x3,9 м) связано с улицей дверным проемом шириной 0,9 м. Северную половину помещения занимает прямоугольная суфа шириной 1,4 м. В северо-восточном углу помещения 62 устроена прямоугольная ниша размерами 1,0x0,5 м.

Квартал «Ж» - его площадь 1050 кв. м.

Дом 1 состоял из трех помещений: 13, 34, 35. Комната 13 трапециевидная в плане. Её размеры составили 1,0-1,7x6,7 м.

Северную половину помещения занимает суфа шириной 1,3 м. Комната 34 подпрямоугольная в плане - 3,0x2,1 м. У западной стены были расположены разновременные напольные очаги овальной формы. Более ранний имеет диаметр 1,0 м, поздний - 0,6 м. Комната связана дверным проемом шириной 0,9 м с помещением 35. Юго-западный угол был занят прямоугольным закомом размером 1,0x0,8 м.

Дом 2 имеет два помещения: 14 и 75. Помещение 14 трапециевидное в плане размером 3,0-2,0x5,5 м. В юго-западном углу - прямоугольная ниша размерами 1,2x0,9 м. Северо-западный угол помещения занимает прямоугольная суфа - 2,25x1,0 м. На суфе сохранился подковообразный очаг.

Дом 3 состоит из двух помещений: 4 и 8. Обе комнаты прямоугольные в плане. Комната 4 имеет размеры 6,4x5,3 м. Вдоль северной, южной и западной стен идет суфа шириной от 1,0 м до 1,4 м. В северо-восточном углу находился сегментовидный очаг диаметром 0,75 м. Посередине помещения расположена прямоугольная в плане тумба размерами 2,25x1,75 м.

Вторая комната (8) имеет размеры 6,2x4,25 м. Южная половина комнаты занята суфой шириной 3,3 м. На суфе - очаг в виде полукруга диаметром 0,65 м.

Дом 4 состоит из четырех помещений: 24, 23, 16 и 17. Комната 24 трапециевидная в плане. Её параметры 3,25-2,7x3,5 м. Юго-западный угол занимает суфа (2,5x2,0 м). Помещение 16 в плане прямоугольное - 5,5x3,25 м. Западную половину помещения занимает суфа шириной 1,7 м.

При входе на суфе устроена экранная стенка (1,8x0,9 м). За ней на суфе - сегментовидный очаг диаметром 0,75 м. Помещение 17 в плане трапециевидное - 3,5-2,5x5,6 м.

В доме 5 - три помещения: 5, 9, 6. Комната 5 трапециевидная в плане - 2,25-1,5x3,2 м. Северная и южная стены пробиты двумя хозяйственными ямами. Диаметр первой - 1,3 м, диаметр второй - 1,45 м.

Комната 5 связана дверью с комнатой 9. Ширина двери составила 0,8 м. Комната 9 прямоугольная в плане - 4,0x3,5 м. Юго-западный угол занимает суфа (3,2x2,6 м). На суфе - хозяйственная яма диаметром 1,75 м. На суфе также находился округлый в плане очаг диаметром 0,5 м. Помещение 6 в плане прямоугольное (3,75x3,25 м). В юго-западном углу находилась хозяйственная яма эллипсовидной формы размером

0,7х0,4 м. Из помещения был выход в коридор шириной 1,05 м. Длина коридора - 3,5 м.

Дом 6 состоит из четырех помещений: 7, 19, 21, 20. Комната 7 прямоугольная в плане (4,25х2,7 м). Южная половина занята суфой шириной 1,6 м. На суфе - хозяйственная яма. Данная комната связана с помещением 19 через дверной проем шириной 65 м.

Помещение 21 – прямоугольное в плане (3,75х3,25 м). Детали интерьера отсутствуют. Помещение 20 прямоугольное в плане (5,0х3,75 м).

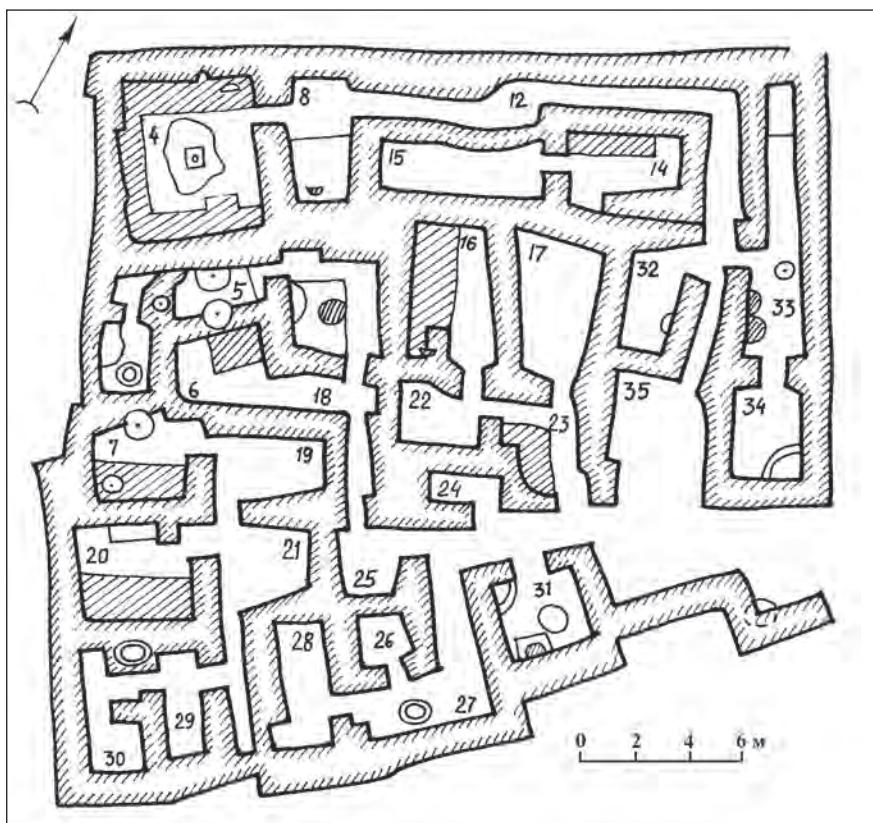

Рис. 60. Городище Куйрыктобе. Квартал «Ж». План

В состав квартала «Ж» входили также одиночные помещения. Это помещения 25, 27, 29, 30, 31, 32.

Дома всех кварталов по характеру планировки разделяются на три типа. К первому относятся дома, где все помещения, а их бывает два-четыре, вытянуты по одной оси. Для второго типа домов характерна крестообразная планировка, когда помещения расположены крест-накрест. Число помещений от трех до пяти.

К третьему типу относятся дома, помещения, поставленные параллельно в ряд. Сообщение между комнатами происходит по коридору.

При раскопках домов собрана керамика, главным образом неполопная. Из мусорных ям домов получен богатый комплекс поливной

керамики XI в. Постройки, раскопанные на данном участке городища, отнесены к первой половине XI в.

Раскопы VII-VIII, участок 1. Место для раскопа первоначально было выбрано в юго-западной части городища, где выделялся участок, лишенный растительности, с «читаемой» планировкой отдельных помещений и улиц. Вдоль крайней «южной» улицы был заложен раскоп.

Вначале здесь было вскрыто несколько жилых комплексов, относящихся к двум строительным горизонтам. В связи с тем, что верхний строительный горизонт был разрушен эрозией, строения второго (сверху) строительного горизонта оказались в этом плане в более выгодном положении.

Дом 1 состоит из помещений 23, 24 и 25. Планировка «Г»-образная. Сохранность помещений комплекса плохая. Стены сложены из кирпича стандартного размера 38-40x22x9-10 см.

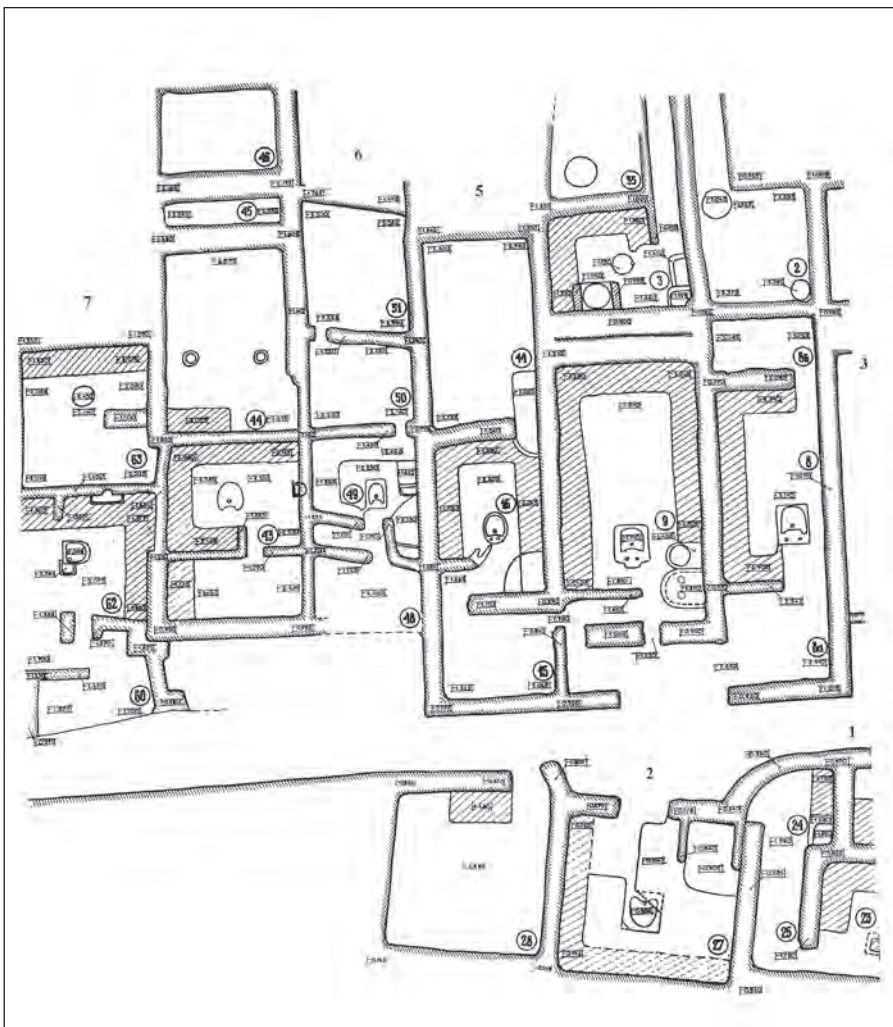

Рис. 61. Городище Куйрыктобе. Раскопы VII-VIII. Участок 1. План

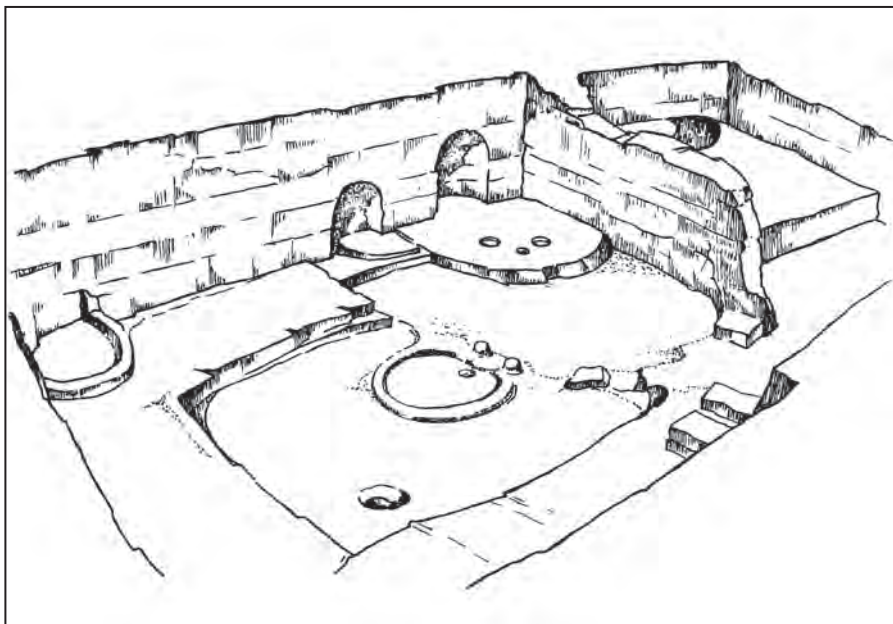

Рис. 62. Дом 5. Общий вид

Помещение 24 сильно разрушено двумя впущенными погребениями и тремя врезанными мусорными ямами. Помещение вытянуто с северо-востока на юго-запад на 3,22 м. Ширина по юго-западной стене составляет 3,06 м. Восточный угол помещения скруглен.

Проход, оформленный ступенькой в северо-западной стене (у северного угла), вел в центральное помещение. Высота стен помещения достигает 1,26 м.

Помещение 25 вытянуто по линии северо-восток - юго-запад. Длина северо-восточной стены составила 3,96 м, юго-западной - 3,60 м, северо-западной - 4,98 м, юго-восточной - 5,40 м.

Экранная стенка, стоящая на суфе у юго-восточной стены шириной 0,7 м, длиной 0,4 м, продолжена до 0,9 м. В центральной части помещения расположен очаг в виде подпрямоугольной площадки с бортиком.

Сохранность очага плохая, детали конструкции не прослежены. Размеры его 0,98x0,67 м, ширина бортика - 10-12 см, высота - 5-6 см.

С экранной стенкой очаг соединен отростком («усиком») длиной 0,42 м, шириной 0,24 м. Вдоль юго-восточной стены устроена суфа шириной 0,92-0,96 м, продолжавшаяся вдоль юго-западной стены. Северо-западный участок суфы разрушен. На полу и суфе обнаружены миниатюрные «лепешки» и «хлебцы» из необожженной глины.

Среди многочисленных обломков некоторые изделия извлечены целыми или собираются из фрагментов. Наибольшее число находок было в северном углу центральной части помещения, у прохода.

Проход шириной 0,46 м, расположенный в западном углу, соединял помещение 25 с помещением 23. Толщина стены между этими помещениями 0,48-0,5 м.

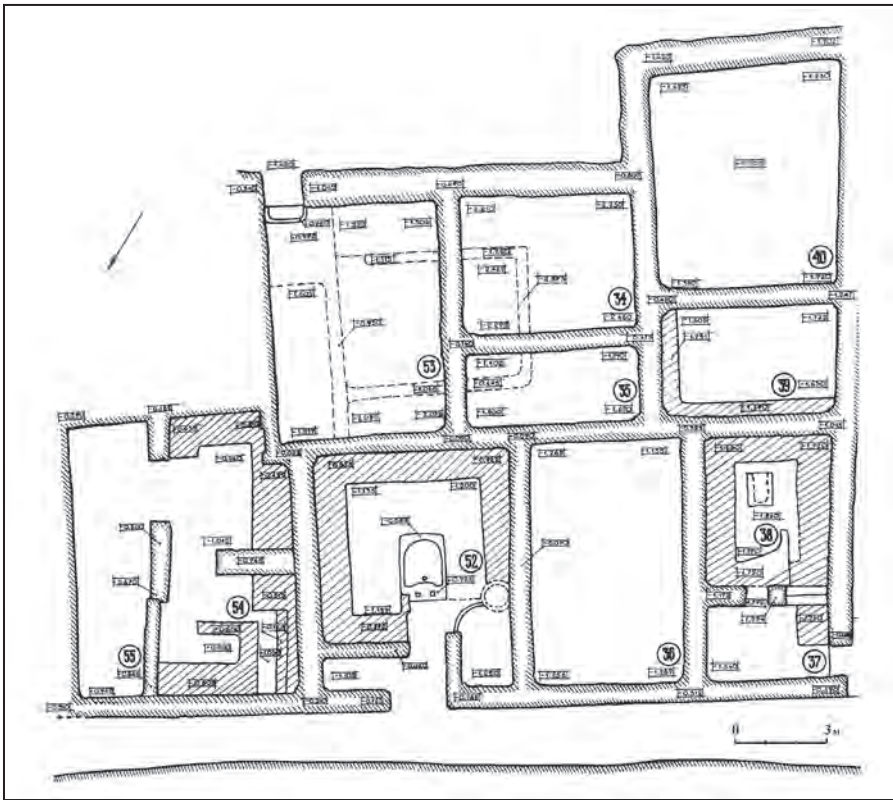

Рис. 63. Городище Куйрыктобе. Раскопы VII-VIII. Участок 2. План

Помещение 23 подпрямоугольной формы (3,55x1,76 м) вытянуто с северо-запада на юго-восток. Предположительно, помещение использовалось в качестве кладовой.

Дом 2. Раскопано одно помещение (27). В нем на полу алтарь-очаг, у двух стен устроена «Г»-образная суфа. В углу расположен кухонный отсек.

Дом 3 расположен через улочку напротив домов 1 и 2. С улочки шел вход во дворик, который был общим для дома 2 и дома 4. Жилище (8) узкое с суфой у трех стен. Прямоугольный очаг-алтарь с двумя напольными шишками. К жилому помещению с юга примыкает хозяйственный отсек размерами 1,5x3 м. Он обозначен номером 8 б.

Дом 4. Он однокомнатный (9) размерами 7x4 м. По трем его сторонам устроена суфа. Ближе к входу находился очаг-алтарь с двумя напольными выступами. В углу справа от входа находился хозяйственный отсек, где располагался тандыр и площадка перед ним.

Дом 5 состоит из вестибюля (15) и двух помещений (14, 16), расположенных анфиладой. Жилое помещение (16) с суфами по трем сторонам имеет в центре округлый в плане очаг-алтарь с двумя напольными выступами в передней части и хозяйственный отсек в углу. Помещение 14 - кладовая размерами 3x5 м.

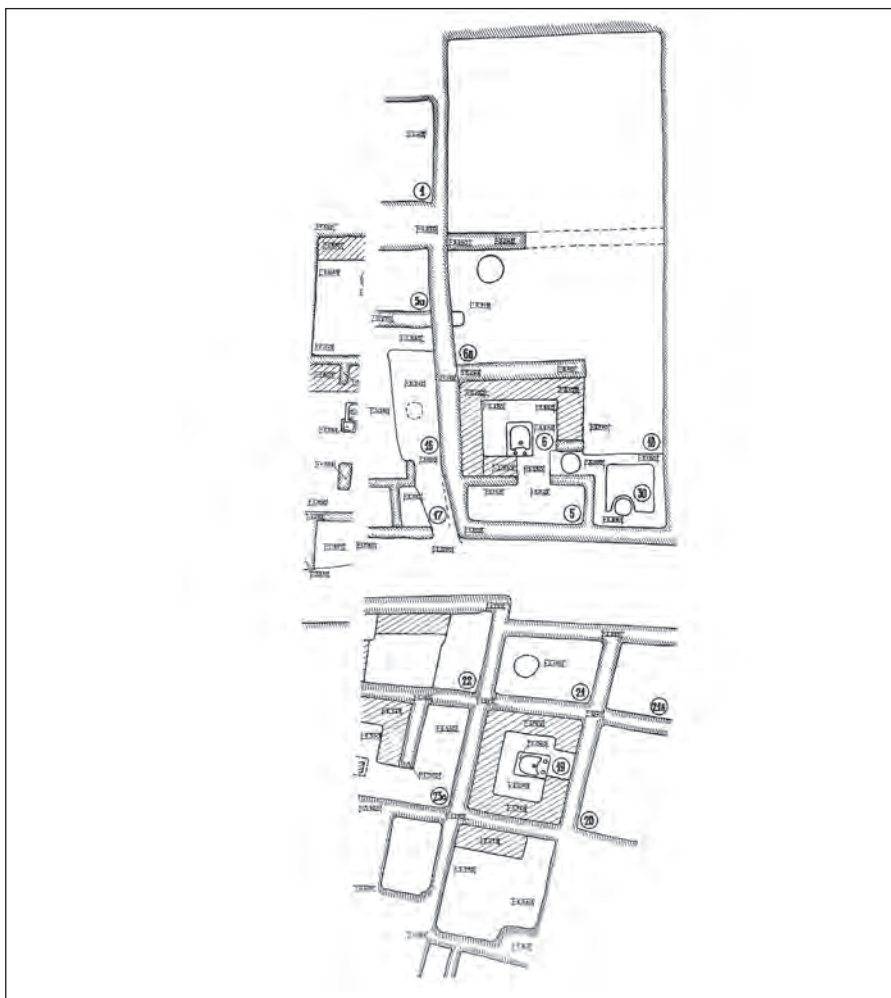

Рис. 64. Городище Куйрыктобе. Раскопы VII-VIII. Участок 3. План

Дом 6 состоит из дворика-айвана, жилого помещения (49) с очагом-алтарем, суфами и хозяйственным отсеком, двух кладовых размером 3х2,2 м и 3х3 м, соединенных проходами.

Дом 7 образован входным айваном и жилым помещением (43) с суфами вдоль трех стен и округлым в плане очагом-алтарем.

Дом 8 сохранился плохо, но в его планировке различается входной айван и жилая комната (62) с прямоугольным очагом-алтарем в центре и суфами вдоль стен (дом раскопан частично).

Раскоп VII-VIII, участок 2. На раскопе VIII открыт еще один участок городской застройки, где в массиве жилых и хозяйственных построек можно выделить три однокомнатных дома, относящихся к тому же кварталу, что и вышеописанные дома.

Дом 9 однокомнатный, перед входом в дом был устроен дворик-айван (37) размерами 6 кв. м, оттуда вел вход в жилое помещение (38) размером 3х4,5 м, с суфами вдоль трех стен и остатками очага-алтаря.

Дом 10 имеет дворик, айван и жилое помещение (52) размером 6х5 м, с очагом-алтарем и хозяйственным отсеком в углу, где находился тандыр и площадка перед ним. Дом 11 остался недокопанным.

Раскоп VII-VIII, участок 3. И еще один участок раскопа вскрыл несколько помещений (1, 5, 5а, 6, 6б, 16-18, 30). Выделяется дом 11, состоящий из трех помещений, центральным из которых было жилое помещение 6 с суфами вдоль стен и прямоугольным очагом-алтарем в центре. Дом имел айван (5) размерами 6х2 м и еще одного помещения (30) размерами 2х2 м. Вдоль его стен - суфа, в одну из которых вмазан тандыр.

Раскоп IX. В результате работ зафиксированы остатки жилого комплекса из десяти помещений.

В массиве застройки выделяются два домовладения. Основным строительным материалом служил сырцовый кирпич. Кирпичи сформованы из глины желтого цвета, размеры кирпича 40х20х9 см. 40х20х11см, 37х24х11см.

Домовладение 1 состоит как минимум из двух помещений, однако сохранилась лишь одно, центральное помещение. Помещение 1 размером 5,8х4,1 м, является жилым, расположено в южной части раскопа, ориентировано углами по сторонам света, длинной стороной вытянутое с юго-востока на северо-запад. Стены сохранились на высоту 0,4 м. С соседним помещением сообщается через проход, расположенный посередине юго-восточной стены.

По периметру стен устроены суфы. Ширина суфы вдоль юго-восточной стен 1,3 м, у северо-восточной и юго-западной стен 0,9м, у северо-западной стены - 1,05м, сохранившаяся высота варьируется от 0,2м до 0,3м. Суфы сложены из сырцовых кирпичей размером 37х24х11см, и обмазаны глиной. В центре помещения, на полу располагался очаг-сандак, круглой формы. На его месте остался прокаленный участок размером 1,4х1м. Посередине северо-восточной стены зафиксирован фрагмент тандыра. Тандыр по своей видимости был врезан в суфу.

С юго-востока и юго-запада к помещению примыкают помещения, вероятно относящиеся к данному домовладению, однако сохранить на данном уровне не позволяют должным образом их интерпретировать.

Домовладение 2, представляет собой большой дом, объединяющий помещения 2, 3, 4, 7, 8. Центральным является помещение 3, самое большое по площади, размером 6,5х5,5м. Оно ориентировано углами по сторонам света. Проход в помещение располагался в юго-восточной стене, у восточного угла. Северо-восточная часть отделена стенкой-экраном, образующей коридор 4, ведущий в соседнее помещение 7. Ширина стен 0,7 м. высота 0,45 м. Зафиксирована перестройка юго-западной стены, она была сдвинута вовнутрь помещения на 0,7 м. Вдоль стен устроены суфы. Ширина суфы вдоль северо-восточной и северо-западной стен 0,75-1,05 м, высота 0,3-0,55 м.

Ширина суфы вдоль юго-западной и юго-восточной стен 0,9 м. Суфы сложены из кирпичей размером 37x24x11 см, и обмазаны штукатуркой, толщиной 1-1,5 см.

Помещение расчищено по уровню второго пола. При этом с пола был убран слой кирпичной вымостки. В центре помещения зафиксирован прокаленный участок на месте очага-сандала округлой формы. Западный угол помещения пробит поздней ямой диаметром 0,9 м.

Помещение 2 примыкает к помещению 3 с юго-западной стороны, и является туалетом. Помещение узкое, размером 5,9x1,25 м. Ширина стен 0,7-0,8 м, сохранившаяся высота 0,25 см. Первоначально от помещения 3 был отделен стенкой-экраном толщиной 0,35 см. В последующем была построена полноценная стена шириной 0,7 м. Северо-западный конец уборной был занят ямой-бадрабом, диаметром 1,06 м.

Северо-восточную часть помещения 3 занимал коридор 4, размером 3x1 м. Он отделен от оставшейся части помещения стенкой-экраном толщиной 0,25-0,35 м. Пол в коридоре обмазан глиной. Коридор вел в жилое помещение 7, с которым сообщался проходом шириной 1 м. В районе прохода структуры срезаны поздней ямой, диаметром 1.6 м.

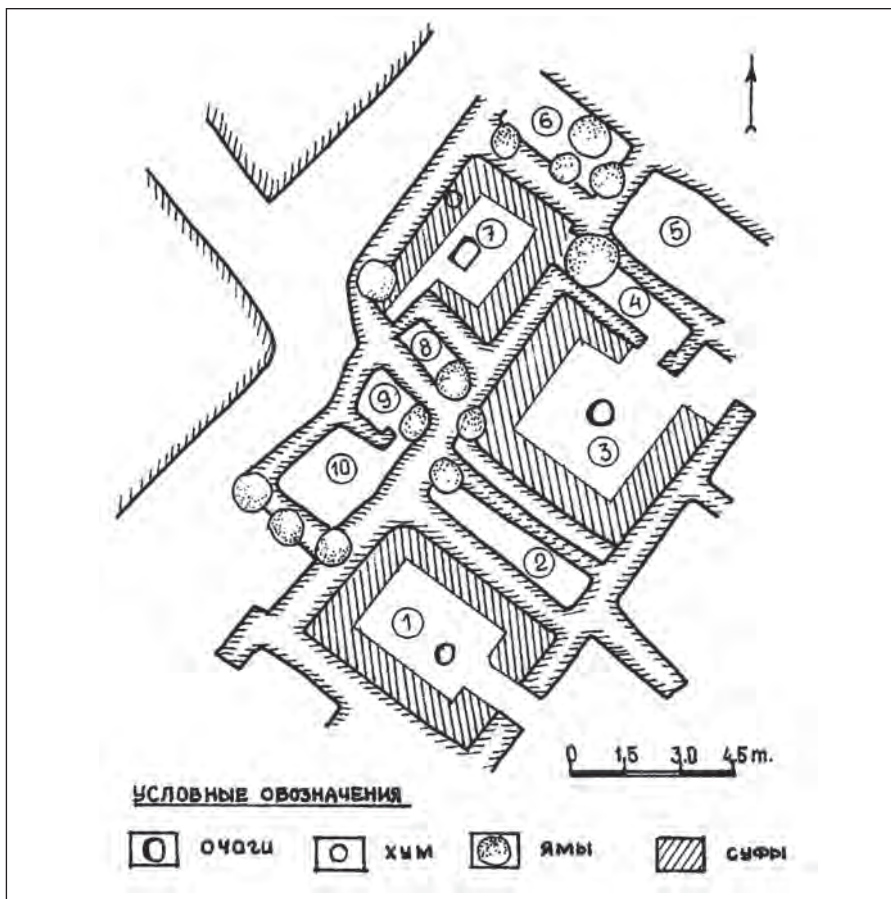

Рис. 65. Городище Куйрыктобе. Раскоп IX. План

Помещение 7 жилое, примыкает к помещению 3 с северо-запада и сообщается с ним через коридор. Размер помещения 6х3,7 м, длинной стороной вытянут с юго-запада на северо-запад. Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 40х20х11 см. Ширина стен 0,7 - 0,8 м. сохранившаяся высота 0,25 - 0,7 м. Юго-западную часть, примыкающая к южному углу, занимает уборная 8, размером 2,1х 1. Уборная отделена от остальной части помещения стеной шириной 0,65 м.

На дальнем конце в углу расположена яма-бадраб. Яма диаметром устья 1,15 м, глубина 1,9 м, заполнена была рыхлым грунтом серого цвета. Заполнение содержало керамический материал, преимущественно фрагментов неполивной посуды.

По периметру стен жилой части помещения были устроены суфы. Ширина суфы 0,7-0,9 м. В суфе вдоль северо-западной стены был устроен тандыр. Он представляет собой хумчу, использованную вторично в качестве тандыра. Диаметр хумчи 0,6 м. В середине помещения расчищен прямоугольный прокаленный участок пола, на месте очага сандала. На юго-восточной стене сохранился кусочек стенки тандыра.

Западный угол помещения позднее прорезала яма. Диаметр ямы 1,2 м, глубина 2,5 м. Из рыхлого заполнения ямы происходит многочисленный керамический материал, представленный фрагментами поливных и неполивных сосудов и изделий.

Домовладение состояло из двух жилых помещений с уборными. Возможно, была еще передняя, но она не сохранилась. Об ее наличии можно лишь предполагать по остаткам стены примыкающей к юго-восточной стене помещения 3.

Остальные помещения 5, 6, 9, 10 отнести к какому-либо дому не представляется возможным. Помещения 5 и 6 расположены на северо-восточном краю возвышения и частично смыты. Помещения 9 и 10 расположены у улицы. Такое расположение предполагает выход на улицу, и вероятней всего, это были торговые лавки.

Помещение 5 сохранился частично. Ширина помещения 2,5 м. длина, примерно, 4 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 40х20х11 см. Ширина стен 0,45-0,7 м. высота 0,3 м. Из элементов интерьера в следах сохранилась часть суфы вдоль юго-западной стены длиной 2,75 м, шириной 1,25 м, высотой 0,1 м.

Помещение 6 прямоугольной формы, размер 4х2,3 м, длинной стороной вытянут с юго-востока на северо-запад. Соседствует с помещениями 5 и 7. Примыкает к помещению 7 с северо-востока. Ширина стен 0,7-0,8 м, высота 0,3 м. Сложены из сырцовых кирпичей размером 40х20х11 см. Северо-восточная и северо-западная стены прослеживаются в следах. В пределах помещения зафиксированы четыре разновременных ямы. Три ямы сконцентрированы в юго-восточной части помещения. Наличие трех ям. не перекрывающих друг друга, говорит о долговременном использовании помещения в качестве уборной.

Все ямы входили в конструкцию уборных. Из заполнения ям происходит керамический материал, среди которых следует отметить

такие изделия как, двуручные горшки, крышки, ангобированные кувшины и кружки, поливные светильники с поливой, а также специфичные для уборных фрагменты керамических туалетных тазиков и труба-унитаз.

Помещения 9 и 10 представляются одним пространством, отделенным друг от друга стенкой-экраном. Стенка-экран шириной 0,5 м зафиксирован в следах. Общий размер помещений 4,5х2,4 м помещения вытянуты длинной стороной с северо-востока на юго-запад. Помещения расположены в углу, образованном домовладениями 1 и 2, и примыкает к ним с северо-востока и юго-востока. Юго-западную стену прорезают сразу три поздних ям. Стены шириной 0,7 м плохой сохранности, высота их 0,05-0,1 м. В восточном углу помещения 9 зафиксирована яма 8, диаметром 1,1 м. Все четыре ямы были расчищены при предыдущих раскопках и засыпаны.

Северо-западной стороны от жилого квартала расчищена часть уличной сети. Улица, ведущая из центра города в квартал, идет в юго-восточном направлении, опирается в квартальную улицу, идущую с северо-востока на юго-запад. Улицы довольно широкие - 2,1 м в ширину. Ограничены стенами кварталов. Засыпка зольные, и грунтово-зольные. При расчистке зафиксирован зольный слой мощностью до 0.2 м.

Раскопками 2013 года выявлена часть жилого квартала и внутриквартальной уличной сети. Материалы раскопок позволяют датировать слой X-XI вв.

Изучение городища Оксыз

Востоковед В.В. Бартольд писал, что город Весидж – родина Абу Насра аль-Фараби находился на левом берегу Сырдарьи-Яксарта в окрестностях Кедера - города, отождествляемого со столицей Отрара-Фараба X-XI веков.²⁸

Весиджу соответствует городище Оксыз (Оксус).

Оксыз находится на левом берегу Сырдарьи в 9,5 километра к северу от села Маякум, в урочище Акжар. Городище и земледельческие поселения, расположенные вокруг него, снабжались водой из магистрального канала Ак-арык, исток которого находился на расстоянии 7 километров юго-восточнее Оксыза на Сырдарье.²⁹

Городище представляет собой двухъярусный бугор. Цитадель в виде бугра высотой 13,5 м со сторонами: северо-восточной – 90 м, северо-западной – 75 м, юго-восточной – 180 м и юго-западной – 150 м находится в северо-восточной части. На более низкой части располагается шахристан со сторонами: северной – 165 м, восточной – 200 м, юго-восточной – 150 м, юго-западной – 195 м и западной – 180 м. Высота бугра шахристана равна 3-5 м. По периметру шахристан был обнесен стеной с башнями по углам и периметру через каждые 30-40 м. Остатки башен прослеживаются в виде всхолмлений высотой 1,5 м. Вокруг городища находится ров, глубина которого в настоящее время достигает 3-х м.

К центральному развалинам примыкает неукрепленный рабад площадью около 20 гектаров, по территории которого проходит русло магистрального канала.

Первые научные раскопки на цитадели городища были проведены в 1976 г. Площадь раскопа составила 25 м², толщина культурных напластований 1,5-2 м.

Выяснилось, что в XIII-XIV вв. цитадель использовалась в качестве некрополя. Строительные конструкции X-XII вв. представлены участком двора, вымощенного квадратным жженым кирпичом размерами 24x24x4 см и 26x26x4 см, и стенами построек из сырцового кирпича.

Из находок, которые были связаны с остатками построек этого времени, интересен свинцовый медальон с изображением двух птиц у «Древа жизни». Керамика представлена фрагментами чаш, покрытых прозрачной и зеленой поливами.

В полевом сезоне 2011-2012 г. на городище были произведены масштабные раскопки. В частности, заложен большой раскоп №4 на наиболее возвышающейся части цитадели и два небольших раскопа №5 и 6 на территории рабада.

Одной из главных целей исследования было выявление планиграфической ситуации на территории цитадели и застройки шахристана.

Всего на площади раскопа выявлено 16 помещений, входивших в состав большого комплекса.

Помещение 1 расположено в северо-восточной половине раскопа. Помещение прямоугольной в плане формы, стенами ориентировано по сторонам света. Длина его по линии восток-запад 7,6 м, ширина по линии север-юг - 4,4 м.

Сохранившаяся средняя высота стен 0,6-0,7 м, толщина - 1,2 м. Стены сложены из сырцового кирпича. Размер кирпича составили 35x17x7 см.

На стенах сохранилась многослойная глиняная обмазка серого цвета с примесью соломы.

Стены стоят на фундаменте, который представляет собой два ряда кладки из жженого кирпича размером 26x26x5 см.

Северная стена помещения не сохранилась, обнаружена лишь часть фундамента, представленная в виде сложенной из жженого кирпича в два ряда кладки длиной 2 м.

Размер кирпича такого же формата, как на вымощенном полу помещения - 26x26x5 см. От восточной стены также сохранился лишь фундамент, сложенный из жженого кирпича в два ряда кладки. У помещения хорошо сохранилась южная и западная стены.

Пол помещения вымощен жженым кирпичом. Размер кирпича 26x26x5 см. На многих кирпичах фиксируются пальцевые вдавления в виде двух пересекающихся линий и спиралей. В северной половине помещения пол не сохранился, был разрушен поздними захоронениями.

Рис. 66. Городище Оксыз. План

Помещение 1а занимает северо-восточную часть раскопа, южнее помещения 1. Хорошо сохранилась лишь западная стена, сложенная из пахсы. Параметры помещения: ширина с севера на юг 4,5 м, длина по линии восток – запад 7,6 м. Пол помещения разрушен и представлен в виде обломков из жженого кирпича. На площади помещения обнаружено большое количество поздних захоронений, в основном детей. Обнаружить вход в помещение не удалось в виду очень плохой сохранности стен данного помещения.

Помещение 2 расположено в восточной окраине раскопа и имеет параметры 2,2х2,2 м. Пол помещения вымощен жженым кирпичом.

Южная стена является общей с помещением 7, сохранившаяся высота достигла 0,4 м, сложена из пахсы и облицована битым жженым кирпичом (20х17х5 см). Помимо этого в данной стене расположен проход шириной 1,2 м, который выходит в помещение 7.

Западная стена сохранилась лишь в виде фундамента, сложенного из жженого кирпича в два ряда кладки (26х26х5 см), стена также является общей с помещением 1. Северная стена такая же, как и западная, сохранился лишь её фундамент.

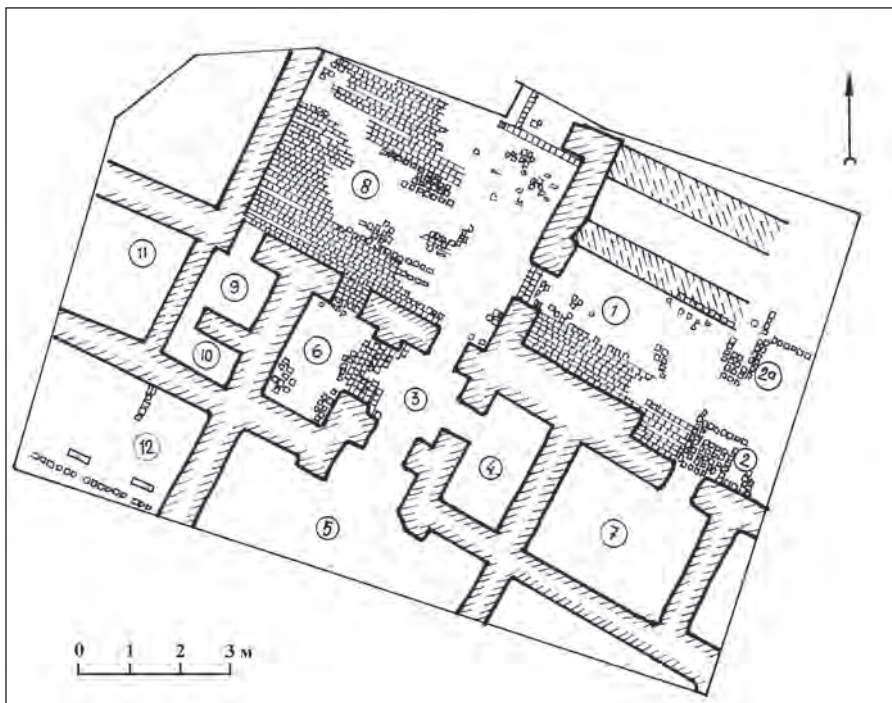

Рис. 67. Оксыз. План раскопа

Восточная стена оказалась разрушенной, предположительно здесь находился еще один вход.

Помещение 2a имеет размеры 1,8х1,8 м. Западная стена помещения является общей с помещением 1.

Южная и восточная стены сложены из сырцового кирпича (22х12х6 см). От северной стены сохранился лишь фундамент из жженого кирпича в два ряда кладки. Пол в помещении вымощен жженым кирпичом размером 26х26х5 см.

Помещение 3 расположено в центральной части раскопа, является коридором, соединяющим четыре помещения. Параметры помещения 3х3 м. Во всех четырех стенах фиксируются проходы.

Стены сложены из пахсы, на которых фиксируется слой обмазки из серой глины. Средняя высота стен 0,3-0,4 м, толщина 1,1-1,2 м. Центр помещения разрушен. Пол был вымощен жженым кирпичом, который сохранился лишь в западной части помещения.

В помещении был обнаружен четырехгранный железный наконечник стрелы.

Помещение 4. В плане помещение прямоугольной формы, длиной - 6,3 м, шириной - 3 м. Северную часть помещения занимает суфа шириной 1,3 м и высотой 0,35 м.

Вход в помещение расположен в западной части помещения, который выходит в помещение №3. В помещении перед входом зафиксированы остатки площадки ташнау.

Стены помещения сложены из пахсы, кроме северной стены, являющейся общей с помещением 1, эта стена вымощена из сырцового

кирпича. Помещение делит пополам стена, сложенная из сырцовых кирпичей размером 37х17х7 см, высотой 0,35 м.

В южной половине помещения к стене примыкает еще отрезок стены длиной 0,7 м. В помещении обнаружен очаг типа сандала. Он имеет вид «керамического котелка», диаметр которого 40 см, глубина 22 см. Очаг был заполнен золой и угольками.

Помещение 5. Расположено в южной половине раскопа. Параметры помещения 5: ширина 3,2 м, длина не выявлена в связи с тем, что конструкции стен в южной половине помещения не сохранились.

Стены помещения сложены из пахсы, высотой 0,35-0,4 м и толщиной 1-1,2 м. На стенах фиксируется многослойная обмазка глиной серого цвета с примесью соломы. В северной стене помещения зафиксирован проход шириной 1,65 м, который ведет в помещение №3. Пол помещения был вымощен жженым кирпичом, который сохранился лишь в восточной части помещения.

Помещение 6 выявлено в юго-западной половине раскопа. В плане помещение прямоугольной формы, длина достигает 4,6 м, а ширина – 3 м. Пол в помещении вымощен жженым кирпичом размером 26х26х5 см, в центральной части пол разрушен поздними захоронениями.

Высота стен составляет от 0,7 м до 0,5 м, толщина - 1,2 м. На южной стене зафиксирован ремонт в виде кладки из битых жженных кирпичей, на стене хорошо читается многослойная обмазка из серого цвета глины.

Помещение имеет два выхода. Один проход выходит в помещение 8 шириной 1,35 м. Второй проход, шириной 2,4 м, выходит в помещение 3.

В северо-восточной части помещения обнаружено небольшое изделие «бронзовый усмидон» - чашечка для косметической краски «усьми».

Чираг покрыт глазурью серого цвета, которая хорошо сохранилась на внутренних стенках. Кончик носика обломан. В южной части помещения обнаружен клад медных монет, которые были обернуты в материю. Монеты сильно окислены и слипшиеся, примерное количество 25 штук. Средний диаметр монет 2,5 см, толщина 0,1 см, кроме двух, диаметр которых равен 3,5 см. Датируются монеты XIII в.

Помещение 7. Расположено в юго-восточной части раскопа. Параметры помещения: длина 8 м и ширина 5 м. Вход в помещение шириной 1,2 м выходит в помещение 2.

Стены сложены из пахсы, кроме северной стены, сложенной из сырцового кирпича размером 35х17х7 см. Сохранившаяся высота стен 0,2-0,7 м, толщина - 1-1,2 м.

К южной стене пристроен очаг-сандал, выложенный жженым кирпичом. Размеры очага 80х60х15 см. Размеры кирпичей, которыми выложен очаг – 26х26х5 см. В центральной части помещения зафиксирована тонкая стена, которая имеет два ряда кладки, нижний ряд представлен жженым кирпичом, а верхний выполнен из сырца.

Длина стены равна 4,4 м. В 0,3 м южнее стены фиксируется завал из жженого кирпича, положенного на ребро, длиной 0,8 м.

Пол в помещении был вымощен жженым кирпичом, который практически не сохранился.

Помещение 8. Это самое крупное помещение, занимающее северо-западную половину раскопа. Длина помещения 12 м, ширина - 7,5 м.

Стены помещения сложены из сырцового кирпича толщиной 1,2 м и высотой 0,3-0,7 м. Наиболее хорошо сохранилась южная стена помещения, в которой зафиксированы три прохода в помещения 3, 6 и 9.

В проходе в помещение 8 обнаружен порог в виде двух рядов сырцовых кирпичей, нижний ряд уложен плашмя, а верхний на ребро. Размер кирпичей 37х17х7 см и 38х32х7 см.

Восточная стена является общей с помещением 1, в ней также обнаружен проход шириной 1,6 м. Пол помещения вымощен жженым кирпичом размерами 26х26х5 см. Он разрушен в центральной и восточной частях помещения.

Из находок в восточной части помещения обнаружено пять бронзовых джагатаидских монет, три из которых хорошей сохранности, и тулово чирага, покрытого глазурью серого цвета.

Помещение 9 расположено в западной половине раскопа, оно прямоугольное в плане, длиной по линии север-юг 2,4 м и шириной по линии восток-запад 3 м. Восточная стена сложена из пахсы, толщина 1,2 м со слоем обмазки серого цвета с примесью соломы, высота стены - 0,6 м.

Южная стена сложена из сырцового кирпича, размеры которого 26х15х7 см. Высота стены 0,55 м, толщина - 0,55 м.

Западная стена - общая с помещением 11. Толщина её составляет 0,6 м, сложена из сырцового кирпича формата 30х18х7 см. Северная стена общая с помещением 8. Мощность стены составила 1,2 м, высота - 0,6 м. В восточной половине обнаружено множество фрагментов керамики от толстостенных хумчей и «шумек» из стекла.

Помещение 10. Небольшое помещение расположено в юго-западной половине раскопа. В плане помещение прямоугольной формы. Параметры помещения: длина 3 м, ширина - 1,6 м. Стены его сложены из сырцового кирпича. Восточная часть стены разрушена, в стене зафиксирован проход шириной 0,7 м, ведущий в помещение 9. В помещении обнаружено стеклянное гигиеническое приспособление «шумек», которое используется для младенцев в колыбели. Размер: длина 7 см, высота ручки 2 см, диаметр бокового отверстия равен 1,7 см.

Помещение 11. Помещение располагается в западной части раскопа. Параметры помещения: длина 2,7 м, ширина 3,8 м.

Восточная стена помещения является общей с помещением 10, толщина её 0,6 м, высота - 0,4 м, сложена из сырцового кирпича формата 30х18х7 см. Южная стена пахсовая, шириной 0,4 м, высотой 0,3-0,4 м. Стена общая с помещением 12. Северная стена плохой сохранности, толщиной 1,2 м, сохранившаяся на высоту 0,25 м. Восточную и северную часть помещения занимает «Г»-образная суфа высотой 0,25 м, шириной 1,4-1,7 м. Борта суфы сложены из битого жженого кирпича.

В юго-восточной части суфы расположен тандыр диаметром 0,7 м и глубиной 0,3 м. От тандыра в юго-восточном направлении в суфе проходит дымоходный канал диаметром 0,2 м, длиной 1,3 м.

Дымоход заканчивается в ЮВ углу помещения. Топочное отверстие тандыра зафиксировано с западной части суфы. Кладка над топочным отверстием просела.

Следует отметить, что интерьер помещения относится к более позднему времени, к периоду обживания цитадели в XIII в.

Помещение 12 занимает юго-западную угловую часть раскопа. Длина по линии восток-запад 7,5 м, ширина по линии север-юг 7,4 м. Вход в помещение не обнаружен, вероятнее всего, он находится в западной стене, которая осталась в бровке раскопа.

Восточная стена сложена из пахсы толщиной 1,2 м и высотой 0,3 м. С внешней части стены расположен внутренний двор.

В центре и у западной края помещения зафиксированы базы колонн из жженого кирпича в один ряд кладки, на которых фиксируется древесный тлен. Размер баз колонн 0,8x0,5 м.

В южной половине в 1,5 м севернее южной стены и параллельно ей обнаружена стена, сложенная из жженого кирпича, сохранившаяся в два ряда кладки и толщину одного кирпича размерами 26x26x5 см.

Северо-западную часть помещения занимает суфа. Параметры суфы - 4,5x2,5 м, сохранилась на высоту 0,1-0,15 м. На суфе был обнаружен напольный очаг в виде керамического котла диаметром 0,3 м и глубиной 0,15 м, очаг вероятнее всего относится к позднему периоду обживания. На площади помещения обнаружены фрагменты поливной керамики, полива прозрачная на белом ангобе и зелено-поливная.

Помещение 13. Небольшое помещение расположено в СЗ части раскопа, с севера примыкает к помещению 11, с запада - к помещению 9.

Помещение 14 занимает юго-восточную часть раскопа и с юга примыкает к помещению 7, с запада к нему примыкает внутренний двор. Параметры помещения: длина по линии восток-запад 8 м, ширина не выявлена, так как южная часть помещения исследована не до конца.

Внутренний двор занимает середину южной части раскопа. С запада от двора расположено помещение 12, с востока 14, с севера 5, с северо-востока - 4, с северо-запада - 6 и с юга двор ограничен бровкой раскопа.

Площадь двора составляет 96 кв. м. Длина с востока на запад составила 12 м, ширина с юга на север - 8 м.

Выход во двор расположен в северной части через помещение 5. В центре двора обнаружен очаг овальной в плане формы диаметром 0,6 м и глубиной 0,15 м.

Раскоп IV заложен в северо-западной части шахристана на возвышающемся участке. Площадь раскопа вначале составляла 25 м, после расширения в северном и западном направлении на 4 и 5 метров составила 45 м. В плане раскоп прямоугольной формы, ориентированный стенами по сторонам света.

После снятия рыхлого тонкого слоя в 30 см и проведения горизонтальной зачистки обнаружили контуры трех ям.

При снятии верхнего слоя обнаружено большое количество золы, фрагментов керамики (хумов и хумчей). Встречались мелкие фрагменты глазурованной керамики бело-коричневого окраса. Также обнаружены коленчатые и петлевидные ручки от сосудов.

Многочисленные ямы оказались неглубокими 0,3-0,5 м, диаметром от 1 м до 3 м. Заполнение ям было представлено золой и большим количеством красноглиняной, в основном толстостенной керамики. Была обнаружена одна целая крышка со сдвоенной петлевидной ручкой. На глубине около 0,4 м в северо-западной части раскопа обнаружены две медные монеты плохой сохранности.

В северной части раскопа обнаружены суфа с тандыром и пахсовые стены. Раскоп был расширен. В ходе расширения раскопа обнаружено еще множество ям в западной и северной части. Они прорезают конструкции стен ниже лежащего строительного горизонта.

В ходе проведения горизонтальной зачистки площади удалось выявить контуры стен в центральной и северо-западной части раскопа. Раскоп был вскрыт.

Второй строительный горизонт представлен пятью помещениями.

Помещение 1 прямоугольной в плане формы ориентировано углами по сторонам света с небольшим отклонением. Длина его по линии СЗ-ЮВ равна 3,8 м, ширина по линии СВ-ЮЗ - 3,45 м. Это единственное помещение раскопа, в котором обнаружены детали интерьера в виде суфы с тандыром, расположенных в СЗ части комнаты.

В помещении обнаружено большое количество неполивной керамики в основном от кувшинов, хумчей, горшков и крышек. Помимо этого, найдено две медные монеты.

Помещение 2 прямоугольное в плане. Все стены, кроме северо-западной, сложены из пахсы. Параметры помещения: длина 3,6 м, ширина 1,6 м.

Помещение 3. Расположено в северо-восточной половине раскопа. Помещение в плане квадратной формы 3,5х3,5 м. Северо-западная и северо-восточная стены сложены из сырцового кирпича 41х11х22 см (нижний ряд) и 24х22х7 см (верхний ряд кирпичей).

При расчистке помещения обнаружено большое количество неполивной керамики, представленной в основном фрагментами от хумчей, кувшинов, чаш и горшков. Помимо этого найдено две медные монеты удовлетворительной сохранности.

Помещение 4 расположено в северо-западной части раскопа. Длина помещения по линии СЗ-ЮВ достигает 3 м и ширина - 1,9 м. Часть помещения прорезает яма № 10.

Помещение 5. Большая часть помещения осталась вне раскопа, в территорию раскопа вошел только южный угол помещения.

Раскоп VI заложен в юго-западной части шахристана на возвышающемся участке.

При снятии верхнего рыхлого покрывающего слоя в северо-восточной части раскопа обнаружены бронзовое зеркало диаметром 10,5 см и округлый в плане бронзовый подсвечник диаметром 8 см.

На оборотной стороне зафиксирована ручка в виде шишечки 0,4x0,4 см с отверстием диаметром 0,1 см. Рядом с зеркалом также обнаружен бронзовый подсвечник. Подсвечник в плане округлый, диаметром 8,5 см. В центре него фиксируется округлая выемка диаметром 4,5 см, глубиной 0,6 см.

В северо-западной части обнаружен глазурованный кумган, вокруг тулова фиксируется узор ангобом. У кумгана утрачены ручка и носик (ручка соединялась с носиком). Высота сосуда 18 см, диаметр тулова 20 см, диаметр плоского донца 10 см, диаметр сливного отверстия - 2 см.

После снятия верхнего слоя в 20 см в северо-восточной части был обнаружен тандыр хорошей сохранности. Диаметр тандыра 0,6-0,7 м, высота - 0,65 м.

Шурф-разрез крепостной стены. Шурф-разрез заложен в северном гребне цитадели. Его ширина - 2 м. На глубине 1,3 м был обнаружен крупный завал из обломков толстостенных хумов. После того как завал был расчищен, были выявлены контуры стен из сырца, а также одно погребение. Из находок было обнаружено железное лезвие ножа.

На глубине 1,6 м обнаружена стена, сложенная из сырцовых кирпичей. Размер кирпичей в стене составил 34x16x10 см и 42x30x8 см.

Стена ориентирована по линии СВ-ЮЗ, где ближе к внутреннему краю шурфа стена поворачивает на 90°. Высота стены равна 1,4 м, а толщина 1,2-1,8 м. Стена стоит на слое золы.

Далее на глубине 3,3 м от верхнего угла шурфа обнаружена следующая мощная стена также из сырцового кирпича, ориентированная по линии восток-запад. Уже отмечалось, что комплекс построек на цитадели датируется X-XII вв.

Об этом свидетельствует керамика, в том числе и поливная, характерная именно для указания времени.

При раскопках собрана поливная керамика, представленная чирагами коричневого цвета и чирагами с глухой зеленой поливой, которые характерны для Отрара, где они происходят из слоев именно X-XI вв.³⁰

Привлекает внимание керамика с росписью ангобом. Это кумган с рисунком на тулове, нанесенным темно-коричневым ангобом на светлую поверхность.

Наряду с керамикой X-XII вв., на полах, в бадрабах, в заполнениях могил встречена керамика, среди которой имеется посуда, покрытая двусторонней поливой зеленой изнутри и желтой снаружи. На внешней поверхности рисунок состоит из арочек, нанесенных ангобом: красно-поливная с росписью в виде геометрических фигур. Такая керамика характерна для XIII-XIV вв.³¹

Интерес представляет клад монет из стены постройки, состоящей из джагатаидских монет, датировка которых относится к XIII в.³²

Итоги раскопок. Таким образом, следует сделать вывод о том, что дворцовая постройка на цитадели была возведена и существовала в X-XII вв. В XIII в. она обживалась, но уже не как дворцовая, а как забро-

шенный участок города, который стал использоваться под случайное жилье и под кладбище.

К XIII-XIV вв. относится верхний период жизни рабада. В жилых домах этого времени появляются каны - система отопления, характерная для городов Казахстана в монгольское и послемонгольское время.

Однако, в отличие от классической системы отопления, когда каны обогревают всю площадь помещения, здесь они обогревают лишь часть суфы.³³ Каны состоят из короткого дымохода, проложенного в суфе, который соединяется с вертикальным колодцем дымохода в стене, выводящим дым из помещения и одновременно обогревающим суфу, точнее, ее часть.

Дымоход был выведен из тандыра через отверстие в его стенке, а сам тандыр был вмазан в суфу, при этом его основание находилось на уровне пола ташнау, обычно вымощенного кирпичом. В центре его находился кирпич с отверстием-сливом, соединенным с системой впущенных в нижние слои городища сосудов с выбитыми днищами, поставленных один на другой, либо керамической трубой. Дома с таким отоплением появляются в первые десятилетия XIII в. и существуют с некоторыми изменениями вплоть до начала XX в. в городищах и селениях Южного Казахстана.³⁴

Второй нижний строительный горизонт, отмеченный раскопками на рабаде, датируется по комплексам керамики X-XII вв.

Исследование городища Каратобе – города Саурана

Одним из знаковых памятников городской культуры Южного Казахстана X-XII вв. является городище Каратобе, которое отождествляется с городом Саураном. Как известно, городище Сауран является одним из наиболее значительнейших городов средневекового Казахстана. Можно с уверенностью отметить, что ни один из известных средневековых письменных источников не мог обойти вниманием этот город в виду важной роли, которую он играл в средневековой истории региона.³⁵

Средневековый город Сауран представлен двумя разновременными городищами - Каратобе и собственно Саураном. Они с прилегающими пригородными усадьбами, агро-ирригационными планировками и конструкциями, некрополями, загородными садово-парковыми комплексами составляют основу «Сауранского археологического комплекса».³⁶

Сегодня ясно, что эти два городища - памятники истории одного средневекового города Саурана. Первый жил в I – начале XIII в., второй - в XIII-XVIII вв. Еще недавно существовала проблема локализации городища раннего Саурана, поскольку на городище Сауран не были выявлены материалы, датируемые более ранним временем, чем XIII-XIV вв., а в письменных памятниках Сауран упоминается с X в. Бытовало мнение о том, что ранний Сауран локализуется на левом берегу р. Сырдарья.³⁷ И лишь более детальные историко-топографические исследования в последние десятилетия XX в. позволили локализовать ранний Сауран на городище Каратобе.³⁸

Предварительные археологические исследования на городище Каратобе датировали его верхний культурный слой, а значит верхний рубеж интенсивной городской жизни XII - началом XIII в.

Кроме того отождествлению способствовало и своеобразие топографии Каратобе, окруженного несколькими кольцами стен, о чем пишут источники. Позднесредневековый Сауран соответствует городищу Сауран, сохранившему имя города, известного с X в.³⁹

На городище Каратобе в результате проведенных археологических исследований, получены серии аэрофотографий, проведена топосъемка.

Топографию городища Каратобе можно описать как комплекс из тобе, окруженного крепостными стенами. Выявлены три ряда концентрических крепостных стен. Первая стена (наружная) охватывает площадь примерно в 3,5 км. Она имела общую протяженность около четырех километров. Разрез на участке стены показал, что основание ее сложено из пахсы и достигает в толщину до 6,4 м. Обращает на себя внимание «изломанность» линии этой стены. Такой прием служил приданию стене повышенных фортификационных свойств.

Внутри этой стены имеются участки различного размера и конфигурации со следами плотной застройки строениями. Внутренний город, или шахристан, был ограничен стеной длиной в 2200 м и представляет почти правильный квадрат. Эта территория приподнята над незастроенными участками на 3-4 м и имеет сплошную застройку. Овальную цитадель в центре квадрата окружала стена.

Эта часть городища приподнята в среднем над уровнем окружающей поверхности на 6-8 м. Можно заключить, что, судя по своим размерам, городище Каратобе – город Сауран был одним из крупнейших центров на юге Казахстана.

В структуре городища можно наблюдать все основные части, характеризующие средневековый город - обширный рабад внутри крепостных стен, прямоугольный шахристан и возвышающуюся над ним цитадель. Как показали исследования, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе - начало XIII в. Топография городища в самом общем виде характеризует город саманидского и караханидского времени IX-XII вв. Археологические исследования затронули верхние слои цитадели городища. Именно на этой части проведены наиболее масштабные раскопки и по этим материалам можно судить о городской планировке.⁴⁰

В хронологическом плане стратиграфия выявленных наслоений выглядит следующим образом. Два верхних строительных горизонта характеризуются неизменностью планиграфии как отдельных жилищ, так и городских участков, и могут быть датированы XII-XIII вв. Эту датировку обосновывают монетные находки и богатый комплекс керамики. Ниже этого слоя залегает слой с совершенно иным обликом многих компонентов культуры. И, главное, его отличает иная планировка жилищ, их ориентация относительно уличной сети, иной облик массовой керамики. На плане это выглядит следующим образом.

Пока в этом слое на небольшой площади изучены два строительных горизонта и четыре последовавших друг за другом в рамках прежних стен и планировок.

В юго-западном секторе «цитадели» Каратобе был заложен раскоп 2 размером 15х15 м.

Строительные конструкции верхнего строительного горизонта выявляются лишь по южной и западной окраине холма и они по стратиграфическому положению представляют собой фрагменты рядовой жилой застройки, как бы окаймлявшей центральный участок. С этим строительным горизонтом связан комплекс своеобразной керамики.

Лишь на уровне 5 яруса появились верхние части стен. Сохранность стен около 1,2-1,4 м.

К этим стенам прилегают мусорные слои с глазурованной керамикой уже явно «караханидского облика». Как показал данный раскоп, в самой возвышенной центральной части городища продолжительное время (XI-XIII вв.) существовал холм, образованный золистыми мусорными прослойками, общая толщина которых составляет не менее 4,5 м.

На более широкой площади стратиграфию и планировку верхних культурных наслоений удалось исследовать на раскопе 1 (P1)

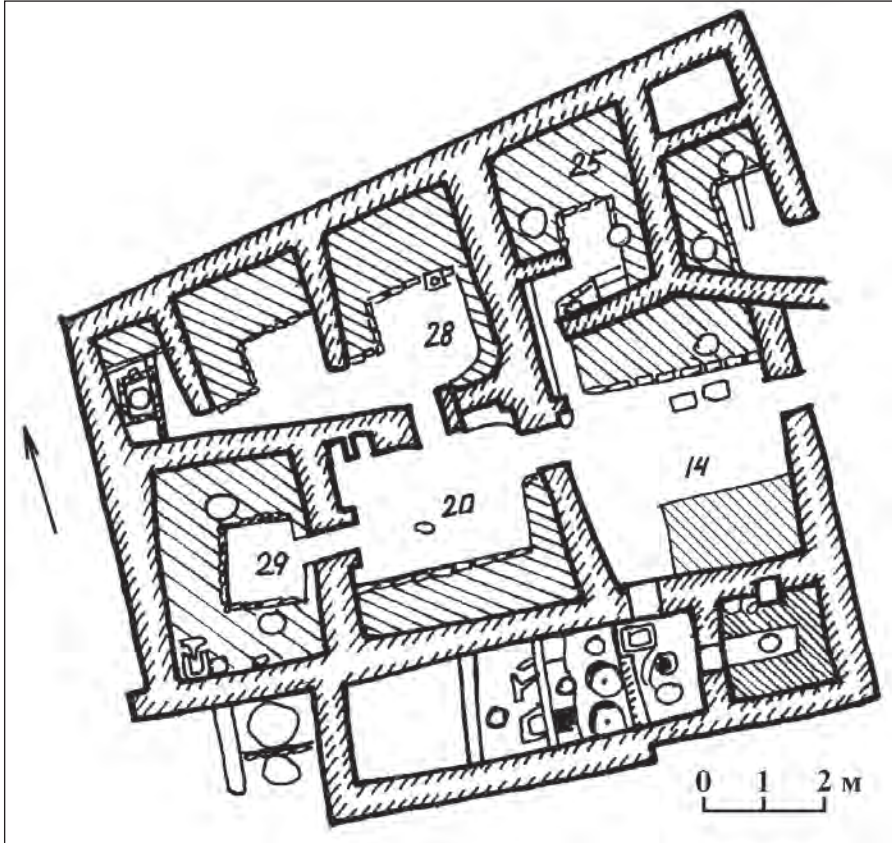

Рис. 68. Раскоп 1. Дом 6. План. По уровню верхнего строительного горизонта (по Е.А. Смагулову)

в юго-восточном углу цитадели городища. Площадь раскопа составила около 5000 кв. м. Здесь на участке вдоль южной крепостной стены выявлена плотная застройка, состоящая из одно-, трехкомнатных домов. Некоторые из них могут быть интерпретированы как жилища зажиточного слоя городского населения. В частности, выделяется «дом зажиточного горожанина» с вестибюлем, декорированным внутристенными нишами, подпотолочным фризом резной глины. Во всех домах - суфы с тандырами, встроенные в стены камины, закрома. Массовую категорию находок составляет поливная посуда, датированная по имеющимся прямым аналогиям XIII веком. К ней относится посуда с зеленой, желтой, красно-коричневой поливкой с желтым рисунком.

В это время широко распространена керамика с процарапанным орнаментом и крапинами, потеками зеленого, желтого, марганцевого цветов в самых различных вариантах. Ведущими формами сосудов открытого типа были чаши на плоском или дисковидном вогнутом поддоне.

Жилища образуют конгломераты массивов сплошной застройки, разделенных узкими улочками, тупичками и редкими площадями.

Большие дома, состоящие из целого комплекса помещений («жилые блоки»), зачастую имеют в своем составе жилые секции, состоящие, в свою очередь, из основного жилого помещения с суфой и тандыром, и хозяйственными помещениями (коридор, кладовка).

Также изучены дома бедноты. Основными (признаками) для градации социального уровня принято считать площадь, занимаемую жилищем, «богатство» интерьеров, наличие или отсутствие декоративных элементов и особых элементов благоустройства. Традиционно площадь жилища считается наиболее объективным и показателем.⁴¹

В юго-восточной цитадели городища раскоп 1 вскрыл частично участки двух жилых массивов плотной городской застройки по сторонам небольшой улочки, выявленной в длину 20 м. Как показали результаты расчистки, в домовладение 1 первого массива, безусловно, можно объединить помещения 14, 20, 29, и, вероятно, помещения 25, 25а, 28, 30, 31 - так же входили в комплекс этого домостроения. Вход вел с улочки и проход первоначально шел в виде узкого коридора между стен двух небольших жилых помещений 17 и 27, выводил в обширное помещение 14. Это помещение имело два периода перестроек и, вероятно, первоначально это было большое (6,4х7,2 м) помещение с суфой вдоль южной и восточной стен и проходами в следующие внутренние помещения дома. Балки кровли опирались на деревянные колонны-стойки, сохранились вмозанные в пол большие плоские камни основания. В северной стене дверной проем вел в длинный коленчатый узкий коридор, который вел в жилое помещение № 25а. Его размеры 4,35х4,8 м, всю площадь занимает обширная «П»-образная суфа высотой около 45 см.

В ней слева и справа от входа устроены два тандыра. Проход в западной стене помещения 14 вел в большое квадратное помещение 20, явно служившее «парадным» вестибюлем. Его размеры составляют 6,7х6,5 м. Стены в этой части домостроения сырцовые и покрыты

многослойной тонкой штукатуркой. Вдоль южной стены, слева от входа, устроена высокая широкая суфа, которая занимает почти треть площади помещения, ее ширина 2 м.

В восточной, северной и западной стенах устроены глубокие ниши.

Верх ниш, вероятно, имел вид стрельчатых арок, а по подпотолочному карнизу шла эпиграфическая декоративная полоса (в виде фриза) резного узора. На полу в центре помещения расчищен так же большой плоский камень, явно служивший основанием стоявшей здесь колонны - опоры плоско-балочной кровли.

Между нишами в западной и северной стене устроены дверные проемы шириной 0,9 м. Через дверь в западной стене попадали в большое квадратное жилое помещение 29. Вдоль его трех стен (южной, северной и западной) устроены высокие (не менее 0,6 м) и широкие суфы (2,0-2,15 м), так что оставался лишь небольшой участок пола перед дверью (2,6х3,5 м). Края суф выложены сырцовым кирпичом.

В суфе слева от входа встроены большой тандыр. На край суфы выходило круглое отверстие поддувала. В этом месте в край суфы вертикально вмазана плоская керамическая плита с круглым отверстием поддувала.

На лицевой поверхности плиты нанесен декор наклепными жгутами с примятостями, имитирующими «веревочку», и наклепными же штампами-розетками. В левом от входа дальнем углу этого же помещения был устроен на суфе небольшой камин. В самой суфе оказались вкопанными два крупных кухонных горшка, почти полностью заполненные слежавшейся золой с угольками. Вероятно, что это остатки отопительных приспособлений, прообраз поздних сандалов, распространенных в городском быту в зимний период. Их большую часть занимали высокие (до 0,45 м) и широкие (2 и 2,5 м) суфы, а помещение № 31 явно было кладовой. Вдоль ее одной стены расчищены закрома, а в полу одного из них был вкопан хум.

Аналогичную планировку имеет и расположенный рядом дом 7.

Заслуживает интерес жилая планировка строительного горизонта 3 на участке у крепостной стены. В одном из его помещений обнаружен лепной декор.

Дом 1 находится в центре застройки жилого массива и при этом общая площадь дома составляет примерно 550 кв. м.

Со всех сторон к его внешним стенам примыкают помещения, некоторые из которых образуют отдельные жилые ячейки - дома, другие же лишены определяющих функцию признаков.

По ряду признаков они существенно отличаются от описанного выше дома: они значительно меньшей площади, зачастую не прямоугольны, интерьер их при наличии обязательных для жилых строений элементов (суфы, тандыры, закрома, камин), менее тщательны в отделке и оформлении. Таким образом, на цитадели городища Каратобе частично вскрыта городская застройка по синхронному

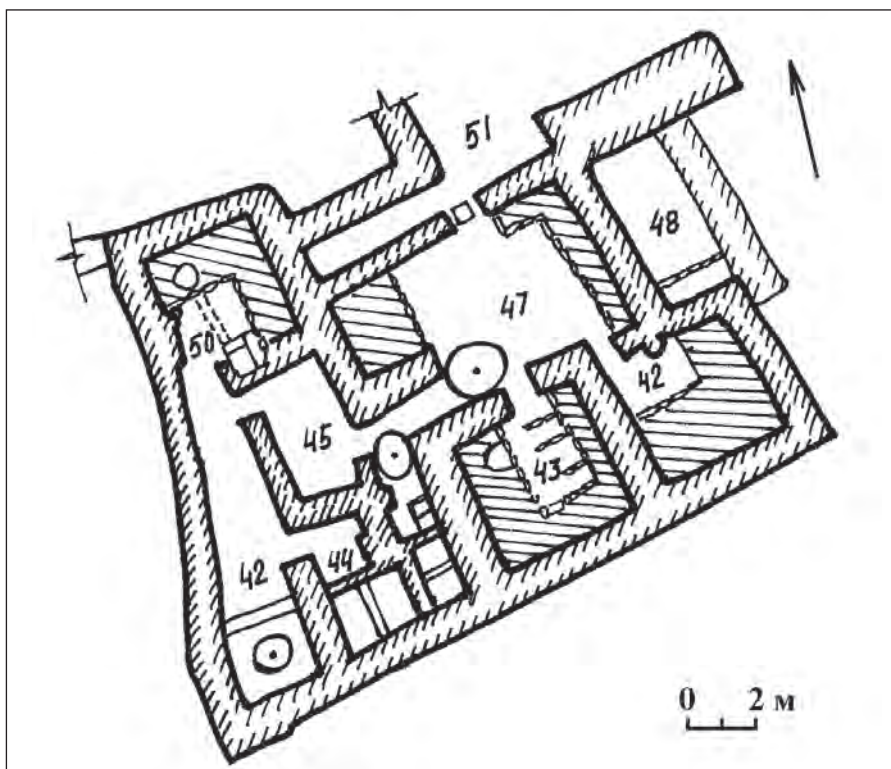

Рис. 69. Раскоп 1, дом 7. (по Е.А. Смагулову)

уровню верхнего строительного горизонта. Установлено, что застройка цитадели состояла из массивов жилых домов. Планировка жилого массива 1 с большим девятикомнатным домом в середине, окруженным более непрезентабельными жилищами, возможно, дает ключ к пониманию процесса сложения жилого массива.

Вероятно, что по уровню верхнего слоя застройка этой части города складывалась вокруг нескольких (3-4 десятков) богатых домовладений.

Можно констатировать в застройке жилых массивов наличие, по крайней мере, двух типов домов: дома одной малой семьи и дома большой неразделенной семьи, объединяющей «под одной крышей» представителей трех поколений.

Жилые помещения домов оформляются «П»-образной суфой. При этом остается свободным лишь участок пола перед входом. На этом участке пола пока отсутствуют какие-либо специфичные детали интерьера. Но зафиксированные круглые пятна прокала в центре пола в некоторых помещениях, возможно, свидетельствуют о стоявших здесь керамических алтарях, которые в какой-то период хронологического отрезка XII-XIII вв. исчезли из жилищ горожан. В одной из суф ближе к входу устанавливается «универсальный» керамический тандыр с небольшим круглым отверстием - поддувалом. Жилые помещения отапливались так же очагами типа камин.

Условно пока можно определить два их вида - «пристенный» и «внутрисконный», в зависимости от технологии их сооружения.

Подобного рода очаги могли устраиваться как на суфах у стены помещения, так и на полу у края суфы.

Другим интересным элементом дома является наличие небольших изолированных помещений с глубокими ямами-бадрабами.

В некоторых случаях в этих помещениях фиксируется отсыпка пола камнями или обожженными кирпичиками. Эти помещения явно выполняли функцию санитарно-гигиенических помещений или туалетов. При вскрытии синхронного слоя на Отрартобе в подобных помещениях зафиксированы *in situ* специальные керамические ванночки со сливными отверстиями.⁴² На Каратобе от подобных бытовых изделий пока найдены лишь обломки в мусорных ямах, что свидетельствует о том, что и здесь они были распространены, но пока не встречены *in situ*. В одной из ям в бадрабе найдено одно необычное керамическое изделие, отдаленно напоминающее современные унитазы.

Найденный в заполнении дома средневекового строительного горизонта комплекс хорезмшахских монет, керамика дают основание отнести время жизни домов этого горизонта ко второй половине XII – началу XIII в., а верхний строительный горизонт целиком отнести к XIII в.⁴³

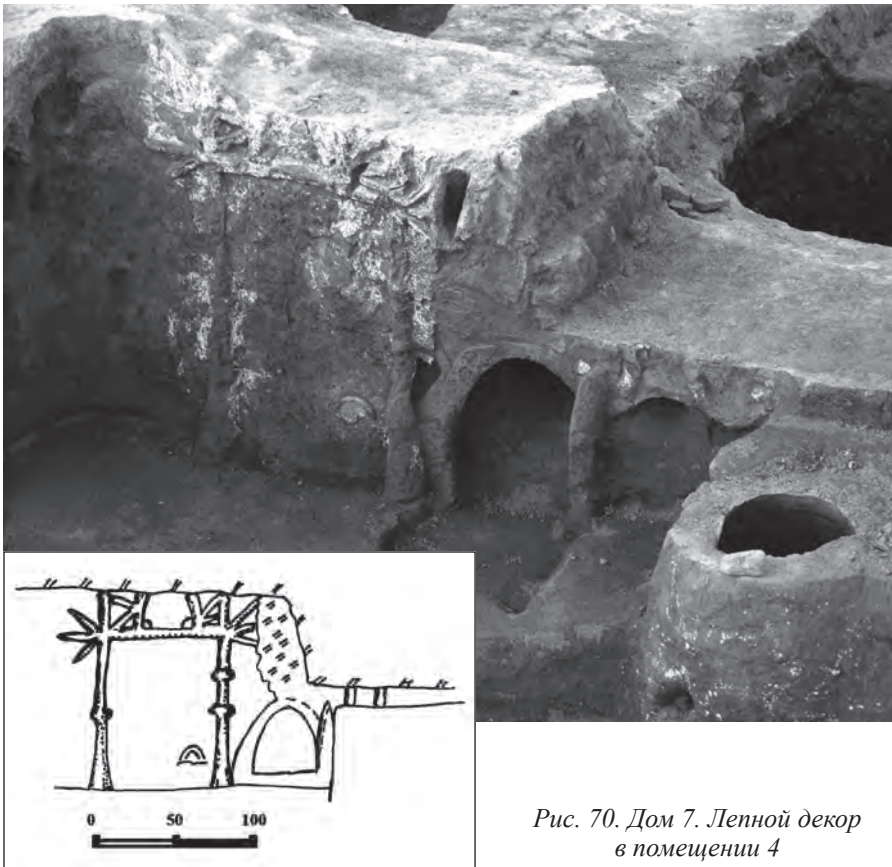

Рис. 70. Дом 7. Лепной декор в помещении 4

Исследования городища Джанкент

Городище Джанкент, которое является развалинами города Янгикента, имеет подпрямоугольную форму, вытянуто с востока на запад, со значительным расширением (уступами в обе стороны) в восточной половине. Размеры 375x225 м (в восточной части 300 м). С запада на восток идет главная улица, от которой под прямым углом отходят переулки. В северо-западном углу находится квадратный бугор цитадели размером 100x100 м, поднимающийся на 7-8 м над окружающей местностью. Внешние стены городища, кроме восточной, превратились в вал высотой до 8 м, вдоль которого местами видны расширения - следы бывших башен. Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается кладка из кирпича размером 40x40x9 см, над которой идет сохранившаяся на высоту около 3 метров пахсовая кладка рядами высотой 1,35 м, между которыми лежат прослойки камыша.

Посередине восточной стены сохранилось предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями.

Цитадель разделена идущей наискось улицей, ширина которой около 3 м. От улицы в разных направлениях и под разными углами отходят переулки, делящие всю площадь цитадели на кварталы неправильной формы.⁴⁴ В ходе исследований на цитадели в ее северо-восточной части выявлены два культурных слоя, в которых раскопаны пять домовладений с помещениями, сложенными из сырцовых кирпичей и пахсы.

Стратиграфия представлена тремя слоями, выявленными в результате раскопок. Более нижние слои стратиграфический разрез еще не прошел.

Первый слой представляет собой рыхлый суглинистый грунт, сверху покрытый тонкой коркой, вперемежку с фрагментами сырцовых и жженных кирпичей. Толщина его колеблется от 3 до 10 см. В слое присутствует зола, древесные угли, кости животных. Встречаются фрагменты станковой и лепной керамики, битые жженные кирпичи. Слой постоянно размывается и выветривается. В ходе исследований построек и конструкций не выявлено.

Второй слой представляет собой рыхлый суглинистый грунт серого или светло-желтого тонов. Он содержит остатки конструкции пяти домовладений. Дома выстроены из сырцовых кирпичей прямоугольной и квадратной формы. Слой характерен завалами сырцовых кирпичей от упавших стен, перекрывших собой площадь раскопа. При расчистке поверхности от завалов кирпичей в некоторых помещениях прослеживается слой золы, серого пепла и мелких древесных углей, вперемежку с битыми сырцовыми кирпичами.

В слоях золы встречаются кости домашних животных и фрагменты керамики. Толщина слоя колеблется от 10 до 30 см.

Третий слой содержит остатки помещений, они построены из сырцовых, хорошо замешанных кирпичей прямоугольной и квадратной формы.

В результате раскопок раскопано пять домовладений. *Дома 1 и 2* располагаются вдоль магистральной улицы цитадели. Стены помещений сложены из сырцового кирпича размерами 30x17x8 см. Сохранность стен не превышает 50 см. Домовладения 3 и 4 располагаются вдоль северной крепостной стены цитадели.

Помещения домовладения 5 расположились между домовладением 3 и 4.

В центральном помещении *дома 1* был обнаружен алтарь размером 145x83 см. В передней части алтаря стоят стилизованные протомы баранов, «смотрящих» друг на друга. В северо-восточном углу дома было раскопано помещение, заполненное золой и битой керамикой. В одном из помещений дома заложен шурф для выявления глубины залегания следующего строительного горизонта.

Дома 3 и 4 располагаются вдоль северной стены цитадели. Помещения их пристроены к крепостной стене.

Пятое домовладение состоит из жилых помещений и комнат с алтарями, хозяйственных помещений, двориков закрытого типа, а также айвана.

Наряду с помещениями хозяйственно-бытового назначения в домах есть помещения культового назначения. К таким относятся помещения с алтарем и помещения для хранения золы. Комнаты с алтарем не отличаются от других размерами. Алтари, найденные в помещениях домов 2 и 3, представляют собой выкладки на сырцовом полу.

Алтари ориентированы длинной стороной по направлению север-юг. Передняя часть алтарей украшалась протомами барана, которые располагаются в южной части алтаря.

На дне алтаря третьего домовладения обнаружено панно с изображением драконов.

В свою очередь рядом с помещением с алтарем располагались помещения, в которых хранили золу от алтаря и кости жертвенных животных, в основном, крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов. Возле алтарей или на алтарях всегда стоит сосуд. Это лепная орнаментированная хумча либо кружка с петлевидной ручкой.

В комнате 3 рядом с алтарной комнатой 5, расположенной у северной стены цитадели, хранилась зола. Тут же в слое золы и углей была найдена курильница в форме сапожка, богато украшенная растительным орнаментом.

В комнате 22 с алтарем дома 2 находились три суфы со стоящими на них сосудами.

Раскопки на городище позволили выявить конструкции верхних строительных горизонтов и получить комплекс керамики. Так, домовладение 2 располагается к югу от домовладения 1, слева от магистральной улицы цитадели. Домовладение состоит из пяти помещений хозяйственно-бытового назначения.

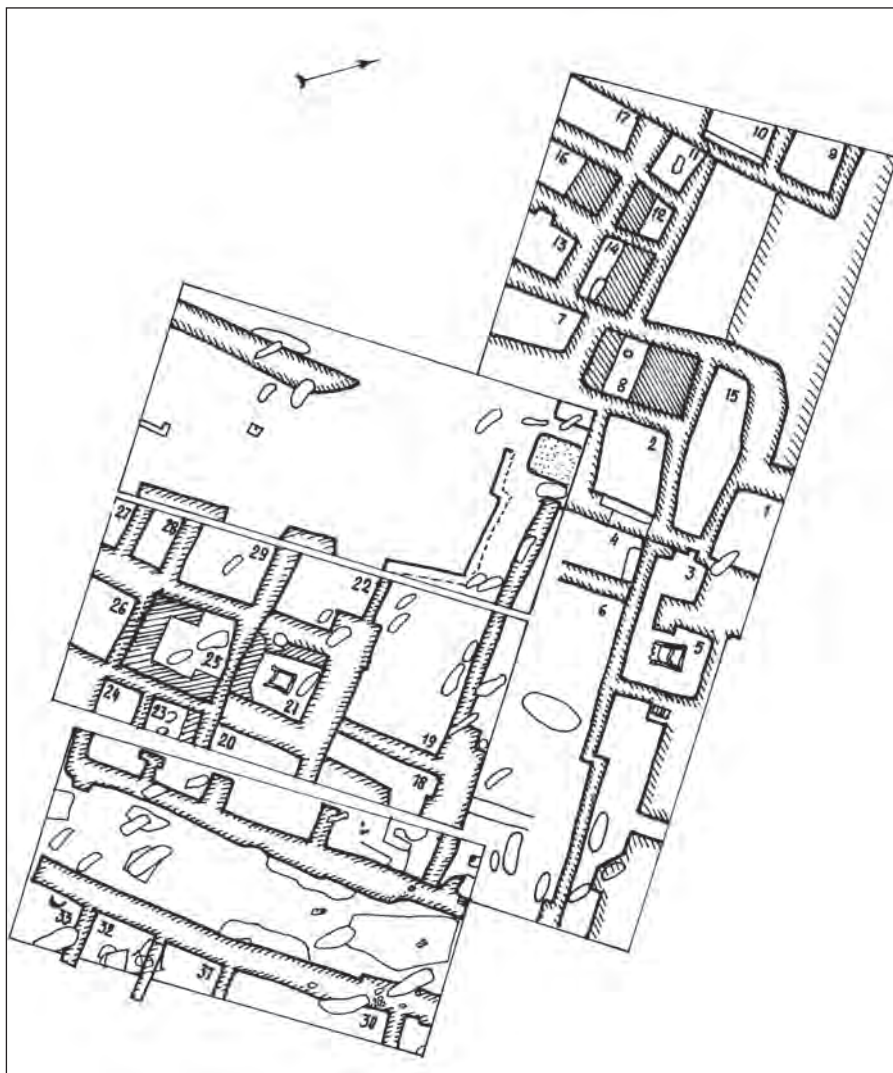

Рис. 71. Городище Джанкент. План раскопа

Помещения и комната квадратной или прямоугольной планировки, площадью до 18 кв. м.

В кладовой комнате 23, располагающейся у дороги, в восточной части расположен заком квадратной формы размером 1,27x1,14 м, ограниченный сырцовыми бортиками.

Суфа размером 2,4x0,6 м расположена вдоль западной стены помещения. Северная часть суфы не сохранилась.

В центре помещения расположилось жилое помещение с двумя суфами. Аналогичные помещения хозяйственного назначения располагались южнее. В них зафиксированы остатки тандыров. Во время раскопок были найдены фрагменты станковых хумчей и водоносных сосудов.

Дом 3 располагается вдоль внутренней стороны северной стены цитадели. Домовладение состоит из девяти помещений и комнат

хозяйственно-бытового и культового назначения. На юге домовладение граничит с помещениями дома 1. Стены, как отмечалось, сложены из сырцовых кирпичей размером 20x12x8 см и 38x22x8 см.

Вдоль северной стены цитадели с внутренней её стороны раскопаны помещения 1, 2, 4, 6, 7, 3, 4, 5. Помещения 2 и 7, а также комната 3 и комната с алтарем 5 находятся с северной стороны вдоль северной стены. Выложенная из сырцовых кирпичей по направлению с запада на восток стена отделяет территорию упомянутых помещений от помещений 2 и 4. С западной стороны домовладения также было раскопано помещение 8 с двумя суфами. Помещение примыкало к помещениям 1 и 2 и являлось, по всей видимости, хозяйственным.

Комната 3 и 5, располагающиеся возле стены цитадели, имели входное пространство и являлись святилищем. Стены комнат были оштукатурены. В комнате 3 зафиксированы следы обмазки пола. В комнате с алтарем в центре располагался напольный алтарь. Алтарь, как и бортики, создан методом формовки из хорошо промешанной глины. Края бортиков слеплены и слегка отогнуты под углом 80°.

С внутренней стороны алтаря имеется резной орнамент. С западной стороны алтаря имеется декор в виде трёх рожков.

Внутренняя часть алтаря представляет собой ровную поверхность, обмазанную глиняной обмазкой, толщиной 3-7 мм. На поверхности, при расчистке, прослеживается слой золы.

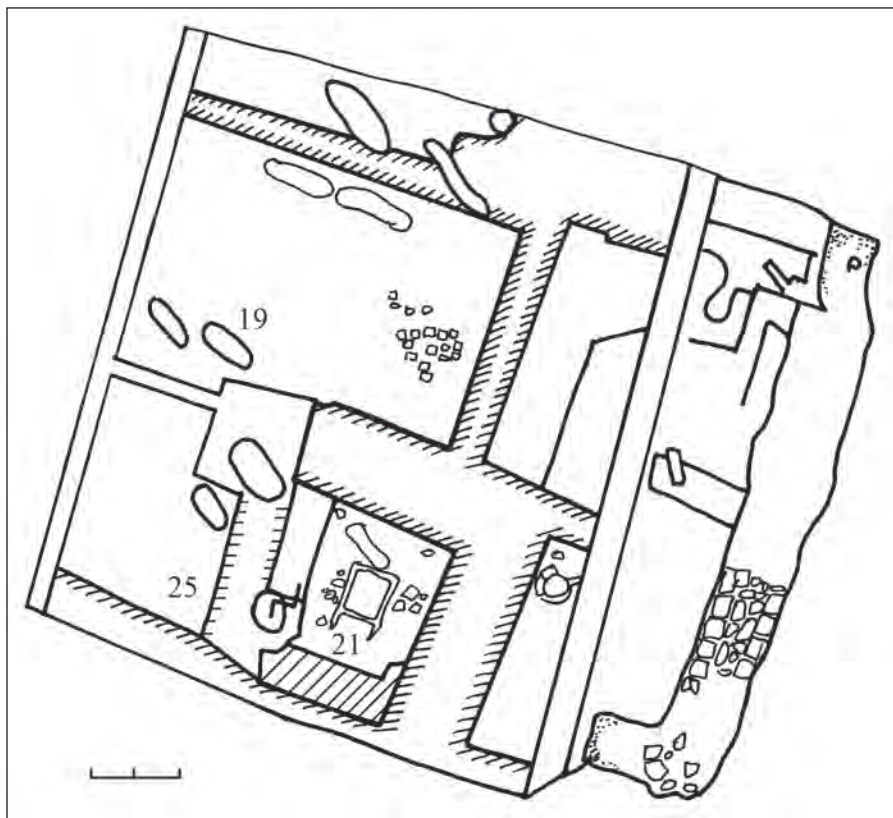

Рис. 72. Алтарное помещение 21 и алтарь

Глиняная обмазка была нанесена в результате ремонтных работ, которым подвергся алтарь. Поздняя обмазка была нанесена на слой прокала, пепла и мелких древесных угольков, скрыв панно с изображением драконов. Сохранилась большая его часть. Панно разделено на две части. В верхней и нижней части панно драконы идут по направлению на запад. С восточной части частично сохранился бортик, обрамляющий панно. На бортике сохранился орнамент в виде вертикальных волнистых линий.

В южной части алтаря при расчистке обнаружена квадратная керамическая курильница, которая лежала на поверхности алтаря.

Размеры внутренней части алтаря составляют 97 см в длину. Ширина алтаря от восточного бортика к западному бортику - 61 см. За алтарным помещением располагалось помещение 7, в котором был расчищен слой золы и древесных угольков.

Комнаты хозяйственно-бытового назначения прямоугольной формы, в них вдоль стен располагались суфы.

Внутри помещений были найдены фрагменты хумчи и водоносных сосудов, изготовленных на гончарном круге, лепные горшки и миски.

Кроме этого, в помещениях были найдены глазурованные чираги и плошки для освещения комнат. Во всех помещениях имелись фрагменты дастарханов, украшенные волнистыми линиями или оттисками штампа.

Дом 4 располагается к западу от домовладения 3, представлен частично раскопанными двумя помещениями.

Помещения прямоугольной формы находятся с внутренней стороны северной стороны цитадели. Стены сложены в перевязку из сырцовых кирпичей, размер которых составляет 20х12х8 см и 38х22х8 см. Кладка стен скреплена глиняным раствором. В ходе раскопок в помещениях зафиксированы следы перепланировки.

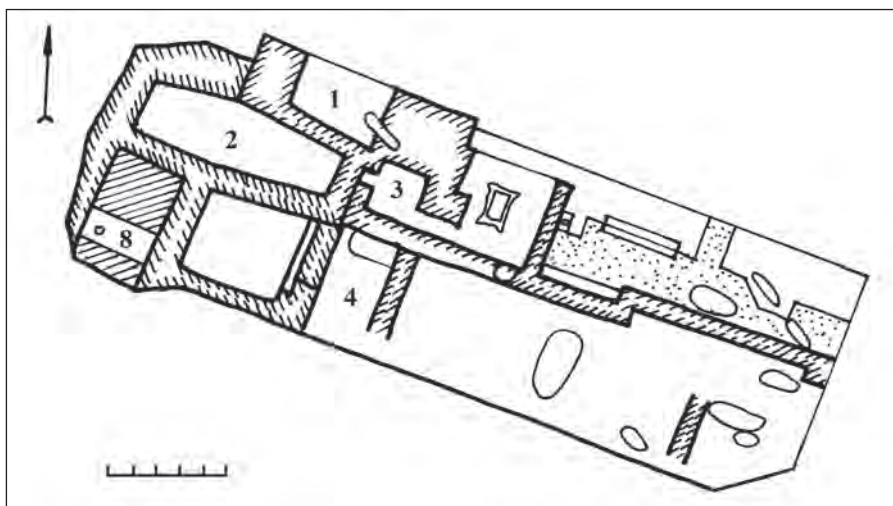

Рис. 73. Дом 3. План

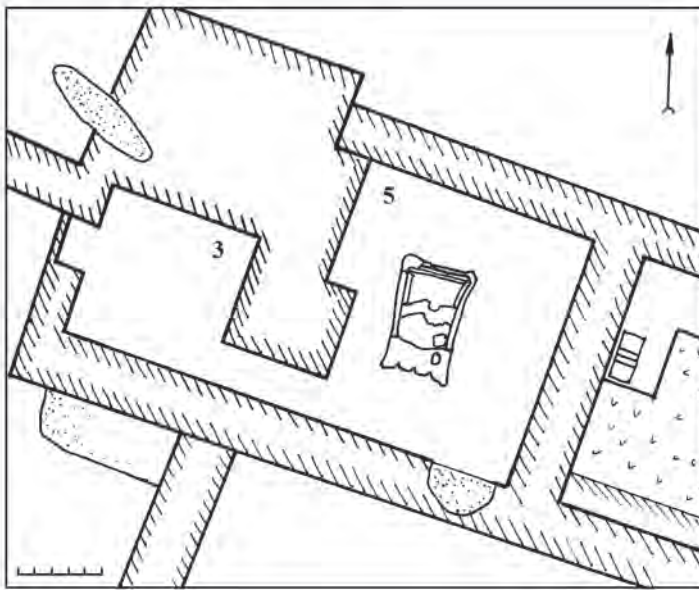

Рис. 74. Алтарное помещение и алтарь в доме 3. План

При расчистке помещения обнаружены фрагменты толстостенного красноглиняного хума, венчики и стенки лепных котлов и горшков, ручки от станковых водоносных сосудов.

Дом 5 расположен между домовладениями 4 и 3, состоит из семи помещений. Стены их сложены из сырцовых кирпичей, размер которых составляет 20х12х8 см и 38х22х8 см. В домовладении раскопаны три комнаты с суфами, в которых были найдены водоносные сосуды и хумы. Суфы подпрямоугольной формы размером 2-2,90х1,18-1,60 м, высотой 25-35 см, пристроены к кирпичным стенам. Борта суф обложены кирпичами, выставленными вдоль лежанки торцом, и плотно подогнаны друг к другу.

Комнаты выполняли бытовые и хозяйственные функции. В них были найдены керамические станковые хумчи и водоносные сосуды.

В комнате 11 расчищен слой золы. Предположительно зола могла попасть из алтарной комнаты.

На севере домовладения за несущей стеной расположилась сырцовая площадка позднего периода из плотно утрамбованного суглинка. Вход в домовладение, по-видимому, был со стороны коридора, который располагался с восточной стороны.

Дом был перекрыт камышом, обмазанным глиной. Кровля опиралась на несущие и разделительные стены, построенные в центре, на юге и севере домовладения.

В керамическом комплексе преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге. Посуда изготовлена из красной и серой глины. Встречаются примеси песка и слюды, гипса и шамота. В помещениях найдены в большом количестве фрагменты крупных водоносных

кувшинов. Имеются также сосуды типа хумчи, керамические котлы с лепными лунообразными ручками. Найдены также керамические кружки с петлевидными ручками, с лощеной поверхностью, покрытые красноватым ангобом.

Большинство сосудов украшено резным растительным и геометрическим прочерченным и штампованным орнаментом. Встречаются зооморфные стилизованные горловины и ручки. Большая часть сосудов покрыта ангобом красного, красноватого, коричневого, светлого и темного цветов. Поверхность части сосудов залощена.

Найдены два лепных светильника-плошки с петлевидными ручками.

Встречаются фрагменты керамических дастарханов, украшенные волнистыми линиями и разнообразными штампованными орнаментами.

Отдельную категорию керамических изделий составляют пряслица. Среди керамического материала, используемого при отправлении культа, необходимо отметить лепной керамический «сапожок», богато декорированный резным растительным орнаментом. Использовался «сапожок» в качестве курильницы для благовоний. Сапожок найден в одном из помещений домовладения 3, в слое золы, рядом с алтарной комнатой.

Глазурованная посуда представлена чирагами с граненым резервуаром и петлевидной ручкой, покрытыми светло-белой и зеленой поливой. На белой глазури чираг прослеживаются зеленые и коричневатые потеки.

Лепная посуда представлена горшками, котлами, кружками, хумами, полусферическими крышками, дастарханами и подставками под котел.

Найдена массивная бронзовая бляха, изображающая свернутого дракона, лазуритовая вставка перстня, бронзовая серьга, витые и плоские бронзовые браслеты.

Найдены украшения поясов и элементов конской узда; бронзовые и серебряные бляшки округлой, сердцевидной, прямоугольной, пяти- и шестиугольной формы, наконечник ремня, пуговицы, подвеска, бубенчики, обойма и поясная пряжка.

Обнаружена ромбическая железная черешковая стрела. Кроме этого, найдены железные кольца от удил, а также фрагменты железных ножей с черешком. При раскопках найдены стеклянные бусы цилиндрической, бочковидной и сферической форм.

Раскопки городища Кескен-Куюккала

Городище Кескен-Куюккала находится на южном берегу сухой протоки древней дельты. Это городище округлых очертаний, размером 830х700 кв. м, вытянутое с востока на запад. По периметру городище окружено стеной, превратившейся в вал. Высота стены достигает 2 м. В топографии выделяется квадратный в плане шахристан, возвышающийся над общим уровнем городища на 3 метра. На его поверхности прослеживается «уличная сеть» и кварталы застройки. В юго-западном углу шахристана находится подквадратная в плане

цитадель размером 60х60 кв. м.⁴⁵ Основной раскоп был заложен в восточной части шахристана.

Он располагается в центральной части шахристана. С восточной части его просматривается магистральная улица, от которой в разных направлениях и под разными углами отходят улочки и переулки, делящие всю площадь шахристана на несколько кварталов с разного размера домовладениями и постройками.

В верхнем слое в ходе исследовании построек и конструкций не выявлено, они размыты и развеяны.

Во втором слое присутствуют остатки помещений и конструкций из сырцового кирпича прямоугольной и квадратной формы. Сохранность неплохая.

Третий слой представлен хорошо сохранившимися остатками построек. Выяснилось, что это был храмовый комплекс - жилая застройка, состоящая из 8 помещений, которые располагаются вдоль магистральной улицы, а также «западной» улицы.

Центром храма является *помещение 1* - святилище с базами колонн, площадью около 100 кв. м. Оно имеет прямоугольную форму, вытянуто по линии север-юг. Перекрытие помещения опиралось на четыре деревянные колонны, в свою очередь стоящие на квадратных в сечении колоннах из сырцового кирпича. С восточной стороны к залу с колоннами были пристроены два айвана.

С южной стороны к нему примыкает *помещение 2*, где в ходе раскопок был обнаружен мощный слой золы. По всей видимости, помещение было предназначено для хранения золы, скапливающейся в ходе горения огня в алтаре. За этим помещением расположилось помещение 5, вытянутое с запада на восток. Между помещениями 2 и 5 существовал проход, который вел во двор храма.

Во дворе храма, примыкая с востока к помещению 2, располагалась алтарная площадка, на которой находился напольный алтарь. Возле алтаря лежала хумча с двумя петлевидными ручками, украшенная ажурной лепниной в виде цветков. Рядом с алтарем были расчищены скопления костей домашних животных - верблюда, барана, коровы, козы, а также кости дикого кабана. Это - лопатки, ребра, челюсти, позвонки и копыта, со следами дробления. Скопление костей животных, по-видимому, являлось остатками жертвоприношений. После жертвоприношения и трапезы кости животных складировались.

Во дворе, примыкая с восточной стороны к помещению с колоннами, располагалась площадка, на которой находились два тандыра, вкопанные в пол и обложенные сырцовыми кирпичами.

С восточной стороны, с запада на восток от стены помещения с колоннами расположились два айвана. Они соединялись с двором храма. Перекрытия помещений храма, по-видимому, было плоскими и опирались на несущие стены, а в помещении или как в центральном зале поддерживалось колоннами. Кровля выполнялась из камыша - остатки камышового тлена были зафиксированы на полу. Стены помещений храма тщательно оштукатурены глиняной обмазкой.

К востоку от помещения с колоннами расположились три помещения, отделенные двором. Они использовались при отправлении культа.

С восточной стороны от помещения с колоннами, отделенными двором, располагались еще три помещения.

Помещение 6, получившее условное название «дарохрани- тельница», имеет прямоугольную в плане форму, ее размеры в длину 6 метров и в ширину 4,2 м. Помещение состоит из двух отсеков, разде- ленных стенкой.

В помещении 2 было обнаружено скопление керамических сосудов, которые стояли на полу помещения и были повреждены упавшими стенами. Сосуды стояли на камышовой циновке, которой был устлан пол комнаты.

К югу от помещения «дарохрани- тельницы» располагалось помещение 7, заполненное золой, размером 5,57х6,3 м. Помещение 10 находилось рядом с помещением 8, где находился алтарь. Помещение 8 прямоугольной формы размером 6,15х4,2 м расположено в юго-восточной части храма.

В помещении 1 найдена хумча. У стены при разборке завала расчищен заком. В помещении 2 на полу располагался алтарь, он был украшен стилизованными головами барана. С западной стороны от стены, которая отделяет комнату 1 от алтарной комнаты 2, находился заком. Размер закома составляет 1,2 м в длину, 65 см в ширину. Высота стен закома - 18 см. Там же у несущей стены стояла хумча. При расчистке помещения обнаружены фрагменты лепной керамики. Между кирпичами были обнаружены керамическое пряслице и два железных ножа. Железный нож размером 11х1,7 см лежал между сырцовыми кирпичами и был покрыт слоем коррозии.

Второй нож, размером 7,4х1,6 см, покрытый слоем коррозии, находился на полу, рядом с хумом.

Дом 1 располагался восточнее храма, состоял из 9 помещений.

Помещение 9 прямоугольное в плане размером 3х2,6 м распола- гается в северо-западной части раскопа. Внутри помещения у его восточной стены находилась суфа. При расчистке помещения были обнаружены фрагменты лепной керамической кружки, стенки которой орнаментированы. В северной части помещения обнаружена еще одна керамическая кружка с петлевидной ручкой.

Помещение 10 в плане квадратное размером 6,75х5,1 м распола- гается к югу от помещения 9. В северо-западной его части находилась база колонн, сложенная из сырцовых кирпичей. В центре помещения прослеживается округлое пятно прокала, диаметром 57х64 см.

База колонны размером 85х85 см сложена из сырцовых кирпичей. Высота кладки от уровня пола составляет 23 см. Прослеживается 3-4 ряда кладки. Колонна сложена из кирпичей размером 32х18х6 см каждый и их половинок.

В западной части помещения, примыкая к стене, расположилась площадка, вымощенная сырцовыми кирпичами. Размер площадки

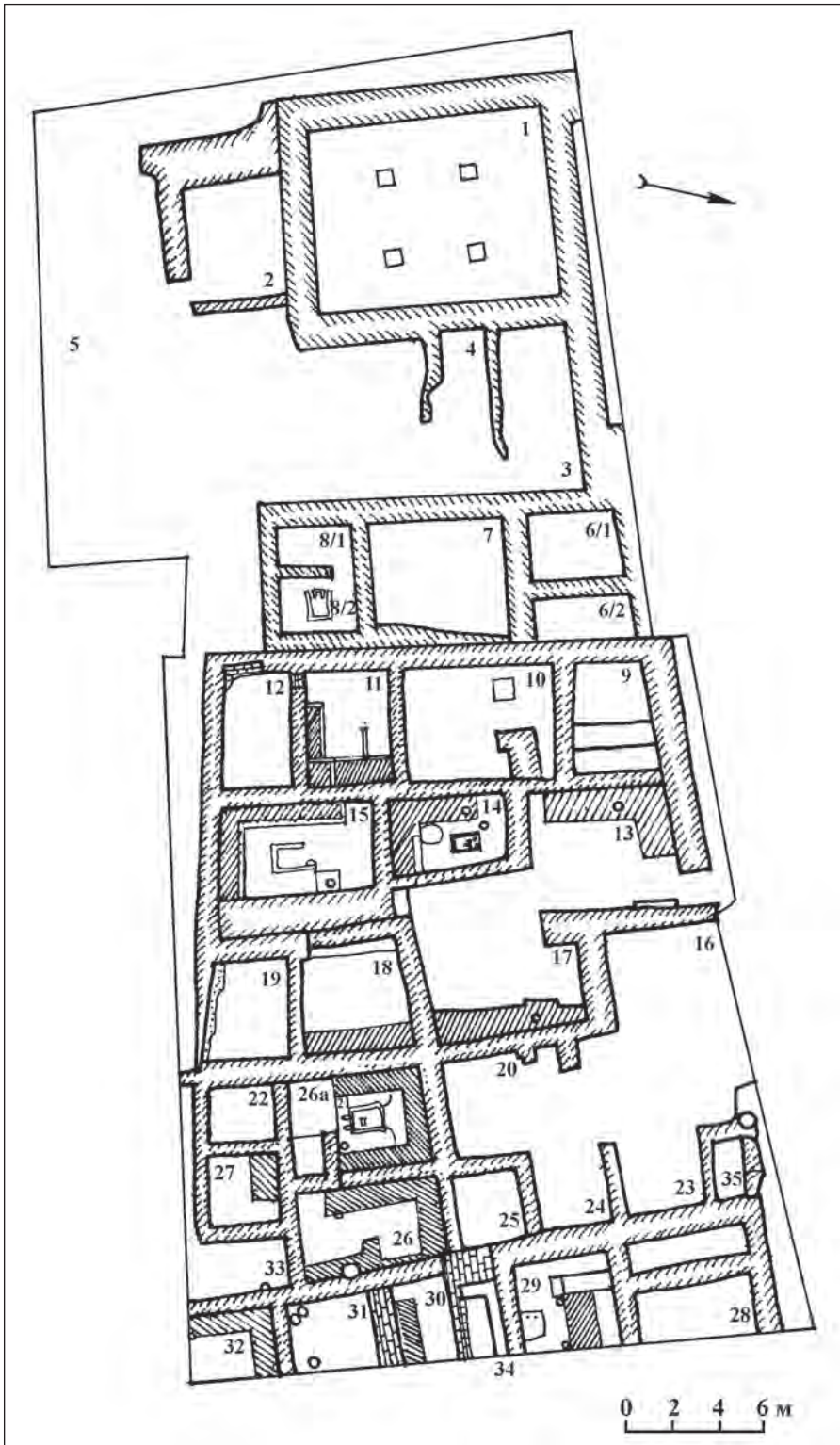

Рис. 75. Городище Кескен-Куюккала

составляет 2,04x1,8 м. На ней, в округлой ямке, стоял сосуд горшковидной формы. Помещение 11 прямоугольное в плане, размером 5,43x3,75 м, располагается между помещением с колонной и айваном.

В помещении выявлены два строительных горизонта и следы перепланировки. Верхний горизонт представлен «П»-образной суфой с бортиками из сырцовых кирпичей, сооруженной в более позднее время.

В помещении найдены фрагменты толстостенного красноглиняного сосуда и лепного кувшина с петлевидной вертикальной ручкой. Айван 12, прямоугольный в плане, размером 5,43x3,1 м располагается южнее помещения 11. Восточнее айвана располагалось помещение 15 с алтарем и «П»-образной суфой. В северной части домовладения находилось дворовое помещение 17 с двумя суфами. Оно имеет прямоугольную в планировке форму, размерами 6,4x5,7 м. В северо-восточной части этого помещения между северными стенами домовладения 1 и 2 имелся проход длиной 1,1 м, шириной 9,5 м, выходящий на магистральную улицу.

Помещение 14 прямоугольной в плане формы располагается в восточной части домовладения. Размеры помещения составляет 5,55 метра в длину и 3,75 м в ширину. В центре комнаты располагался напольный алтарь. В южной и западной части комнаты, располагается «Г»-образная сырцовая суфа, выложенная по краям бортиком из сырцовых кирпичей, на которых находились фрагменты керамических сосудов. Суфа располагалась вдоль южной и западной стен помещения.

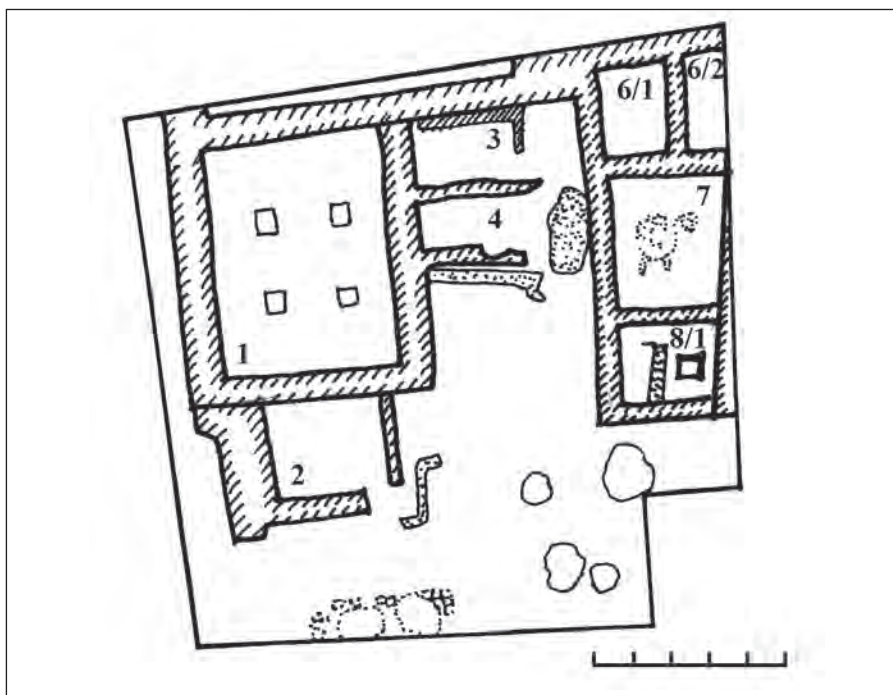

Рис. 76. Святилище. План

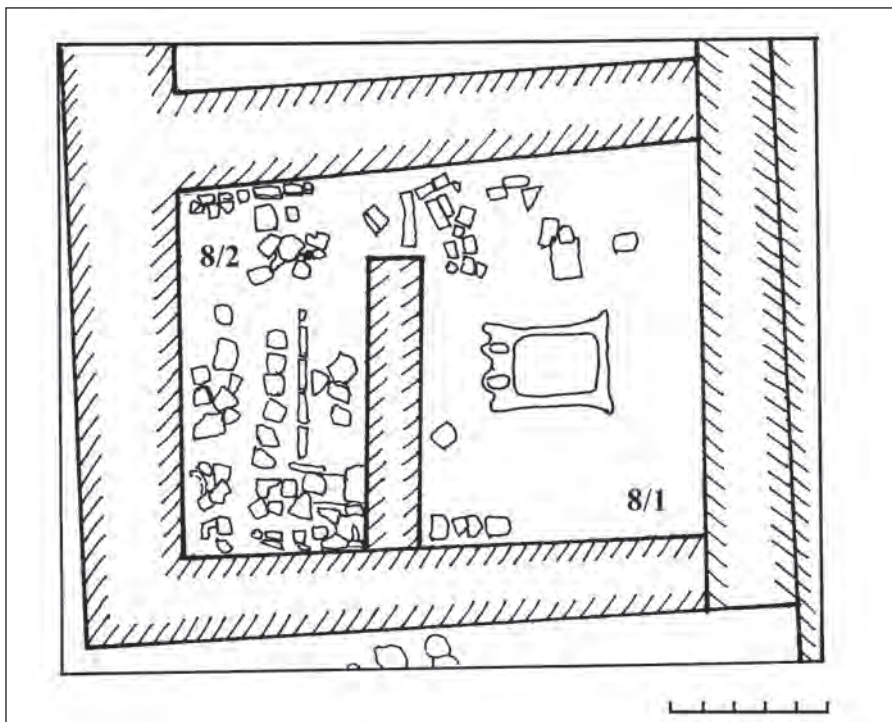

Рис. 77. Алтарное помещение и алтарь. План

Алтарь представляет собой площадку прямоугольной формы. Бортики алтаря выложены из сырцовых прямоугольных кирпичей.

В северной части алтаря находятся два вертикально стоящих фрагмента, орнаментированных протомами барана.

На алтаре при расчистке обнаружена керамическая кружка с петлевидной ручкой, стоящая вверх дном. Венчик кружки отогнут, на нем имеется лепной валик, украшенный чередующимися насечками.

Внутренняя часть алтаря представляет собой ровную поверхность, обмазанную глиняной обмазкой толщиной 3-7 мм. Еще одно помещение 21 с алтарем, прямоугольное в плане формы, размером 7,1 м в длину и 4 м в ширину.

На западе рядом со стеной находятся жилое помещение 18 с суфой и помещение 19. Внутри помещения располагается суфа с выложенным бортом из сырцовых кирпичей, размер которых составляет 40x20x6 см.

В центре помещения 21 расположен алтарь. Площадь помещения вокруг алтаря была покрыта слоем золы и мелких древесных угольков. В помещении находится «П»-образная суфа, выложенная по краям бортиком из сырцовых кирпичей, на котором находились фрагменты керамического сосуда. Параметры суфы, расположенной у восточной стены, составляют 3,6 м в длину, ширина суфы составляет 1,08 м, высота от пола до бортика - 55 см. Две остальные суфы, расположенные вдоль северной и южной стен, и торцевой стороной примыкающие к стенам, имеют следующие параметры: длина составляет 2,8 м, ширина колеблется от 78 до 81 см, высота составляет 55-57 см.

Поверхность пола вокруг алтаря прокалена и покрыта слоем сажи. Алтарь располагался на плотном утрамбованном сырцовом полу.

Помещение 17 в плане квадратное, имеет размеры 5,65x7,2 м, располагается в восточной части домовладения, с западной стороны.

В северо-западной части помещения 18 находился проход, ведущий из него в айванное помещение.

Само помещение 18 в плане имеет размеры 5,60x4,90 м. С западной стороны его отделяет от помещения 15 и 13 стена, сложенная из сырцовых кирпичей.

Помещение 19 квадратное, в плане размером 4,70x3,90 м. В помещении полностью отсутствуют какие-либо другие конструкции. Южная стена в помещении, сложенная из сырцовых кирпичей, перестраивалась дважды. Под кладкой верхнего, более позднего строительного периода, просматривается кладка раннего строительного периода.

Дом 2 располагается в восточной части комплекса построек. Он примыкает на западе к первому домовладению и состоит из 18 комнат и помещений разнообразного функционального назначения. В процессе раскопок выявлено два строительных горизонта. В поздний

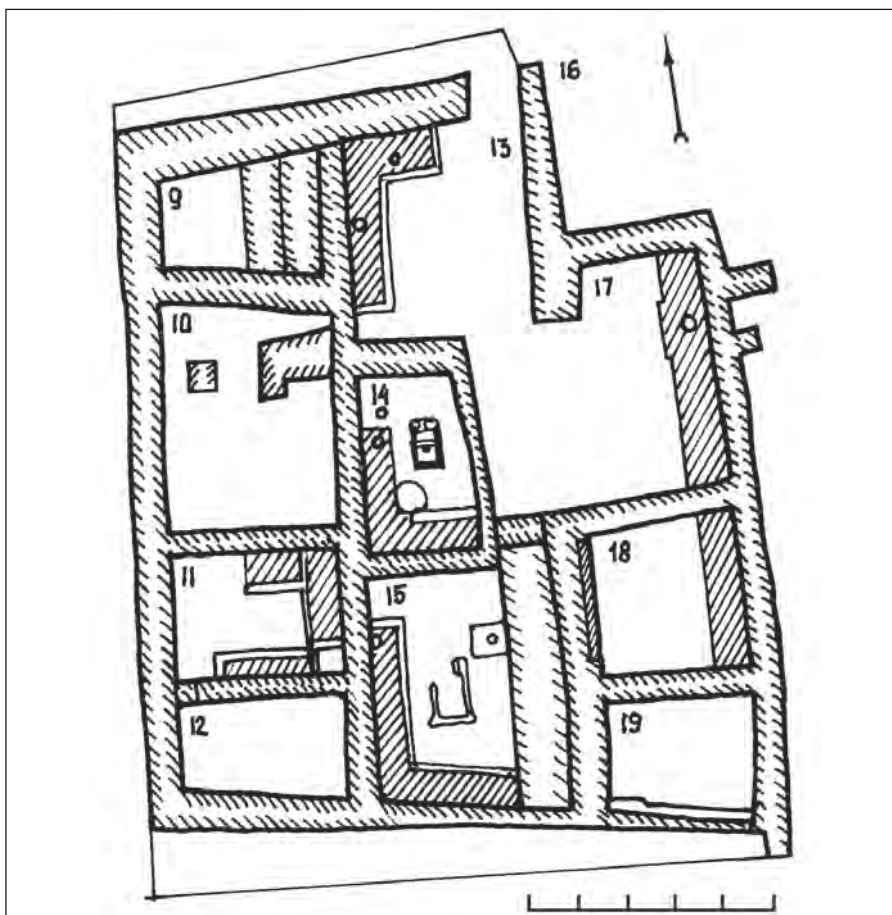

Рис. 78. Дом 1. План

строительный период производилась перепланировка в дворовой части домовладения, когда постройки были забутованы и сниселированы, а на этом месте ссыпалась зола и бытовой мусор. Аналогичные действия наблюдаются и в помещении 29 с алтарем, когда основное помещение с алтарем и стеной с нишами было забутовано кирпичами и разделено на несколько самостоятельных помещений. Второе помещение с алтарем было заново отстроено. Двор имеет прямоугольную в плане форму, размер которого составляет 6,40x5,70 м. С северной стены помещения располагалась стена, фасадной стороной обращенная на магистральную улицу. За двором располагались айваны.

В центре домовладения расположилось помещение с алтарем и с «П»-образной суфой. Вдоль северной, восточной и западной стен расположилась суфа, сложенная из сырцовых кирпичей. Борта и поверхность суфы оштукатурены. Возле восточного борта суфы в пол была вкопана хумча, заполненная просом.

За алтарной комнатой расположилась комната с суфой, где были раскопаны скопления разнообразных керамических сосудов. По всей видимости, в помещении хранилась посуда, используемая как в бытовых целях, так и во время отправления культов.

За алтарным помещением расположились помещения хозяйственно-бытового назначения.

В помещении 26, вдоль северной, западной и восточной стен расположилась суфа. На поверхности суфы, в бортах, располагались хумча и горшок. С южной стороны от помещения расположились помещения 32 и 33 с суфами. В одной из них в пол была вкопана хумча, которая играла роль печи-сандаля.

В помещении с алтарем имелась «Г»-образная суфа со стеной, в которой располагались арочные ниши. Ниши были покрыты толстым слоем штукатурки. На полу помещения возле суфы и стены с нишами в плотный сырцовый пол был вкопан хум.

Крышу алтарного помещения поддерживала деревянная колонна, остатки которой были обнаружены у северного борта суфы. Между помещением с алтарем и помещением с суфой имелся проход. В позднее время в помещении с алтарем произошла перепланировка.

Южнее алтарного помещения расположилось хозяйственное помещение, где на полу стояли три хума. Помещение служило для хранения продуктов.

В ходе работ была получена керамическая коллекция, представленная фрагментами и целыми сосудами, подставками для котлов, пряслицами и обломками протом баранов. Керамический комплекс разделяется на две группы: лепная посуда и посуда, изготовленная на гончарном круге.

К первой группе отнесена керамика, изготовленная из грубого, плохо отмученного теста с большим содержанием песка и шамота. Чаще всего керамика данной группы сформована из красной глины. Среди встречаемых форм выделяются крупные и средних размеров горшки,

крышки, хумы, хумчи, кувшины, жаровни, крупные толстостенные сосуды открытой формы.

Ко второй группе относятся керамические изделия, изготовленные из хорошо отмученного теста с небольшим количеством мелких примесей, иногда в тесте присутствуют крупные кусочки шамота.

Наиболее многочисленны фрагменты крупных водоносных кувшинов, дастарханов.

К третьей группе можно отнести керамику, которая использовалась в культовых, целях. К ним относятся алтари, керамические курильницы, а также ваза. В отдельную группу выделяются чираги и плоски-светильники.

Следует отметить терракотовые фигурки лошади. Собрана коллекция ювелирных изделий, среди которых массивный, бронзовый перстень со вставкой лазурита; обломки лазуритовых подвесок, бусы и вставки из сердолика, оникса и агата, разноцветные пастовые цилиндрические, бочковидные, граненные и сферические бусы.

Изделия из металла представлены бронзовыми серьгами, перстнями, витыми браслетами. Найдены украшения поясов, бронзовые

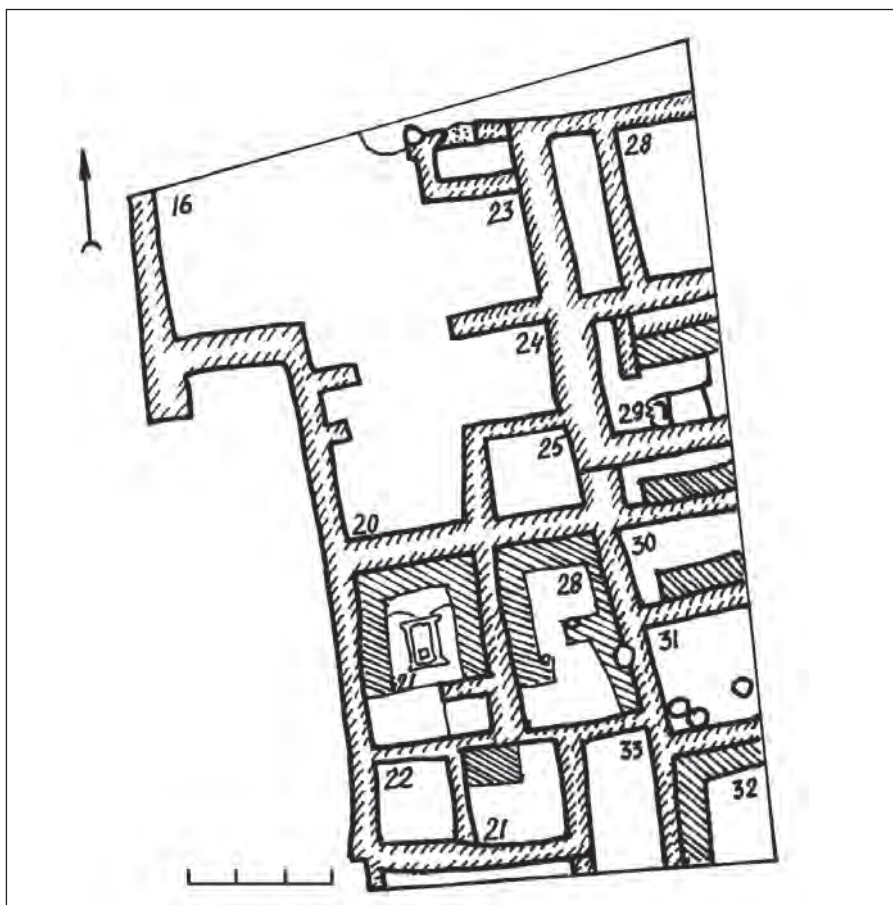

Рис. 79. Дом 2. План

и серебряные бляшки округлой, сердцевидной, прямоугольной, пяти- и шестиугольной формы, а также наконечники ремней, пуговицы, подвески, бубенчики, обоймы и поясные пряжки. Интересна находка бронзовой статуэтки коня.

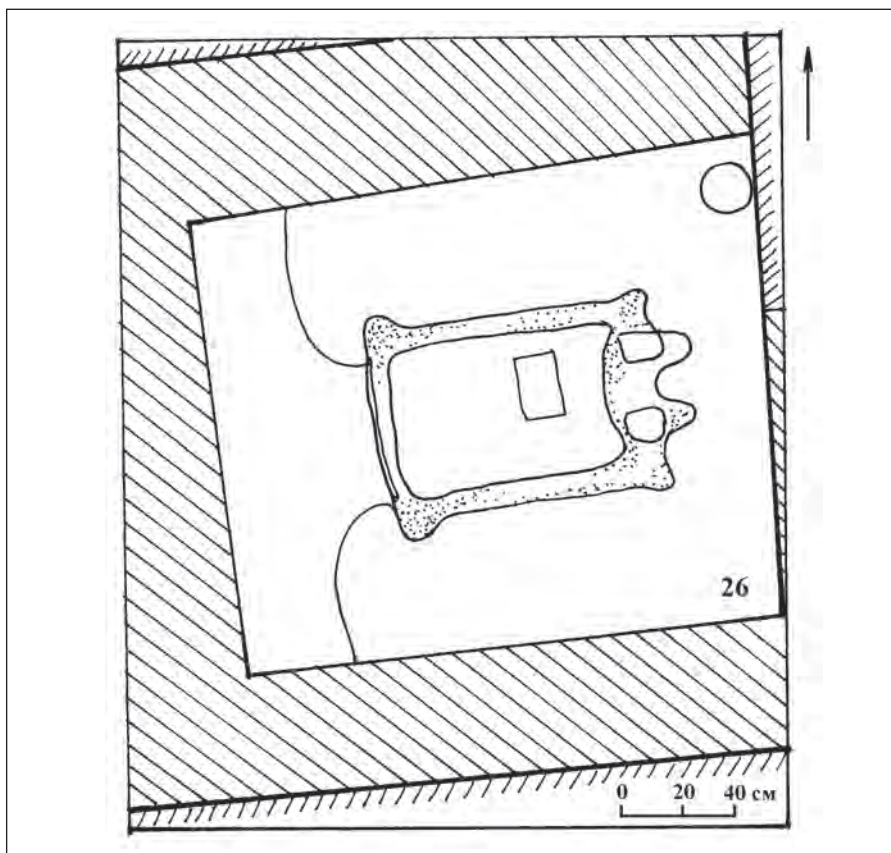

Рис. 80. Алтарь в помещении 26

На городище собрана коллекция серебряных и медных монет, среди которых встречаются тюргешские, танские монеты и монеты Афригидского Хорезма. Все монеты имели хождение с VIII по XI в.

Городская застройка: кварталы и жилища

Кварталы. Раскопки цитадели Куйрыктобе показали, что здесь после пожара, в результате которого в первой половине IX в. был разрушен дворцовый комплекс на цитадели, спустя некоторое время происходит полная перепланировка. В границах капитальных стен формируется квартал рядовой застройки второй половины IX-X вв. В XI – начале XIII вв. на этом же самом месте возникает квартал гончаров.

Город, как и раньше, состоит из отдельных жилых кварталов, сохраняющих замкнутость по отношению к общей застройке города, и характеризуется тем же принципом планировки, при котором входы всех домов квартала, как правило, обращены на общую внутриквартальную улочку.

Два квартала второй половины IX – первой половины X вв. на цитадели городища Куйрыктобе - «Б» и «В» - попали в площадь раскопа частично, и один квартал «Г» раскопан полностью. Он, как выше отмечено, занимал всю площадь бывшей цитадели. Размеры его 35x30 м. Дома группировались вдоль «П»-образной улочки. Хорошо сохранились и четко выделяются пять домовладений. Всего же в квартале было не менее 12 домов, часть из которых смыта, другая разрушена постройками позднего времени.

В южной части городища Куйрыктобе частично вскрыты два квартала «И» и «К» X-XI вв., состоящие каждый из 8-10 домовладений.

В юго-восточной части Куйрыктобе раскоп площадью 3200 кв. м. полностью вскрыл остатки *трех городских кварталов*, датированных второй половиной XI – началом XIII вв., условно обозначенных буквами «Д», «Е», «Ж».

Квартал Д примыкал к городской стене. В его составе 8 домовладений, выходящих на магистральную улицу. Протяженность отрезка улиц 52 м. Площадь, занимаемая кварталом, составляет 950 кв. м.

Квартал Е состоит из двух жилых комплексов, расположенных по обе стороны улочки длиной 40 м и шириной 1,5-2 м. Общая площадь квартала составляет 704 кв. м. В квартале насчитывается 10 домов.

Квартал Ж занимает площадь 1050 кв. м. Дома, а их шесть, концентрируются вокруг внутриквартальной улочки длиной 32 м, те же, которые находятся в глубине квартала, соединяются с улочкой тупичками длиной до 15 м.

К этому же времени относится квартал гончаров «Г», расположенный на цитадели. Всего в квартале насчитывается 7 домовладений, для которых характерно совмещение жилья с мастерскими.

Раскопками на Куйрыктобе поквартальное сосредоточение ремесла не отмечается, и лишь в одном случае можно говорить о квартале гончаров.

Интересен вопрос о социальной стратификации кварталов. В ряде городов, как свидетельствуют топографические наблюдения и данные письменных источников, наблюдается деление кварталов по степени именитости и богатства населения.⁴⁶

В источниках описываются кварталы, где оказываются и торговцы, и ремесленники разных профессий.⁴⁷

Концентрация гончаров в особых кварталах может быть обусловлена необходимостью изоляции производства, связанного с огнем.⁴⁸

Интересен вопрос о социальной стратификации кварталов. В ряде средневековых городов Средней Азии и в Китае выделяются кварталы богатых и знатных людей. По материалам Южного Казахстана такое деление не отмечено, но пока предварительно можно рассуждать по имеющимся наблюдениям о богатых и бедных городах. Так, жилища горожан Отрара более просторны и комфортабельны, чем дома жителей Кедера (Куйрыктобе), существовавшие в одно и то же время.

Жилище второй половины IX-X вв., как установили раскопки, продолжает традиции предшествующего времени. Это одно- и двухкомнатные дома осевой (линейной) планировки с тамбуровидными входами, с «Г»- и «П»-образными суфами вдоль стен жилого помещения, отапливаемые очагами открытого типа с бортиком по периметру и каминами. Перекрытия плоские одностолпные и четырехстолпные. Наряду с описанными типами жилища появляется еще один.

Это двухкомнатный дом с боковым коридором. Из коридора ведут входы в кладовую, расположенную в передней части дома, и жилое помещение. Большую часть пола жилого помещения занимает суфа, на которой устроены напольные прямоугольные очаги. Дом имел перекрытие, центральная осевая балка которого опиралась на три деревянные колонны.

Дома X-XII вв., известные по раскопкам Отрартобе и Куйрыктобе, одного типа: двухкомнатные, состоят из жилого помещения и кладовой. В дом попадали через тамбур. В комнате вдоль стен идет «П»-образная суфа шириной 1-1,5 м и высотой 0,3-0,4 м. В центре, на полу находился очаг в виде антропоморфной площадки с бортиком. Размер его 1,2x1,5 м, передняя часть оформлена двумя округлыми выступами, ближе к нему находилась жаровая ямка. Напротив входа находится отделенная бортиком хозяйственная площадка, где стояли мельничный постав и вкопанные в пол сосуды. Рядом на краю суфы устроена тумба высотой 0,6 м с вмазанным в нее тандыром. Рядом с тандыром в стене устроены хозяйственные ниши. Перекрытие дома было плоским и поддерживалось четырьмя столбами, от которых сохранились гнезда

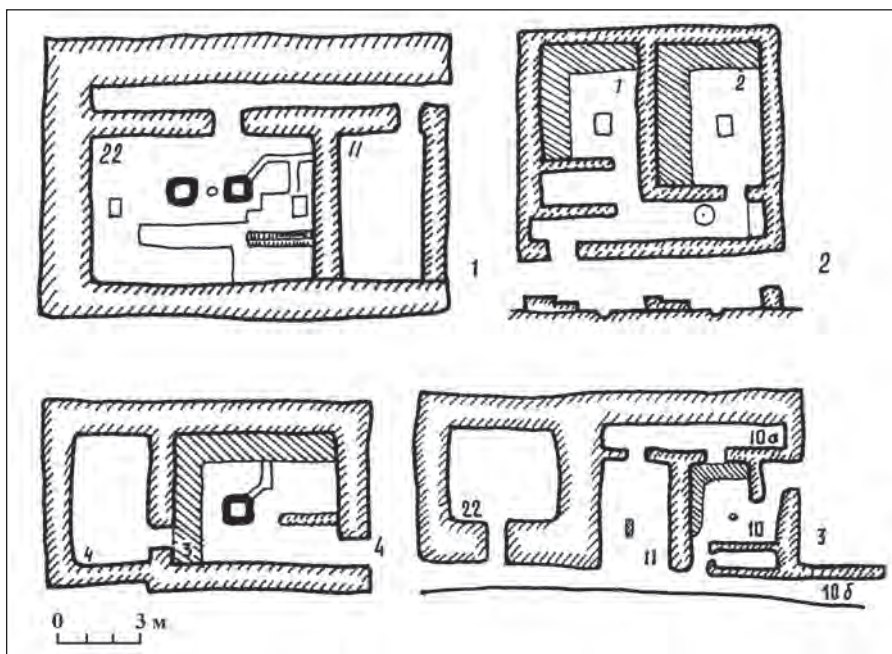

Рис. 81. Дома IX-X вв. Планы

в полу. Интерьер других домов аналогичен, имеются различия лишь в деталях.

Сохраняя традиционную, как отмечалось, планировку, дома этого времени характеризуются наличием новых деталей интерьера. Это стенные ниши, тандыр на тумбе.

Появление тандыров в качестве очага для выпечки хлеба в Южном Казахстане относится ко второй половине X в.

Антропоморфные очаги с налепами в виде шишек являются вариантом развития более ранних прямоугольных очагов с бортиками. Очаги с бугорками-налепами встречены в северных районах Средней Азии.⁴⁹ Возможно, реминисценцией антропоморфности очагов служат две шишки - чига (грудь) на тандырах ягнобцев.⁵⁰

В результате работ на раскопе III городища Отрартобе получены данные о городском жилище X-XII вв. и XII - начала XIII в.

Жилища продолжают традиции домостроительства периода раннего средневековья и входят в тип домов кангуйского времени (отрарско-каратауская, каунчинская и джетыясарская культуры).

Дома двух, трех, четырех комнатные и многокомнатные. Вход в центральное помещение домов отгораживался украшенной стеной, у стен помещения, у двух или трех устраивались суфы. В центре находился прямоугольный очаг с бортиками, а в XI-XII вв. керамические алтари прямоугольной, круглой, антропоморфной в плане формы вкопаны в пол. Наружу выходит плоскость бортиков, а сама поверхность очага находится ниже уровня пола. Поверхности бортиков и основание алтарей богато украшены штампованным орнаментом геометрического и растительного характера. Наряду со стационарными алтарями-сандалами для отопления использовались переносные очажки, также богато украшенные.

Рис. 82. Городище Куйрыктобе. Жилища X-XI вв. Расчистка пола

*Рис. 83. Городище Куйрыктобе. Жилища X-XI вв.
Интерьер жилого помещения*

Многосекционные постройки подпрямоугольного плана объединены в единый комплекс коридором, идущим по центральной оси домостроения или сдвинутым к его боковой стене.

Многокомнатные дома Отрара спланированы по той же схеме (обязательно присутствие коридора) и различаются лишь количеством секций.

Для строительных конструкций характерна регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40-45x20-22x8-10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20-22x10-11x3,5 см. Однако жженный кирпич редкость. Им выкладывались цоколи сырцовых стен, наращивали при ремонтах стенки тандыров, ванночек-ташнау. Стены домов тщательно оштукатурены несколькими тонкими слоями обмазки. Ряды сырцовой кладки, как правило, перемежаются тонкими прослойками камыша, нейтрализующего соли. Перекрытия жилых домов исключительно плоские, деревянно-камышитовые, обмазанные глиной. Отсутствие домов иного плана свидетельствует об универсальности жилища с центральным коридором, прочно вошедшим в народное строительство к XII – началу XIII в.

В помещениях имелись тандыры для выпечки хлеба, ниши в стенах для хранения утвари. В конце XII – начале XIII в. появляются дома, которые не имеют четкой ориентации, размывается функциональное назначение отдельных помещений.

Отличается своеобразием интерьер помещений. Суфа занимает половину и даже большую часть всей площади, при этом уровень пола сохраняется лишь в проходах или перед входами. Открытые очаги не имеют четких прямоугольных очертаний. Это очажные ямки самых различных форм: овальные, круглые, подковообразные. Меняется их

ранее четко установленное место в центре ближе ко входу. Теперь это и поверхность суфы, и пол. Очаги могут быть во всех комнатах. Наряду с открытыми очагами по-прежнему встречаются камины, их обычно устраивали на краю суфы. Возрастает площадь дома, превышая в ряде случаев 60 кв. м. Наиболее распространенной становится площадь дома от 30 до 50 кв. м. Небольшие дома имеют площадь менее 30 кв. м.

Новые типы домов имеют прямые аналоги в Северо-Западном Хорезме в XII-XIV вв., в поселениях близ Бутентау.

Появление новых типов жилищ на Куйрыктобе свидетельствует о массовом оседании в городах кочевого населения, которое привнесло в домостроительство новые элементы интерьера, типы планировок, но вместе с тем унаследовало традиционную строительную технику планировки.

Интересные материалы были получены при изучении жилища на городище Каратобе (домонгольский Сауран). Планировка жилищ XII – начала XIII в., их интерьер, наличие суф, очагов, алтарей близки жилищу Отрара XII – начала XIII в. Новые данные, полученные при

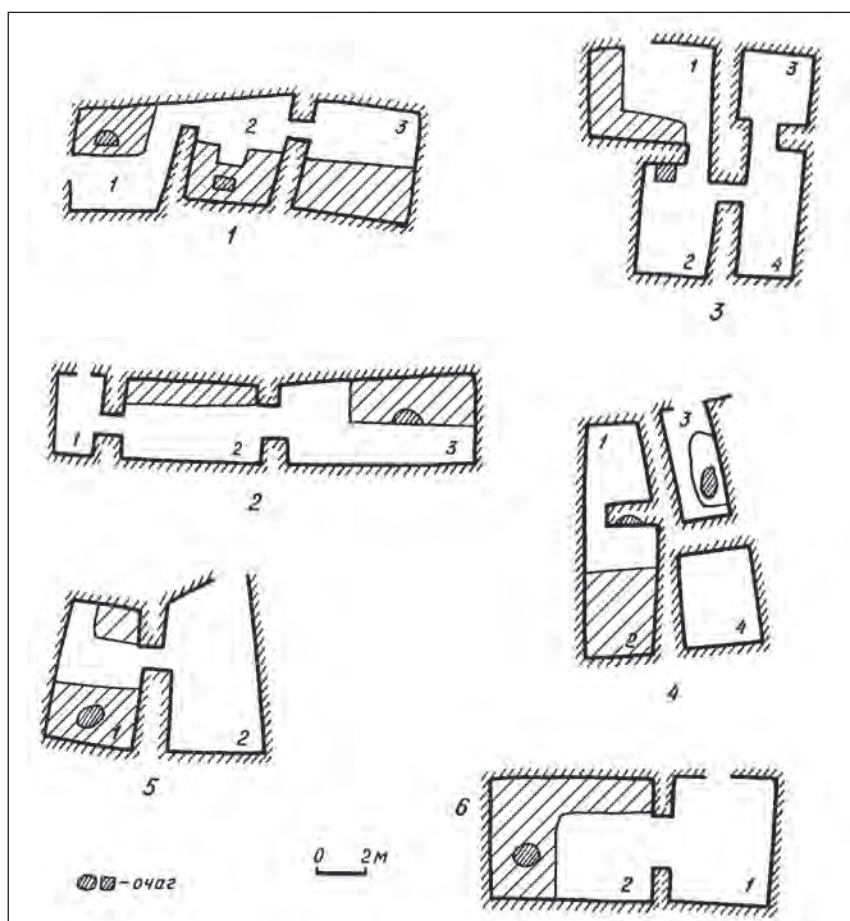

Рис. 84. Городище Куйрыктобе. Типы домов XI - начала XII в.

раскопках больших многокомнатных домов, принадлежащих большим семьям, состоящим из семей двух-трех поколений, на городище Каратобе выявили множество интересных деталей, что позволило дать интересную реконструкцию интерьера жилых помещений – основными элементами домов, как принадлежащих одной семье, так и нескольким семьям.⁵¹

Рассматривая изменения в процессе развития жилища на средней Сырдарье от его формирования и до XVIII-XIX вв. считает, что существенные изменения в интерьере жилища, в его системе отопления, увеличение площади суф можно отнести к началу XIII в., к периоду последующему за монгольскими завоеваниями и, как нам видится, в переселении сюда больших масс городского населения из Жетысу, где тандыры с короткими дымоходами были известны в XI-XII вв.⁵²

Можно констатировать схожесть с Отрарским и Каратобинским жилищем и жилищами Приаралья – городищ Джанкента и Кескен-Куюккалы. Та же планировка, аналогичный интерьер, характерный для домов IX-XII вв. из двух регионов средней и нижней Сырдарьи. Такая близость и для жилищ более раннего времени, связанных с отрарско-каратаусской и джетыясарской культурами, которые можно считать также и вариантами одной сырдарьинской культуры, сопоставляемой с государством Кангюй, подчеркивали исследователи.⁵³

Вопросы демографии. Выявление квартальной застройки и характера жилища позволяет рассмотреть вопросы демографической ситуации в этот период.

В IX-XII вв., судя по раскопкам Куйрыктобе, произошло увеличение площади квартала до 1000 кв. м, выросло и число домовладений - до 8 в среднем. Как и прежде, жилище принадлежало индивидуальной семье. Следовательно, в одном квартале могут проживать 40-48 человек при численности индивидуальной семьи 5-6 человек.

На шахристане Куйрыктобе, площадь которого составляла 5 га, а селитебная, застроенная жильем – 4 га, размещались 40 кварталов, в каждом из них проживало 40-48 человек. Население центральной части города, таким образом, составляло примерно 1600-1920 человек, а плотность – 320-380 человек на гектар застройки.

Кроме того, население жило в рабаде, площадь которого была около 25 га. Если на 1 га рабада проживало в среднем 50 человек, то число жителей торгово-ремесленного предместья Куйрыктобе (Кедера) составит 2500 человек, а общее число всех горожан 4100-4420 человек.

В то же время в Отраре (на центральном бугре площадью 20 га) насчитывалось 200 кварталов, в которых проживало 8000-9960 человек. По сравнению с VI-VIII вв. население здесь несколько сократилось, но в это время сформировался рабад площадью 170 га, в котором проживало 7500 человек, и общее население города составляло 15500-17460 человек. Таким образом, население города в IX-XII вв. по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на 25%.

В оазисе кроме Отрара и Кедера были еще четыре города: Куюк-Мардан, Джалпак-тобе, Оксус-Весидж, Бозук-тобе-Бурух. Экстраполируя расчеты по Куйрыктобе на эти памятники, можно вычислить, что в IX-начале XII вв. - в период максимального территориального роста - в каждом из них могло проживать в среднем, соответственно, 2000, 1800, 1700 и 2600 человек. Всего же в городах округа Фараб в IX-XIII вв. насчитывалось около 29000 жителей.

В Испиджабе - крупнейшем городском центре региона в шахристане площадью 28 га проживало в 210 кварталах 8400-10080 человек и на 600 га рабада 30000 жителей, а всего в городе было около 40000 населения. Усбаникет, центр округа Кенджида, насчитывал около 7000 человек, из них 5000 жили в шахристане и 1850 в рабаде. В столице округа Шавгара, находящегося на месте Чуйтобе, проживало 4250 человек. В Сыгнаке численность населения составляла 5800 человек, в Янгикенте было 4000 жителей.

Таким образом, столичные центры и наиболее крупные города насчитывали от 4000 до 10000 человек, а Отрар и Испиджаб, соответственно, 16000 и 40000 жителей. В средних городах насчитывалось 1500-3000 человек и в городках до 1500 жителей. Всего же в городах Южного Казахстана проживало, по нашим подсчетам, 150000-160000 человек.⁵⁴

-
- 1 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. - Л., 1973. - С. 165.
 - 2 *Сухарева О.А., Турсунов Н.О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии // *Жилище народов Средней Азии и Казахстана.* – М., 1982. - С. 10-47.
 - 3 *Массон М.Е.* Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении // *Труды САГУ. Археология Средней Азии.* - Ташкент, 1956. - Вып. 81. - Кн. 12. - С. 6-7.
 - 4 *Заднепровский Ю.А.* Типология и динамика городских поселений древней Ферганы // *Древний город Средней Азии.* - Л., 1971. - С. 17-19.
 - 5 *Распопова В.И.* К вопросу о специфике города и сельского поселения Средней Азии // *УСА.* – Л., 1979. – Вып. 4. - С. 22-25.
 - 6 *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. - Ташкент, 1982. - С. 2.
 - 7 *Массон В.М.* Кушанские поселения и кушанская археология // *Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973-1975гг.* - Л., 1976. - С. 3-8.
 - 8 *Ртвеладзе Э.В.* К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сырдринской области // *Древний город Средней Азии.* - Л., 1973. - С. 24-26.
 - 9 *Соловьев В.А.* Городище Кыфыр-Кала (к характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана) // *УСА.* - Л., 1979. - Вып. 4. - С. 60-62.

- 10 *Губаев А.Г.* К вопросу о зарождении феодальных отношений в Южном Туркменистане. - Ашхабад, 1978. - С. 263.
- 11 *Johnson G.A.* A test of utility of Central place theory in archeology // *Man, Settlement and urbanism.* - London, 1972.
- 12 *Люблинская А.Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // *Средние века.* - М., 1968. - № 31. - С. 9.
- 13 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 81-83.
- 14 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С.83.
- 15 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Городище Отрар // *Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район.* - Алматы, 2007. - С. 178-217.
- 16 *Кожжа М.Б.* Обнаружение остатков и длинной внешней стены городища Отрартобе // *Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова.* - Алматы, 2010. - С. 347-350; *Кожжяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины.- Фрунзе, 1969; *Кожжяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // *Археологические памятники Таласской долины.* - Фрунзе, 1963. - С. 145-225.
- 17 *Массон М.Е.* Старый Сайрам // *Известия Среазкомстариса.* - Ташкент, 1928. - Вып. 3. - С. 23-42; *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб. - Шымкент-Алматы, 2003. - С. 3-13.
- 18 *Железняков Б., Талеев Д.* Загадка «длинных стен» // *Nomad Kazakhstan.* - 2007. - № 1 (13). - С. 76-81.
- 19 *Акишев К. А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 102-104.
- 20 *Брыкина Г.А.* Карабулак. - М., 1974. - С. 79, рис. 45-52.
- 21 *Брусенко Л. Г.* Продукция гончарного ремесла Бинкета // *Древности Ташкента.* - Ташкент, 1976. - С. 107-111. - Рис. 37.
- 22 *Давидович Е. А.* О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов // *История, археология и этнография Средней Азии.* - М., 1968. - С. 247.
- 23 *Давидович Е.А.* Реформа в Фергане – кризис денежного обращения в Семиречье (середина XI в.) // *Тез. докл. Всесоюз. конф. «Культура и искусство Киргизии».* - Л., 1983. - Вып. 2. - С. 15-17.
- 24 *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII – начала XIII в. // *Киргизия при Караханидах.* - Фрунзе, 1983. - С. 97-103.
- 25 *Настич В.Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном обращении города и области // *Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения.* – М., 1980. - С. 163.
- 26 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 35-44.
- 27 *Байпаков К.М.* Городище Куйрук тобе // *Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район.* - Алматы, 2007. - С. 163-174.
- 28 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С 233-234.
- 29 *Байпаков К.М.* Городище Оксыз // *Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область.* - Алма-Ата, 1994. - С. 232.

- 30 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 97-98, 102-104.
- 31 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар... С. 106-110.
- 32 Предварительная датировка дана Р.З. Бурнашевой.
- 33 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 35-92; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. - Алма-Ата, 1981. - С. 139-149; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Туркестана. - М., 1982. - С. 121-136; Ерзакович Л.Б. Отрар и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 93.
- 34 Байпаков К.М. Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 1994. - № 5. - С. 20-33.
- 35 Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. - Алматы, 2006.
- 36 Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2007. - № 1. - С. 126-136.
- 37 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды. ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5. - С. 109-110; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). - Алма-Ата, 1986. - С. 27.
- 38 Байпаков К.М. Средневековые города на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 65-70.
- 39 Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80.
- 40 Характеристика раскопа дана на основании отчета, подготовленного по гранту «Мусульманский ренессанс - эпоха аль-Фараби: археологическое изучение Отрара и Отрарского оазиса, городской культуры Северных и Южных склонов Каратау».
- 41 Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Л., 1973. - С. 253; Распопова В.И. Жилище Пенджикента. - Л., 1990. - С. 7.
- 42 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 40, рис. 17.
- 43 Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2011. - С. 83-182.
- 44 Толстов С.П. Города гузов... С.58-64
- 45 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ильин Р.В. Города Хувара и Янгикент - старая и новая столица огузов // Вестник МИЦАИ. - Самарканд, 2012. - Вып. 16. - С. 32.
- 46 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. - Л., 1973. - С. 355.
- 47 Большаков О.Г. Город в конце VIII - начале XIII в... С. 299-300.
- 48 Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке // Труды САГУ. Гуманитарные науки. - Ташкент, 1953. - Вып. LXI, Кн. 6: Археология Средней Азии. - С. 33; Стужина Э.П. Китайский город IX-XIII вв. - М., 1979. - С. 16-22.
- 49 Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1982. - С. 78, рис. 1.
- 50 Давыдов А.С. Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. - Душанбе, 1973. - С. 43.

- 51 Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2011. - С. 192. - Рис. 4.
- 52 Байпаков К.М. Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Сер.обществ. наук. - Алматы, 1994. -№5. -26-27.
- 53 Байпаков К.М. Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Сер.обществ. наук. - Алматы, 1994. - №5. -26-27.
- 54 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). - Алма-Ата, 1986. - С. 153-160.

ГЛАВА III

ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ЖЕТЫСУ

Особенности развития урбанизации Юго-Западного Жетысу

Для городищ Юго-Западного Жетысу в домусульманское время долины рек Шу и Таласа, как и в период раннего средневековья, характерно наличие центральных развалин, состоящих из цитадели, шахристана и примыкающей к ним территории разной плотности застройки, окруженной длинными стенами. Стены охватывают всю округу, а также ограничивают отдельные участки и в целом маркируют рост «пригородной» территории города – оазиса, центром которого является город – центральные развалины. Протяженность стен достигает у ряда городищ несколько десятков километров, включающих внутрь сотни гектаров.

В свое время П.Н. Кожемяко, учитывая своеобразие топографии «городищ с длинными стенами», высказал мнение об аграрном характере таких городов. Застройка их отличалась рассредоточенностью и состояла из цитадели, шахристана, усадеб, полей, садов и огородов.

Это были большие города-поселения, жители которых сочетали ремесленно-торговые и земледельческие занятия.¹ По его мнению, такие поселения «возникали и развивались среди массы кочевых племен». И здесь оседлое население не имело возможности расселяться, как это имело место в земледельческих районах Средней Азии.²

Однако связь горожан с сельским хозяйством общеизвестна,³ но город всегда отличался от села развитым ремеслом и торговлей. Пригород и сельскохозяйственная округа, окруженная стеной, была характерна и для Юго-Западного Жетысу. Если в Средней Азии длинные стены окружали территорию больших оазисов, то в предгорной и степной части Чуйской и Таласской долин, на горных реках и притоках Чу существовали своеобразные города-оазисы.

Длинные стены выполняли, прежде всего, роль административной границы такого оазиса. Сам же город дислоцировался на территории центральных развалин.⁴

Аналогичную точку зрения высказывал и К.И. Петров. Он считал, «что в условиях Чуйской долины сельскохозяйственная округа была инкорпорирована в самом городе», в пределах его собственных длинных стен.⁵

Город и деревня сосуществовали как единый комплекс. Деревня теряла «свое лицо», и земледельцы являлись одновременно и жителями города. Населенные пункты региона можно рассматривать как «урбанизованную деревню» или «город сельского типа».⁶

В свое время В.В. Бартольд, основываясь на сведениях письменных источников, считал, что земледельческая культура и города на территории современного Жетысу появились исключительно в результате согдийской колонизации.⁷ Однако археологический материал позволил А.Н. Бернштаму атрибутировать комплексы материальной культуры. Памятники оседлой и городской культуры А.Н. Бернштам относил к согдийцам, а памятники кочевой культуры - к тюркам.⁸

Иную точку зрения по этой проблеме высказала Е.И. Агеева. Район Южного Казахстана и Семиречья, по ее мнению, «не был объектом колонизации Согда и Хорезма, а самостоятельным с особой экономикой и культурой районом, сыгравшим значительную роль в исторических и экономических судьбах народов Средней Азии».⁹

И еще, рассуждая о сложении казахстанского города, Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич утверждают, что города на территории нынешнего Казахстана формировались на базе оседлых центров земледельческих районов и постоянных ставок кочевников. Первые располагались в бассейнах рек и на караванных путях, вторые - в районах зимовок, вблизи родников и караванных дорог.¹⁰

Конечно, трудно согласиться с тем, что оседло-земледельческая и городская культура была полностью привнесена сюда из Согда. Городская культура здесь имеет, и это общеизвестно, свою специфику. В связи с этим встает вопрос о континуитете земледельческой культуры, о преемственности между оседло-земледельческой культурой последних веков I тыс. до н. э. - первых веков и средневековой. Как известно, сущность континуитета - в единстве исторического процесса. Если раньше считалось, что оседло-земледельческая культура в Казахстане появилась лишь в средние века, то в последние десятилетия это положение в науке пересмотрено.

Еще в конце 30-х годов XX в. были открыты земледельческие поселения усуней в Жетысу,¹¹ в конце 40-х гг. обнаружены и исследованы земледельческие поселения и города на юге Казахстана, которые оставлены племенами кангуйской, отрарско-каратауской и джетысарской культур. Выяснена большая роль земледелия в хозяйстве племен этих культур, для них характерны постоянная оседлость, развитое строительное и гончарное дело. Доказано, что этнический состав населения Сырдарьи не менялся на протяжении I - VI-VIII вв. н. э.¹² Установлено также, что многие средневековые города непосредственно «стоят» на раннеземледельческих поселениях. Так, нижние слои Тараза дали яркие материалы о городе в первых веках н. э.¹³ На месте раннеземледельческого поселения развивался и Отрар.¹⁴ В нижних слоях многих городов Жетысу обнаружена керамика начала I тыс. н. э.¹⁵ Все это дает

основание не согласиться с мнением о земледелии, об урбанизации в Казахстане как о чем-то привнесенном.

На основании новых археологических материалов изменился и взгляд на понятие «кочевники», под которое попадают древнетюркские племена. В свете новейших исследований это понятие все более дифференцируется. Выясняется роль полуседлого, полукочевого населения, сочетающего в своем хозяйстве в тех или иных соотношениях земледелие и скотоводство.¹⁶

В исторической литературе имеется достаточно много сведений об оседлости и оседании тюркских племен, обусловленном рядом причин. Одной из главных можно назвать обеднение масс. С.П. Толстов подметил, что неудачные войны, джуг, эпизоотии разоряли кочевников и вынуждали их переходить к оседлости. Сведения об оседании тюрков приводит и С.Г. Кляшторный.¹⁷

Исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции показали и доказали, что урбанизация в Казахстане началась еще в эпоху бронзы, а первый этап урбанизации относится к эпохе первых государств на территории Казахстана.¹⁸

Исключительно важную роль имела урбанизация в процессе формирования государств саков, усуней, кангюев, динлинов.

Открытие сакских протогородов, многочисленных поселений саков и усуней в пригородной зоне Тянь-Шаня (Заилийский Алатау), среди которых был и крупный протогородской центр Арасан на территории г. Алматы, свидетельствует о важном античном этапе урбанизации Казахстана, о роли местного населения и о сакско-тюркском культурном синтезе в сложении городской культуры.

Важное значение для развития городов, особенно в Жетысу, имела торговля. Главная роль в ней принадлежала согдийским купцам. В письменных источниках говорится о торговом посредничестве согдийцев в международной торговле.¹⁹ Тюркские каганы покровительствовали согдийской торговле.²⁰ Известны и случаи основания согдийцами своих городов. Конечно же, согдийская «колонизация» не исчерпывается торговой предприимчивостью, она гораздо сложнее и кроется в развитии социально-экономических отношений в самом Согде.²¹

Безусловно, согдийцы, переселившиеся в Семиречье, оказали большое воздействие на развитие средневековой культуры на территории Жетысу. Но города и городская культура формировались на местной основе.

На вопрос о причинах резкого роста численности населения городов, появления новых центров можно, видимо, ответить исходя из понимания основы экономических отношений в городе, которую, как отмечает О.Г. Большаков, составляла частная собственность на землю.²² Доход приносила не сама «земля, а постройки на ней. Эта доходная недвижимость называлась «мустагалл»».

Цифры доходов с «мустагаллов», которые приводит исследователь на основании данных письменных источников, иллюстрируют прибыль-

ность городских владений. В этом, видимо, лежит ключ к пониманию процессов, связанных со стремлением верхушки кочевников обзавестись землей в городе. Этим же объясняется процесс слияния служилой и торгово-ремесленной знати.

Раскрытие О.Г. Большаковым истинного экономического значения землевладения в городе позволяет подойти к пониманию некоторых из причин развития оседания кочевников и возникновения многочисленных городов в Жетысу и на юге Казахстана. Торговые постройки всегда давали твердый гарантированный доход кочевой знати. Ал-Макдиси приводит данные о прибыльности испиджабского базара - она составляла ежемесячно 7 тыс. дирхемов.²³ А манн мяса (800 г.) в то время стоил на ярмарке в Дех-Нуджикесе (город к северу от Тараза) 73 дирхема,²⁴ причем оптовая цена была еще дешевле. Таким образом, баран стоил около 8-10 дирхемов. Следовательно, месячный доход базара равнялся стоимости отары баранов в 700 голов. Поэтому не удивительно, что кочевая и полукочевая верхушка была заинтересована в строительстве новых городов и расширении старых. Она поощряла оседание, поскольку эксплуатировать оседлого горожанина было выгодно.

Рост городов, расцвет ремесел и торговли в IX-XII вв. стимулировали подъем культуры средневекового Казахстана, очагами этой культуры были города.

Города и поселения Чуйской долины **Городища с длинными стенами**

В Чуйской долине в IX - начале XIII вв., как и в предыдущий период, насчитывалось 21 городище с длинными стенами (на территории современной Кыргызской Республики – 15 городищ, на территории Республики Казахстан – 6 городищ).

Типологически определяется три типа городищ по размерам центральных развалин и качественным признакам.

Первая группа городищ - это остатки столичных центров и крупных городов - Ак-Бешим, Бурана, Красная Речка, Шиш-Тобе.

К крупным городам следует отнести городища с большой центральной частью (цитадель, шахристан), что, впрочем, характерно для всех городищ, но и с обширной округой, окруженной длинными стенами. Это городища Актобе Степнинское, Сретенское.

К средним и небольшим следует отнести все остальные городища. Это связано с тем, что определенные размеры округи у большинства их не удастся измерить, поскольку первоначальные их параметры определить невозможно из-за разрушения длинных стен в период второй половины XIX – XX вв. Территория этих городищ, в первую очередь внутри длинных стен, сильно искажена распашками, мелиоративными работами, современной застройкой.

В X веке в Чуйской долине на роль столицы выходит город Баласагун. Город формируется в X-XII в. как ханская ставка.²⁵ В основе его лежит городище более раннего времени, сопоставляемое с селением

Беклиг-Семекна. Наряду со «старыми» городищами VII - первой половины IX вв. появляется около четырех десятков торткулей, интерпретированных как ставки, и караван-сарай, крепости и сельскохозяйственные поселения.²⁶ В любом случае появление столь большого числа городищ свидетельствует о развитии оседлости и, следовательно, городской жизни в этом районе.

Городище Бурана - город Баласагун носит название по находящейся здесь башни «Бурана». Городище занимает оба берега р. Бураны, в 15 км к югу от г. Токмака на восточной окраине с. Дон-Арык.²⁷

Центральные развалины стоят на левом берегу р. Бураны. В плане это неправильный четырехугольник, ориентированный сторонами по сторонам света, который окружен оплывшей стеной высотой 4 м, шириной по основанию 20 м. Юго-восточный угол и восточная стена сильно размыты р. Бураной. В западной стене, ближе к северо-западному углу, хорошо виден один из въездов шириной 15 м.

Наибольшей толщины наслоения достигают в юго-западном углу и вдоль восточной стены, где стоит башня Бурана. Отдельная группа бугров-тобе находится несколько западнее восточной площадки. Значительная возвышенность отмечена в северо-западном углу четырехугольника.

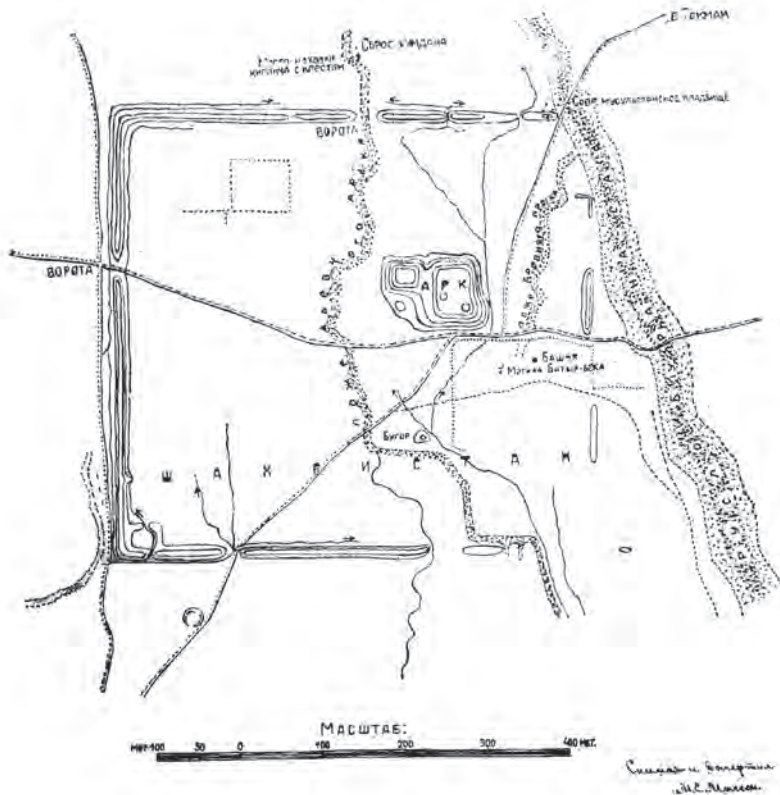

Рис. 85. Городище Бурана. Схематический план центральных развалин. Съемка М.Е. Массона. 1927 г.

Два больших холма высотой до 15 м стоят в 60-70 м к северо-западу от башни Бурана. Они окружены площадкой и представляют один комплекс размером 100 х 100 м.

Вокруг центральных развалин и окружающих их мелких построек было зафиксировано два концентрических кольца стен. Внутреннее не имеет западной дуги и оба кольца не сохранились в юго-западной части, в пойме р. Бураны, где, вероятно, были смыты. Оба кольца в сохранившихся частях идут почти параллельно друг другу. Расстояние между ними в северной части составляет 350 м, в восточной – 850 м и в южной – 400 м. В восточной части между «концентрическими» валами в направлении с востока на запад проходит соединяющий их вал.

Высота внешнего вала почти на всем его протяжении достигает 1,5-1,7 м, ширина по основанию - 14 м.

Общая длина сохранившегося внешнего вала - 11 км, если прибавить к этому разрывы между концами вала, то получится около 15 км.

Характеристики материалов из раскопок (шурфов) городища, из раскопок мавзолеев в районе башни Бурана, случайные находки, монеты, позволяют датировать городище VII-XIV вв.²⁸

Городище Ак-Бешим - город Суяб. Центральные развалины по своим размерам составляют часть общей территории. Они состоят из двух частей. Основная, с наибольшей культурной толщей, достигающей 7,5 м, в плане представляет неправильной четырехугольной формы бугор. Юго-западный угол занят цитаделью, имеющей четырехугольный план с размерами у основания 60 х 60 м, по верху – 30 х 30 м.

Цитадель возвышается над стенами и внутренним пространством этой части городища до 8 м. Западная оплывшая стена центральных развалин имеет длину 400 м.

На стене видны бугры от 10 башен. Башня в северо-западном углу сильно выступает за линию стен.

Северная стена длиной 600 м также изогнутая. В ней средний отрезок углублен внутрь городища. На западном конце выступа расположена башня, охранявшая расположенный здесь вход.

Восточный отрезок стены сильно отклоняется к югу. В нем находится и сейчас хорошо видный широкий въезд и бугры 4 башен. Восточная прямая стена имеет длину 500 м, в ней четко видны 11 бугров башен и два въезда, хорошо защищенных башнями.

Южная стена в виде ломаной кривой имеет длину 700 м. В центре имеется большой прямоугольный уступ внутрь городища с башнями по углам. В восточной части его располагается въезд. Всего в южной стене 9 башен.

К восточной стороне основной части центральных развалин примыкает вторая их часть. Описываемые развалины в плане имеют форму неправильного пятигранника, ограниченного оплывшими стенами со следами башен.

В центре его находится большая башня (диаметр 40 м, высота – 5 м), западнее которой, по-видимому, был въезд. Других башен в стене с уверенностью выделить нельзя. Длина западной стены составила 850 м.

Юго-восточный вал длиной 500 м имеет ясные следы пяти башен, две из которых расположены по бокам въезда.

Восточная стена имеет длину 850 м. В ней видны 4 башни, между двумя самыми северными был проезд.

Северо-восточная - длиной 900 м - сохранила следы 9 башен. В ее западной части находились ворота. Вторые ворота были на стыке северо-восточной и восточной стен.

К югу от центральных развалин вдоль южной стены была расположена серия крупных бугров разного плана.

К северу от центральных развалин преобладают холмы высотой до 1,5 м и диаметром 10,5-15 м, но встречаются бугры высотой до 2 м и диаметром 20-40 м. Одни из них расположены в ряд с запада на восток, по 5-6 холмов на расстоянии 40-50 м друг от друга. Другие ряды идут с севера на юг на расстоянии от 15 до 50 м. Остатки построек подступают вплотную к северной стороне длинного вала.

Подобная же картина наблюдается к западу от центральных развалин. Холмы расположены на расстоянии в среднем 30-50 м (максимальное расстояние между холмами 150 м, размеры от 8 x 10 м до 40 x 50 м, высота 0,8-2 м). Здесь какой-либо системы в их расположении проследить нельзя. В этой части отмечено несколько тепе с площадкой размером 40 x 40 м.

Длинный вал окружает пространство со следами застройки с севера, запада и юга. На востоке для обороны поселения был использован широкий, с совершенно отвесными берегами овраг глубиной 4-5 м; к нему примыкают южная и северная части вала.

Общая протяженность вала составила около 11 км. Если прибавить к этому еще ров, заменявший стену с востока, то получится неправильной формы кольцо длиной около 16 км.

К первому длинному валу примыкают отрезки не прослеженного полностью второго длинного кольца валов. Один отрезок начинается в юго-восточной части и идет в западном направлении на разных расстояниях от первого с небольшим удалением до 700 м. Общая протяженность его свыше 3000 м, затем он теряется. Второе ответвление, начинаясь в юго-западной части, тянется в западном направлении на протяжении 1100 м.

Третий, начинаясь в северо-западной части, также идет в западном направлении. Видимо, последние два ответвления соединились где-то на западе, образуя одно кольцо.

В западной части окруженного этими валами пространства кое-где видны отдельные бугры - остатки построек.

На территории центральных развалин в округе городища исследовались жилые постройки, буддийские храмы, церковь.²⁹

Широкие раскопки на цитадели и внутри шахристана были проведены экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавляемого Г. Семеновым. Исследована застройка цитадели на уровне строительных горизонтов X-XII и VII-IX вв.

На шахристане открыт комплекс несторианского монастыря IX-X вв.³⁰

*Городище Красная речка – город Навакет.*³¹ В его топографии выделяются цитадель и два шахристана. Прилегающая к центральным развалинам обширная площадь (около 20 кв. км) окружена стеной. На этой территории четко видны отрезки внутригородских стен и разной плотности застройка.

Весь комплекс центральных развалин занимает площадь немногим более 100 га и расположен на краю левой надпойменной террасы р. Чу.

Цитадель расположена в юго-восточном углу на мысу, образованном поймой р. Чу и впадающим в нее горной речкой. Небольшая речка опоясывала также поселение с запада.

Рис. 86. Цитадель городища Красная речка

Цитадель представляет собой пирамидальный холм высотой 19,5 м, размером 110 x 110 м по подошве и 30 x 25 м по верхней площадке.

Шахристан-1, он имеет вид бугра, окруженного ломаной линией стен, вместе с цитаделью занимает площадь 46 га. Микрорельеф его представляет собой отдельные всхолмления, особенно возвышающиеся по трем сторонам вдоль крепостных стен.

В южной стене были устроены два въезда. От ворот тянулись улицы, обозначенные ныне ложбинами шириной до 20 м. Два пандусных въезда отмечены в восточной и северных стенах, со стороны поймы р. Чу.

С юга и запада шахристан-1 дамбой соединялся с шахристаном-2, который вписывается в общие контуры центральных развалин и занимает северо-западную их часть на площади в 19 га.

Шахристаны объединены системой оборонительных стен с рвами. Особенно глубокий и широкий (до 50 м) ров тянется вдоль южной и западной стен шахристана-2; на ряде участков он заполнен родниковыми

ми водами. Стены сохранили следы башен и предвратных сооружений: в стенах шахристана-2 прослеживается 14 башен, шахристана-1 - 25 башен.

К шахристанам примыкает четвертая часть центральных развалин Краснореченского городища, именуемая «западной пристройкой». Ее окружают крепостные стены с шестью башнями. Вдоль западного и северного фасов стен имеются всхолмления.³² В «западной пристройке» особо выделяется комплекс построек с округлым холмом в центре. Он окружен стенами с четырех сторон, а в восточный обвод этого микроукрепления включено еще два больших холма.

Следующую часть поселения составляют одиночные постройки в виде холмов, наибольшая концентрация которых наблюдается близ шахристана-1. В 1940 г. А.Н. Бернштам отмечал здесь улицу, вдоль которой тянулись четырехугольные в плане тобе. Он считал эту территорию «рабадом» города караханидского времени.³³

Сложная топография городища в совокупности с материалами первоначально небольших раскопок послужили основным источником для построения гипотез о путях формирования семиреченского города, суждений о характере его застройки и определения специфических черт. А.Н. Бернштам писал о сложении города из отдельных замков согдийской знати, поселившейся здесь в V-VI вв. В VII в. эти замки, согласно А.Н. Бернштаму, пустеют в связи с возведением укрепления на месте центральных развалин, а в VIII-XII вв. здесь сформировался город со всеми составными его частями - цитаделью, шахристаном и рабадом.³⁴

П.Н. Кожемяко считал, что раннесредневековая часть города развивалась постепенно и была связана с переходом жителей из одной части в другую.

На постройках согдийского времени в процессе развития города возникали строения последующих времен. «Длинная стена» возводится в VIII-IX вв.; вся территория, окруженная ею, к этому времени уже была застроена.³⁵ Возникнув и развиваясь как оазис оседлой торгово-ремесленной и земледельческой жизни в зоне обитания крупных племенных групп кочевников, город сохранял аграрные пережитки до XII в.

Свой взгляд на развитие города изложили К.М. Байпаков и В.Д. Горячева.³⁶

Наблюдения на местности позволили им высказать иную точку зрения о формировании раннесредневекового города. Представляется, что, вопреки мнению П.Н. Кожемяко, центральный четырехугольник (шахристаи-2) мог быть древнейшим ядром города. Он застраивался одновременно с возведением отдельных замков за его пределами.

Краснореченская цитадель дает пример типичного замкового комплекса, поставленного на конусовидный стилобат, сложенный из блоков пахсы, которые, в свою очередь, были уложены на естественный

лессовый останец. На площади в 90 кв. м выявлено три строительных горизонта в диапазоне VI-XII вв. К самому нижнему относится раскопанное до уровня пола узкое коридорообразное помещение, перекрытое коробовым сводом.

В 1961-1963 гг. П.Н. Кожемяко продолжил раскопки на участках, где вела исследования Семиреченская экспедиция в 1940 г. Был выявлен буддийский храм VIII-IX вв. со святилищем, обходной галереей и залом-айваном. Под храмом была открыта монументальная постройка замка VI-VIII вв.

Возведение «длинных стен» вокруг поселения, по мнению П.Н. Кожемяко, относится к VIII-IX вв. Они не только являлись крепостными сооружениями, но и символизировали рубежи, своего рода административные границы города.

В топографии городища (это еще более четко проявляется на других оседло-земледельческих памятниках Чуйской долины) отмечены отдельные отрезки стен, пристроенные к ранее существующим.

Таким образом, в VII-IX вв. происходит интенсивное заселение прилегающей к шахристанам территории и застройка ее усадьбами, культовыми и жилыми сооружениями различных религиозных общин, а также ремесленниками и земледельцами.

Застройка в X-XII вв. занимает площадь около 2 тыс. га

Шурфы, заложенные в 1980 г. по всей площади «западной пристройки», выявили культурный слой только караханидского времени с остатками отдельных домов-усадьб XI-XII вв., с характерной глазурированной керамикой и монетами XI-XII вв. Дома горожан располагались довольно близко к крепостной стене, как с внешней, так и с внутренней стороны.

На всей площади города, окруженной длинной стеной, прослеживается застройка различной плотности.

В отличие от шахристана, застройка здесь носила усадебный характер. Четырехугольные в плане дома стоят на сравнительно большом расстоянии друг от друга. П.Н. Кожемяко установил взаимное их расположение в 50-100 м друг от друга. К городищу Красная речка П.Н. Кожемяко относит и остатки построек IX-XII вв. за пределами длинной стены Краснореченского городища - у сел Кенбулунь и Ивановка, считая, что в пору наивысшего расцвета город перерос границы, обозначенные стенами. Все эти постройки были, в свою очередь, также заключены в кольцо длинных валов, протяженность которых составляет более 20 км.³⁷

Городище Кысмычи - город Бунджикет. Центральные развалины размерами с севера на юг 300 м, с востока на запад 400 м, расположены на краю высокой правой надпойменной террасы р. Чу. План города был предопределен сильно пересеченной местностью. Он, по-видимому, рос в несколько этапов, что явилось причиной сложного плана, имеющего форму неправильного четырехугольника. Цитадель находилась близ северо-западного угла, отделяясь от внешней стены небольшим пространством.

Шахристан состоит из двух частей.

Меньшая, восточная часть, с относительно ровной поверхностью; западная, большая, имеет еще одну площадку, резко возвышающуюся над общей поверхностью внутреннего пространства. Площадка примыкает к восточной стене и представляет собой в плане почти правильный четырехугольник. Остальная часть поверхности ее не имеет ярко выраженных рельефных особенностей и значительно понижается к юго-западному углу, здесь был один из главных въездов, открывавшихся в пойму р. Чу. Второй въезд прослеживается в восточной стороне.

Значительное пространство к востоку от центральных развалин, не имеющее выраженных культурных наслоений, окружено стеной. Внешняя длина стен имеет ломаный периметр, ее длина составляет около 10 км. На основе наблюдений за топографией, материалами, возникновение городища относится ко времени VII-VIII вв. Жизнь на нем продолжалась в XI-XII вв.

По аналогии с другими городищами с длинными стенами можно считать, что Кысмычи представляет остатки поселения, возникшего в VII-VIII вв. и просуществовавшего до XIII в.³⁸

Городище Ашпара - город Аспара расположено на берегах старого русла р. Ашпара, ныне заболоченного.

Центральные развалины с мощными укреплениями, стоящие на правом берегу старицы, резко делятся валами на три части и различаются уровнями культурных наслоений. Наиболее возвышенная часть, укрепленная высокими стенами, в плане представляет неправильный четырехугольник. Западной стороной она примыкает к обрыву старого русла и имеет размеры сторон: северной – 186 м, восточной – 170 м, южной – 160 м, западной – 150 м.

В северо-западном углу расположено подпрямоугольное возвышение, ограниченное валами, высота которых меньше внешних валов описываемой части.

Оно является или остатками цитадели, или крупной постройки позднего времени. Убедительными доказательствами поздней перестройки этой части поселения являются рвы (с внутренней стороны вдоль южного и западного валов) и ряд ям (вдоль северного и восточного валов). Догадку о перестройке или возобновлении здесь укрепления подтверждает также ров, проходящий с внешней стороны восточного вала.

Следы перестройки явственно видны только здесь. Возможно, что в тимуридское время была восстановлена только эта часть развалин средневекового поселения. Въезд в нее находился в южной стене.³⁹

К наиболее возвышенной части центральных развалин с востока примыкает вторая. С севера ее стена частично охватывает первую часть, а на юге соединяется с южной пристройкой. Размеры стен: северной – 245 м, восточной – 300 м, южной – 196 м. Эта территория имеет почти плоскую поверхность. С внешней стороны по всему периметру стен идут рвы (глубиной до 2 м, шириной по верху 10 м, по дну – 3 м).

В эту часть поселения вели три въезда; один в юго-восточном углу по пандусу, идущему вдоль южной стены (через ров сохранилась дамба), второй, хорошо защищенный въезд, был у северо-западного угла (пандус этого въезда виден, а дамба через ров размыта), а третий и, по всей вероятности, основной находился в восточной стене. Он был хорошо укреплен выступающим предвратным сооружением. Если быть точным, то два последних входа вели в город через круглую башню - барбакан.

Южная пристройка, размером 74 x 160 м, была сделана позднее. Это подтверждается расположением и тонким культурным слоем. Она значительно врежется в пойму рукава речки, проходившей до постройки у самой стены шахристана, стены ее ниже. Въезд и сейчас очень ясно различается по пандусу и проему в стене у юго-западного угла. От этих ворот шла дамба на западный берег речки, связывавшая западную часть поселения с шахристаном.

Вокруг центральных развалин много остатков построек, раскинувшихся по обоим берегам старого русла Ашпары. Границы их распространения определяются по остаткам стен в виде оплывших валов, которые во многих местах разрушены, но, в общем, прослеживаются достаточно хорошо на всем протяжении и смыкаются, образуя неправильный многогранник, состоящий из небольших отрезков в среднем 40-80 м длиной. Общая же длина внешних стен поселения равнялась 3000 м. В некоторых частях вала хорошо видны бугры башен. Высота вала доходит до 1,2 м, ширина по основанию - 10-12 м.⁴⁰

Городище Мерке. Основная часть укрепления средневекового города Мирки находится на правом берегу р. Карасу в центре современного села Мерке. Городище вытянулось вдоль крутого берега реки и производит внушительное впечатление, особенно в центральной части, на которой возвышается цитадель. Река Карасу представляет собой поток шириной 1,5-3,5 м и глубиной 0,8 м. Ширина речной долины составляет около 80-100 м. В развалинах городища хорошо читаются внешний вал, шахристан. Внешний вал в древности охватывал город с четырех сторон и был ориентирован по сторонам света.

На южной стороне вал срыт, такая же участь постигла и вал вдоль западной стороны, где проходит р. Карасу. Следы ям для добычи глины видны вдоль всего берега. Выборкой глины можно объяснить крутизну обрывов, обнаживших толщину культурных слоев. Сравнительно хорошо вал сохранился вдоль восточной стороны, но лучшую сохранность он имеет вдоль северной стороны. С внешней стороны вала проходит ров.

Само городище в плане представляет собой прямоугольный бугор, вытянутый по линии восток-запад. Северная сторона равна 380 м, восточная - 275 м, западная - 250 м. В юго-западной части городища возвышаются остатки цитадели. Она отделена от шахристана стеной, превратившейся в настоящее время в оплывший, сильно задернованный земляной вал высотой 1,5-2 м. Углы стен укреплены круглыми башня-

ми, еще две башни фланкировали въезд в цитадель в юго-западном углу южной стены. Внутри цитадель имеет вид прямоугольной площадки размерами 110 x 75 м. На ее поверхности видны остатки построек в виде бугров различных форм и размеров. К середине западной стены цитадели примыкает правильной формы прямоугольный холм высотой 4,5 м над общей поверхностью цитадельной площадки. На вершине его фиксируется плоская площадка размерами 17 x 10 м.

Шахристан - в плане неправильный четырехугольный бугор высотой 3 м, окруженный оплывшей стеной. По углам и по периметру его прослеживаются следы башен. Естественной защитой городища с запада являлась р. Карасу с ее крутым правым берегом и болотистой поймой. С северной и восточной сторон шахристана кое-где сохранились остатки рва шириной 15 м. Въезды на территорию шахристана находились с западной и, по-видимому, с восточной сторон.

Территория сельской округи Мирки, примыкающая к центральным развалинам, со всех сторон была окружена «длинными» стенами. Сейчас они почти не сохранились. Лишь в 2,5 километрах к югу от шахристана прослеживается участок вала длиной около 0,5 километра. Высота его 1,5 м при ширине основания 8 м. Территория внутри «длинных» стен занята современными постройками, садами и другими сельскохозяйственными угодьями.

В западной части городища Мерке, на территории шахристана, был заложен стратиграфический шурф, в котором было зафиксировано двенадцать ярусов, включавших время жизни городища в рамках VII-XII вв.⁴¹

Городище Луговое - город Кулан, расположено на северо-восточной окраине с. Луговое (Кулан), на берегу р. Карагуты. Цитадель находится в северо-западном углу центральных развалин. Сейчас это высокий (до 7-8 м) бугор, четырехугольный в плане, с площадкой (40 x 40 м) наверху.

Шахристан представляет собой плоский четырехугольный бугор, имеющий протяженность 350 м с севера на юг и 300 м - с востока на запад. Высота его составляет 2,4-4,5 м. Площадь шахристана была защищена стеной, сохранившей в высоту 4-5 м. Углы стен укреплены круглыми башнями, кроме того, на каждой из сторон, примерно через 30-35 м, также имелись круглые башни. Снаружи городище окружено рвом, сохранившим глубину около 1 м и ширину 15 м. Внутри городища вели два въезда, отмеченные в южной и восточной стенах вала.

К центральным развалинам примыкает территория, окруженная длинной стеной и имеющая овальную в плане форму с диаметрами 5,5 км и 3,7 км. Стена сильно разрушена, но ее конфигурация отчетливо видна на аэрофотоснимках. Внутри стены наиболее плотная застройка прослеживается в восточной и юго-восточной частях территории, где отмечено наличие около 300 усадеб, состоящих из жилой постройки и двора. Выделяются три крупных бугра, относящихся к VI-X вв. Это остатки замков, усадеб и загородного дворца.

Датируется городище VII-XII вв.⁴²

Топография и раскопки городища Актобе Степнинское

Городище находится на границе Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Оно расположено по обоим берегам р. Ак-Су. К западу оно распространяется до р. Кара-Балты и охватывает своими оборонительными сооружениями часть ее поймы.

Центральные развалины стоят на левом высоком обрывистом берегу р. Ак-Су, образуя неправильный пятигранник размером 250 м (с севера на юг) на 300 м (с запада на восток), состоящий из двух, резко отличающихся своей высотой, площадок. Нижняя площадка окружает со всех сторон верхнюю, выступая к югу на 94 м, к востоку на 80 м, к западу на 76 м и к северу на 96 м. С трех сторон ее окружает ров шириной по верху 12 м, по дну – 4 м и глубиной до 1,7 м.

Верхняя площадка в плане представляет неправильный прямоугольник, ориентированный углами по странам света, северо-восточная и юго-западная стороны его равны 150 м, а северо-западная и юго-восточная, соответственно, 100 м. Она поднимается над нижней площадкой на 6 м. Наиболее возвышенная часть находится в южном углу, восточнее ее виден проезд, проходящий через всю площадку, заметный также и на нижней площадке.

Жизнь была сосредоточена и на территории вокруг центральных развалин, покрытых почти сплошь различной величины буграми - остатками построек. Эта территория окружена стеной, достигавшей в длину 15 км.

При обследовании этой территории установлено, что только в ее южном секторе, на террасах, а также в широкой пойме Ак-Су и к северу от поймы нет ясных следов построек; остальное же пространство имеет следы застройки разной плотности и характера.

Рис. 87. Центральная часть городища Актобе Степнинское

В северо-западном секторе преобладают одиночные холмы, отстоящие друг от друга на 25-80 м, но чаще всего через 40-50 м. Иногда такие изолированные бугры тянутся цепочкой, напоминая развалины домов одного ряда улицы. Ближе к центру местами прослеживаются сильно оплывшие холмы, стоящие тесно друг около друга, составляя слитный массив, и взаимоотношение их определить трудно.

В иных местах ясно видна застройка отдельными прямоугольниками - усадьбами (размерами от 25 x 50 и до 40 x 50 м), с остатками стен по всем четырем сторонам и с холмом в одном из углов. Валы, огораживающие их, имеют высоту 1,0-1,5 м и ширину по основанию 6-8 м.

Пятнадцатикилометровый вал, огораживающий застроенную территорию, и поныне выглядит внушительно. Его высота превышает 3 м, достигая в некоторых местах 3,5 м, а ширина по основанию равна 18-20 м. С наружной стороны вала виден ров шириной 8-10 м, глубиной 0,6-0,8 м.

Поперечный разрез через вал показал, что он является сильно оплывшей стеной, плотно сбитой из лёссового суглинка, шириной 4,4 м, в высоту она сохранилась на 2,5 м. Судя по мощности наплывов, можно предположительно считать, что первоначальная высота стены достигала 5-6 м.

Кроме вала, окружающего застроенную часть, зарегистрировано еще несколько валов, значительных по своей протяженности.

Так, на расстоянии 0,3-2 км от описанного 15-километрового вала «концентрически» идет второе кольцо длиной 23 км. Вал окружает большое пространство по правому берегу р. Ак-Су, переходит на ее левый берег, частично достигая поймы р. Кара-Балты. Высота его 1,3-1,6 м, ширина по основанию - до 12 м. Между первым и вторым валами проходят несколько поперечных отрезков, делящих пространство, окруженное вторым кольцом, на несколько секторов.

К левобережной части второго, 23-километрового вала, примыкает еще несколько полуколец валов. Один из них, длиной 5 км, охватывает пойму р. Кара-Балты и идет сначала двумя отрезками по подножью ее берегов, затем вдоль северной околицы с. Степного, пересекая ее. Этот вал также был прорезан траншеей, показавшей, что он был насыпным и никаких признаков стены не обнаружено.

Второе полукольцо, длиной 5,5 км, начинаясь от юго-восточного пункта первого (от берега поймы р. Кара-Балта), поднимается на высокие холмы и идет сначала на юго-восток, затем на северо-восток и доходит до поймы р. Ак-Су, не переходя на ее правый берег.

Третье и четвертое полукольца окружают значительные территории левого берега р. Кара-Балты. Они имеют одну общую сторону - отрезок, спускающийся в пойму и доходящий до второго кольца. Длина их прослеженной части 4 и 3,5 км. Южный и северный концы их сильно распаханы и теряются.

Таким образом, наблюдается тенденция окружения валами как пойм двух рек, так и значительных земельных угодий вдоль их берегов.

Все стратиграфические материалы и топографические данные позволяют сделать заключение, что Степнинское городище возникло не ранее VIII в. и существовало, как и все поселения Чуйской долины, до конца XII – начала XIII вв.⁴³

На цитадели, шахристане Актобе и на территории, окруженной «длинной стеной», проведены раскопки.⁴⁴

*Раскоп 3 на шахристане городища Актобе.*⁴⁵ В раскопе выявлены строительные конструкции верхнего строительного горизонта, датированного XI-XII вв. В результате раскопок на широкой площади удалось выделить отдельные помещения и объединить их в дома. *Дом № 1* состоит из пяти помещений. Вход в него ведет через тамбур – помещение 2. Высота стен колеблется от 20 до 70 см, они сложены из пахсовых блоков размерами 40-50 x 60 см с наклонными швами, а так же чередующихся рядами сырцовых кирпичей размерами 37 x 38 x 19-20 x 8-9 см; 50 x 19-20 x 8-9 см.

В центре помещения имелся овальный очаг диаметром 60 см и очаг с диаметром устья 45 см. Два входа связывают помещение 1 с помещениями 3 и 5. Размеры входных проемов 1,5 м.

Помещение 5 прямоугольной в плане формы, имеет размеры: длину - 6,1 м, ширину - 5,2 м. Большая часть комнаты занята глинобитной суфой «Г»-образной формы.

Очаг находился в центре помещения, он прямоугольной в плане формы с бортиком по периметру 40 x 30 см.

Стены помещения сохранились на высоту 40-60 см, сложены из сырцовых блоков и рядов сырцового кирпича. Помещение имеет входной проем шириной 1,1 м, связанный с комнатами 1 и 3. Помещение 5, судя по планировке, жилое.

Помещение 4 сравнительно небольшого размера, длина его составляет 4,7 м, ширина – 3 м. Судя по наличию двух тандыров, большому количеству найденных здесь костей домашних животных, обилию керамики это помещение дома было кухней. Помещение имеет проход, ведущий к помещению 3. Помещение 3 и 2 подобного типа. Они небольшого размера и не имеют следов очагов, тандыра и др.

Дом 2. Помещение 6 имеет размеры 5,1 x 5,2 м. Сохранились стены толщиной 95 см, высотой 25 см. В середине помещения находится переносной очаг диаметром 70 см. Сохранилась суфа шириной 3,2 см, расположенная вдоль стены. У края суфы находилась каменная глыба размерами 25 x 125 x 25 см.

Помещение 7 прямоугольной в плане формы, имеет длину 8,95 м, ширину - 5,35 м. Стены его сложены из сырцовых кирпичей размерами 37 x 3-7 x 20-21 см, 39 x 3-7 x 22 см. У западной стены находится тандыр диаметром 50 см, глубиной 27 см. Возле тандыра найден медный сосуд. В юго-западном углу найден очаг-сандак диаметром 1,45 м. В северо-восточном углу, где помещение имеет обширный проход, находилась площадка очага размером 60 x 80 см, вымощенная из жженных

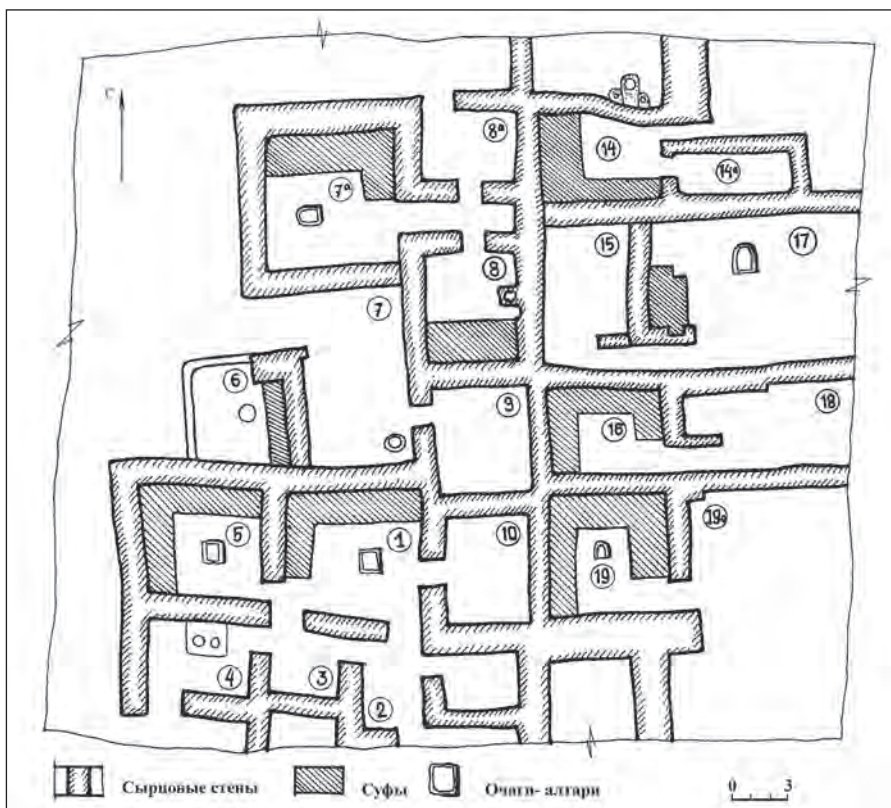

Рис. 88. Городище Актобе. Раскоп 3. План с коррективами

кирпичей. Около площадки найдены два железных котла. От восточной стены на расстоянии 1,2 м и 3,9 м обнаружены остатки стен из жженого кирпича размерами 22 x 22 x 4-5 см. Рядом найден клад караханидских медных монет, насчитывающий 3057 экз. Собрана богатая коллекция медных и керамических изделий, здесь также найдены чашечки весов того же времени. Рядом с кладом найдены керамические бокал, чаша и светильник-чираг.

Помещение 7а. Внутренние размеры помещения: длина 5,5 м, ширина 2,6 м, почти все помещение занято суфой шириной 1,8 м. Край суфы вымощен сырцовыми кирпичами, размеры которых составляют 38 x 7-8 x 22 см, 40 x 20 x 9-10 см. Помещение не имеет западной стены, поэтому представляется вероятным, что это был айван.

Помещения 6, 7 и 7а выходят в общий двор. Он имеет размеры с востока на запад (от западной стены помещения 7б до восточной стены помещения 5) 12,3 м; с юга на север (от помещения 7 до края раскопа) - 11,8 м.

Помещение 8 расположено к югу от помещения 7. В плане прямоугольное, размерами 5,5 x 4,4 м, вдоль северной и западной стен устроены суфы. Ширина суфы у северной стены - 1,2 м, у западной стены - 2,1 м. У южной стены в 40 см от края суфы расположен тандыр размера-

ми: диаметр устья 60 см, высота 45 см, диаметр дна - 36 см. Помещение имеет проход шириной 1,1 м, ведущий в коридор между помещениями 8 и 8а. Коридор длиной 5,3 м, шириной 1,3 м выходит во двор. Западнее коридора расположено помещение 8а. Оно прямоугольное, размерами 5,4 x 4,1 м. На полу найдены три целых керамических кувшина разных размеров. В северо-восточном углу обнаружена уникальная находка, по-видимому, печать.

Печать представляет собой мраморную статуэтку на постаменте, на обратной стороне которого выполнена печать. Статуэтка изображает фигуру животного (собака или лев). Отчетливо прослеживается голова с плоской мордой, уши, глаза обозначены точками.

Помещение 9 прямоугольной формы, размерами 5,2 x 4,8 м. Стены сложены из сырцового кирпича, пол уровнем ниже помещения 8. Стены сохранились на высоту 1,1 см.

Дом 3 состоит из помещений 14, 14а. *Помещение 14* имеет прямоугольную форму, размеры его 3,7 x 4,1 м. Вдоль двух его стен расположено суфа, ширина которой соответственно 0,8 и 1,7 м, высота - 0,4 м.

Помещение имеет проход шириной 0,8 м и связано с помещением 14а.

Помещение 14а имеет длину 5,7 м, ширину 4,1 м. Форма его коридорообразная. У восточной стены найдены три жернова. Судя по всему, это было хозяйственное помещение.

Дом 4 состоит из двух помещений - 15 и 17.

Помещение 15 прямоугольное, размерами 6,4 x 4,2 м. В восточной части комнаты находилась суфа шириной 1,6 м. Суфа, как и в других помещениях, по краю обложена сырцовыми кирпичами в один ряд.

Рис. 89. Раскоп 3. Помещение 15. Дастархан и очаг

У края суфы расположен очаг-тандыр. Рядом лежал дастархан, диаметр его 73 см, толщина 7 см. Рядом с дастарханом на глиняной подставке стояли чаши, горшки, кувшинчики.

Помещение 17 прямоугольной в плане формы, имеет размеры 10 x 6,7 м. У северной стены его имеется небольшая суфа размерами 2,6 x 1,7 м. Рядом с суфой в северо-восточном углу помещения находилась свалка из керамических труб. Под водопроводными кубурами в самом углу помещения найден хум. В юго-западном углу находился жернов диаметром 58 см. Почти в середине помещения лежал жернов диаметром 1,3 м. Здесь же найден разбитый кувшин и фрагменты металлического котла. Около жернова найден железный топор.

Дом 5 состоял из двух помещений 16 и 18.

Помещение 16 имеет квадратную в плане форму, размером 4,2 x 4 м. Оно имеет два строительных горизонта. Первый строительный период связан с нижним полом. Первоначально помещение 16 было связано проходом в северо-восточном углу с помещением 15, шириной 1,1 м. Позже проход закрыли, пристроив восточную стену и новый проход в юго-восточном углу (0,8 м), связанный коридором с помещением 18.

Во втором строительном периоде толщина восточной стены удваивается (1,7 м). К этому периоду относится очаг, тандыр и жернов.

Помещение 18 имеет размеры 2,4 x 4,10 м. Южная стена не прослеживается, конец двора выходит за пределы раскопа. Сохранились стены высотой 0,5-0,8 м (кроме северной стены).

Дом 6 состоит из помещений 19 и 19а.

Помещение 19 имеет почти квадратную форму 5,5 x 4,9 м и отстроено четырехсторонними суфами. В центре помещения находится керамический очаг-алтарь. Размеры очага: длина 56 см, ширина

Рис. 90. Раскоп 3. Помещение 19

38 см, в середине имеет отверстие диаметром 10 см. Толщина стенок керамического очага-алтаря - 2,5 см.

Раскоп 3 можно разделить на две части - северную и южную. Судя по постройке, можно выделить два квартала. Северный квартал, где все постройки - многоквартирные дома (пом. 1, 2, 3, 4, 5) и помещения 6, 7, 7а и 8 с общим большим двором, расположенным на сравнительно возвышенном месте. В этих зонах при раскопках найдены богатые находки.

Раскопки усадеб в округе Актобе Степнинское.

Группа из трех больших усадеб, названных соответственно Актобе 1, 2 и 3, которая находится в одном километре южнее центральных развалин городища *Актобе I*, состоит из жилого комплекса и двора, окруженного стеной. Основной бугор высотой 5 м и диаметром основания 24 м вытянут с запада на восток.

В северо-западном углу расположен овальный бугор, к которому примыкает вытянутое вдоль стены еще одно продолговатое всхолмление. Юго-восточная часть его занята двориком с впадиной от хауза в центре. Усадьба и дворик обнесены стеной. Площадь защищенного участка, имеющего в плане квадратную форму, составляет 0,4 га. Стена, превратившаяся в вал, сохранилась на высоту 1,3 м. Вход в усадьбу вел с южной стороны.

Актобе 2 состоит из жилой части и дворика, окруженных стеной, и обвалованного земельного участка. Общая площадь усадьбы равна 1,4 га. На жилую часть дворика приходится 0,4 га. Остатки жилого комплекса имеют вид вытянутого с севера на юг бугра длиной 25 м и шириной от 10 до 20 м. Бугор вписан в дворик размерами 55 x 55 м, окруженный стеной. Высота стены 2-2,5 м при ширине основания 10 м.

По углам ее устроены круглые в плане башни. Въезд внутрь усадьбы устроен в восточной стене со стороны магистральной улицы, пересекающей городище с юга на север. В восточных и южных стенах прослеживаются следы арыков, которые подходят к хаузу.

Актобе 3 вместе с обвалованным участком занимает площадь 1 га, из которой 0,7 га заняты приусадебным участком, примыкающим к жилой усадьбе с запада. Жилая часть комплекса - это бугор, вытянутый с востока на запад, с основанием 50 x 30 м. Въезд прослеживается в восточной части, к бугру примыкает дворик, окруженный стеной (50 x 40 м). В центре дворика - хауз в виде подквадратной в плане западины (15x10 м). К нему подходил арык, пересекающий весь участок по диагонали. Еще одно ответвление арыка прорезает весь участок и сбрасывается в пойму Ак-Су.

Города Таласской долины

В настоящее время в Таласской долине зафиксировано 6 городищ с длинными стенами на территории казахстанской части долины и 6 городов на кыргызской территории.

Кроме того здесь же находится около 80 тортколей.⁴⁶

Часть тортколей безусловно является остатками городов, возникших в IX-XII вв., другие были ставками правителей, крепостями, караван-сараями.

Столичным городом был Тараз - самое крупное в долине городище. Это касается центральных развалин и территории, окруженной длинными стенами. К числу крупных городищ относятся так же Костобе, Садыр Курган и Актобе Таласское, отождествленное соответственно с городищами Джамукат, Шельджи и Текабкетом.

К числу средних и небольших городищ относятся Тортколь Таласский, Бектобе, Каракемир I и II, Чольтобе, Жайляудутобе, Актобе Орловское, Чалдовар. Они отождествляются с городами Нижний Барсхан, Джувикат, Адахкет и Дех-Нуджикес, Сус.

Городище Тортколь Таласский - город Нижний Барсхан. Городище имеет в плане вид прямоугольника, ориентированного по сторонам света, и состоит из трех частей: средней - высокой, подквадратной формы; верхней и двух более низких бугров с площадками наверху. Общая длина всего городища 310 м и средняя ширина 140 м.

Средняя часть городища - шахристан - окружен со всех сторон валом, возвышающимся на 1-1,5 м над замкнутой валом площадкой - внутренним двором.

Вал имеет ряд холмов - тобе, остатков башен.

Одна башня имеется с восточной стороны; она расположена примерно в середине вала; с севера от башни - следы въезда с восточной площадки. С южной стороны расположены четыре башни, из них две угловые, более высокие.

На вершине холма, находящегося на юго-западном углу городища, имеется неглубокая (0,5 м) воронка диаметром до 2 м, в середине вала с

Рис. 91. Раскопки городища Тортколь

Рис. 92. Раскопки городища Тортколь

западной стороны фиксируется один холм, по всей вероятности остатки башни, охранявшей въезд с западной площадки.

Северо-западный угол шахристана представляет собой наиболее возвышенное место городища и имеет вид тобе с плоской вершиной, близкой к квадратной форме, размером 30 x 30 м

К середине северного вала с внутренней стороны примыкает площадка размером 40 x 40 м, ограниченная с трех сторон валом высотой 0,5 м и шириной до 2 м.

Въездов было два: один с восточной площадки, охранявшийся башней, и другой с западной площадки, причем западный въезд имел двое ворот по обе стороны башни. Южные вали непосредственно в шахристан, северные - в цитадель. Восточная площадка находится почти на одной высоте с окружающей местностью, но ограничена с трех сторон (за исключением стороны, примыкающей к шахристану) земляным валом высотой около 2 м и шириной 3-4 м. В середине восточной части вала имеется холм высотой до 4 м, вероятно, остатки башни, охранявшей въезд.

На восток от городища расположены холмы, идущие в несколько рядов с запада на восток.

Расшифровка аэрофотоснимков и крупномасштабных карт позволила выявить вокруг центральных развалин остатки длинной стены, окружающей территорию, отступающую от центральных развалин на расстояние 1,5-2 км.⁴⁷

Раскопки Т.Н. Сениговой, проведенные в 60 годах XX вв. на цитадели городища, выявили группу прямоугольных и квадратных в плане помещений. На полах расчищены открытые очаги и рядом каменные вымостки. В одном из помещений была обнаружена площадка разме-

рами 2,5 x 3,7 м, облицованная розовым кыром (алебастром). Рядом с площадкой находился вкопанный в землю хум высотой 1,0 м и диаметром тулова 0,7 м. По мнению автора, это были остатки винодельни X-XII вв.⁴⁸

Раскопки на шахристане выявили несколько жилых и хозяйственных построек с очагами открытого типа и тандырами. Комплекс построек на шахристане датируется VIII-IX вв.

Удалось также расчистить участок крепостной стены, сооруженной из пахсы. Толщина стены в основании достигала 5,5 м, сохранившаяся высота - 1 м.

В результате раскопок 2005 г. на цитадели был исследован жилой комплекс.

Самым большим по площади оказалось помещение 1, стены которого сложены из прямоугольного сырцового кирпича размером 35 x 22-23 x 8 см. Юго-западный участок пола вымощен каменными плитами, которые встречены и в других частях помещения.

Выявлены четыре последовательно сменяющихся строительных горизонта, относящихся к X-XII вв. Сооружение построек каждого из них сопровождалось перестройками и изменениями планировки помещений.

В северном углу помещения находится квадратный в плане заком, сооруженный из кирпичей, поставленных на ребро. Здесь найдены четыре больших сосуда (хума), врытых в пол.

У восточной стены расчищен напольный очаг прямоугольной формы. Перед топочным отверстием очага находится небольшое углубление, заполненное золой. Оно ограждено обожженными плитами, поставленными на ребро.

К северо-восточной стене *помещения 4* примыкала платформа, сложенная из каменных плиток прямоугольной формы (1,0 x 0,4 м, высотой 0,4 м). На полу *помещения 2* обнаружены крупные куски обгоревшего дерева, очевидно, остатки рухнувшей кровли.

Помещение 5 имеет вид вытянутого прямоугольника размером 3,9 x 7,4 м. На полу вдоль северо-восточной и юго-восточной стен прослеживается суфа. Восточная часть пола помещения была вымощена кирпичом, здесь находился очаг. При более поздней перестройке он был разрушен.

Керамика является основным и количественно преобладающим материалом, и единственным критерием для датировки.

Основная масса керамических изделий изготовлена на гончарном круге.

В целом комплекс керамики относится к VIII-IX – XII вв.

Городище Костобе - город Джамукат (Хамукат). Городище находится на правом берегу р. Талас напротив села Сарыкемир (бывш. с. Михайловка). Топография городища может быть охарактеризована следующим образом: центральные развалины городища Костобе представляют собой подпрямоугольный в плане возвышенный участок

(420 x 450 м), обнесенный по периметру двойной стеной с башнями, рвом между стенами и рвом за внешней стеной. Внутри городища вело четверо ворот, от них сохранились разрывы в стенах.

Развалины Костобе имеют признаки крупного городского центра. Цитадель расположена у середины западной стены городища. Сейчас это пирамидальный холм с плоской площадкой наверху.

Размеры холма в основании – 70 x 80 м, высота - 12-15 м. Въезд на территорию цитадели вел через ворота в западной стене. На цитадели изучена дворцовая постройка. Она существовала с перестройками с VIII по XII вв.⁴⁹

«Шахристан 1» примыкает к цитадели и занимает весь юго-западный угол городища. Размеры его – 150 x 150 м. От остальной части городища «Шахристан 1» отделен стеной. Въезд на территорию шахристана располагался в северной стене. Он был общим и для цитадели.

«Шахристан 2» представляет собой подпрямоугольный в плане возвышенный участок (420 x 450 м), обнесенный по периметру двойной стеной с башнями, рвом между стенами и рвом за внешней стеной.

Рис. 93. Городище Костобе. Аэрофото

Высота внешнего вала - 3,5 м, внутреннего - до 5 м. Выходы башен сохранились на высоту до 3,5 м. «Языки» башен снаружи выступают на 16-18 м. Внутри городища вело четверо ворот, от них сохранились разрывы в стенах.

«Некрополь 1» расположен к северу от ворот. Это подпрямоугольный бугор, на котором четко выделяется овальный холм размерами 10 x 7 м и высотой 5 м. К холму с восточной и северной сторон примыкает площадка со стороной 20 м.

«Некрополь 2» находится в 70 м северо-западнее «Некрополя 1». Он представляет собой бугор подтреугольной формы с отдельными куполообразными выходами. Бугор примыкает снаружи к северному участку внешнего вала. Исследования на «Некрополе 2» показали, что большинство захоронений совершалось в наусах - погребальных постройках прямоугольной и квадратной формы, сооруженных из сырцового кирпича. В 200 м севернее шахристана располагается куполообразный бугор (храм огня) диаметром 80 м и высотой 15 м.

Городище Бектобе - город Джувикат находится на территории одноименного села. Представляет собой двухъярусный бугор подтреугольной формы с верхней площадкой в форме трапеции. Высота его 6 м, размеры с севера на восток - 120 м и с севера на запад - 30 м. На всех четырех углах имелись башни. Нижняя площадка (45 x 40 м) высотой 2,5 м вытянута с СЗ на ЮВ. Вокруг городища находится территория, окруженная длинной стеной, от которой сохранились отдельные участки.

Датируется городище VII-XII вв.

Городища Каракемир I и II - города Адахкес и Дех-Нуджикес находятся в 2 км к юго-западу от села Каракемир. Внутри общей длинной стены выявлены два городища - тобе. Один из них прямоугольной формы, двухъярусный, ориентированный углами по сторонам света. Размеры верхней площадки 100 x 130 м, высота 7 м; нижней -

Рис. 94. Городище Каракемир I

60 x 160 м, высота - около 3 м. Второй бугор подтреугольной формы, двухъярусный. Размеры верхней трапецевидной площадки 120 x 30 м, высота - 6 м; нижней - 45 x 40 м, высота - 2,5 м. Вокруг городища на расстоянии примерно около 1 км сохранились остатки длинных стен.⁵⁰ Датируется городище VII - началом XII вв.

Городище Джувантобе - город Атлах.⁵¹ На границе Казахстана и Кыргызской Республики по обе стороны дороги Тараз - Талас находится комплекс развалин средневекового городища, получивший у местного населения название Джувантобе. В топографии его выделяются центральные развалины и территория с постройками, окруженная длинной стеной.

Центральная часть состоит из холма цитадели и примыкающего к нему четырехугольника шахристана. Цитадель имеет размеры по линии север-юг 140 м, по линии запад-восток 280 м.

Цитадель состоит из двух частей: западной и восточной, разделенных впадиной-двором. Восточная часть имеет наибольшую высоту (до 4 м). В юго-западной части ее находится котлован размерами 35 x 18 м, который, вероятно, является остатками хауза, питавшегося подпочвенными водами. В настоящее время достаточно четко прослеживаются три въезда.

Шахристан, примыкающий к холму с цитаделью, подпрямоугольной первоначально формы, ориентирован сторонами по странам света, но со значительными отклонениями. Его размеры: по линии север-юг - 290 м, по линии запад-восток - 230 м. Менее четко выражена застройка в округе центральных развалин. Здесь холмов меньше, но на пашне, на протяжении свыше 0,5-1 км, находится множество подъемной керамики.

Обширная площадь со следами обжитости находится за пределами центральной части поселения. При обследовании округи городища Джувантобе была обнаружена оборонительная стена, остатки которой отмечены к югу и к юго-западу от центральной части городища Джувантобе на расстоянии 1,5-2,7 км от нее.

Сохранился участок вала общим протяжением 2-3 км.

На городище Джувантобе были осуществлены стратиграфические раскопки в разных местах на цитадели, на буграх к югу от центральной части.

Шурф на холме с цитаделью площадью 10 кв. м прорезал культурные напластования, достигающие толщины 5,8 м.

Три верхних слоя дали керамику IX-XII вв.

Шурфы на трех топографически различающихся частях поселения позволяют наметить основную линию развития поселения Джувантобе. Первоначальное поселение возникло в VII-VIII вв. и продолжало жить в IX-XII вв.⁵²

Городище Садыр-Курган - город Шельджи.⁵³ На левом берегу р. Талас, там, где начинается ущелье Большая Капка, находится городище, известное под названием Садыр-Курган. В этом месте р. Талас

имеет правый скалистый берег, над которым поднимаются высокие голые, почти без всяких признаков растительности горы. Левый берег низменный, во многих местах распахан. Вверх по течению она достигает нескольких километров ширины, ближе к ущелью Большая Капка сужается до нескольких сот метров, а близ самого ущелья пропадает совершенно. В месте, где терраса сжата холмами и поймой р. Талас, находятся развалины Садыр-Кургана.

Городище имеет большие размеры, развитую систему укреплений и хорошую сохранностью некоторых его частей.

Цитадель расположена на самом краю террасы, возвышаясь над поймой на 16 м, стороны ее образуют восьмиугольник.

На углах выступают башни, которые отстоят друг от друга на 30 м. Длина площадки цитадели наверху с севера на юг – 80 м, ширина – 45-50 м, длина по основанию – 125 м, ширина – 75 м.

В юго-западном углу цитадели находился въезд, который фланкирован двумя буграми башен, отстоящих друг от друга на 5 м.

Цитадель включена в четырехугольное укрепление шахристана. Стороны его ориентированы по странам света. Длина восточной стороны 235 м, южной – 260 м, западной – 180 м. Вал без башен. В середине каждого вала имеются следы въездов.

Первый вал начинается у северо-западного угла шахристана и идет вдоль края террасы на протяжении около 300 м, затем поворачивает на юг и тянется до следующего поворота на 400 м, далее идет на юго-восток и поднимается на мысообразный выступ.

Территория, охваченная валом, тянется с востока на запад примерно на 900 м, а с севера на юг – на 700 м, площадь ее около 60 гектаров.

Приблизительно в 1,5 км от первого укрепления со всех сторон проходит еще один вал.

Подъемный материал на территории Садыр-Кургана представлен керамикой. Много фрагментов чаш с поливой и прорезным орнаментом. Встречается гладкая зеленая полива и голубая от светлого тона до густого.

Так же были найдены монеты тюргешские, караханидов, тимуридские, они свидетельствуют о жизни поселения в VIII-XV вв.

Городище Садыр-Курган является остатками одного из крупных средневековых городов Таласской долины, возникшего не позже VIII в. и просуществовавшего до XV в.⁵⁴

Городище Актобе (Орловское) – город Куль. Городище расположено на правом берегу р. Урмарал. Оно состоит из трех частей: цитадели, шахристана со сложной внутренней планировкой и пригорода. Шахристан представляет собой в плане неправильный шестиугольник. Длина северной стороны равна 270 м, восточной – 207 м. Он окружен стеной, укрепленной башнями, вынесенными за ее линию. Башни сохранились по одной у каждого из четырех въездов (два с северной стороны, один – с южной и один – с восточной).

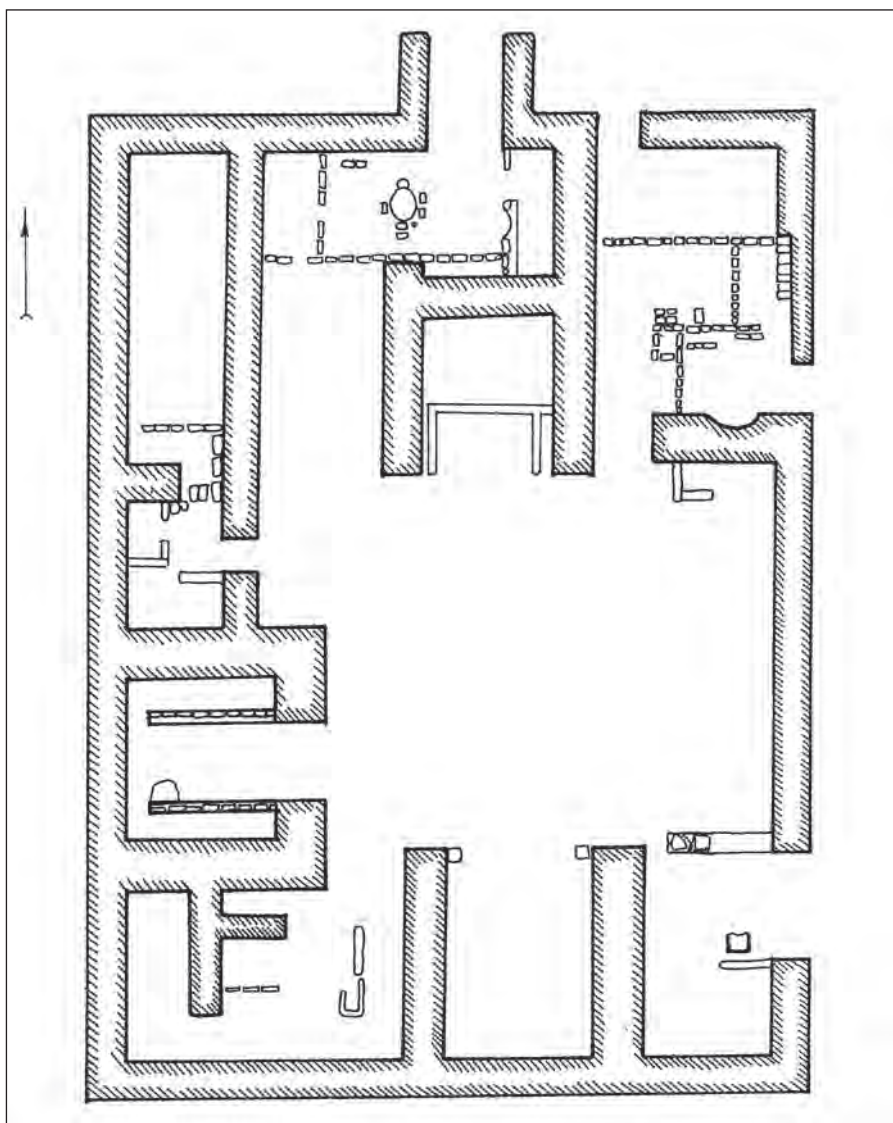

Рис. 95. Городище Актобе Орловское. План дома в пригороде

Цитадель, расположенная в юго-западном углу шахристана, представляет собой массивный бугор, четырехугольный в плане, с округлыми углами. Размеры его в основании – 75 x 45 м, высота - 7,5 м. Верхняя площадка бугра ровная, прямоугольной формы размерами 20 x 10 м. С северной стороны к цитадели примыкает четырехугольная площадка размером 50 x 50 м, высотой около 1 м. В шахристане выделяется восточная половина, где был сосредоточен большой комплекс строений, разделенный улицей, идущей от въезда.

Пригородная часть почти полностью распахана. Сохранились лишь остатки построек в виде бугров. Подъемный материал, в основном IX-XII вв., встречается повсеместно, что свидетельствует о засе-

лении всей территории пригорода. Пространство вокруг шахристана являлось своего рода «центром», там были сосредоточены ремесленные и торговые кварталы. Эта часть пригородов была заселена особенно плотно. Район вблизи вала составлял «городскую окраину», построек здесь значительно меньше, большая часть площади, вероятно, была занята садами, огородами и участками посевов.

Шурф на шахристане прорезал культурный слой мощностью 4,35 м, включая и слой XI-XII вв.⁵⁵

Городище Актобе Таласское – город Текабкет. Оно расположено по обоим берегам р. Талас. Основная его часть стоит на правом берегу. На левом берегу прослежены участки, окруженные отрезками длинной стены.

Террасовидная площадка центральных развалин в плане имеет неправильную конфигурацию, ее общие размеры по линии север-юг 400 м, по линии запад-восток - 540 м.

Верхний ярус, занимающий центр площадки, составляет цитадель с двором и прилегающий к ней с разных сторон комплекс, вероятно, постепенно пристраивавшихся сооружений. Верхний ярус со следами мощных укреплений возвышается над нижним ярусом.

Сама цитадель представляет холм, возвышающийся над поверхностью нижнего яруса центральных развалин. Она имеет форму усеченной пирамиды с размерами по основанию 50 x 55 м и по верху 30 x 35 м.

Нижний ярус центральных развалин имеет сглаженную поверхность. По обводу нигде не видно следов стен. Возможно, что они в последнее время жизни Актобе потеряли свое значение, не поддерживались и сравнялись с общим уровнем культурного слоя поселения.

Видны следы трех въездов: с западной стороны, с восточной и в северо-западном углу. Восточный въезд имел предвратное оборонительное сооружение, от которого сохранился холм, выступающий за общую линию террасы. Северо-западный въезд не имеет предвратных укреплений, но имеет четко просматриваемый пандус. Можно отметить следы улицы, пересекающей всю площадку от восточного въезда к западному.

Массив центральных развалин с северо-западных сторон опоясан отчетливо видимым рвом шириной до 20 м и глубиной до 2,0 м.

Площадь, прилегающая к центральным развалинам, на расстоянии от 0,5 км до 1,0 км огорожена валом высотой до 3,0 м и шириной по основанию до 20,0 м, который виден только на правом берегу. Общая протяженность вала 4,0 км. Оба его конца прослеживаются только до края надпойменной террасы Таласа.

Наиболее вероятно предположение, что обжитая часть поселения и оборонявшая его первая длинная стена находились только на правом берегу. Большую часть площади, окруженной валом, давно распахивают под посевами.

Отдельные островки, нетронутые пахотой, все без исключения имеют следы застройки.

В пределах первой длинной стены, к востоку от центральных развалин, сохранилась еще одна группа крупных холмов.

Значительных размеров холмы расположены у восточного участка дуги первой длинной стены. Это одно из мест, свидетельствующее об обжитости всей площади внутри первой стены. Менее четко выражены следы застройки вдоль западного отрезка дуги первого длинного вала.

Второй внешний вал, как отмечалось, сохранился на обоих берегах Таласа. Площадь, которую он огораживает, составляет не менее 15 кв. км.

Тот факт, что стеной охвачено пространство по обоим берегам Таласа, говорит о том, что население Актобе было заинтересовано в защите не только земель, пригодных для орошения, но и лесистой широкой поймы. Охрана пойменных мест близ населенных пунктов известна на ряде поселений Чуйской долины.⁵⁶ При той большой роли в занятиях жителей Актобе, которую играли ремесла (особенно металлургическое производство), это обстоятельство представляет значительный интерес.

Пространство между первой и второй длинными стенами почти не имеет следов застройки. В северном секторе его сохранилась группа из нескольких холмов.

Таким образом, городище Актобе представляет остатки средневекового города, имевшего кроме укрепленного центра еще две оборонительные линии, одна из них окружала плотно застроенную территорию (около 200 га), вторая - пространство (около 1500 га), основная часть которого не была застроена.

Раскоп № 1 площадью 6 х 6 м был заложен на центральных развалинах. Наблюдения за стратиграфией наслоений позволили выделить четыре строительных горизонта. Первый (верхний) горизонт - от дернового слоя и до глубины 1,1-1,2 м; верхний горизонт характеризуется в основном наличием высококачественной станковой керамики и посудой с поливой и подглазурной полихромной росписью, типичной для X-XII вв. Встречаются фрагменты стеклянных изделий. Второй строительный горизонт, начинаясь на глубине 1,1-1,2 м, продолжается до основания стен, лежащих на глубине 2,0-2,3 м. Пахсовая стена уходит под южный срез раскопа, в раскопе была зачищена часть ее.

Этот горизонт относится к более раннему периоду, к IX-X вв. Третий строительный горизонт начинается от основания стен предыдущего горизонта (на глубине 2,0-2,3 м) до пола и основания стены в северо-восточном углу раскопа на глубине 3,3 м, являющимися его нижней границей. Керамика позволяет датировать третий строительный горизонт VIII-IX вв.

Таким образом, в раскопе № 1 на центральных развалинах получены данные, позволяющие утверждать, что жизнь на этой части городища Актобе возникла не позже VIII в. и продолжалась непрерывно до начала XIII в.

Раскопкам подвергнута площадь отдельного высокого холма городища. Интересен усадебный комплекс, состоящий из дома и двора. Дом, имеющий «гребенчатую» планировку, богатый интерьер помещений с резным штучком и резьбой, датируется X-XII вв.

Центральная часть поселения была обжита в основном уже в VIII-XII вв.

Разрастание его за пределы центра относится к VIII-IX вв. и затем к X-XII вв. В VIII-IX вв. сооружаются оба кольца длинных стен.⁵⁷

Топография и раскопки городища Тараз

Топография Тараза. После исследований А.Н. Бернштама и Т.Н. Сениговой топография города была отражена в обобщающей историко-топографической схеме, где его план показан в форме правильного прямоугольника, а формирование и развитие в VI-XVI вв. рассматривается как путь сложения типичного среднеазиатского города с трехчастным делением.⁵⁸ Однако археологических данных для подобных выводов явно недостаточно.

Реконструкция исторической топографии Тараза связана с рядом трудностей. После запустения Тараза средневековое городище было занято и разрушалось кокандской крепостью, затем городом Аулие-Ата. В дальнейшем территория Тараза была скрыта застройкой г. Джамбула-Тараза. В результате были уничтожены многие важные элементы средневекового микрорельефа. Основными источниками материалов для восстановления структуры города, его размеров становятся археологические раскопки, а также сохранившиеся топографические элементы городища, обозначенные на старых планах.

Комплексный учет всех этих источников способствовал воссозданию исторической топографии Тараза.

Источником изучения топографии Тараза можно считать «Схему бугров в черте города Аулие-Ата», составленную в 1894 г. В.П. Лаврентьевым.⁵⁹

На схеме отмечены многие топографические элементы городища Тараз, не сохранившиеся до наших дней, но важные для реконструкции структуры средневекового города.

Из схемы В.П. Лаврентьева, в частности, можно узнать о наличии у Тараза тройного ряда «длинных стен».

Они располагались концентрически вокруг центральных развалин, ограждая территорию пригорода или округи, прилегающую к центральным развалинам, на левом берегу реки Талас. Длинные стены сохранились отдельными отрезками протяженностью от 5 до 7,5 км.

На плане В.П. Лаврентьева вокруг шахристана в пределах длинных стен обозначено множество холмов - остатков средневековых усадеб и замков. Существование здесь в прошлом построек VI-XII вв. подтверждается находками, полученными при строительных работах, а также при раскопках.

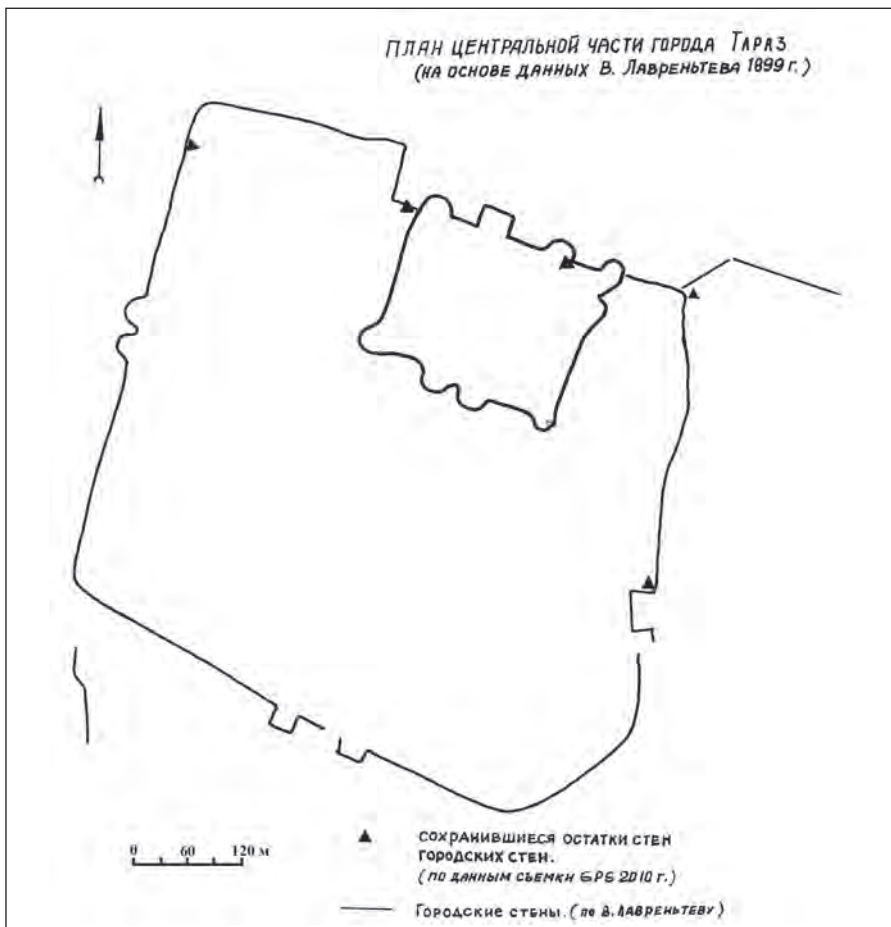

Рис. 96. Схема составленная на основе топографической карты В.П. Лаврентьева 1899 г.

Большое значение для восстановления истории Тараза и памятников его окружи имели работы Семиреченской археологической экспедиции 1936-1938 гг., возглавляемой А.Н. Бернштамом.⁶⁰

А.Н. Бернштам считал, что Тараз состоял из цитадели, шахристана и рабада.⁶¹ Тараз он рассматривал как типично среднеазиатский город, основанный согдийцами и имевший уже в VI-VIII вв. структуру, аналогичную городам Мавераннахра, цитадель, шахристан и рабад.⁶² При реконструкции исторической топографии Тараза он однако не учел материалы о длинных стенах, приводимые В.П. Лаврентьевым, хотя отметил, что схема В.П. Лаврентьева «фиксирует весьма интересную топографию развалин», «эта фиксация бесспорно имеет большой научный интерес».⁶³

Высказав предположение о наличии рабада у Тараза, А.Н. Бернштам считал, что средневековый город развивался с севера на юг, и рабад Тараза находился к югу от шахристана под постройками старой части города Джамбула.⁶⁴

Если сравнить описанную А.Н. Бернштамом топографию центральных развалин Тараза и составленные им планы городища⁶⁵ с планами Аулие-Ата 1865 г.⁶⁶ и особенно 1866 г.,⁶⁷ то можно заметить сходство контуров средневековой цитадели и шахристана с границами оборонительных сооружений кокандского укрепления. Совпадают указанные исследователем размеры средневековой цитадели Тараза (145 x 113 м) с размерами кокандской цитадели (147 x 111 м).⁶⁸ Параметры вскрытой им южной стены шахристана приближаются к характеристикам оборонительных стен кокандских крепостей первой половины XIX в.⁶⁹

По-видимому, экспедиция 1936-1938 гг. зафиксировала остатки кокандской цитадели и крепости первой половины XIX в., границы которых были приняты за контуры средневекового Тараза.

Установленным можно считать только восточную и северную стены шахристана. Границы западной и южной сторон шахристана, размеры и форма рабада оставались гипотетическими.

Тесное взаимодействие оседлого и кочевого населения, взаимовлияние кочевнической и земледельческой культур отразились в памятниках городской культуры. В различных регионах Казахстана сложение городов имело свои особенности, а памятники городской культуры отличаются друг от друга.⁷⁰ Только на юге Казахстана (долина Сырдарьи) для городищ характерна топография, в которой прослеживаются все составные части города - цитадель, шахристан и рабад.⁷¹ В других регионах (Юго-Западный Жетысу, Северо-Восточный Жетысу, Центральный Казахстан) формирование городских центров шло несколько иным путем, что и отразилось в топографии городищ.

Это хорошо видно и по топографии городов Чу-Галасского региона, имевших длинные стены. Такие городища были распространены от Юго-Западного Жетысу до Сайрама. П.Н. Кожемяко не только выявил особенности городищ этого типа,⁷² но и показал, что их территорию с застройкой вокруг центральных развалин, окруженную длинной стеной, нельзя называть рабадом в том значении, которое он имеет в среднеазиатских городах.⁷³

Следовательно, при реконструкции их исторической топографии нельзя применять схему трехчастного деления, а необходимо исходить из объективных условий процесса градообразования.

В 1958-1965 гг. городище Тараз исследовала Т.Н. Сенигова. Она развила основные выводы А.Н. Бернштама о структуре города, дополнив их материалами по западному и восточному рабадам и реконструкциями контуров города на различных этапах его развития.⁷⁴

При восстановлении исторической топографии Тараза Т.Н. Сенигова использовала «План крепости Аулие-Ата» В.А. Каллаура и «Схему бугров в черте города Аулие-Ата» В.П. Лаврентьева.

По мнению Т.Н. Сениговой, город в VI-XII вв. разрастался в восточном направлении и состоял из цитадели, шахристана и восточного рабада I.

Были определены размеры цитадели (135 x 135 м), шахристана (420 x 420 м), их геометрически правильная форма.⁷⁵ Сравнение более подробного плана крепости 1866 г. с результатами раскопок южной стены шахристана показывает, что шахристан Тараза по площади был меньше, чем крепость кокандцев. Если стена крепости проходила южнее улицы Акмолинской, то стена шахристана - в 20 м севернее этой улицы.⁷⁶

Рис. 97. Определение месторасположения цитадели. Анализ данных

По плану Каллаура Т.Н. Сенигова установила наличие трех ворот в шахристане: южных, западных и восточных.⁷⁷

В цитадели у нее в одном случае обозначаются двое ворот: южные и северные.⁷⁸

С плана крепости Аулие-Ата были взяты также границы и форма восточного рабада (самого раннего). Он разместился полукольцом на протяжении 400 м с восточной стороны шахристана, имел стену с башнями, которая не только ограждала жилые массивы рабада, базары, но и включала часть русла одного из протоков реки Талас. Т.Н. Сениговой были установлены и границы западного рабада, до нее нигде не отмеченного.⁷⁹ Она считает, что в VIII-IX вв. Тараз изменил планировку и с этого времени развивался только в западном направлении. Формируется рабад № 2, который «Г»-образно примыкает к шахристану с запада и юга.⁸⁰

В X-XII вв., по ее мнению, у Тараза появился западный рабад № 3, который придавал городу еще более стройную форму в виде вытянутого прямоугольника.⁸¹

К западу от шахристана ею выделялся участок около мавзолея Карахана, внешне представлявший подквадратную возвышенность. Т.Н. Сенигова полагала, что это - остатки западного рабада.

Общая картина застройки, этапы функционирования рабада № 3 до конца не были изучены.⁸²

Т.Н. Сенигова обследовала относящиеся к Таразу валы.⁸³ Длинные стены Тараза она считала оборонительными сооружениями.

Для получения новых сведений о топографии городища в 2012-2013 гг. была проведена фиксация сохранившихся частей стен цитадели и шахристана, топографически выделяющихся на территории современного базара. Всего было зафиксировано шесть сохранившихся участков, что позволило привязать архивные данные (планы) к существующей ситуации на основе топографических карт и спутниковых

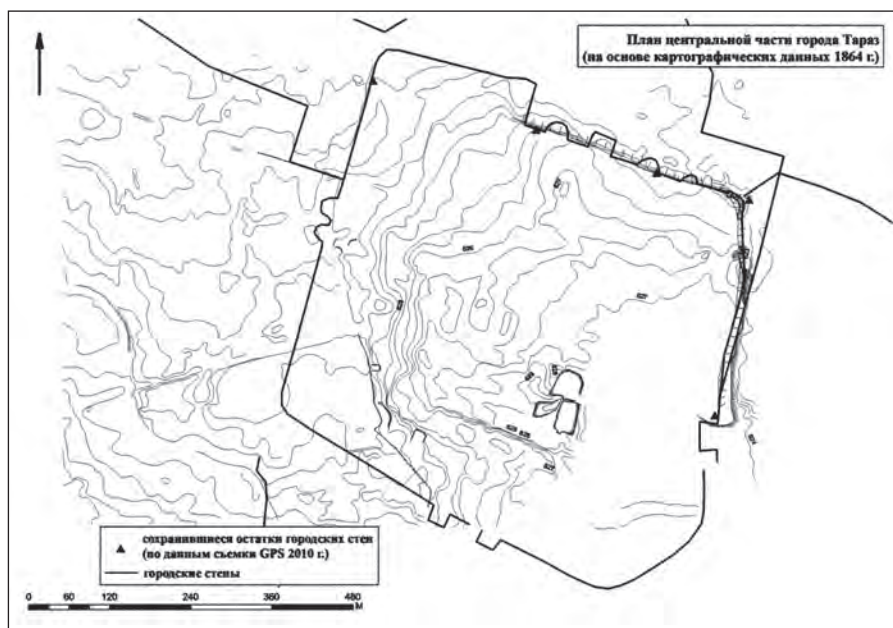

Рис. 98. Цитадель Тараза (по материалам 2012-2013 гг.)

снимков. С целью уточнения границ распространения культурного слоя было заложено более тридцати разведочных шурфов. На основе картографических данных был заложен ряд раскопов с целью локализации цитадели и шахристана. На одном из раскопов, в северо-восточной части городища, была выявлена восточная стена цитадели, с северной стороны стены цитадели и шахристана совмещены и выделяются топографически. Южная стена цитадели сnivelирована и очень слабо выделяется в юго-западной части.

Таким образом, размеры цитадели составили с запада на восток – 175 метров, с севера на юг – 135 метров.

Границы шахристана читаются только в восточной и северной части, что на данный момент не позволяет определить его размеры. По данным раскопок выявлено, что на западе, за границами цитадели, начинается плотная застройка шахристана. По картографическим данным размеры шахристана составляют 450 x 450 метров.

Остатки значительного по занимаемой площади городского участка прослеживаются, судя по распространению культурного слоя, по всему периметру шахристана, но, вместе с тем, установить размеры его крайне затруднительно. Сложность изучения «рабадов» городища связана с интенсивной современной городской застройкой; нарушенностью культурных слоев, произошедшей вследствие влияния фактора природного характера - разлива блуждающего русла Таласа, полностью разрушившего восточную часть города; отчасти вследствие устройства в XIX в. в западной черте города мусульманского кладбища.

Так, например, комплексные археологические исследования на территории, примыкающей с запада к стенам шахристана (площадь археологических исследований составила более 3 га), показывают, что ее, безусловно, следует рассматривать как один из рабадов городища Тараз. Но, в силу высокого расположения грунтовых вод и расположения здесь одного из рукавов Таласа, заселение данной области носило спорадический характер и, вполне вероятно, было напрямую связано с периодами активности Таласа. В ходе исследования территории участка были обнаружены остатки фундаментов жилищ, фрагменты керамики, костей животных, свидетельствующие о заселении данной части городища в различные периоды его функционирования. Несмотря на сильное разрушение, удалось определить, что данную часть города заселяли в различные периоды, но высокий уровень грунтовых вод и болотистость местности не позволял полностью и перманентно осваивать данную территорию городища. Керамический комплекс, обнаруженный в ходе исследований, относится к трем хронологическим периодам: X-XII вв., XII-XV вв., XV-XVI вв.

О размерах рабадов, слившихся с сельской округой Тараза, свидетельствуют данные, полученные еще в 70-гг. XX столетия в ходе обследования относящихся к Таразу валов округа, некрополей и надмогильных сооружений - мавзолеев. Было определено, что первая линия валов огораживала Тараз в радиусе 4-8 км, вторая - до 30 км (!). Стены, окружавшие

территорию рабада, были возведены на галечно-гравийном грунте, сложены из мощных паховых блоков (90 x 60 см) и сырцовых кирпичей. Толщина стен достигала 4,5 метров.

Городской некрополь (№ 1) располагался в 1000 м северо-западнее рабада № 4, а второй - на горе Тик-Турмас. Полученный в разные годы материал (квадратной и овальной формы оссуарии, хумы со штампованным орнаментом в виде львов с луной и солнцем) свидетельствуют о наиболее интенсивном функционировании этих некрополей с VI по конец VIII - начало IX вв.

Более того, надо заметить, что на расстоянии от 3 до 10 км от центральных развалин Тараза на равнинной местности Таласской долины располагаются остатки сохранившихся древних магистральных оросительных каналов и обрывки системы оборонительных валов.

Общий объем исследованной территории за последние годы на цитадели и шахристане составил 4800 м. Глубина раскопов колеблется в пределах 1-3,5 м. Выявлено и детально изучено 4 строительных горизонта. Открыта и уточнена планировка застройки жилых кварталов городища.

Перед вскрытием на территории городища было проведено геомагнитное сканирование на семи участках. Общая площадь исследованной геосканером территории составила 10 600 кв. м. Георадар предназначен для выявления подповерхностных структурно-вещественных неоднородностей различной природы, обусловленных неравномерным увлажнением отложений, различным составом исследуемых пород, особенностями структуры и текстуры пород (пористостью, слоистостью), неоднородностью отложений или материалов, трещиноватостью и деформированностью среды, включением инородных объектов.

Принципом действия георадиолокационного метода малоглубинной геофизики, известного еще как подповерхностная радиолокация или радиолокационное зондирование, является отражение высокочастотного электромагнитного сигнала от границ различных объектов, скрытых толщами грунтовых напластований.

Апробация этой новейшей методики на первом этапе позволяет наметить наиболее перспективные с точки зрения последующего экспонирования участки исследования.

В установленных научными исследованиями границах площадь шахристана городища Тараз составляет около 200 000 кв. м. За весь период изучения древнего города археологами исследовано немногим более трех процентов от общей площади шахристана. Этого, безусловно, недостаточно для получения полной картины планировки и городской застройки.

Описанная топография городища Тараз пока остается наиболее обоснованной, тем более, если учесть, что Тараз кокандского времени «вписался» в периметр стен средневекового Тараза.

Определить более точные размеры городища смогут только археологические раскопки, и они начались в 2011 г.

Раскопки Тараза

Раскоп 2 является продолжением раскопа 1, заложенного в полевых сезонах 2011-2012 гг. и открывшего остатки бани XI-XII вв. и часть примыкающей к ней территории. Раскоп размером 20 x 30 м был прирезан с восточной стороны.

В западной части раскопа были вскрыты остатки конструкций, состоящие из четырех помещений, взаимосвязь между которыми должным образом не установлена из-за ограниченности вскрытых площадей и поздних культурных наслоений, нарушивших первоначальную планировку. Несмотря на это, удалось открыть и изучить сохранившуюся часть сооружения. Выявлен северо-западный угол монументальной постройки. Помещения расположены смежно по периметру внешних стен, имеют одинаковый размер по длине с незначительными вариациями по ширине (3,3 x 2,3 м, 3,3 x 2,6 м). Угловое помещение имеет отличную от других планировку. По размерам оно больше, его параметры 4,9 x 3,3 м. Все помещения имеют выходы во внутренний двор. Зафиксирована внешняя северная стена, которая толще по сравнению с другими выявленными межкомнатными стенами. Стена вытянута с запада на восток, ее длина 4,3 м, ширина 1,8 м, высота - 0,3 м. Стена состоит из фундамента и одного ряда кладки. По краям фундамента в один ряд выложен камень.

По северо-восточному периметру перед выходами из помещений, вдоль стен устроен узкий тротуар шириной 0,7 м, ограниченный бортом. Во дворе расчищены остатки кладки из рваного камня, в 1-2 ряда, шириной 0,6 м.

В юго-восточной части раскопа на глубине 2 м выявлены конструкции из сырцового кирпича, являющиеся остатками крепостной стены цитадели VIII-IX вв. Зафиксировано несколько следов ремонта стены. Сама стена вытянута с севера на юг, она сильно пострадала при современном строительстве. Стена фиксируется в северной и южной части раскопа, в центре маркируется уплотнением светлого грунта. Зафиксированы следы двух ремонтов.

Ремонтная стена была надстроена в караханидский период, она сложена из кирпичей размерами 54 x 28 x 11 см. Она сохранилась в южной части раскопа в длину на 3,9 м, высоту - 0,7 м.

Позднее с восточной стороны была построена еще одна стена, остатки которой зафиксированы в восточной бровке. Выступающая из бровки часть стены имеет ширину 1,8 м, прослежена в длину на 11 м, самая высокая часть (южная) имеет высоту 0,8 м.

Раскоп 3 имеет площадь 634,5 кв. м.

В ходе раскопок было выявлено 3 строительных горизонта. Первый горизонт фиксируется только в юго-западном и северо-восточном углах.

В северо-восточном углу раскопа на глубине 1,2 м от поверхности отмечен углубленный в пол очаг. На глубине 1,1 м от поверхности и на расстоянии 4,3 м к востоку от внешней стены центральной улицы

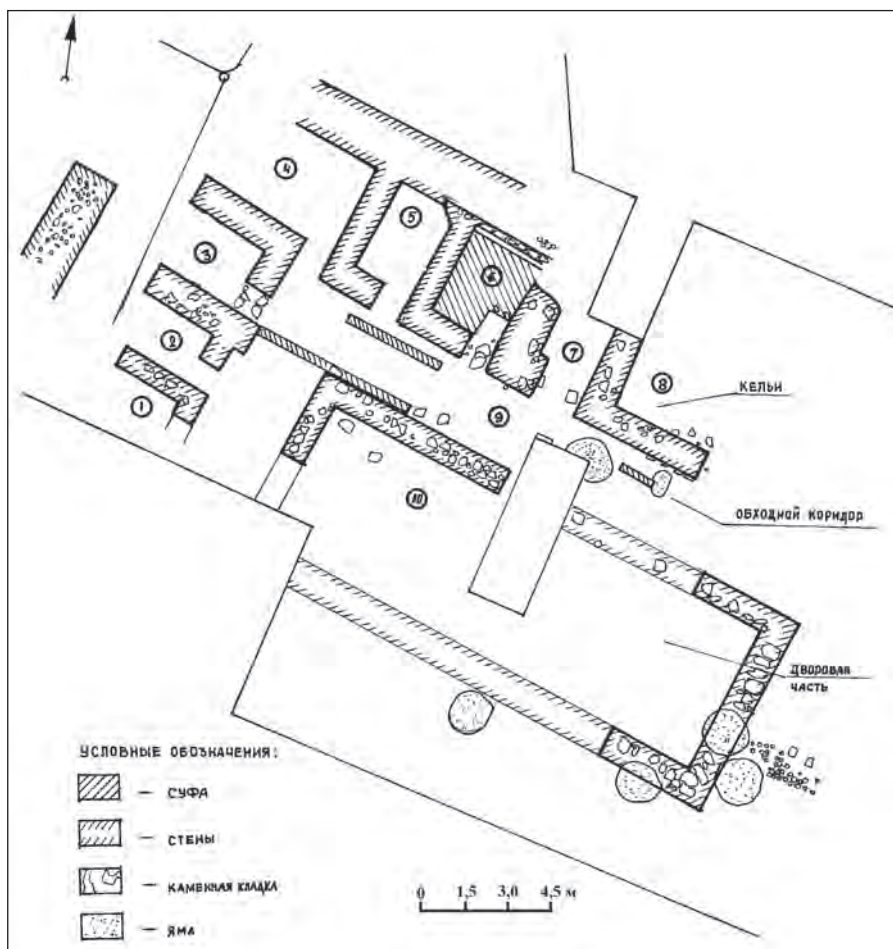

Рис. 99. Городище Тараз. Раскоп 2.

фиксируются остатки фундамента стены, ориентированной по линии север-юг, фундамент которой перекрывает строительные конструкции 2-го и 3-го горизонта. К первому горизонту так же относится галечная кладка на глубине 1,2 м от уровня поверхности (скорее всего, пол конструкции) в юго-западном углу раскопа.

Выявлена улица, ориентированная по линии север-юг; ограниченная с двух сторон каменными стенами, она проходит по центру раскопа. Улица функционировала в хронологических рамках 2-го и 3-го строительных горизонтов. Улица вымощена булыжником.

В 8 м к северу от южной бровки, между восточной внешней стеной улицы, зафиксирован круглый колодец (размеры: диаметр - 0,9 м; глубина - 4,5 м). На его стенках фиксируются углубления для спуска и подъема.

В 7 м к югу от северной стенки фиксируются остатки конструкций 2-го строительного горизонта.

Помещение 1. С севера к стене примыкает конструкция подквадратной в плане формы, фиксирующаяся по остаткам фундамента

стен, ориентированная по линии север-юг, размерами 3,7 x 3,9 м. Углы конструкции прямые, ширина внутренних стен - 0,8 м.

Восточная стена примыкает к основной на расстоянии 1,4 м от места пересечения ее с внешней стеной улицы, образуя тем самым к востоку узкий прямоугольный коридор. Основную стену пререзает вход в помещение, ширина которого 1,1 м. Пол фиксируется на глубине 10 см, ниже кладки. Его уровень маркируется залегающими на нем двумя придонными частями сосудов и частично сохранившимся очагом с зольником и прокалом у северной стенки.

Помещение 2. В южной части северо-западного сектора фиксируется конструкция, примыкающая к внешней стене улицы. Обнаружена сырцовая подушка, поверх которой с западной стороны лежит слой мелкого галечника, а с восточной - остатки вымостки пола плоскими плитами. Размеры комнаты 3 x 3,3 м. Восточной стеной является внешняя стена улицы. Южную стену фиксируется в виде фундамента, выложенного галечником. Южную стену перекрывает западная стена, фундамент которой залегает на 20 см выше уровня фундамента южной стены. Фундамент западной стены сложен из галечника средних размеров и фрагментов плит.

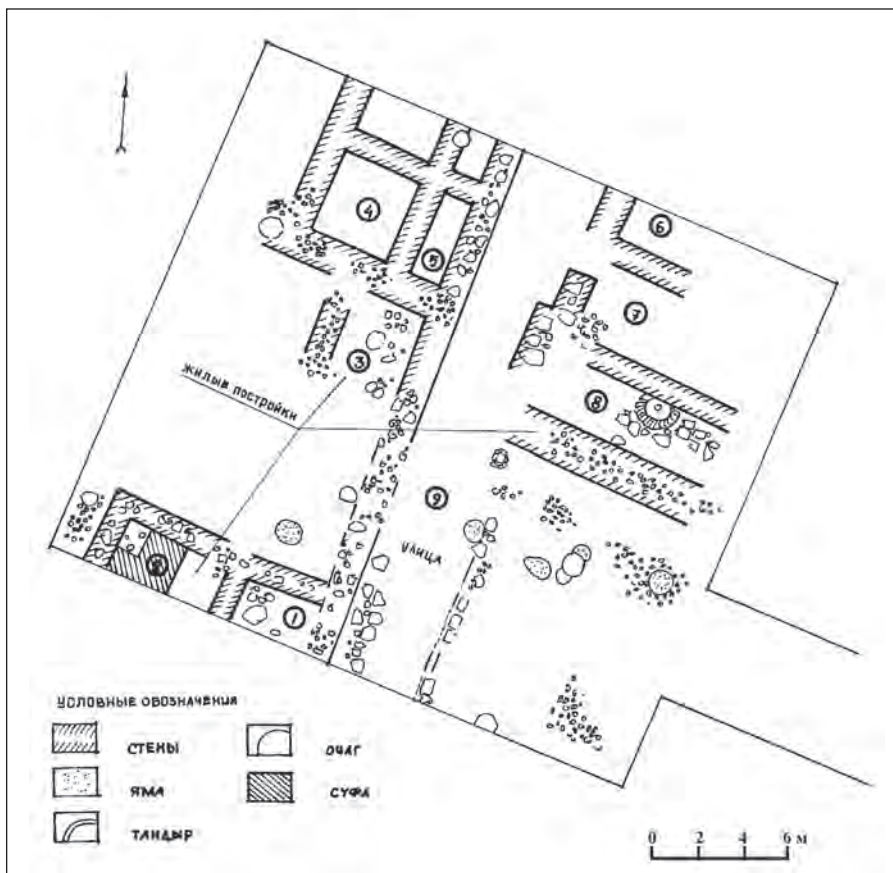

Рис. 100. Городище Тараз. Раскоп 3

Рис. 101. Комната в одном из домов XIII в. на цитадели с очагом-алтарем в центре

На полу фиксируются две круглые в плане ямы. Одна (бадраб) практически примыкает к восточной стенке конструкции. Другая (колодец) расположена в центре помещения (размеры: диаметр - 1 м, глубина - 5 м). Помещение функционировало в рамках 2 и 3 строительных горизонтов.

Помещение 3 вскрыто частично. Западной границей его служит внешняя стена улицы. Восточная стена не фиксируется, она видна в стратиграфии северной стенки раскопа.

На глубине 1,4 м от поверхности (уровень фундамента южной стены), на расстоянии 5,3 м от внешней стены улицы фиксируется основание стены, сложенной из камня и средних размеров галечника. Размеры помещения равны 1,8 x 5,3 м. Помещение функционировало в рамках 2 и 3 строительных горизонтов.

Помещение 4 подпрямоугольной в плане формы (размеры: западная стена - 2,5 м, северная - 6,9 м, южная - 6,7 м, восточная - 2,7 м). Западной границей является улица, прорезанная входом (ширина 1,1 м). Стена перестраивалась, сырцовый слой смещен к западу на 0,1 м от южной стены - сохранился фундамент (ширина 0,9 м), примыкающие к внешней стене улицы и уходящий под восточную границу раскопа. В западной части стена прорезается круглым колодцем.

Раскоп 4 размерами 17 x 12 м, ориентированный по сторонам света, был заложен в северо-западной части шахристана городища Тараз. На глубине 0,5 м от поверхности асфальта расчищены остатки постройки периода X-XII вв. Сооружение вскрыто не полностью. Северная и восточная части постройки не вошли в площадь раскопа. Исследованная часть состоит из трех помещений. В юго-восточном углу находится

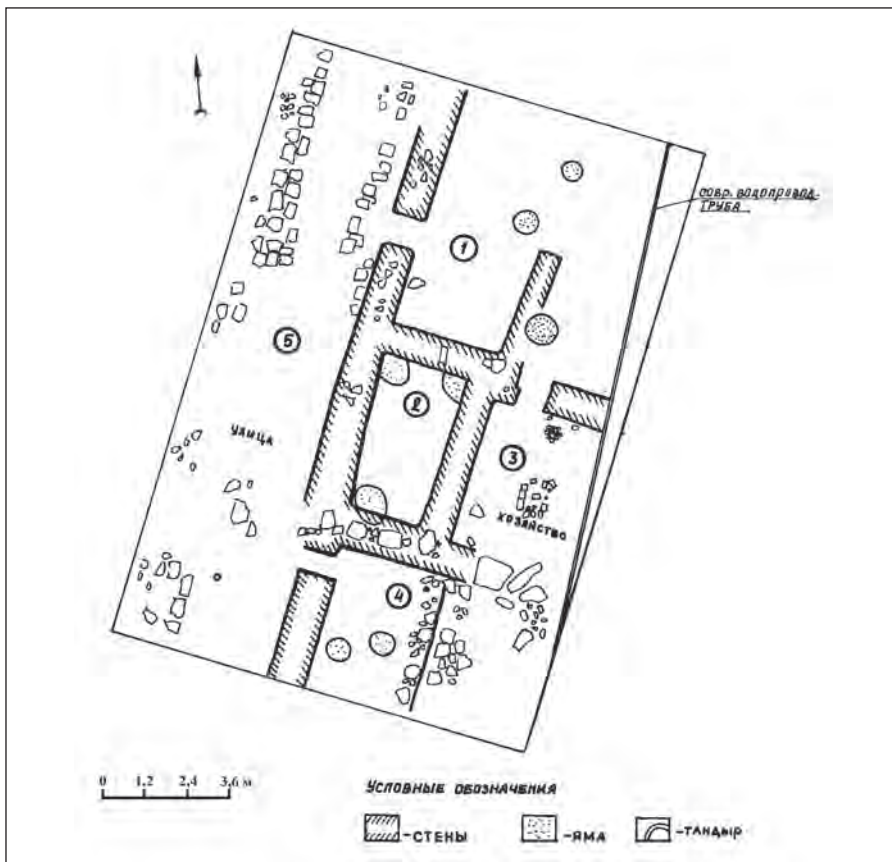

Рис. 102. Городище Тараз. Раскоп 4

двор. С западной стороны постройки вдоль наружной стены пролегает улица с остатками вымостки.

Фундамент стен постройки сложен из грубо обработанных камней в два параллельных ряда, пространство между ними забутовано глиной и галечником. Сырцовые кирпичи сохранились фрагментарно. Наиболее хорошо сохранилась наружная западная стена. Она протягивается от северного во всю длину раскопа в 17 м, ширина ее 0,6-1,0 м.

Помещение 1 шириной 2,8 м и длиной 5,6 м расположено в северной части постройки. В северо-восточном углу помещения расчищен тандыр.

Помещение 2 выполняло санитарно-гигиенические функции.

Помещение 3 шириной 4,35 м и длиной 4,2 м расположено за восточной стеной помещения 2. Восточная часть помещения 3 разрушена. В помещении сохранилась часть ташнау. В центре ташнау имеется отверстие, куда стекали сточные воды.

В западной части раскопа расчищена улица, ориентированная по линии север-юг. Ширина улицы составляет от 3,5 до 4 м. Улица была вымощена грубо обработанными камнями.

С западной стороны улицы расчищены сооружения. Вся остальная часть его находится под западным бортом раскопа.

В южной части раскопа находилась дворовая часть жилой постройки. Выявленные размеры двора – 6 х 3 м. Двор в свое время был выложен камнями. Кладка камней сохранилась в центральной части. Здесь же зафиксирована санитарная яма.

При исследовании выяснилось, что в помещениях неоднократно производились перестройки и ремонтные работы.

Датировать постройки X-XI вв. позволили многочисленные находки керамических изделий. Кувшины, котлы, хумы, как правило, красноглиняные со следами лощения, покрытые красным ангобом. Чаши, тарелки, блюда покрыты зеленой, желтой, коричневой поливами. На дне многих чаш изображена вихревая розетка. По внутренним краям посуды нанесен эпиграфический орнамент из стилизованных букв арабского алфавита.

Цитадель располагалась в северо-восточной четверти шахристана, была окружена стеной, фланкированной с четырех сторон выступавшими на три четверти округлыми, диаметром 18-20 м, башнями. С южной стороны были сооружены ворота, выводящие в шахристан.

В восточной части раскопа, заложенного в районе предположительного расположения юго-восточной стены цитадели, на глубине 2 м выявлены сырцовые конструкции, являющиеся остатками внешних крепостных стен цитадели VIII-IX вв. Зафиксированы несколько разновременных построек, по сути являющиеся свидетельствами ремонта основной стены. Стена вытянута с севера на юг, сильно пострадала при застройке базара. Землеройная техника срезала верх стены, а в центральной части стена выбрана почти полностью. Стена ясно фиксируется в северной и южной части раскопа, в центре маркируется уплотнением светлого грунта. На стене зафиксировано два ремонтных слоя. Ранняя стена была сложена из сырцовых блоков размером 30 х 30 см, сохранилась на высоту 1 м, шириной 1,8 м. Ремонтная стена была надстроена на ранней стене в караханидский период, сложена из кирпичей 54 х 28 х 11 см. Позднее с восточной стороны была построена еще одна стена, остатки которой зафиксированы в восточной бровке. Выступающая из бровки часть стены имеет ширину 1,8 м, прослежена в длину на 11 м, самая высокая часть (южная) имеет высоту 0,8 м, в северном направлении идет на понижение.

С западной стороны от основной стены зафиксирована стена, основной функциональной особенностью которой было увеличение ширины крепостной стены. Пространство между основной стеной и стеной-экраном было заполнено мусором. Таким образом, ширина внешней стены цитадели достигала 4,5 м.

Выявленные стены хронологически относятся к VIII-XII вв.

Интенсивные работы, проводимые на протяжении трех лет на цитадели (центральной части) городища Тараз, дали большой и интересный материал. В процессе исследований было выявлено два строительных горизонта: первый датируется VIII-IX вв., второй относится к XI-XII вв.

Ставки тюркских правителей

Сохранившиеся в китайских источниках описания ставки гуннского шаньюя Чжичжи дают представление о городе-укреплении, в котором находилась цитадель и которую охранял гарнизон воинов. Подчеркивается главная - защитная функция такого города. Подробно описываются его стены, башни, ворота.⁸⁴

Ставки кочевых владетелей имели традиционную застройку, сохраняя архитектурно-планировочные принципы. Как правило, они оказывались той основой, на которой шло формирование города благодаря тому, что в ставку устремлялись купцы, рядом селились ремесленники, обслуживавшие элиту. Здесь же рядом селились хлебопашцы. Включенная в систему торговых связей, международной торговли, культурных контактов, ставка постепенно становилась городом.

Остатки таких городищ обнаружены и обследованы в Таласской долине.

Это *городище Оххум*, расположенное на правом берегу р. Карабахр, в 1,5 км выше ее впадения в р. Талас. Визуальное обследование, а также изучение аэрофотоснимков позволяют охарактеризовать памятник как сложное в топографическом отношении сооружение, окруженное двумя рядами стен.

Внутреннее укрепление имеет вид квадратной (250 x 250 м) в плане площадки высотой 3-4 м, окруженной оплывшим валом и ориентированной по сторонам света. Высота вала 4-4,5 м, ширина внизу – 18 м, вверху – 5 м. Башни высотой до 5 м находятся на углах и по периметру стен, выступают наружу за линию стены на 13-15 м.

Всего башен четырнадцать, в том числе четыре угловых. Одна из них, юго-восточная, более крупная по размерам, являлась цитаделью. Это бугор размерами в основании: по линии север-юг – 60 м, восток-запад – 50 м. Размеры площадки наверху – 17 x 11 м. Ворота расположены в середине западной и восточной стен, имеют сложную систему дополнительных укреплений. Восточный въезд фланкирован четырехугольным редутом, а западный - выносным валом. Размеры восточного предвратного укрепления – 50 x 30 м, ширина проезда – 6 м. Проезд к воротам шел по дамбам, проложенным через ров шириной 20-25 м, глубиной 5-2 м.

На поверхности внутри городища прослеживаются всхлопления, которые дают представление о застройке разреженной магистральной улицы, соединявшей восточные и западные ворота.

Внешняя, вторая, стена отстоит от внутренней на 50-60 м. Размеры внешнего четырехугольника, прямоугольного в плане, следующие: южного вала – 415 м, северного – 400 м, восточного – 370 м, западного – 375 м. Внешний вал более низкий (его высота - 1-2,5 м), ширина в основании - 7-10 м. Башни имелись по углам и еще две фланкировали въезд, устроенный в восточной стене. Он укреплен четырехугольной пристройкой. Снаружи был устроен ров глубиной 1,5 м и шириной 20 м, через который к воротам проложена дамба.

За внешней стеной располагался еще один вал неправильной формы, отступавший от нее на расстоянии от 15 до 40 м, шириной в основании до 7 м и высотой от 0,5 до 1,7 м. Снаружи и изнутри его опоясывал ров. Как показывает изучение аэрофотоснимков городища, к нему примыкали участки, обнесенные стенами. Это различного размера прямоугольные участки, разбитые внутри на более мелкие, каждый из которых вместе с жилой постройкой на нем представлял и индивидуальное земельное владение. Эти участки окружают городище со всех сторон полосой шириной от 350 до 400 м. Наиболее хорошо сохранились три крупных участка с западной стороны. Одни из них, размером 300 x 300 м, в свою очередь разделен на 5 или 6 мелких участков. Прослеживаются остатки древней ирригации, которая базировалась на использовании воды р. Карабахр.

Из Карабахра выведены магистральные каналы длиной до 2,5-3 км. Истоки одного из каналов оберегал замок, от которого сейчас сохранился бугор диаметром 20 м и высотой 6 м.

Близок описанной характеристике еще целый ряд памятников, таких как *Тоймакент*, *Орнек*. Раскопки проведены на одном из них -

Рис. 103. Городище Оххум. Аэрофото

городище Орнек, расположенном в 6 км к югу от одноименного села, на р. Алтынсу, в ущелье Солутор.

Центральная часть городища представляет собой четырехугольную площадку, ориентированную углами по сторонам света. Размеры площадки по гребню окружающего ее вала – 155 x 160 м. Вал сохранился на высоту до 5 м при ширине основания 11-15 м. По углам и по периметру стены прослеживаются всхолмления на месте башен: на северо-восточной стене их было 7 (считая и угловые), на северо-западной - 6, а юго-восточной - 9, на юго-западной - 9. В каждой из четырех сторон угадываются въезды в виде разрывов в валу. Въезды соединялись дорогами, пересекающимися в центре.

Внутри на поверхности городища просматриваются всхолмления в виде овальных бугров, расположенных у северо-западной стены и в южном углу. Плоский прямоугольный бугор примыкает к северо-восточной стене. В центре городища, ближе к северо-западной стене, расположены круглые в плане котлованы трех водоемов-хаузов, соединенных между собой. Диаметры двух из них 30 м и одного – 15 м.

К центральным развалинам примыкает территория, окруженная валом с башнями. Высота вала над поверхностью - 1-2 м, башен - 5-2,5 м, ширина в основании - 3-5 м. Вал находится на расстоянии 5 м от юго-западной стенки, в 40 м от юго-восточной, в 90 м - от северо-восточной и в 100 м - от северо-западной. В восточном углу внешнего вала имеется пристройка в виде прямоугольной площадки размерами 30 x 35 м.

Внешний вал имеет вид прямоугольника с длиной сторон: юго-западной – 330 м, северо-западной – 290 м, северо-восточной – 300 м, а юго-восточная состоит из двух сомкнутых под тупым углом отрезков длиной 200 и 160 м.

В середине северо-восточной части вала прослежен разрыв - остатки прохода.

В северном углу вала находится овальный бугор высотой до 3-4 м и протяженностью 180 м при ширине 40 м. На его поверхности расположено мусульманское кладбище XIX - начала XX в.

В осыпях этого бугра собрана грубая лепная керамика: обломки хумов, горшков, характерных для первой половины первого тысячелетия. Тобе, видимо, является остатками раннеземледельческого поселения. Раскоп на территории центрального городища частично вскрыл прямоугольную в плане постройку размерами 40 x 20 м. По внешнему обводу стен сторонами она ориентирована по странам света. Основания их выложены из каменных булыжников. Расчистка основания показывает, что сама стена была глинобитной, шириной около 1 м. Вход в постройку был оформлен двумя выступами стены, образующими тамбур. Длина выступов - 3,5 м, ширина прохода – 3 м.

На поверхности пола, расчищенного на отдельных участках, обнаружена система каменных баз колонн.

Две из них представляют собой вытесанные из массивных каменных глыб блоки. Первый, размерами 0,5 x 0,5 x 1,3 м, со слегка закругленной нижней частью и фасками, снятыми с двух углов, украшен с одной из сторон прорезным орнаментом, сделанным двойной линией. Второй трапециевидный блок имеет размеры 1,1 x 1,25 м внизу и 0,75 x 1 м - вверху, при высоте 1,2 м. Наверху блока имеется выступ высотой 10 см.

Другие базы, а всего их 11 (вместе с описанными 14), представляют собой массивные каменные глыбы, уплощенные сверху, с общими размерами в пределах 0,8 x 0,8 м.

Они образуют правильные ряды с расстоянием одна от другой 3-3,5 м. Всего, таким образом, на общей площади двора постройки должно быть либо 55, либо 66 баз колонн, из которых 11 располагались по длине постройки и 5 или 6 - по ширине. Из этой же постройки, видимо, происходит каменная колонна, сейчас хранящаяся в г. Таразе в Областном историко-краеведческом музее.

Она высечена из серого песчаника, имеет высоту 1,95 м и диаметр 0,31 м. В верхней части ее находятся расположенные по окружности четыре рельефных медальона со стилизованными изображениями человеческих личин с круглыми глазами. Диаметр медальонов – 31 см. Ниже на колонне имеются два орнаментальных пояса треугольников и полуovalов.

Судя по планировке, наличию баз колонн, это было прямоугольное сооружение с плоским перекрытием, которое, видимо, опиралось на большое число колонн, частью каменных. Это остатки постройки принадлежат мечети «столпного типа». Такие мечети характерны для ранних этапов развития мусульманства.

На территории Казахстана аналогичная мечеть была раскопана на городище Куйрыктобе на Сырдарье. Она так же представляла собой большую прямоугольную постройку. Стены ее были сложены из сырцового кирпича с обкладками из жженого кирпича. Основания колонн прямоугольной в плане формы были сложены из жженого кирпича.

Колонны, судя по остаткам сгоревшего дерева, были деревянными. Датируется мечеть X-XII вв. Постройки «столпного типа» известны в Средней Азии.⁸⁵

Рядом с описанной выше мечетью, напротив через дорогу, раскопки вскрыли остатки жилого дома, основания стен которого были сложены из камня на глиняном растворе. Дом прямоугольный в плане, однокомнатный. Размеры дома по наружному обводу стен – 8 x 7 м. Стены имеют толщину 0,8-0,9 м, сохранившаяся высота - 0,5 м.

Единственная комната дома имеет «Г»-образный план, общая площадь – 20,5 кв. м. У юго-западной и юго-восточной стен находятся три закрома, стенки которых сложены из камня.

Керамика, найденная при раскопках мечети и дома, представлена обломками сделанных на круге тонкостенных котлов с маленькими петлевидными ручками, фрагментами водоносных и столовых кувши-

нов, хумами. Аналогичная керамика известна в материалах из раскопок семиреченских городищ в слоях X - начала XIII вв.

Еще один раскоп был заложен в юго-западном углу городища - на остатках прямоугольного в плане бугра, расположенного у западной стены. Раскоп площадью 80 кв. м вскрыл часть постройки, основания стен которой сложены из камня. Глубина раскопа - 0,3-0,4 м. Скольконибудь связанных планировочных композиций проследить не удалось. При раскопках собрано большое количество керамики: обломков хумов, котлов, кувшинов, чаш. Интересен водоносный кувшин, украшенный пояском из наклонных линий в рамке, расположенной у основания горла, и потеками ангоба.

Поливная керамика представлена фрагментами чаш, покрытых прозрачной поливой поверх белого ангоба и эпитафическим орнаментом, исполненным коричневым и зеленым цветами. Керамика датируется X - началом XIII вв. Найдены также обломки стеклянных изделий.

Траншеей, длиной 12 м, шириной 1 м, был прорезан вытянутый бугор у северной стены городища.

В разрезе выявлены глинобитные стены узкого строения, разбитого поперечными стенками на отсеки. По-видимому, это остатки здания казарменного типа. Керамика траншеи аналогична уже охарактеризованной посуде и относится к X-XII вв.

За пределами центрального укрепления в юго-западной части территории, окруженной внешним валом, в 70 м от южного угла, находился холм высотой 1,5 м и диаметром 30 м. Часть его подмыта ручьем, причем в обрыве видны были кладки из жженого кирпича.

В ходе раскопок удалось выявить две разновременные постройки. Верхняя из них - остатки мавзолея, другая часть разрушена ручьем. Сохранились стены, сложенные из сырцового кирпича, размерами 21 x 20 x 9 см. Сохранившаяся высота стен - 70-80 см, толщина - до 80 см.

Стенами мавзолеей ориентирован по странам света, имеет подквадратную в плане форму размерами 7,5 x 7,5 м по внешнему обводу стен и 6 x 6 м - по внутреннему. Пол мавзолея был вымощен прямоугольным жженым кирпичом размерами 24 x 12 x 4 см.

Мавзолеей использовался под коллективное захоронение, совершаемое в склепах из сырцового кирпича. Склепы овальной формы, длиной до 2 м. Сверху они были перекрыты двумя рядами поставленных на ребро кирпичей, образующих «елочку». Внутри у восточной стены расчищены три склепа. Снаружи к восточной стене мавзолея примыкали еще два склепа. Перекрытие мавзолея было плоским - остатки его расчищены на полу.

У южной стены были обнаружены обугленные плахи перекрытия: одна целая и обломок доски длиной 55 см, шириной 12,5 см, толщиной 2,5 см.

Доски были покрыты резным геометрическим и растительным орнаментом, выполненным в двух планах. Повторяется мотив полу-

пальметты в арке. Сама арка вписана в прямоугольное поле, в углах которого изображены растительные завитки. Нижний план состоит из сердцевидной фигуры со скрученным верхом и усиков в углах прямоугольного поля. Обломок третьей доски украшен двумя небольшими медальонами (диаметр 1 см), разделен линиями и валиками-выступами на 5 частей.

Надо полагать, мавзолей и погребения разрушили гончарную мастерскую, находившуюся ниже: на участке пола обнаружена верхняя часть каменного жернова с ямками-углублениями на поверхности, большое число черепков необожженной керамики. При раскопках мастерской собрана керамика: хумы, котлы, кувшины, кружки, чашки. Интересна кружка с петлевидной ручкой, соединяющей венчик сосуда и тулово.

По шейке идет полоса из клиновидных вдавлений. Водоносные кувшины характеризуются наличием выступов на ручках и резного растительного орнамента на тулове. Такие кувшины характерны для керамического комплекса Юго-Западного Жетысу карлукского периода VIII-IX вв.

Поливная керамика представлена чирагом с граненым туловом и длинным носиком. Покрытие - глухая темно-зеленая полива. Собрано несколько фрагментов чаш зеленой поливы с гравировкой. Найдена также чаша, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба с подглазурной гравировкой эпиграфического характера.

Обнаружены железные однолезвийные ножи с черенком длиной до 10 см и фрагмент однолезвийного ножа, общая длина которого была не менее 25 см. Обнаружены также петлевидная ручка железного котла и фрагмент пластинчатого железного браслета.

Вокруг укрепления, главным образом за внешней стеной, к югу и юго-востоку вдоль ущелья Солутор расположены участки прямоугольной, квадратной и неправильной формы, отгороженные друг от друга каменными валунами. У расположенных рядом участков загородки общие. Размеры участков колеблются от 250-300 кв. м до 1000-2000 кв. м. Массив этих участков тянется вверх по берегам Солутора на 4 км и в ширину - на 1,2 км. Общая площадь его, таким образом, составляет около 500 га. Визуально невозможно различить какую-либо систему в расположении участков, но в ряде случаев прослеживаются «дороги», разряжающие общую бессистемную «застройку». Внутри каждой из таких оград, обычно в одном из углов или ближе к стене, различаются небольшие округлые либо подпрямоугольные в плане бугры, на поверхности которых отмечены подпрямоугольные в плане выкладки из камней. Ограды перекрываются внешними и внутренними стенами и валами городища, отсюда следует, что последние были построены позднее.

Два раскопа были заложены на всхолмлениях внутри участков, образованных каменными валунами, которые вскрыли остатки больших жилых построек, основания которых были сложены на валу. Все

делились на две части перегородкой из небольших камней. Размеры второй усадьбы по внешнему обводу стен – 11 х 6 м.

Основания стен сложены из двух рядов крупных камней, забитых внутри галькой с землей. Усадьба была разделена каменной перегородкой на две части, на два небольших помещения, пол их прослежен на глубине 0,6 м. Керамика построек представлена обломками котлов и кувшинов, характерных для периода X-XII вв.

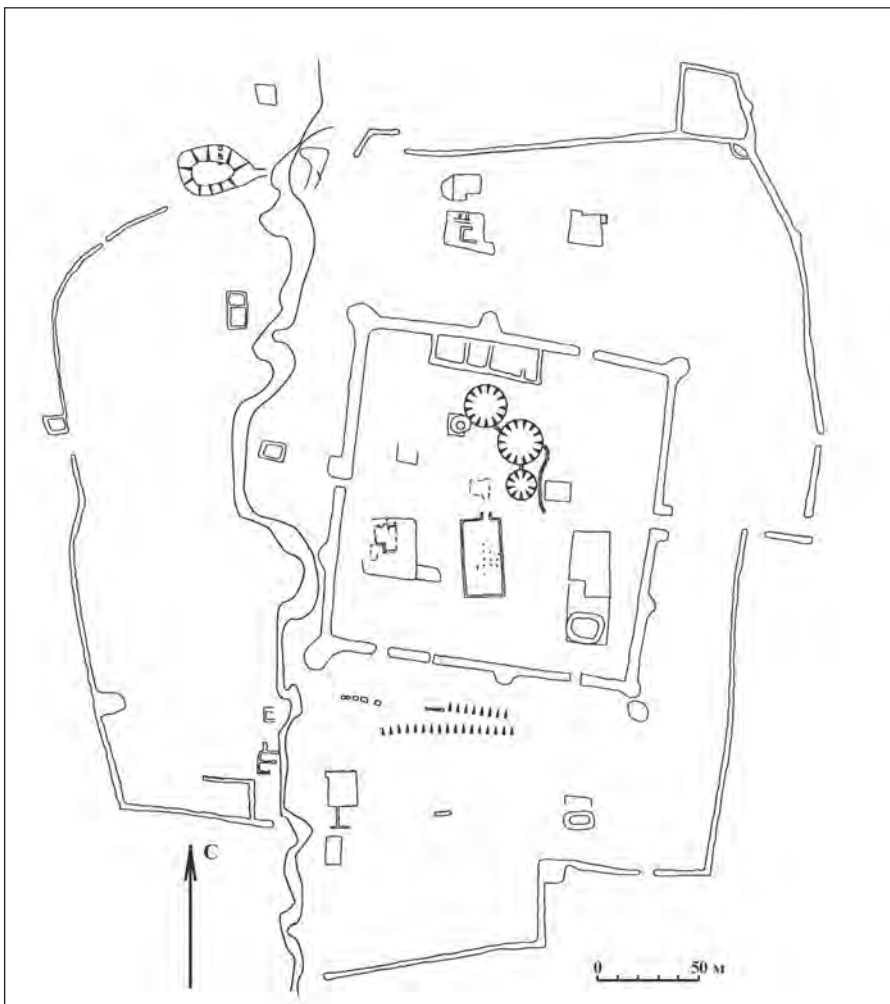

Рис. 104. Городище Тортколь. Центральная часть. План

Еще один жилой дом-усадьба в застройке, расположенной в 0,5 км южнее центральной части городища. Он находился в углу большой усадьбы, примыкающей к дороге, идущей параллельно Алтынесу. Планировка его центрическая, центром является помещение с суфами. Размеры его около 50 кв. м. Из него идут входы во дворы и помещения жилого и хозяйственного назначения. В составе дома имеется помещение для молодежи и двор для скота. Основание дома сложено из камня

на высоту до 0,5 м, выше глинобитные или сложенные из сырцового кирпича стены. Перекрытие плоское с опорой на центральную колонну или на прогоны, лежащие на стенах.⁸⁶

Одним из направлений исследований стало изучение остатков древних мельниц, расположенных на р. Шыбынды.

На участке реки Шыбынды длиной 2,5 км зафиксировано 17 мельниц. Такая насыщенность свидетельствует о масштабности производства зерна и мукомольного производства в городе и его округе. Все

Рис. 105. Дом. Общий вид

мельницы находятся в зоне концентрации усадеб и, видимо, со временем можно будет проследить связь между конкретными усадьбами и мельницами.

Мельницы двух типов, к первому относятся те, к жерновом которых вода подается с помощью каналов, идущих параллельно руслу реки. Вот описание одной из них.

Из русла реки при помощи подпруды выводится канал, идущий параллельно течению реки. Обычно подпруда устраивается в месте изгиба русла реки, а каналы сохранили ширину до 2 м и глубину до 0,5 м.

Канал, подводивший воду к мельнице, имеет длину около 150 м. Затем он выходит на длинную узкую дамбу, сооруженную из крупных камней, гальки и земли. Ширина дамбы – 5 м, высота в начальной части - 1,5 м, в нижней - 3,5-3,0 м, длина дамбы - 25-30 м. Внизу, в основании дамбы, находилось колесо с лопастями, на которые падал «разогнанный» по каналу и усиленный перепадом высот самой дамбы поток воды. Так осуществлялся помол муки.

Как правило, внизу, у основания дамбы, находятся целые либо обломки каменных жерновов, а также остатки каменных кладок постро-

ек мельниц. Наличие многочисленных мельниц на средневековых городищах, расположенных на предгорной полосе на крупных и мелких горных реках, отмечен повсеместно. Они обнаружены и обследованы практически во всех горных ущельях Таласского хребта: Каинды, Малай-Каинды, Кзылкайнар, Узунбулак.

Многие черты устройства мельниц, видимо, сохранились в водных мельницах местного населения, о которых сообщают авторы XIX в.

Изучение топографии городища Орнек и раскопки на нем дают представление о центре оседлости и ремесла. В то же время наличие мощных укреплений, соборной мечети, богатого мавзолея - все это свидетельствует о том, что городище - остатки города, который сформировался на базе ставки кочевых владетелей. Арабские маршрутники (в частности, составленные Ибн Хордадбехом и Кудамоу) свидетельствуют, что между Таразом, Нижним Барсханом и Куланом, местоположение которых достаточно четко определено, располагались города Касрибас, Кульшуб и Джульшуб. Орнек соответствует Кульшубу, который, как и Касрибас, принадлежал карлукам и являлся ставкой одного из владетелей.

Археологические материалы из раскопок Орнека позволяют предположить, что ставка возникла на месте постоянного оседлого поселения, видимо, на территории весенне-осенних пастбищ одного из племен. Здесь часть кочевого населения на огороженных полях выращивала хлеб. Укрепленная ставка, в свою очередь, послужила, ядром, вокруг которого постепенно складывался город. И это происходило без влияния международной торговли по Великому Шелковому пути.⁸⁷

Дворцовые постройки; дома и усадьбы

Жилища центральных развалин собственно города исследовались на городище Актобе Степнинское. Раскопки велись на шахристане, где была отмечена еще до раскопа плотная застройка из тесно примкнутых один к другому домов. Дома группировались в кварталы, границы которых, в виду малой площади раскопа, точно не определены.

Выявлены два типа домов - двухкомнатные и многокомнатные. Двухкомнатные имеют одинаковую планировку и состоят из поставленных рядом помещений. Дома строились из сырцового кирпича, имели плоские перекрытия, несущие балки которых опирались на стены. Находки обгорелого камыша и обмазки свидетельствует о том, что они перекрывались камышом и обмазывались толстым слоем глины, смешанной с золой.

В жилом помещении устраивались суфы у одной стены, «Г»-образная суфа у двух- и «П»-образная у трех стен. На полу помещения находился очаг овальной в плане формы с бортиками.

Во втором помещении, оно было хозяйственным, находились сосуды для хранения продуктов.

В многокомнатных домах отмечено наличие секций из двух или трех помещений, а так же центрального дворика или комнаты. Плани-

ровка таких домов центрическая или близкая к ней. Интерьеры секций таких домов похожи на то, что наблюдалось в двухкомнатных домах первого типа. Однако качественная кладка, наличие вымосток из жженого кирпича под очагами, ташнау, а главное богатый материал: поливная керамика, монеты и клады монет, сосуды из бронзы свидетельствуют о более высоком статусе горожан, обитавших в таких домах.

Застройка и жилище внутри длинных стен свидетельствует о зонах застройки разной плотности и об определенном плане застройки. Наблюдается система улиц, на которые выходят усадьбы, причем дворы усадеб поставлены параллельно, задними стенами примыкают друг к другу, образуя своеобразные массивы застройки.

Отмечено наличие в застройке пригородов дворцовых комплексов. Так, в округе Кулана (городище Луговое) раскопан и исследован дворец, видимо, правителя города, состоящий из 25 помещений, центрального перекрытого двора и парадного, коридорообразного входа. Дворец существовал в VII-X вв. Прослежено три периода его существования. Стены входного комплекса были украшены богатым резным шtukом. Встречены фрагменты резного шtukа с арабскими надписями.⁸⁸

Дворцовый комплекс X-XI вв. в пригороде Краснореченского городища раскапывался В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой. Квадратное в плане здание, ориентированное по сторонам света, занимает площадь в 650 кв. м (сохранилось не полностью). В его существовании определены четыре строительных горизонта. Основу планировочной композиции составляет, как и в Кулане, просторный внутренний двор (17 x 17,8 м) с легким навесом вдоль стен и двумя въездами. По сторонам расположены анфиладой помещения: парадные залы, покои, отмеченные глубокой нишей в западной стене и широкой суфой с пристенным очагом.

Восточную часть дворца занимали хозяйственного назначения помещения и второй дворик. Здесь оборудована площадка, на которой сохранилось основание юрты в виде круга с бортиками и ганчевым покрытием пола.

Здание имело богатую внутреннюю отделку. Стены, потолки, арочные проемы и пристенные ниши украшали росписями, резьбой по глине и ганчу в различных сочетаниях орнаментов, с введением в сетку узоров арабских надписей. Комнаты обогревались разными по конструкции очагами-канами, проложенными под полами и суфами, переносными жаровнями.

Дома внутри длинных стен были более удобными для жилья, нежели замки предшествующего периода. Организующим центром был внутренний дворик, вокруг которого располагалось 10 и более комнат различного назначения. Общая площадь такого дома иногда превышала 200-300 кв. м. Его отличала богатая отделка интерьера, высокое строительное мастерство. Комнаты освещались круглыми окнами. Они закрывались алебастровыми решетками. Дверные проемы оформлялись арками и по характеру завалов ясно, что часть помещений имела сводчатые перекрытия, а часть плоские.

Наряду с богатыми домами более широко были рассмотрены одно-, двухкомнатные и бедные дома, дворик.

Дом в усадьбе 1. До раскопок это был бугор размерами 20 x 30 м. К нему примыкал участок двора. Все стены в постройке глинобитные: внешние - толщиной 1,4-2,0 м, внутренние - от 25 см до 1,3 м. В планировочном отношении дом выглядит так: единственный вход с западной стороны был оформлен пилонами. Вокруг центрального зала по периметру располагались остальные помещения. Комнаты 3 и 4 занимают центральную часть у северной стены. Первоначально это была одна комната. В южной стене есть дверной проем шириной 1,3 м, соединяющий комнату с центральным залом.

Комната 5, в северо-западном углу дома, имеет размеры 6 x 4-4,2 м. В это помещение вход был не из центрального зала.

Вход в комнату шириной 1,0 м был из центрального помещения. В заполнении были найдены фрагменты керамики, а на полу - три светильника-чирага, покрытых поливой. Это чисто жилое помещение. Комната 9 располагалась к востоку от комнаты 8. В этом помещении найдено несколько монет караханидского времени. Интерес представляет небольшой по площади фрагмент штукатурки со следами росписи.

Характер планировки дома с большими пролетами между стенами позволяет предполагать, что перекрытие дома было плоским деревянно-земляным.

Вещественный материал представлен монетами, всего их 25 экземпляров. Двадцать одна монета (девятнадцать медных и две серебряных) отнесены к караханидскому чекану.⁸⁹ Нахождение здесь же монет тюргешских и круга тюргешских объясняется тем, что эта категория монет, как установлено исследователями, обращалась до появления первых монет караханидских ханов вплоть до второй половины X в.⁹⁰

Керамика представлена столовой и кухонной посудой, а также изделиями хозяйственного назначения. Сравнительный анализ ее подтверждает время существования жилого дома - X-XII вв.

Интересна находка трехперого черешкового наконечника стрелы. Длина наконечника 4,5 см, диаметр черешка 0,4 см.

Найдена ложка-вилка. Ложка в виде круглой пластинки, незначительно вогнутой, прикреплена к ручке на шарнире. Ручка фигурная, на другом конце ее на таком же шарнире укреплена вилка с двумя зубцами. Гравированный орнамент на ручке расположен только с лицевой стороны, на ложке - на лицевой стороне в центре, на оборотной - поясом по краю и в центре.

Встречены обломки стеклянных сосудов: чаш, бокалов, кувшинов. В этом доме найдены фрагменты от нескольких терракотовых очажков. Очажки были двух видов: переносные и вмазанные в пол.

Переносные очажки очень широко известны в X-XII вв. для всей Средней Азии. Они характеризуются насыщенностью некоторых поверхностей орнаментом.

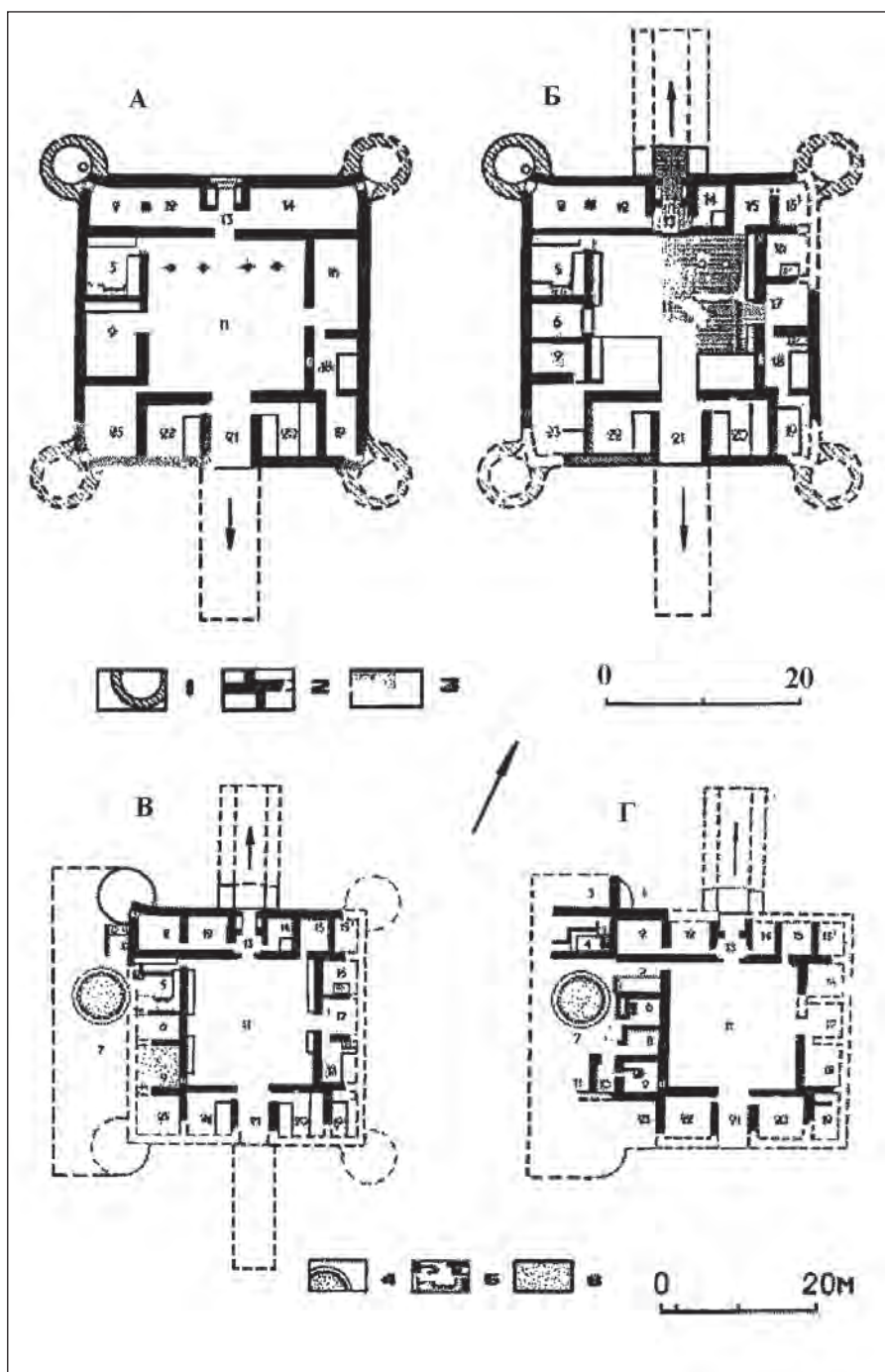

Рис. 106. План дворцового здания X-XI вв. в пригороде Краснореченского городища: А - первый строительный горизонт; Б - второй строительный горизонт; В - перепланировка здания в третьем периоде; Г - верхний строительный горизонт

Дом в усадьбе 2. Сохранность плохая, остались остатки нескольких помещений. Северный останец составлен в большей своей части оплывами. Здесь наметились контуры только одного помещения в северо-восточном углу, где удалось зачистить около 2 м восточной стены, угол и метровый отрезок северной стены.

Вход в дом находился в южной стороне. Во всю толщину внешней стены (1,2 м) сделано нечто вроде тамбура шириной 2,3 м. В тамбуре по обеим сторонам расположены суфы, по ширине доходящие почти до самого дверного проема.

Из всех расчищенных помещений наиболее примечательно крайнее юго-западное. В нем была обнаружена на стене алебастровая панель, начинавшаяся прямо от пола, покрытая резьбой и раскрашенная в несколько цветов. Кроме панели в помещении был еще фриз из резной глины.

В комнате были облицованы две стены, но вполне возможно, что такую же облицовку имели и две другие стены. Геометрический орнамент состоит из полосы шириной 30 см, ограниченной сдвоенными желобками и заполненной окружностями с точкой в центре. Эта полоса, переплетаясь, образует стрельчатые арки и пальметты различных очертаний. Стрельчатые арки, расположенные по низу панели, заполнены двумя схематизированными изображениями животных, как бы стоящих на задних ногах с переплетенными передними. Фигурки разделены луновидной фигурой, увенчанной трилистником. Пальметты же сплошь заполнены сложным переплетением стилизованных листьев растений и их стволов, перехваченных четырехлепестковыми розетками.

Найдены три караханидские монеты, группа керамики, аналогичная керамике из *дома № 1*. Все это вместе с декоративной резьбой по алебастру и сырой глине позволяют определить хронологические границы основного периода жизни дома X-XII вв.

Дом в усадьбе 3 расположен к юго-востоку от дома 2. В планировке его лежит такой же принцип, как и в планировке жилого дома. Единственный выход с выступающими наружу до 1,5 м пилонами находился с восточной стороны. Толщина пилонов 1,3 м. Тамбур, образуемый ими, шире дверного проема на 0,4 м. Сразу за входом - вытянутое по линии восток-запад коридорообразное помещение размерами 2,5 x 5,2 м. Из него вели два прохода: один - направо в северо-восточную комнату; второй, открытый (на всю ширину коридора), - прямо в центральное помещение. Из центрального помещения проходы ведут еще в пять комнат.

В доме найдены три караханидские монеты и одна тюргешская.

Значительный интерес представляет находка большого хума, на поверхности которого нанесена надпись, выполненная черной краской. Строки надписи идут сверху вниз, от шейки почти до дна, всего 18 строк неравной длины. Надпись пока не определена и не прочитана, по графике она напоминает уйгурское письмо.

Дом в усадьбе 5. В дом вел один вход, расположенный в северной стене. Перед входом были пилоны шириной 1,4 м, выступавшие наружу на 1,0 м. Ширина входа - 1,0 м. Сразу за входом находилось большое помещение размерами 6,7 x 7,5 м. Вполне допустимо существование коридорообразного помещения размерами 3,0 x 0,7 м, располагающегося напротив входа. Из коридорообразного помещения ведут три двери. Через дверь в северном конце западной стены можно войти в угловую северо-западную комнату, служившую кухней.

В комнату 3 попадали через вторую дверь из коридорообразного помещения. Размеры ее 3,8 x 6,8 м. Комната имела суфу.

Третья дверь из коридора вела в комнату, расположенную в центре западного фасада дома.

Из комнаты 4 проход вел в две комнаты южного ряда.

Вдоль южной стены проходила широкая суфа 2,1 м, вдоль восточной стены имела суфа шириной всего 1,0 м. Говоря об архитектурно-планировочной картине этого жилого дома, следует упомянуть еще и полукруглые башни на всех четырех ее углах.

Из посуды с поливой необходимо назвать несколько форм поливных чаш с чрезвычайно характерной для этого времени полихромной росписью. Были найдены монеты: две тюргешские и три караханидские. Нахождение караханидских монет на суфах и полах дает возможность относить этот последний раскопанный дом к X-XII вв.

Здесь же сделана уникальная находка - рельефное изображение льва на терракотовой плите размером 17,5 x 35,5 см.

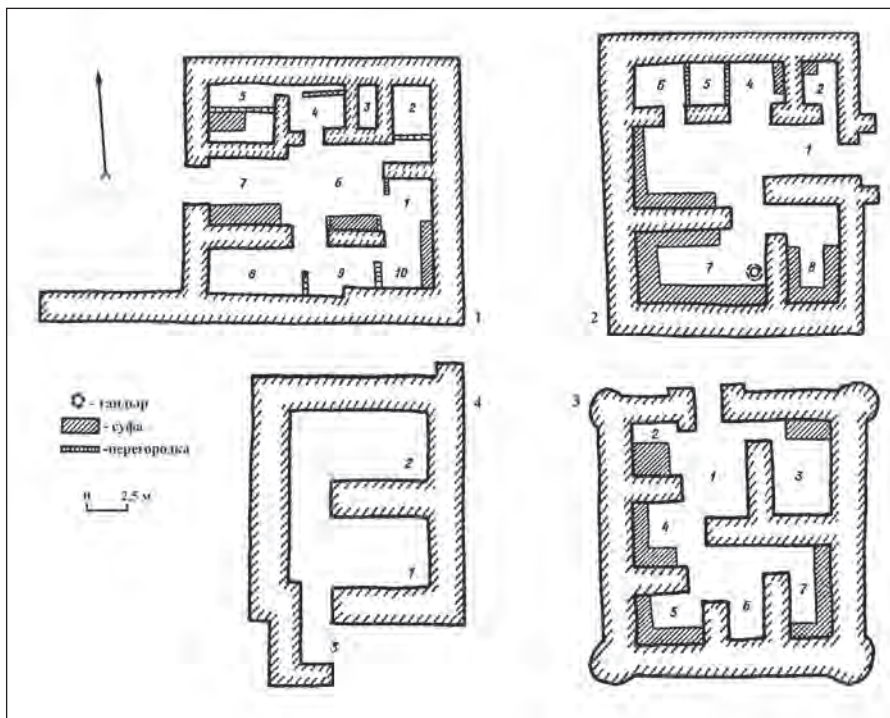

Рис. 107. Дома усадеб городища Красная речка

Дом в усадьбе 4. Это дом из числа «бедных».

Общая планировка дома выглядит так: две небольшие комнаты (№ 1 и 2) объединены общим периметром внешних стен и расположены по линии СЮ. Дверной проем между ними имеет ширину 1,2 м. Размеры комнат 6,0 x 3,6 м и 6,0 x 2,9 м. В комнате в восточной половине расчищен простенок (выложенный в ширину одного сырцового кирпича), который образует комнату размером 1,4 x 2,8 м. Здесь в северо-восточном углу сохранилась вымостка пола из обожженного кирпича на алебастре размером 2,25 x 3,5 см.

С южной стороны к ним примыкает небольшое помещение № 3 размером 2,2 x 2,5 м. Вероятно, это был коридор-тамбур, открытый на восток. Из коридора дверной проем шириной 1,2 м вел в комнату 1. К этим трем помещениям, объединенным в одно целое, с северной стороны пристроено еще одно, изолированное от них помещение.

Керамический материал немногочислен и маловыразителен. Найден железный серп длиной 17 см с черенком для ручки. Из украшений можно назвать медный перстень со стеклянной вставкой овальной формы, бусы из пасты.

Находки двух тюркешских монет при отсутствии караханидских, а так же погребение на развалинах дома говорят как будто о несколько более ранней дате его. Но общий облик керамики позволяет относить его к X-XII вв.

Дома в пригороде городища Орнек

Такая же картина сочетаний в застройке пригорода наблюдалась и в пределах пригородной застройки городища Орнек – ставке, скорее всего, одного из карлукских правителей в Таласской долине, отождествляемой с городом Касрибасом. Здесь часто выделяют «богатые» дома с дворами-усадьбами площадью 30 x 30 м; 40 x 40 м. Дома в усадьбах имеют центральную площадку и состоят из нескольких помещений, во дворе раскопана усадьба для скота. Здесь, судя по остаткам ирригации, находились поля и сады.

Наряду с такими усадьбами есть и другие – «бедные», в домах которых стены в основании сложены из каменных валов, состоят из однокомнатных и двухкомнатных домиков, площадью от 15 до 20 м.⁹¹

Городское жилище внутри длинных стен Актобе Степнинское

Усадьба Актобе 3 вместе с обвалованным участком занимает площадь 1 га, из которой 0,7 га заняты приусадебным участком, примыкающим к жилой усадьбе с запада. Жилая часть комплекса - это бугор, вытянутый с востока на запад, с основанием 50 x 30 м. Въезд прослеживается в восточной части, к бугру примыкает дворик размерами 50 x 40 м, окруженный стеной. В центре дворика хауз в виде подквадратной в плане западины размерами 15 x 10 м. К нему подходил арык, пересекающий весь участок по диагонали, через юго-восточный участок, подходящий к середине восточной стены двора и через проем к ней - к хаузу.

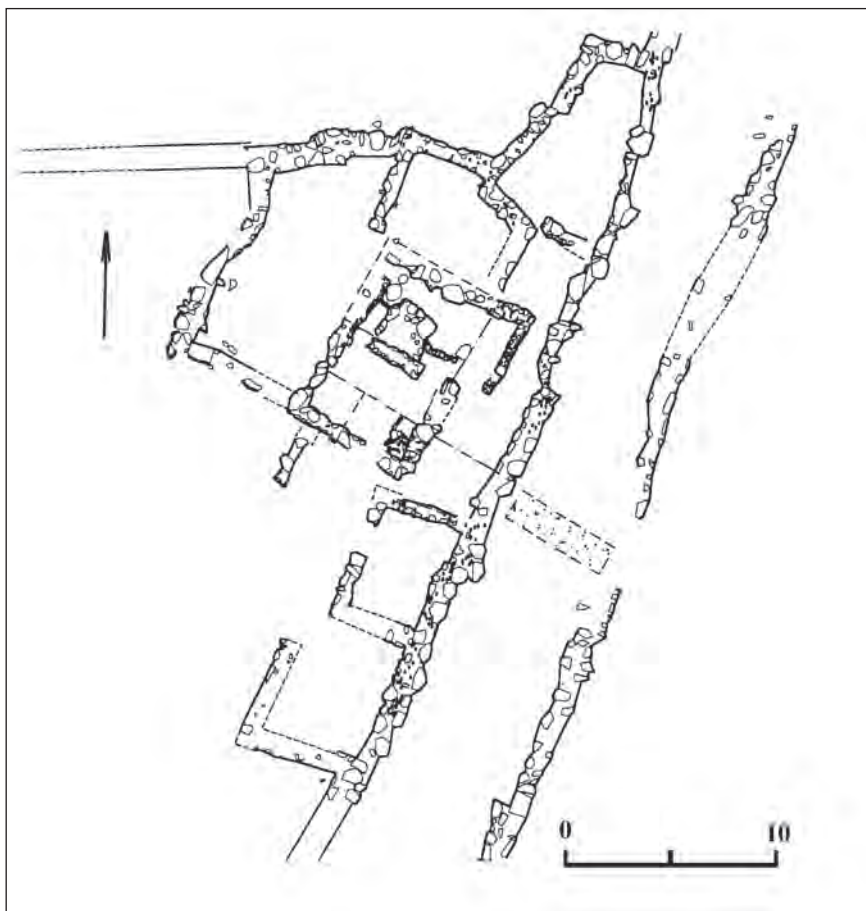

Рис. 108. Городище Орнек. План дома

Раскопки на Актобе 2 выявили, что жилая часть усадьбы имеет разновременные строительные горизонты. Они также позволили наметить план комплекса по уровню двух горизонтов.

Первоначально и затем центром комплекса являлось квадратное помещение 1 (3,3 x 3,3 м). Вход в него шириной 1,2 м находился в середине южной стены. Вдоль стен, где находится подиум высотой 0,95 м и шириной 0,65 м у западной и восточной стен и 0,75 м - у северной. Подиум сооружен из длинномерного сырцового кирпича 40-41 x 19-20 x 9-10 см и имеет двухступенчатый карниз и такой же плинтус, образованный выступами кирпича. Боковые грани подиума покрыты обмазкой из желтой глины. В восточной стене находилась ниша полуциркульной формы, основанием которой является верхняя грань подиума. Высота ниши 0,6 м, ширина в основании - 0,3 м, ниша покрыта толстым слоем обмазки. Видимо, стены помещения в первый период были покрыты побелкой и росписью, поскольку в заполнении найдены кусочки штукатурки со следами побелки и росписи красной, желтой, черной красками.

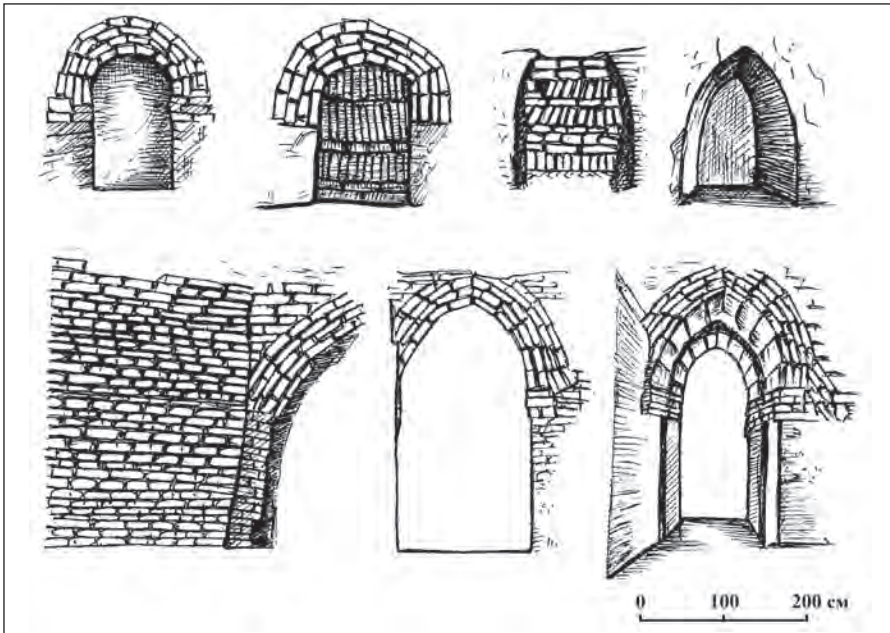

Рис. 109. Городище Актобе Степнинское.
Конструкции проходов в доме-усадебе

Проход из помещения 1 ведет в помещение 7, которое пока раскопано частично. В стене помещения 3, вскрытого до уровня пола нижнего строительного горизонта, расчищена полуциркулярная ниша высотой 0,7 м, шириной в основании 1 м, глубиной 0,4 м.

Изучение верхнего строительного горизонта показало, что помещение 1 забутовано до уровня верхней грани подиума сырцовым кирпичом серого цвета форматом 40-42 x 18-21 x 8-40 см. Проход в помещение 7 сохраняется. Прорубается еще один проход в помещение 2.

Возводятся перегородки, которые теперь делят длинные коридоры на ряд помещений. Производится ремонт стен с приставками из пахсы. Стены наращиваются сырцовым кирпичом, их высота от уровня нового пола составляет 1,5-1,8 м.

Помещение 2 имеет размеры 2,8 x 4,4 м. Восточная стена, отделяющая его от помещения 8, выполнена в технике комбинированной кладки из одного ряда блоков 50-75 x 45-50 x 55 см.

На уровне пола верхнего строительного горизонта в юго-западном углу найдены фрагменты жаровни из грубого рыхлого теста.

В помещении 8 в юго-западном углу зафиксированы над первоначальным полом зольник 15-20 см, куски обгоревшего дерева.

Помещение 5 (4,45 x 3 м) до уровня нижнего строительного горизонта расчищено частично. Выявлен юго-западный угол и проход в помещение 6, по слою обмазки прослежена восточная стена, отделяющая это помещение от помещения 4. Западная стена фиксируется нечетко. На уровне пола верхнего строительного горизонта западной стены зачищены остатки очага, развал которого занимал овальную площадь

размером 0,4 x 1,2 м. Очаг был сделан из сырца обычного формата, одна из граней его, обращенная к огню, сильно оплавилась.

Датировку верхнего строительного горизонта помогают установить находки поливной керамики. Это фрагменты чаш на дисковидном поддоне, сделанные из плотного теста розового обжига. Снаружи и изнутри стенки их покрыты белым ангобом. Полива покрывает чаши изнутри и захватывает верхние части стенок снаружи. Роспись темно-коричневая, красная и зеленая. В одном случае на дне чаши изображена вихревая розетка, в другом - растительные завитки. По венчику одной из чаш нанесены пятна.

Датируется усадьба VII-XII вв.

Усадьба на городище Актобе Таласское. Она находится в пригороде. Усадебный комплекс состоит из двух четырехугольников, окольцованных валами. Восточный - неправильной формы (70 x 70 м), с двумя небольшими холмами около северной и восточной сторон. Здесь культурные слои не превышают 1,0 м. Западный - квадратный 60 x 60 м, с холмом высотой до 4 м, занимающим почти всю северную половину четырехугольника. Остальная его территория возвышается до 1,5 м над окружающей местностью.

Раскопкам подвергнута вся площадь высокого холма. Внешний периметр здания выявлен по всей северной и восточной стенам и в нескольких пунктах по западной. Южная внешняя стена не сохранилась.

Первоначальная планировка здания изменялась сооружением дополнительных стен, новых дверных проемов или замуровыванием

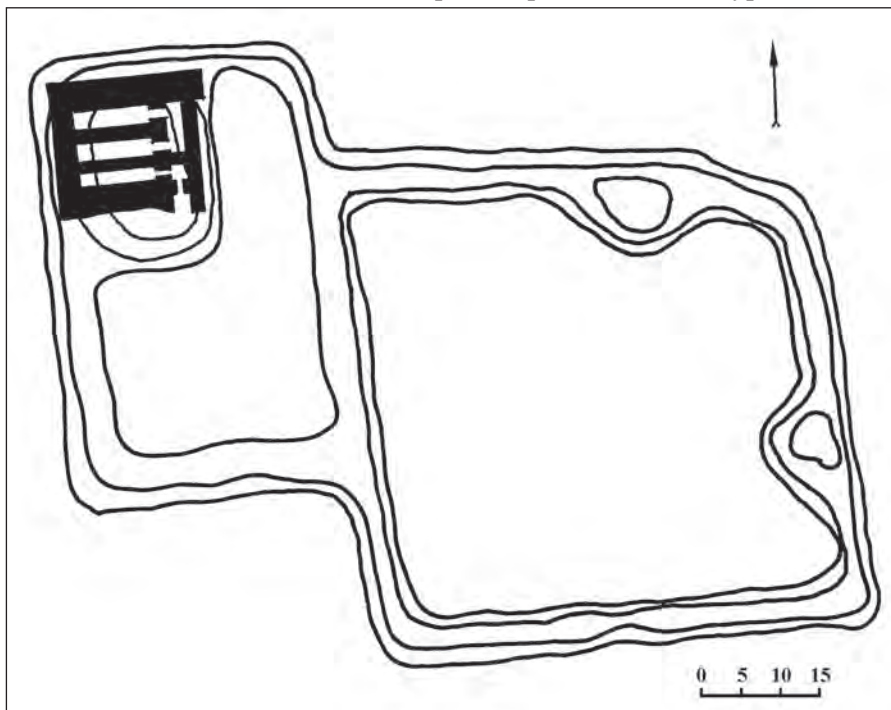

Рис. 110. Актобе Таласское. План дома-усадьбы

ненужных. Южная часть здания сильно разрушена, здесь частично сохранилась только одна юго-восточная комната. В последний период своего существования здание состояло из двух изолированных групп комнат, имевших отдельные выходы во двор усадьбы.

Из трех северных комнат одна (№ 1) ориентирована длинной осью по линии север-юг, ее размеры 6,5 x 2,3 м. До перестройки она составляла единое целое с юго-восточной комнатой второй группы. Из комнаты № 1 есть арочные переходы в две другие комнаты этой группы.

Комнаты № 2 и 3 ориентированы по линии запад-восток, имеют одинаковые размеры (108 x 2,4 м). Проход из комнаты № 3 в комнату № 4 южной группы замурован.

В южной группе сохранились три комнаты, но было, вероятно, четыре. Комната № 4 имеет размеры 10,8 x 2,4 м, а № 5 - 2,0 x 2,0 м. Шестая комната была тоже небольшой. Все они последовательно соединялись дверными проемами. Проход из комнаты № 5 в комнату № 6 был замурован.

Стены здания возведены из различного материала. Северная и западная внешние стены пахсовые из тонких горизонтальных прослоек глины, а восточная - из сырцового кирпича размером 46 x 23 x 12 см.

Перекрытия во всех комнатах коробовые, о чем свидетельствует и их продолговатая форма, и структура внутренних завалов, состоящих из битого сырцового кирпича от рухнувших сводов.

Дверные проемы арочные. Их ширина до 1,5 м, высота - до 2,5 м. Своды арок везде, даже в пахсовых стенах, выведены из сырцового кирпича. Только один проем между комнатами № 3 и 4 был прорублен в пахсовой массе без обкладки кирпичом. Под сводами некоторых арок - деревянные опоры из вертикально стоящих столбов, кроме того были и горизонтальные плахи. Так, во внутренней стене, идущей по линии север-юг, горизонтальные плахи проходили на всем протяжении между обоими проемами, расположенными в ней.

Опоры в арочном проеме из комнаты № 4 в комнату № 5 стояли не под пятами арок, как везде, а внутри самого проема. Полы во всех комнатах глинобитные, зачищались хорошо.

В завалах помещений, вплоть до полов, получена большая коллекция керамического материала, железных изделий, шлаков.

Керамика настолько выразительна, что бесспорно ее следует датировать X-XII вв. Среди неполивной керамики много сосудов, раскрашенных минеральными красками.

На уровне стен второго и третьего горизонтов в завалах было найдено много мелких кусков штукатурки с росписью красной, синей и желтой красками. Один фрагмент сохранился довольно хорошо.

Из декоративного убранства здания сохранился орнаментальный фриз, выполненный гравировкой по сырой штукатурке на наружной плоскости восточной стены, выходящей во двор комплекса.

Мотив орнамента - узкая полоса стилизованных растительных побегов между сдвоенных желобков, разделенная на определенном

расстоянии выступающими вниз прямоугольниками, в которых побегі разъединяются на части геометрическим орнаментом типа плетенки.

Весь существенный материал достаточно убедительно подтверждает, что вскрытый холм представлял остатки построек, существовавших в X-XII вв.

Итак, следует отметить, что жилища в городах Юго-Западного Жетысу отличались в зависимости от места своей дислокации.

В центральной части (центральная часть; центральные развалины; шахристан), где была наибольшая плотность населения, возводились двух-, трех- и многокомнатные дома, группирующиеся в кварталы. Жилые массивы, как это видно на раскопках Тараза и Актобе, были рассечены улицами.

На территории пригорода, окруженного стеной, зачастую достигающей больших размеров в сотни гектаров, на обжитых участках была открыта усадебная застройка, когда дом стоял на земле, окруженной стеной. Внутри был сад, виноградник, хауз с проточной водой, как это отмечено на городище Актобе Степнинское или на городище Красная Речка.

Для горожан был характерен тип дома, который назывался «каср», с арабского переводится как «замок». Но это не замок, где на первый план выступала его оборонительная функция. Такие замки были типичны для этого раннего средневековья, для VII-VIII вв.⁹²

Постройка касра была мечтой всякого зажиточного человека. Ал-Истахри пишет об этом совершенно определенно: «Не найдешь ты среди них (жителей Мавераннахра) владельца имения, стремлением которого не была бы достройка обширного касра и помещения для гостей». Каср X в. - это богатый дом специфического архитектурного облика, владельцем которого мог быть любой состоятельный человек.⁹³

Этот тип здания, рассчитанного на обзор со всех сторон, требовал постановки посреди значительного земельного участка, площадь которого по крайней мере в 9 раз больше площади самого здания (из расчета, что расстояние от каждой стороны ограды равно стороне здания).

Наряду с касрами - богатыми домами - строились дома рядового населения, одно- и двухкомнатные.

Вопросы демографии

Большой интерес представляют вопросы определения численности населения городов с длинными стенами. Количество горожан, населявших шахристан, определяется на основе использования общепринятой методики, когда используется метод определения числа домов на селитебной площади городища и это число умножается на среднюю общепринятую цифру состава семьи в 5-7 человек.

Такой метод исчисления населения в мусульманских городах Испании впервые использовал Т. Бальбас, о чем подробно пишет О.Г. Большаков.⁹⁴

Но О.Г. Большаков отмечает и погрешность этого метода и считает более точным метод О.А. Сухаревой, примененный при определении населения Бухары в предреволюционный период, в начале XX вв. Он определяла плотность населения в городе, добавляла сюда жителей арка, Бухары. По ее подсчетам в Бухаре на площади в 710 га в это время проживало 85-90 тыс. жителей и считает, что эти цифры можно уверенно сравнивать с населением средневековых мусульманских городов. Плотность населения на гектар застройки Бухары в средние века составляет по О.Г. Большакову 125 человек на гектар. Но есть и другие цифры плотности населения, и они возрастают до 550-600 человек на гектар в некоторых кварталах.⁹⁵

В раннем средневековье образцом изученной застройки города является Пенджикент, где вскрыта и изучена большая территория, численность его жителей колеблется в диапазоне от 5 до 10 тыс. человек.

В IX-XIII вв. город рос за счет пригорода, но плотность населения здесь была неизмеримо меньше, чем в шахристане. В городах Юго-Западного Жетысу плотность населения на 1 гектар колеблется в зависимости от характера застройки и ее плотности. Так, в первом внутреннем кольце стен, где наблюдается усадебный тип застройки, на гектаре застройки стояли от 4 до 6 усадеб и, значит, проживало 30-40 человек. На других участках, где были пашни, она могла составлять 5-7 человека на гектар, как считает П.Н. Кожемяко.⁹⁶

О.Г. Большаков приводит цифры населения некоторых городов Средней Азии и Семиречья.

По его мнению, в IX-XII вв. в Бухаре проживало 40-50 тыс. человек, в Ташкенте - до 25 тыс. человек, в Таразе - более 10 тыс. человек, в Суябе - до 13 тыс. человек.

Основную массу городов составляли, считает он, города, где обитало 2-5 тыс. человек.⁹⁷

Следуя методике, предложенной О.Г. Большаковым, можно предположить следующие цифры по количеству населения городов Юго-Западного Жетысу; в Таразе было около 10 тыс. человек, в Суябе - 15,5 тыс. человек, в Навакете - 21,250 тыс. человек, в Баласагуне - 6 тыс. человек.

В средних городах проживало от 1500 до 3000 тыс. человек, в малых - до 1500 человек.⁹⁸

Интересно привести демографические выкладки К.И. Петрова, который определяет численность населения исходя из размера дома и всей усадьбы. В центральной части городищ размеры усадьбы были определены в 0,4 га и 2,5-3 га в пригороде. Из общей площади земли он исключает 15%, приходящиеся на улицы, базары, пустыри. При численности семьи в 5 человек, он подсчитал число жителей городов Чуйского и Юго-Западного Жетысу. Все данные он сконцентрировал в таблице.⁹⁹

Таблица 1. Численность населения городов Юго-Западного Жетысу (по К.И. Петрову)

Городище	Площадь городища, окруженная стенами			Количество усадеб домохозяйств	Численность населения (при семье в 5 человек)
	Центральная часть		Центральная часть и округа		
	Общая	Под усадебями			
Шиш-Тюбе	1000	850	6500	2125	10625
Стелнинское	1400	1190	8900	2975	14875
Краснореченское	2000	1700	12000	4250	21250
Ак-Бешим	1100	935	6100	2337	11685
Каинда	400	340	1900	850	4250
Ново-Покровское	70	60	370	150	750
Бурагинское	700	595	4000	1488	7440
Толекское	700	595	4200	1488	7440
Сретенское	650	552	3850	1380	6900
Ашпара	50	43	350	107	535
Ключевское	1600	1360	9600	3400	17000
Кысмычи	600	510	3600	1275	6375
Беловодское	300*	255	1900	637	3185
Чумьшское	300*	255	1800	637	3185
Александровское	500*	425	3000	1063	5315
Грозненское	300*	255	1800	638	3190
Сокулукское	1200*	1020	7200	2550	12750
Полтавское	700*	595	4000	1488	7440
Кузнечное	60*	51	360	127	635
По 19 городищам	13630	11586	81730	28965	144825
По первым 12 городищам	10270	8730	61370	21825	109125

Свои расчеты по количеству жителей Актобе Степнинское на основе анализа аэрофотоснимков городища предложил К.В. Шишкин.

Он выделяет различные типы застройки городища. По его мнению, центральная городская застройка в период расцвета Актобе занимала площадь примерно в 700 га. Исходя из демографических оценок населения мусульманских ближневосточных городов в 500 человек на гектар, число населений в наиболее населенной части города он определяет в 350 тыс. человек.

В периферийных частях городища плотность населения на гектар составляет, по его мнению, 7 домов. Если в каждом доме проживала семья в 7 человек, то на гектаре прожило 50 человек. Здесь на площади 1500 гектаров проживало 75 000 человек.

Площадь же более плотной застройки городища составляет примерно 1000 га. Если плотность населения в ней оценивать в половину центральной части, то получится надо к общему числу жителей добавить еще 250 000 человек. Общее количество жителей в пределах зафиксированной на аэрофотоснимках площади К.В. Шишкин определил в 675 000 человек. А всего в пределах всех оборонительных линий на площади примерно в 150 000 га количество жителей превышало миллион человек.¹⁰⁰

С подсчетами населения, проживающего на городище Актобе, выполненными К.В. Шишкиным, полностью согласился У.Х. Шалекинов, один из исследователей городища.¹⁰¹

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что городище Актобе Степнинское было остатками средневекового мегаполиса с населением в миллион человек. Наиболее близки действительности цифры, приведенные О.Г. Большаковым и К.И. Петровым.

-
- 1 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959. - С. 76.
 - 2 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 177-182.
 - 3 *Беленицкий А.М.* Из итогов последующих раскопок Пенджикента // СА. - 1965. - № 5. - С. 193-194.
 - 4 *Байпаков К.М.* Некоторые вопросы изучения городов Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1975. - № 5. - С. 36.
 - 5 *Петров К.И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI - начала XIII вв. - Фрунзе, 1981. - С. 130.
 - 6 *Петров К.И.* Очерки социально-экономической истории... С. 13.
 - 7 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. - М., 1963. - Т. II, ч. 1. - С. 190; *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. - М., 1963. - Т. II, ч. 1. - С. 23-106; *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Соч. - М., 1964. - Т. 2. - С. 265-302; *Бартольд В.В.* К вопросу об языках согдийском и тохарском // Соч. - М., 1964. - Т. II, ч. 2. - С. 461-470.
 - 8 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина // МИА. - М.-Л., 1950. - № 14. - С. 145-147.
 - 9 *Агеева Е.И.* Общий обзор находок // Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. - С. 215.

- 10 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - С. 69-74.
- 11 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 71-72.
- 12 *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. - М., 1971. - С. 242.
- 13 *Мерциев М.С.* К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 37-50.
- 14 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 82, 203.
- 15 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 81.
- 16 *Жданко Т.А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С. 276-278; *Киселев С.В.* Предисловие к сб. «Древнемонгольские города». - М., 1965. - С. 9-10; *Саушкин Ю.А.* Географический очерк природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. - М., 1946. - С. 13-16; *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. - Л., 1961. - Вып. 1. - С. 5.
- 17 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 26-27, 98.
- 18 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. - Алматы, 2012. - С. 10-11, 118-211.
- 19 *Распопова В.И.* Археологические данные о согдийской торговле // КСИА. - 1973. - Вып. 138. - С. 79-85.
- 20 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С. 101-102.
- 21 История таджикского народа. - М., 1964. - Т. II, ч. 2. - С. 103-110.
- 22 *Большаков О. Г.* Город в конце VIII - начале XIII вв. // Средневековый город Средней Азии. - М., 1979. - С. 310-352.
- 23 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 8. - С. 80.
- 24 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв... С. 81.
- 25 *Горячева В.Д.* О локализации города Баласагун // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. - Фрунзе, 1975. - С. 130-141; *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. - Фрунзе, 1983. - С. 22-66.
- 26 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 131-184; *Петров К.И.* Очерки социально-экономической истории... С. 95-77.
- 27 Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 28 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 126-130. Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 29 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 19; *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. - М., 2006. - С. 219-350; *Зяблин Л.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. - Фрунзе, 1961.
- 30 *Семенов Г.П.* Раскопки 1996-1998 гг. // Суяб Ак-Бешим. - СПб., 2002. - С. 11-114.
- 31 Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 32 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 66.
- 33 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 30.
- 34 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 20.
- 35 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 69.
- 36 *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища в 1978-1983 гг. // Красная речка и Бурана. - Фрунзе, 1989. - С. 69-78.
- 37 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 70-71.

- 38 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 122-114.
- 39 *Бернистам А.Н.* Чуйская долина... С. 24.
- 40 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города... С. 84-88; *Байпаков К.М.* Крепость Аспара // Промышленность Казахстана. - 2012. - № 1 (70). - С. 94-98.
- 41 *Кузнецова О.В., Нуржанов А.А.* Средневековый город Мерке (Мирки). - Алматы, 2009. - С. 40-45.
- 42 *Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.А.* Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 2001. - С. 41-42, 105-115.
- 43 *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2012. - С. 446-452.
- 44 *Шалекенов У.Х.-Баласагуни.* Город Баласагун в V-XIII вв. - Алматы, 2009; *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 150-152.
- 45 *Алдабергенов Н.О.* Раскопки шахристана на городище Актобе // Средневековые города Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1986. - С. 10-53; *Алдабергенов Н.О.* Отчет 1985 г. Археологическое изучение Чуйской долины. - Алма-Ата, 1986. Архив автора.
- 46 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область. - Алматы, 2002; *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 145-224.
- 47 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область... С. 121-122.
- 48 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - С. 66-70.
- 49 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Урбанизация в эпоху бронзы – раннем средневековье - Алматы, 2012. - Т.1. - С. 270-277.
- 50 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область... С. 141.
- 51 Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 52 *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины... С. 172-177.
- 53 Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 54 *Бернистам А.Н.* Городище Садыр-Курган // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 115-123. Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 55 *Бубнова М.А.* Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 125-143. Городище находится на территории Кыргызской Республики.
- 56 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 115-116, 126.
- 57 *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины... С. 145-171.
- 58 *Сенигова Т.Н.* Средневековый город Тараз... С. 23-25, рис. 1-57.
- 59 *Лаврентьев В.П.* Краткий перечень бугров (курганов), находящихся в черте города Аулие-Ата // ПТКЛИА. - V год. - Ташкент, 1900. - Приложение. - С. 47-50.
- 60 *Бернистам А.Н.* Археологические исследования в Казахстане и Киргизии // ВДИ. - 1939. - № 4. - С. 169-177.
- 61 *Бернистам А.Н.* Археологические исследования в Казахстане и Киргизии... С. 169.
- 62 *Бернистам А.Н.* Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. - Алма-Ата, 1941. - С. 27.31, 39-40.

- 63 *Бернштам А.Н.* Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. - 1940. - Вып. VI. - С. 7.
- 64 *Бернштам А.Н.* Памятники старины... С. 35.
- 65 Археологическая карта Казахстана. Реестр. - Алма-Ата, 1960. - С. 272.
- 66 ЦГВИА. Ф. 483. Д. 159.
- 67 ЦГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 2841.
- 68 *Бернштам А.Н.* Археологические исследования в Казахстане и Киргизии... С. 169.
- 69 *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. - Фрунзе, 1977.
- 70 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.) - Алма-Ата, 1986.
- 71 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. - С. 6; *Байпаков К.М.* Западно-тюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. - Алматы, 2012. - С. 386-390.
- 72 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 65; *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины... С. 145 и сл.
- 73 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 176.
- 74 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 5-7.
- 75 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 58, 79.
- 76 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 65.
- 77 *Сенигова Т.Н.* Основные пути формирования топографии Тараза (VI-IX вв.) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1966. - № 5. - С. 73.
- 78 *Сенигова Т.Н.* Основные пути формирования... С. 70-71.
- 79 *Сенигова Т.Н.* Основные пути формирования... С. 73.
- 80 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 205.
- 81 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 212.
- 82 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 140-142.
- 83 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 142.
- 84 *Зуев Ю.А.* Поход гуннского шаньюя Чжи-Чжи на р. Талас и вопрос о так называемом «массовом проникновении гуннов» в Среднюю Азию // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Фрунзе, 1959. - С. 167.
- 85 *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе - город Кедер. - Алматы, 2005. - С. 47-48, рис. 17.
- 86 *Northedge A., Rousset M.-O.* Ornek, etape de la "Route de la Soil" // Archeology islamique. - Paris, 1995. - P. 106-108. Fig 7.
- 87 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана... С. 110-114.
- 88 *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. - Алматы, 2012. - Кн. I. - С. 255-270; *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. - Алматы-Самарканд, 2012. - С. 270, рис. 54.
- 89 Большинство монет было просмотрено и предварительно определено Е.А. Давидович.
- 90 *Бернштам А.Н.* Тюркешские монеты // Труды ОВГЭ. - Л., 1940. - Т. II. - С. 10.
- 91 *Байпаков К.М.* Городище Орнек // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область. - Алматы, 2002. - С. 310-311.
- 92 *Байпаков К.М.* Западнотюркский, тюркешский каганаты... С. 302-309.
- 93 *Большаков О.Г.* Город конца VIII-XIII вв... С. 263-264.
- 94 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII вв... С. 257.
- 95 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII вв... С. 258.

- 96 *Кожмяко П.Н.* Ранние средневековые города и поселения Чуйской долины... С. 172.
- 97 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII вв... С. 267.
- 98 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 160-161.
- 99 *Петров К.И.* Очерки социально-экономической истории Кыргызстана VI - начала XIII вв. - Фрунзе, 1981. - С. 162.
- 100 *Шишкин К.В.* Камеральное обследование городища Актобе с помощью аэрометода // Средневековые города Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1986. - С. 127-129.
- 101 *Шалекенов У.Х.*- Баласагуни. Город Баласагун V-XIII вв. - Алматы, 2009. - С. 93-95.

Глава IV

ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ЖЕТЫСУ И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Городища типа «тортколь»

В свое время В.В. Бартольд обратил внимание на городища Жетысу, известные под общим названием «тортколь» (турткуль), что в переводе с тюркских языков означает «четыре озера».¹ Это слово встречается в разных вариациях: «тортиколь», «торткуль», «турткуль» и даже «дорткуль». По-казахски «торт» – это четыре, а «кол» означает – озеро. Корень этого слова лежит в древнетюркском слове «төрткіл» – четырехугольник, то есть первоначальным источником образования этого термина служил план памятника. Подтверждение этому есть у Махмуда Кашгарского. В его «Словаре тюркских наречий» имеется такое определение: «Төрткіл ев» – «Төрт бұрышты үй», в переводе – «Четырехугольный дом».²

Но некоторые городища под названием «тортколь» имеют в плане овальную, многогранную и даже круглую форму. У всех у них сходная планировка, где выделяется квадратный, прямоугольный, пятиугольный, трапезиевидный или округлый в плане участок, возвышающийся над общей поверхностью и окруженный со всех сторон валом с башнями по углам или по углам и периметру. В линии валов прослеживаются в виде разрывов один, два или четыре въезда. Большинство городищ ориентированы углами по сторонам света, реже – сторонами.

Внутри стен поверхность их ровная, понижающаяся к центру. Размеры сторон от 40-50 м до 1 км и более. Иногда к центральной части примыкает территория, также окруженная валом, но меньшей высоты. Памятники подобного типа широко распространены в Жетысу, Тянь-Шане,³ в Иссык-Кульской котловине,⁴ Центральном Казахстане,⁵ Туве⁶ и Монголии.⁷ Такие памятники известны на юге Казахстана,⁸ в Приазовье.⁹

Группа тортколей исследована в Восточном Туркестане (Синьцзяне).¹⁰ В основном, тортколи датируются VII-XIV вв. Данные городища характерны для районов, где издревле доминировало скотоводство. Поэтому раскопки, изучение и осмысление этих памятников представляют большой интерес, поскольку они позволяют проследить процессы, связанные с переходом кочевников к оседлости и формированию у них городов.

По поводу типологии тортколей существуют различные точки зрения.

На Тянь-Шане наиболее типичными из группы тортколей являются Кошой-Коргон (прямоугольник размером 250х280 м, с валом, сохранившимся на высоту до 8 м) и Ширдакбек в долине Алабуки (размером 120х117 м).

Городища датированы VIII-XIV вв. Оба они, по мнению А.Н. Бернштама, были городами-ставками, городами-крепостями, где во время войны укрывалось население с принадлежавшим ему скотом. Другую группу городищ меньших размеров А.Н. Бернштам считал оседлыми поселениями, возникшими в XI-XII вв. К ним он относил тортколи в пойме р. Джумгал и в долине р. Токуз-Токрау.¹¹

Бесцитадельные городища VI-VIII вв. зафиксированы на юго-западе Ошской области, на северных склонах Туркестанского и Алтайского хребтов, в Баткенском и Ляйлакском районах, на мысах при выходе их в долины. Исследователи полагают, что это были сторожевые посты и убежища для населения, которые использовались в случае военного нападения.¹²

В Иссык-Кульской котловине известно около 100 тортколей. Они составляют подавляющее большинство всех городищ.

Наиболее типичны для этого региона четырехугольные в плане городища, окруженные валами с башнями и с незначительной толщиной культурного слоя. Среди них Тосорское, Каджисайское, Курментинское, Каменское и другие городища. Раскопками установлено два периода жизни на них – VIII-IX и X-XII вв., с расцветом в последний.

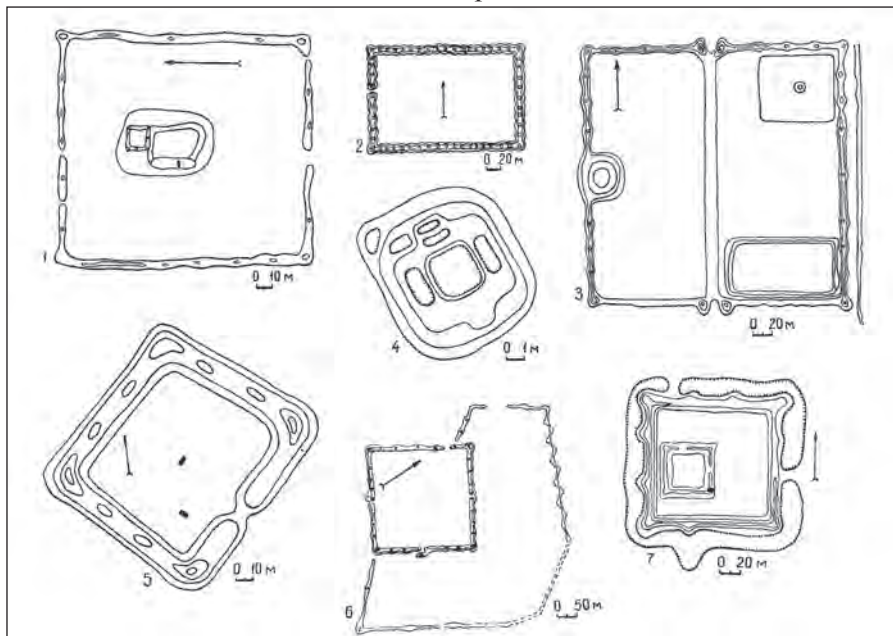

Рис. 111. Типы тортколей: 1 - Нансай, Южный Казахстан; 2 - Кырк-кюз-тортколь, Южный Казахстан; 3 - Ново-Николаевка, Шуйская/Чуйская долина; 4 - Поселение на р. Нуре, Центральный Казахстан; 5 - Поселение у с. Богославка, Таласская долина; 6 - Кошой-Коргон, Тянь-Шань; 7 - Шагонарское III, Тува

По месторасположению городища делятся на две группы. В первую входят памятники, расположенные в долинной части, в ущельях гор, на трассах караванных путей. Они интерпретируются как укрепленные поселения. Городища второй группы расположены по всей котловине, но в основном тяготеют к городищам с длинными стенами.

По мнению Д.Ф. Винника, они являются сельскими поселениями.¹³

В Шуйской долине было обследовано свыше 40 тортколей.¹⁴ По топографии в них можно выделить две группы.

Памятники первой группы находятся в округе городищ с длинными валами, второй – в горных ущельях. И те, и другие имеют вид прямоугольных в плане, реже круглых участков, окруженных валом с башнями. В основном они отличаются размерами и мощностью культурных наслоений. Памятники первой группы, по мнению П.Н. Кожемяко, являются остатками земледельческих поселений, развившихся из форпостов на подступах к большим селениям.¹⁵ Некоторые из форпостов так и остались ими.¹⁶ Другие тортколей в X-XII вв. разрослись в поселения.

Вторая группа памятников в основном датируется X-XII вв. П.Н. Кожемяко считал, что часть из них служила укреплениями и летними ставками. Некоторые впоследствии стали земледельческими поселениями.¹⁷

Аналогичная картина прослеживается и в долине Таласа. Здесь, кроме городищ с длинными стенами, встречаются остатки поселений с прямоугольной в плане планировкой, окруженных валом с башнями.¹⁸ Это четырехугольник в плане, ориентированный углами по сторонам света, размером 112x125 м. Валы вокруг городища достигают высоты 3,5-4 м.

Городища отличаются одно от другого размерами, толщиной культурного слоя, формой. Большинство их относится к X-XII вв. В отличие от городищ с длинными стенами, которые появились в VI-VIII вв., тортколей Таласской долины являлись оседлыми поселениями, возникшими в IX-XII вв.¹⁹

Тип бесцитадельного городища известен и в районах Южного Казахстана. Это Кырк-кюз-тортколей и Кремневское, датируемые X-XI вв. Первое интерпретируется как караван-сарай, второе – как город с не оформившимся шахристаном.²⁰

В низовьях Сырдарьи городища данного типа, как правило, квадратные и овальные в плане; к ним примыкает территория подпрямоугольной или округлой формы, окруженная валом. Внутри центральной части городищ жилые помещения располагались по периметру стен. Наряду с постоянными жилищами, видимо, существовали юрты, устанавливаемые во внутреннем дворе. Городища, центральная часть которых имела размеры 60x60 м или диаметр около 100 м, по мнению С.П. Толстова, являлись укрепленными сельскими усадьбами.²¹

Известны памятники другого типа, хотя для них характерны большая площадь – до 250-300 и более метров в диаметре.

Внутри, судя по подъемному материалу, находились ремесленные мастерские и культовые постройки. Это городские ремесленно-торговые поселения. Они существовали в X-XIV вв.²²

В Центральном Казахстане городища обнаружены в бассейнах рек Тургай, Джиланчик, Кенгир, Жезды и Сары-Су. Как полагает А.Х. Маргулан, одну часть тортколей можно отнести к поселениям осевших на землю джатаков (разорившихся скотоводов), основным занятием которых было земледелие, скотоводство и рыболовство, другую – к укрепленным ставкам. Некоторые из поселений носят ярко выраженный ремесленный характер и связаны с добычей руды, выплавкой металлов и изготовлением металлической продукции. Такого рода поселения составляли важные культурно-экономические центры государства кыпчаков.²³

Интерес представляют тувинские городища, исследованные Л.Р. Кызласовым. Они датируются VIII-IX вв. и XII – началом XIII в.²⁴

Городища прямоугольные и квадратные в плане окружены валами. Будучи центрами оседлости, ремесла, земледелия и торговли, они, по мнению исследователя, в зависимости от размеров являлись ставками феодалов, городищами-убежищами для окрестного кочевого и оседлого населения, в большинстве своем – военными крепостями.²⁵

К интересным результатам пришла С.А. Плетнева, изучавшая средневековые памятники оседлости на Дону и в Приазовье. Она выделила следующие их типы: стойбища, поселения с земляными стенами, замки и города и проследила путь формирования городов на основе феодальных поселений и замков в VIII-X вв.²⁶

Итак, бесцитадельные городища VIII-XIV вв. в различных районах своего бытования интерпретируются по-разному. Это оседлые поселения и города-ставки на Тянь-Шане; укрепленные и сельские поселения в Иссык-Кульской котловине; земельные поселения и укрепления в Шуйской и Таласской долинах; караван-сарай и города с не оформившимся шахристаном в Южном Казахстане; сельские усадьбы и поселения городского ремесленно-торгового типа в низовьях Сырдарьи; замки, военные крепости, городища-убежища в Туве; поселения и ставки в Центральном Казахстане; поселения, замки-убежища и города в Приазовье.

Типология тортколей

Первая попытка типологизации городищ Илийской долины (Северо-восточное Жетысу) принадлежит А.Н. Бернштаму. Он выделил две группы памятников – малые с длиной стен до 50 м и большие с длиной стен 100 м и более. Первые рассматривались как караван-сарай, вторые – как поселения полугородского типа.²⁷ Отсутствие городских центров А.Н. Бернштам объясняет тем, что вся Илийская долина являлась своеобразной сельской округой шуйских городов.²⁸

На наш взгляд, однако, было бы неправильно рассматривать Илийскую долину только как сельскую округу. Здесь были свои

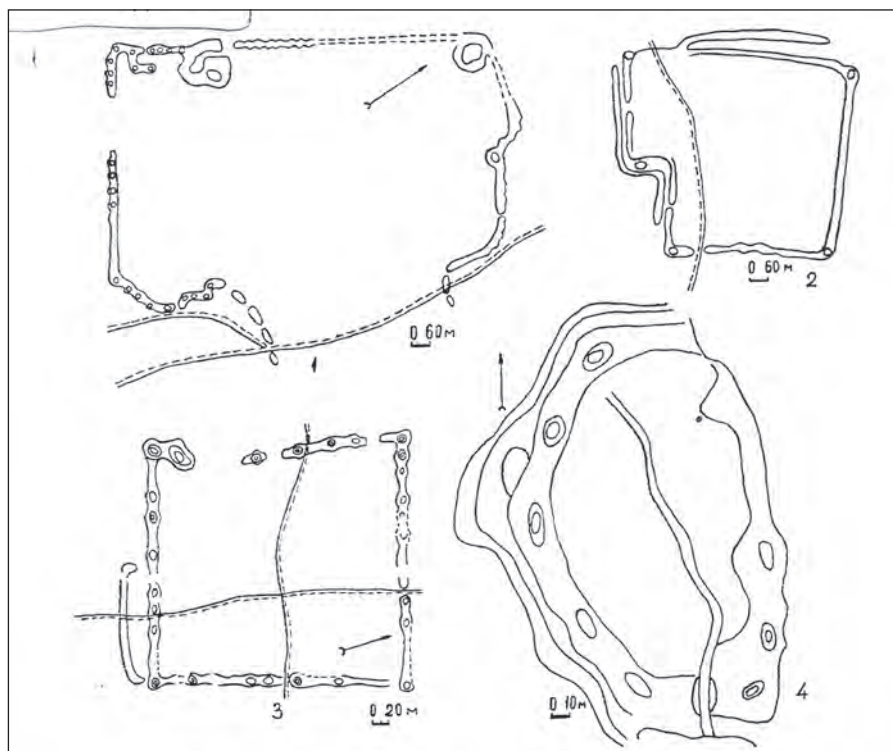

Рис. 112. Городища: 1 - Антоновское; 2 - Дунгене; 3 - Талгар; 4 - Сумбе

городские центры с развитыми ремеслами, торговлей и культурой, а также поселения другого типа.

Определить тип городищ, осмыслить их в историко-культурном и хозяйственном плане позволяют следующие признаки: длина стен, мощность культурного слоя, наличие территории, примыкающей к центральному укреплению, окруженной дополнительным валом; устройство въезда, месторасположение городищ, хронология.

Совокупность признаков позволила, как выше отмечалось, выделить несколько типов памятников. В первую группу входят городища с длиной стен от 100 м и до 1 км. Обычно они многослойные, толщина культурных напластований достигает двух и более метров. В их жизни, по археологическому материалу, прослеживаются периоды: VIII-X вв., XI-XII вв. и XIII-XIV вв. Найденные при раскопках разнообразные виды керамики, стекло, монеты и другие материалы свидетельствуют о развитии здесь не только земледелия, но и ремесел и торговли. К памятникам данного типа относятся городища Талгар, Сумбе, Чилик, Дунгене, Антоновское, Коктума. Внутри группы имеются и некоторые различия: если для Талгара и Сумбе характерны сравнительно небольшие размеры центральной части и примыкающая к территории застройка,²⁹ то в топографии Шилика, Дунгене и Антоновского заметно стремление включить всю территорию городища внутрь стен. Поэтому и размеры стен здесь достигают в длину 800-1200 м.

Городища первой группы можно рассматривать как городские центры.

Раскопки, проведенные в Талгаре, позволили определить время его жизни VIII-XIV вв. Застройка города, керамика, стекло, монеты, предметы импорта убедительно свидетельствуют о нем как о крупном торговом и ремесленном центре, который занимал выгодную позицию на пересечении караванных путей.

Есть предположение, что в Талгаре в XI в. функционировал монетный двор. Все это вместе взятое позволяет считать Талгар столицей левобережной части Илийской долины.³⁰ К городам следует отнести, судя по имеющимся материалам, и Дунгене, Антоновское, Сумбе, Шилик, Коктуму.

Они также занимают в Илийской долине места, наиболее удобные в стратегическом и географическом отношении.³¹ Одним из наиболее веских аргументов в пользу городского характера названных городищ являются сведения нарративных источников.

Тальхиз, Ики-огуз (Эквиус), Каялык, столицу области источники называют городами, которые отождествляются с Талгаром, Дунгене, Антоновским и с Коктумой.³²

Достаточно четко выделяется и вторая группа городищ, датируемых XI-XII вв., для которых характерны большие размеры и незначительная толщина культурного слоя, иногда он вообще отсутствует. Это городища Ак-Молла, Ащи-Булак и Карабулак. Они имеют мощные укрепления, «Г»-образные въезды. Они тождественны тянь-шаньским городищам Ширдакбек и Кошой-Коргон, Цимлянскому в Приазовье, тувинскому Шагонарскому III, некоторым уйгурским городам Монголии.³³

В мирное время здесь располагались ставки влиятельных феодалов, в военное время укрывалось окрестное население со своим скотом. Укрепления, которые прослеживаются внутри убежищ, являются по всей вероятности, замками феодалов; гарнизон ставки ютился в юртах. Видимо, поэтому в городищах культурный слой очень тонок, а иногда его вообще нет.

Л.Р. Кызласов для выяснения назначения городищ подобного рода в Туве привлекает письменные источники. В них отмечается наличие у уйгуров военных «лагерей» с оградами и запиравшимися воротами, внутри которых стояли юрты и палатки.³⁴

В раннетюркских надписях такие крепости называются «чыт».³⁵ Укрепленная ставка, бывшая в то же время и городищем-убежищем, широко известна у кочевых и полукочевых народов.

Туркменские прямоугольные в плане крепости на Балханах, датируемые в основном X-XII вв., а иногда XVI в., по мнению исследователей, были также ханскими ставками. Крепости-убежища зафиксированы и в позднее время. У полуседлой казахской верхушки практиковалось строительство так называемых «кала» (городов). На самом деле кала являлись четырехугольными в плане укреплениями, окруженными земляным валом и рвом.

Примером такого укрепления является Клышкала размером 220x210 м. В ставке богатого феодала Клыша население укрывалось зимой и во время опасностей.³⁶

По сообщению М.Н. Галкина, посетившего в составе русской миссии в 1858 г. Хиву, усадьба казахского феодала Азбергена Муйнатпасова возле Кунграда представляла собой «сад, окруженный высокой глиняной стеной с бастиянами по четырем углам. Он, говорят, выдержал осаду туркмен, причем, внутри него помещалось до 1500 кибиток».³⁷ Внутри крепости кроме фруктового сада имелись хауз, посеы пшеницы и джугары.

Подобного типа городища-ставки и городища-убежища распространены также среди туркменского и каракалпакского населения Хорезма.³⁸

Следовательно, имеются достаточные основания, чтобы второй тип городищ Илийской долины интерпретировать как города-ставки, города-убежища.

К третьему типу относятся городища с длиной стен до 100 м (иногда и больше) и толщиной культурного слоя 1-2 м. Датируются они X-XII вв. Названная группа городищ наиболее многочисленная.

Внутренняя планировка данных городищ известна благодаря широким раскопкам на одном из них – Жаксылыке. Жилой массив пристроен к оборонительной стене изнутри. Он тянется вдоль стен сплошной полосой шириной в 10-12 м и состоит из отдельных секций, выделяющихся благодаря кухонным комплексам. Центр свободен от застройки – это общий двор поселения.³⁹

Данный тип илийских городищ аналогичен сельским и укрепленным поселениям Тянь-Шаня, Иссык-Куля, Шуйской долины, укрепленным сельским усадьбам на Сырдарье, поселениям джатаков Центрального Казахстана, городищам с земляными стенами в Приазовье.

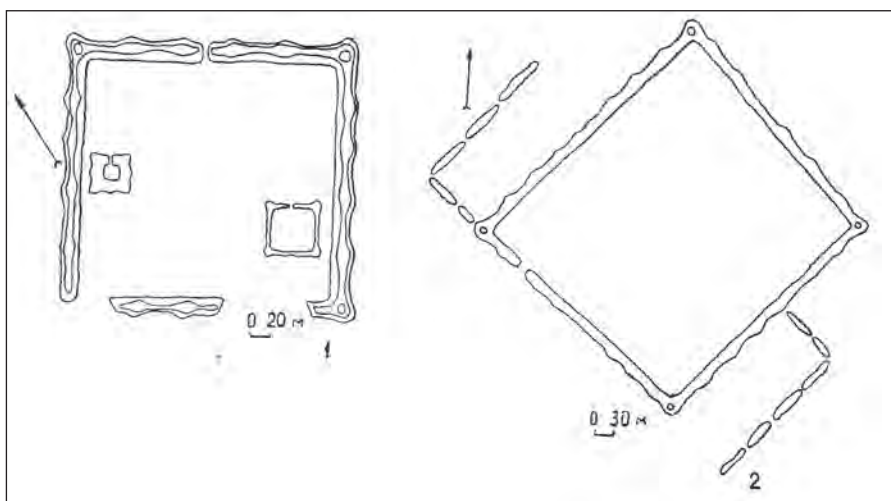

Рис. 113. Убежища: 1 - Айна-Булак; 2 - Ак-Молла

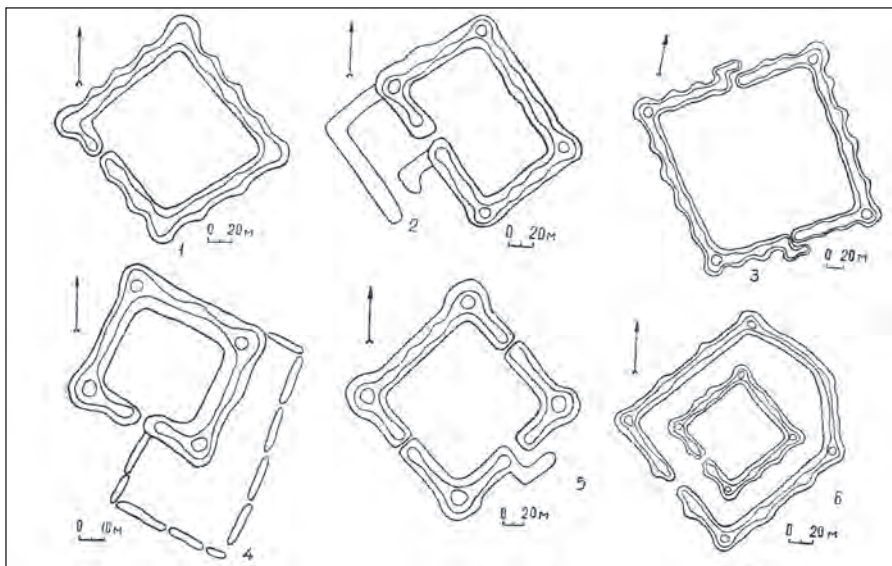

Рис. 114. Поселения: 1 - Капал; 2 - Кзыл-Каин; 3 - Жаналык; 4 - Теректы; 5 - Чержем; 6 - Арасан

В позднее время, в XVIII-XIX вв., похожие сельские поселения имелись в Фергане. Это были прямоугольные крепости со стенами и рвами вокруг. В каждой из четырех стен имелись ворота. Жилые помещения располагались по периметру изнутри.⁴⁰

Он сопоставим и с укрепленной деревней, этнографически лучше всего исследованной в Иране и Хорасане.⁴¹ Как правило, укрепленная деревня представляет собой квадрат или прямоугольник, обнесенный глинобитной стеной, по углам которой располагались башни. Внутри расположены дома, пристраиваемые к оборонительной стене своей.⁴²

Такие усадьбы и поселения были широко распространены у населения Средней Азии. Вот как описывается селение-усадьба Северной Туркмении в начале XIX в. «...Крепостца Иль-Гельди, она построена квадратом, по углам коего находятся четыре башни; стены, сделанные из глины, смешанной с камнем, имели высоту 3,5 сажени, а длины 25.... Внутри делается небольшое водохранилище, несколько дворов, покои, кладовые, мельница и места для скота... В Иль-Гельди было человек 50 или 60 жителей, которые частью занимали комнаты, а частью помещались в кибитках, поставленных во дворе.⁴³

Укрепленное поселение или усадьба, обнесенная невысокой стеной, различается только размерами. В Хорезме, по наблюдениям Б.И. Вайнберг, укрепленные усадьбы характерны для туркменского населения. В них селились отдельные родовые подразделения.⁴⁴

Памятники третьего типа представляли собой укрепленные поселения и усадьбы.

Размеры городищ, видимо, обуславливались количеством проживающего в них населения. Дополнительную территорию, окруженную

валом вокруг городища, можно рассматривать как загон для скота. Именно так считают П.П. Иванов и Д.Ф. Винник, характеризуя исык-кульские города,⁴⁵ и С.П. Толстов – средневековые усадьбы низовьев Сырдарьи.⁴⁶

Некоторые из городищ третьей группы были караван-сараями. Топографически установить это очень трудно. Однако сейчас выделяется серия городищ из одного, двух или трех укреплений, расположенных неподалеку друг от друга. Это городища Шынгельды, Енбекши, Каракастек, Самсы, Сарыджас, Биже I и Айна-Булак. При определении караван-сарая, прежде всего, надо исходить из месторасположения памятника. Данные городища располагались на пересечении современных маршрутных путей, повторяющих направления средневековых. Сарыджас находился в узле двух дорог из Илийской долины в Исык-Кульскую через перевал Санташ и со стороны Шилика в направлении Нарынкола; Айна-Булак – на развилке дорог из долины Каратала к берегам Ала-Куля и Капал-Арасанскую долину.

Таким образом, можно считать, что в Илийской долине в период IX-XIII вв. имелись города, города-убежища, сельские поселения, караван-сарай.

О причинах возникновения торгколей

Особую важность представляет определение причин, которые вызвали появление оседлых поселений, развитие их и превращение в города - центры ремесла и торговли.

Илийская долина исторически развивалась как район, в хозяйстве которого превалировало скотоводство. На протяжении столетий здесь обитали саки, усунь, тюрки, казахи. Все они выступают на исторической сцене, прежде всего, как скотоводы-кочевники.

В свете новейших исследований, не только археологических, но и историко-этнографических, понятие «кочевники» все более дифференцируется. Яснее становится роль полуоседлого населения, сочетающего в своем хозяйстве в тех или иных соотношениях скотоводство и земледелие, кочевание и оседлость. По этому вопросу уже накоплена значительная литература. Наиболее четко о сочетании кочевания и оседлости сказал С.И. Руденко: «Детальное ознакомление с бытом скотоводческих племен Азии свидетельствует, что в огромном большинстве они вели полукочевой образ жизни; кочевые племена, в течение круглого года передвигающиеся с места на место и не имевшие постоянной оседлости, являлись, по-видимому, редким исключением».⁴⁷

Более глубокому пониманию социальных процессов у кочевников средневековья помогает сравнение их с кочевниками недавнего прошлого.

Исследователи справедливо замечают, что жизнь кочевников мало чем изменилась, поэтому можно сопоставить материалы, полученные при исследовании памятников VIII-IX вв., со сведениями о жизни кочевников и полукочевников XVII-XX вв.

Сведения о жизни казахов Илийской долины в дореволюционный период достаточно обстоятельно освещают тему оседлости и оседания. По свидетельству А. Янушкевича, участника экспедиции, посетившей Семиречье в 1846 г., казахское население в долине Чинжала, Егинсу и других рек «возделывает поля при помощи каналов и ирригации, сеет на них просо». ⁴⁸

К середине XIX в. вся предгорная полоса Заилийского хребта была занята казахами. Проезжавший здесь Ч.Ч. Валиханов пишет: «В районе Тургенья, Иссыка и Талгара все пространство, по которому мы ехали, и до подошвы гор были... аулы. Около Талгара на долине много курганов, насыпей и киргизских пашен». ⁴⁹

Сочетанию оседлости и кочевания способствовали природные условия Илийской долины. Для нее характерно кочевание на небольшой территории. Скотоводство здесь носит характер «вертикально-полукочевой формы» и предполагает переходы с летних на зимние пастбища на 150-200 км между пустынями и полупустынями Прибалхашья и высокогорными плато Тянь-Шаня. ⁵⁰

При такой сравнительно небольшой удаленности крайних точек кочевания появлялась возможность долгое время оставаться на зимних и осенне-весенних стоянках, где можно было заниматься земледелием.

Археологические данные позволяют проследить оседлость и урбанизацию, начиная с весьма раннего времени, уже в среде сакских и усуньских племен. Саки и усунь не были постоянными номадами, а являлись сезонными кочевниками, занимавшимися домашним скотоводством в сочетании с земледелием. ⁵¹

Особенно яркие материалы о начальных этапах земледелия у древних усуней Илийской долины получены при изучении и раскопках усуньских поселений в горах Тянь-Шаня.

Обнаружены прямые свидетельства древнеусуньского земледелия - каменные мотыги для обработки почвы и бронзовый серп. Кроме того, на местности вблизи поселений прослежены остатки примитивных ирригационных сооружений - арыков для полива небольших участков. ⁵²

Широкие исследования по выявлению оседлых поселений саков и усуней в предгорных зонах Заилийского и Джунгарского Алатау, на Тянь-Шане выявили многочисленные поселения саков и усуней со стационарными жилищами-землянками, полуземлянками и наземными жилищами из камня и сырцового кирпича. Жители их занимались придомным, отгонным и кочевым скотоводством, а также земледелием, в том числе и поливным.

Здесь собрана разнообразная керамика, в том числе крупные сосуды, найдены остатки медно-литейного ремесла, собраны медные шлаки и найдены глиняные формочки. Некоторые из этих поселений можно считать протогородами. ⁵³

Средневековые поселения являлись основой для формирования городов.

Такой процесс превращения поселения в город типичен для всех, районов, населенных полуседлым и переходящим к оседлости населением.

Города Центрального Тянь-Шаня Кошой-Коргон и Ширдакбек развивались на базе кочевнических ставок. Их топография очень близка илийским даже в деталях - форме и устройстве въездов, размере площади, системе внутренней застройки. Так же, как и в долине р. Или, эти города-ставки занимали ключевое положение в горных долинах и на средневековых караванных путях.⁵⁴

Аналогичный путь формирования характерен для части городов Центрального Казахстана.⁵⁵

Из феодальных усадеб и крепостей выросли города Итиль, Семиндер и Семикаракорское в Хазарии.⁵⁶ По мнению исследователей, в Монголии во второй половине VIII в. стали создаваться экономические предпосылки для возникновения городов.

Археологические материалы в сочетании с данными письменных источников позволяют проследить историю древнемонгольских городов не только как военно-административных ставок, но и как центров средоточия ремесла и торговли.⁵⁷

Наряду с поселениями-ставками одновременно возникают поселения другого порядка. Местонахождение их не столь удобно, как у ставок, это поселения-зимовки рядового скотоводческого населения. Этнографические наблюдения, которые уже приводились, свидетельствуют, что на зимовках оставалась часть населения, которая ухаживала за посевами, тогда как другая поднималась со скотом на жайлау или же кочевала около своих пашен пока зреет хлеб.⁵⁸ Период XI - начала XIII вв. был временем расцвета городской и оседло-земледельческой культуры в Средней Азии,⁵⁹ на юге Казахстана и в Жетысу.⁶⁰ Это обуславливалось общим подъемом экономики, связанным с утверждением феодальных отношений в государстве Караханидов. В XI-XII вв. возникает целый ряд поселений и городов в предгорной полосе, в долинах рек Талгара, Иссыка, Каратала, Лепсы, Или. Окончательно формируются в городские центры Талгар, Сумбе, Шилик, Антоновское и Дунгене, Коктума. Ремесла и торговля, которые раньше играли второстепенную роль, теперь достигают наивысшего расцвета.

Керамика X - начала XII вв. характеризуется стандартным набором типов посуды и орнаментики. Распространяется глазурованная посуда.

Наряду с гончарным ремеслом развиваются и совершенствуются кузнечное, медницкое, косторезное, стекольное и ювелирное ремесла.

Важную роль в развитии городской культуры играл Великий Шелковый путь, соединивший Запад и Восток Евразии через Илийскую долину.⁶¹ Он связывал Среднюю Азию и Казахстан со страной кимаков (Прииртышье) и Восточным Туркестаном.⁶²

Находки на городищах Сумбе и Антоновское перламутровых и коралловых бус, на Агашаяке бус из лазурита, китайского фарфора и керамики, иранских и среднеазиатских бронзовых изделий, индийских изделий из кости - яркое свидетельство международной торговли.

Об оживленных торговых связях Северо-восточного Жетысу свидетельствуют данные письменных источников. Гильом Рубрук, характеризуя Эквиус и Кайлак, указывает на наличие здесь торговых колоний: «Кайлак - пишет он, - большой город, в котором был базар, и его посещали многие купцы». ⁶³ Развитие торговых и торгово-денежных отношений убедительно подтверждается многочисленными находками монет, чеканкой монет в Тальхире, Каялыке.

Своеобразными памятниками прошлой оседлости, торговой, ремесленной и культурной жизни IX-XIII вв. остались многочисленные тортколи.

Тортколи Баканасской дельты

В пределах юго-восточной части Казахстана, вошедшей в географическое понятие Жетысу-Семиречье, особое место занимает территория, охватывающая Или-Шет-Баканасский водораздел, именуемый древней Баканасской дельтой р. Или. Она занимает площадь порядка 12000 кв. км.

Данная территория, как своеобразная и уникальная в природном отношении часть Жетысу, представляет большой интерес и в археологическом плане.

Начиная с палеолита и до позднего средневековья, когда завершился постоянный сток илийских вод по многочисленным руслу «баканасов», древняя дельта использовалась как место животноводства и земледелия, охоты, транзитных торговых путей, дислокации городов и поселений.

В силу особых экологических условий, обусловленных пустынным климатом и связанными с этим сложными условиями земледелия (причем только при орошении) и преобладанием малопродуктивных пастбищ, территорию древней дельты следует рассматривать как особый, отличный от предгорных равнин регион. На данной территории распространены настоящие пустыни с широким развитием такыровидных почв, золотых песчаных образований, такыров и солончаков и испещренные многочисленными сухими руслами «баканасами».

Следует подчеркнуть чрезвычайную меандрированность всех основных русел древней дельты. Основные русла - рукава древней дельты, прослеживающиеся довольно четко на всем своем протяжении. Но они составляют лишь малую часть всей той сложной системы протоков дельты, которые можно восстановить по аэрокосмическим материалам.

Соотношение русел ко всей системе определяется примерным соотношением 3:7. К этому необходимо добавить многочисленные озера, существовавшие в период действия дельты, которые маркируются в настоящее время многочисленными такырами и солончаками.

Все вышеперечисленное свидетельствует о значительной обводненности древней дельты в период её существования.

Это подтверждается наличием погребенных гумусовых горизонтов бывших гидроморфных (луговых, болотно-луговых и лугово-болотных) почв в её пределах.

Здесь обнаружены и обследованы средневековые городища Актам, Агашаяк, Карамерген, Бархан. Земледельческая деятельность здесь представляла определенные трудности при крайне малом уклоне местности. Для орошения территории необходимо было поднимать воду на господствующее положение, что требовало значительных земляных работ. Кроме того, общая слабая дренированность орошаемых полей всегда была чревата опасностью вторичного засоления земель и гибелью посевов.

Что касается животноводства, то рассматриваемая территория имела свои преимущества - это летние пастбища собственно дельты и прилегающие зимние пастбища песчаного массива Сары-Ишик-Отрау.

Интересно проанализировать топографические карты на эту территорию, составленные в конце XIX века (Карта Азиатской России с прилегающей к ней владениями, лист VI, масштаб в 1 дюйме 100 верст, 1:42 000, издана в 1884 году; карта южной пограничной полосы Азиатской России, лист XII, масштаб в 1 дюйме 40 верст, 1:1 680 000). На этих картах нанесены караванные дороги по обоим берегам р. Или и Каратала, вдоль Южного и Северного Прибалхашья, а так же путь от поселка (пикета) Сарыбулакский (район современного пос. Коксу) на запад, северо-запад через пески Сары-Ишик-Отрау до современной дельты реки Или и далее до Балхаша.

На переходе примерно в 300-350 км обозначены более 10 ночлежных пунктов с колодцами.

Этот караванный путь проходит в 8 км южнее городища Актам. На картах также показаны (достаточно точно) развалины укрепления Актам, что соответствует городищу Карамерген и развалины укрепления Дуртгут, соответствующие городищу Актам.

В Северном Прибалхашье чуть восточнее современного г. Балхаша показана «Бывшая Быртыская пристань», от которой караванные пути идут к северу на Каркаралинск (Караганды в то время не существовало) и далее на Павлодар, Акмолинск.

Интересно также отметить, что русло Шет-Баканаса от широты 45°30' с.ш. до широты городища Актам показано как действующее, имеющее постоянный сток. Из вышеизложенной информации можно сделать вывод, что эти пути были проложены в более древние времена. Актам, Агашаяк и Карамерген ориентированы общим направлением с юга на север, это был древний караванный путь, связывающий города и поселения Жетысу с территориями Центрального Казахстана.

Если рассмотреть более широко пути миграции или торговые пути (в том числе один из так называемых отрезков Шелкового пути), то, начиная от Кульджи и далее, вдоль реки Или до средневековых поселений Чингильды или Илийское и далее по правому берегу до городища Баяулы, что в районе современного пос. Баканас, и затем через укрепления (городища) Актам, Агашаяк, Карамерген и от последнего на полуостров, образованный дельтой Ортасу, где также имеются следы городища, и далее через узкий перешеек, совместимый с дельтой

р. Токрау (который в определенные периоды был практически сухим, либо представлял узкий мелководный брод), а также далее по долине р. Токрау на север, то это наиболее близкий и относительно благоприятный путь из Восточного Туркестана и Жетысу до территории Центрального и Северного Казахстана.

Во всяком случае, наиболее прямой путь, например от Кульджи до Акмолы, был менее 3000 км. Любой другой путь потребовал бы увеличение расстояния на 500-1000 км. Ответвление от «Каялыкского» направления Шелкового пути на север к Балхашу и в Центральный Казахстан начинался после переправы через р. Или в районе переправы Тамгалы-Тас сразу же после подъема из каньона и проходило через караван-сарай и поселения Коктал I и II, Баяулы.⁶⁴

Городище Актан расположено по прямой примерно в 85 км к ССЗ от пос. Баканас и в 80 км к ССЗ от городища Баянулы (это расстояние для караванного перехода значительное, возможно между Баяулы и Актамом существовал промежуточный пункт). Координаты городища Актан: 45°32'32" с.ш.

Наиболее близкими протоками, обеспечивающими водой городище Актан, являлись, видимо, протоки Орта - Баканаса, последние соединялись севернее городища со значительной протокой, идущей параллельно Шет-Баканасу и Ортасу. Существуют также близкие протоки, ответвляемые от Шет-Баканаса южнее городища Актан.

Городище Агашаяк расположено севернее Актама и несколько западнее - в 48 км. Координаты Агашаяка: 45° 54' 27" с.ш., 75° 39' 42" в.д.

Водоснабжение городища Агашаяк осуществлялось за счет крупного безымянного русла, проходящего западнее протоки Ортасу (параллельно), непосредственно связанной более мелкой протокой с Ортасу. Следует отметить, что в окрестностях городища Агашаяк наиболее сохранена древнеаллювиальная равнина, здесь эоловые позднейшие образования мало затронули территорию и в относительно пониженных участках (бывших озерах) широко развиты сомкнутые саксаульники, небольшие рощи тамариска и отдельные вегетирующие деревья туранги.

Городище Карамерген расположено в 40 км по прямой, практически на север от Агашаяка.

Водообеспечение городища могло осуществляться, главным образом, за счет протоки Аккум, ответвляющейся от русла западного Шет-Баканаса.

Последним пунктом в пределах Жетысу можно считать остатки городища, расположенного в пределах полуострова Сарыесек, образованного дельтовыми отложениями Ортасу.

Городище Бархан находится в 40 км к северо-западу от Карамергена.

Керамика из разведывательных раскопок и сборов относится, в основном, к X - началу XIII в. и аналогична керамике городищ

Рис. 115. Городище Карамерген

Северо-Восточного Жетысу. Это фрагменты котлов, хумов, кувшинов, чаш, поливной керамики. Найдены бусы из перламутра и лазурита. Обнаружены шлаки меднолитейного производства, остатки керамических печей.⁶⁵

Древние городища Карамерген, Агашаяк, Актам и Бархан располагаются в пределах древней дельты р. Или, представленной обширными пустынными пространствами с чередованием отакрыренных поверхностей, бугристо-грядовых песков, расчлененных древними высохшими руслами баканасов.

Чтобы выявить природную обстановку на время действия городищ, необходимо знать историю формирования территории, восстановить циклы изменения ландшафтов Балхашской впадины, а также проследить взаимосвязь между колебаниями уровня оз. Балхаш и развитием и формированием речной сети р. Или.

Геологическая история Балхаш-Алакольской впадины всегда вызывала интерес ученых-естественников. Различные схемы развития территории можно найти у Л.С. Берга, Н.Н. Костенко,⁶⁶ Б.К. Штегмана,⁶⁷ М.К. Вяткина,⁶⁸ Т.Н. Джуркашева.⁶⁹

На основании этих работ история развития Балхашской впадины может выглядеть следующим образом.

В позднем плиоцене в Балхашской впадине существовала система разобщенных озер, а озера Балхаш, как такового, не существовало.

В начале позднего антропогена произошла резкая аридизация климата, началось интенсивное таяние ледников, резко увеличился сток рек. В результате образовалось Древнебалхашское озеро, включающее в себя собственно Балхаш, Сасыкколь, Алаколь, Джаланашколь, и достигавшее Джунгарских ворот. В это время р. Или формирует Акдалинскую дельту, которая, развиваясь, оттесняет Древнебалхашское

озеро к северо-западу. Похолодание, наступившее во второй половине позднего антропогена, привело к последнему горному оледенению. Ледниковое питание рек сократилось, но было компенсировано увеличением осадков. В результате Древнебалхашское озеро сохранилось.

В начале современного антропогена произошли тектонические подвижки. В поднятие вовлекалась прилегающая к горам часть впадины, в результате чего размеры древнего озера сократились.

Это, наряду с начавшейся аридизацией климата, привело к тому, что Древний Балхаш распался на отдельные озера Балхаш, Сасыкколь, Алаколь, Джаланашколь. Водность рек в это время была достаточной и р. Или формирует Баканасскую дельту. После того, как стояли ледники последнего оледенения, сток р. Или уменьшился и произошло сокращение площади Балхаша. В это же время широко развиваются золотые процессы, формируются песчаные гряды и бугры. В целом, несмотря на общую аридизацию, в современном антропогене имелись влажные периоды. Эти периоды соответствуют 1850-летним циклам увлажняемости.⁷⁰

В соответствии с этими циклами уровень Балхаша также колебался, каждый раз возвращаясь к первоначальному. По мнению Т.Н. Джуркашева, во время аридной фазы, предшествовавшей последнему увлажнению, Балхаш распался на две части - восточную и западную, а перемычкой служила дельта р. Ортасу. В это время сток р. Или происходил одновременно по современному руслу и баканасам. Низкий уровень Балхаша обусловил врезание русел в толщу легко-размываемых пород, что вызвало понижение уровня грунтовых вод и обсыхание и опустынивание пойменных и надпойменных террас.

Период одновременного стока по современному руслу и баканасам закончился после того, как новое русло углубилось. Период одновременного стока закончился около 250 лет назад, обосновывая это существованием заброшенных каналов, забиравших воду одновременно из современного русла р. Или и Баканаса, и подававших воду в водохранилище и датируя время их действия.

Время отмирания баканасов уточняет Т.Н. Джуркашев, основываясь на карте Рената,⁷¹ составленной в 1716-1733 гг., на которой показаны два рукава р. Или, один из которых протекает по современному руслу, а другой относится к системе баканасов. Он делает вывод, что сток по баканасам сам прекратился не раньше 1733 г. и не позже 1785 года.

В настоящее время древняя Баканасская дельта, на которой расположены городища, представляет собой плоскую равнину, расчлененную древними руслами Баканас, Шет-Баканас, Орта-Баканас, Нарын, Ортасу, которые расчленяются на более мелкие. Основные русла врезаны на глубину 3-4 м, иногда 5-7 м, при ширине 50-100 м. Равнинный ландшафт нарушается бугристо-грядовыми песками — древними серыми, более высокими, погружающими свои основания в аллювиальные отложения и молодыми желтыми и низкими, образовавшимися в результате переувлажнения молодого аллювия.⁷²

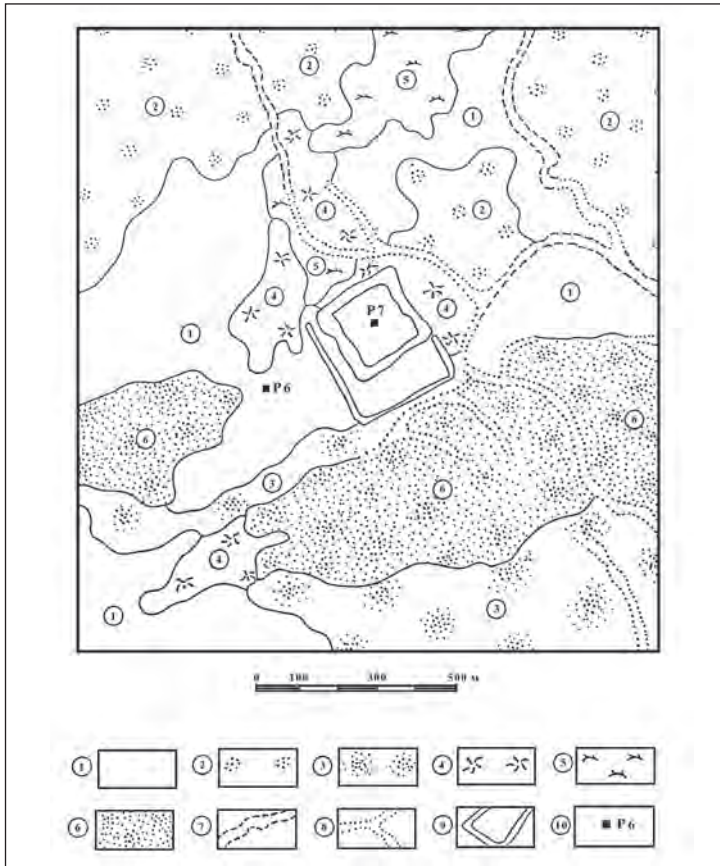

Рис. 116. Экосистема окрестностей городища Актам

1. Плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием саксаулово-белоземельнопопынных (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществ на такыровидных незасоленных суглинистых почвах; 2. Плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием саксаулово-белоземельнопопынных (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществ на такыровидных незасоленных суглинистых почвах в сочетании с терескеново-белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*, *Ceratoides papposa*) и псаммофитнокустарниково-терескеновыми сообществами (*Ceratoides papposa*, *Astragalus brachypus*, *Artemisia soongorica*, виды рода *Calligonum*) на мелкобугристых песках; 3. Плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием саксаулово-белоземельнопопынных (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществ на такыровидных незасоленных суглинистых почвах в сочетании с бело-земельнопопынно-саксауловыми (*Haloxylon aphyllum*, *Artemisia terrae albae*) на бугристых песках; 4. Плоские древнеаллювиальные равнины с преобладанием такыров, часто зарастающих саксаулом в сочетании с саксаулово-белоземельнопопынными (*Artemisia terrae albae*, *Haloxylon aphyllum*) сообществами на такыровидных незасоленных суглинистых почвах; 5. Плоские древнеаллювиальные равнины, расчлененные многочисленными сухими руслами с преобладанием разреженных и сомкнутых черносаксаульников (*Haloxylon aphyllum*) по водораздельным пространствам и террасам на такыровидных слабозасоленных тяжелосуглинистых и среднесуглинистых почвах с фрагментами тамарисковых (*Tamarix ramosissima*) зарослей и поселениями туранги (*Populus diversifolia*) в пределах сухих русел; 6. Эоловые равнины с преобладанием смешанно-саксауловых (*Haloxylon aphyllum*, *Haloxylon persicum*) и псаммофитнокустарниковых (виды рода *Calligonum*, *Athraphaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*) сообществ на бугристых песках; 7. Древние сухие русла («баканасы») с поселениями саксаула (*Haloxylon aphyllum*), тамариска (*Tamarix ramosissima*), и единичных (сухих) деревьев туранги (*Populus diversifolia*); 8. Занесенные песком русла («баканасы») с поселениями псаммофитных кустарников (*Athraphaxis frutescens*, *Astragalus brachypus*, виды р. *Calligonum*), саксаула (*Haloxylon aphyllum*) и бело-земельной полыни (*Artemisia terrae albae*) на маломощных эоловых песчаных отложениях; 9. Городища; 10. Почвенные разрезы.

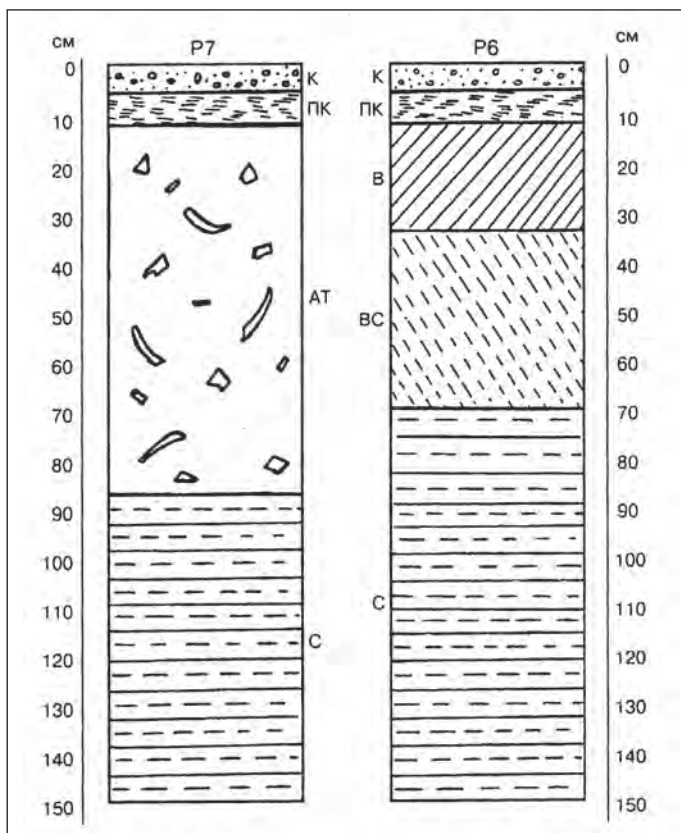

Рис. 117. Разрезы на городище Ақтам и в его окрестностях

К - плотный, пористо-ноздреватый корковый горизонт; **ПК** - уплотненный, слоисто-чешуйчатый подкорковый горизонт; **В** - уплотненный структурный горизонт; **ВС** - переходный структурный горизонт с выделениями ржавых железистых пятен; **ПКГ** - погребенный гумусированный горизонт древних почв гидроморфного ряда; **АТ** - культурный горизонт с включениями антропогенного материала; **С** - слоистый горизонт, представляющий чередование слоев различного механического состава, аллювиального или озерно-аллювиального происхождения, с обилием ржавых железистых пятен.

Растительный и почвенный покров складывается из ряда сообществ и типов почв, соответствующих основным элементам рельефа. На плоских поверхностях доминируют такыровидные почвы, среди которых выделяются: такыровидные незаселенные почвы, которые залегают на относительно повышенных поверхностях под белоземельнопопынно-черносаксуловой растительностью.

В депрессиях рельефа здесь встречаются соровые солончаки без растительности.

Для выявления истории формирования профиля почв на каждом городище была заложена пара разрезов - один непосредственно на городище, другой за его пределами, характеризующий естественный (ненарушенный) профиль.

Карамерген расположен на плоской поверхности, ограниченной с одной стороны высокой песчаной грядой, с другой - древним

речным руслом. Естественная растительность за пределами городища представлена кейреуковыми с саксаулом сообществами.

Внутри городища - отакыренные поверхности с редкими кустами саксаула. Разрез, заложенный в 300 м восточнее городища, показал отсутствие признаков антропогенной нарушенности профиля. С поверхности сформирована палевая мелкопористая корка мощностью 3-4 см, сменяющаяся чешуйчатым подкорковым буровато-светло-серым горизонтом.

Ниже, до глубины 47 см, располагается светло-бурый, достаточно плотный с плитчатой структурой переходный горизонт. За ним следует серовато-бурый с темно-серыми пятнами погребенный гумусовый горизонт, сформировавшийся на стадии гидроморфного режима при обводненности баканасской дельты. Его мощность составляет около 7 см. Ниже располагается ряд горизонтов, представленных чередованием слоев различного механического состава и различной мощности. На гидроморфное происхождение почв указывает и наличие ржавых железистых пятен, встречающихся по профилю с глубины 29-30 см.

Поверхностные горизонты (корка и подкорка) почвенного профиля внутри городища имеет вид, характерный для такыровидных почв, сформировавшихся в естественных условиях. Это результат современного почвообразовательного процесса, начавшегося после прекращения действия городищ и продолжающегося и в настоящее время.

Ниже располагается мощный культурный слой, простирающийся до глубины 83 см.

Здесь встречены многочисленные включения костей, керамики, обожженной глины, а также преобразованный и минерализованный навоз. Культурный слой лежит непосредственно на древнем погребенном гумусовом горизонте мощностью около 20 см, ниже которого располагается неизменная антропогенная порода, озерно-аллювиального генезиса, тяжелого механического состава с многочисленными ржавыми железистыми пятнами - признаками древнего гидроморфизма.

Агашаяк располагается на относительно пониженной плоской поверхности недалеко от древнего русла.

Преобладают отакыренные пространства с изреженным саксаулом (10-15%) с такыровидными незаселенными почвами. Широкие микродепрессии заняты такырами без растительности. На относительно повышенных участках доминируют кейреуковые с саксаулом ассоциации.

Профиль почвы за пределами городища имеет вид характерный такыровидных почв, образовавшихся в результате обсыхания древних пойм. Отмечены корковый и подкорковый горизонты, горизонты, сформировавшиеся в результате современного почвообразования (15-53 см), погребенный гумусовый горизонт, свидетельствующий о гидроморфной стадии развития почвы. Кроме того, по всему профилю (с глубины 5 см) присутствуют ржавые пятна. Это говорит о том, что наряду с древним гидроморфизмом, имеет место сезонная переувлаж-

ненность почв, связанная с поверхностным перераспределением стока и современным развитием такырообразования. Почва внутри городища также не обнаруживает антропогенного вмешательства в почвообразование и в целом идентична профилю почв, находящихся за пределами городища.

Городища Карамерген, Агашаяк и Актам, Бархан функционировали, когда сток по баканасам еще существовал, но они протекали уже по врезанным руслам, при низком уровне Балхаша и существовании перешейка, разделяющего озеро на две части. Террасы баканасов к тому времени были опустынены и городища строились уже на такыровидных почвах при глубоком залегании грунтовых вод. Обосновать это можно тем, что в разрезах на городищах найдены погребенные горизонты, залегающие глубже культурных слоев.

Деятельность Актама и Карамергена была более активная и происходила на постоянной основе.

Агашаяк, видимо, представлял собой только город, но внутри, в центре городища почвы представлены естественным ненарушенным профилем, который не отличается от профилей почв окружающей территории.⁷³

Они прекратили свое существование, когда отмерли баканасы, р. Или стала протекать только по современному руслу, а балхашский перешеек исчез.

Типология городищ и поселений Центрального Казахстана

Впервые типология городищ и поселений Центрального Казахстана⁷⁴ была предложена А.Х. Маргуланом. Основными признаками, по которым он определял типы памятников оседлости, были размеры городищ, наличие крепостных сооружений и культурного слоя. Исходя из этих признаков, А.Х. Маргулан выделил как поселения обедневших кочевников, так и ставки феодалов. Городища, интерпретированные как укрепленные ставки, по его мнению, не имеют внутренней застройки, внутри них могли стоять юрты и юртообразные жилища из глины и тальника.⁷⁵

К типу ставок замков А.Х. Маргулан отнес городища Баскамыр, Ногербек-дарасы, Каратон. Особенностью этих городищ является наличие мощных крепостных стен и цитадели.

К типу ставок он отнес городища Домбаул, Хан-Ордасы.⁷⁶

Неукрепленные поселения интерпретированы А.Х. Маргуланом как поселения джатаков, поселения рудокопов и металлургов.

Эти поселения, по его мнению, возникли в средние века в результате оседания как обедневшей части кочевников, так и богатых скотоводов. Некоторые поселения, например Милыкудук, возникли как поселения металлургов в эпоху бронзы и просуществовали до позднего средневековья.

Основную массу неукрепленных поселений А.Х. Маргулан относил к типу джатаческих поселений, основным населением которых

были: джатаки - беднейшая часть населения, которые, не имея необходимого количества скота и транспортных животных, не могли кочевать и переходили к оседлости (джатачество), занимались земледелием и ремеслом.⁷⁷

Другой тип поселений на примере Милыкудука отнесен А.Х. Маргуланом к поселениям рудокопов и металлургов. По его мнению, Милыкудук по своей типографии отличается от средневековых городищ Центрального и Южного Казахстана.⁷⁸

К типу замков среди неукрепленных поселений А.Х. Маргулан относит лишь поселение Ольке, состоящее из развалин замка и караван-сарая.⁷⁹

Типология городищ и поселений Центрального Казахстана XV-XIX вв. дана и в работе С. Жолдасбаева. Исследуя типы оседлых поселений, он провел небольшие раскопки на городище Аяккамыр и заложил шурфы на городище Найзагара. Городища Аяккамыр, Баскамыр отнесены С. Жолдасбаевым к типу зимовок; городища Шот-Кара, Орда (Алаша-хан), Ногербек-дарасы, Айбас-дарасы - к типу замков-убежищ. По размерам городища этого типа разделены на маленькие, как Айбас-дарасы, Шот-Кара и большие - Орда, Ногербек-дарасы.

Первые, по мнению С. Жолдасбаева, служили временными укрытиями, а вторые - летними ставками. К типу городов им отнесены городища Кызыл-кент и Талдыкент.⁸⁰

Свою типологию городищ предложил Ж.Е. Смаилов. Городища делятся им по признакам: «на берегу», «на открытой площадке», «в ущелье гор». По признаку «на открытой площадке» были выделены городища, отдаленные от реки на 1 и более км, расположенные на ровном степном участке. По признаку «на берегу» отнесены городища, расположенные на берегу рек. Эти городища, как правило, расположены при впадении рек и ручьев, берущих свое начало из расположенных рядом родников. К признаку «в ущелье гор» он относил памятники, расположенные в ущелье гор.

Категория «площадь» включает три признака: до 1 000 кв. м, от 3 000 до 10 000 кв. м и более 10 000 кв. м. Категория признаков «наличие цитадели» включает два: «имеется» и «не имеется».

Категория признаков «расположение башен» включает два: «по углам», «по углам и сторонам».

Категория признаков «наличие культурного слоя» также включает в себя два: «имеется» и «не имеется». Категория признаков «наличие жилищ» включает 3: «одно жилище», «несколько по периметру», «не имеется».

Категория признаков «материал оборонительных стен» включает два: «глиняные стены», «каменные стены». Категория признаков «ориентировка» включает два признака: «углами по сторонам света», «сторонами по сторонам света». Категория признаков «хронология» включает три: «раннесредневековые», «золотоордынские», «позднесредневековые».

На основании этих признаков Ж.Е. Смаилов выделил следующие типы городищ: крепости-убежища - Алаша-хан, Тогузбай-куль, укрепленные замки - Шот-Кара, Айбас-дарасы, Топрак-корган, сельские поселения - Аяккамыр, города-ставки - Баскмыр, Ногербек-дарасы, Хан-Ордасы, Домбаул.⁸¹

Если проанализировать ход рассуждений Ж.Е. Смаилова, то его типология почти не отличается от типологии А.Х. Маргулана и совпадает с типологией тортколей в Северо-Восточном Жетысу.

Кварталы, городское и сельское жилище

Кварталы. Раскопки городища Талгар позволили выявить в его застройке отдельные кварталы.

Раскоп центральной части. В 2004 году был заложен раскоп у восточного въезда, который каждый год расширялся, открывая новые жилые усадьбы, дворы с надворными постройками, улицы и переулки. Так, были расчищены участок центральной мостовой периода XII - начала XIII в., часть квартала с жилыми домами, хозяйственными постройками и обширными дворами. Была вскрыта лавка торговца-ремесленника.

В последующие годы территория раскопа увеличивалась за счет прирезки в западном, восточном и северном направлениях. Раскопками были вскрыты жилые и хозяйственные помещения по уровню II-го строительного горизонта, продолжались работы по расчистке мостовой на отрезке от перекрестка до современной дороги, пересекающей с севера на юг территорию городища.

Следует отметить, что небольшие по площади прирезки с западной и восточной сторон раскопа не дали ожидаемых результатов. Полностью оконтурить помещения, не докопанные в прошлых сезонах, не представлялось возможным: часть стен и помещений, как с западной, так и с восточной сторон оказывались за границей раскопа.

Верхние конструкции, относящиеся к I строительному горизонту, плохой сохранности, после зачистки и фиксации были снесены. Был зафиксирован уровень пола II-го строительного горизонта. В заполнении помещений найдены фрагменты неполивной керамики и горловина стеклянного сосуда.

Увеличение раскопа к северу позволило открыть и частично расчистить тротуар, который был устроен с северной стороны центральной магистральной улицы.

Исследованиями установлено, что застройка города была очень плотной, дома стояли впритык друг к другу. Жилые массивы рассекались магистральными, а также внутриквартальными улицами и тупиками. Так, была расчищена мощеная камнем мостовая, соединявшая западный и восточный въезды в город. Общая длина мостовой 300 м, ширина - 3-3,5 м. Вдоль мостовой тянулся тротуар для пешеходов. Он находился только на одной - северной - стороне магистральной улицы. Уровень тротуара был выше уровня мостовой

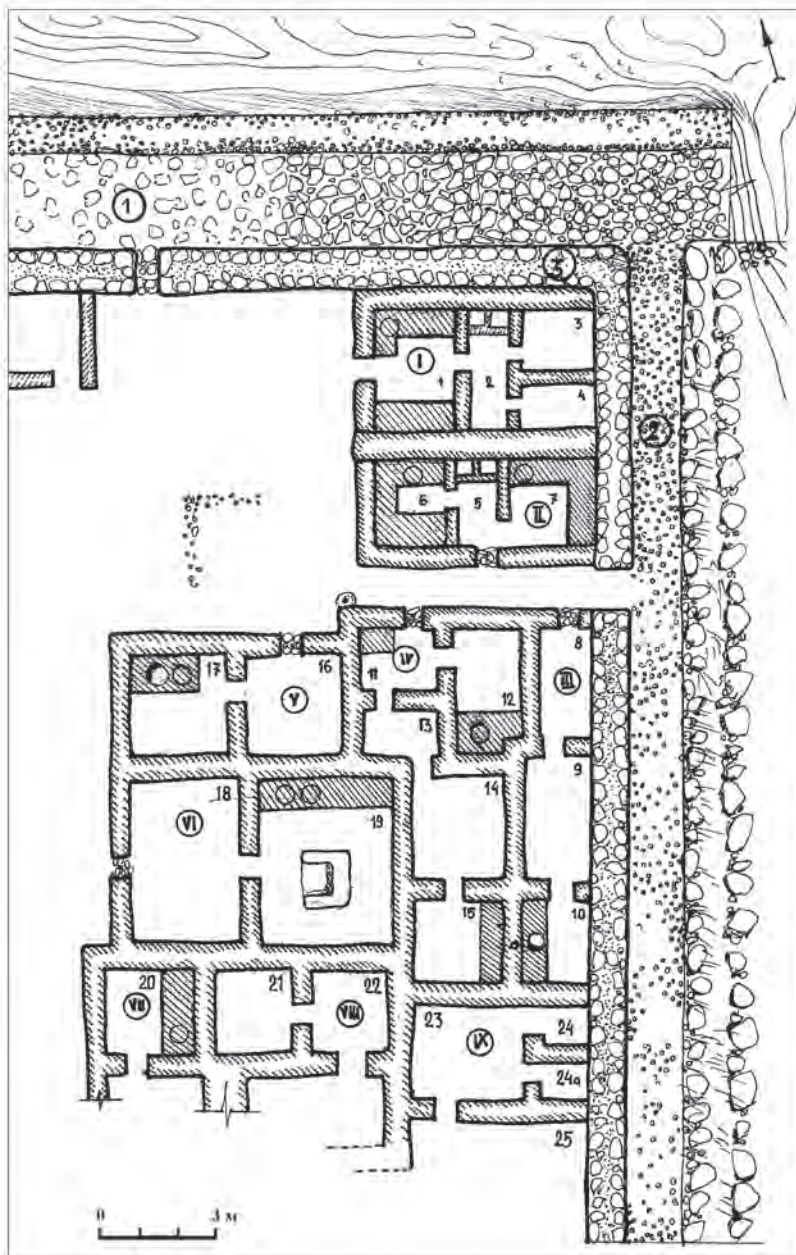

Рис. 118. Раскоп в центральной части городища Талгар

на 15-20 см и отделялся от мостовой бордюром из плотно уложенных камней. Ширина тротуара 1,2 м.

Южная сторона магистрали ограничивалась глиняным забором-дувалом, в нем был вход во двор. Проход по уровню пола также был вымощен камнями.

Забором-дувалом, пристроенным к стенам домов, жилой массив был огражден и со стороны межквартальных улиц. В них имелись входы внутрь жилого массива. Так, два прохода было со стороны западной улицы, пока расчищен один проход в межквартальной восточной улице. Забор-дувал возводился из местных строительных материалов: фундамент складывался из крупной речной гальки и скреплялся глиняным раствором. Стены возводились из крупномерного сырцового кирпича, затем покрывались толстым (до 5 см) слоем раствора глины с добавлением органики.

Перпендикулярно центральной мостовой внутрь жилого массива с западной стороны квартала отходила улица, поверхность которой тоже была вымощена камнем. Внутри квартальная улица шириной 2,5 м, расчищена на 21 м в длину.

С восточной стороны квартал также отделяется от другого жилого массива, расположенного ближе к восточной крепостной стене, межквартальной улочкой, ширина 1,3-1,5 м, поверхность вымощена мелкой галькой.

Магистральная улица, соединяющая восточные и западные ворота города, расчищена и законсервирована.

Таким образом, в рамках улиц и стен находится участок городской застройки. Не все помещения расчищены по одному уровню или синхронным полам, горизонтальная стратиграфия на участке разная, но в ряде жилых помещений (1-25) во дворе и раскопанных лавках уровень одинаковый. Скорее всего, постройки на раскопанном участке входят в состав двух-трех кварталов.

Квартал «А» (центральный) состоит из 9 домов.

Дом 1 состоит из 4-х помещений, из которых помещение 2 - коридор, а 3 и 4 - кладовые. Помещение 1 - жилое с суфами у трех стен.

В доме 2 два жилых помещения с суфами и очагами, и коридор между ними.

Дом 3 насчитывает три помещения, вытянутых анфиладой. Жилым, судя по наличию суфы, было помещение 10.

Дом 4 состоит из пяти помещений, два из них - 12 и 15 были жилыми.

Дом 5 - двухкомнатный, образован вестибюлем, куда вел вход, как и во все другие дома из двора, и жилого помещения с суфой.

Дом 6 также двухкомнатный, его жилая комната с суфой в центре имеет очаг-алтарь.

Два дома 7 и 8, обозначенные на плане как два отдельных, скорее всего, являются частями одного многокомнатного жилища, пока не докопанного полностью. Полностью раскопаны три помещения: 20, 21 и 22. Одно из них - жилое, имеет суфу.

Дом 9, видимо, состоял из двух помещений. Одно из них (23) имеет два больших закрома.

Остальные помещения квартала «А», как выше отмечалось, пока не докопаны до уровня нижнего строительного горизонта.

Следует отметить, что квартал, состоящий из 9-12 домовладений, имел обширный двор, предназначенный для содержания скота жителей квартала.

В квартале находились три лавки, куда попадали с восточного участка магистральной улицы. Это стандартные помещения и в одном из них был найден клад медных изделий. Клад находился в металлическом сосуде, похожем на глубокое овальной формы корыто с двумя симметрично расположенными ручками. Корыто, по всей вероятности, было вкопано в пол до верхнего края и заполнено медными сосудами.

Также следует отметить, еще не доисследована застройка и не изучены отдельные домовладения квартала условно обозначенного как квартал «Б».

Полностью открыт квартал XI – начала XII вв. площадью около 4000 кв. м, снаружи примыкающий к юго-западному углу городища. Он состоял из домовладений, объединенных участком магистральной улицы, изолированных от остальной застройки глухими стенами боковых фасадов крайних домов. Дома, а всего на этом участке их насчитывалось 12-14, имеют выходы на улочку. При сравнении квартала Талгара с синхронными по времени кварталами Южно-Казахстанского городища Куйрыктобе заметна большая площадь первого.

В Талгаре участок, занимаемый кварталом, почти в 4 раза больше, хотя количество домовладений в кварталах одинаково. Это можно объяснить спецификой местных городов, которые возникли в результате оседания на землю кочевников и полукочевников и сохранили в своем укладе многие черты прежней жизни, в частности, при домах имелись большие скотные дворы.⁸²

Кварталы Талгара, об этом уже выше писалось применительно к южно-казахстанскому городу, видимо, тоже складывались как концентрация группы домов родственников. Они принадлежали семьям, находящимся в родстве и связанным сознанием общего происхождения от одного предка. Центральная часть Талгара представляет собой прямоугольный в плане участок, обнесенный стенами с четырьмя въездами, соединенными внутри взаимно-перпендикулярными улицами. Жилая застройка прослеживается и за пределами центральной части. Раскопками вскрыт участок городской застройки с юго-восточной стороны центральной части городища. Здесь были вычленены городские кварталы. Каждый квартал насчитывал от 12 до 14 домов-усадеб, отделенных внутриквартальными улочками (не шире 60-80 см), тогда как магистральные межквартальные улицы достигали по ширине 2,5 м.

Городское жилище за пределами центральной части. Изучение остатков древних жилищ как источника по истории социальных отношений, хозяйственных и этнокультурных процессов в обществе, широко распространено в археологии. Само жилище можно рассматривать как «определенный социальный заказ», реализуемый через домостроительную технику и накопленный на вычленинии из природной

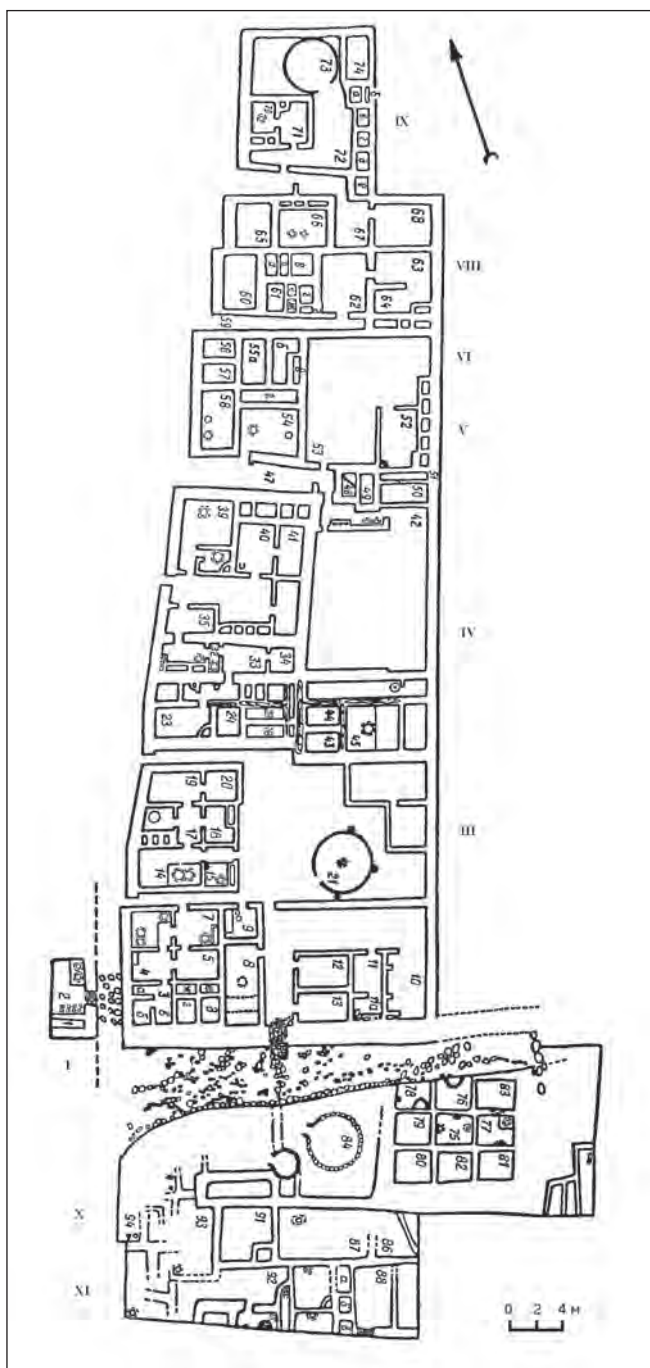

Рис. 119. План раскопа за пределами центральной части городища

среды общественной единицы с обеспечением в условиях данной среды и данных технических возможностей максимума удобств при осуществлении ее основных функций.⁸³ Однако специфика археологического материала такова, что информация, которую из него можно извлечь,

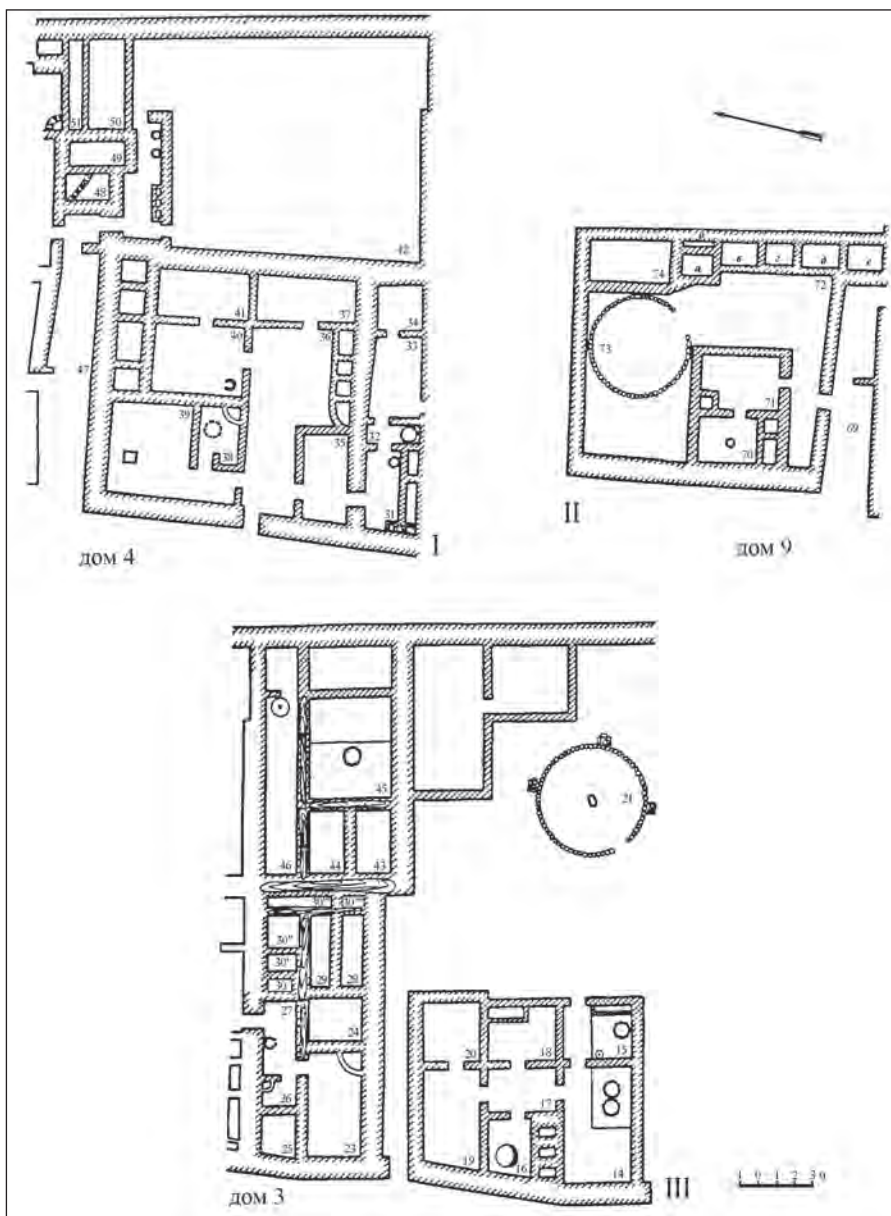

Рис. 120. Планы усадеб I - III

сводится зачастую лишь к характеристике основания стен, полов и очагов. Нередко приходится прибегать к реконструкциям, причем для этого используется этнографический материал по жилищу, методика типологизации которого разработана достаточно полно.

Археологами Средней Азии и Казахстана накоплен обширный материал и проведена большая работа по изучению средневекового жилища.⁸⁴

Основной материал по городскому жилищу получен при раскопках Талгара, где на площади 3200 кв. м полностью открыты и изучены

остатки 11 усадеб и частично – двух. Они датируются XI – началом XIII в. Описание усадеб дано подробно в работе Т.В. Савельевой.

Усадьба I находится на обрыве реки и почти полностью подмыта ее изменившимся руслом. Расчищено два помещения: жилое (13,5 кв. м) и хозяйственное (2,7 кв. м).

Наиболее толстые, до 0,8 м, северная и восточная стены усадьбы являются внешними и выходят на улицу, пролежавшую вдоль берега.

В этой усадьбе удалось проследить один выход (по вымостке) в восточной стене на улицу. Датируется усадьба XI - началом XIII вв.

Усадьба II состояла из жилой части и двора. В усадьбу вело два входа. Жилая часть усадьбы, насчитывающая семь помещений, представляет углубленную в землю постройку, фундамент стен которой сложен из каменных булыжников и валунов, скрепленных раствором глины, а основания внешних стен дома - из более крупных валунов и прямоугольных каменных плит размером 0,6х0,9-1,0 м.

Три из семи помещений (5, 6, 7) предназначались для жилья, остальные выполняли функции подсобных: кладовых и амбаров с многочисленными закромами. Восточную часть усадьбы занимал обширный двор площадью 180 кв. м, со всех сторон обнесенный стенами. Лучше сохранилась южная сторона ограды: ее современная высота 1,3 м, здесь насчитывается четыре ряда каменной кладки высотой 0,6-0,8 м, верхняя часть ограды сооружена из глины.

Все надворные постройки примыкали торцами к южной стене ограды двора. Направо от входа в усадьбу в южной стене расположено четыре загона.

Первый (12) - 5,9х3,0 м. В его северо-восточном углу есть заком (кормушка) в виде сектора (0,6х0,7 м). Вход в него - в западной стене. Третий загон (11, 11а) размером 6,4х3,2 м вытянут с севера на юг и имеет вход в северной стене. Вдоль южной - кормушка с тремя отсеками: их

Рис. 121. Основание юрты

размеры - 0,3х0,3 м, 0,3х0,35 м и 0,8х0,35 м. Стенки кормушки и перегородки внутри нее сложены из одного ряда камней. В юго-западном углу на полу расчищен очаг открытого типа, видимо, служивший для обогрева помещения в холодное время, в котором находился молодой крупного рогатого скота.

Юго-восточную часть двора занимает помещение 10 (6,9х4,3 м) - стойло, вероятно, для лошадей и верблюдов. Вдоль западной стены расположены три кормушки-ясли размерами 0,95х1,35 м, 0,95х2,5 м и 0,95х1,5 м. В юго-западном углу находится еще кормушка (0,95х0,4 м), отделенная от остальных. Судя по тому, что загон с восточной стороны ограничен оградой усадьбы, можно предположить, что он был закрыт навесом.

Анализ остеологического материала, собранного на территории двора, позволил получить представление о составе стада у жителей усадьбы. Среди костного материала имеются черепа и кости лошади, верблюда, коровы, овец, ягнят, коз и ослов. Наличие большого двора-загона, а также найденные кости домашних животных свидетельствуют о значительной доле скотоводства в хозяйстве. При раскопках жилой части усадьбы и двора собран вещественный материал - главным образом обломки неполивной керамической посуды, поделки из кости, изделия из металла - фрагменты ножей, два наконечника стрел, навесной крючок, подвеска, заколка, браслет и другие предметы украшения из железа.

Среди большого количества керамики обнаружены фрагменты, покрытые поливой темно-зеленого и желто-коричневого цветов. Фрагмент чаши на кольцевом поддоне украшен росписью красно-коричневой краской под прозрачной поливой. Такая посуда характерна для XII – начала XIII в.

Усадьба III состояла из жилой части и двора. Между усадьбами II и III прослежен проход шириной 1,2-1,4 м и длиной 15 м. Западным концом он выходит на улицу, восточным - во двор.

Жилая часть усадьбы состоит из семи помещений (14-20). В двух из них (14 и 15) имеются тандыры, остальные по своему функциональному назначению являются подсобными.

К востоку от жилых помещений находился двор. Его юго-восточную часть занимает глиняная платформа высотой 0,15 м, имеющая вид правильного круга диаметром 5,8 м. По окружности она ограничена одним рядом крупных камней. В центре платформы - небольшое углубление от очага округлой формы со следами золы и углей. На месте входа шириной 0,7 м, обращенного на юго-запад, кладка отсутствует. С внешней стороны северной и восточной частей круга находятся прямоугольные каменные выкладки – основания для подпорок.

Глиняная платформа, окруженная каменной выкладкой, является основанием юрты.

При раскопках жилой части усадьбы и двора собран вещественный материал - главным образом, обломки неполивной керамики, поделки

из кости и рога, изделия из металла, мелкие фрагменты стеклянных изделий, а также множество костей, в основном, кухонные остатки.

Керамика может быть отнесена к комплексам посуды из прежних раскопок Талгара и городищ Северо-Восточного Жетысу, что дает основание датировать эти усадьбы XI - началом XIII в.

Усадьба IV площадью 290 м по планировке отличается от ранее раскопанных наличием двух жилых комплексов и большим (72 кв.м) амбаром-зернохранилищем. Кроме жилья и хозяйственных помещений, составной частью усадьбы является двор с загонами для содержания скота. Вход в нее находился со стороны улицы, проходящей по берегу реки.

Дом насчитывал 5 помещений. Северо-западный угол двора занят отдельным небольшим домом, состоящим из жилого помещения 38 (3,5x1,9 м) и очажного отсека (кухни). В помещении - секторальной формы закром и тандыр, вмазанный в суфу.

Усадьба V площадью 296 кв. м по планировке аналогична усадьбе IV. Ее северную часть занимает двор с жилым домом, а южную - жилые и хозяйственные постройки. Во время раскопок жилых усадеб IV и V получен комплекс керамики XI - начала XIII в.

Усадьба VI имела площадь 390 кв. м. В ее западной части расположены жилые и хозяйственные постройки, в восточной - двор с загонем-конюшней (помещения 52 и 53 на плане). В жилую часть усадьбы (помещения 54 и 58) можно попасть через проход в южной стене, которой усадьба отделяется от длинного узкого коридора 47, выходящего магистральную улицу.

Усадьба VII по сравнению с другими усадьбами невелика - площадью 148 кв. м. В планировке выделяются дом, состоящий из жилого хозяйственных помещений, и двор с загонами для скота.

Усадьба VIII площадью 92 кв. м расположена севернее усадьбы VII, в восточной части усадьбы VIII находились двор и загоны (68, 67), в западной - жилые и хозяйственные (65, 66) помещения.

Усадьба IX по конфигурации несколько отличается от остальных, она более компактна, занимает площадь 238 кв. м. В ней так же, как и в остальных усадьбах, есть собственно дом с жилыми и хозяйственными помещениями (70, 71) и двор со стойлом (72). Во дворе находятся сарай (74) и юрта (73).

Коллекция керамики аналогична описанной из других усадеб, в основном это фрагменты неполивной посуды. К столовой посуде относятся обломки тарелкообразных сосудов, чаш.

Усадьба X занимала площадь 370 кв. м. В ее западной части располагался жилой комплекс и хозяйственные помещения, в восточной - скотный двор.

Усадьба XI площадью 90 кв. м располагалась ближе к берегу реки. Ее восточную часть занимал двор с хозяйственными постройками, а западную - жилой комплекс. Во дворе расчищено основание юрты - возвышающаяся над уровнем двора круглая глиняная площадка диаметром 4,3 м, обложенная по окружности крупными камнями.

По внешнему обводу выкладки диаметр юрты равен 5,2 м, вход шириной 0,7 м обращен на запад. Между усадьбами I-II и X-XI с запада на восток тянется вымощенная булыжником мостовая (прослежена на участке раскопа длиной 51 м) шириной от 2,5-3,0 м на западном конце и до 1,5 м - на восточном.

К юго-западу от усадьбы XI зафиксированы строительные конструкции еще одной усадьбы.

Усадьба XII площадью 165 кв. м полностью не раскопана. Во время раскопок усадеб X-XII найдены в больших количествах керамика, изделия из металла, остеологический материал, а также поделки из кости и стекла.

Полученный материал из раскопок усадеб X-XII имеет ближайшие аналогии в комплексах находок с усадеб I-IX городища Талгар и других городищ Северо-Восточного Жетысу. Это позволяет датировать усадьбы X-XII периодом - с XI до начала XIII в.

Сельское жилище. Такие жилища известны благодаря раскопкам на сельском поселении Жаксылык. Общая площадь раскопа здесь достигла 540 кв. м, что составляет примерно 1/5 всей площади застройки.

Комплекс построек состоял из 20 помещений, 14 из них вскрыто полностью, остальные - частично. Удалось сгруппировать помещения в отдельные одно- и многокомнатные дома. Два дома площадью 44 и 48 кв. м являлись центральными.

Дом 1 отапливался двумя очагами, пристроенными в северо-восточной стене. Очаги прямоугольные, размером 0,75x0,5 м, сложены

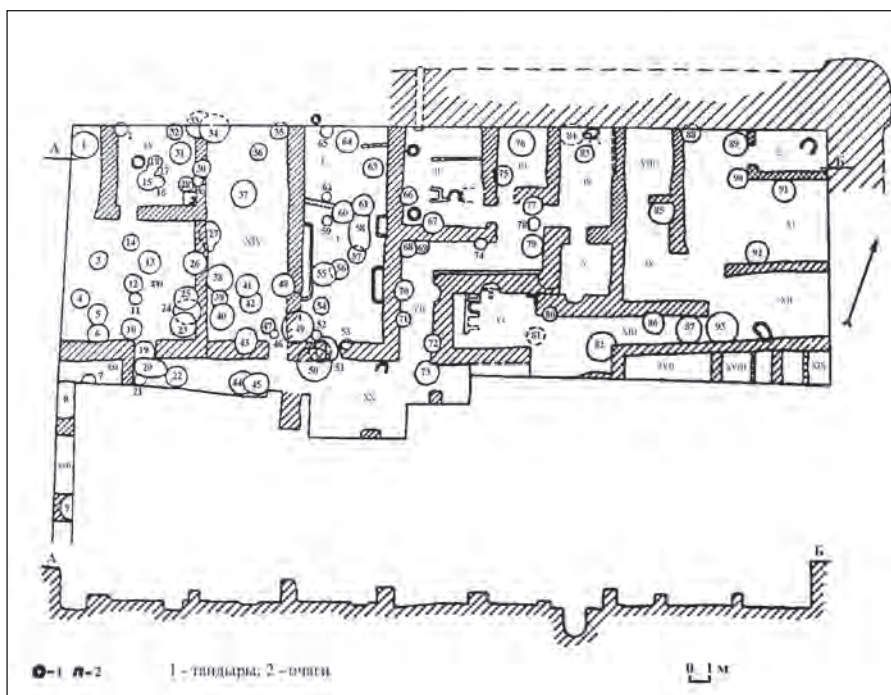

Рис. 122. План раскопа на городище Жаксылык

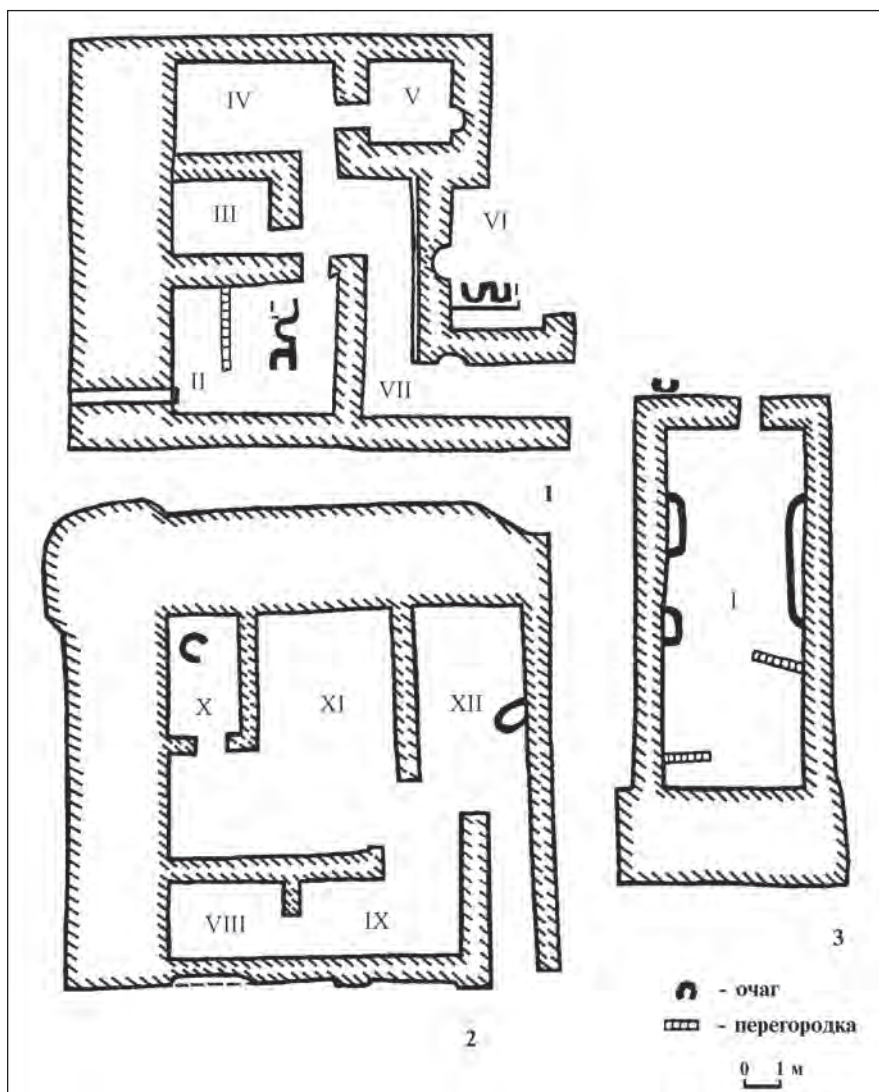

Рис. 123. Дома (секции) на городище Жаксылык

из одного ряда сырцовых кирпичей (35x15x8 см), поставленных на ребро. В заполнении очагов - серовато-красная зола, угли, кальцинированные кости, обожженные обломки глиняных сосудов. Напротив очагов у стены расчищен заком размером 3,5x0,5 м. Приблизительно посередине помещения имеется канавка шириной и глубиной по 0,2 м.

Возможно, в ней находилось основание легкой камышовой, либо турлучной перегородки, делившей помещение на две части.

Вышеописанный дом, судя по прослеженным прослойкам запустения полов, использовался под жильё, трижды, причем в двух последующих периодах обживания в его полах были выкопаны хозяйственные ямы. Размеры их устьев 0,8-1,2 м, глубина 1-1,2 м. Первоначально они служили для хранения зерна, молочных продуктов и мяса,

а затем использовались как мусорные. Сохранилось 17 хозяйственных ям и два тандыра: один вырублен в массиве внешней оборонительной стены, а другой - слеплен из глиняных полос шириной 0,3 м, изнутри покрытых прочерченными и горизонтальными полосами в целях предохранения стенок тандыра от растрескивания.

Рядом с тандыром у стены расчищен заком с остатками проса в виде темно-коричневой уплотненной массы толщиной до 0,2 м.

Дом 2 (помещение 14) - тоже однокомнатный. Вход в него (шириной 0,8 м) находился со стороны двора. Почти в самом центре помещения расчищена хозяйственная яма, относящаяся к первому периоду обживания, остальные - к последующим периодам. Помещения, расположенные справа от помещений 1 и 14, объединены в два изолированных комплекса.

Дом 3 состоит из четырех помещений 2-5. Со двора в него ведет узкий коленчатый коридор шириной 1,8 м. Помещения 2-4 - изолированные, а 5 - проходное. В юго-западном углу помещения 2 (4,1x5,0 м) находился тандыр.

Очаги имеют подковообразную форму, их глинобитные стенки высотой 0,3 м.

Из помещения наружу в ров через толщу крепостной стены выведена гончарная труба. Она была уложена в специально продолбленную клиновидную щель, а затем свободное пространство забито сырой глиной, давшей при высыхании усадку. Труба имеет наклон наружу. Отсутствие в помещении каких-либо характерных шлаков позволяет считать помещение 2 кухней, рассчитанной на обслуживание комплекса вышеназванных помещений.

Помещения 3-5 были жилыми. В их полах расчищены хозяйственные ямы, некоторые из них относятся к первому периоду жизни.

Близкую планировку имел и *дом 4*. Его коридор длиной 5,5 м и шириной 1,3 м соединял помещение с внутренним двором. Кухня размещалась в помещении 6 площадью 7,7 кв. м.

Здесь находился очаг на три рабочих места и один очаг - в северном углу. На полу помещения расчищен слой золы толщиной 10 см.

Помещения 8 и 9 были проходными, а 10-12 - изолированными: в них заходили из общего вестибюля. Помещение 10 (2,1x3,9 м) - угловое. В северном углу на уровне первоначального пола находился подковообразный очаг диаметром 0,4 м.

В полах помещений расчищена серия хозяйственных ям различных периодов обживания городища.

К внутренней стене, связывающей весь описанный комплекс построек, примыкал еще ряд помещений: 16-20, раскопанных частично, причем, помещения 16-18 относятся к группе построек, пристроенных к северо-восточной крепостной стене городища.

С помощью вырытой траншеи длиной 9,5 м установлено, что внутри поселения находился двор. В разрезе ее стен сразу же под гумусным слоем прослежена прослойка коричневого цвета толщиной

0,1 м с вкраплениями угля и золотистыми пятнами, а под ней - материковый лесс.⁸⁵

Особенности городского жилища. При характеристике домов и усадеб интересные выводы можно получить при использовании этнографических материалов по жилищу казахов XIX в.

В целом, площадь домов-усадеб на Талгарском городище превышает площадь средневековых домов городов Южного Казахстана в два-четыре раза. Отмечалось, что недавние предки местных жителей были кочевниками и полукочевниками, и потому жители города сохранили традицию содержать скот при доме, отсюда необходимость значительную территорию отводить под скотный двор.⁸⁶

Рассмотрим - дом в усадьбе II.

Раскопанный дом относится к периоду XI - началу XIII в., но постройка явно традиционно связана с домами предшествующего периода: верхний слой городища имеет планировку домов, аналогичную предыдущему слою.

При внимательном изучении плана участка становится ясным, что строители тщательно продумывали каждый его элемент.

Усадьба разбита на две части: меньшая - жилая часть дома и большая - скотный двор. Входы в ту или другую части располагались по разные стороны.

Именно поэтому вход на скотный двор располагался с южной, а входы в жилую часть усадьбы - с северной, заветренной стороны. При таком расположении входов скотный двор регулярно проветривался. По той же причине южная стена усадьбы - наиболее мощная, ее ширина достигает 1,2 м, а в отдельных местах - 1,4 м, заветренная же, северная наиболее тонкая (всего 0,5 м), торцевые (западная восточная) стены имеют толщину 75 см.

Стены усадьбы выложены из сырцовых кирпичей и каменного

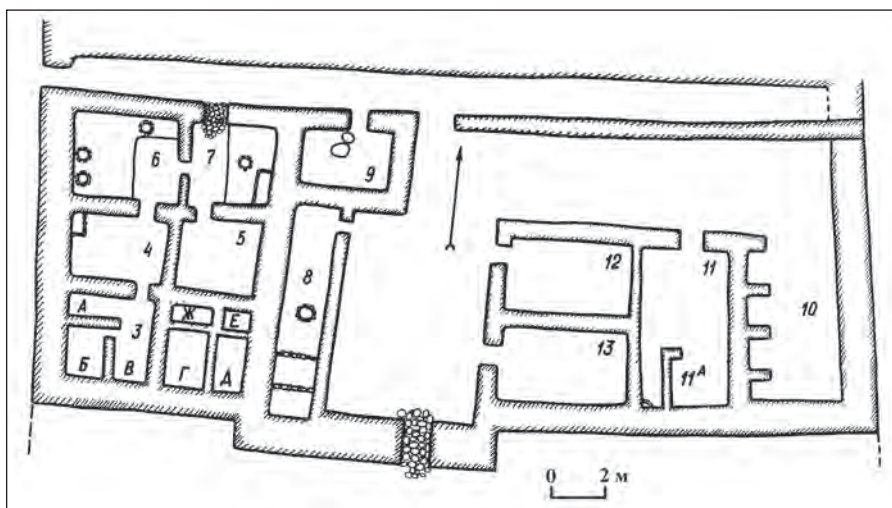

Рис. 124. Городище Талгар. Усадьба II. План

булыжника (диаметром 10-12 см) с берегов реки. Нижняя часть стен на высоту 1,2-1,5 м была выложена из булыжника и слегка заглублена в грунт, прием этот значительно увеличивал прочность стен в целом. Связующим материалом булыжника и сырцовых кирпичей в верхней части стен являлся глиняный раствор. Внутренние стены дома выполнены только из сырцового кирпича.

Предполагается, что кровля над жилой частью дома (пролет 6х8 м) – двухскатная. Это – необходимое условие в холодных и снежных районах, оно устраняет опасность обрушения кровли под тяжестью снега.⁸⁷

Центральная продольная стена в жилой части усадьбы (I) является основной опорной стеной перекрытия, ее высота на 20-30 см выше остальных. Сверху, на опорной поверхности этой стены вырубается полукруглая выемка или же устанавливаются деревянные «подушки». В выемку (или на «подушки») кладется основная продольная балка (матица) – «юрлюк» – круглое бревно диаметром 14-20 см. Высота этой стены от пола до матицы является наибольшей внутренней высотой дома, достигая, в среднем, приблизительно 3 м. По длине умещалось несколько таких бревен-юрлюк. К стенам V и VI такие бревна крепятся вмазыванием глиной.

Когда гребневая линия перекрытия из матиц закреплена, на нее перпендикулярно укладываются жерди «жоко» диаметром 6-10 см. Другими концами жерди опираются в стены. Образуется решетка двухскатного перекрытия. На нее сверху укладывается слой камыша, а затем - пласт сухой травы или сена, на который наносится слой хорошо размешанной в воде глины - «топрак». Образуется ровная, непро-

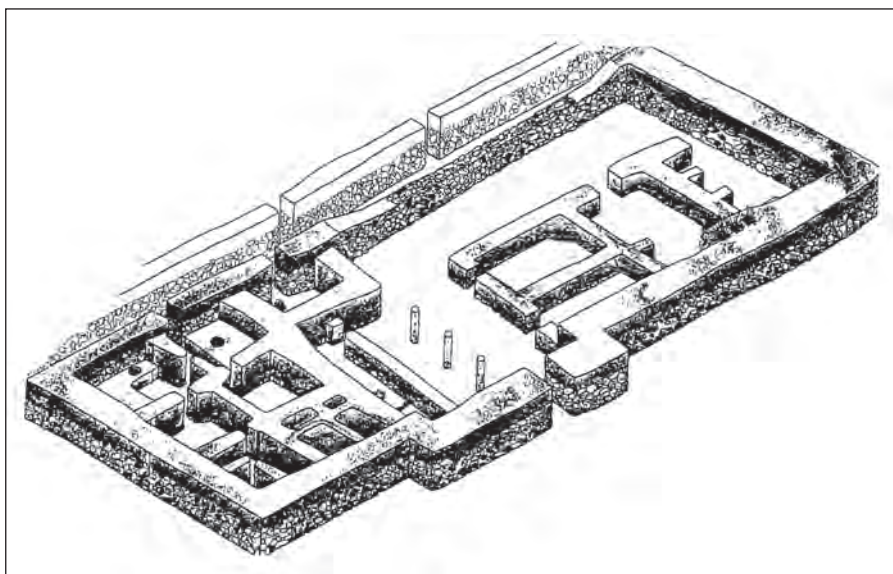

Рис. 125. Городище Талгар. Усадьба 2. Аксонометрический план.
Реконструкция З.Ж. Шарденовой

нищаемая для атмосферного воздействия крыша. Прямо над очагами в кровле делались отверстия, которые служили дымоотводами в доме.

Толщина внутренних стен усадьбы различна. Так, стена III, крайняя внешняя стена дома, разделяющая скотный двор и жилье, имеет толщину 60 см, стена I (центральная продольная и основная опорная стена перекрытия) - 40 см. Толщина остальных внутренних перегородок в доме и перегородок загонов колеблется от 30 до 40 см. Перекрытия над загонами для скота и над айваном почти плоские, с небольшим скатом и значительно проще в исполнении. Обычно загоны покрываются только одной травой, тростником или соломой.

В городах часто встречаются жилые айваны - навесы на колоннах-опорах. В жаркое время года жители проводят там большую часть дня. В данном же случае мы имеем дело с нежилым айваном-навесом, поскольку он расположен на скотном дворе, предназначен для хранения сена, некоторых хозяйственных принадлежностей, а, возможно, и для содержания скота. Поскольку летняя жара в Талгаре непродолжительна, жители обычно не использовали жилых айванов. В короткое же знойное время на территории обширного двора талгарцы-жители ставили традиционные казахские юрты. Стационарное основание одной из таких юрт (диаметр - 5,8 м) встречено при раскопках на соседней усадьбе. Основание выложено из крупных плоских булыжников, утрамбованных в землю.

Оптимально продумана и рациональна внутренняя планировка домов: комнаты пропорциональные, удобные по конфигурации. Дом включает четыре смежных, компактно расположенных помещения (нумерация их сохранена с момента первых археологических раскопок и обозначает последовательность скрытия каждого). Первое от входа помещение 4 (4x4 м) и соседнее с ним с запада помещение 3 (5x4 м) являются комнатами пребывания семьи. Большую часть их занимают широкие суфы с вмазанными тандырами-сандалами. Оба эти помещения относятся к жилой зоне, где можно было отдохнуть, принять пищу, согреться у сандала. К югу от первой комнаты в доме располагалась зона отдыха - спальня 5 (3,7x3,3 м). Находясь в центральной части дома, она не имела естественного освещения, частично свет проникал в комнату сквозь дверной проем из главного входа в дом.

Остальные жилые помещения в доме имели естественное освещение через оконные проемы. По-видимому, как и в более позднее время, в круглые оконные проемы выставлялись стеклянные диски, или же окна были затянуты пузырями от внутренностей животных.⁸⁸ К югу от помещения 3 располагалась кухонная зона - кухня 2 (4,3x3,3 м), а вся южная часть дома была занята обширной кладовой площадью 32 кв. м, разделенной перегородками на несколько отсеков-закромов.

Таким образом, при входе в дом выделяются два направления: из жилой зоны - в зону отдыха (спальню); из жилой зоны - в кухонную зону, а оттуда - в зону кладовых. Все функциональные зоны логично спланированы, взаимосвязаны между собой. С северной стороны

усадыбы есть еще один, вспомогательный, вход в постройку, ведущий в хозяйственную кладовую 6 (4x2,7 м). Эта комната располагается обособленно, поскольку, хотя и не связанная напрямую с функциями жилья, все же должна находиться рядом с домом.

Восточную часть усадьбы занимал обширный двор площадью 180 кв. м. Рассмотрим планировку загонов. Помещение 7 (2,1x10,3 м) - самый теплый загон, поскольку с одной стороны он примыкает к стене жилой части дома, а с другой - к айвану-навесу. Кроме того, внутри загона имеется очаг для дополнительного обогрева. Здесь содержался молодняк мелкого рогатого скота.

Помещения 8 и 9 (5,9x3 м) - загоны для мелкого рогатого скота, загон 10 (6,4x3,2 м) предназначался для крупного рогатого скота, а в его отсеке 10А, обогреваемом подковообразным очагом, также содержался молодняк.

Крайний загон – 11 (6,9x4,3 м) предполагался наполовину открытым (перекрыты были лишь кормушки-ясли). В загоне содержались животные, не столь чувствительные к холоду (лошади верблюды, ослы). Это самый большой загон.

Судя по площади и количеству комнат усадьбы, ее хозяин был человеком среднего достатка, тем не менее, все необходимое для ведения хозяйства в доме имел. Согласно полученным материалам по городищу, в квартале, имевшем 13 домов-усадеб, в двух из них в толще стен обнаружены бревна диаметром 20-22 см, уложенные на булыжную кладку. Сверху, на обмазанные глиной бревна, укладывался сырец.

По всей вероятности, это была антисейсмичная мера. Подобная практика укладки деревянных бревен в толще стены над фундаментом встречается в сейсмоопасных районах Средней Азии и Казахстана. Аналогии средневековым городским усадьбам исследуемого района долины следует искать на сопредельных территориях. Так, в планировочном отношении и характере строительной техники, талгарские усадьбы имеют много общих черт с городскими усадьбами Юго-Западного Жетысу (Красная Речка и Актобе I у с. Орловское).⁸⁹

Удивительную близость с талгарскими демонстрируют усадьбы городища Орнек в Таласской долине, в предгорьях Киргизского хребта. Здесь была исследована одна из усадеб, состоявшая из жилого дома, помещений для скота и большого двора.

Общая площадь ее составляет 1600 кв. м. В сооружении дома использовался камень, им же вымощены полы домов, из крупных валунов сооружались стены вокруг двора. Близка и планировка жилого дома.⁹⁰

В архитектуре и строительстве талгарской усадьбы выделяются локальные черты, во многом обусловленные местными строительными материалами и климатическими условиями, спецификой хозяйства. Широкое использование в строительстве камня и дерева вызвано обилием этих материалов. Резко-континентальный климат вынуждал углублять жилища в землю, а большой двор был обусловлен высокой

долей скотоводства в хозяйстве жителей Талгара. Необходимо отметить, что комплекс жилых построек с большим двором-загоном для скота в предгорьях Заилийского Алатау и Центрального Тянь-Шаня известен с первых веков нашей эры. В усуньском поселении Актас II, датированном I-IV вв., раскопаны жилые и хозяйственные помещения, а также загон для скота, сложенные из камня на глиняном растворе.⁹¹ Традиция сооружения построек из камня, как видно на примерах усадеб Талгара, сохраняется в период средневековья. Камень применяется в это время также в постройках других городищ Северо-Восточного Жетысу.⁹² Важно отметить, что камень широко используется и в XIX-XX вв. оседлыми и полуседлыми казахами Илийской долины. Если обратиться к планировке казахских зимовок, то и здесь наблюдается принцип объединения жилого помещения с двором-загоном для скота, характерный для недавних скотоводов.⁹³

Раскопки дали интересную информацию о внутренней планировке дворов. Выяснилось, что это были не просто свободные участки - загоны для скота, а сложные комплексы с четким разделением помещений для крупного и мелкого рогатого скота, стойлами для лошадей, отапливаемыми отсеками для молодняка. В этом отношении небезынтересно проследить характер устройства зимовок казахов, где жилой дом и скотные сараи объединены в одно целое и составляют единую постройку.⁹⁴ В казахских зимовках сараи во дворах были специализированы для различного вида скота, а для молодняка устраивались отапливаемые помещения. Как правило, выделялись сараи для верблюдов, коров или общий для тех и других; телят, быков и овец.⁹⁵

Объединение жилья с двором-загоном характерно для кочевников, переходящих к оседлости, и свидетельствует о традициях кочевого быта, сохранившегося в оседлой и городской среде исследуемого района в средние века. Еще одним подтверждением этому является сочетание стационарных жилищ и юрты.

Такого рода прецеденты известны. Например, при раскопках загородного дворца X-XI вв. на Краснореченском городище во дворе было найдено основание юрты.⁹⁶

Городская застройка. Вопросы по изучению городской застройки всегда были в центре внимания специалистов. Интересная работа с использованием этнографии выполнена О.А. Сухаревой.⁹⁷ В казахстанской историографии рассматривались проблемы средневековой застройки казахстанских городов.

Для понимания характера квартала привлекались этнографические наблюдения, сделанные для города Пештак, основанного перешедшими к оседлости туркменами племени Али-эли.⁹⁸

Так, в частности, высказывалось предположение о том, что этот город, как и города Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу, был застроен кварталами, изолированными друг от друга. Накопившиеся с тех пор новые данные подтверждают высказанное мнение. Сейчас

можно говорить о трех городских кварталах Талгара, один из которых раскопан полностью, два – частично.

Как уже отмечалось, в кварталах насчитывалось от 10 до 12 домовладений. Площадь квартала составляла от 3 500 до 4 500 кв. м. Кварталы состояли из усадеб, которые соединялись с улицами узкими входами. В расположении кварталов прослеживаются следующие закономерности. Кварталы, расположенные, вдоль улиц, идущих в меридиональном направлении, отделялись друг от друга глухими боковыми стенами, либо магистральными улицами, идущими в широтном направлении. Два соседних ряда кварталов соприкасались дворами и граница между ними проходила по задним стенам дворов.

В отличие от кварталов средневековых южно-казахстанских городов (Куйрыктобе, Отрар), кварталы Талгара занимали большую площадь, здесь наряду со стационарными домами в качестве летнего жилища использовалась юрта. Сейчас на основе имеющегося материала можно констатировать, что городское жилище представлено усадьбой двух типов: с юртой и без нее. Жилые дома характеризуются наличием двух и более жилых и хозяйственных помещений, расположенных в два или три порядка. В жилых помещениях находились тандыры, очаги, сандалы; в хозяйственных - закрома для продуктов и амбары (кладовые) для зерна.

Сельское жилище, судя по материалам раскопок Жаксылыка, характеризуется наличием секций, выделяемых в общей слитной застройке по индивидуальному входу и наличию кухни в группе помещений, связанных между собой проходами.

Прямые аналогии сельскому жилищу Жаксылыка и всей долины имеются в сельских поселениях Афригидского Хорезма. Для них также были характерны жилые секции из 2-3 помещений. В каждой такой секции имелась комната с очагами для варки пищи и тандырами, где выпекались лепешки.

Жилая застройка так же, как и в сельских поселениях исследуемого района, группировалась по периметру крепостных стен вокруг общего двора.⁹⁹

Застройка Талгара характеризовалась жесткой системой магистральных улиц. Две из них соединяли расположенные друг против друга четыре въезда. Одна, соединявшая восточные и западные ворота, расчищена полностью на всю ее длину - 154 м.

Улица шириной 2,5-3 м вымощена булыжником, причем выявлено четыре слоя вымостки общей толщиной 0,5-0,7 м.¹⁰⁰ Застройка за пределами центральной части была тоже разрежена улицами. Одна из таких улиц шириной 1,5-2 м, проходившая по берегу реки, расчищена протяжении 60 м. От нее отходили под прямым углом другие улицы, одна из которых вскрыта на участке 51 м. Ее ширина 2,5-3 м в западной оконечности, а к востоку улица сужается до 1,7 м.

Другой тип застройки характерен для городищ, которые сопоставляются с сельскими поселениями. Жилые и хозяйственные постройки здесь были расположены вдоль крепостных стен. Внутренний фас

оборонительной стены служил одновременно стеной жилых либо хозяйственных построек.

Плоские крыши построек могли использоваться в качестве стрелковых площадок. Внутри селений располагался двор, который использовался как загон для скота.¹⁰¹

Застройку таких поселений можно сопоставить с застройкой, известной еще недавно у населения Центральной Азии, обитавшего в укрепленных поселениях. В ней проживало от одной-двух до ста семей. Деревню обносили высокими крепостными стенами, рвами. Жилые строения пристраивали к стенам изнутри.¹⁰²

Своеобразно застраивали городища-убежища. Внутри стен культурного слоя не было, но в центре или ближе к нему, как правило, отмечены остатки одиночных всхолмлений, видимо, фундаментов капитальных домов. Скорее всего, здесь же могли располагаться юрты.

Согдийцы средневекового Каялыка

Городище «Антоновское» известно в источниках XI – начала XIII в. как город Каялык - столица карлукских джабгу, самостоятельное владение тюрков-карлуков в каганате караханидов.

Трехчастная структура города, характерная для большинства средневековых памятников Казахстана, может быть охарактеризована следующим образом: мощные внешние сырцовые стены, сложенные методом ленточной пахсовой заливки, оплывшие на ширину 11-13 метров, с сохранившейся высотой до 2-2,5 метров, окаймляют подчетырехугольной формы застройку шахристана и, по всей видимости, часть рабада общей площадью 90 гектаров. Городище своей длинной осью протяженностью 1290 метров вытянуто по линии северо-восток – юго-запад и осью северо-запад - юго-восток на расстояние 840 метров. За стеной четко прослеживается ров шириной 10-17 метров и глубиной 1-2 метра. В топографии городища читается въезд шириной около 20 метров, устроенный в северо-восточной стене. В непосредственной близости от въезда (в 180 метрах от северо-западного угла) расположен бугор подквадратной в плане формы размером 100х90 метров и высотой 1,5-2,5 метра. Часть оборонительной стены города является одновременно стеной этой конструкции, функциональное назначение которой не может быть определено как нечто конкретное. Возможно, это был городской квартал.

Частично вскрытая археологическими исследованиями часть городского квартала, по всей видимости, может свидетельствовать о проживании там согдийцев.

Родиной согдийцев являлся древний Согд - историко-культурная область, расположенная в бассейнах рек Зеравшан и Кашкадарья (современная территория Узбекистана и частично Таджикистана). Согдийские купцы славились своей предприимчивостью и способ-

ностью основывать в далеких странах фактории, оказывая при этом значительное влияние на окружающий их мир.

Отличительной яркой чертой внутреннего устройства домов исследованного квартала стали алтари, характерные для среднеазиатской культуры, в частности, согдийцев.

Раскопки на территории четырехугольного плана бугра (вышеопределенного как оборонительное предвратное сооружение) у северо-восточного въезда открыли группу помещений, формирующих дома квартала.

Раскоп разметили с восточной стороны стратиграфического шурфа.

Была открыта часть квартала, дома которого возведены из сырцового кирпича размером 37-38x21-22x6-7 см, построенные без фундамента на выровненной площадке бугра. Раскоп размером 12x16 м включало семь помещений жилого и хозяйственного назначения. Стены были оштукатурены глиной с саманом и побелены известкой. В доме функционировала отопительная система в виде подпольных каналов, проложенных вдоль стен и суф. Главный вход находился с восточной стороны и был выделен айваном.

Из айвана попадали в центральное помещение, которое объединяло вокруг себя другие помещения - два жилых с юга и два хозяйственных

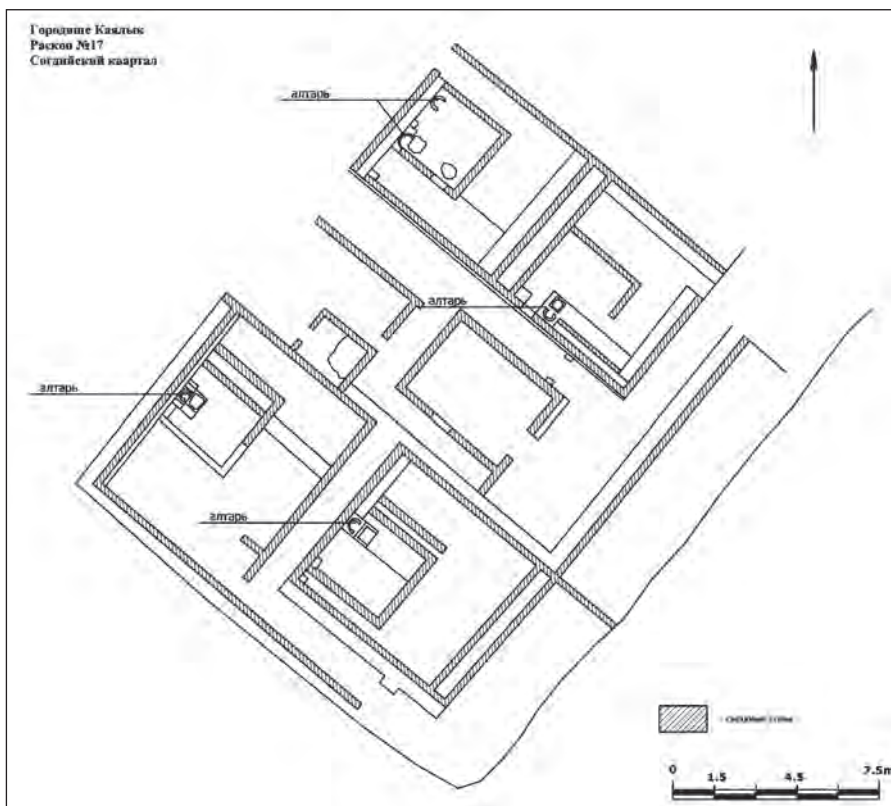

Рис. 126. Квартал согдийцев. Расположение алтарей

- в северной части, в западной - находилось одно изолированное помещение. Дом погиб от пожара внезапно. В северном втором хозяйственном помещении на полу найден женский скелет. Все бытовые предметы так и остались на своих местах. На суфе в центральном помещении стоял котел с гороховой кашей. Детская люлька находилась недалеко от входа в южную половину и от нее сохранился сувак. Входная дверь лежала у входа внутри помещения. Были найдены от нее все принадлежности: цепочка, кольцо, крючок, петля и даже замок. По керамическому материалу, собранному в доме, можно сказать, что трагедия произошла в XIII веке.

Ниже, во втором строительном горизонте, вскрыты помещения дома, построенного из сырцового кирпича размером 40-42x21-22x9-10 см, стены его были укреплены деревянным каркасом из балок. Стены покрывались толстой глиняной обмазкой, потом алебастровой штукатуркой. Было зафиксировано тринадцать помещений, сгруппированных вокруг одного центрального. Это помещение 4 размером 4x3 метра с выходом в восточной стене.

С северной стороны проходит коридор, из которого можно пройти в помещения 1 и 2. В начале коридора с восточной стороны была поставлена дверь. Справа находится дверь в *помещение 1*, где сразу вдоль восточной половины южной стены идет суфа, и на ней поставлен пристенный алтарь, а перед ним установлена керамическая подставка, заполненная золой. Алтарь подковообразный, имеются лицевые «щеки», которые украшены рельефной плетенкой. В западном направлении по коридору расположено помещение 2, у которого в южной стене есть проход в западный коридор. Он отгорожен дверью. Западный коридор имеет продолжение на юг, но эта часть отделена дверью, а также он поворачивает на восток с выходом в помещение 7. Коридор отделяет центральное помещение от западной и южной групп помещений.

Помещение 7 вытянуто по восточной стороне центрального. Имеет проходы в северной и южной частях. С юга расположено помещение 9.

В *помещении 6* можно попасть только из южной половины западного коридора, который и в южной части закрывался дверью. Помещению 6 уделялось особое внимание. Расположенные вдоль северной и восточной стен суфы и пол обмазаны глиной. Между восточной суфой и западной стеной, вдоль южной, поставлен борт высотой 0,6 метра, а промежуток засыпан почти полностью и залит глиной. В углах сделаны выступы. Ниша покрыта алебастровой штукатуркой.

Вероятно, верхняя часть этой ниши была оформлена бордюром, украшенным растительным узором в сочетании с геометрическими плетенками и штампованными четырехлепестковыми цветочками. Угол перехода от горизонтальной полосы в вертикальную соединен дугой, украшенной выступающими уголками от спаренных полукругов, а в свободном месте расположен вытянутый трилистник.

Комплекс керамики представлен столовой посудой. Она находит аналогии среди форм согдийской посуды VIII-XI вв. На одном из сосудов

была процарапана по сырой глине монограмма с псевдонадписями. Она вписана в квадрат, разделенный на четыре сектора по диагонали.

Помещение 11 расположено к западу от помещения 5 и находится в процессе вскрытия. *Помещение 12* находится к северу от помещения 2. Вскрыта его южная часть.

В центре горизонтального бордюра размещалась плита с узором. Плита размером 55х25 сантиметров взята в прямоугольную двойную рамку, а внутри размещены три одинаковые розетки, поставленные концами по вертикали. В каждом квадрате размещен крест, выполненный двумя полосками, которые в верхней части перехвачены узлом и разъединены в разные стороны, а в середине образуют квадрат. В свободных местах размещены крупные двулистники, концы которых соединены в середине квадрата. По горизонтали раздвоенные концы крестов соединены в квадраты, а концы двулистников соединены в середине квадратов. Ниша регулярно подбеливалась. Всего извлекли около 40 фрагментов резьбы по керамической глине. Некоторые от сильного огня приобрели красный оттенок. В середине ниши стоял чираг.

На полу около ниши располагался алтарь подковообразной формы, с узором повторяющихся восьмерок на щеках. Слева у входа в помещение на отдельной суфе установлен еще один алтарь лицом на восток. Он подковообразной формы, на щеках узор, выполненный глубокой резьбой в виде бегущей ветки с листочками.

На полу около алтаря находилась подставка для золы. Она была наполнена серым пеплом с захлестом нижней части алтаря. Такое скопление золы определяло длительность функционирования алтаря. Из западного коридора можно пройти в помещение 3. В проходе сохранилась нижняя часть от дверной коробки. Большая печь размещалась в юго-восточном углу, от которой шли отопительные каналы вдоль

Рис. 127. Алтарь

восточной стены в помещение 3 и вдоль западной стены коридора, а также в южное помещение 5.

Помещение 5 расположено к западу от коридора и южнее помещения 3. Возможно, проход был в южной стене с выходом в южный коридор. Площадь помещения зрительно делится на две половины.

Северо-восточную часть занимает широкая суфа, под которой проходили две отопительные линии от печи из помещения 3. Юго-восточная расположена ниже и идет от середины помещения дугой к юго-восточному углу. В ней тоже проходит отопительная система, но от очага, находящегося в юго-восточной части. Северо-западная половина занята тоже суфой шириной и длиной 2 метра, а спуск с нее оформлен «П»-образным барьером с обмазкой керамической глиной. Барьер высотой 0,6 метра и пол от него идет с наклоном к югу. В конце западной линии барьера начинается ступенчатая суфа, на которой размещен алтарь, а на нижней - подставка для золы. Алтарь подковообразной формы с узором на лицевых щеках. Орнамент выполнен глубокой резьбой и передает плетенку.

Система планировки, где центральное помещение обводится коридорами, тоже находит аналогии среди архитектурных комплексов Пенджикента, Самарканда и соответствует этому же периоду.

Это был общественный дом, в котором проводились ритуальные обряды, связанные с поклонением огню.¹⁰³

Очажки, которые вмазывались в полы жилищ, пристенные очажки с плоскими поддонами под ними, пристенные очажки в нишах, украшенные резьбой, были широко распространены в средневековых городах Казахстана и Средней Азии.

Исследователи, изучавшие очажки, по-разному трактуют их назначение. Преобладает мнение о связи очажков с культом огня. Наиболее обстоятельно зороастрийская культовая семантика очажков обоснована Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем.¹⁰⁴

Ряд исследователей настаивает на утилитарной функции очажков, видя в них художественно обработанные бытовые очаги. Однако, думается, не отрицая их хозяйственно-бытового назначения, нельзя не видеть в их богатом оформлении культ огня и реминисценции религиозно-мифологической концепции древнего населения. Культ огня, судя по присутствию очажков в домах южно-казахстанских и среднеазиатских жилищ, продолжал сосуществовать наряду с исламом.

Это еще одно из подтверждений жизнестойкости древних традиции в культуре населения Казахстана и Средней Азии, в том числе и в религиозных воззрениях.

В данном контексте вспоминается, что у древних тюрков существовал культ Умай, полисемантического божества, тесно связанного с культом огня. Это выражалось в олицетворении огня в образе женского божества, именуемого «мать-огонь».

О численности городского и оседлого населения Северо-Восточного Жетысу

К настоящему времени на территории Илийской долины зафиксировано и обследовано около 90 городищ.

Карта размещения памятников оседлой средневековой культуры в Северо-Восточном Жетысу дает представление о двух центрах их наибольшей концентрации. Это район собственно Илийской долины, в которой наибольшее количество городищ сосредоточено в предгорной полосе Заилийского Алатау и Кетменьтау, по притокам Или – Курты, Талгар, Иссык, Шилик.

Отдельным районом сосредоточения городищ является низовье р. Или.

Вторым районом является Приджунгарье, междуречье Каратала и Лепсы. Здесь также основное количество памятников зафиксировано в предгорной полосе Джунгарского Алатау, по берегам рек Коксу, Аксу, Сарканд, Баскан. К городищам междуречья Каратала - Лепсы примыкают и составляют с ними одну общую группу аналогичные памятники Алакольской котловины, расположенные по Тентеку и на побережье Алаколя.¹⁰⁵

Еще в 1971 г. на городище Талгар была раскопана усадьба с такой же площадью, которая делилась на две части - жилую, состоящую из нескольких помещений, и двор. Жилая часть представляет собой углубленное в землю сооружение. Усадьба датируется XI-XII вв.¹⁰⁶

Затем в результате раскопок на городище Талгар удалось выяснить характер городской застройки XI - начала XIII вв. Застройка внутри стен и за их пределами однотипна, она формировалась из тесно пристроенных одна к другой жилых усадеб. В настоящее время они представляют собой подчетыреугольные, различимые на поверхности бугры с выступающими каменными выкладками. Площадь их от 250 до 500 кв. м. Первая такая усадьба была раскопана в 1965 г. Она состояла из жилой части и двора, окруженного каменной стеной. Площадь усадьбы 400 кв. м, из них 200 кв. м занято двором.

И, безусловно, городские жилища Талгара и сельские Жаксылыка, раскопки городских кварталов и жилой застройки дали в распоряжение исследователей богатый материал.¹⁰⁷

Аналогии Талгарским усадьбам по планировке, размеру, месторасположению на городской территории имеются в Шуйской долине (Краснореченское городище). Еще в 1939-1940 гг. Семиреченская археологическая экспедиция, руководимая А.Н. Бернштамом, полностью вскрыла жилой дом XI-XII вв. на рабаде Краснореченского городища.

Дом состоял из жилой постройки и двора. Общая площадь комплекса равнялась 263,5 кв. м. Жилая постройка из шести комнат находилась в западной части.¹⁰⁸

В 1962-1963 гг. на Краснореченском городище работы возобновились. В результате была выявлена довольно стандартная планировка четырех из пяти домов, состоявших из 7-10 помещений с суфами, очагами

тандыра и овальными очагами из сырцового кирпича.¹⁰⁹ Постройки и помещения X-XII вв. раскапывались в разные годы в Пайкенде, Термезе, на городище Мунчак-тепе, Хишт-тепе, Нисе, Варахше. Анализ планировочных особенностей и строительной техники построек этих городищ приводит В.А. Шишкин в связи с раскопками жилищ горожан на Варахше.¹¹⁰ На Варахше, на шахристане были изучены домовладения горожан площадью до 160 кв. м.

В усадьбах выделены жилые постройки и дворы. В.А. Шишкин указывает на сходство домов Варахши и Краснореченского городища, но подчеркивает компактность первых, выразившуюся в меньшей площади дворов.

Таким образом, сравнивая усадьбы Талгара с синхронными постройками городищ Казахстана и Средней Азии, нельзя не отметить общие черты между Талгарской усадьбой и жилищами Шуйской долины. Однако Талгарская усадьба имеет и отличительные черты, во многом обусловленные климатом, особенностями развития хозяйства, наличием местного строительного материала.

Как уже отмечалось, раскопки шахристана Пенджикента и Варахши не подтверждают распространенной в литературе точки зрения «усадебной застройки», которая предполагает расположение в городе усадеб далеко друг от друга.¹¹¹ Напротив, дома возводились вплотную. В свое время А.М. Беленицкий указывал на то, что «нет никакой необходимости истолковывать сведения письменных источников в пользу «усадебной» теории и тем превращать город в деревню».¹¹²

Для определения численности населения Талгара необходимо, прежде всего, установить количество усадеб на территории городища.

Площадь его 28 га (9 га в пределах стен), из них следует исключить четвертую часть, которая приходилась на площади, улицы и постройки общественного назначения.¹¹³

В результате площадь Талгара под усадьбами составит 21 га (210 000 кв. м). Судя по обмерам развалин, размер усадьбы в среднем достигал 0,3 га (300 кв. м). Таким образом, на городище могло разместиться 700 усадеб. Каждая усадьба была жилищем малой семьи, которая стала вытеснять патриархальную семью уже в середине I в. до н. э., а на кочевой периферии - в X-XII вв.¹¹⁴

Средний состав семьи был равен 5-6 человекам. Эти цифры признает большинство исследователей.¹¹⁵ Следовательно, численность населения Талгара составляла 3 500-4 200 человек при плотности 170-200 человек на 1 га жилой городской застройки.

Исходя из результатов демографических подсчетов, в Талгаре можно определить количество населения городищ Шилика, Сумбе, Дунгене, Антоновского, Коктумы. Предварительные раскопки на них позволяют говорить об аналогичной застройке.¹¹⁶ Площадь городищ соответственно была 33,5 га (под усадьбами 25 га), 15 га (11 га), 37 га (28 га), 78 га (59 га). Исходя из сказанного, население Шилика насчитывало 4 200-5 000 человек, Сумбе - 1 870-2 200, Дунгене - 4 760-5 600, Антоновского - 10 000-13 000 человек. Что касается численности

населения Коктумы, площадь которого неизвестна, то условно можно принять ее 5 600-6 400 человек (средняя для города).

К числу жителей больших городов следует отнести и Алматы. Однако площадь его неизвестна и условно можно считать его равным Талгару, а это 3 500-4 200 человек. Таким образом, в семи городах Илийской долины в период XI - начала XIII в. проживало, видимо, 33 300-39 600 человек.

Второй тип памятников оседлой культуры Илийской долины, как выше отмечалось, можно выделить также четко.

Для него характерными признаками являются размер (длина стен до 200 м), малое количество башен на валу (по четыре на углах и по одной в середине), один, реже два въезда. Иногда к четырехугольнику примыкает территория, окруженная стеной, на ней следы застройки не обнаружены. Группа городищ этого типа самая многочисленная – 76.

Эти городища представляют собой остатки сельских поселений или отдельных сельских усадеб. Раскопки Жаксылыка позволили выявить планировку сельского поселения. Городище имело вид четырехугольной в плане площадки со сторонами 98 м, 105 м, 103 м и 107 м, к ней примыкала территория 450х470 м, также обнесенная стеной, занятая посевами.

Вскрытая часть была более 550 кв. м. Хорошо прослеживается застройка нижнего строительного горизонта. Это жилой массив, состоящий из нескольких обособленных комплексов, в которых имеется два, три или пять помещений, одно из них центральное с очагами и тандырами. Постройки подходят вплотную к крепостной стене изнутри, они расположены в один ряд. За ними находится двор. Городище датируется X – началом XIII в.¹¹⁷

Аналогии планировке Жаксылыка встречены в сельских поселениях афригидского периода Хорезма. Для них также характерно наличие в общей застройке двух- или трехкомнатных секций, в каждой из которых имелась комната с очагами для варки пищи и тандырами для выпечки лепешек. Все помещения также группировались вокруг общего двора.¹¹⁸

Этот тип сельских поселений был, как убедительно показала Е.Е. Неразик, прототипом позднейших сельских построек Хорезма.

Характер сельских поселений Илийской долины лучше выявляется при сравнении их с застройкой поселения XVIII – начала XX в. Центральной Азии.

Е.Е. Неразик в своей монографии ставит вопрос о форме семьи в сельских поселениях и справедливо предполагает, что в них проживала большая патриархальная семья с заметными признаками внутреннего расслоения.¹¹⁹ В Жаксылыке на раскопанной площади насчитывается пять жилых секций. Наиболее четко вычленяется угловая секция и две соседние. Угловая образуется из кухни и трех помещений. Коридор соединяет ее с общим двором. Из четырех комнат и кухни состояла еще

одна секция, другая - из кухни и примыкающего к нему помещения. Исходя из этого, на секцию в среднем приходится около 100 кв. м. Учитывая, что помещения пристроены к стене в один ряд, длина которого 10-11 м, вероятно, на 3 600 кв. м застройки располагалось 36-40 секций. Таким образом, в поселении проживало 36-40 семей, которые, если индивидуальную семью определить в 5-6 человек, насчитывали 180-240 человек.

Столько же населения обитало еще в двух поселениях, аналогичных Жаксылыку, - Бояулы и Капале. В поселениях меньшего размера (длина стены 60-75 м) - Керимбай-тобе, Ак-Сенгир, Кзыл-Гайрат, Талды, Иссык, Басчи, Шингильды, Коктал I, Кегень, Енбек I, Кок-Ирим, Карашоки, Теректы - проживало по 150-180 человек. В поселениях вдвое меньших, чем Жаксылык, - в Каракастеке, Молдахмете, Тургене, Лабасе, Биже I и II - насчитывалось по 100-125 человек, а в поселениях, длина стены которых меньше 30 м, - Сарыжасе, Айнабулаке, Енбеке I - 50-60 человек.

Другие поселения, превосходившие Жаксылык по площади в 1,5-2 раза, имели до 500 жителей. Ими являлись Алматы, Лавар, Коктал II, Актам, Агашаяк, Арасан, Кзыл-Каин, Караул-тобе, Чержетем, Бакалы, Кзыл-курган, Каргалы, Уч-арал, Ащиузек.

К очень крупным поселениям надо отнести Лепсы размером 280x260 м и Сага-Биен. В них насчитывалось по 750-800 человек.

Таким образом, сельские поселения Илийской долины можно разделить на мелкие - до 100 жителей, средние - 100-250 и крупные - свыше 250 человек.

При определении численности сельского населения необходимо учесть и количество жителей городищ долины Курты, района Алматы I, городищ Кольаши, Каскелен, Тургень, Ащинахо, Каркаралы, Покатиловка и Черкасское, размер которых неизвестен. Таких поселений четырнадцать. Если принять в среднем в каждом по 225-330 жителей, то всего в названных поселениях проживало 3 000-3 600 человек. Еще в новых недавно открытых поселениях Алакольской котловины и района Каракастека проживало приблизительно 1 000-2 500 человек. В результате подсчетов общее количество жителей сельских поселений Илийской долины составит около 15 500-19 000 человек.

В Илийской долине, о чем выше писалось, выделяется еще одна группа городищ, для которых характерна большая площадь, мощные укрепления и большее, чем на других памятниках, количество башен. Однако толщина культурного слоя их незначительная. Это городища Жаналык, Акмола, Ащибулак и Карабулак.

Их можно интерпретировать как убежища. В мирное время здесь располагалась ставка влиятельного феодала, а в военное - в нем укрывалось от врага окрестное население со своим скотом. Внутри убежищ укрепленным являлось, по всей вероятности, жилище владельца, гарнизон же ставки ютился в юртах. Поэтому в городищах очень тонкий культурный слой, иногда его совсем нет.

Если учесть, что в городах-убежищах постоянно находились

семья феодала и военный гарнизон, который в мирное время вряд ли был большим, то количество населения в убежищах можно условно принять в 100-250 человек. Всего в четырех убежищах проживало 400-1000 человек.

Общее же количество оседлого населения Илийской долины в XI - начале XII в. составляло около 47 000-54 500 человек.

Как видно из этих данных, городское население превышало сельское. Это, однако, не означает, что Илийская долина - район с преобладающим городским населением. Кроме оседлого сельского населения, здесь имелось кочевое население, которого, безусловно, было больше оседлого.

-
- 1 *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. // Соч. – М., 1966. - Т. IV. - С. 31.
 - 2 *Кашикар М.* Турік сездігі. - Алматы, 1998. - Т. 3. - С. 556.; *Туякбаев М.К.* Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII-XIX вв.) – Алматы, 2009. - С. 43.
 - 3 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - 1951. - № 24. - С. 125-189.
 - 4 *Винник Д.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967. - С. 91-113.
 - 5 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950. - С. 88-106.
 - 6 *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. - М., 1969. - С. 59-63, 138-160.
 - 7 Древнемонгольские города. – М., 1965.
 - 8 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 213. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар... С. 156-152.
 - 9 *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. - М., 1967. - С. 22-51.
 - 10 *Деом Ж.-М., Сала Р.* Урбанизация Северо-Восточного Тянь-Шаня (Синьцзян, КНР) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: научные чтения, посвященные памяти Н.Э. Масанова. - Алма-Ата, 2010. - С. 235-251.
 - 11 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 100-103, рис. 51, 52; С. 107, рис. 54.
 - 12 *Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А.* Археологические памятники Бактена и Ляйлака (Юго-Западная Киргизия). - Фрунзе, 1962. - С. 126.
 - 13 *Винник Д.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины... С. 91-113.
 - 14 *Кожьяяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 131-166.
 - 15 *Кожьяяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 132.
 - 16 *Кожьяяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 144-145. Рис. 50; С. 151-152. Рис. 58.
 - 17 *Кожьяяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины... С. 158-154.
 - 18 *Кожьяяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. 177-224.

- 19 *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины... С. 224.
- 20 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 137-138, 72-73.
- 21 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта... С. 276-278, рис. 180.
- 22 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта... С. 278-282.
- 23 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1951. - С. 88-106; *Маргулан А.Х.* Джебказган - древний металлургический центр (городище Милы-Кудук) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 42.
- 24 *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы // СА. - 1959. - № 3. - С. 66.
- 25 *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы... С. 74-75.
- 26 *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. - 1967. - № 142. - С. 13-50.
- 27 *Бернштам А.Н.* Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1948. - Вып. 2. - № 46. - С. 71-91.
- 28 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 124.
- 29 Скорее всего, стены были, но они разрушены современной застройкой, пашнями и садами.
- 30 *Байпаков К.М.* Раскопки усадьбы на городище Талгар // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 80; *Нифонтова Л.К.* Последние археологические поступления в Центральный музей КазССР // Известия АН КазССР. Серия археологическая. - 1948. - Вып. 1. - С. 116-124.
- 31 *Бурнашева Р.З.* Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. - С. 182-186; *Байпаков К.М.* Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 68-84; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 56-59; *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. - Алматы, 2007.
- 32 *Байпаков К.М.* О локализации городов Северо-Восточного Семиречья // Вестник АН КазССР. - 1968. - № 7. - С. 21-25.
- 33 История Монгольской Народной Республики. - М., 1967. - С. 92.
- 34 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Ч. 1. - С. 123.
- 35 *Рамstedт Г.Я.* Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. - СПб., 1914. - Т. XV. - Вып. 1. - С. 43-45.
- 36 *Шалекенов У.Х.* Казахи низовьев Амударьи. - Ташкент, 1966. - С. 203.
- 37 *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. - СПб., 1868. - С. 180-181.
- 38 *Вайнберг Б. И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // СЭ. - 1959. - № 5. - С. 33 и слд.; *Жданко Т.А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды ХАЭЭ. - М., 1952. - Т. I. - С. 522-524; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 300, 311-312, рис. 191, 194.
- 39 *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 22-41.
- 40 *Воронина В.Л.* Народная архитектура Северного Таджикистана. - М., 1959. - С. 9.
- 41 *Розенфельд А.З.* Кала (Qala) - тип укрепленного иранского поселения // СЭ. - 1951. - № 1. - С. 23-38.
- 42 *Розенфельд А.З.* Кала (Qala) - тип укрепленного иранского поселения. - С.25.
- 43 Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева. - М., 1822. - С. 51-56.

- 44 *Вайнберг Б.И.* К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме... С. 33.
- 45 *Иванов П.П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды ИИ АН КиргССР. - Фрунзе, 1957. - Вып. III. - С. 90; *Винник Д.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины... С. 118.
- 46 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта... С. 278.
- 47 *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии. - Л., 1967. - Вып. 1. - С. 5.
- 48 *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. - Алма-Ата, 1966. - С. 86, 131.
- 49 *Валиханов Ч.* Избранные произведения. - Алма-Ата, 1958. - С. 280.
- 50 *Ахмедова К.Б.* География животноводства Алма-Атинской области. - Алма-Ата, 1962. - С. 51; *Ахмедова К.Б.* Некоторые особенности животноводства юго-западной части Алма-Атинской области // Вопросы географии Казахстана. - Алма-Ата, 1960. - Вып. 7. - С. 67; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 8-13.
- 51 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата, 1963. - С. 3-4.
- 52 *Акишев К.А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1969. - № 1. - С. 35-44.
- 53 *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. - Алматы, 2008; *Савельева Т.В.* Новая страница в истории Древней Алматы // Казахстан и Евразия сквозь века. - Алматы, 2010. - С. 137-140; *Кузнецова О.В.* Предварительные исследования коллекции керамики с поселения Алматы (Алмаарасан) // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы: матер. Междунар., научно-практ. конф. - Алматы, 2011. - С. 52-59; *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции) // Урбанизации Казахстана в эпоху бронзы в раннем средневековье. - Алматы, 2012. - Кн. 2. - С. 145-146, 159-163.
- 54 *Беритам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 100.
- 55 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана... С. 88-106.
- 56 *Плетнева С.А.* От кочевий к городам... С. 44-47.
- 57 *Пэрлэ Э.* К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. - 1957. - № 3. - С. 43-53.
- 58 *Киселев С.В.* Введение // Древнемонгольские города. - М., 1965. - С. 12; История Монгольской Народной Республики. - М., 1967. - С. 92; *Краснов А.Н.* Очерк быта семиреченских киргизов // Известия ИРГО. - СПб., 1887. - Т. XXIII. - Вып. 4. - С. 436-481.
- 59 *Литвинский Б.А.* О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии // Известия отделения общественных наук ТаджССР. - Ленинабад, 1953. - № 4. - С. 59; История таджикского народа. - М., 1964. - Т. II. - С. 255-257.
- 60 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 123-125.
- 61 *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг... С. 79.
- 62 *Кумекон Б.Е.* Государство кимаков IX-XI веков по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972. - С. 95, 108.

- 63 Путешествия в Восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. - Алматы, 1993. - С. 110-111.
- 64 *Акишев К.А., Байпаков К.М.* Земли древнего орошения в низовьях р. Или // Земли древнего орошения. - М., 1969. - С. 86-87; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 104.
- 65 *Акишев К.А., Байпаков К.М.* Земли древнего орошения в низовьях р. Или... С. 91-92.
- 66 *Костенко Н.Н.* К истории Балхаша // Известия КазФАН СССР. Серия геологическая. - Вып. 8 (26). - 1946. - С. 18-25.
- 67 *Штегман Б.К.* К истории формирования дельты р. Или / Известия АН КазССР. Серия почвенная. - 1946. - № 28. - Вып. 3. - С. 132-143.
- 68 *Вяткин М.К.* О геоморфологии и некоторых моментах новейшей геологической истории Южного Прибалхашья // Вестник АН КазССР. - 1948. - № 8 (41). - С. 1-15.
- 69 *Джуркашев Т.Н.* Пролив Узунарал и некоторые вопросы новейшей истории озера Балхаш // Известия АН КазССР. Серия геологическая. - 1964. - № 4. - С. 40-47; *Джуркашев Т.Н.* Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины. - Алма-Ата, 1972. - 125 с.
- 70 *Шнитников А.В.* Озера Западной Азии - индикаторы колебаний общей увлажненности их бассейнов // Труды лаборатории озероведения АН СССР. - М., 1963. - Т. 15.
- 71 *Макшеев А.И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. // Записки РГО по общей географии. - СПб., 1886. - Т.11. - С. 107-145.
- 72 Илийская долина, ее природа и ресурсы. - Алма-Ата, 1963. - 341 с.
- 73 *Байпаков К.М., Ефстифеев Ю.Г., Кох Б., Пачикин К.М., Савельева Т.В.* Эколого-Археологические исследования в Южном Прибалхашье (Северо-Восточное Семиречье) // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск, 2001. - № 2 (6). - С. 112-122.
- 74 *Маргулан А.Х.* Из истории городов строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1951. - С. 95-105.
- 75 *Маргулан А.Х.* Джебказган - древний металлургический центр (городище Милькудук) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 30-31.
- 76 *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1978. - С. 25-29.
- 77 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства Древнего Казахстана... С. 105.
- 78 *Маргулан А.Х.* Джебказган - древний металлургический центр (городище Милы-Кудук)... С. 15.
- 79 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства Древнего Казахстана... С. 102-103.
- 80 *Жолдасбаев С.Ж.* Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV-XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1978. - С. 49.
- 81 *Смаилов Ж.Е.* Памятники археологии Западной Сары-Арки. - Балхаш, 1997. - С. 34-40.
- 82 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 68.
- 83 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). - Л., 1976. - С. 110.
- 84 *Атагарыев Е.* Средневековое городище Шехр-Ислам (результаты работ

- 1961-1964 гг.) // Материальная культура Туркменистана. - Ашхабад, 1971. - Вып. 1. - С. 136-171; *Распопова В.И.* Жилища Пенджикента. - Л., 1990; *Брыкина Г.А.* Карабулак. - М., 1974. - С. 13-42; *Кожемьяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967. - С. 53-90; *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме I-XIV вв. - М., 1976. - С. 256; *Нильсен В.Л.* Архитектура Средней Азии VII-VIII вв. - Ташкент, 1966; *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. - М., 1958. - Т. VI.
- 85 *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 35.
- 86 *Байпаков К.М.* Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978. - С. 92-96.
- 87 *Глухов А.Н.* Зимние жилища актюбинских и адаевских казахов // Казаки. Антропологические очерки особого комитета по исследованиям союзных и автономных республик. - Л., 1927. - С. 108-134.
- 88 *Глухов А.Н.* Зимние жилища актюбинских и адаевских казахов... С. 114.
- 89 *Кожемьяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967. - С. 60-67.
- 90 *Njrahedse F, Ronssset M.O.* Ornek, etape de la «Route de la Soil» // Archeology islamigüe. - Paris, 1995. - № 5. - P. 106-108.
- 91 *Акишев К.А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1969. - № 1. - С. 42.
- 92 *Байпаков К.М.* Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968.
- 93 *Баскаков Н.А.* Жилища приилийских казахов // СЭ. - 1971. - № 4. - С. 112-115, рис. 6.
- 94 *Баскаков Н.А.* Жилища приилийских казахов... С. 114.
- 95 *Глухов А.Н.* Зимнее жилище актюбинских и адаевских казахов... С. 123-133.
- 96 *Горячева В.Д., Береналиев О.* Раскопки Краснореченского городища // АО 1978 года. - М., 1979. - С. 590-591.
- 97 *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. - М., 1976.
- 98 *Байпаков К.М.* О формировании средневекового города Илийской долины // Вестник АН КазССР. - 1982. - № 5. - С. 23-24.
- 99 *Неразик Е.Е.* Сельские поселения Афригидского Хорезма. - М., 1966. - С. 58-66.
- 100 *Копылов И.И.* Мостовая улица древнего Талгара (конец XI - начало XIII в.) // Памятники истории и культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1984. - С. 67-68.
- 101 *Байпаков К.М.* О численности оседлого населения в Илийской долине // В глубь веков. - Алма-Ата, 1974. - С. 195-196.
- 102 *Байпаков К.М.* О численности оседлого населения в Илийской долине... С. 196-197; *Воронина В.Л.* Народная архитектура Северного Таджикистана. - М., 1959. - С. 9; *Розенфельд А.З.* Qala - тип укрепленного иранского поселения // СЭ. - 1951. - № 1. - С. 28-31.
- 103 *Байпаков К.М.* Согдийцы средневекового Каялыка // Промышленность. - Алматы, 2010. - № 6. - С. 94-98.
- 104 *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Самаркандские очажки // Из истории искусств Великого города. - Ташкент, 1972. - С. 206-234.
- 105 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу... С. 24-60.

- 106 *Байпаков К.М.* Раскопки усадьбы на городище Талгар // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 71-80.
- 107 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу... С. 60-69.
- 108 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... С. 43-46.
- 109 *Кожмяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан XI-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и средневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967. - С. 65, рис. 6, 1-2.
- 110 *Шишкин В.А.* Городище Варахша. - М., 1963. - С. 101-104.
- 111 *Якубовский А.Ю.* Древний Пенджикент // По следам древних культур. - М., 1951. - С. 155; *Лавров В.А.* Градостроительная культура Средней Азии. - М., 1950. - С. 53.
- 112 *Беленицкий А.М.* Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. - 1965. - № 3. - С. -191.
- 113 Из 9 га площади Варахши жилая застройка занимала 7 га. См.: *Шишкин В.А.* Варахша... С. 106.
- 114 *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. - Л., 1969. - С. 16-17.
- 115 *Сухарева О.А.* Бухара XIX - начала XX в. - М., 1966. - С. 106; *Бекмуратова А.Т.* Семейно-бытовой уклад каракалпаков в прошлом и задача преодоления его вредных пережитков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1967; *Шишкин В.А.* Варахша... С. 106.
- 116 *Байпаков К.М.* Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1986. - С. 72-75.
- 117 *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 22-41.
- 118 *Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма... С. 114.
- 119 *Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма... С. 114-115.

Глава V

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ, НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ, БЛАГОУСТРОЙСТВО

Рост числа городов, их территориальное расширение, увеличение количества городского населения сказались на дальнейшем развитии ремесла и торговли. Снабжение выросшего населения городов сельскохозяйственной продукцией требовало роста товарности сельского хозяйства. Изменяется состав потребительской ремесленной продукции, если раньше в VII-VIII вв. это были богатые купцы и дехкане, то теперь основным потребителем продукции становится городское население.

Ювелирное ремесло

На средневековом Востоке ювелирные украшения были многофункциональными. Они служили и показателем социального положения, и знаком отличия («корона», «венец», «диадема», «перстень власти»). Обилие и ценность украшений выявляли материальное положение человека в обществе, в котором роскошь и великолепие служили синонимом могущества и власти.

В пору господства религиозной идеологии изделиям ювелиров придавалось и смысловое культовое значение. Магический смысл приписывался и труду ювелира, имевшего дело с огнем, и каждому камню и металлу, форме и цвету украшения, как и мотиву, изображенному на нем.

Во времена ислама, пожалуй, ни в одной области прикладного искусства смысловое отражение магических представлений прошлого не сохранилось так прочно, как в ювелирном. Следует добавить, что ювелирное искусство было наиболее тонким видом художественного ремесла, а ювелиры - богатейшим слоем ремесленников. Более того, «Самым богатым человеком в Багдаде в 912 г. был ювелир».¹

В IX - начале XIII в. в Казахстане разрабатывались золотые и серебряные рудники, что способствовало развитию ювелирного дела.

Основные материалы у ювелиров – золото, серебро, медь, бронза и другие металлы; самоцветы и драгоценные камни - рубин, изумруд, бирюза, сердолик, лазурит, горный хрусталь, гранат, нефрит, алмадин, халцедон, жемчуг, коралл, раковины, перламутр.

О высоком развитии ремесла свидетельствовало многообразие технических приемов, которыми владели мастера ювелирного дела. Они использовали литье, штамповку, чернение, филигрань, зернь, чеканку,

гравировку, золочение, инкрустацию. На камни наносили резьбу, их гранили, сверлили, шлифовали, полировали.²

В IX - начале XIII в. наиболее тесно связаны и близки по содержанию и форме к украшениям предшествующего времени металлические подвески-амулеты, медальоны, бляшки и булавки для головных уборов, найденные при раскопках Отрара, Саурана, Тальхира, Каялыка, Джанкента.

Одни из них представляют литые из бронзы и меди, реже из серебра, фигурки животных, птиц, рыб, которые служили подвесками или навершиями крупных булавок. Чаще встречаются изображения птиц. В одних случаях птицы на украшениях даются конкретно - утка, петушок, аист, павлин, голубь, в других - это собирательный образ птицы. Фигурки изображаются в профиль, рельефно или плоскостно и воспринимаются силуэтно.

На подвесках-медальонах и бляшках также изображены зоо- и фитоморфные мотивы, выполненные в технике гравировки, резьбы и штампа.

Встречались на медальонах и изображения полиморфных и антропоморфных существ. На бронзовых медальонах плоскогрушевидной формы часто изображали фигуру женщины-птицы.

Помимо подвесок с изображением живых существ, изготавливали и подвески-амулеты в форме бытовых предметов: кувшин, сапог, ножик, семантика которых также интересна. Этот материал свидетельствует о продолжении традиций искусства мелкой пластики VII-VIII вв.

Устойчивая приверженность к старым формам ювелирного искусства, связанная с культовыми обычаями, объяснялась и тем, что в первые века новая религия была относительно терпимой к сложившимся ранее

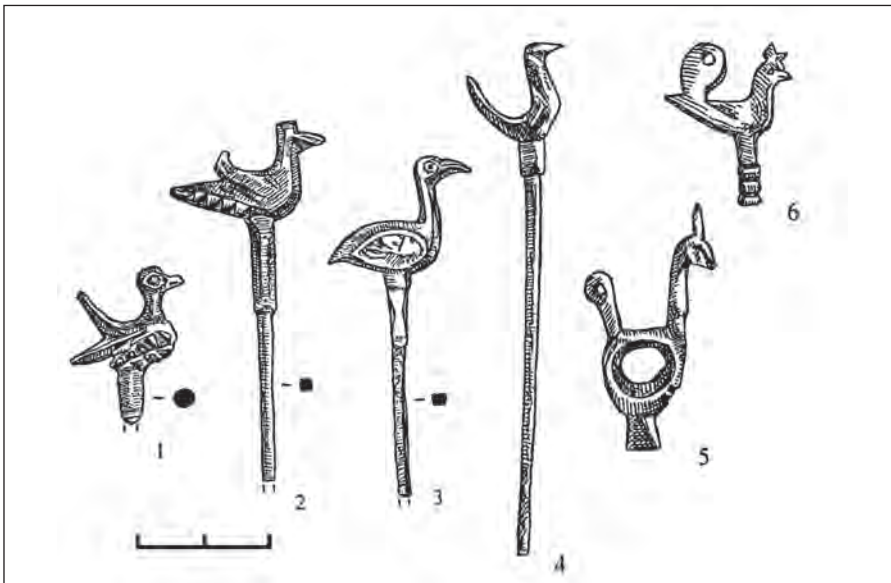

Рис. 128. Булавки для головных уборов

представлениям и, многое от них восприняв, лишь постепенно трансформировала их.

В эволюции художественной системы ювелирного искусства прослеживались и изображения живых существ, обрамление вьющихся растений, а порой сами фигурки трансформировались в растительный или неопределенный мотив.

Новой чертой оформления украшений в это время становятся каллиграфические арабские надписи, прежде всего - куфи.

Другой вид украшений, семантика которых также связана с образом живых существ, представляют серебряные витые браслеты.³ Браслеты парные, витые, массивные, незамкнутой формы, утолщающиеся к середине и сужающиеся к концам. Они жгутообразно свиты из круглого дрота, гладкой проволоки и филигранной нити. Такие браслеты известны из раскопок городища Талгар, Красная речка.

Наиболее распространены, судя по находкам, браслеты, в которых каждый виток дрота чередуется с витком филигранной нити. Особенно нарядные те экземпляры, в которых каждый виток дрота чередовался с витком филигрании, окаймленной с двух сторон гладкой проволокой.

В оформлении незамкнутых концов браслетов прослеживаются варианты от ясного изображения головы змеи (далеко от натуральных копий и переданного со всей тонкостью понимания художественной условности).

В художественном решении витых браслетов явно преобладает декоративное начало.

Браслеты легко надевались на руку, не сжимая запястья, ими можно было закрепить широкий рукав одежды. У Махмуда Кашгари есть фраза: «Браслет сдавил руку невольницы».⁴

Для изготовления браслетов мастера в данном случае использовали только серебро и показали тонкое внимание сдержанных монохромных решений. Передана мягкая пластика серебра и игра его светлого блеска, затухшая в углублениях.

В кладе из Сайрам-Су найдено много целых тумаров и разрозненные детали других. Изделия из Сайрам-Су датируются XII - началом XIII в.⁵

Наиболее нарядным узором украшались две передние грани. В одних тумарах они объединялись общей композицией, одночастной, или, например, трехчастной: в центре квадратное поле, по его сторонам - прямоугольники. В других - форме каждой грани соответствовала своя композиция, узор которой или повторялся или отличался. Такие решения встречались наиболее часто. Третий вариант расположения узора на передних гранях пока представлен единственным экземпляром. В нем широкая вертикальная полоса узора пересекает посередине обе грани, а оставшиеся по краям четыре прямоугольника самостоятельны по композиции, но объединены повторяющимся узором. При любом композиционном членении образующиеся разнофигурные поля заполнены многообразными мотивами орнамента. Встречаются

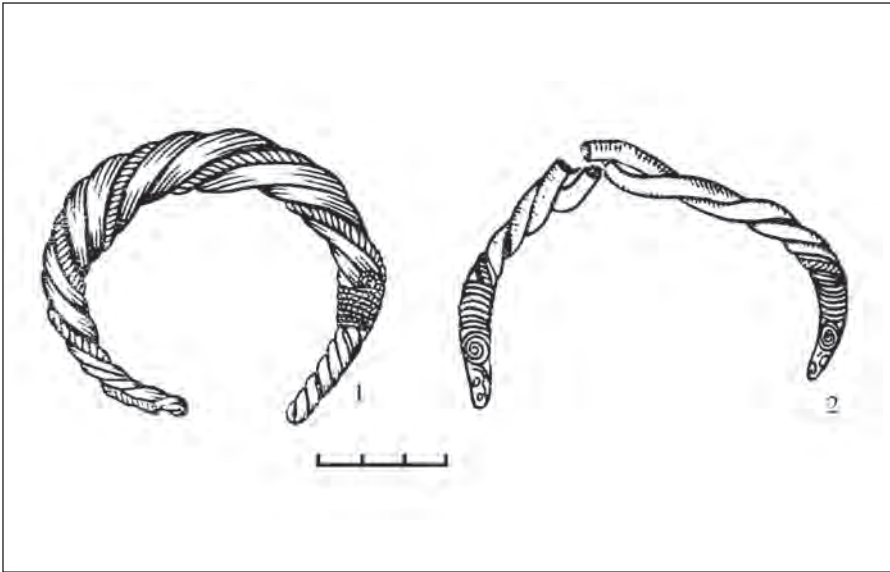

Рис. 129. Серебряные браслеты. XII - начало XIII в.

изображения животных, птиц, растений, пальметты, полупальметты, ленточные сплетения со скрещенными узлами; вихревые розетки; треугольники, ромбы, круги; непонятные отвлеченные фигуры, в которых при желании можно угадать искаженно-схематизированные изображения зооморфных существ; псевдо арабские и подлинные надписи. «Последние, как все надписи вещей клада, представляют одно или два слова из какого-нибудь благочестивого или благожелательного наречия».⁶

Рисунок узоров графичен, четок, плоскостен, мотивы читаются силуэтно. Орнамент строился так, что чернь и серебро, а иногда и позолота участвовали в узоре и фоне. Мастерами тонко прочувствовано гармоничное и изысканное сочетание этих немногих цветов. В целом по стилю орнаментации ювелирные изделия из кладов в Сиджаке и Сайрам-Су можно датировать X-XI вв.

В сиджакском кладе обнаружено 27 «бубенчиков». К ним близки и изделия из Сайрам-Су.⁷ Они представляли собой крупные полые бусины.

Оформляли их разнообразно. Сферические бусины, например, украшали: тисненым орнаментом из концентрических полос, дуг-арочек или рядами кружков; несколькими полосками скани, опоясывающими бусину; строенными колечками из скани, которые образуют зубчики, также расположенные по окружности; полосой кольчатой спирали из скани; выпуклыми шишечками-глазками. Были и совершенно гладкие бусины, без орнамента.

Свойства благородных металлов - серебра и золота - определяются не только их материальной ценностью, но и их естественной красотой.

Литературные источники X - XII вв. наиболее часто упоминают ювелирные украшения из золота. Золото, ковкий металл, с мягким блеском, похожим на цвет солнца, ценилось за свою красоту и за свои исключительные свойства и качества, хорошо известные средневековым ученым и практикам, В этом отношении интересна его оценка и образное описание аль-Бируни, человеком той эпохи. Мерилом ценности металлов и драгоценных камней «... служит редкая встречаемость предмета и долговременность его жизни.

Таково качество золота, в котором сочетается редкость его нахождения, долговременное его существование, редкое появление на нем ржавчины от влаги, воды или сырости земли; оно не рассыпается и не кальцинируется в огне и не сгорает; вместе с тем оно легко подвергается клеймению, препятствующем обманщикам подделывать его; оно обладает также красивым внешним видом. Но если бы оно, помимо всего этого, не обладало еще каким-то неведомым качеством, то не радовался бы ему младенец и не тянулся бы к нему рукой из колыбели, чтобы схватить его; не утешилось бы им дитя во время плача; хотя оно и не знает ему цены и не умеет пользоваться им для нужд своих; не бились бы все люди в мире между собой из-за него, не шадя при его добыче ни тела, ни души, ни родных, ни детей, ни имущества, не считая свою цель достигнутой, как бы велико ни было собранное; они неустанно помогают третьей долины, пока не наполнится их брюхо землей. Если бы не страх перед врачами, то я бы сказал, что радость души при виде золота, жемчуга и парчи передается врачуемым (больным). Душе противно, когда сжигают золото и серебро, разламывают жемчуг, превращают в пепел шелк, и она сокрушается о них. Если же они укрепляют сердце благодаря своему особому свойству, то хорошо».⁸

Более проста форма серебряных серег из Сиджака и Сайрам-Су.⁹ Они состоят из гладкого обруча, утолщенного с одного конца. Их крупный размер дает основание предполагать, что они могли служить височными кольцами.

Серебряные серьги из Сайрам-Су близки по конструкции к золотым, основой их так же служит обруч, но объемно они более выразительны благодаря одной крупной декорированной серебряной бусине.

Два золотых браслета, украшенные надписями на круглом золотом стержне, происходят из Тараза.¹⁰

Клад из Сайрам-Су содержит серебряные изделия: браслеты, серьги, тумары, близкие тем, что были в составе Отрарского клада, датированного по Чагатайским монетам XIII в.¹¹ Однако вещи могли быть и более ранними, чем монеты клада.¹²

С большим пониманием своеобразия ювелирных украшений сделаны перстни из Бунджикета.

Жемчуг – «енджо», «йенчу», «йюнчу», «июнчу», «дженчу», «гевхер» - в основном был привозным, один из самых излюбленных и драгоценных украшений. Вся политическая литература средневековья пронизана метаморфическими упоминаниями о нем. Сравнение

с жемчужиной - самая высшая похвала человеку, его уму, мыслям, словам, красоте, синоним верха совершенства. Во времена аль-Бируни жемчугу приписывались и лечебные свойства, из него делали «смесь, укрепляющую сердце».¹³

Изделий изготовленных из золота немного, хотя литературные источники X-XII вв. наиболее часто упоминают о ювелирных украшениях из золота. Золото, ковкий металл, с мягким блеском, похожим на цвет солнца, ценилось за красоту и за свои исключительные свойства и качества. Два золотых браслета с нанизанными на них жемчужинами известны в Таразе.

Изделия из цветного камня

Ожерелье из Бунджиката. Ожерелье из цветного камня было найдено при раскопках средневекового города Бунджикат в долине р. Шу, отождествляемого с городищем Кысмычи.

При исследовании Бунджиката в его пригороде, где располагались отдельные усадьбы знати и рядового люда, были найдены великолепные украшения, принадлежавшие женщине, жившей в XI-XII вв.

Это два серебряных перстня и два ожерелья.

Одно из них из серебряных бус, второе набрано из самоцветов, которым была придана разнообразная форма.

Всего в ожерелье 18 бусин: 5 из сердолика разных оттенков (от розового до темно-красного), 4 бусины из бирюзы, 4 - из агата, 3 - из халцедона, одна - из серого нефрита и одна - из гагата.

Сердоликовые бусы разной формы: четыре плоские бипирамидальные с семью гранями на каждой половинке и одна овальная в виде подвески.

Сердолик на Востоке был одним из популярных камней, из него изготавливали бусы самой различной формы, а также серьги и вставки для перстней. Этому камню приписывались целебные, охранительные и благопожелательные свойства.

Одна из легенд гласит, что пророк Мухаммед сказал: «Кто носит в перстне сердолик, тот непрестанно пребывает в благоденствии», ... «носите перстень с сердоликом, ибо поистине он изгоняет бедность».¹⁴

Одним из наиболее любимых камней на Востоке была бирюза. «Бирюза» («перуз», «фируз») на персидском языке означает «камень победы, счастья, торжества, успеха и процветания».

Аль-Бируни так пишет о бирюзе: «Знатные люди любят носить ее».¹⁵

Славился на Востоке и поделки из нефрита, из которого изготавливали различные ювелирные украшения.¹⁶

Нефрит сопоставлялся древними авторами с волшебным камнем, который мог вызвать дождь и снег.¹⁷

Месторождения агата были и в Средней Азии. Этот материал легко обрабатывался и был широко доступен всем. Как говорит аль-Бируни, «простые люди утверждают, что человек, пораженный слезом, избавлялся от него, если он имел при себе расколотый гагат, ... поэтому из него делают ожерелья для детей».

Важно отметить, что бунджикатское ожерелье состоит из многоцветных бусин: красных, черных, серых, голубых, желтоватых и белых. Это делает его ярким, что само по себе считалось оберегом. Как отмечают исследователи ювелирного искусства, при составлении ожерелий наиболее распространенными были свободно симметричные композиции; композиции с выделенным центром или без него. В центре помещалась крупная бусина или подвеска, по сторонам которой размещались или уменьшающиеся по размерам бусины, или парные, сходные по форме или декору.

Ожерелья могли состоять из одноцветных бусин, сделанных из одного и того же материала, например, из жемчужин, кораллов, керамики, стекла или двух материалов, или из чередующихся больших и малых бусин.

Но наиболее широкое распространение получили многоцветные ожерелья, нанизанные также по принципу свободной симметрии из разнообразных по формам, материалу, цвету и орнаменту бусин. В них сочетались бусины разных размеров, конфигураций, сложных и простых форм, округлые и граненые, создавались контрастные и мягкотональные сочетания. Эти украшения свидетельствовали о любви к красочной полихромии, об умении композиционно подобрать бусины, о чувстве живописной гармонии.

Хотя известно, что в это время работали специалисты по нанизыванию ожерелий, думается, что большинство из них были женщины. Они обладали художественным чутьем, и каждое ожерелье становилось уникальным. Для широких слоев населения это было удобно и в материальном отношении: каждая низка, очевидно, постоянно дополнялась новыми бусинами, которые можно было купить поштучно. Бусины трудно локализовать по форме и орнаменту, они могли жить столетиями, переходить из поколения в поколение и гармонично сочетаться с новыми бусинами в ожерельях, построенных по принципу многообразия.¹⁸

Из глубины веков дошли удивительные по красоте и совершенству украшения из Бунджиката.

Нефритовый пояс. В 1971 г. при строительных работах вблизи Алматы было обнаружено случайное захоронение.

К моменту прибытия на место находки археологов кости скелета и погребальный инвентарь были извлечены из земли и лежали на краю могильной ямы.

Погребение находится на левом берегу р. Талгар, в полукилометре от нее. Местность здесь песчаная, заросшая полынью и степным кустарником. Надмогильной насыпи нет, или же она была невысокой и совершенно сглажена временем. Стены могилы прослеживались четко, так как они вырублены в твердой глине. Форма ее овальная. Длина ямы – 0,80-1,85 м, ширина – 0,8 м, глубина – 1,9-2 м. Длинной осью могила ориентирована с юга на север. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища, черепом ориентирован на север с

некоторым отклонением на восток. Слева от черепа, у края ямы, стояли два глиняных сосуда - кувшин и чаша.

Кувшин сделан на круге из плотного, с примесью песка, теста. Обжиг кремевый, снаружи поверхность замята. Горло шириной 4,5 см плавно переходит в овальное, несколько раздутое в плечиках тулово. В месте перехода горла в тулово, на плечиках, есть невысокий уступчик. Высота горла - 8 см, тулова - 12 см. Коленчатая, плоская в сечении ручка соединяет горло и плечики. На боку кувшина имеется темное пятно нагара. Чаша сделана на круге и покрыта изнутри и частично снаружи прозрачной поливой, положенной на белый ангоб. Стенки чаши плавно расширяются от плоского дисковидного поддона. Диаметр чаши - 12 см, высота стенок - 4,5 см.

У нижних позвонков и на костях таза покойника лежали нефритовая пряжка, ременной наконечник, рамка и пять блях поясного набора. Здесь же обнаружены две серебряные скрепки и кусочки серебряного зеркала.

Пряжка двухсоставная, серебряная пластинка для ремня на внутренней стороне имеет три пары гнезд для серебряных проволочных скобок.

Овальная пряжка носит следы ремонта. Она была сломана на перегибе и затем стянута серебряной скобкой. Язычок пряжки не сохранился.

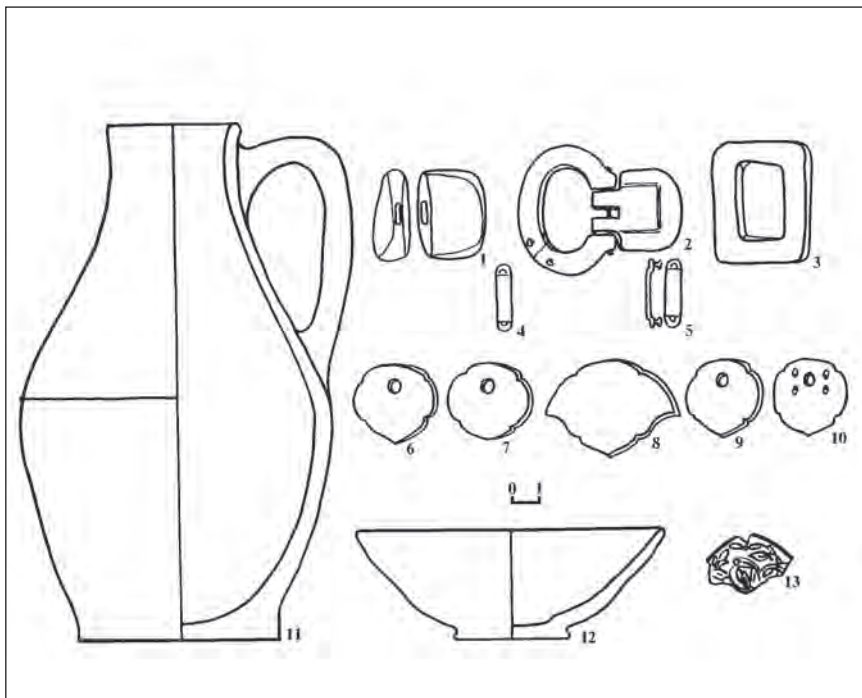

Рис. 130. Нефритовые бляхи наборного пояса и керамика из погребения

Внешняя часть пряжки отшлифована. Наконечник имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами. Прямоугольное отверстие слегка сужено к выходу. Наконечник отшлифован со всех сторон.

Четыре бляхи имеют овальную форму, суженную книзу в виде заостренной арочной дуги, в верхней части - круглое отверстие.

Внешняя поверхность блях отполирована, на внутренней - по две пары отверстий для скрепок. В некоторых гнездах сохранились обломки серебряных проволочных скобок.

Пятая бляха, найденная под позвонками, вытянутой по горизонтали формы, края ее вырезаны в виде смыкающихся дуг; нижняя часть сделана в форме стрельчатой арки. Снаружи бляха отшлифована, на внутренней поверхности - три пары гнезд для серебряных скобок. Рядом с пряжкой лежала прямоугольная рамка, отшлифованная со всех сторон. Здесь же найдены две пластинчатые скобки с двумя шпеньками и обломок серебряного зеркала, украшенного по внешней стороне растительным орнаментом. Зеркало, видимо, было квадратным - сохранился уголок со слегка отогнутым бортиком. Таков инвентарь погребения, обнаруженного в низовьях р. Талгар.

Что касается аналогии погребению, то, прежде всего, следует назвать захоронения, открытые на Александровском городище в Шуйской долине. Для них характерна северная ориентировка и вытянутое положение на спине. Покойники помещались в грунтовые ямы и лишь одно погребение было перекрыто сводом из сырцового кирпича. В могилах на костяках найдены нефритовые пряжки и серьги. В районе Бишкека обнаружено одиночное захоронение, выполненное с соблюдением аналогичного погребального обряда. В могиле найдено витое кольцо из нефрита, кувшин караханидского типа, покрытый белой поливой, и бронзовая пиала.

Из Шуйской долины происходят также случайные находки нефритовых колец и сердцевидных пряжек.¹⁹

Погребения с нефритом археолог А.Н. Бернштам связывал с киданями и датировал второй половиной XII в. Если же определять датировку погребения на берегу Талгара, то следует, прежде всего, обратить внимание на керамику. Чашка, покрытая поливой, находит близкие аналогии в комплексах керамики XI - начала XIII в. с городищ Илийской долины.²⁰ Где-то в эти же хронологические рамки укладывается и погребение.

Скорее всего, оно оставлено жителями оседлого поселения.

В пользу этого предположения свидетельствует типичная городская посуда, отсутствие в могиле костей и конского снаряжения, присущего кочевническим погребениям, и, наконец, расположение неподалеку оседлых поселений Жаксылык и Молдахмет.²¹ Вряд ли погребение принадлежит киданям. Физический облик погребенного, по заключению антрополога О. Исмагулова, относится к семиреченскому расовому типу, имеющему аналогии не только среди древнего, но и современного населения Казахстана. Видимо, случайно обнаруженное захоронение в

Илийской долине оставлено частью карлукских племен, обитавших в указанное время на территории Жетысу.

Особый интерес вызывает минерал, украшавший пояс человека, похороненного на берегу Талгара, - нефрит. Это один из наиболее любимых камней у народов Центральной Азии, который уже с глубокой древности был предметом культа. Исключительная прочность и вязкость при сравнительно небольшой твердости, способность принимать полировку и, наконец, своеобразие окраски камня с мягкими спокойными тонами - все это обеспечило нефриту особое место в истории материальной культуры многих народов.²² «Нефрит - камень вечности», - метко определил выдающийся знаток цветного камня А.Е. Ферсман.

Он приводит характеристику нефрита, сделанную древнекитайским философом Конфуцием: «Пять цветов у него - белый, как баранье сало или сливки; желтый, как каштаны, сваренные в кипящей воде; черный, как вакса или лак; красный, как гребень петуха или помада для губ; но самым разнообразным является зеленый, а самым дорогим - серый».²³

В Китае уже во II тысячелетии до н. э., в эпоху Инь, вырезали из нефрита ритуальные вазы, увековечивавшие добродетели и заслуги предков, изготавливалось культовое оружие.²⁴ Этот камень символизировал добродетель и счастье, разум и правосудие, божественную музыку и чистоту. Нефрит в Китае относили к числу царских самоцветов, прерогатива обладания им принадлежала императорскому двору.

Поэтому не случайно, что так называемый «нефритовый путь», соединявший районы Восточного Туркестана и Северного Китая, стал функционировать уже в III-II тыс. до н. э.²⁵

Важную роль играл нефрит в представлениях тюрков, которые называли его «джада», «джеде», «таш», «яда», «суу-таш», что означало «дождевой камень». Кроме нефрита, в этот разряд зачисляли яшму, жадеит, змеевик (серпентинит).

С помощью этого камня тюркские шаманы могли якобы вызывать дождь. Легенда о «дождевом камне» восходит к архаическому мифу, входящему в цикл представлений о плодородии. Упоминания о джада - «дождевом камне» - имеются у средневековых авторов Ибн ал-Факиха, Амина Рази, Наджаба Хамадани, Гардизи.

Амин Рази расцвечивает рассказ о «дождевом камне» новыми деталями. Он пишет, что тюрки проделывали с камнями следующие манипуляции. Когда была нужда в дожде, камни терли друг о друга, а некоторые из тюрков сделали из них идолов и произносили заклинания на тюркском языке, чтобы пошел дождь и снег.²⁶ Скорее всего, от тюрков культ «дождевого камня» - нефрита - заимствовали китайцы. Так, драгоценная супруга Ян, которая страдала во время летнего зноя от «иссушения легких», чтобы избавиться от этого состояния, держала во рту яшмовую рыбку.²⁷

Видимо, к амулетам, связанным с «дождевым камнем», следует присоединить целый ряд археологических находок, относящихся к

разным эпохам, например ромбовидные подвески из зеленого и темно-серого змеевика, нефрита и яшмы, найденные в позднесредневековых слоях Отрара.²⁸

В эпоху Тан в Китае распространилась мода на пояс из яшмовых (нефритовых) пластин. Зачастую такие пояса поступали в Китай в качестве подарков из Восточного Туркестана. Пояс, присланный императору Тай Цзуну царем Хотана в 632 г., состоял из двадцати четырех зеленых пластин и был задуман так, чтобы изобразить разные стадии полной и ущербной Луны.²⁹

Таким образом, пояс, украшенный нефритовыми бляхами из Илийской долины, отражал вкусы знати своего времени.

Зеленоватый нефрит и жадеит добывают в Жетысу, и, судя по определению геологов, нефритовые бляхи пояса из Илийской долины выточены из местного камня. Но, в любом случае, редкостная находка драгоценного нефритового пояса, принадлежавшего карлукскому вельможе, вводит нас в мир торговых и культурных связей по трассе Шелкового пути.

Гончарное производство

К сожалению, пока мало данных о производстве керамики, о гончарных печах, о кварталов гончаров IX – начала XIII в., как это было при раскопках Мерва.³⁰ Материалы, проанализированные и обобщенные С.Б. Луниной, до сих пор являются своеобразным эталоном в исследовании керамического производства. Квартал, где были открыты гончарные мастерские, исследован на городище Куйрыктобе.

Мастерская состоит из двух частей: производственной и жилой.

В производственной части два помещения. В одном из них, площадью 24 кв. м, находились три отсека для хранения глины и других компонентов производства. Южная часть помещения свободна, в полу имелись мусорные ямы, заполненные керамикой. Гончарная печь располагалась в крытом помещении площадью 22,6 кв. м. Топка ее имела грушевидную в плане форму, обжиговая камера не сохранилась. Топка разделена на две части стенкой, которая служила опорой для пода обжиговой камеры.

Жилая часть мастерской состояла из трех помещений, соединенных боковым коридором.

Одна мастерская не позволяет делать какие-либо заключения о характере организации ремесла и его специализации. А это очень важный момент, поскольку он определяет степень развития ремесла и происходящие в нем качественные изменения.

Можно пока лишь ссылаться на материалы раскопок кварталов гончаров в среднеазиатском городе Мерве, которые позволяют сделать вывод о том, что в XI-XII вв. уже появляются ремесленные мастерские, где было занято не менее 10 человек.³¹

Опираясь на материалы раскопок кварталов гончаров и отдельных мастерских на городище Афрасиаб, датированных X - началом XIII в.,

исследователи считают, что в это время уже существовала узкая специализация мастерских, а гончары были объединены в цеховые организации.³²

Казахстанские материалы позволяют говорить о специализации лишь на основе косвенных данных.

Например, отмечено, что ямы квартала гончаров, заполненные керамическим браком, отходами производства, битой керамикой, содержат определенные наборы посуды.

В одних случаях в них была только кухонная керамика, в других - только столовая. Если ямы принадлежали разным мастерам, то специализация уже была.

Об этом же свидетельствует и небольшая печь, где производился обжиг только сфероконусов, раскопанная в Таразе.³³

Керамика Южного Казахстана и Приаралья. *Неполивная керамика* этого времени представлена горшками, кувшинами, кружками, крышками, по-прежнему распространены очажные подставки с прочерченным елочным орнаментом. Горшки и кувшины украшались наклепными валиками с насечками, тулово сосудов покрывалось красноватым или светло-бежевым ангобом, иногда с легким лощением. Большинство сосудов изготавливалось на гончарном круге. Основную часть лепной керамики составляли крышки с навершиями в виде стилизованных фигурок баранов, рогатых зооморфных выступов. Поверхности крышек украшались резным и штампованным орнаментом в виде расположенных симметрично прорезных веточек, листьев растений.

Позже появляются плоские с овальной или прямоугольной закраиной крышки с грибовидной ручкой, украшенной оттисками в виде розеток. Крышки этого типа покрывались ангобом и украшались штампованным и прорезным орнаментом, рельефными наклепами. Основными элементами орнамента были солярные знаки, скобки, 8-образные знаки, которые образовывали мотив вихревой розетки.

Распространены миски с плавно расходящимися стенками, с переломом у венчика, на дисковидном поддоне. Продолжается традиция изготовления кружек и чаш «согдийского» типа с волнистым краем.

Стандартизируются формы сосудов. Хумы имеют яйцевидное тулово и отогнутый венчик, прямоугольный в сечении. Как хумы, так и хумчи, тагоры и кувшины покрывались светлым ангобом и украшались потеками и брызгами краски.

Выделяется группа широкогорлых кружек с ручкой, соединяющей венчик и плечико, украшенных резьбой и оттисками штампов в виде крестов, кругов и звездочек.

Встречается большое количество дастарханов, богато украшенных штампованным, резным и наклепным орнаментом растительного, геометрического и зооморфного содержания.

Интересную группу составляют кухонные и столовые горшки, покрытые резным и штампованным орнаментом.

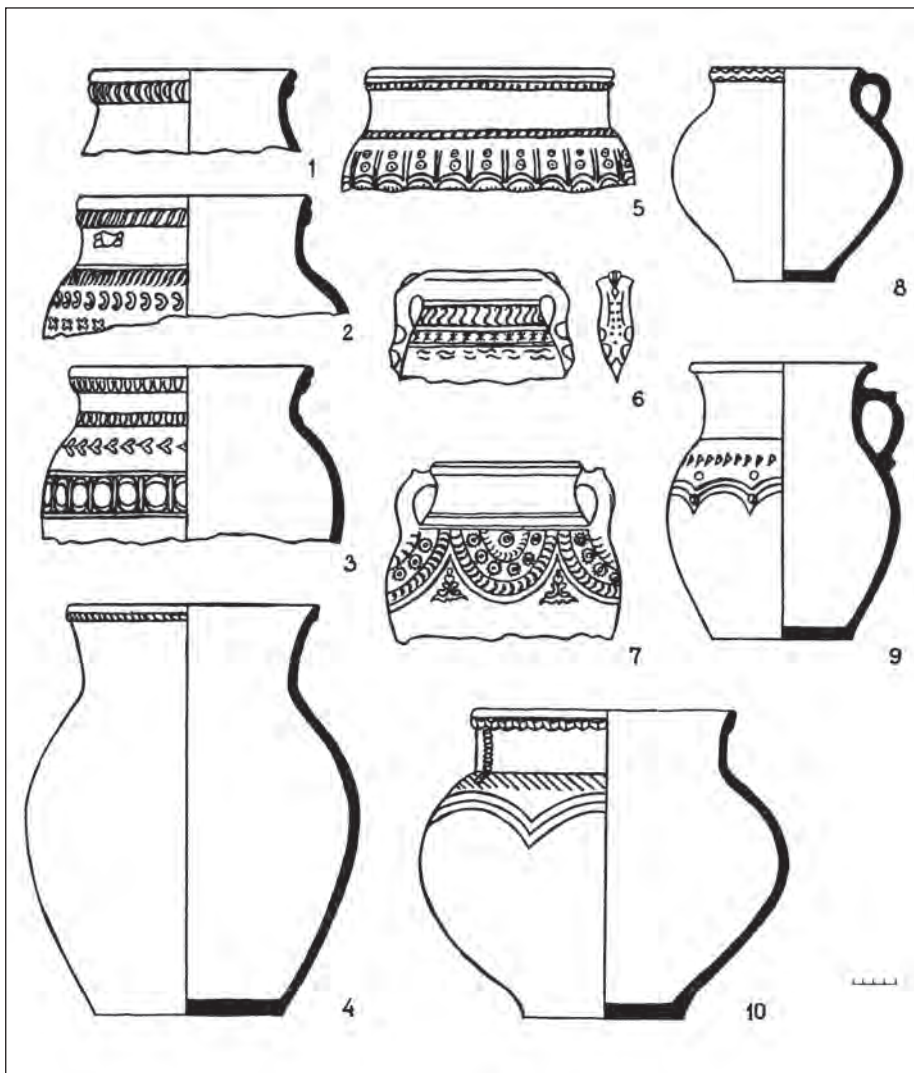

Рис. 131. Керамика X-XI вв. Южный Казахстан

В XII - начале XIII в. своеобразную группу представляют алтари округлой или прямоугольной формы с невысокими бортиками, вмазанные в пол. Внутренняя поверхность и стенки их украшены штампованными розетками, оттисками соляных знаков, растительным и геометрическим орнаментом.

Распространяются переносные очажки подковообразной и цилиндрической формы, в виде тазиков с прямыми стенками, но без дна, опорой им служили массивные выступы внизу.

Новым видом керамики стала посуда с росписью минеральными красками черного и красного цвета. Орнаментальные мотивы разнообразны - соляные знаки, струйчатые полосы на ручках кувшинов и кумганов, стилизованный эпиграфический узор.

Поливная керамика. Особо важным достижением явилось широкое распространение поливной посуды. Появление глазурованной керамики в Центральной Азии относят к VIII-IX вв.³⁴

В Южный Казахстан поливная посуда проникает из Центральной Азии в IX-X вв.

Это керамика с зеленой поташной поливой, посуда с белым фоном и подглазурным рисунком в виде зубчатого бордюра, стилизованных цветов, аналогичная афрасиабской IX-X вв.³⁵ Есть группа керамики с черным фоном под свинцовой прозрачной глазурью. В качестве орнамента встречаются арабские надписи.

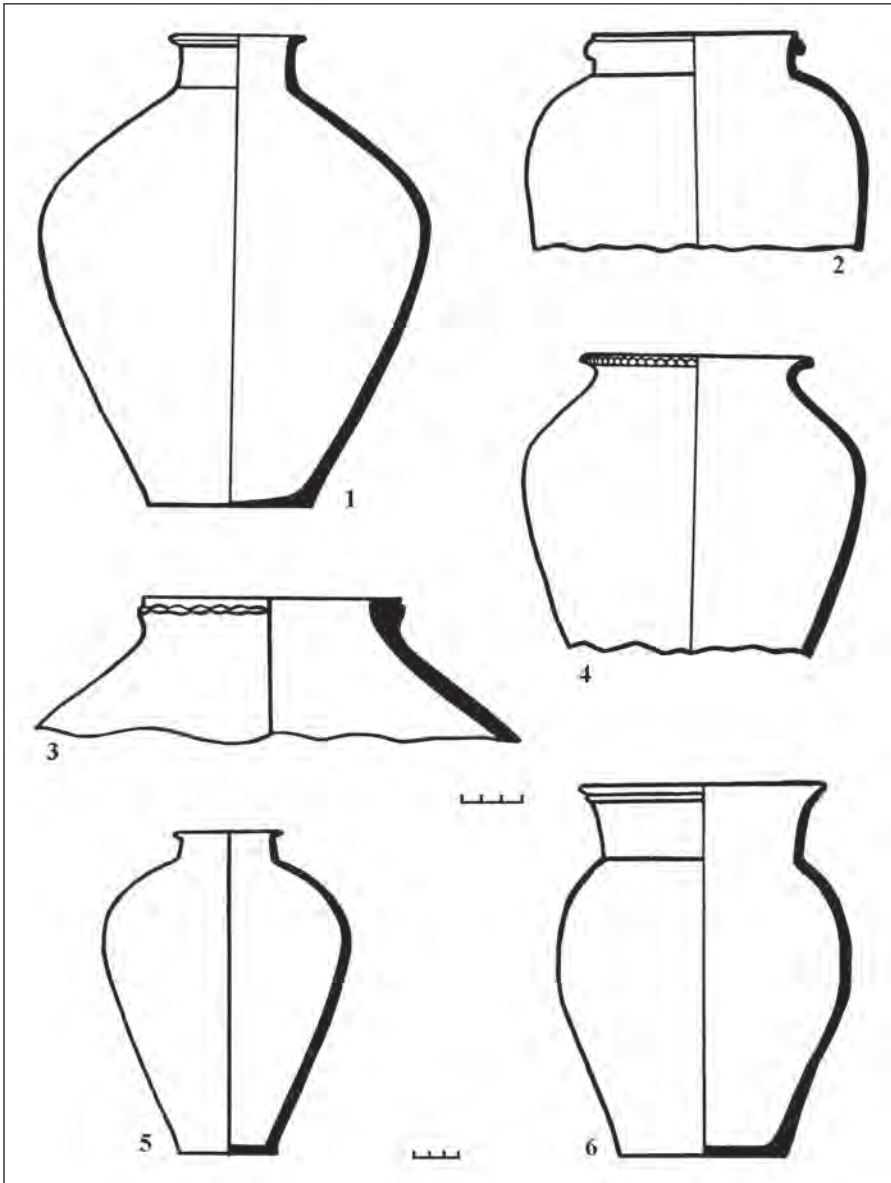

Рис. 132. Керамика. XI-XII вв.

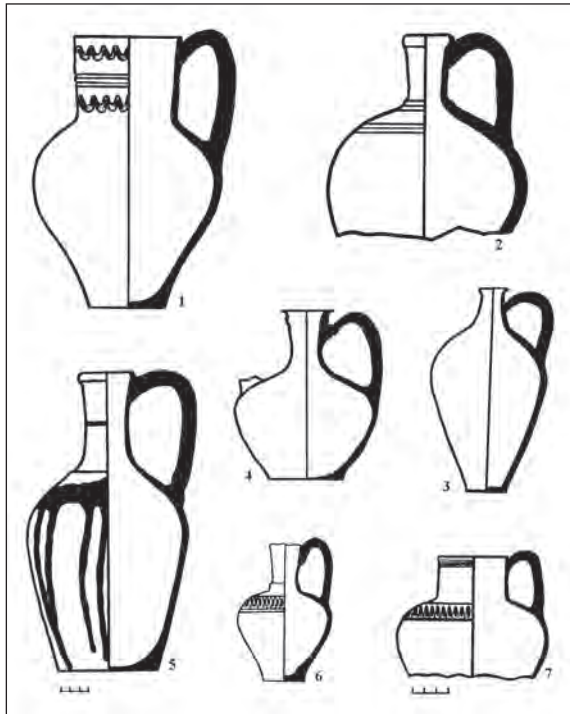

Рис. 133. Кувшины. XI - начало XIII в.

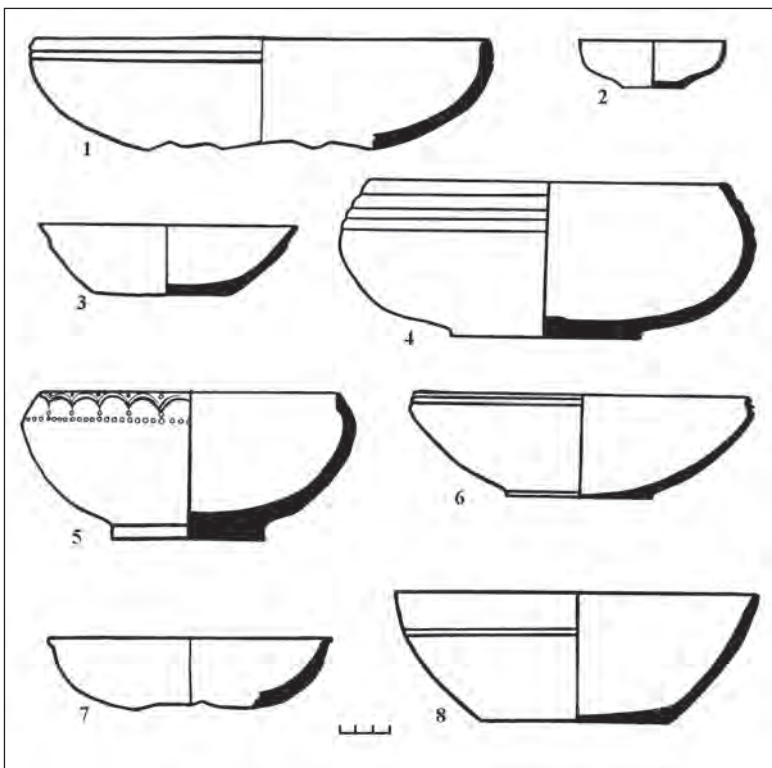

Рис. 134. Чаши. XI - начало XIII в.

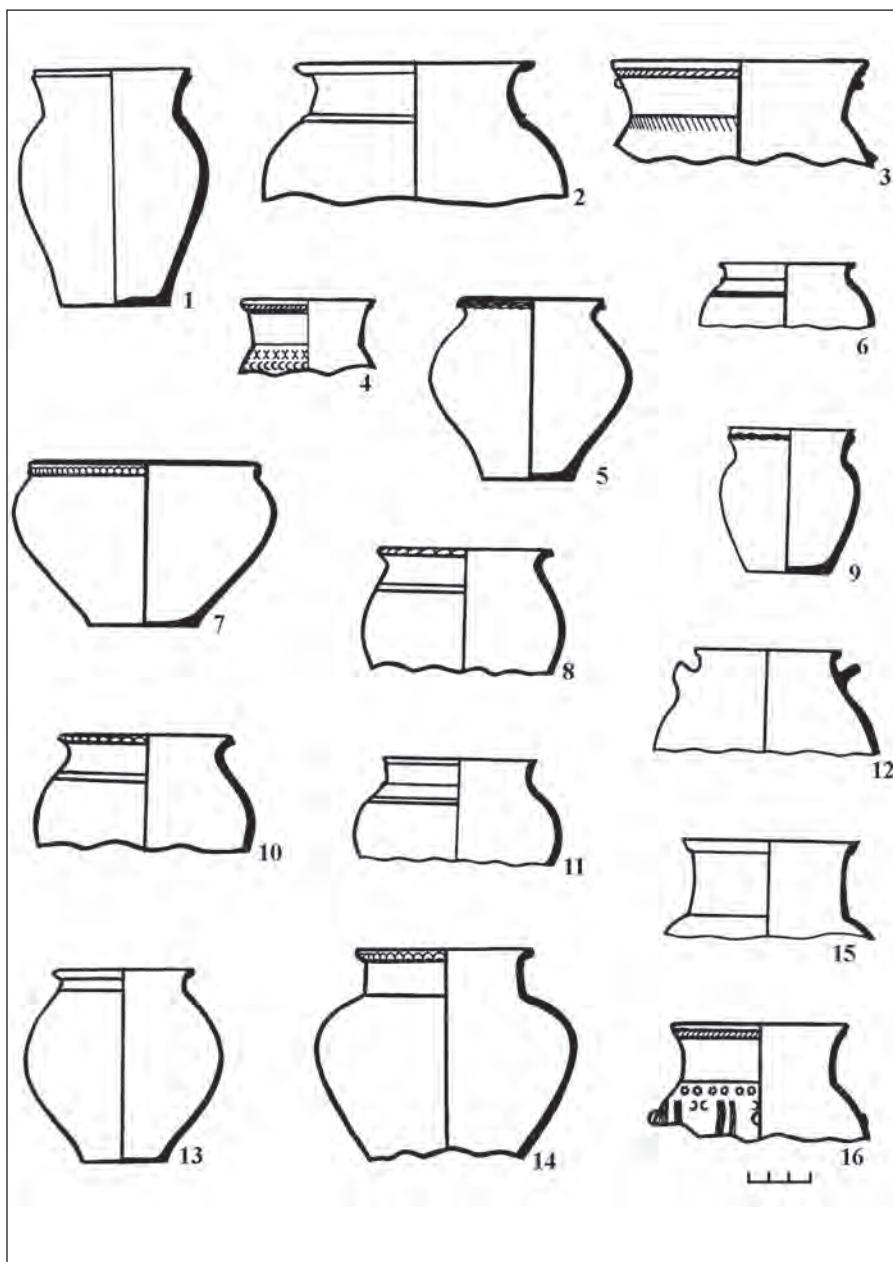

Рис. 135. Горшкообразные сосуды. XI - начало XIII в.

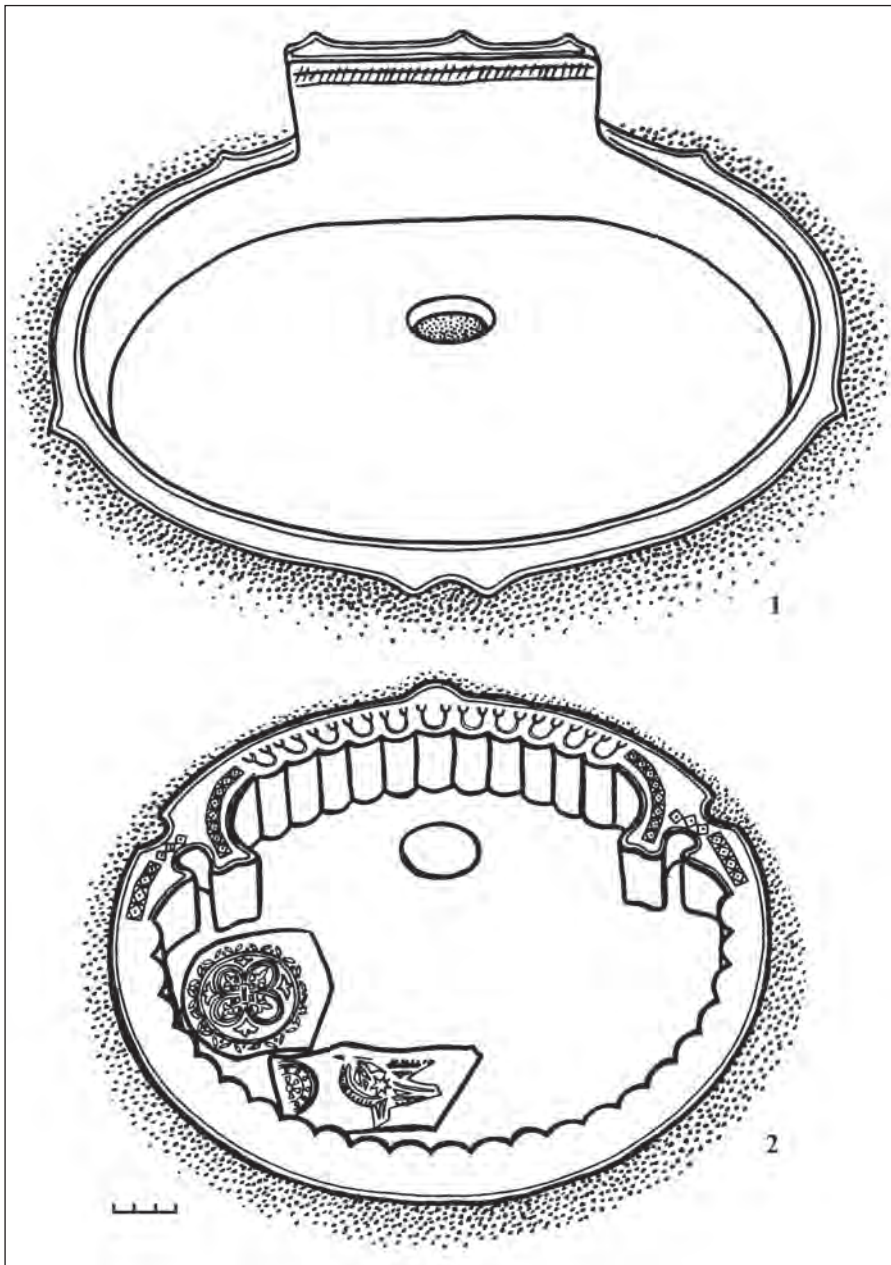

Рис. 136. Алтари. XII - начало XIII в.

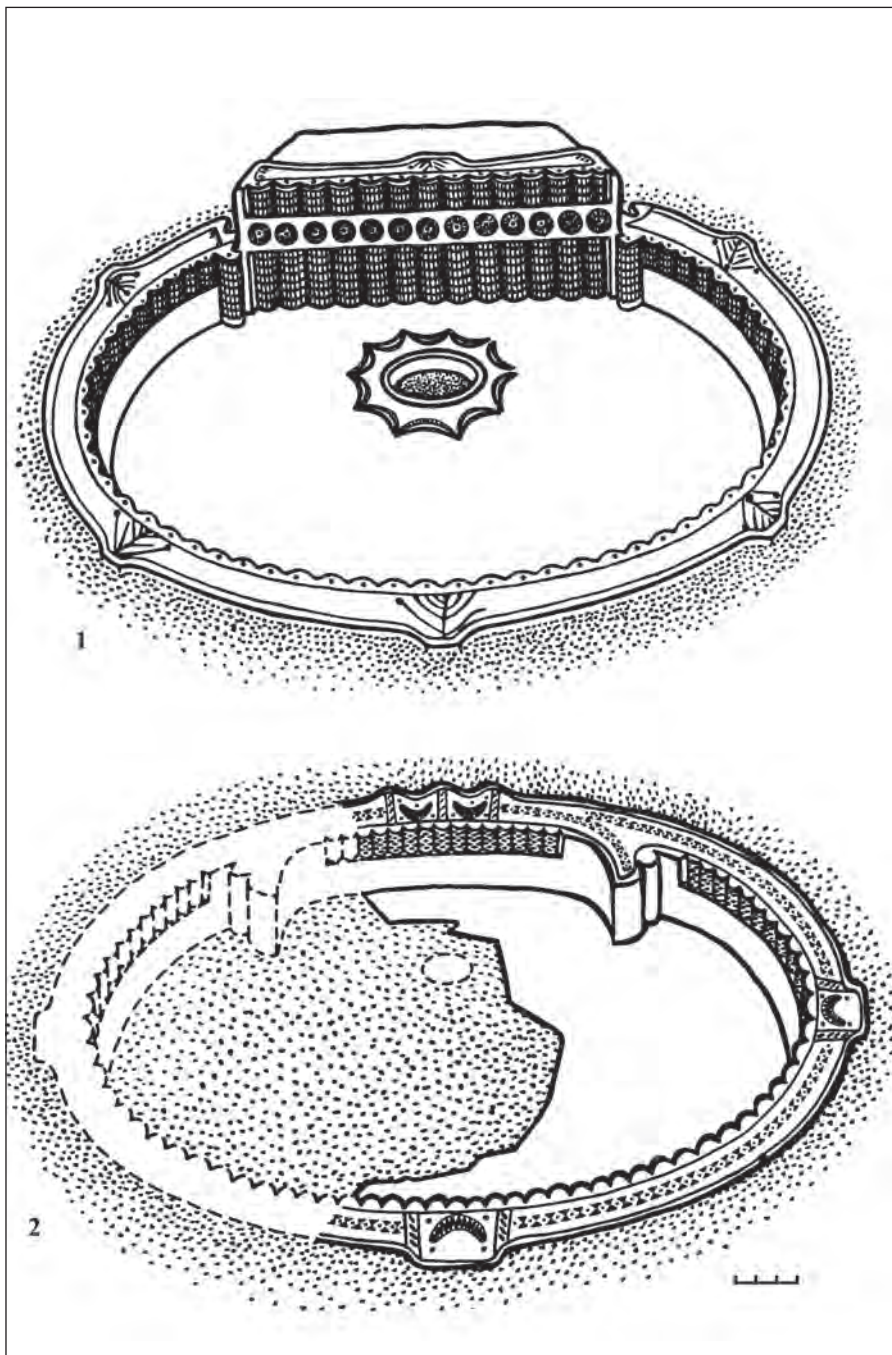

Рис. 137. Алтари. XII - начало XIII в.

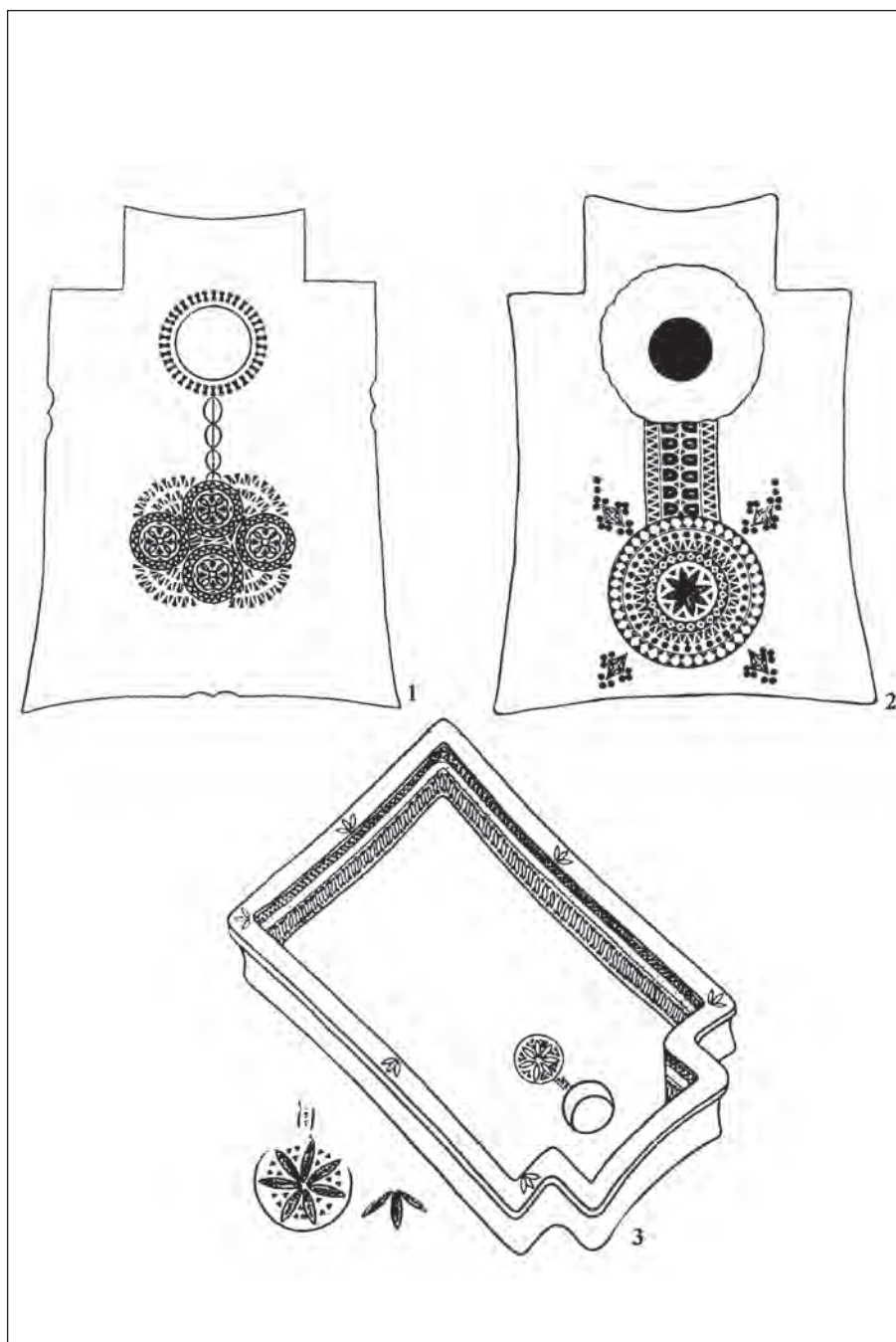

Рис. 138. Алтари. XII - начало XIII в.

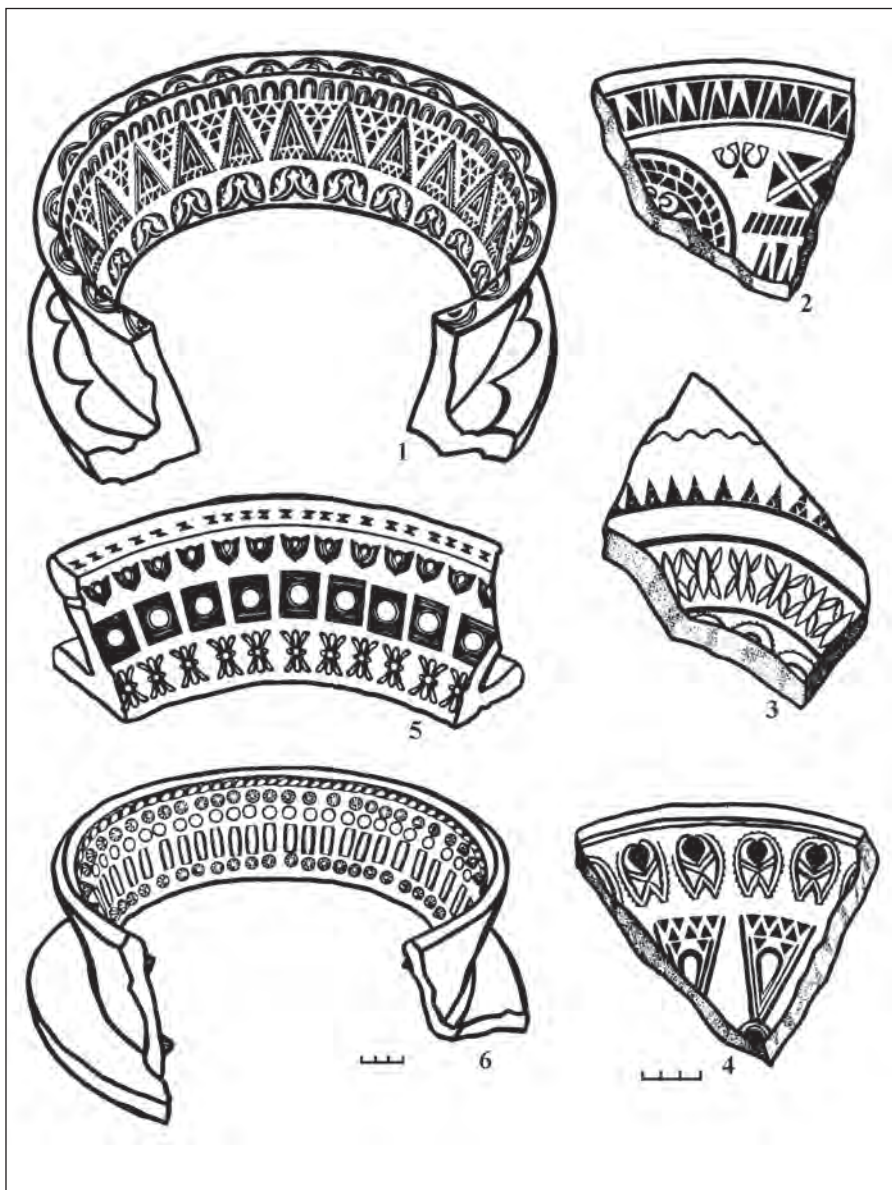

Рис. 139. Переносные очаги-сандалы. XII - начало XIII в.

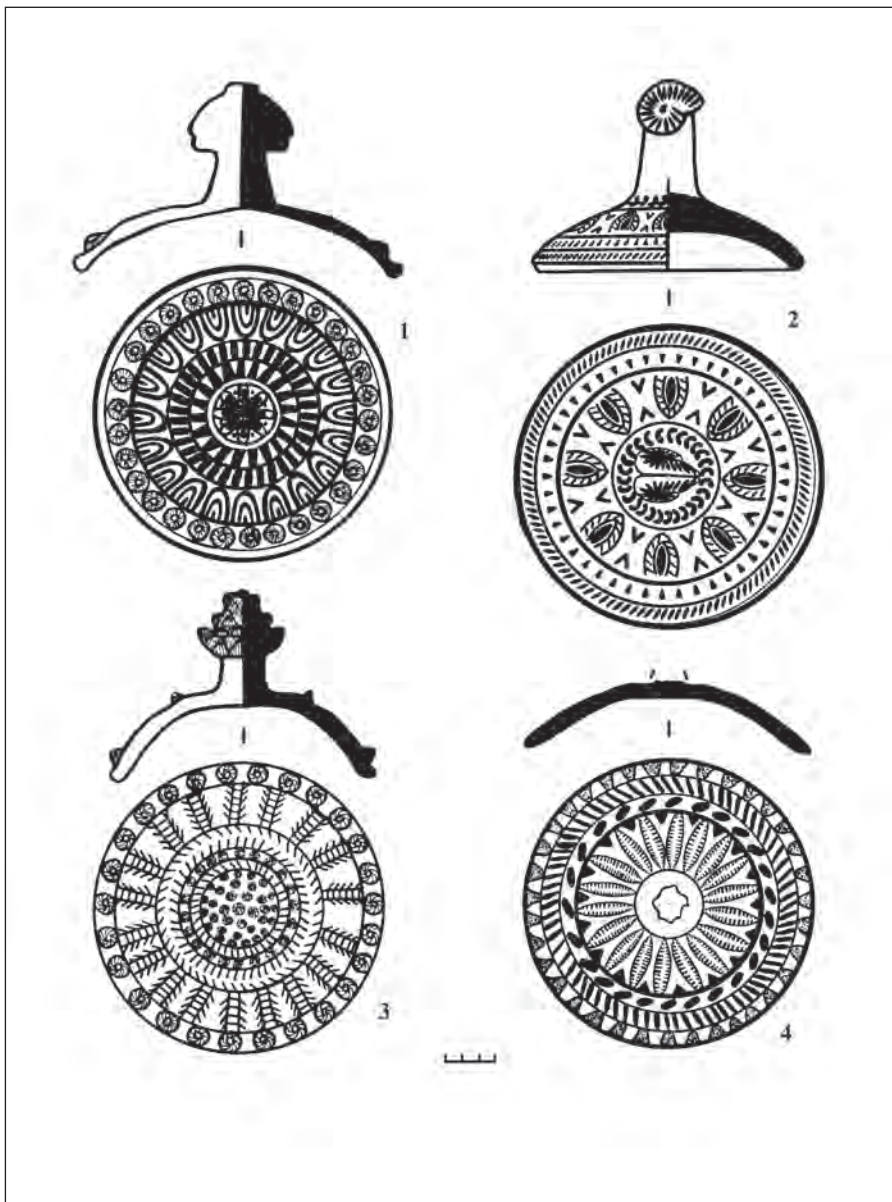

Рис. 140. Крышки сосудов. XI-XII вв.

Рис. 141. Навершия крышек. XI-XII вв.

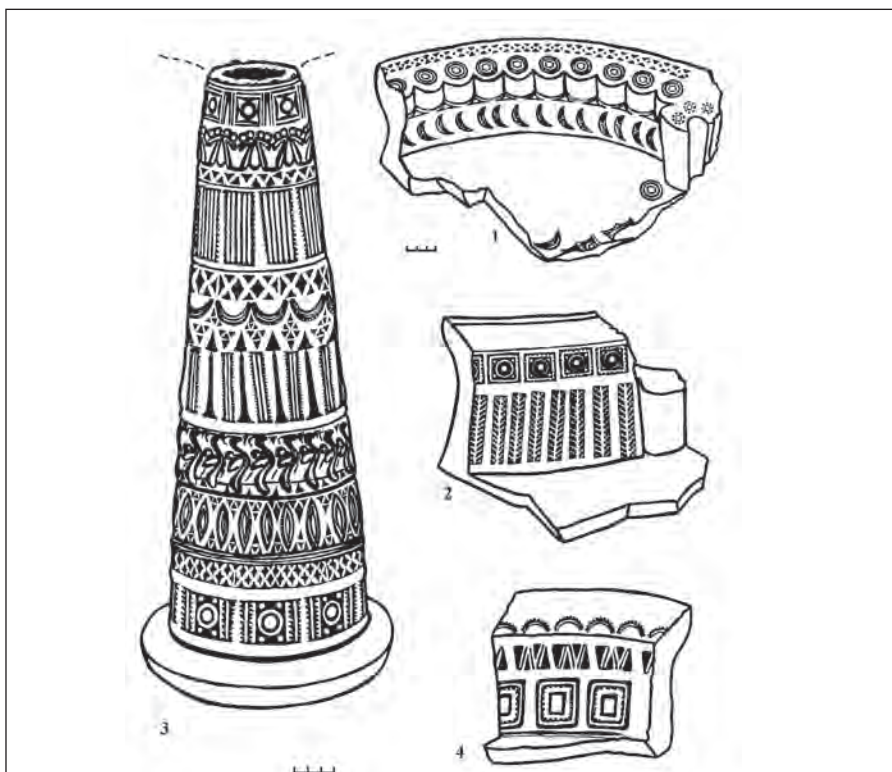

Рис. 142. Ножка светильника и обломки сандалов. XI - начало XIII в.

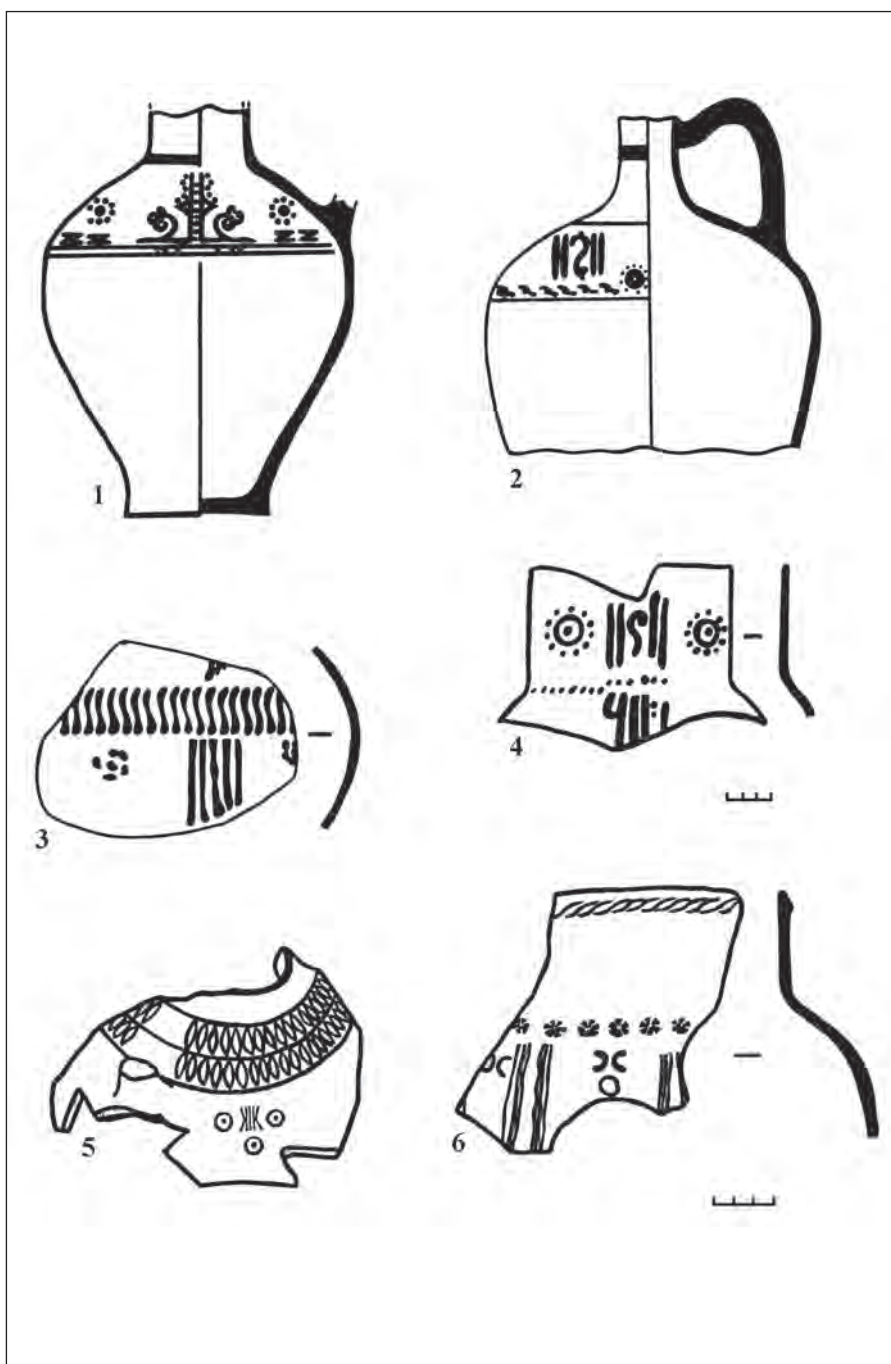

Рис. 143. Керамика с росписью ангобными красками. XI-XII вв.

Поливная керамика находит аналогии в комплексах посуды среднеазиатских городов, наиболее близка она керамике Шаша, Тараза и Ферганы.

Сходство поливной керамики на обширных территориях свидетельствует о тесных экономических и культурных связях и единстве вкусов горожан, ориентирующихся на эталоны ведущих культурных центров.

Керамика представлена чашами, тарелками, блюдами, кружками, крынкообразными сосудами, кувшинами, чирагами. Основная коллекция получена при раскопках Отрара и Куйрыктобе. Она делится на несколько типов по цвету ангоба, поливы и характеру росписей.

Наиболее распространенной является керамика с белым ангобированным фоном под свинцовой прозрачной поливой. Для более ранней группы керамики этого типа характерны черный, красный и коричневый цвет подглазурных росписей.

Композиция росписей построена так, что основная орнаментальная полоса, обычно неширокая, до 3 см, составляющая пятую часть плоскости чаши, расположена у венчика. На ней имеются арабские надписи почерком куфи и керамическим курсивом, по терминологии О.Г. Большакова.³⁶ Обычно вся поверхность чаши свободная, лишь в самом центре расположены завиток, кружок, пятно или запятая. Изготавливалась керамика с пятнистой росписью в сочетании с гравировкой. Встречается керамика с так называемым «пропеллеровидным» орнаментом, керамика с росписью в виде расходящихся от центра пучков

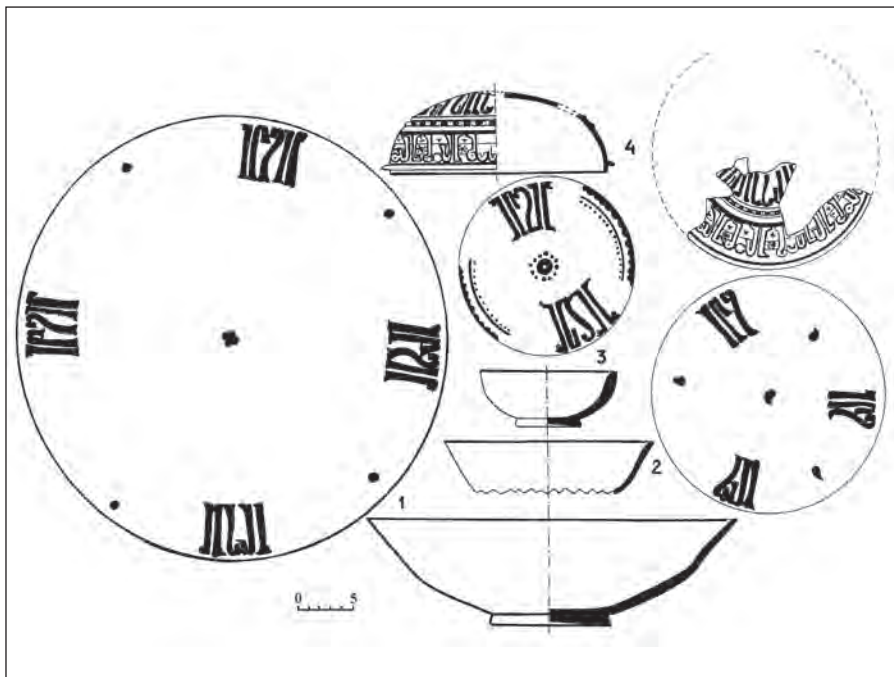

Рис. 144. Поливная керамика. X в.

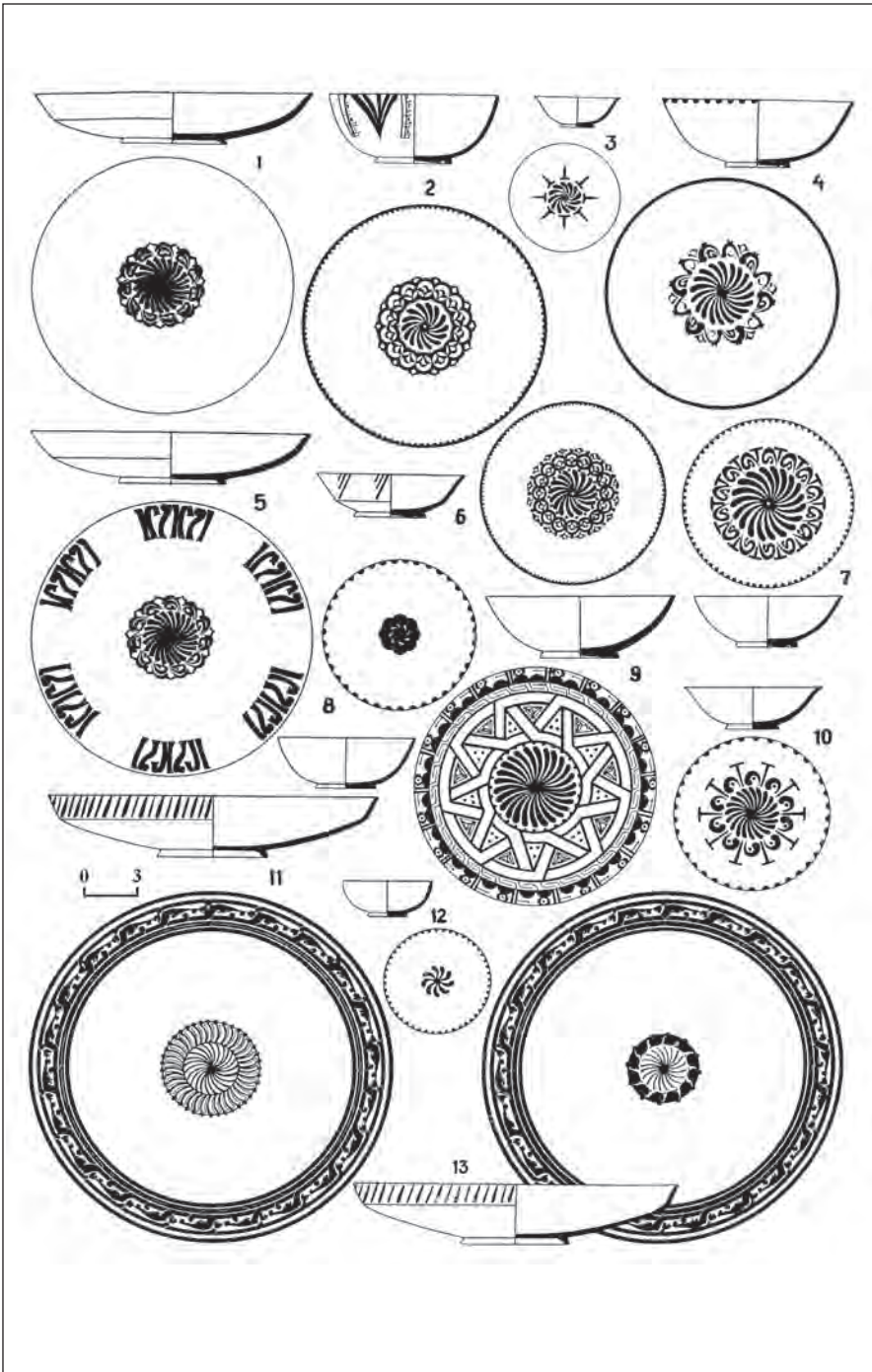

Рис. 145. Поливная керамика. XI-XII вв.

растений, выполненных зеленым цветом. Распространен мотив «распахнутых крыльев», пучков растений, стилизованных и читаемых арабских надписей, редко птиц, животных, людей. Росписи коричневой, зеленой, желтой красками.

Особую группу составляет керамика с красным фоном под прозрачной поливой. В росписи участвуют белая и черная краски. В качестве элементов орнамента используются белые точки, медальоны, заполненные надписями, простой буквенный орнамент. Встречается керамика с черным фоном под прозрачной глазурью и росписью белым. Роспись в виде растительных побегов, розеток в сочетании с геометрическим. Встречены чаши с арабскими надписями.

Есть группа посуды, покрытой глухой поливой зеленого и коричневого цвета.

Поливная керамика XII - начала XIII вв. получена при раскопках Куйрыктобе, Отрара, Баба-Аты, Актобе Чардаринского. Это чаши разных размеров, блюда на дисковидном поддоне, банкообразные сосуды, кувшины, чираги.

Орнамент покрывает всю поверхность чаши, блюда, тарелки. Происходит изменение в построении композиции орнамента, он делится на сектора крестовидными полосами, свастикообразными линиями.

Чаще чем раньше применяется подглазурная гравировка.

Для белфонной керамики XII в. следует отметить распространение в качестве основного мотива вихревую розетку в центре дна, выполненную темно-коричневой краской и реже красной и коричневой. Розетка занимает центр чаши или почти всю ее поверхность.

Распространяется керамика, покрытая глухой зеленой и темно-коричневой блестящей поливой, встречается темная полива и роспись с использованием точек в качестве фона.

Чираги XII в. имеют граненое тулово и длинный носик. Ручка петлевидная или с выступом, на который штампом нанесен растительный орнамент - пальметта, трилистник. Встречаются изображения животных - в двух случаях на пятах чирагов имелись изображения сайги.

Художественная керамика этой эпохи соответствует возросшим запросам развитого средневекового общества. Изменяются формы сосудов, их пропорции, детали, усиливается декоративность, которая составляет одну из главных черт всего средневекового искусства Центральной Азии. Мастера вводят новые элементы орнамента, новые композиции и цветовые гаммы.

Керамика Юго-западного Жетысу. Неполивная керамика. В это время уменьшается доля лепной посуды, в которой преобладали котлы, дастарханы, крышки. Котлы имели сферическое тулово, слегка утолщенный подтреугольный в сечении венчик, ручки горизонтальные петлевидные в виде жгутов или налепные в виде выступов.

Крышки обычно сферической формы имели ручку-навершие в виде рогатого выступа, зооморфных фигурок, богато орнаментированные при помощи резьбы, штампов, налепов, оттисков пальцев.

Рис. 146. Кувшины. X-XII вв.

Разнообразны и элементы орнамента: концентрические и зигзагообразные линии, растительные стилизованные мотивы, геометрические фигуры.

Интересен фрагмент крышки округлой формы с рельефным орнаментом. Центральной фигурой композиции является человек, ведущий козла. Все изображение обвито виноградной лозой с гроздьями плодов.

Богато орнаментированы и дастарханы, представляющие собой плоские столешницы с коническими кольцевыми подставками в центре столика.

Орнамент наносился тонкими процарапанными линиями, образующими завитки и полуспираль, растительные побеги с трех- и четырехлепестковыми цветами, бутонами и узкими длинными листьями. Узор в виде прорезной змейки, волнистых линий, косых насечек, елочки. Широкие линии, нанесенные рукой мастера, образующие елочный орнамент и концентрические линии, пальцевые вдавления украшали края столиков и внутреннюю поверхность поддонов.

Широкое распространение получили ступкообразные сосуды, тулово которых имело вид опрокинутого приземистого конуса на массивном, суживающемся кверху поддоне иногда с одним или двумя валиками на шейке.

Новой формой для этого времени явились сосуды типа маслобойки - кувшины с двумя или одной ручкой посередине корпуса. Тулово в форме груши узким концом вниз или округлое с цилиндрической горловиной, завершающейся рельефным венчиком. В середине тулова имеется

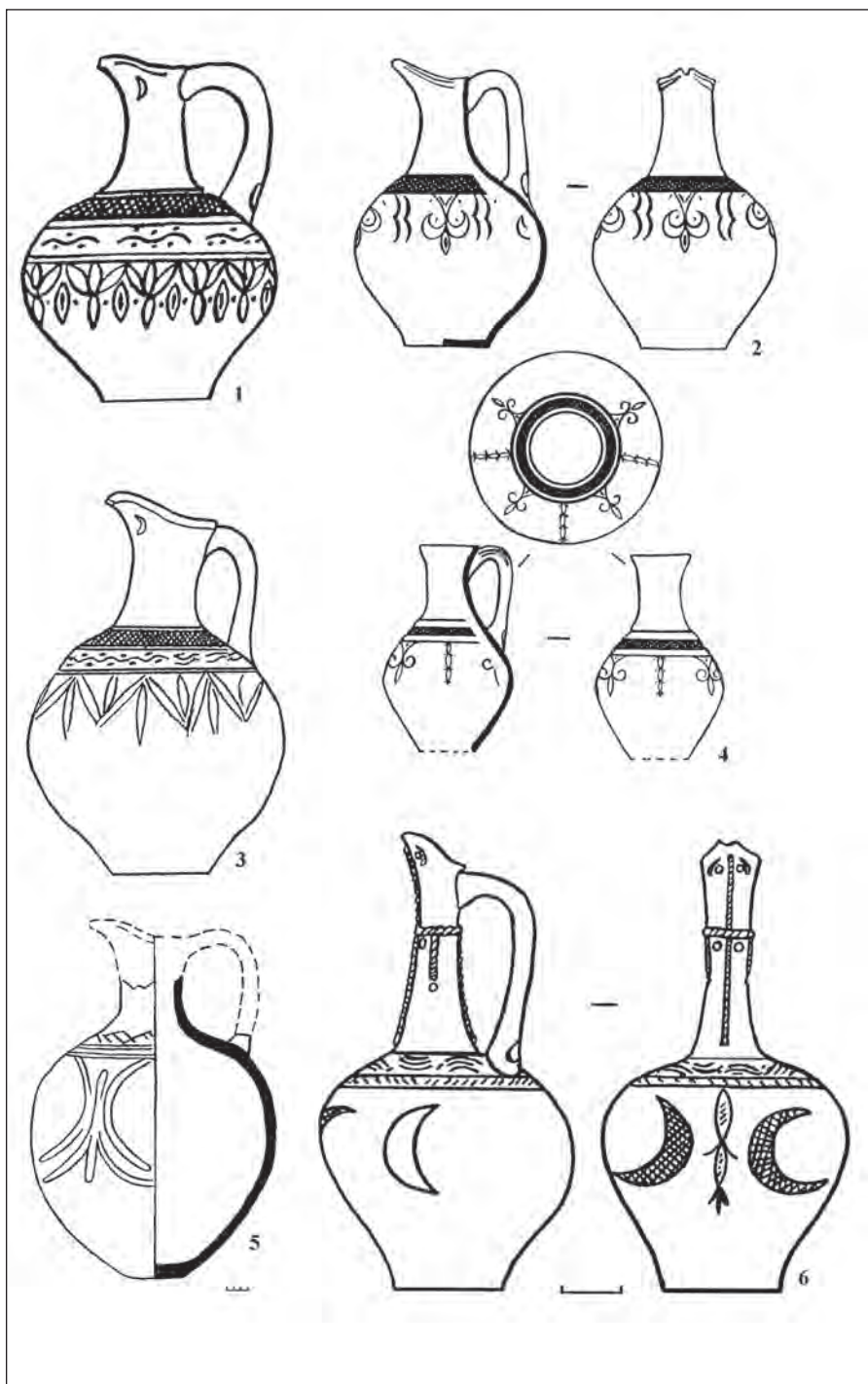

Рис. 147. Кувшины. X-XII вв.

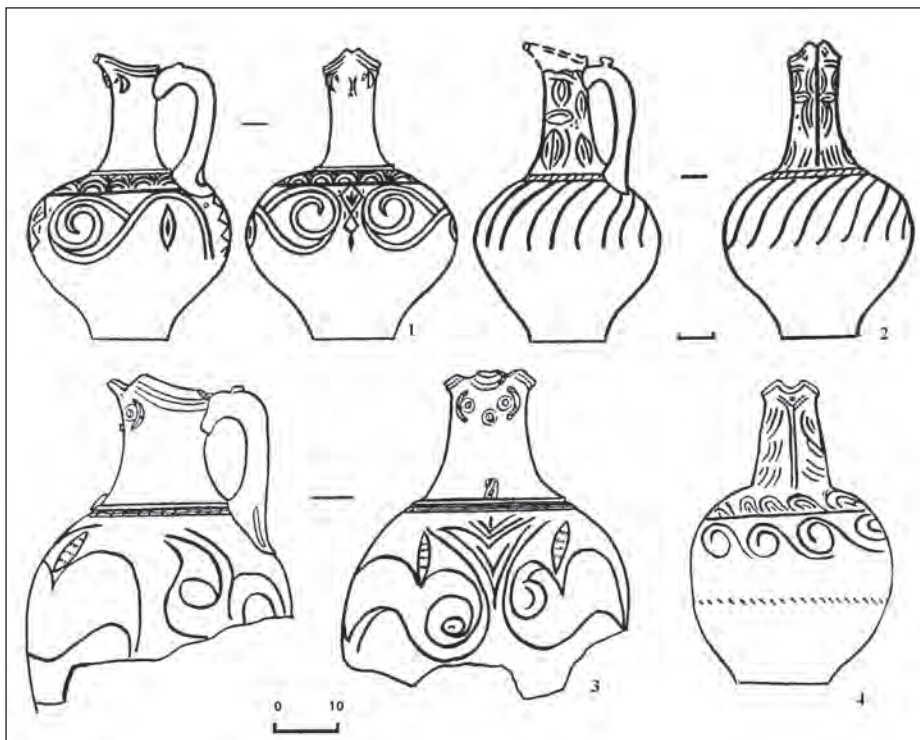

Рис. 148. Кувшины. X-XII вв.

Рис. 149. Сосуды. IX-XII вв.

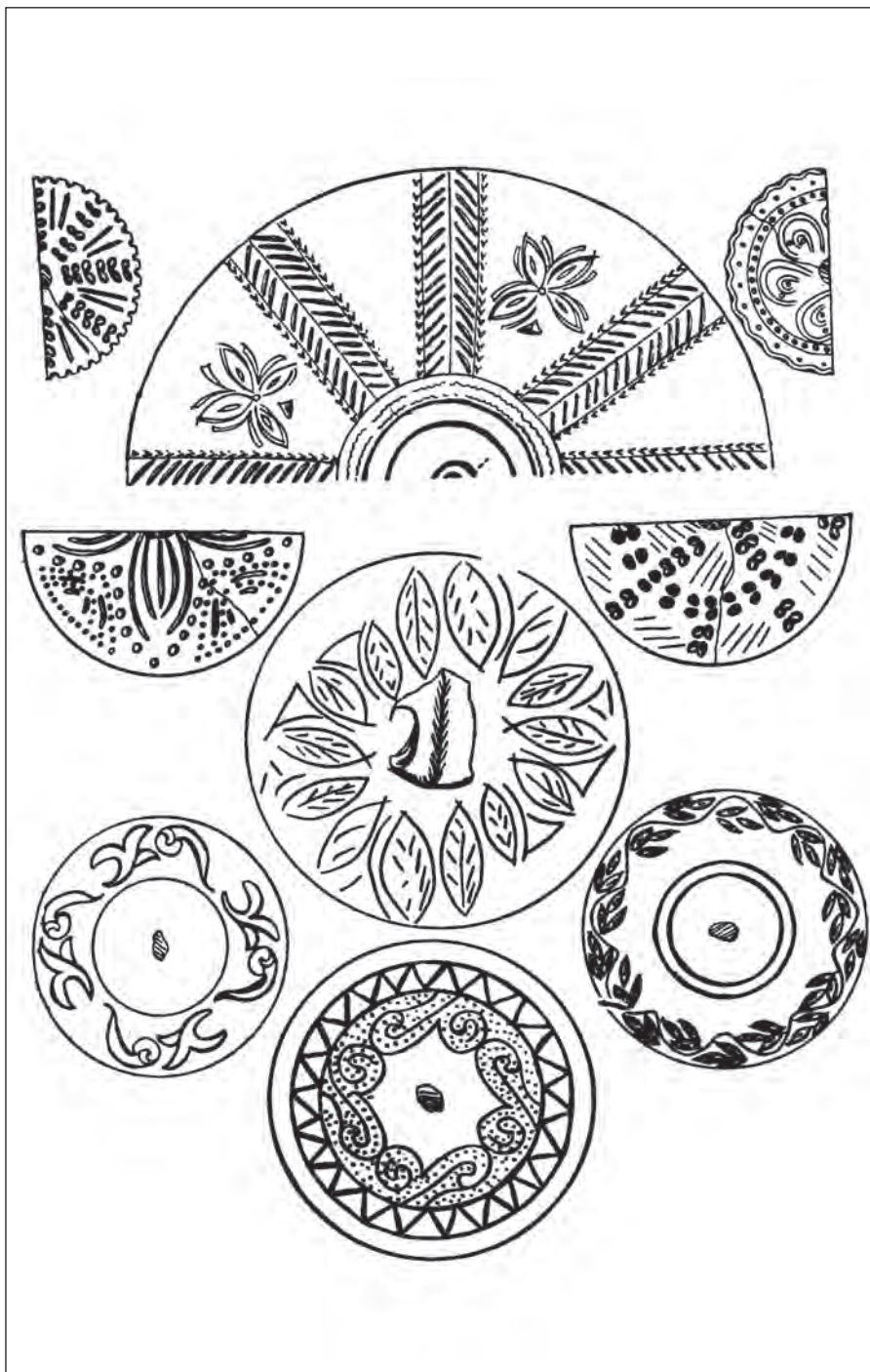

Рис. 150. Крышки. X-XII вв.

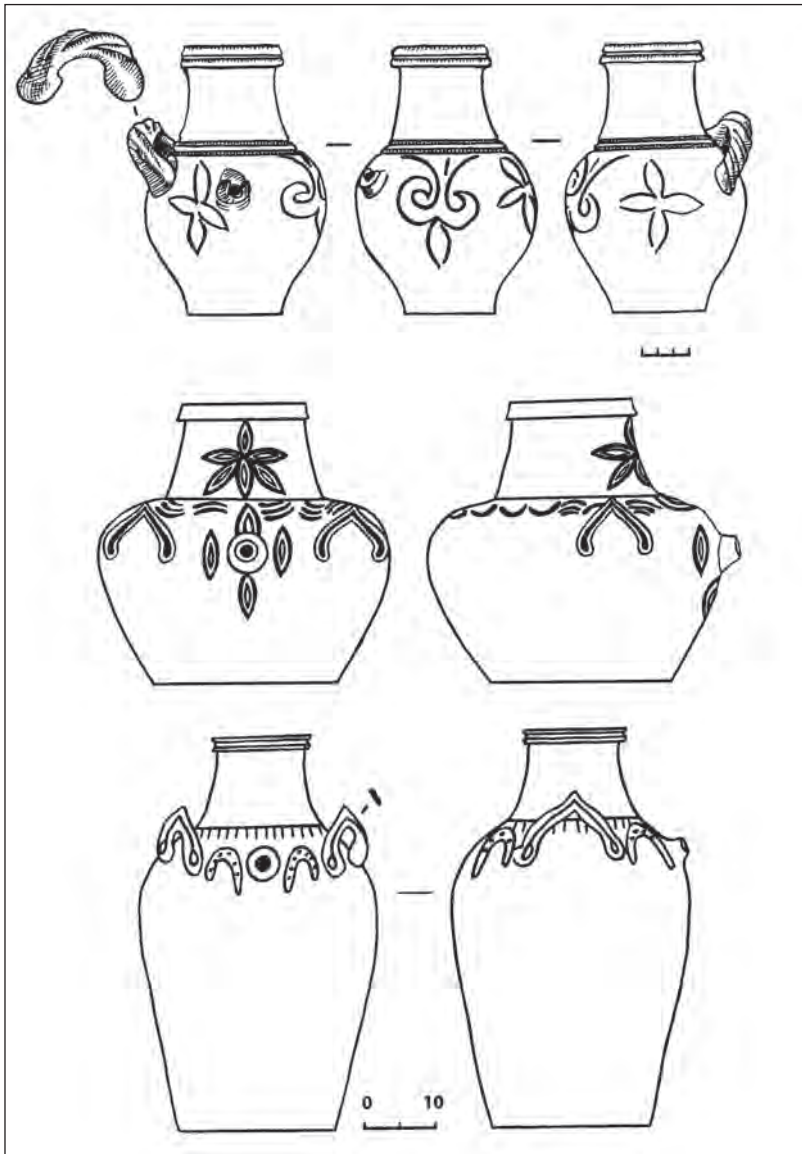

Рис. 151. Сосуды. X - начало XIII в.

отверстие, выделенное рельефным валиком, иногда с насечками, рядом располагалась одна петлевидная горизонтальная ручка. Тулово украшалось пальметтой или «бараньими рогами».

На круге в основном изготавливалась столовая посуда: кувшины, кружки, горшки и чаши.

Столовые кувшины имели узкое длинное горло со сливом энохо-евидной формы и округлое тулово. Кувшины покрывались красным ангобом и лощением, украшались оттисками штампов в виде «колеса со спицами», кружков, клинышков. Продолжается изготовление краснолощенных кувшинов, украшенных орнаментом, копирующим тиснение на коже.

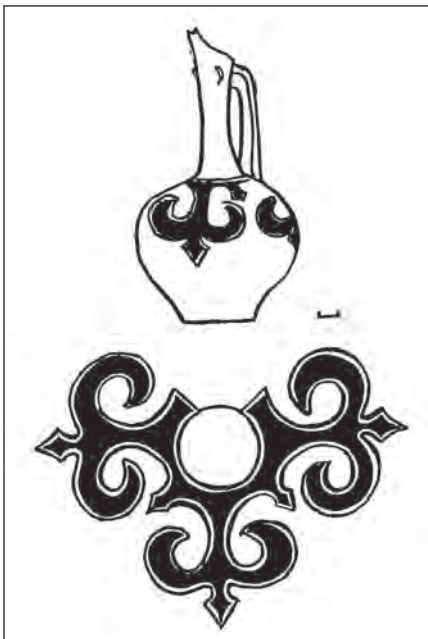

Рис. 152. Кувшин. X-XI вв.

Реже встречаются изображения животных и людей. Зачастую резьба по глине раскрашивалась красной, синей, зеленой и белой красками. Этот прием техники украшения стен распространился в городах Казахстана по Великому Шелковому пути из крупных центров Востока - Фустата, Самарры, Афрасиаба.

Поливная керамика. Видимо, к этому времени относится появление в Юго-Западном Жетýсу поливной керамики, находки которой в основном представлены фрагментами чаш на дисковидном поддоне. Полива прозрачная, положенная на белый ангоб. Роспись наносилась коричневыми, зелеными и красными красками. Керамика местного производства отличается от привозной, в частности, от чаш и блюд с эпиграфическим орнаментом, красноватым цветом черепка, мутными тонами росписи.

Керамика XI - начала XIII веков. *Неполивная керамика* этого времени почти вся изготовлена на гончарном круге - это котлы, кувшины, чаши, блюда, миски и кружки. Котлы имели сферическое приземистое тулово и округлое дно.

Распространяются кружки с округлым туловом и петлеобразной ручкой, горшкообразные сосуды имели две маленькие петлевидные вертикальные ручки.

Отдельную группу составляла архитектурная керамика.

Художественная резьба по толстому слою сырой штукатурки - резной штук - украшала культовые постройки IX-X вв. города Джамуката и Нижнего Барсхана в Таласской долине и помещения дворца Кулана, так же украшались ниши и стенные панели.

Характерными были геометрические мотивы (меандры, полосы, круги, овалы), растительные (лозы винограда, пучки цветов, тюльпаны), эпиграфические (стилизованные изображения букв).

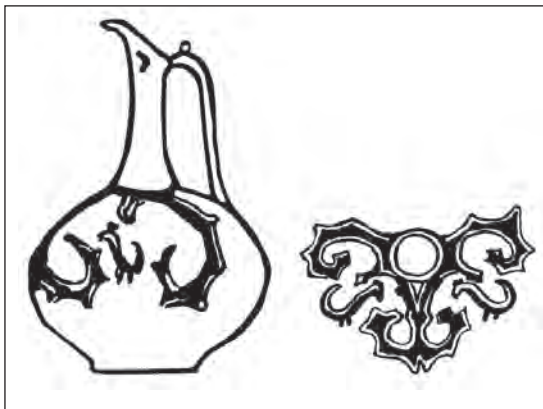

Рис. 153. Кувшин. X-XII вв.

Рис. 154. Верхняя часть кувшина с рельефным орнаментом. XII в.

Ручки налепные, петлеобразные или в форме выступов. Появляются котлы, украшенные наклепками в виде арочек, в стыке которых помещается налепная петля с выступом.

Кухонные горшки в большинстве случаев продолжают изготавливаться при помощи ручной лепки и имеют округлое приземистое тулово и короткую цилиндрическую горловину.

Столовые кувшины с узким высоким горлом и раздутым туловом, коленчатая с выступом ручка соединяет горло и плечики. Водоносные кувшины также имели вертикальную овальную в сечении ручку с коленчатым изломом, соединяющую горловину и раздутое тулово. Стали широко распространяться кувшины - кумганы со сферическим туловом, цилиндрическим носиком с закруглением на конце, воронкообразной горловиной или без горловины и петлевидной ручкой. Большая часть кувшинов украшена предельно просто - несколькими врезными concentрическими линиями либо плавной волнистой линией.

Выделяются кувшины, рельефный орнамент которых оттиснут в форме.

Интересен фрагмент верхней части кувшина, найденный в Таразе. Центральной композицией является узор из четырех медальонов и вписанных в них пяти лепестков. Пространство между основным рисунком занято мелким кружковым орнаментом. В центре одного медальона оттиснуто имя «Фазал».³⁷ Между медальонами имеется вертикальный ряд рыбок, выполненных высоким рельефом.

Стандартными становятся формы кружек - это сосуды с расширяющимися стенками и широким устойчивым дном, имеющие небольшие петлеобразные плоские в сечении ручки. Другой вид кружек - это сосуды

с цилиндрическим туловом с легким перегибом в центре, к венчику тулово расширялось, а ручка, прикрепленная у нижней части корпуса и у венчика, имела украшение в виде «пять».

Чаши и блюда имели дисковидный поддон и были покрыты снаружи и изнутри светло-коричневым ангобом.

Заметные изменения произошли в орнаментике - рисунок становится лаконичным и однообразным, широко применяется штамповка. В качестве декора поверхностей сосудов закрытого типа стало часто применяться раскрашивание в виде потеков и нанесения различных фигур.

Изготавливаются крышки трех форм: плоские, сферические и вогнутые. Последние не орнаментировались.

В этот период получили широкое распространение сфероконусы - толстостенные сосуды небольшого объема с узким отверстием в невысоком горле. Дно у них выполнено в виде конуса. Многие сосудики были богато орнаментированы. Узор состоит из концентрических кругов: вертикальных и горизонтальных полос, также использовалась резьба растительного характера. На некоторых сосудах для украшения использовались рельефные налеты.

Поливная керамика. Развитие керамического производства Юго-Западного Жетысу может быть прослежено на основе поливной керамики Тараза. Изготовлена она на гончарном круге из хорошо промытой, отмученной глины. Черепок сосудов в изломе красновато-коричневого цвета.

Основным видом поливных изделий этого времени являются чаши, пиалы, блюда, тарелки, кувшины, горшочки, вазочки, туваки, чираги.

Чаши представлены двумя формами: конической и с плавно выгнутыми стенками. Единично встречены чаши с наклонными внутрь

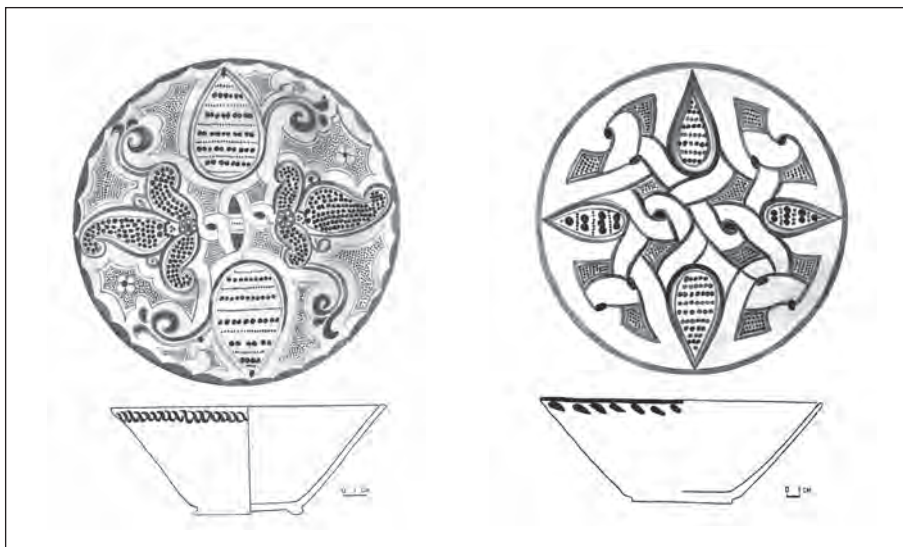

Рис. 155. Поливная керамика. XI - начало XIII в.

бортами, небольшие низкие чашечки с плавно выгнутой, заканчивающейся вверх округленной закраиной и небольшие низкие чашечки на дисковидном поддоне.

Пиалы близки по форме к конусовидным чашкам. Они лишь меньше размером и в основном покрыты одноцветной поливой: белой и зеленоватой.

Блюда уплощенной формы, с прямыми или слегка отогнутыми бортиками, на кольцевом поддоне.

Тарелки с перегибом стенки, на кольцевом поддоне.

Кувшины миниатюрных форм на дисковидном поддоне с цилиндрическим корпусом.

Горшочки с приземистым туловом, низкой шейкой и широким отогнутым наружу краем. Кувшины и горшочки украшены стилизованными куфическими надписями.

Вазочки-альбарелло с цилиндрическим или суженным к донцу корпусом.

Туваки цилиндрической формы, с отогнутым наружу краем и дисковидным поддоном или без него. Эти предметы украшены коричневой, красновато-коричневой и зеленой краской по белому фону. Некоторые из них покрыты подкрашенной зеленоватой поливой.

Чираги представлены двумя основными типами. Первый - с округлым корпусом, петлеобразной ручкой, они покрыты бесцветной поливой с темной росписью и украшены точками и стилизованной надписью по белому ангобу.

Второй тип чирагов также в плане круглой формы, но корпус их разделен вертикальными каннелюрами и поэтому носик приобретает четкие граненые формы, что создает впечатление металлического сосуда.

Ручка имеет пята, являющуюся центральной в композиции художественного оформления светильника.

Узор выполнен рельефным штампом, чаще всего это мотивы растительного характера, виньетки, пальметты. Встречаются клеточки, елочки, концентрические круги. Иногда изображены сцены борьбы зверей или пара птиц.

Чираги, как правило, покрыты одноцветной поливой: зеленой, желтой, коричневой. К редким формам фигурных светильников относятся закрытый четырехрожковый светильник, покрытый горчичного цвета поливой, со сферическим корпусом, заканчивающимся вверх цилиндрической трубкой, предназначенной для вливания жира, и имеющий по бокам по два симметрично расположенных вытянутых рожка, а также закрытые ладьевидные чернополивные светильники с массивным широким носиком. Корпус чирага в верхней части с прорезными квадратными отверстиями, выше помещена округлая головка, возможно, имитирующая головку птицы. Головка и корпус орнаментированы подтреугольными углублениями.

Рис. 156. «Пяты» чирагов. XI - начало XIII в.

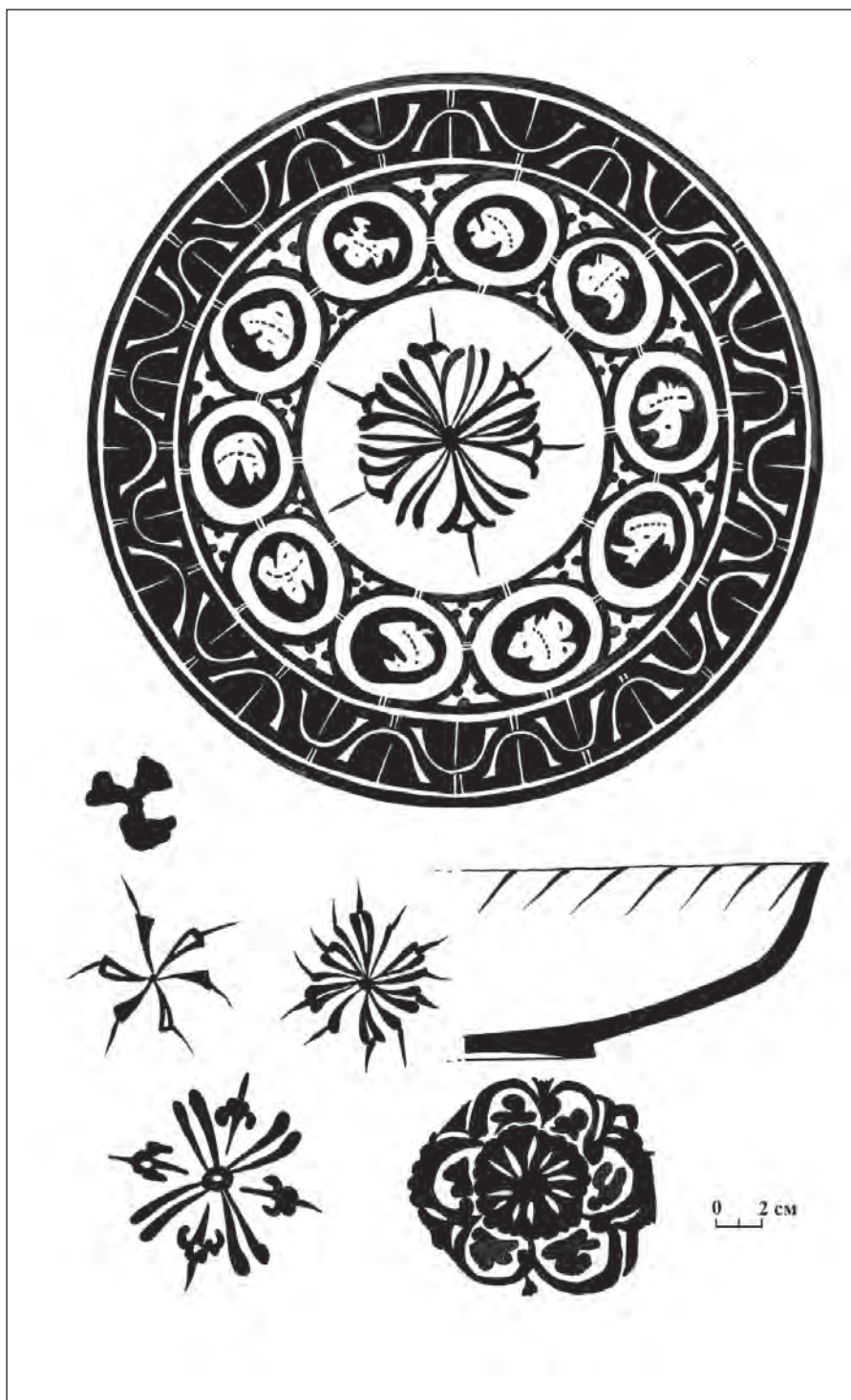

Рис. 157. Керамика с мотивом «вихревой розетки». X-XI вв.

Чаши, блюда, тарелки покрыты бесцветной или окрашенной в золотисто-желтый или зеленоватый цвет глазурью и украшены многоцветной росписью: коричневой, красноватой, зеленоватой, реже горчично-серо-ватой и черной. В ряде случаев роспись краской дополнена частичной прорисовкой узора и гравировкой.

Узоры на таразских поливных сосудах по сюжету орнаментальных мотивов можно разделить на четыре группы: линейно-геометрический, растительный, эпиграфический и зооморфный. Используются узоры в различных сочетаниях. Линейно-геометрический орнамент - самый распространенный в Таразе, на поливной посуде с белым фоном. Мотив вихревой розетки насчитывает свыше 20 разновидностей. Обычно он украшал донную часть чаш, блюд и тарелок. Орнаментировалось не только дно сосуда, но и его борта. Но узор был менее сложен. Это точки или фестоны, иногда их дополняла благожелательная надпись.

Узор «падающей волны» - символ воды, помещенный в двух концентрических кругах на бортике чаши, между волнами имеются завитки.

В единственном случае на белом фоне блюда выполнено сложное плетение типа гириха, составлявшего шестиугольные звезды с многолепестковыми розетками внутри.

На бортиках блюд имеются стилизованные надписи. Единичными являются т. н. узор «узел счастья», узор в виде разводов и орнаменты в виде ромбов, клеток, звездочек, елочек, кругов, овалов, а также выемчатый орнамент на чирагах.³⁸ Отмеченные формы сосудов и узоры имеют аналогии в самаркандской керамике X – начала XI века.³⁹

К растительному орнаменту относится рисунок граната - символа плодородия, выполненный очень реалистично. Изображение плода дано в разрезе, иногда вместо зерен внутри помещали благожелательную надпись. Как правило, таким узором украшали только борта конических чаш с золотисто-желтым фоном.⁴⁰

В таразской керамике этого периода, как и в среднеазиатской, широко использовалось изображение букетов из крупных бутонов, выполненных сочетанием красного, зеленого, серого и коричневого цветов с процарапанными по ангобу различными завитками. Букеты украшали чаши и блюда. Часто букеты употреблялись в сочетании с эпиграфическим орнаментом в виде стилизованной надписи, расположенной между букетами по краю чаш. Букеты из бутонов были популярным элементом декора глазурованной керамики XI в. в Чаче, Илаке, Жетысу, Южном Казахстане - Шуйской, Илийской и Таласской долинах.⁴¹

Эпиграфический орнамент представлен надписями от простого куфи до стилизованной арабески. Как правило, им украшались борта открытой посуды, а также горшочки, кувшинчики, чираги с белым фоном и без пята. Стилизованные арабские надписи компоновались либо в виде сплошной орнаментальной полосы, либо прямоугольными отрезками сильно вытянутых букв. Узор выполняли черной, коричневой, иногда красной красками.

Сосуды с зооморфным орнаментом не многочисленны. На одной чаше в центре имелась изображение льва. Лев изображен с раскрытой пастью и поджатым хвостом, фигура заключена в медальон из эпиграфической надписи.

На фрагменте сосуда, покрытого темно-коричневой глазурью, изображена лиса, стоящая на задних лапах, а передними как бы тянущаяся к ветвям виноградной лозы. Орнамент выполнен рельефно.

На выступе ручки чирага имеется изображение барса, набросившегося на оленя.

Многообразии форм и высокое художественное мастерство гончаров, ярче всего выразившиеся в стандартизации и разнообразной орнаментации поливных изделий, способствовали не только широкому спросу их на рынке, но и взаимовлиянию гончарного искусства, взаимопроникновению гончарных традиций. Расцвет керамического искусства в Таразе и городах его округи, как и во всем Жетысу, не был изолированным явлением, а был результатом общего экономического подъема городов Средней Азии и Казахстана после объединения под властью караханидов.

Керамика Северо-Восточного Жетысу XI-XIII веков. Комплекс керамики этого времени был получен при раскопках городища Талгар, Алматы, Шилик, Лавар и Каялык (Антоновское).

Неполивная керамика изготовлена на гончарном круге, при помощи скульптурной лепки изготавливалась часть кухонных горшков и хумов.

Котлы характеризуются стандартной формой тулова. В большинстве они имели две горизонтальные петлевидные ручки, округлые в сечении, скрученные в виде жгута. На некоторых ручках в местах прикрепления к тулову имеются пальцевые вдавления или насечки. Есть котлы с горизонтальными дугообразными ручками с гладким или волнистым краем. Кроме того, имеются горизонтальные полочковидные ручки с пальцевыми вдавлениями. Встречаются горизонтально прикрепленные ручки в виде «трезубца» - оформленные тремя выступами. В большом количестве также встречаются ручки в виде «ушка».

В отдельную группу выделяются котлы с носиками, которые имеют разные диаметры и формы. В основном это небольшие налепы конической формы, располагающиеся в верхней части тулова на плечиках сосудов.

Горшковидные сосуды имеют прямую горловину, венчик «Г»-образной формы с наружным утолщением, горловина переходит в раздутое почти шарообразноеверху тулово, конусообразно сужающееся книзу. Еще один вид горшкообразных сосудов имеет прямую горловину, переходящую в раздутое шарообразное тулово с уплощенным дном. Тулово таких горшков украшалось прочерченно-процарапанными концентрическими и волнообразными линиями. Две (иногда четыре) маленькие петлевидные уплощенные ручки крепились к горловине. Некоторые ручки украшены пальцевыми вдавлениями.

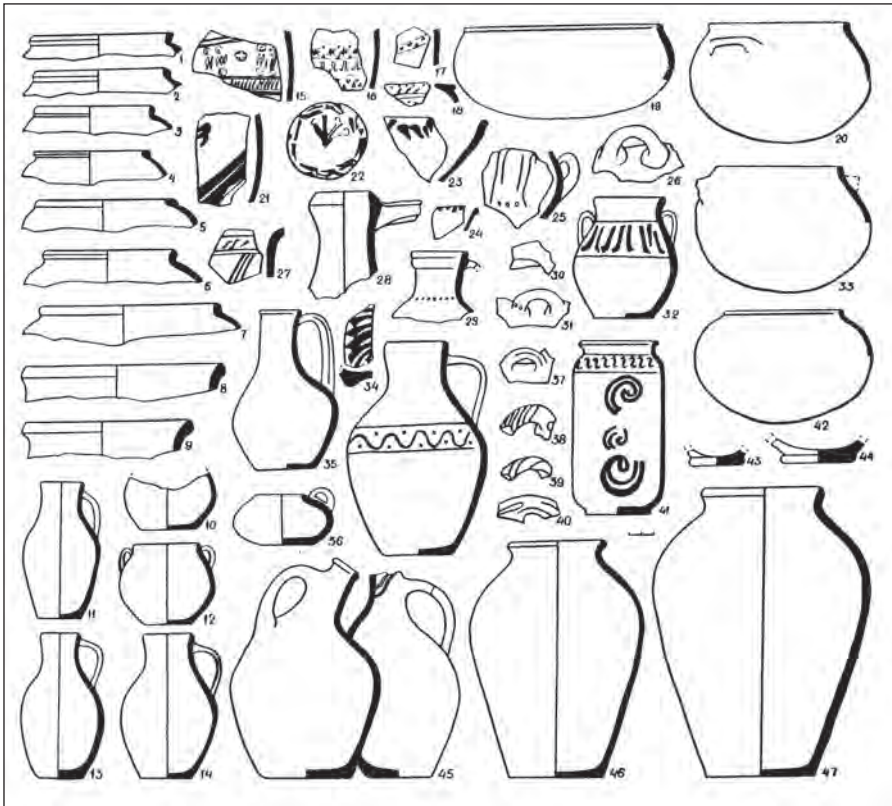

Рис. 158. Северо-Восточное Жетысу. Керамика. IX - начало XIII в.

Водоносные кувшины имели невысокую горловину иногда со сливом, раздутое тулово, украшенное прочерченно-процарапанными концентрическими или волнистыми линиями или оттисками штампов, иногда резным орнаментом. Встречены двуручные водоносные кувшины с крупным туловом яйцевидной формы.

Столовые кувшины представляют вторую после котлов группу самых многочисленных сосудов. Кувшины, как средних, так и малых размеров, в основном представлены сосудами с узким невысоким горлом, переходящим в раздутое тулово. Горловина и тулово соединялись коленчатой округлой или овальной ручкой с одним или двумя продольными выступами.

Горловины некоторых кувшинов имеют небольшой раструб, иногда край венчика горловины имеет выделенный слив. Часть кувшинов имеют горловины с выделенным сливом со слегка загнутыми краями. К кувшинам средних размеров относятся кувшины-кумганы, имеющие носик-слив, крепящийся в верхней части тулова со стороны, противоположной ручке.

Встречается еще один тип кувшинов с отверстием-сливом, проходящим по ручке. Ручки соединялись верхним краем с венчиком или присоединялись к середине горловины. Еще один тип кувшинов -

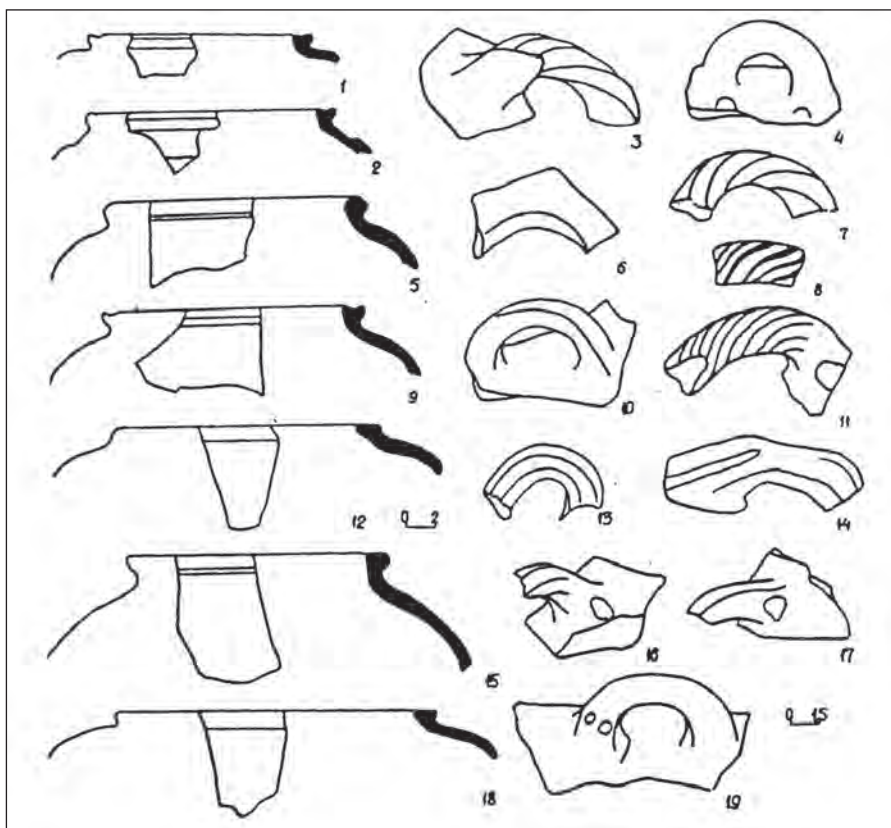

Рис. 159. Котлы. X - начало XIII в.

кувшины-водолеи, имеющие носик-слив, крепящийся к боковине сосуда, и петлеобразную ручку. Тулово кувшинов шарообразное в верхней и коническое в донной части.

Украшались кувшины одной или несколькими концентрическими или волнообразными линиями различной высоты и частоты гребня.

Кувшины малых размеров представлены миниатюрными сосудиками, которые имели невысокую горловину, слегка расширяющуюся в верхней части и шарообразное, иногда приплюснутое тулово, небольшая уплощенная или округлая в сечении вертикальная ручка соединяла горловину и тулово кувшина.

Чаши разделяются на два типа: конической и полусферической формы. В основном они имели дисковидный поддон или просто плоское дно.

Кружки - с туловом грушевидной формы и небольшой наклепной петлевидной ручкой, овальной в сечении.

Ступкообразные сосуды на массивном дисковидном поддоне, иногда украшенном наклепным волнистым валиком или просто пальцевыми защипами.

Тагора с вертикальными стенками, венчик выполнен в виде «Г»-образной полочки с наружной площадкой. Закраина венчика укра-

шалась волнообразным прочерченно-процарапанным орнаментом. Снаружи тагора покрывались ангобом светло-коричневого цвета.

Чираги имели резервуар округлой формы с плоским дном с сильно вытянутым наlepным носиком. Другие светильники представляли собой вытянутую, ладьевидной формы площадку, которая имела выделенный желобчатый слив, куда помещался фитиль. С противоположной от носика стороны к резервуару прикреплена петлеобразная ручка, идущая от венчика к самому дну. Многорожковые светильники - с раздутым шарообразным слегка приплюснутым туловом. Некоторые чираги были украшены штампованным орнаментом.

Крышки плоские, имеют различный диаметр и толщину. Иногда наружная поверхность крышки украшалась плетеным или штампованным орнаментом из «S»-видных вдавлений, оттисков и восьмилепестковых розеток в круге.

В коллекции имеются навершия крышек грибообразной формы. Края некоторых крышек украшены пальцевыми вдавлениями или косыми насечками. Интересна находка богато орнаментированной крышки с резным узором в виде переплетающихся растительных побегов, образующих сердцевидные медальоны.⁴²

Поливная керамика представлена такими типами посуды, как чаши, блюда, пиалы, тарелки, кувшины, горшкообразные сосуды, чираги. Основную массу поливной посуды составляют чаши, имеющие полусферическую или коническую форму на невысоком дисковидном или кольцевом коническом поддоне. Покрывались чаши прозрачной бесцветной, желтой или зеленой поливой.

Наиболее распространенными были сосуды с белым ангобированным фоном под прозрачной свинцовой поливой. В качестве основного орнаментального мотива использовалась вихревая розетка, выполненная темно-коричневой, светло-коричневой, красной и зеленой красками. Розетка занимала центр дна чаши или почти всю ее внутреннюю поверхность. Часто используется орнамент в виде стилизованных арабских надписей, расположенных в верхней части чаши или блюда, нарисованных краской светло-коричневого цвета и обведенных более тонкими темно-коричневыми линиями. Встречается также орнамент в виде так называемых букетов с крупными миндалевидными бутонами, украшенными остролистниками и тонкими процарапанными линиями.

Среди интересных находок поливной керамики на городище Талгар можно выделить фрагмент блюда большого диаметра, дно которого было украшено профильным изображением двух птиц, со сложенными крыльями, стоящих напротив друг друга. Встречается керамика с прозрачной бесцветной поливой и росписью коричневой и оливковой краской по белому ангобному покрытию, иногда с тонкой гравировкой, а также керамика с прозрачной желтой поливой, иногда с росписью оливковой краской.

Распространена была и керамика с зеленой и коричневой поливой.

В небольшом количестве встречаются сосуды с бирюзовой поливой.⁴³

Среди талгарской поливной керамики в отдельную группу выделяется керамика, которую можно назвать «византийской» или же подражанием византийской поливной керамике.⁴⁴ Внутренняя поверхность сосудов была украшена геометрическим и растительным гравированным орнаментом по белому ангобному покрытию. Блюдо конической формы, стенки которого имеют перегиб, образующий с внешней стороны плечико. Загнутая во внутрь закраина украшена подглазурной насечкой косой сетки, ограниченной сверху и снизу двумя параллельными желобками. Ниже помещено схематическое изображение ствола и кроны дерева. В центре донной части помещен круг, за линией которого нанесен стилизованный растительный орнамент. Внутренняя поверхность другого блюда была разделена по горизонтали парными круговыми линиями на три части. Венчик частично окрашен зеленой краской. Вторая сверху часть ленты украшена прорезным орнаментом, имитирующим вьющуюся лозу винограда. В третьей секции изображены расположенные накрест четыре треугольника. В донной части прочерчены два круга, вписанные один в другой.

Поливная красноглиняная керамика с городища Каялык представлена в основном фрагментами чаш полусферической формы на кольцевом поддоне, венчик чаш или слегка загнут вовнутрь, или отогнут наружу. Внутренняя поверхность чаш покрывалась прозрачной бесцветной поливой по белому ангобному покрытию, орнамент стилизованный растительный, выполнен тонкими коричневыми и зелеными линиями, располагался в основном поярусно.

Внутренняя поверхность других чаш покрыта зеленой поливой по ангобному покрытию, имеются также чаши, внутренняя поверхность которых покрыта зеленой поливой, а наружная - желтой. Другой тип чаш - это чаши с вертикальными стенками и резким изгибом в донной части на кольцевом коническом поддоне.

Чаши покрывались зеленой поливой по ангобному покрытию.

Тарелки имеют почти горизонтальный бортик и плавный перегиб стенки, кольцевой поддон, украшены стилизованным растительным орнаментом зелеными и коричневыми красками по белому ангобному покрытию под прозрачной бесцветной поливой. Есть также тарелки, покрытые зеленой поливой.

Среди находок поливной керамики достаточно большое количество сосудов - чаш и бутылей с плотным серым черепком и покрытых матовой поливой темно-зеленого, болотного цвета, некоторые чаши имеют гравированный орнамент на внутренней поверхности, сосуды являются китайским импортом.⁴⁵ К китайскому импорту относятся также пока немногочисленные находки чаш с твердым серым черепком, покрытые голубой непрозрачной поливой, украшенные размытыми фиолетовыми пятнами.⁴⁶

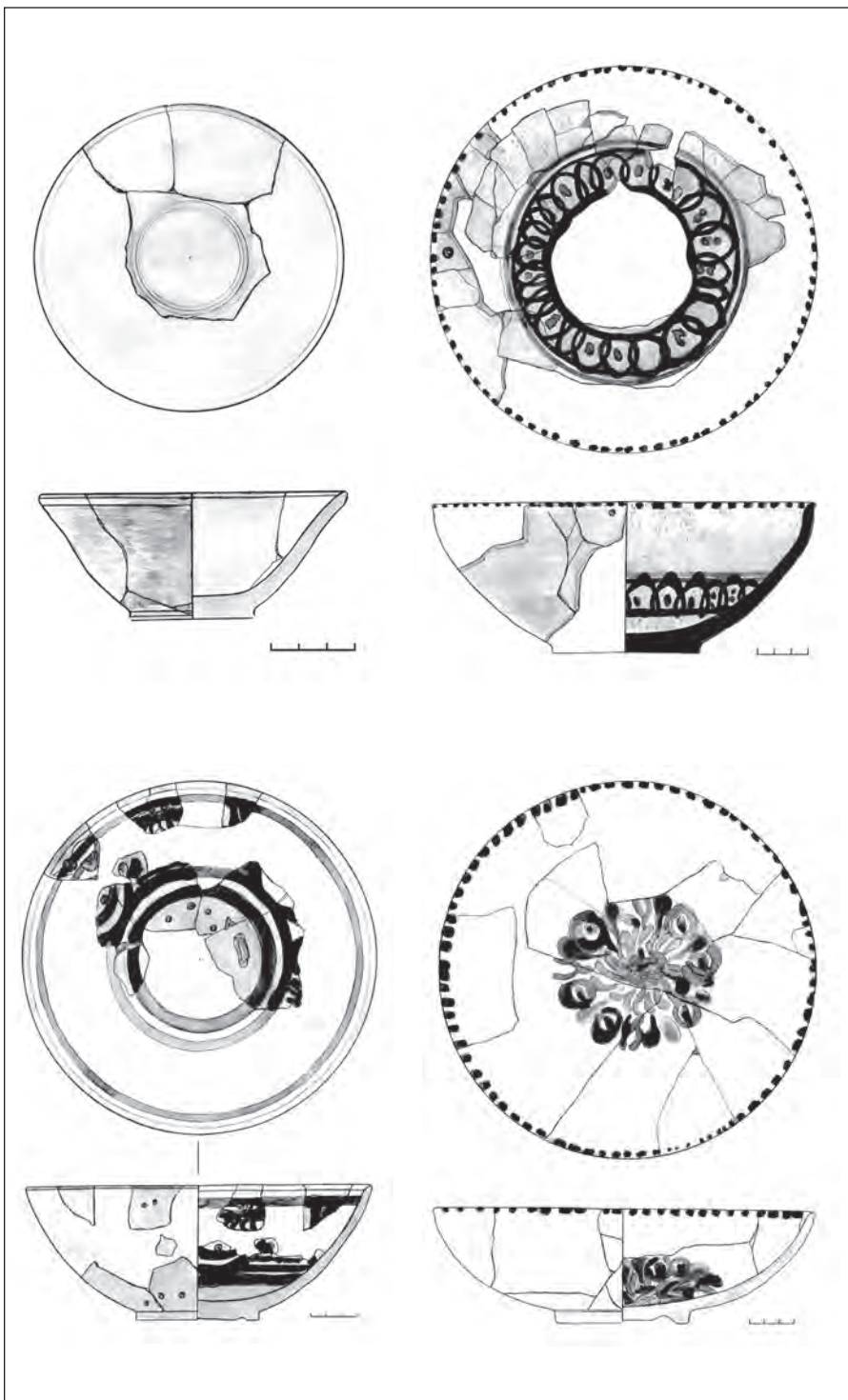

Рис. 160. Поливная керамика. XI - начало XIII в.

К изделиям ближневосточного импорта относятся фрагменты кашинных сосудов с росписью люстром, а также с надглазурной росписью эмалями (синей, бирюзовой и черной).

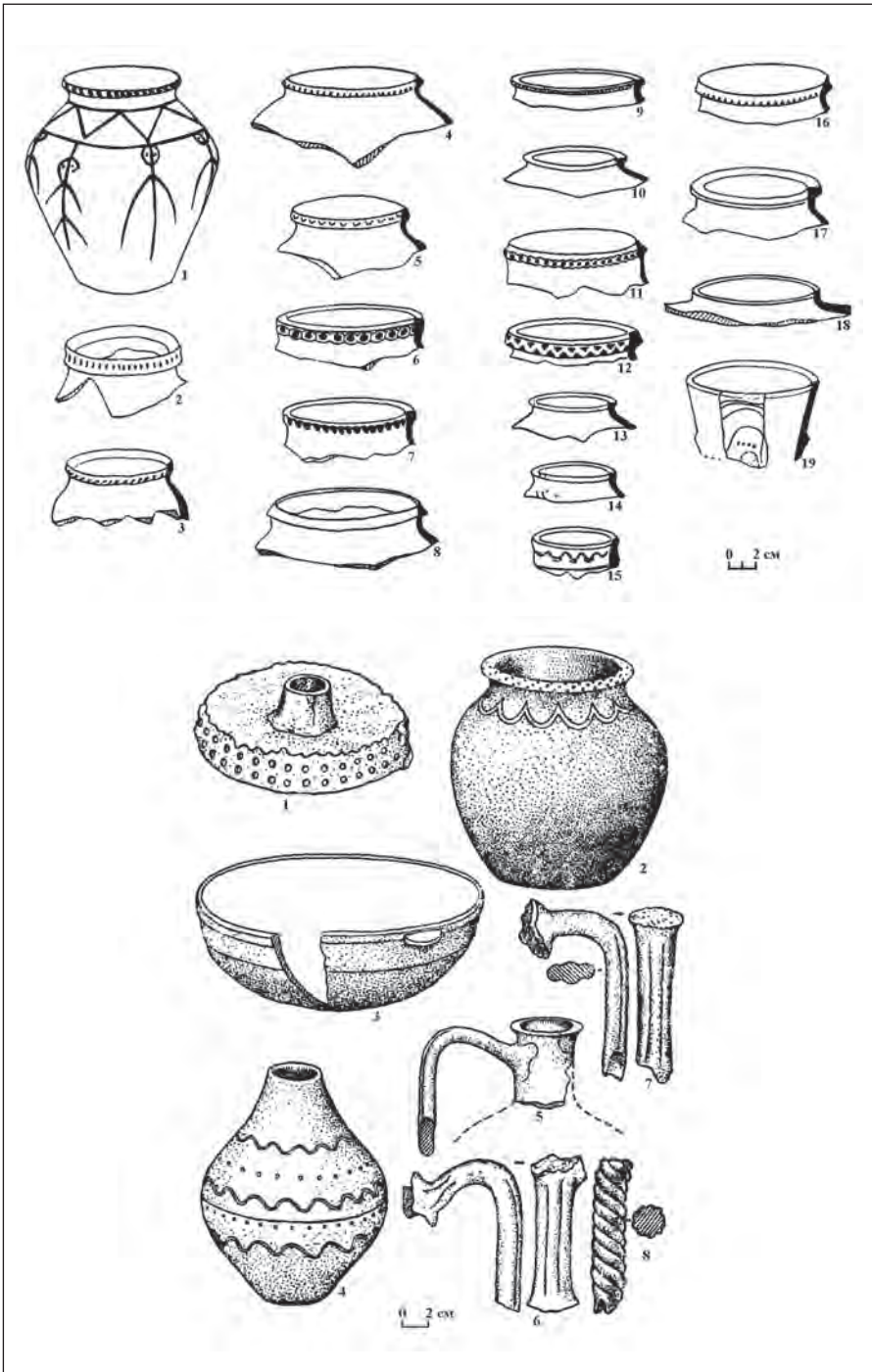

Рис. 161. Керамика городищ Центрального Казахстана. X - начало XIII в.

Стеклоделие

Археологические исследования, связанные с изучением средневековых городов Казахстана, выявили их роль как центров ремесла и торговли сельского хозяйства.

Здесь были развиты гончарное, стекольное, кузнечное, медницкое, ювелирное и многие другие отрасли ремесленного производства.⁴⁷ При раскопках городищ Отрар-тобе, Куйрыктобе, Тараз, Талгар, Антоновка собрано большое количество фрагментов стекла: графинов, кувшинов, чаш, стаканов, кружек, бокалов, флакончиков и фрагментов оконных дисков. Имеются публикации, связанные с типологией и хронологией стекла и стекольного производства.⁴⁸ Наиболее представительная коллекция образовалась в ходе раскопок Отрара и городищ оазиса. Самым многочисленным и разнообразным оказалось стекло из городища Куйрыктобе.⁴⁹ Находки были детально описаны, часть сосудов была склеена и восстановлена.⁵⁰

Набор стеклянной посуды в средневековый период состоял в основном из столовой посуды и был непосредственно связан с бытом, традициями, вкусами населения того времени. Собранные материалы X-XII вв. говорят о заметном увеличении производства и широком употреблении в быту стеклянной посуды. Вспомним в этой связи замечание аль-Бируни о малоценности стекла вследствие его изобилия.⁵¹ Все найденные обломки стеклянных изделий из Отрара и Куйрыктобе были подвергнуты морфологическому анализу. Материал был распределен по основным конструктивным элементам сосудов - края, горлышки, ножки, тулова - и по различным типам, у всех описанных конструктивных элементов установлены размеры. Классификация построена на морфологических признаках с учетом особенностей технологии и декора.

Необходимо отметить, что с утверждением ислама произошел качественный скачок во всех сферах жизни городского населения.

В центрах стекольного ремесла в Афрасиабе, Бухаре, Хиве, Ахсикенте, Отраре, Таразе, Тальхире работали крупные мастера. В свою очередь они выезжали туда, где возникал спрос на стекольную продукцию. Таким образом, традиционные миграции мастеров, в том числе и по Шелковому пути, способствовали развитию производства. Что касается сырья, то оно было местным, о чем свидетельствуют химические анализы.⁵² В пользу местного характера говорят и найденные в городах Казахстана остатки шести стекловаренных печей, фрагменты стеклянного боя и бракованной продукции.

Стекло Южного Казахстана и Приаралья

В коллекции стеклянных фрагментов из городищ Отрар и Куйрыктобе представлены графины, кувшины, кружки-бокалы, горшки с ручкой, стаканы, банкообразные и рюмковидные сосуды, флаконы, чаши, банки, тарелки, аламбики, сфероконусы и лампы. Выделены типы, характеризующие особенности конструктивных элементов и декоративного оформ-

ления. По функциональному назначению стеклянные сосуды распределяются по шести группам изделий: хозяйственно-бытовая, санитарно-гигиеническая, парфюмерно-аптекарская, химическая, а также лампы и оконное стекло. Изделия датируются X-XII вв., в том числе и по сопровождающему комплексу монет и керамических находок.

Хозяйственно-бытовая стеклянная посуда - наиболее многочисленная по ассортименту и количеству представленных типов. В коллекции имеется несколько видов изделий, схожих по форме. В большом количестве представлены обломки горловин, завершающихся венчиком в виде раструба с кольцеобразным вздутием под горлышком. Фрагменты тулова разнообразны: в поперечном сечении имеются шарообразные, ребристые, квадратные формы. Такие сосуды рассматриваются как маленькие кувшины. Стенки тулова тонкие - 0,1-0,2 см. Кувшины с горлом-раструбом имеют круглое и овальное тулово. Нижняя часть завершается на кольцевом поддоне или вогнутом днище. Вертикальная ручка крепится на край венчика и среднюю часть тулова. На ручках в верхней части - шишковидный отросток. Средняя высота от 15 до 20 см.

Интерес представляет *графин* с овальными ребрами тулова в виде «тыквы». В ходе реставрации графически были определены его основные параметры. Высота графина - 17 см. Наибольший диаметр тулова - 11,6 см. Диаметр основания - 6,7 см. Четко обозначенные овальные грани «растворяются в верхней части тулова», где намечена лишь выпуклая

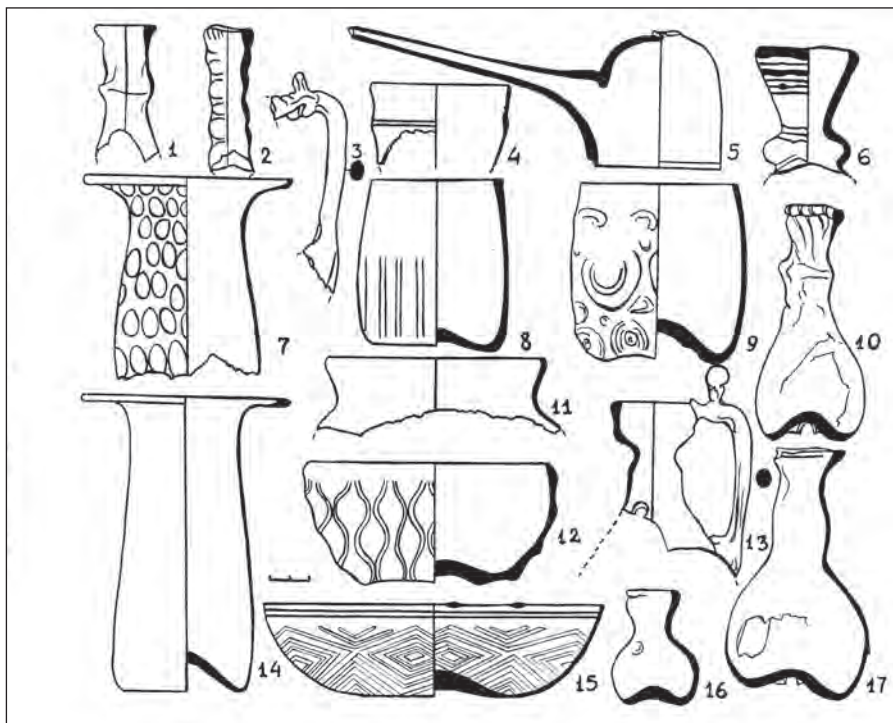

Рис. 162. Графины, бокалы, чаши, флаконы, аптекарские сосуды, туваки. X-XII вв.

зигзагообразная линия толщиной 0,6 см, между верхушками треугольников расположены выпуклые кружочки диаметром 0,9 см. Основание поддона сохранилось полностью, но идущие от него вверх овальные грани (всего 12) уцелели лишь частично. Толщина граней не одинакова: размеры от основания равны 1,5-2,0 см. Овальный поддон ассиметричен. Дно графина слегка вогнутое. Стекло прозрачное оливково-зеленого цвета, поверхность гладкая, слегка ирризирована. Технология изготовления данного графина - выдувание в разъемную форму. Аналогичные графины с воронкообразным горлом и вздутием под ним широко представлены в материалах Хауз-Хана.⁵³

Широко известны узкогорлые графины с дисковидным венчиком. Подобный сосуд был найден на городище Отрар при расчистке в стратиграфическом шурфе в слое X-XII вв. Цилиндрическое тулово сужается книзу. Сосуд изготовлен из прозрачного тонкого стекла светло-зеленого цвета. Поверхность тулова гладкая, стекло - мелкопузыристое, не осветленное.

Форма подобных узкогорлых *кувшинов* встречается во всех центрах стекольного производства: в Таразе, Кумышкенте, Афрасиабе, Бухаре. Другой тип изучаемых изделий представлен фрагментарно. Сохранилась только удлиненная цилиндрическая и короткая конусообразная шейка. Верхнюю часть горловины опоясывает волнистый налепной валик в виде жгута. Судя по сохранившимся деталям, тулово было шаровидным или удлиненным. Поддон - овальный, слегка вогнутый. Стенки различной толщины - 0,2-0,5 см. Такие сосуды появились во второй половине XII века в Афрасиабе, рассматриваются как графины-бутыли. Изготавливались выдуванием в форму и свободным выдуванием. Аналогичные формы встречаются в Афрасиабе.⁵⁴ Наиболее часто южно-казахстанские стеклянные графины украшались наварными стеклянными полосками или нитями других цветов. Отмечены различные виды рельефного декора: ячеистый, сотовый, ребристый, полученный в результате выдувания в узорчатую форму. Место расположения декора - тулово сосуда, преимущественно верхняя и средняя части.

Кувшины относятся к достаточно распространенному виду стеклянных изделий. Они найдены на Отраре, Куйрыктобе, в основном во фрагментарном состоянии. Основная отличительная черта кувшинов - различная форма горлышек со сливом и ручкой. Горловина большинства кувшинов заканчивается оттянутым и отогнутым венчиком. Декоративное оформление выполнено в виде припаянных на тулове и горлышке цветных нитей. Особый интерес представляет массивный кувшин. Венчик с широким сливом, цилиндрическое горлышко, расширяющееся к низу, плавно переходит в пузатое деформированное тулово с покатыми плечиками.

Внутри тулова в средней части сформирована петлевидная полочка (ребро жесткости), обеспечивающая объемистому тулову большую прочность. По линии полочки на внешней стороне крепилась нижняя часть основания ручки. Дно массивное, вогнутое вовнутрь. Дисковидный

поддон припаивался из круглой заготовки - «лепешки». Декоративная ручка соединяет край венчика с верхней частью тулова. Широкий слив был украшен наварной линией бордового цвета в три оборота, а средняя часть горлышка - наварной манжетой такого же цвета. Фрагментарный кувшин был восстановлен благодаря сохранившимся основным конструктивным элементам.

Стенки толстые, высота составляет 24 см, максимальный диаметр тулова - 19 см, длина слива - 9,2 см.

В коллекции имеется кувшин с широким воронкообразным горлышком. Дискovidный поддон вогнут вовнутрь. Сферическое тулово и часть горлышка имеют сотовый орнамент. Он выполнялся выдуванием в двух вращающихся разъемных формах, следы которых просматриваются на стенках сосуда. Подобные формы относятся к часто фиксируемым, при этом встречаются образцы, как с различными дискovidными поддонами, так и без них, с ручками и без ручек. Аналогии отмечены на Афрасиабе, в Ахсикете, Бинкате-Ташкенте.⁵⁵

Кувшины и графины относятся к наиболее востребованным изделиям стеклянной посуды. Их форма проста и выразительна, в ее основе - цилиндрическое горлышко с декоративным оформлением в виде жгута, шарообразное тулово.

Как правило, они изготавливались методом свободного выдувания, высота разнообразна: от 15 до 40 см.

Кувшины, аналогичные отарским, многочисленны: они встречены в Таразе, Самарканде, Узгене.⁵⁶

Кружки-бокалы представлены в коллекции несколькими вариантами. Большинство из них имеют цилиндрическое тулово с косоробристой поверхностью и вогнутым поддоном. Представляет интерес кружка-бокал, имеющий цилиндрическое тулово, стенки которого украшены глубокими вертикальными зацепами, выполненными специальными щипцами. Ручка декоративная с оттянутыми плоскими выступами в верхней и нижней части. Верхняя часть тулова украшена наварной линией в четыре оборота. Цвет стекла - зеленый.

Встречаются толстостенные цилиндрические емкости с растительной розеткой на дне сосуда. Стенки оформлены в виде рельефных кругов, волнистых линий, геометрических фигур. Как правило, они изготавливались методом «тихого» дутья в декоративную форму. Обнаружена кружка без ручки на небольшой ножке в виде дискovidного вогнутого поддона.

На тулове имеется декоративный рисунок из четырех окружностей с выпуклым кружочком в центре. Венчик оформлен петлей, загнутой наружу и приваренной к стенке. Данный сосуд был выполнен выдуванием в форму без вращения «тиходутым» способом.⁵⁷

Примечательны горшки с ручкой. Тулово полусферической профилировки с широкой горловиной, идущей на раструб. Дно имеет вогнутую форму и опирается на плоский поддон. Сплошная ручка в верхней части крепится к краю венчика, а в нижней - к изгибу плечика тулова.

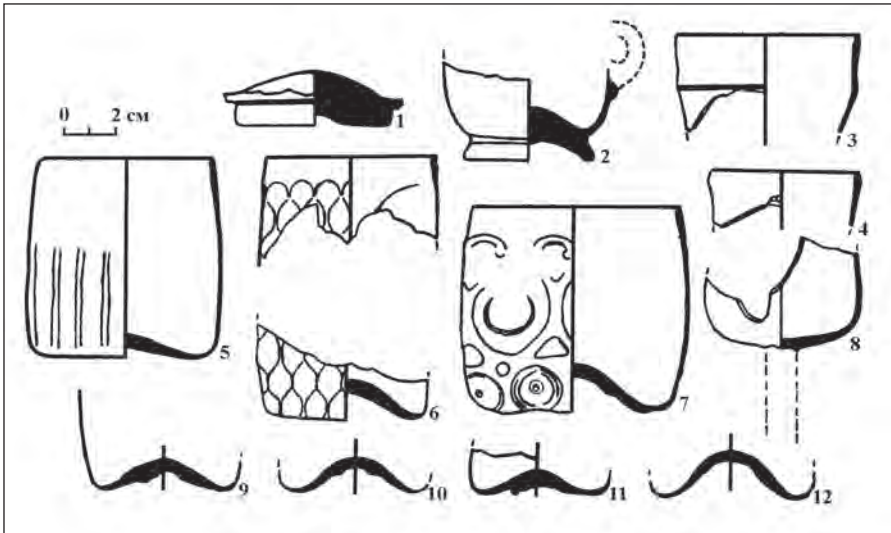

Рис. 163. Бокалы, кружки, рюмки. X-XII вв.

Край венчика украшен стеклянной линией в три ряда. Тулова подобных сосудов встречаются в виде приплюснутых форм и разнообразных размеров.

Стакан представлен в одном экземпляре. Форма - стандартная и напоминает современные образцы: цилиндрическое тулово, сужающееся к низу и завершающееся вогнутым массивным дном. Стенки тонкие, прозрачные. Цвет стекла оливковый. В верхней части стакана припаяны наварные линии голубого цвета в три оборота. Высота стакана - 9,4 см, диаметр венчика - 6,6 см, диаметр днища - 4,7 см.

В коллекции имеется чаша полусферической формы из желтого стекла с горизонтальными широкими гофрами и рельефным рисунком в виде спирали. Еще одна чаша - полусферической формы из светло-зеленого стекла с венчиком в виде валика и рельефным рисунком из вытянутых полуокружностей и сотовым орнаментом. Некоторые фрагменты данного типа имеют донца с рельефным орнаментом в виде розеток в центре. Изготавливались подобные чаши в целых открытых формах.

На городищах Южного Казахстана найдено достаточное количество фрагментов банкообразных сосудов. Качество выполненной работы выражено тонкими стенками, прозрачностью и гладкой поверхностью. К ним относятся два сосуда из Куйрыктобе. Тулово имеет трапециевидную форму, расширяющуюся кверху и резко переходящую в покатые плечики. Цилиндрическое горлышко сужается к плечикам и плавно соединяется с ними.

Второй сосуд - баночной формы с граненым овальным туловом. Стекло прозрачное тонкостенное светло-зеленого цвета без следов разрушений. Форма близка к керамическим прототипам. В X-XIII вв., в период расцвета стеклоделия, многие формы керамики переносились и на стекло, хотя оно приобрело уже свои формы, присущие только этому материалу и связанные с техникой изготовления.

Рюмковидный сосуд представлен лишь несколькими фрагментами. Стекло очень тонкое, прозрачное. Морфологический анализ выявил основные конструктивные элементы этого типа изделий. Рюмки на стержне с цилиндрическим и колоколовидным резервуаром. В нижней части резервуара - дисковидный ободок, накрученный спиралью из стеклянных нитей. Цилиндрическое тулово плавно расширяется вверх. Оно припаяно к стержню и завершается дисковидным воронкообразным поддоном, полым внутри. На стенках некоторых фрагментов тулова зафиксированы декоративные узоры из стеклянных нитей в виде зигзагообразных и волнистых линий.

К санитарно-гигиенической посуде относятся туваки, сумачи, используемые в колыбелях. Известны их керамические аналоги. Форма - консервативная и достаточно распространена в широких хронологических рамках X-XVIII вв. по всей территории Средней Азии и Казахстана. Формы и размеры описываемых изделий на Отраре и на Куйрыктобе стандартны: цилиндрическое тулово, сужающееся вверх, дисковидный горизонтальный венчик с загибом вовнутрь. Днище конусовидное. Стекло прозрачное, тонкостенное, пузыристое.

Среди множества фрагментов туваков сохранились основные конструктивные элементы, некоторые из них склеивались в целую форму. В результате в коллекции имеется 3 восстановленные формы. Помимо прозрачного стекла, было найдено множество фрагментов целых конструктивных деталей днищ, венчиков из непрозрачного черного стекла.

Качество стекла высокое. Об этом свидетельствуют полированная гладкая поверхность стекла, ровные стенки, идеальная форма сосудов. Аналогии найдены в Бинкате-Ташкенте.⁵⁸ Часто встречаются туваки с «бликующим» узором на тулове. Выполнены способом выдувания в форму с вращением в двух формах, в результате которого на стенках образуются узоры в виде пчелиных сот, ромбов, кружочков.

Подобные сосуды встречены почти во всех центрах стекольного производства в Центральной Азии, однако целые образцы не обнаружены. Найденные фрагменты составляют отдельные конструктивные элементы в виде части трубки с отверстием и круглым отростком.

Парфюмерно-аптекарская посуда выделяется миниатюрностью размеров. По своему назначению она делится на две группы: посуда для хранения лекарственных и парфюмерных препаратов и посуда для изготовления лекарств.

Стеклянные флаконы были распространены на обширной территории мусульманского Востока: Иран, Азербайджан, Ирак, Сирия, Египет, Центральная Азия. На территории Южного Казахстана изделия в большом количестве были найдены на городище Отрар и Куйрыктобе. Встречаются флаконы с туловом грушевидной и округлых форм. Большинство из них выполнено дутьем в разъемные формы с гладким рельефным орнаментом в виде кружочков, спиралей. По форме тулова и толщине стекла можно выделить несколько вариантов. Флаконы с кони-

ческим венчиком-раструбом, с кольцевым выступом под ним и удлиненной цилиндрической шейкой, плавно переходящей в грушевидное тулово. В коллекции имеется три целых флакона средней формы. Благодаря небольшим размерам, обтекаемой форме и стенкам толщиной 0,2-0,3 см, они сохранились в целом виде.

Средние параметры подобных сосудов: высота 6,5-8,5 см, диаметр устья 5,2-2,5 см. Встречены два миниатюрных сосуда грушевидной формы.

Округлое цилиндрическое горлышко имеет небольшое расширение к устью. Плавный переход горлышка к тулову осуществляется покатыми плечиками. Высота - 2,3-4 см. Диаметр - 2,5-2,8 см. Большинство флаконов изготовлено из полупрозрачного стекла зеленого цвета. Донце вогнуто вовнутрь. Края венчика обрезаны и оплавлены.

Коллекция *химической посуды* представлена фрагментами алабиков и сфероконусами, найденными на городище Куйрыктобе и Отрар. Только два алабика сохранились целыми. Сопровождающий материал датируется X-XII вв.

Алабик - это насадка для улавливания паров ртути. Представляет собой стаканообразный сосуд с полусферическим дном. По технике изготовления можно выделить сосуды, выполненные способом свободного выдувания, а также выдувания в форму. Размеры алабиков по верхнему краю - 3,5-6,7 см. Сосуды имеют выводные отверстия (носики), предназначенные для сливания ртути.

Стеклянные *сфероконические сосуды* являются редкой находкой. Найдено два толстостенных каплевидных сосуда полых внутри. Толщина стенок - 0,6-0,8 см. Снизу сосуд имеет щелевидное отверстие размером 0,5 см. На днище сохранился отпечаток металлической пробки эллипсоидной формы. Цвет стекла зеленый. Поверхность полированная. Выполнен выдуванием в форму.

В коллекции представлен фрагмент нижней части *лампы* в виде удлиненной полой трубки диаметром 2,5 см со стенками толщиной 0,5 см. Лампа выдувалась в орнаментированную форму в виде спиралевидных линий. Сохранность данного типа лампы фрагментарная, поэтому реконструкция целой формы выполнена по аналогии.⁵⁹

По внешнему виду лампы представляют собой широко открытые конические сосуды на узком тяжелом донце; край слегка вогнутый, тулово округлое, коническое, усеченное сверху, резко сужается ко дну, приобретая форму воронки. Поверхность украшена косым рифлением. Лампы вставлялись в ячейки-отверстия на медных, бронзовых обручах, подвешенных на цепях.

Такая категория стеклянных предметов из раскопок городища Отрар и Куйрыктобе, как *оконные диски* представлена многочисленными фрагментами плоских тонкостенных форм. Они определяются как осколки оконного стекла и представляют части круглых дисков, диаметр которых был вычислен исходя из дуги окружности крупных осколков - 12-18 см. Стекло очень тонкое (0,1 см), почти бесцветное с голубоватым

и зеленоватым оттенком. Обе стороны диска в одинаковой степени гладкие и блестящие. Наличие определяемых сферических следов на поверхности стекла, небольшая выпуклость по центру и петлевидная закраина - все эти типологические признаки свидетельствуют о том, что рассматриваемые оконные диски были изготовлены техникой свободного выдувания. Стекло хорошо проплавлено. Можно отметить, что куйрык-тобинские и отрарские оконные диски малопузыристы и прозрачны.

В некоторых случаях прозрачность изделий утрачивается из-за низкой химической устойчивости стекла, вследствие длительного пребывания под землей, поверхность стекла подвергается выщелачиванию, покрывается слоем ирризации. Среди фрагментов оконных дисков были встречены бракованные части в виде сферических неровностей деформированной поверхности. Стекло полупрозрачное, матовое с непроваренными частицами стекла. Края изломов проплавлены. Это обстоятельство свидетельствует о производстве оконных дисков в местных городских мастерских.

Стекланные изделия из Отрара и Куйрыктобе в большинстве своем имеют зеленый, зелено-голубой (сине-зеленый), желто-зеленый цвет разных оттенков.

Стекло Юго-Западного Жетысу

Богатая коллекция стекланных изделий найдена в Таразе. Все найденные обломки были подвергнуты морфологическому анализу. По функциональному назначению выделены группы изделий: хозяйственно-бытовая, санитарно-гигиеническая, парфюмерно-аптекарская, химическая и оконное стекло. Они датируются X-XII вв. вместе с сопутствующим материалом: монетами, керамикой, бронзой.

Хозяйственно-бытовая посуда наиболее разнообразна типологически: бутылки, графины, рюмки, тарелки, кружки, чаши.

Графин изготовлен из белого матового стекла, от которого сохранилась верхняя часть тулова с горловиной и дно. Узкая цилиндрическая горловина заканчивается почти плоским, круглым горизонтальным венчиком. Нижняя часть горлышка слегка расширяется и резко, почти под прямым углом, переходит в цилиндрическое тулово. Днище вогнуто вовнутрь. Высота графина - 17 см, диаметр днища - 6 см.

По горлышку нанесены две тонкие стекланные нити, такие же опоясывают тулово рисунком, напоминающим спираль. В верхних частях между деталями узора имеются круглые вставки из цветного стекла, которые монтировались в сквозные отверстия. Стенки тонкие. Сосуд был выполнен методом вдувания в форму. Декоративное оформление выполнялось вручную. Аналогами могут служить одинаковые по форме кувшины из Биляра.⁶⁰

Кувшины с венчиком в виде раструба с кольцеобразным вздутием под горлышком с овальным туловом являются почти копией отрарского кувшина. Подобная форма была широко распространена в XI-XII вв. на территории Центральной Азии.

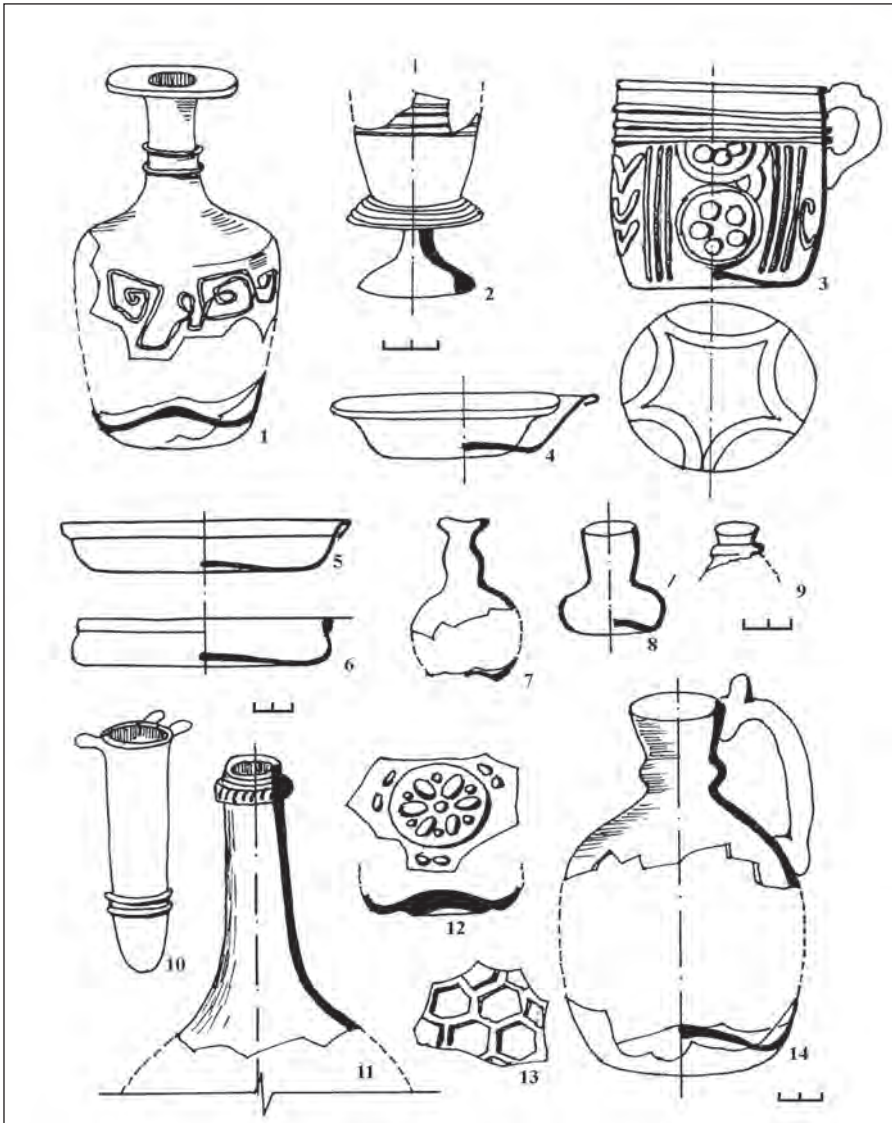

Рис. 164. Графины, кувшины, рюмка, кружка, чаши, флаконы, колба. X-XIII вв.

Найден фрагмент верхней части бутылки. Трапециевидная форма горлышка завершается декоративным налетом в виде манжеты, оформленной выдавливанием наклонных граней круглоглубными щипцами. Стекло покрыто плотным слоем ирризации темного цвета, ее верхние слои повторяют следы вращения при вытягивании горлышка. Стекло полупрозрачное, просматриваются пузырьки удлиненной формы. Поверхность стекла гладкая с хорошей огневой полировкой. Толщина стекла от 0,5 до 1 см. Высота сохранившегося горлышка - 9 см, оно плавно переходит в шаровидное тулово. Сосуд подобного типа распространен во второй половине XII в. и часто встречается в Южном Казахстане, Жетысу и других среднеазиатских регионах.

Единственный экземпляр археологически целой *рюмки-бокала* сохранился в коллекции Е.И. Агеевой.⁶¹ Изделие изготовлено техникой свободного выдувания. Форма рюмки и декоративное оформление имеют много аналогий на территории Центральной Азии и Ирана и считаются обычными.⁶² Наличие ободка-диска «юбочки» на сосудах объясняется двояко: как декоративный элемент и конструктивный - для устойчивости и прочности.

Так как эта форма была принята повсеместно во многих центрах стекольного производства, можно считать это примером удачного сочетания функции и эстетики.

Тарелки представлены двумя экземплярами. Стекло прозрачное, неосветленное. В тесте стекла наблюдается мошка по всему объему. Цвет стекла зеленый - «бутылочный».

Форма днища в виде усеченного конуса, стенки были украшены едва уловимым рисунком в виде круглых плоских ячеек диаметром 0,5 см. Вполне возможно, что изделия были выполнены одним мастером.

По форме и методу изготовления наиболее интересны *бокалы-кружки*. Один из них, склеенный из сохранившихся фрагментов, представляет собой сосуд баночной формы из белого матового стекла, со слегка расширяющимся в центре туловом. В верхней его части расположена петлеобразная ручка со слабовыраженной пятой, венчик в виде валика с вогнутым днищем.

На верхнюю часть тулова тонкими голубыми нитями нанесены три параллельных пояска, внутри венчика проходит такой же поясок. Стенки оформлены рельефным растительно-геометрическим орнаментом. Оба бокала-кружки выдуты в форму.

Сохранились три фрагмента *стаканообразных сосудов*. Стенки прямые. Формы с конусообразным поддоном и усеченным верхом повторяют каменные прототипы. Подобные формы встречены только в Таразе.

Большое количество находок составляют *миски-чаши* самых различных форм и размеров. Миниатюрные изделия с трапециевидным туловом, с прямыми и овальными стенками. Диаметры устьев 12-16 см, 18-24 см. Высота от 1,5 см до 3 см. Манжетовидный ободок образован путем отгиба закраины венчика во внешнюю сторону и припаян к стенке сосуда; также встречаются венчики, вогнутые внутрь сосуда.

Описанные миски находят аналогии среди стеклянных изделий Новой Нисы,⁶³ Калаи Боло⁶⁴, а также среди коллекций ташкентского, самаркандского музеев и Национального музея древностей Таджикистана в городе Душанбе. Данные сосуды изготовлены техникой выдувания в форму. К этой же группе сосудов относятся чаши, на дне которых имелся рельефный орнамент из восьми лепестковых розеток, оконтуренных овалами, в виде вписанных ромбов. Аналогии найдены почти во всех среднеазиатских центрах стеклоделия.

Санитарно-гигиеническая посуда представлена двумя фрагментами сумаков в виде трубочек с грибовидным отростком сверху и тремя шаровидными вздутиями.⁶⁵

К *парфюмерно-аптекарской* относятся небольшие флакончики с овальным туловом и цилиндрической горловиной. Большое количество аналогичных по форме и размеру флакончиков встречены на Отраре, Куйрыктобе,⁶⁶ в Биляре - в средневековом городе Волжской Булгарии,⁶⁷ в Бинкате-Ташкенте.⁶⁸

Фрагменты *торанджи-сфероконуса* свидетельствуют о том, что сложнейшие процессы химико-технологического производства по изготовлению высокохудожественных красителей из ртути и серы были известны мастерам из Тараза.

Данный тип стеклянной посуды применялся в качестве тары для киновари, используемой при производстве поливных изделий, следовательно, по своему функциональному назначению его можно отнести

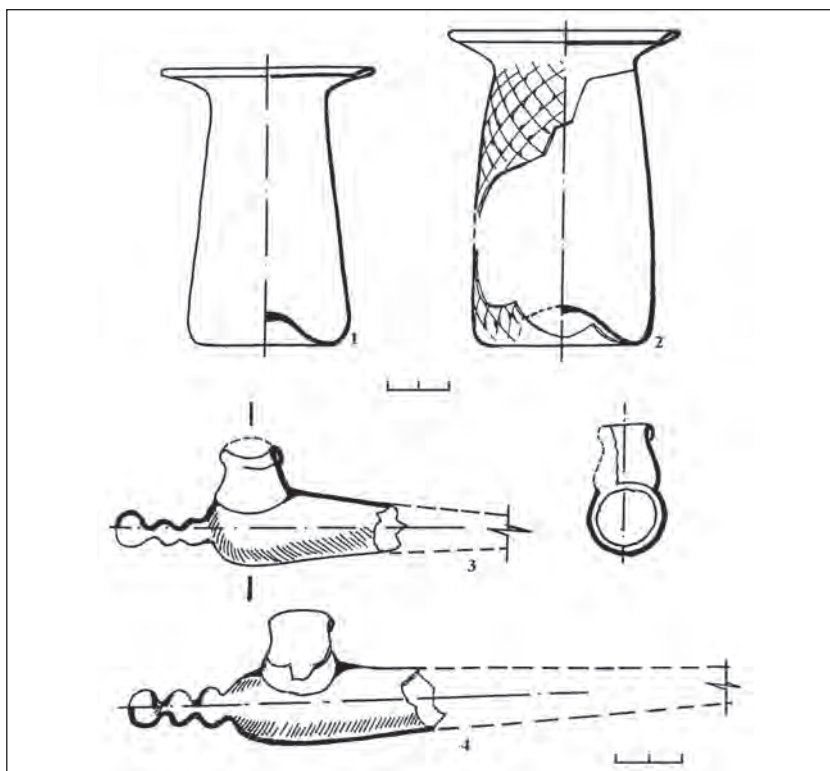

Рис. 165. Санитарно-гигиеническая посуда. X - начало XIII в.

и к *химической посуде*, как и *пробирку* из светло-желтого стекла. Она имеет цилиндрическую форму с круглым дном. Нижняя часть оформлена двумя параллельными нитями. На венчике три небольших усика, выполненных путем прищемления щипчиками.

Найдено большое количество фрагментов, представляющих основные конструктивные элементы *оконных дисков*: это края с петлей, конусообразное возвышение центральной части. Центральная часть почти плоская. Высота конусообразного возвышения - 1,2 см. Изучение фрагментов оконного стекла Тараза показало, что однородные по техно-

логии и форме они различаются между собой по качеству и цвету. В каждом из них наметились свои локальные особенности.

В отличие от южно-казахстанских, оконные диски из этих городов - полупрозрачные.

Основным датирующим материалом стеклянных изделий является керамика и монеты. Фрагменты стеклянных изделий часто встречаются в слоях с глазурованной керамикой IX-XII вв. Именно на это время приходится бурное развитие глазурованной керамической посуды в Таразе. Известно, что производство стекла сродни технологии производства глазури.

Вышеописанные группы стеклянных изделий выполнены тремя способами: техникой свободного выдувания, техникой выдувания в форму с вращением и без вращения (тиходутый способ).

Формы применялись целые и разъемные с рельефным рисунком и гладкими стенками. Цвет стекла представлен широким спектром: от светло - до темно-зеленого, желтого с оливковым оттенком, синего, бирюзового, розового и черного цветов. Приемы декорирования демонстрируют разнообразие: оттиск, орнаментация сотами, штампованным узором, накладными нитями. Данная коллекция таразского стекла отражает локальные особенности: каменные формы, днища которых оформлены в виде усеченного конуса; разнообразные приемы изготовления ручек из заготовок трубок; сдержанное декоративное оформление.

Анализ археологического материала позволяет говорить о широком применении стеклянной посуды в быту разных слоев населения Тараза и его окружи. Датируются изделия Тараза IX-XII вв. - временем развития стеклоделия на территории Юго-Восточного Жетысу, Южного Казахстана в период правления династии Караханидов.

Стекло Северо-Восточного Жетысу

Многочисленные археологические находки стеклянных изделий из Талхира и Каялыка были проанализированы и изучены. Все обнаруженные фрагменты были разделены по качеству и конструктивным элементам, декоративному оформлению, изучены морфологические характеристики: прозрачность, пузыристость и степень разрушенности поверхности.

Большинство стекол покрыто известковым слоем и относительно плотной ирризацией. Проведенные химические анализы, массовость стеклянных фрагментов, бракованная продукция, находки стеклянной шихты позволяют предположить наличие местных стекольных мастерских. К сожалению, весь изучаемый материал представлен фрагментами, ни одного целого сосуда не обнаружено. Отсутствие в коллекции целых сосудов вынуждает более тщательно изучать морфологические признаки с целью выявления отдельных типов.

От днища до устья графически удалось восстановить несколько сосудов типичных и традиционных форм. Найденные фрагменты были систематизированы по профилированным частям - венчикам, стенкам,

донцам, ручкам. По ассортименту и функциональному назначению изделия относятся к двум группам.

Хозяйственно-бытовая стеклянная посуда представлена следующими видами: кувшины, рюмки, чашки, кружки.

Талгарские кувшины имеют цилиндрическое горлышко, овальное тулово. Горлышко декорировано стеклянным наварным жгутом. В отличие от южно-казахстанских они более массивны, толстостенны, непрозрачны и с вогнутым туловом. В разрезе тесто слоистое. Располагая фрагментами основных конструктивных элементов - стенок, днищ, венчиков, можно описать их технологические характеристики.

Края сосудов представлены несколькими видами. В большинстве своем они имели плавно утолщенный край, завернутый петлей наружу или вовнутрь с последующим оплавлением.

Доньшки сосудов более разнообразны. Наблюдаются варианты их исполнения: полый кольцевой поддон, вогнутый конусом вовнутрь и переходящий в стенки тулова, дисковидный поддон. Горлышки представлены двумя формами: конусообразные, оформленные припаянной стеклянной нитью голубого цвета; цилиндрические, сужающиеся кверху с налетом в виде жгута. Подавляющая часть стеклянных фрагментов изготовлена методом свободного выдувания. Встречены и другие способы производства, такие, как выдувание в форму с вращением и «тиходутое» в орнаментированную форму.

Отмечены основные широко известные способы орнаментации - накладные нити, многолепестковые розетки, соты.⁶⁹

Большую часть коллекции стеклянных изделий из городища Антоновка составляют многочисленные фрагменты оконных дисков. Среди

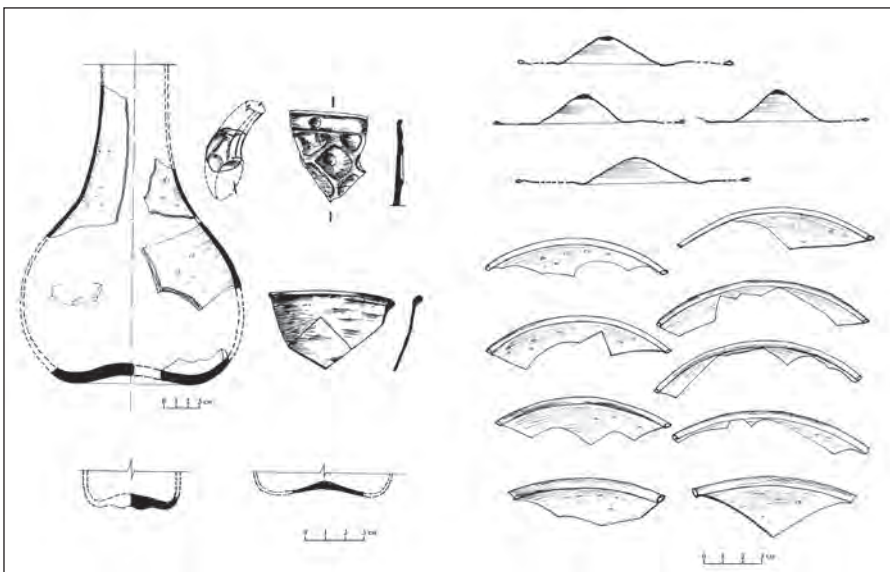

Рис. 166. Графин, фрагменты бокала, чаши и оконных дисков.

X - начало XIII в.

них лучше всего сохранились центральные части в виде конусообразного возвышения до 3 см. Края дисков заканчиваются характерным петле-видным загибом разных профилей.

Цвет стекла оконных дисков - белый, голубой, зеленый. Стекло относительно прозрачное со множеством мелких пузырьков. Локальными особенностями оконных дисков являются: высокое конусообразное возвышение, выраженные концентрические линии на плоских частях, полупрозрачное стекло с видимыми непроваренными частицами песка, что говорит о невысоком качестве местного производства.

Удалось выполнить графическую реконструкцию графина с груше-видным туловом, плавно переходящим в цилиндрическое горлышко, оформленное декоративным жгутом.

Проведенный анализ материала позволяет говорить о начале развития стекольного производства в IX-XII вв. Рассмотренные коллекции стекла из разных регионов Южного Казахстана, Юго-Западного и Северо-Восточного Жетысу дают возможность составить представление о производстве стеклянной продукции, бытовавшей в городах в период с IX до начала XIII в.

Это время характеризуется ростом городов и развитием ремесленных производств. Стеклоделие в городах Казахстана развивалось в тесной взаимосвязи с центрами стеклоделия Средней Азии, стран Ближнего и Среднего Востока.

Наблюдаются отличия в ассортименте, качестве, разнообразии форм. Иранские мастера украшали стеклянные сосуды всевозможными налепами в виде шишечек, лепестков, оттисков, медальонов. Активно вводятся в стеклянную массу различные красители. Также имелись глубокие традиции росписи легкоплавкими эмалевыми красками, люстром и кобальтом.

Продукция мастеров Казахстана несколько уступает в декоративном оформлении ближневосточным изделиям. В них не добавлялись красители, цветовая гамма определялась главным образом количеством микроэлементов в песке и золе, температурным режимом плавки. Налепы в виде шишечек, медальонов были редкостью. Тулова кувшинов, стаканов, чашек, банок в большинстве случаев украшались стеклянными нитями разных цветов. Часто встречается декор в виде защипов, углублений. Качество стеклянных изделий Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу выше, чем в городах Северо-Восточного Жетысу, где продукция отличается простотой и сдержанностью декоративного оформления. Стекло полупрозрачное и непрозрачное с большим содержанием пузырьков. В разломе тесто имеет слоистую структуру, что свидетельствует о несовершенстве технологического процесса варки стекла. Стекло в большинстве толстостенное. Ассортимент посуды по сравнению с южно-казахстанским беднее.

Сосуды отличаются простотой и массивностью форм. Качество оконного стекла несколько хуже.

Производство изделий из меди и бронзы

В результате археологических исследований средневековых городов на территории Казахстана накоплена большая коллекция образцов художественного металла, относящегося к эпохе развитого средневековья. Представляемые бронзовые изделия выполнены с художественным вкусом, профессионалами и выдающимися мастерами. Они несут в себе важную историческую и культурную информацию.

Изделия из металла в Южном Казахстане

На городище Куйрыктобе найдены *два кувшина*. Один из них имел яйцевидное тулово на «ложном» поддоне. Высота кувшина и наибольший диаметр тулова его 11,5 см. Горловина цилиндрическая, венчик отогнут под прямым углом, диаметр его 5,8 см. Общая высота кувшина 21,5 см. К верхнему изгибу ручки припаяна грибовидная шляпка.

Второй кувшин имеет аналогичную форму, но он больше. Наибольший диаметр его тулова 15 см, горловина 9,5 см, общая высота сосуда 24 см. Наверхние ручки увенчано плодом граната, а сама ручка - пятью бусинами.⁷⁰

Аналогии им в IX-XII вв. были распространены на территории Мавераннахра, Хорасана и соседних государств. Кувшины выделены Б.И. Маршаком в отдельный тип изделий «с яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и плодом граната на верху ручки». Известно более десятка сосудов этого типа. Они подразделены на группы, причем в более раннюю входят два сосуда из собрания Государственного Эрмитажа.⁷¹ Идентичность конструкции ручки и тулова одного из куйрыктобинских кувшинов и сосудов, относимых к ранней группе, позволяет считать IX-X вв. периодом распространения кувшинов этого типа и в Отрарском оазисе.

Внешний вид кувшинов и сравнительно простая техника изготовления говорят о том, что вряд ли они были в Отрарском оазисе предметом импорта.

Тот факт, что почти половина из 18 кувшинов этого типа происходит из районов Средней Азии также косвенно свидетельствует о среднеазиатском производстве.

Б.И. Маршак высказал мнение об изготовлении кувшинов данного типа в самом Мавераннахре.⁷²

В этой связи можно предположить наличие такого производства и в областях к северо-востоку от Мавераннахра, вероятно, в Отрарском оазисе, Жетысу.

Светильники. При раскопках Отрартобе собрана коллекция светильников, в том числе и множество деталей столбообразных светильников (подставки, тарелочки).

Зеркала. В предмонгольское и монгольское время в начале XIII в. значительно расширилось производство зеркал. Это связывают с перемещением населения и прежде всего ремесленников. Появляются новые

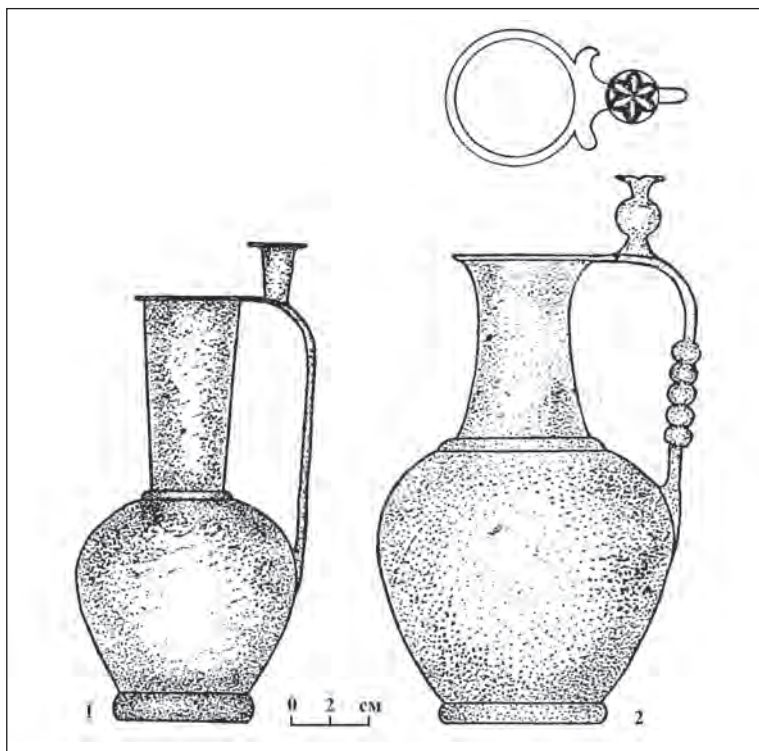

Рис. 167. Кувшины из Куйрыктобе. XI в.

производственные центры, в том числе в Средней Азии.⁷³ Одним из них, видимо, стал Отрар.⁷⁴ Бронзовые зеркала, судя по грубым формам литья, сглаженности рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя некоторые из них, бесспорно, являются копиями привозных зеркал. Качественный и количественный состав сплава зеркал однообразен, что подтверждает местное производство этого типа изделий.

По характеру украшающего оборотную сторону орнамента зеркала подразделяются на несколько типов. К одному из них относятся зеркала с растительным мотивом, в виде дисков диаметром 7,5-8 см, с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Орнамент рельефный, представлен розеткой в центре, окруженной переплетающимися трилистниками на изогнутых стеблях и сердцевидными фигурами. Похожие зеркала встречены в половецких захоронениях XIII-XIV вв., например, в кургане 3 могильника Алебастрово II в Уральской области. В орнаменте его оборотной стороны использованы шестиугольник с вогнутыми сторонами, сердцевидные фигуры.

Следующий тип описываемых изделий имеет растительно-геометрический орнамент. У одного зеркала рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками. В пространство между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы встречены на зеркалах X-XIII вв., найденных в Сибири. Зеркала с солярной орнаментикой характе-

ризируются изображением в центре солнечного круга с лучами в виде переплетающихся линий. Аналоги этому зеркалу достаточно многочисленны.

Группа зеркал имеет зооморфный орнамент. Сохранились фрагменты, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов. Идентичные изделия найдены в Павлодарском Прииртышье, Хорезме, Поволжье золотоордынского времени, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Интерес представляет бронзовая *поясная накладка* из Отрара с арабской надписью. Это пластинка в форме прямоугольного щитка в форме фигурным обрезом в нижней части. С внутренней стороны накладка имеет бортик и два шпенька для крепления к кожаной основе пояса. На

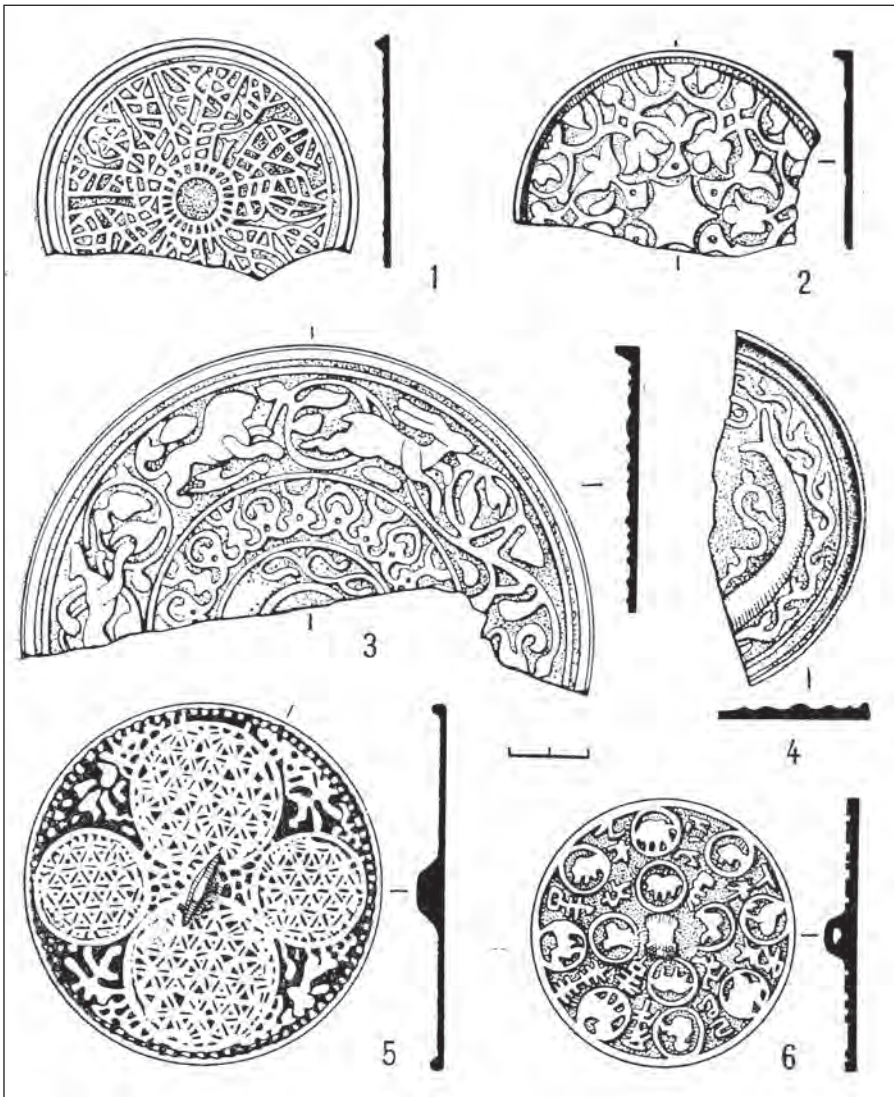

Рис. 168. Зеркала. XII - начало XIII в.

лицевой стороне накладки помещены две строки куфическим письмом на арабском языке.

Текст и рисунок орнамента под ним выполнены в оригинальной манере в виде углубленных линий с выпуклым контурным окаймлением, повторяющим их очертания. Вся композиция заключена в выступающую фигурную рамку. Текст надписи: «от Аллаха степень». Последние слова неоднократно встречаются в Коране и употребляются в том же значении: «Аллах распределяет людям степени в награду или в наказание за их поступки». Судя по почерку, накладка датируется X-XI вв.⁷⁵

Из ближайших аналогий исключительно близок обломок поясной накладки с фрагментом куфической надписи, найденный на городище Варахша среди предметов, датируемых в пределах XI-XII вв.⁷⁶ Форма этой накладки сходна с отрарской: она почти прямоугольная (с незначительным сужением к краю), с фигурным обрезом и отогнутым бортиком. Подобная накладка найдена и на городище Красная Речка.⁷⁷

Тюркские боевые пояса были широко распространены на территории Средней Азии с глубокой древности. В мусульманскую эпоху, начиная от Саманидов, эти атрибуты воинского снаряжения постепенно развивались, приспособляясь к требованиям новой идеологии и сохраняя, насколько это было возможно, верность народным традициям.

Потребности Арабского халифата, как и возникших позднее самостоятельных мусульманских государств, в военной силе покрывались в значительной мере за счет притока тюркских рабов из Средней Азии. После разгрома Саманидов их владения были поделены между караханидскими и газневидскими правителями. Округ Фараб, к которому относился город Отрар, и соседний с ним Испиджаб в 992-996 гг. были заняты войсками Илеков, а к середине XI в. вошли в состав одного из восточно-караханидских уделов. Трудно сказать с достоверностью, где именно были изготовлены эти пояса. Можно лишь утверждать, что местом их производства могли быть многие ремесленные центры восточно-караханидского государства.

Причем высокие технические и художественные качества исполнения поясных наборов, судя по накладке, предполагают масштабность и достаточный уровень развитости производящих центров. По свидетельству средневековых источников (ал-Макдиси), центром изготовления предметов вооружения из железа и меди еще в саманидское время были Фергана и Испиджаб.⁷⁸ В Фергане разрабатывались залежи цветных металлов, в частности меди и олова, служивших сырьем для производства. Несомненно, эти центры функционировали и в период расцвета Караханидов.

Большая группа изделий из меди и бронзы была собрана при раскопках городища Каратобе - домонгольского Саурана. Это части светильников - основания-триподы, в которые вставлялись стержни, на которые ставилось блюдце-подставка для чирага. Такие светиль-

ники называются канделябры. Как правило, это высокохудожественные изделия, украшенные гравированным орнаментом.

По мнению Е.А. Смагулова, они использовались в качестве бытовых осветительных приборов в домах зажиточных горожан. Интересна приведенная ими реконструкция интерьера гостиной богатого дома с напольным канделябром.⁷⁹ Однако, эти светильники использовались и в убранстве мечетей, мавзолеев, выполняя культовые цели.

Интересен клад изделий: два медных таза с вертикальными бортами. Один из тазов украшен гравировкой. Тазы имели диаметр 49 и 51 см, высота стенок до 10 см. Вместе с тазами в кладе положена бронзовая массивная ступка, высотой 14 см, внешняя сторона которой украшена миндалевидными шишечками.

Обнаружены на Каратобе фрагменты бронзовой чаши с богатым гравированным орнаментом и стилизованными буквами арабского алфавита. Судя по многочисленным обломкам данных чаш, они были популярны в быту горожан.

На Каратобе был найден изящный энохоевидный, бронзовый кувшинчик с ручкой, украшенной шишечкой, найдена также бронзовая птичка от ручки сосуда.⁸⁰

Распространенной находкой на Каратобе были туалетные приборы для разведения красок для бровей и глаз – усьмадоны.⁸¹ Такие же сосуды встречены при раскопках Отрара, Оксыза.

Юго-Западное Жетысу

Среди изделий из бронзы, относящихся к IX-XIII вв., встречен *кувшин*, найденный при случайных обстоятельствах в дальних низовьях Таласа. Мастер придал сосуду грушевидную форму с узким горлышком, заканчивающимся головкой волка. Выпуклые зрачки зверя сделаны из красной меди и обведены кружком с насечками на желтой бронзе. Весьма искусно припаяны короткие уши, на них выгравирован тончайший узор. О сложных приемах изготовления изделия свидетельствует и узор. Он состоял из 12 циркульных арочек, опиравшихся на витые колонки с ромбами в тимпанах, а также из выгравированного крупного медальона с вписанными в него шестью кольцами и двенадцатью ямочками. В последних, по предположению Л.И. Ремпеля, возможно, были укреплены кусочки цветного стекла или камня. Датировается кувшин X-XII вв.⁸²

Светильники. В коллекции Жамбылского областного историко-краеведческого музея имеется несколько светильников - канделябров в виде полого круглого стержня или шестигранника на подставке. Высота их от 0,85 до 1,60 м. Они украшены прорезным и гравированным орнаментом. В нижней части отдельных находок имеются фигурные ручки. Интересна шестигранная подставка, сплошь украшенная ажурным орнаментом из чередующихся ромбов. База этой подставки также орнаментирована сквозными арочками с треугольным завершением. У некоторых изделий полусферические основания опираются на три ножки

в виде лап хищных животных. В верхней части подставок укреплены плоские круглые блюда диаметром 12-25 см, иногда с приподнятыми бортами.

На блюдечки ставили светильник. Т.Н. Сенигова отнесла их к предметам, используемым в религиозных обрядах, и считает их прототипами сакских светильников из бронзы, использовавшихся в обрядовых церемониях.⁸³

Безусловна также их связь и с керамическими светильниками VII-IX вв., которые так же восходят к прототипам сакских и усуньских высокохудожественных изделий из бронзы, входящих в своеобразную триаду культовых изделий: котел, жертвенный стол и светильник.⁸⁴

Интересен *четырёхрожковый светильник* на трех ножках. Верхняя часть резервуара украшена орнаментом виноградной лозы и листьев. Оригинален светильник с пятью рожками и крышкой на петлях.

Не менее интересна находка: округлая ажурная курильница, основание и верхняя часть которой утрачены. У цилиндрической жаровни на трех ножках эффектно полая литая ручка, украшенная сверху ажурным узором в виде виноградной лозы с листьями.⁸⁵

Все описанные бронзовые изделия из Тараза происходят из случайных находок, поэтому датировка их связана с известными трудностями. Аналогичные им по форме и орнаменту происходят из гордища Ани X-XI вв.⁸⁶

В Жамбылском областном историко-краеведческом музее хранятся две бронзовые чаши с высокими стенками, бронзовая ложка, украшенная гравированным изображением сирени.⁸⁷

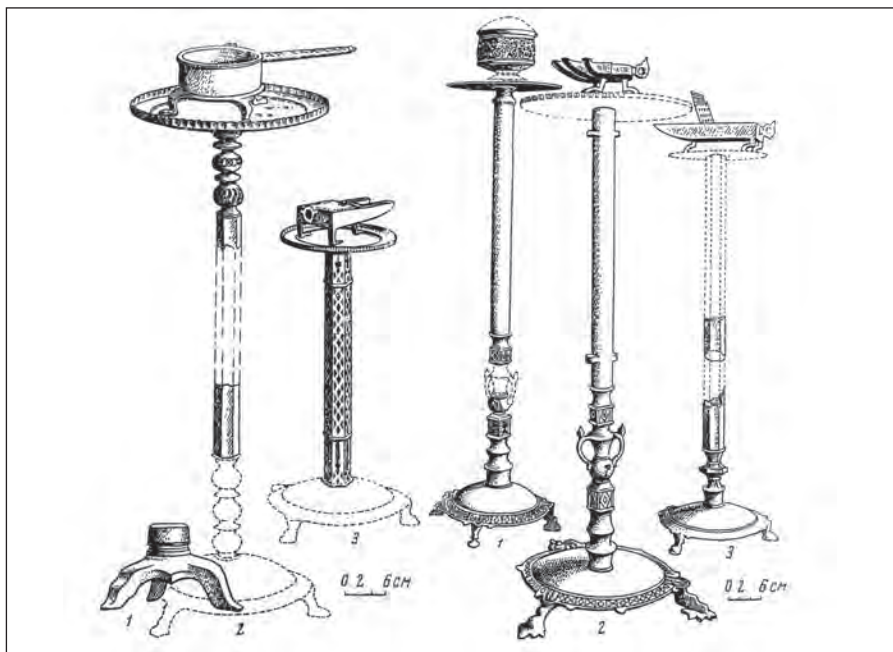

Рис. 169. Светильники. X - начало XIII в.

Отогнутый борт венчика инкрустирован тремя кружками красной бронзы. Ближе к ручке имеются два клювовидных выступа, на которых гравировкой и инкрустацией красной медью изображены птичьи головки. На верхней площадке ручки теми же способами выполнен фигурный картуш, в верхней части которого выгравированы полупальметты.

Бронзовые изделия из Северо-Восточного Жетысу

Случайной находкой являются два бронзовых кувшина. Первый кувшин имеет грушевидное тулово, опирающееся на кольцевой поддон. Высота кувшина 30 см, наибольший диаметр тулова – 14 см. Горло переходит в устье с плоским бортиком. Изогнутая S-видная ручка соединяет горло и тулово. Нижняя ее часть, которая крепится к тулову, оформлена в виде головки козла. Средняя часть ручки петлевидная, на ее верхней части объемное изображение гранатового зернышка. Форма этого сосуда восходит к сасанидским серебряным прототипам.

Аналогии ему есть в коллекции Лувра, также кувшины датируются XI-XII вв.⁸⁸. На ручке ниже картуша - трилистник в обрамлении полупальметт. Ручка украшена шестью объемными бусинами. В месте прикрепления основания ручки к тулову инкрустацией и резьбой выполнена пальметта. К верхней площадке ручки прикреплено объемное изображение цветка граната. На его венчике в медальоне изображена птица с человеческим лицом на фоне растительных побегов.

Техника исполнения орнамента, гравировка и инкрустация красной медью отражают новый художественный стиль в производстве металлической посуды. Он складывается в конце XI - начале XII в.⁸⁹ В целом, наличие орнаментальных лент с благожелательными надписями, фестончатых арок, растительных побегов с прямоугольными отростками, изображение сирен и сфинксов позволяют датировать аналогичные кувшины XII - началом XIII в. Место их изготовления - Ближний и Средний Восток. Однако не исключено и копирование таких кувшинов местными мастерами.

Кувшины с городища Талгар - два бронзовых изделия, имеющих грушевидное тулово, выделенную горловину, заканчивающуюся шарообразным расширением. Тулово сосудов опирается на воронкообразный

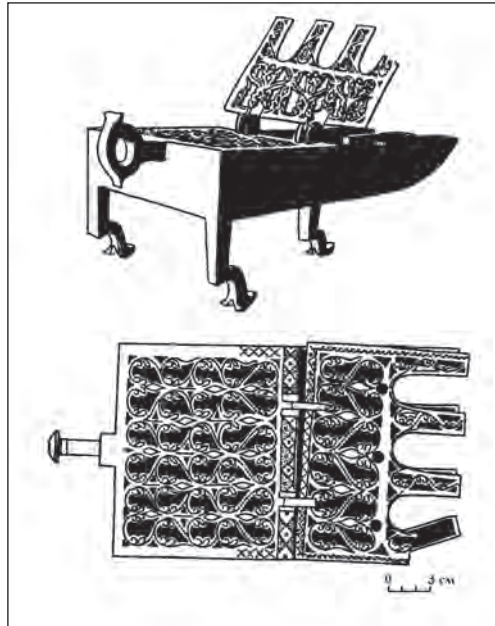

Рис. 170. Светильник. XII в.

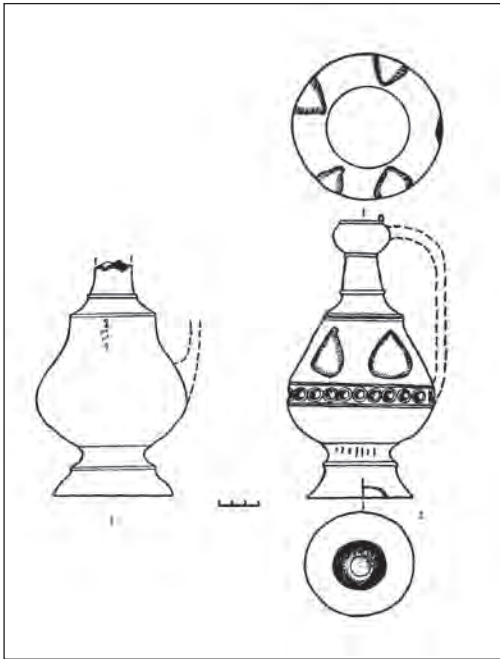

Рис. 171. Кувшины. XI-XII вв.

поддон. Поддон - ложный, не отделен от тулова перегородкой. Дно поддона - круглая плоская фигурная пластина. Тулово первого сосуда не украшено, однако, в верхней части у перехода тулова в плечики имеется надпись по-арабски. Четко читается слово «работа» и полустертое имя мастера (Скорее всего, имя Ахмад). Второй сосуд украшен по тулову вдавлениями миндалевидной формы и пояском круглых вдавлений в рамке из прочерченных линий. Кувшины собраны (спаяны) из отдельных частей. Это слив и крышка, горло, тулово и поддон.

Еще один кувшин с талгарского городища представлен фрагментом. Он имеет изящное грушевидное тулово, плавно переходящее в горло. Венчик - плоский с двумя выступами, отогнут наружу. Интересна ручка, которая заканчивается пальметтой, выступающей над венчиком на 4 см.⁹⁰ Аналог известен в Северном Таджикистане.

Такие же кувшины найдены вблизи городища Шахристан. Датируется кувшин в пределах XI-XIII вв. Н.Н. Негматов, опубликовавший этот кувшин, находит ему аналогии в Басре (Иран), но считает его продукцией местной шахристанской школы торевтики.⁹¹ Похожие кувшины известны в Фергане и датируются XI в.⁹²

Талгарское блюдо. Оно обнаружено на городище Талгар, в кладе, состоящем из четырех фарфоровых пиал, фарфоровой чаши с изображением людей, горловины глиняного сосуда, украшенного штампованным орнаментом, двух медных блюд и бронзового долота. Одно из них наиболее интересно.

В композиционном отношении вся внутренняя поверхность

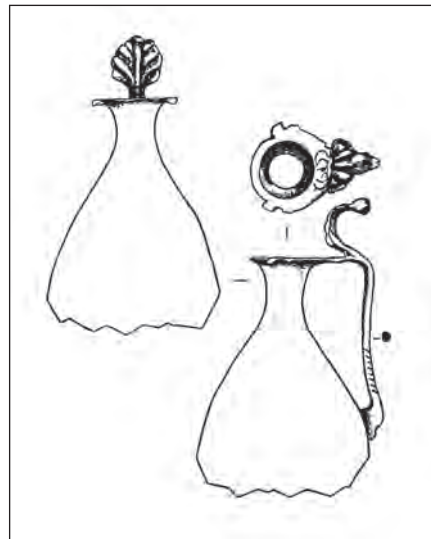

Рис. 172. Кувшины. XI-XII вв.

блюда разбита на несколько кругов. В центральном медальоне изображены два крылатых существа с телами львов и человеческими головами, увенчанными трехзубчатыми коронами. Сфинксы изображены в геральдической позе, на задних лапах, спинами друг к другу, с перекрещенными хвостами и лицами (*en face*).

Свободное пространство между фигурами сплошь занято ветками трилистника. Вокруг узкая полоса свободного пространства, затем «звериный гон». Всего изображено восемь бегущих животных - семь собак в ошейниках и, видимо, лиса с пышным хвостом. При этом лиса изображена оглядывающейся назад. Все животные показаны попарно и отделены друг от друга кругами с тремя точками в центре. Следующая круговая полоса занята растительными и лировидными фигурами, сплетенными из стилизованных растительных побегов и разбросанных по всей поверхности группами и в одиночку. Этот пояс отделен от края блюда двумя рядами полуovalов. И, наконец, по самому венчику идет орнаментальная полоса, состоящая из чередования плетеных полос и круглых розеток.

Датировка блюда XII-XIII вв. не вызывает сомнения. Изображение звериного гона характерно для ряда высокохудожественных изделий из металла, сделанных в этот период. Как пример можно назвать кашгарское бронзовое блюдо, где в одном из кругов дана сцена звериного гона, в которой можно увидеть зайца, лисицу, собак и даже слона. Об этом

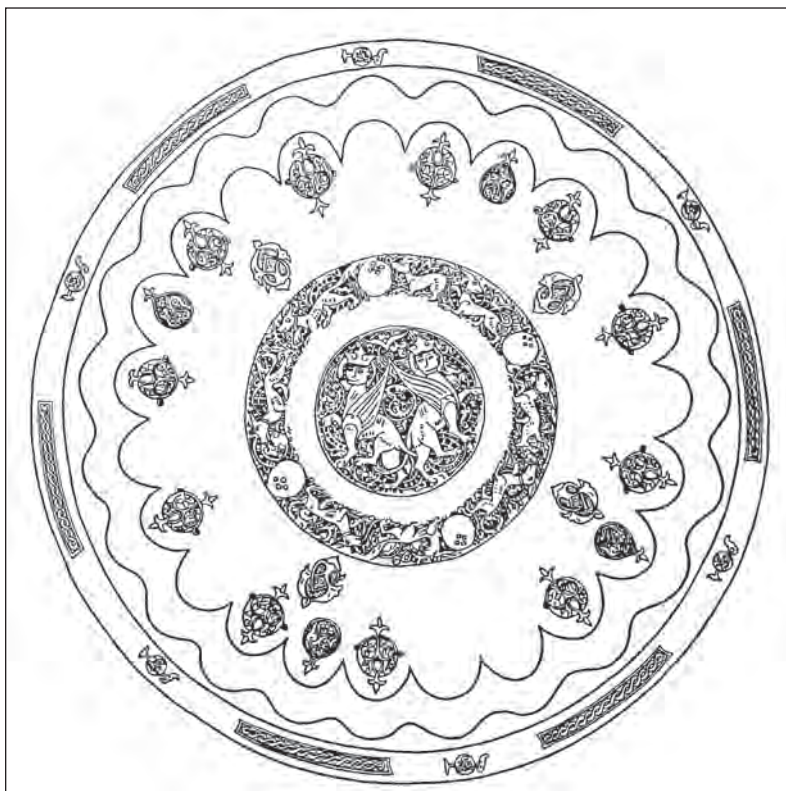

Рис. 173. Талгарское блюдо. XII - начало XIII в.

свидетельствует и целый ряд других изделий, происходящих из Ирана, Закавказья и Средней Азии.⁹³

Указанным временем датируются изображения растительных розеток, трилистников и лировидных фигур на талгарском блюде, также имеющем широкие аналогии в изделиях из металла на всей территории Арабского Халифата. Обратимся к центральному изображению на талгарском блюде – сфинксам, крылатым львам с человеческими головами. Сфинксы, изображенные парами в геральдической позе – обычный на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье образ, вошедший в круг феодальной символики, хорошо известной как в монументальной пластике, так и в художественных изделиях из металла и глины. Еще одно бронзовое изделие - зеркало, найденное в г. Текели, украшено с тыльной стороны изображением двух фантастических существ – крылатых сфинксов с лицами стариков и скорпионьими хвостами в геральдической позе. Свободное поле заполнено изображением растений. Во внешней круговой полосе арабская благопожелательная надпись.⁹⁴ В Жетысу было найдено похожее зеркало, но с боковой ручкой, наличие которой позволяет отнести его к местному производству.⁹⁵

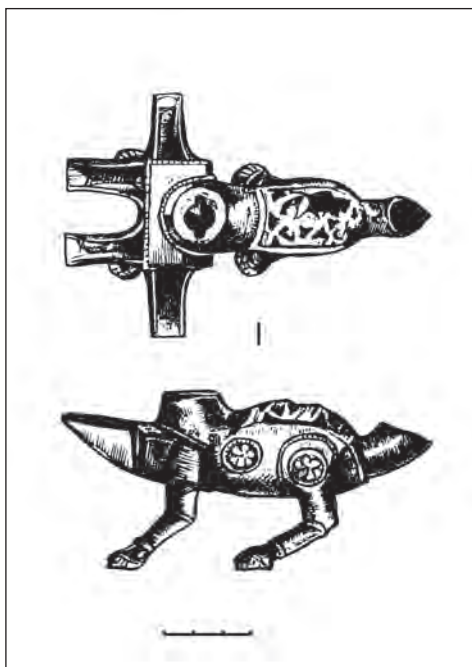
Бронзовый светильник (чираг) из Талгара состоит из двух частей: округлой формы резервуара и подпрямоугольного носика. По центру резервуара, почти на протяжении всей окружности, прослежива-

Рис. 174. Текелийское зеркало. XII - начало XIII в.

ется созданная в невысоком рельефе лента, которая с двух сторон оканчивается орнаментальным мотивом «кошкар муйиз», остальное пространство занято арабской надписью (куфи). Аналогичные светильники содержала коллекция А.И. Смирнова из Ахсикента в Ферганской долине.⁹⁶

Не менее интересен светильник в виде животного. Голова его не сохранилась, тулово украшено гравированным и прорезным растительным орнаментом. Подобные изделия, выполненные в виде животных, птиц, известны как светильники или курильницы, датируются XI - началом XIII в. Аналогии широко распространены в Средней Азии и Казахстане. Предположительно, попадали в Жетысу в качестве импорта, а затем на их основе производились копии.

Ручка с головкой хищника Рис. 175. Зооморфный светильник. XII в.
из раскопок городища Талгар.

Голова животного объемна: нос, вытянутый вертикально от пасти до лба, представляет одно целое с ушами и лбом, показанными низким рельефом. Усы животного выполнены в форме двух треугольников, отделенных от носа вертикально прорезанными глубокими линиями, снизу ограничены горизонтально расположенной пастью. Дополнительно плоскости усов, носа и лобной части украшены прорезанными в металле линиями. Ручки такого типа достаточно широко известны в материалах раскопок из различных районов Средней Азии, Ирана и Афганистана.

Прекрасный образец ручки в виде головки гепарда или барса найден при случайных обстоятельствах на городище Шахристан в Южном Узбекистане. Датируется ручка XI в.⁹⁷

На городище Талгар был найден клад, состоявший из нескольких бронзовых изделий: двух кувшинов, двух чаш, светильника на подставке-тарелочке и большой тарелки.⁹⁸

Кувшины, один из которых энохоевидный с грушевидным туловом и ручкой, украшенной зернышком граната, а другой с округлым туловом и высоким горлом с отогнутым венчиком, очень похож на два вышеописанных кувшина из серии случайных находок из Жетысу. Можно предположить, что они так же связаны с городищем Талгар.

Муфты из Талгара. Первая массивная литая муфта представляет собой полый цилиндр, разделенный тремя выпуклыми концентрическими линиями-бортиками на две секции: верхнюю и нижнюю, которые богато орнаментированы. Первая секция в центральной части по всей окружности украшена орнаментом, составленным арабскими буквами на фоне растительных мотивов и точек, а также парными окружностями, в центре которых располагается крест, окруженный двумя линиями округлой формы. Остальное внутреннее пространство

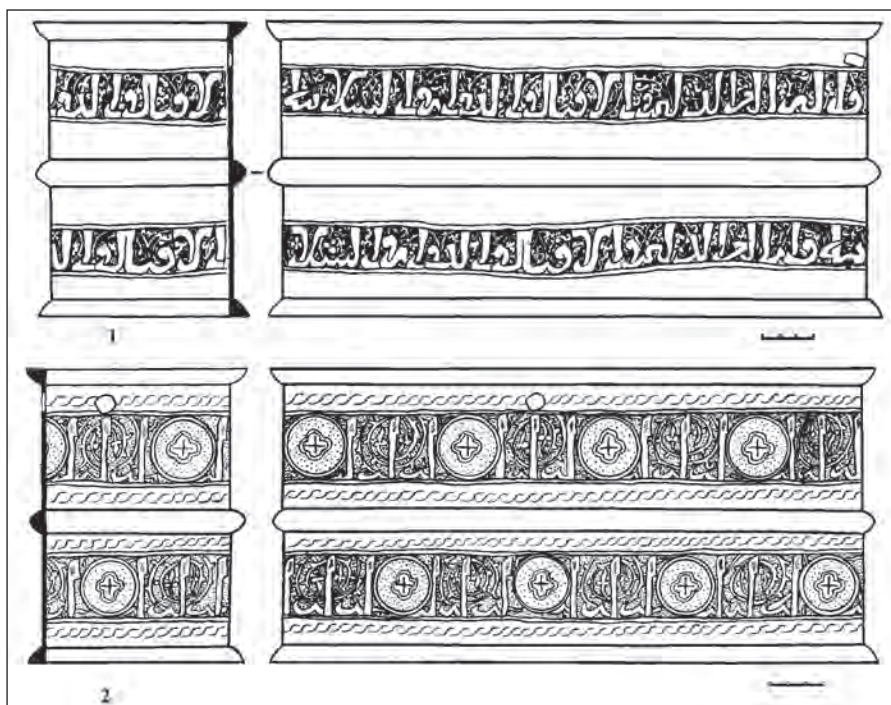

Рис. 176. Муфты. XII - начало XIII в.

заполнено точками. Оставшееся пространство выше и ниже орнамента украшено изогнутыми линиями, передающими «витой мотив».

Вторая муфта абсолютно аналогична первой, исключение составляет подквадратное сквозное отверстие с округлыми углами, расположенное выше орнамента ленточной формы. Вопрос о функциональном назначении этих изделий решен А.А. Ивановым, который на основании анализа восточных миниатюр доказал, что это муфты для соединения опорных столбов, поддерживающих шатер. На городище Талгар найдены детали бронзовых канделябров: подставки-триподы, трубы, блюдца для установки чирагов. Он же датировал эти предметы из бронзы XII - началом XIII в.⁹⁹

Восточные зеркала. При раскопках городища Талгар и случайно были найдены бронзовые зеркала среднеазиатского, а также иранского происхождения. При случайных обстоятельствах в районе города Текели найдено зеркало явно иранского происхождения с изображением

сфинксов. Декорировано растительным орнаментом в виде виноградной лозы с листьями, в переплетении которой имеется арабская надпись, исполненная почерком «насах» и желающая в переводе «славы, успеха и счастья». Изделие отлито из высокооловянистой бронзы. Зеркала подобного типа с арабской надписью «слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь», исполненной почерком «насах», известны из Нового Сарая и Болгара.¹⁰⁰

Интересно зеркало с изображением медальонов, скорее всего, изделия попали в Северо-Восточное Жетысу из Средней Азии или Ирана и послужили основой для многочисленных копий.¹⁰¹

При раскопках Талгара найдены и зеркала китайского производства и подражания им, первое изделие имеет форму диска, тыльная сторона декорирована растительно-геометрическим орнаментом, в центре находится петля. Вокруг расположено стилизованное изображение 14-лепестковой розетки, окаймленной по внешнему краю кругом из перлов. Еще один круг из перлов проходит вдоль внутреннего края ободка. Пространство между обоими кругами украшено гирляндой.

Все лепестки окантованы по внешнему краю рельефной дужкой и имеют три-четыре прожилки в виде вертикальных линий. Зеркала со схожим по стилю декором обнаружены в Южной Сибири и датируются Е.И. Лубо-Лесниченко XIII-XIV вв. По его мнению, так называемый тип «шести стилизованных цветов» получил широкое распространение на территории Монгольской империи.

Подобное зеркало (очень схожее по орнаментальным мотивам) обнаружено при раскопках Каракорума, «оно явно массового производства и могло быть сделано в Каракоруме».

Второе зеркало украшено изображением журавлей или аистов. В соответствии с распространенным на Дальнем Востоке обычаем, зеркала с изображениями цветов и аистов принято считать свадебными. Известно, что изображения журавлей означали пожелание любви и согласия, долголетия, а изображения красноголового аиста - успеха на служебном поприще. Вполне допустимо, что подобные благопожелания были заключены и в рисунке вышеописанного зеркала. Изображение аистов или журавлей входит в разряд «благожелательной символики» и встречается на многих разнотипных экземплярах.

Третье зеркало, как и предыдущее, имеет форму диска с едва заметной выпуклостью на отражающей стороне. Пространство между малым и большим кругами разделено на четыре сектора прямыми линиями из перлов. В каждом из них изображены по три летящие птицы, расположенные в два яруса.

Скорее всего, это зеркало, как и вышеописанное, относится к категории свадебных. По всей видимости, птицы являются фениксами, изображения которых распространение этого вида зеркал в период Северной Сун.

На следующем зеркале имеется изображение четырех людей. Двое из них композиционно размещены в левой и правой частях орнаментального поля в сидячей позе. Одежда и головные уборы выполнены в дальневосточной традиции. В нижней части изображена коленапреклоненная фигура с воздетыми к левосторонней фигуре руками.

Человек намеренно изображен вдвое меньше фигур, размещенных в левой и правой частях. В верхней части прослеживается нечеткое изображение человека, композиционно тяготеющего к правой фигуре и выполненного в уменьшенном масштабе - в «униженном» виде. Прямых аналогий зеркалу не найдено. В предмонгольское время, по мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, усиливается тенденция украшать зеркала сценами на религиозные, мифологические, а иногда просто благопожелательные темы. Это явление тесно связано с общим развитием искусства предмонгольского времени. Репертуар декора зеркал чрезвычайно широк и расшифровать его символику во многих случаях не удастся.¹⁰²

В истории художественной культуры любой страны, в том числе и Казахстана, каждая эпоха оставляет свой след, соразмерный тому вкладу, который внесен ею в общечеловеческую культуру. Прогрессивное развитие средневекового декоративно-прикладного искусства, в том числе торевтики, в Центральноазиатском регионе неоспоримо. В этот период было завершено начатое в раннем средневековье обновление старого стиля, созданы новые непреходящие художественные ценности, вошедшие в сокровищницу общечеловеческой культуры.

Кузнечное ремесло

Значение железа и его производных - стали и чугуна в истории цивилизации трудно переоценить. Черный металл являлся основным материалом в изготовлении орудий, используемых в земледелии, ремеслах, в строительстве, транспорте.

Черный металл широко использовался в военном деле – в создании защитного и наступательного вооружения.

Значение железной индустрии в историко-культурном развитии региона актуализирует научные изыскания по проблеме и анализу состояния техники и технологии металлургии и металлообработки железа в Жетысу в эпоху средневековья. Изучение металлургии и кузнечного дела позволяет определить экономический и технологический уровень развития общества.

Рассмотрение проблемы включает в себя два аспекта: характеристику добывающей металлургии, занимавшейся добычей металла из руды, и технологию металлообрабатывающего производства.

Главным в изучении технологического процесса в металлургии и металлообработке является метод металлографического анализа – самостоятельного направления в археологии. Проблемы технологии кузнечного ремесла, получения и обработки тигельной булатной стали, чугунного литья нашли свое отражение в научных публикациях.¹⁰³

Источником для изучения вопроса являются обширные археологические коллекции металлических изделий средневековых городов Отрара, Саурана, Тальхира (городище Талгар), Алматы и Каялыка (городище Антоновка), содержащие предметы металлургического и металлообрабатывающего производства: крицы, деловое (полосовое) железо, чугунный слиток и чугунные отливки, орудия труда. Это были города, населенные древнетюркскими племенами; города, находившиеся на трассах Великого Шелкового пути. Они входили в состав Огузского, Кыпчакского и Карлукского ханств и Караханидского государства.

По свидетельству археологических источников доминирующее положение в черной металлургии Жетысу X-XIII вв. занимал сыродутный способ получения железа. Железо «варили» в невысокой домнице (печи высотой до 1 м), в рабочую камеру через специальное отверстие в нижней части печи с помощью воздуходувных мехов принудительно подавался воздух. В печь загружалась шихта из измельченной руды и древесного угля (в соотношении 1:3 в единицах объема). Горящий уголь позволял поддерживать высокую температуру и восстанавливать атмосферу из окиси углерода. Железная руда, основными компонентами которой были окислы железа Fe_2O_3 и кремнезем SiO_2 , при высокой температуре и выделяемой окиси углерода подвергалась химическим изменениям. Одна часть окислов железа восстанавливалась до металлического железа в виде отдельных зерен, сваривавшихся в железную крицу, а другая, восстановившись до закиси железа FeO , соединялась с пустой породой и образовывала легкоплавкий железистый шлак.¹⁰⁴ Примечательно, что в результате металлургического процесса металл (крица) получался не в жидком, а в твердом состоянии. По окончании варки раскаленную добела крицу вынимали и подвергали предварительной проковке с целью уплотнения металла - выдавливания шлаков и сварки пустот. Явные следы такого уплотнения хорошо видны на крицах из города Тальхира. Лабораторное взвешивание последних показало, что в результате одной плавки металлургии получали от 3,5 до 8 кг готового металла.

Знание массы восстановленного металла дает возможность определить примерное количество затрачиваемой руды на одну плавку. Экспериментальные данные показывают, что выход железа из руды при сыродутном способе колеблется от 10% до 30% (в зависимости от концентрации железа в руде: чем выше концентрация, тем значительнее процент выхода). Следовательно, вес используемой руды составлял 11-35 кг для образования крицы в 8 кг. По теоретическим расчетам А.А. Байкова, на осуществление всех химических реакций в печи, нагрев и расплавление шлака, нагрев газа и крицы расходовалось 1,2 единицы угля на единицу используемой руды.¹⁰⁵

Таким образом, для получения крицы весом 3,5 кг требовалось древесного угля от 11 до 29 кг, а крицы в 8 кг - от 32 до 96 кг.

Для выяснения качества металла, получаемого средневековыми металлургами, 15 сырых криц были подвергнуты микроструктурному анализу.

Результаты анализа показали, что 6 образцов состояли из простого железа, 8 образцов - из неравномерно науглероженной стали, 1 образец – из высокоуглеродистой стали. Структура металла пористая с многочисленными шлаковыми включениями.

Выплавленный сыродутным способом металл часто поставлялся на рынок в виде сырых криц с разрубам для контроля качества, либо специально подготовленных, прокованных брусков «делового» (полосового) железа. Вес отдельных брусков от 1 до 2,1 кг.

Микроскопический анализ 12 брусков полосового железа показал, что после проковки металл становился более монолитным, хотя в нем по-прежнему отмечалось множество шлаковых включений, а пять экземпляров (41,6%) имели мелкие поры. Помимо этого оказалось, что ряд брусков подвергался дополнительному науглероживанию, в результате чего на поверхности образовался слой из высокоуглеродистой стали.

Наряду с кричным производством в Жетысу в X-XIII вв. существовало доменное производство чугуна, вырабатывавшее, судя по археологическим находкам, значительно меньшие объемы продукции. Способ получения чугуна, во многом напоминавший сыродутный процесс, был основан на восстановлении металла из руд древесным углем. Непременным условием такой плавки являлось использование доменных печей большой высоты.

О составе и качестве выплавляемого чугуна дают представление микроструктурные анализы серии археологических находок. Среди них представлены котлы, лемехи, ножки сосудов, ступки и отдельный массивный слиток. Особый интерес вызывает чугунный слиток, отлитый в специальной изложнице. Форма слитка рассчитана таким

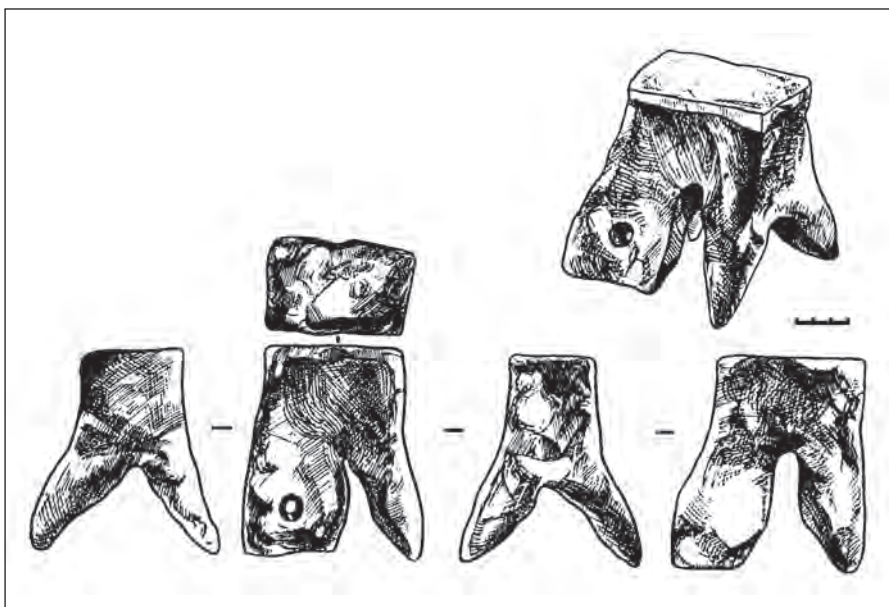

Рис. 177. Наковаленки. X - начало XIII в.

образом, чтобы при необходимости он мог быть разделен пополам посредством простого удара посередине.

Микроструктурный анализ свидетельствует, что материалом слитка является половинчатый чугун, структура которого состоит из сорбитообразного перлита, пластинчатого графита, колоний ледебурита и цементита. Наличие чугунного слитка в археологических материалах Тальхира указывает на наличие местного чугунолитейного производства.

Основная масса изделий (78%) отлита из низкоуглеродистого (доэвтектического) белого чугуна, состоящего из перлита и цементита, дополняемого иногда вкраплениями ледебурита.

Такой состав металла свидетельствует об использовании в металлургии чугуна сравнительно невысоких домен.

Небольшая группа изделий имеет структуру половинчатого, частично графитизированного чугуна. Среди изделий зафиксированы структуры белого эвтектического, белого заэвтектического (высокоуглеродистого) и серого чугуна.

В целом, для доменного производства Северо-Восточного Жетысу наиболее характерно использование белого низкоуглеродистого (доэвтектического) чугуна, имеющего более низкую температуру плавления, нежели железо, и пригодного для литья в формы.

Продукция черной металлургии являлась исходным сырьем для кузнечного и литейного производства. В металлообработке лидирующее положение занимало кузнечное ремесло.

Номенклатура изделий насчитывает 84 наименования, в том числе: кузнечный инструмент - молотки, наковальни, зубила, пробойники, гладилки, гвоздильни, клещи, напильники; землеобрабатывающие орудия - лемехи, кетмени, кирки, чоты, мотыжки, серпы, косы; деревообделочный инструмент - топоры, топоры-тесла, струги, тесла, топорыки, стамески, штихели, пилы; инструменты сапожного дела - ножи сапожные, ножницы, проколки, шилья, иглы; строительные принадлежности - гвозди, костыли, скобы, крюки для волочения бревен; принадлежности конской сбруи и животноводства - удила, стремяна, пряжки, кольца и пробои для тороков, накладки на луку седла, подковы, гвозди, тавро, ножницы для стрижки овец, путы; домашняя утварь - котлы,

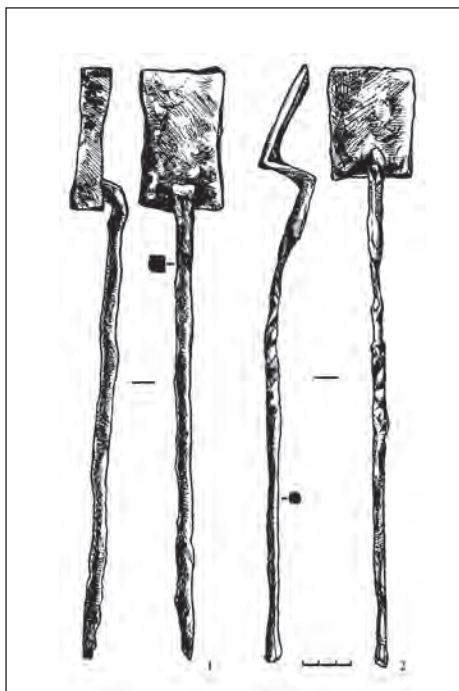

Рис. 178. Совки. XI - начало XIII в.

жаровни, ножи, светцы, плоски, крюки, пробои, цепи запорные, кресала, замки, ключи, накладки для сундуков, ручки дверные и сундучные, пряжки для пояса, крючки запорные, тазики; торговые принадлежности - гири, весы; инструменты для гончарного дела - гончарные ножи; предметы вооружения - наконечники копий, наконечники стрел, кинжалы, сабли, боевые ножи, панцирные пластины. Характерной особенностью многих категорий изделий является их типовое разнообразие. Обращает на себя внимание количество металлических предметов, обнаруживаемых в ходе раскопок, свидетельствующее о больших объемах выпускаемой кузнечной продукции.

Для характеристики технологии обработки металла и качества ремесленной продукции металлографическому изучению подвергнуто 412 находок. Из них отобрано 114 наиболее репрезентативных вещей, называемых в археометаллографии качественными. Как показали результаты лабораторных исследований, основным материалом в производстве кузнечных изделий служила сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода по сечению, получаемая непосредственно в ходе сыродутного процесса. Значительно реже (6%) использовалась специально приготовленная (цементованная) высокоуглеродистая сталь. И крайне редко применялась гиперуглеродистая (булатная) литая сталь.

Основой технологии кузнечного производства былаковка металла в горячем состоянии, которая придавала заготовке необходимую форму. Холоднаяковка применялась эпизодически, только в качестве упрочняющей операции, например, при проковке кромки лезвий для увеличения твердости металла. Ковка в горячую, как правило, проходила в необходимом интервале температур, что предполагало соответствующие профессиональные навыки мастеров. Контроль температуры нагрева осуществлялся по цветам накаливания металла.

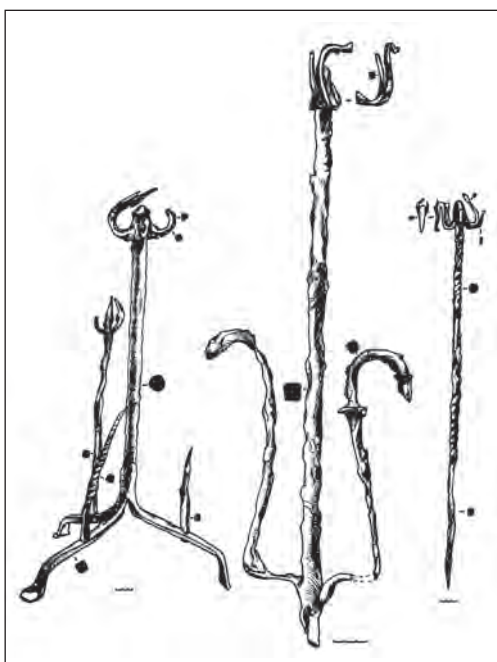

Рис. 179. Подставки светильников. XI-XIII вв.

Отличительной особенностью металлообрабатывающего производства Жетысу X-XIII вв. являлось использование тигельной гиперуглеродистой (булатной) стали ледебуритного класса, обладающей уникальной структурой и специфическими свойствами.

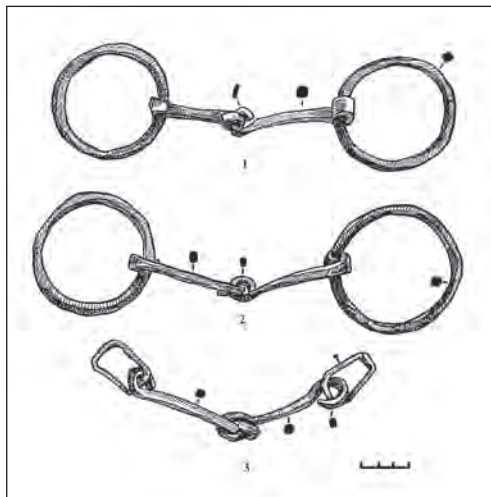

Рис. 180. Удила. XI-XIII вв.

Обнаружение изделий из булатной стали в археологическом комплексе из города Тальхира весьма важно и примечательно. Известно, что металлурги Востока открыли способ тигельной плавки и технологию обработки полученной стали, на много столетий опередив европейских мастеров. Вместе с тем длительное время почти ничего не было известно о структуре и химическом составе тигельного металла среднеазиатского региона и прилегающих к нему городских центров Южного Казахстана и Северо-Восточного Жетысу. Открытие такой стали в городе Тальхире и последующее ее исследование позволяет, наконец, получить реальное представление о составе и структуре булатов и подтверждает свидетельство аль-Бируни об их значительном видовом разнообразии уже в период средневековья.

В металлообрабатывающем производстве Северо-Восточного Жетысу изучаемого времени особое место занимало литье чугуна. Под литьем в металлургии понимают искусство получения законченного металлического изделия заливкой жидкого металла в соответствующую форму. Исходный металл литейщики получали от металлургов в виде слитков, один из которых обнаружен на городище Тальхир, либо использовали для этих целей чугунный лом. Факт использования лома зафиксирован в мастерской на средневековом городище Алматы.¹⁰⁶

После расплавления металла его заливали в специальные формы, где он затвердевал. Приготовление формы и заливка металла являлись очень ответственным этапом всего технологического процесса и требовали от мастера высокой квалификации. Формы делались из глины или песка разного состава. Готовая форма, как правило, состояла из двух полуформ - нижней и верхней. При изготовлении котлов верхняя полуформа была составной. Количество створок формы хорошо определяется по так называемым литейным швам и обычно колеблется от двух до четырех.

Таким образом, черная металлургия Жетысу X-XIII вв. развивалась по двум направлениям: 1 - сыродутный способ получения железа; 2 - доменное производство чугуна. Доминирующим являлся сыродутный способ. Металлургическая продукция, являвшаяся основным сырьем кузнечного производства и чугунолитейного дела, поступала на рынок в виде сырых криц, прокованного полосового (делового) железа и чугунных слитков.

Металлообрабатывающее производство, состоящее из двух отраслей - кузнечного и чугунолитейного, было направлено на удовлетворение потребностей в металлических изделиях существующих сфер экономики и домашнего быта. По объему и ассортименту продукции лидирующее положение занимало кузнечное ремесло.

Чугунное литье охватывало присущую ему производственную сферу, выпуская на рынок недостающие изделия для сельского хозяйства и предметы домашней утвари. Сосуществование двух отраслей металлообрабатывающей промышленности создавало известные предпосылки для развития тигельного способа получения литой (булатной) стали.

Технология кузнечного ремесла основывалась на свободной ковке горячего металла, с помощью которой заготовке придавалась необходимая форма. При изготовлении качественных изделий основным сырьем служила сталь разных сортов, в редких случаях - простое железо. Для улучшения рабочих свойств поковок применялись различные режимы закалки всего изделия или только кромок лезвия.

Среди известных технологических схем, находящихся на вооружении мастеров, предпочтение отдавалось ковке изделий целиком из стали. Технология поверхностной цементации (науглероживания) с целью повышения качественных характеристик изделий отмечена на 10% поковок. Многослойная сварка не имела широкого распространения.

Технология чугунолитейного производства основывалась на высокотемпературном процессе плавки железоуглеродистого сплава и заливке его в специально подготовленные формы. В качестве исходного сырья в преобладающем большинстве случаев выступал белый низкоуглеродистый (доэвтектический) чугун.

В целом, проведенные исследования свидетельствуют о высоком уровне развития металлопроизводства и металлообработки в районах Жетысу в X-XIII вв., которое не уступало технологиям соседних регионов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Поволжья, Руси.

Достижением металлургов стало умение варить булатную (ледебуритную) сталь для изготовления изделий, в том числе военного назначения.

Торговля

Город был не только местом производства товаров, но и центром торговли. В мусульманском обществе происходит переворот в отношении к торговле и фигуре купца. Если при Халифе де Омаре I в IX в. считалось, что «ни один мусульман не должен быть торговцем, ибо болтовня на базарах отвлекает от ислама»,¹⁰⁷ то в X в. богатый купец превращается в носителя мусульманской культуры, ставшей теперь в материальном отношении крайне требовательной. К концу этого века один из мелких правителей не торопился приобрести лавку в Хамадане и торговать там от своего имени. Для «мусульманской торговли X в. была

свойственно горделивая осанка! Она стала хозяйкой в своем доме, во все стороны шли ее суда и караваны, она заняла ведущее место в мировой торговле,¹⁰⁸ Багдад и Александрия устанавливали цены (по крайней мере на предметы роскоши) для человечества того времени.¹⁰⁹

Источники, повествующие о городах, указывают направление торговых путей: сообщают о базарах и продаваемых на них изделиях, и товарах, которые вывозились из города и были известны далеко за его пределами. В городах сходились несколько основных направлений торговли; между городом и сельской округой: горожанами и земледельцами; между городом и кочевниками; между городом-центром округа, района и соседними территориями. А также через города проходили международные торговые пути и Великий Шелковый путь.

Не случайно средневековыми авторами подчеркивалась торговля, главная составляющая городской жизни: «Тараз – город купцов», пишет известный математик и географ IX в. ал-Хорезми.¹¹⁰

Характеризуя Испиджаб, крупнейший арабский географ X в. ал-Макдиси сообщал о его торговых рабадах: «Рабад нахшебцев, рабад бухарцев, рабад самаркандцев».¹¹¹ Он же отмечает, что из Тараза вывозятся козьи шкуры, из Шельджи - серебро, а маленький город Дех-Нуджикет славился базаром, на котором продавалось мясо.¹¹² Из Испиджаба, пишет ал-Макдиси, вывозили «рабов из тюрков, вместе с белыми тканями, оружием, мечами, медью и железом».¹¹³ О том, что в городах были лавки, торговавшие товарами повседневного спроса, едой и напитками известно по сообщению того же ал-Макдиси, так, в городе Кедере в Отрарском оазисе были винные лавки.¹¹⁴

На одном из базаров Испиджаба, основанном Каратегином, продавался хлеб и пища для бедняков.¹¹⁵ В город Сауран приходили торговать огузы. В столицу огузов Янгикент торговцы доставляли хлеб из Мавераннахра.¹¹⁶

Великий Шелковый путь в эпоху Мусульманского Ренессанса

Великий Шелковый путь – это система караванных путей, соединявших Запад и Восток Евразии, протяженные участки которого проходили через территорию Казахстана. Они приводили на востоке в Китай, Корею и Японию, на западе – в Русь, Восточную и Западную Европу; на юге - в Индию; на севере – в Сибирь, на юго-западе – на Средний и Ближний Восток. Это была дорога с двухсторонним движением товаров, достижений научной мысли, культурных ценностей и религий. Это была важная и быстрая для своего времени линия распространения информации через купцов, путешественников, дипломатов.

На вопрос о том, когда «заработала» эта дорога, до сих пор нет однозначного ответа. Можно говорить об его отдельных участках, о начале обменных и торговых контактов, которые восходят к III-II тыс. до н.э. Эти связи были налажены благодаря разработке месторождений лазурита в горах Бадахшана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран, Месопотамию, Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тыс.

до н. э. бадахшанский лазурит появился в Китае.¹¹⁷

Наряду с «Лазуритовым путем» существовал еще «Нефритовый», который связывал Восточный Туркестан с Китаем.¹¹⁸ В середине I тыс. до н. э. стал действовать «Степной путь».

Считается, однако, что лишь в середине II в. до н. э. Великий Шелковый путь начинает функционировать как единая дипломатическая и торговая артерия. Начало этому событию положил Чжан Цзянь. В 138 г. из Ханьской столицы вышел посольский караван, сопровождавший князя Чжан Цзяня, посланного императором У Ди в неведомые страны Запада. Через тринадцать лет Чжан Цзянь вернулся назад. Он смог добраться до районов современного Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию.

Вслед за ним по этому пути пошли на Запад караваны с шелком, а в Китай - караваны с товарами из Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии.¹¹⁹

Однако, археологические исследования, широко развернувшиеся в Средней Азии, Казахстане, Алтае, Сибири, Китае, дали неоспоримые свидетельства распространения китайского шелка, иранских ковров на территории Евразии задолго до миссии Чжан Цзяня. Шелковая попона с вышитыми на ней фениксами, иранский ковер найдены при раскопках «царских» курганов Пазырыка на Алтае, датированных V в. до н. э. Шелковые ткани обнаружены в кургане Исык в Жетысу, в Аржане в Сибири, шелковые ткани и бахрома, подшитая к изделиям из шерсти, выявлена в захоронениях VI-V вв. до н. э. на юге и юго-западе Европы.

В распространении драгоценных шелков участвовали кочевые и полукочевые племена саков и скифов. Через них шелк попадал в Центральную Азию и Средиземноморье, в Европу и Индию.

Этот названным «Степным» путь начинался в большой излучине Хуанхэ, пересекал восточные и северные отроги Алтая, степи Казахстана и Причерноморья, достигая земель греков и этрусков.¹²⁰

Итак, Великий Шелковый путь начинался в Чанъане - столице Китая и шел к переправе через Хуанхэ в район Ланчжоу, далее вдоль северных отрогов Тянь-Шаня к западной окраине Великой Китайской стены к «Заставе Яшмовых ворот». Здесь единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная трасса шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или; средняя - от Гаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель к берегам Исык-Куля; южная - через Дунхуан, Хотан, Яркенд и Кашгар в Среднюю Азию, Бактрию, Индию и Средиземноморье, это так называемый «Южный путь».

«Северный путь» шел из Хами, Турфана в Жетысу, на юг Казахстана, Приаралье, Восточную Европу.¹²¹

В VI-VII вв. наиболее оживленным становится северный путь, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в Жетысу находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути, а во-вторых, богатые тюркские каганы и их окружение стали круп-

ными потребителями заморских товаров.¹²² Так этот путь стал главным и основное число посольских и торговых караванов в VII - начале XIII в. шло здесь.

В Жетысу, в Придзунгарье из Китая, точнее его западных территорий (современный Синьцзян), попадали через Джунгарские ворота к побережью Алаколя и по предгорьям Джунгарского Алатау в долины Лепсы и Каратала, переправу через Или в районе Капчагая. Затем дорога вела к Заилийскому Алатау и вдоль него через Кастекский или Курдайский перевалы в Шуйскую и Таласскую долины к городам Суяб, Навакет, Тараз и приводила в крупнейший город Южного Казахстана Испиджаб, он же Сайрам.

Отсюда шел путь в Ташкент и далее в Самарканд, Бухару, Мерв, Иран, Афганистан, Индию.

Вернемся к одной из отправных точек на казахстанском участке Шелкового пути - городу Испиджабу, чтобы проследовать в Европу путем византийского посла Земарха к тюркскому кагану Дизабулу.

Из Испиджаба караванная дорога шла в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье в Приаралье.

Отрар был узлом многих караванных путей. Отсюда одна дорога шла в Шавгар, а другая - на переправу через Сырдарью и к городу Весиджу. Отсюда же через Кызылкумы была проложена трасса в Хорезм, в Ургенч, а оттуда в Прикаспий, Поволжье, в Европу.

Другой отрезок этого пути огибал с севера Аральское море и вел в южное Приуралье к городам на р. Урал (Жаик) к местам переправ и далее через заволжские степи на Волгу в Дон, Причерноморские степи, на Балканы и в Константинополь. В Жетысу попадали из Алмалыка, переправу через Или и Хоргос. Отсюда можно было пройти в Шуйскую и Таласскую долины в Испиджаб. К берегам Иссык-Куля можно было попасть также из Кашгара через горные перевалы Тянь-Шаня.

Этот отрезок Шелкового пути был особенно оживленным в XIII - начале XIV в., когда в низовьях Волги сформировались города Золотой орды.

Путь проходил через Сарайчик, Сарай-Бату в Кафу, а затем морем в Константинополь: через Южнорусские степи в Восточноевропейские степи.

От основной трассы Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Жетысу, отходили дороги на север и восток, которые вели в районы Центрального и Восточного Казахстана, в степь Дешт-и Кыпчак, позднее известную как Сарыарка, к берегам Иртыша, на Алтай, в Сибирь и Монголию.¹²³

Таким образом, в определении времени функционирования Великого Шелкового пути в настоящее время следует выделить два этапа.

Первый этап, который можно назвать «Протошелковый путь», связан хронологически с формированием в Средней Азии и Казахстане первых государств (Бактрия, Хорезм, государства саков Жетысу и Приаралья). Китайский шелк и иранские ковры представлены в материалах

из раскопок широко известных «царских» курганов Алтая - Пазырыка, Башадара, Туэжты, Шибе, Катанды, Уландрыка, Узуктала, Ак-Алаха и Береля; могильников Синьцзяня - Субаши, Кызылока, Затхунлука; Жетысу - Иссыка; Тувы - Аржана.

Таким образом, первый или начальный этап Великого Шелкового пути - «Протошелковый путь» - датируется VI - первой половиной II в. до н. э.

К нему привязываются города-ставки и «царские» могильники саков и усуней, хунну, савроматов и сарматов, античные города Центральной Азии. Второй этап Шелкового пути начинается с поездки Чжан Цзяня в 138 г., с приходом к власти династии Мин в 1405 г., когда сухопутный отрезок Великого Шелкового пути приходит в упадок из-за самоизоляции Китая и бурного развития морского пути.

Когда Улугбек, внук Тимура, в 1449 г. был убит и закончилось время сильной власти, в Центральной Азии началась смута. Торговые караваны, шедшие по Шелковому пути, подвергались нападению и грабежам.

Спорной является дата прекращения функционирования Шелкового пути. Однако ненадежность сухопутных путей и успех китайского торгового флота с XVI столетия означает, что к концу его Шелковый путь как торговое и культурное связующее звено между Востоком и Западом перестал существовать.

Великий Шелковый путь, как уже отмечалось, вначале служил для экспорта китайского шелка в страны Запада. Однако, известно также, что из Рима, Византии, Индии, Ирана, Арабского халифата, а позднее из Руси и европейских государств по нему в Китай ввозились товары, производимые в этих странах. Список диковинных экзотических товаров обширен: мирра и ладан, жасминовая вода и амбра, кардамон и мускатный орех, женьшень и желчь питона, ковры и полотна, красители и минеральное сырье, алмазы и яшма, янтарь и кораллы, слоновая кость и «рыбьи бивни», слитки серебра и золота, меха и монеты, луки и стрелы, мечи и копья. По Шелковому пути вели на продажу «потокровных» коней Ферганы, арабских и нисийских скакунов, верблюдов и слонов, носорогов и львов, гепардов и газелей, везли ястребов и соколов, павлинов, попугаев и страусов. Через торговцев распространялись и культурные растения - виноград, персики, дыни, овощи и зелень, а также пряности и сахар.

Во введении к своей книге «Золотые персики Самарканда» Э. Шефер написал: «Название этой книги - «Золотые персики Самарканда» - было выбрано потому, что оно напоминает одновременно о золотых яблоках Гесперид, и о персиках бессмертия, которые китайская легенда помещает далеко на Западе, и о «Золотом путешествии в Самарканд» Джеймса Элроя Флекера, и о мелодии Фредерика Делью «Золотой путь в Самарканд» к пьесе Флекера «Хасан». Но если оставить эти туманные ассоциации с мифами и музыкой, золотые персики существовали в действительности. Дважды в VII в. диковинные желтые персики

посылало в дар китайскому двору Самаркандское царство. «Они были большие, как гусиные яйца, и поскольку их цвет был подобен золоту, их так и называли - золотые персики».

Несколько саженцев деревьев, на которых произрастали эти царственные плоды, были привезены посольским караваном через пустыни Сериндии и выращены в дворцовых садах Чаньани. Теперь можно только гадать, что за сорт персиков это был и каков был их вкус. Заманчивые благодаря своей недоступности золотые персики Самарканда символизировали в Поднебесной империи Тан все экзотическое и желанное, все неведомое и влекущее к себе». ¹²⁴

И все же главным и постоянным предметом торговли оставался китайский шелк, который, наряду с золотом, фактически превратился международную валюту. Шелк, как подарок, высоко ценился, поэтому им одаривали царей и послов; его в качестве жалованья «выдавали» воинам-наемникам, им «выплачивали» государственные долги ¹²⁵.

Одежды знатных людей из шелка выписаны со всеми присущими этим драгоценным изделиям украшениями, деталями и даже швами. Анализ импортных изделий из городов Казахстана (бронзовые блюда, светильники, кувшины, зеркала; изделия из керамики и фарфора; шахматные фигурки, палочки для еды) позволили определить торговые связи с Ираном, Средней Азией, Индией, Китаем. ¹²⁶

По Шелковому пути распространялись не только изделия, но и мода на художественные стили, которые могли иметь социальный заказ и, попадая на подготовленную почву в определенную этнокультурную среду, получали широкое распространение.

На территории Казахстана представлены *четыре основных отрезка*: Семиреченский, Сырдарьинский, Сарыаркинский и Мангышлакский (Урало-Прикаспийский).

Каждый из этих участков характеризуется своеобразием естественно-географических условий и исторического развития культуры, в том числе городской, с отчетливым влиянием на процесс формирования, развития и стагнации городов, располагавшихся в этих регионах маршрутов Великого Шелкового пути. Эти сложные процессы неразрывной связи культуры, природы, исторического процесса, влияния посредством коммуникации демонстрируют не только способы приспособления человека к различным климатическим условиям, но и пути взаимообогащения культур посредством обмена человеческими ценностями и культурными традициями. Это отразилось в сохранившихся памятниках культуры, маркирующих в настоящее время важные коммуникационные связи человечества.

Семиреченский отрезок отмечен, прежде всего, границами историко-географического региона, известного как Жетысу (Семиречье). Разнообразие климатических зон региона стало определителем как географических ландшафтов, так и условий ведения хозяйства. Разнообразие зон, среди которых: полынно-степная, злаково-степная, разнотравно-степная лесная или луговая и высокогорная, определяет локальные направления

Шелкового пути и расположение на этих отрезках памятников, их морфологические особенности.

Общий маршрут следования по этой артерии с запада на восток был таков: из Шаша (Ташкент) дорога направлялась к перевалу Турбат, затем в Испиджаб (Сайрам, Сарьям, «Белый город» или «Ал-медина ал-Байда»), далее дорога шла в восточном направлении - в Тараз, затем Джамукат, далее дорога следовала к Кулану (у китайцев Цзюйлень), затем на восток к городам Мирки и Аспара, после чего дорога приводила к городам Иссык-Кульской котловины.

Из Иссык-Кульской котловины через перевал Санташ и долину р. Каркары путь пролегал по Илийской долине и правому берегу р. Или, через долины Усека и Хоргоса, приводил в Алмалык. В Илийскую долину попадали и другим путем - он тянулся от Кулана, Аспары к городам среднего и нижнего течения р. Шу, откуда дорога шла на северные склоны Шу-Илийских гор и спускалась в Северное Прибалхашье; либо шла вдоль Шу, вниз и выводила к городам на северных склонах Каратау.

На территории Илийской долины трасса Шелкового пути проходила через города и караван-сарай, находившиеся на месте современных Кастека, Каскелена и Алматы, и достигала города Тальхиза (Талгара). В Тальхизе Шелковый путь разветвлялся на южный и северный. Южный путь вел через Иссык, Тургень, Шилик к переправе через Или - через Хоргос на Алмалык. Северная дорога из Тальхиза шла вдоль реки Талгар до переправы на реке Или, которая находилась в районе Капчагайского водохранилища.

После нее путь вел на Чингильды, затем через перевал Алтын-Эмель дорога спускалась в долину Коксу и достигала города Ики-Огуза (Эквиус), находившегося на месте современного с. Кировское. Из Ики-Огуза путь шел к Каялыку (Кайлаку) - столице карлукских джабгу. Далее путь следовал в долину Тентека и, обогнув озеро Алаколь, шел через Джунгарские ворота и приводил в долину Шихо.

Илийская долина соединялась с Центральным Казахстаном дорогой, шедшей вдоль северных склонов Шу-Илийских гор затем по Шу в ее низовьях, и затем - к берегам Сарысу. Еще один важный путь отходил от северо-илийской трассы в район Чингильды и через перевалы Коктал и Бояулы - в Прибалхашье, а затем вдоль протока Ортасу (р. Или), где находятся остатки городов Карамерген, Актам и Агашаяк, к берегу Балхаша, а дальше по полуострову Узун-Арал, который почти соединяет южный и северный берега озера, оставляя пролив шириной чуть больше 8 км.

Здесь же, на мысу, обнаружены остатки городища, большая часть которого затоплена водой. Можно предположить, что караваны переходили пролив вброд и выходили в устье р. Токрау и затем по ее берегам шли к предгорьям Улутау.

Сырдарьинский участок маркируется хорошо сохранившимися в условиях современного степного, пустынного и полупустынного ареала археологическими остатками культурных ландшафтов оазисов и городов, привязанных к крупным водным артериям (Шу, Сырдарья,

Арысь, Бугунь). В северо-западном направлении от Испиджаба караванная дорога вела на Арсубаникет на р. Арысь, в Отрар (Фараб), и далее, вниз по Сырдарье, - в Приаралье. На Сырдарьинском отрезке наиболее крупными городами были Отрар (Фараб) и города Отрарского оазиса, Яссы (Туркестан), Шавгар, Сауран, Сыгнак, Дженд, Джанкент, Хувара. Из Джанкента дорога шла на северо-восток и выходила на берега речки Белеуты, приводила в район Коунрада, Карасакпая.

Сарыаркинский отрезок пролегал по территории «Великой степи» Центрального Казахстана - Дешт-и Кыпчаке. Памятники этого региона тяготеют к многочисленным мелким рекам, предгорьям Улытау, берегам Ишима, Нуры, Сарысу, Иртыша.

В Центральный Казахстан вел так называемый Сарысуийский путь: из Отрара через Шавгар и Тургайский перевал на Аксумбе, он шел в низовья Сарысу и вверх по реке до Улытау, а оттуда до Ишима по Иртышу. Более короткий путь шел через Сузак к низовьям Шу, а оттуда - через пустыню Бетпак-Далу - в район Жезказгана. Еще один путь «Ханжол» использовался до нового времени: он шел из Тараза вниз по Таласу через пески Муюнкумы и Бетпак-Далу к берегам р. Атасу. Из Тараза через города Адахкес и Дех Нуджикес, согласно сведениям Тамима ибн Бахра и ал-Идриси, вел торговый путь к кимакам на Иртыш. Илийская долина соединялась с Центральным Казахстаном дорогой, шедшей вдоль северных склонов Шу-Илийских гор, затем по р. Шу в ее низовья и к берегам Сарысу, а также Северо-Илийским маршрутом, описанным выше.

От Северо-Илийского пути, который шел к Джунгарским воротам, отходило направление, огибавшее Алаколь с западной стороны и через Тарбагатай приводившее к Иртышу - в земли государства кимаков с городами Банджар, Ханауш, Астур, Сисан и «столица» хакана. На реке Ишим эти пути приводили к городищу Бозок, далее вели на север и запад.

Мангышлакский (Урало-Прикаспийский) отрезок, располагаясь вдоль восточного берега Каспийского моря, находится в особом природном ландшафте пустынь и полупустынь, отличающемся большим разнообразием этих природных комплексов и экстремальностью климатических и природных условий. Население этих районов представляло собой конгломерат кочевых и скотоводческих племен, которые контролировали торговые пути, привязанные к системе колодцев, родников, небольших речек, что наложило особый отпечаток на материальные памятники культуры региона.

В низовья Урала и Волги можно было попасть из Ургенча, следуя дорогой караван-сараев Устюрта. На этом отрезке пути располагались городище Кызылкала. Проходя территориями Южного и Северного Приаралья, торговые артерии приводили к городам на реке Урал (Жаик): городище Сарайчик и Жайык. Далее они вели караваны в западном направлении - в Европу, Крым и на Кавказ, а также по «Жайыкскому пути» в Южное Приуралье, Урал, Поволжье.

Направления Шелкового пути не были чем-то застывшим: в течение столетий попеременно наибольшую значимость приобретали то одни, то другие его участки и ответвления; некоторые вообще отмирали, а города и торговые станции на них приходили в упадок.

Можно определить *время интенсивного функционирования* перечисленных выше отрезков Великого Шелкового пути. В VI-VIII вв. основной была трасса Сирия – Иран – Средняя Азия – Южный Казахстан – Таласская долина – Шуйская долина – Иссык-Кульская котловина – Восточный Туркестан.

Ответвление этого пути выходило на вышеназванную трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи, в Мангышлак, в Приаралье, в Южный Казахстан (в обход Сасанидского Ирана, после заключения торгово-дипломатического союза между Западно-тюркским каганатом и Византией). В IX-XII вв. этот маршрут использовался с меньшей интенсивностью, но в XIII-XIV вв. вновь оживился (в связи с возникновением Монгольской империи).¹²⁷

Караван-сарай

Караван-сарай стояли вдоль международных торговых трасс и дорог местного значения. Караван-сарай соединяли в себе множество функций: это были придорожные гостиницы (точнее - постоянные дворы), торговые фактории, склады товаров и укрепления, позволяющие отбить нападение разбойников и отсидеться за стенами. Некоторые большие «царские» караван-сарай служили резиденциями правителей во время их поездок по стране.

Без караван-сараяев не могла обойтись ни международная, ни внутренняя торговля, они были нужны купцам, паломникам, дипломатам и просто людям, пустившимся по разным причинам в дальний путь.

Строительство караван-сараяев было престижным, так как свидетельствовало, что власть заботится о процветании торговли и безопасности подданных. Небольшие караван-сарай возводились частными лицами с целью заслужить доброе имя и получить доход

Есть предположение, что в X-XII вв., когда замки-кёшки крупных владетелей доисламского периода потеряли свое значение, некоторые из них были превращены в караван-сарай нетрадиционного вида и устройства.¹²⁸ Традиционный же вид караван-сараяев определялся прямоугольником стен и внутренней их периметральной застройкой с одним порталным входом. Отклонения от схемы сводились иногда к круглой форме плана (внутренний двор оставался при этом прямоугольным), либо к внутренней застройке только с двух сторон, либо к двум входам на общей оси. В XI-XII вв. защитные функции караван-сараяев сходят на нет и лишь немногие из тех, что известны, представляют собой полноценные крепости - это, прежде всего, придорожные постоянные дворы, состоявшие из жилищ, складов, конюшен и стойл. В больших государственных, «царских» караван-сараях, традиционно называвшихся

рабатами, к услугам гостей были мечети, залы для собраний, бани. По большей части это были здания с набором только необходимых помещений.

Иные функции при том же названии были у городских караван-сараяв, которые строились обычно при базарах. Вероятно, здесь были и склады товаров, и жилье для приезжих купцов, но прежде всего - мастерские и лавки ремесленников, которые тут же и жили. Такие пассажи имелись в городах всего исламского мира.¹²⁹

Караван-сарай Акыртаса X-XI вв. Этот караван-сарай относится, видимо, к тому редкому типу, когда под его функции приспособлялся замок VII-VIII вв. и он имел нетрадиционный вид. В 1 км к юго-западу от дворца Акыртаса расположены остатки постройки размерами 25х27 м и высотой 3 м, вытянутые с востока на запад. В 25 м восточнее него нахо-

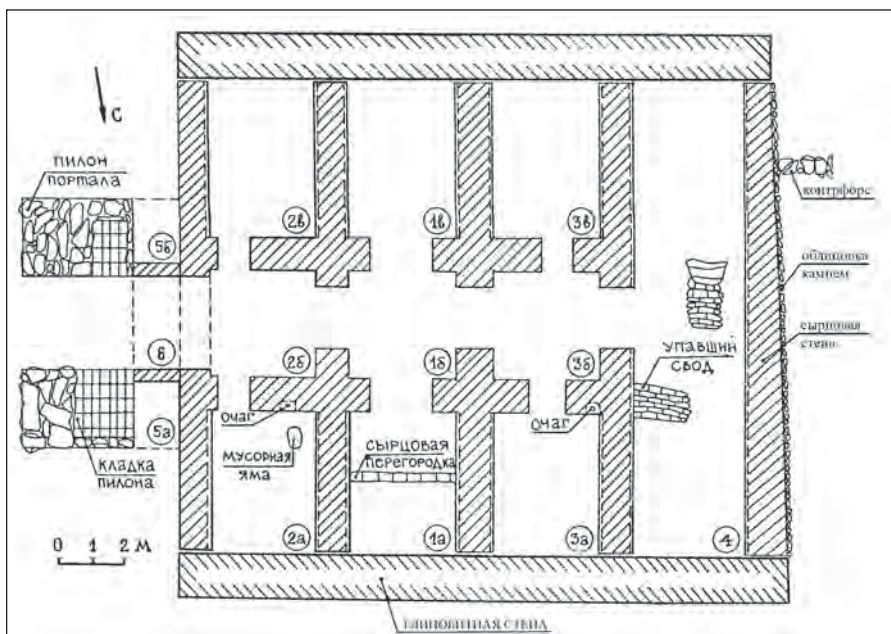

Рис. 181. Караван-сарай Акыртас (бывший замок правителя). План

дилась четырехугольная площадка-тортколь, окруженная оплывшим валом с башнями по углам и двумя впадинами-входами.

Тортколь находился на мысу правого берега сухой речки. Первоначальные исследования топографии двух этих памятников, анализ их взаиморасположения и материалы раскопок стали основанием для определения «тобе» как резиденции владельца «дворца» Акыртаса и крепости для охраны постройки.

Затем появилось новое предположение, что позднее резиденция была превращена в караван-сарай, состоящий из жилого комплекса для торговцев, а расположенный рядом тортколь с помещениями был местом остановки для купцов и караванщиков, охраны караван-сарая, а его двор - для вьючных животных.

Все внутренние помещения бывшего замка представляют собой два ряда комнат, расположенных вдоль коридора. Каждый ряд насчитывает по три помещения. Коридор – это ряд помещений-вестибюлей, вытянутых анфиладой. Все они практически квадратные в плане, со стороной 3-3,3 м. В крайних рядах помещения прямоугольные, размерами приблизительно 3,3х4,7 м, с небольшими отклонениями.

Коридор и два ряда анфилад с комнатами замыкает помещение площадью 53,5 кв. м, расположенное в торце постройки.

Из коридора можно было попасть в любое помещение здания. Все они служили для постояльцев караван-сарая. В южных стенах этих помещений обнаружены очаги-камины. Причем внутри стен над очагами устроены дымоотводные отверстия, круглые в сечении, выходящие на кровлю.

С восточной стороны замка, по обе стороны от главного входа в сооружение, сохранились пилоны портала. Точнее, стояли пилоны, от которых сохранились фундаменты и начальные ряды сырцовый кладки. Устои портала прямоугольные в плане, размерами 3,5х2,5 м. Фундамент под ними выложен из крупных плоских камней красного песчаника. Кладка устоев выложена из сырцовых кирпичей плашмя, не в перевязку, но с небольшой сдвижкой в 2-3 см. Кирпичная кладка разрушена, но фрагментами в хорошей сохранности. По-видимому, пилоны были выведены монолитными. Но как был решен сам портал, остается только догадываться. Во всяком случае, согласно размерам устоев портал здания был достаточно высоким и монументальным.

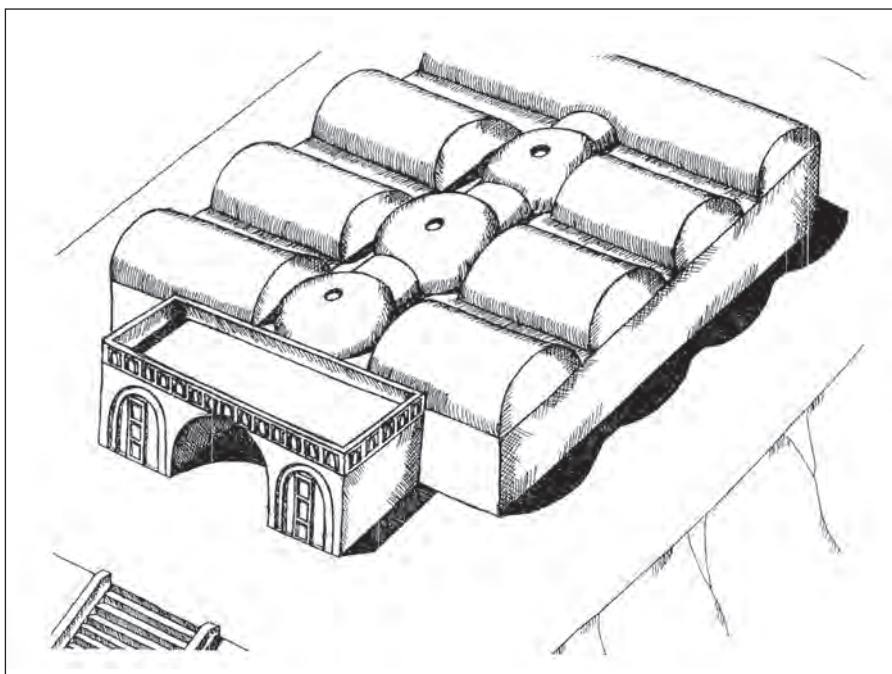

Рис. 182. Караван-сарай Акыртас (бывший замок правителя).
Графическая реконструкция З.Ж. Шарденовой

Между пилонами и зданием замка выложены два простенка шириной 40 см. Пространства между торцевыми гранями пилонов и восточной торцевой стеной замка образуют собой два маленьких помещения – 5а и 5б.

Интересны обнаруженные не в самом замке, а рядом с ним на берегу ручья пять бронзовых монет тюргешского типа. Все пять монет хорошей сохранности. Монеты подобного типа (тюргешские) чеканились в Таразском регионе с VIII в. и были в обращении до X в.

Среди находок обнаружено незначительное количество фрагментов стеклянных изделий. Одно изделие из матового зеленого стекла плохого качества, возможно, плоскодонная чаша или блюдо с выгнутым доньшком.

Поливная керамика представлена обломками кувшинов и чаш. Сосуды сочетают светло-зеленый цвет поливы и темно-зеленую полосу верхнего края. Один фрагмент маленького сосудика, возможно, чирага, покрыт зеленой поливой и имеет серию продольных углублений. В зале обнаружены два фрагмента чирага (носик и тулово), покрытых светло-бежевой поливой с темно-коричневыми полосами орнамента. Некоторые фрагменты керамики покрыты прозрачной поливой. На обломке чаши изнутри виден фрагмент растительного орнамента. Встречено доньшко от сосуда с тамгой мастера на внешней стороне. Тамга в виде глубоко прочерченной диагональной полосы. Найденная керамика относится к X-XII вв.

В качестве строительных материалов использовали прямоугольные сырцовые кирпичи, камень для фундаментов и облицовки стен и глину для растворов и обмазок. Размер кирпича 43-42х21-20х9-10 см.

Мелкой галькой облицовывали стены, песчаник средних размеров применялся для фундамента под стены, а крупные камни песчаника - для фундамента под пилоны и выкладки контрфорса.

Стены во всех помещениях постройки, кроме одного, выложены кладкой плашмя в перевязку. Чередование рядов следующее: один ряд кирпичей положен ложковой стороной, другой ряд - тычковой. Сохранившаяся высота стен колеблется от 1,45 до 1,7 м. Иная кладка наблюдается в гостевом парадном зале. Здесь стены выложены смешанной кладкой.

Перекрытия над помещениями постройки выявлены двух видов. Над прямоугольными помещениями были выложены сырцовые сводчатые перекрытия коробового очертания. Своды выложены «поперечными отрезками». Сводчатые перекрытия коробового очертания сохранились во фрагментарном состоянии лишь в одном помещении - торцовом. Здесь в двух местах упавшие куски свода лежат на полу помещения.

Дверные проемы (а их шесть) пролетом 1,85-1,9 м перекрыты также сводами в виде отрезков. Одна такая арка сохранилась в помещении 2а.

Второй вид перекрытий в постройке – купольный. Три купола выведены над квадратными помещениями замка. Маленький фрагмент

оболочки купола сохранился лишь в помещении 26. Это несколько кирпичей нижнего ряда купола в юго-восточном углу.

Все стены здания, кроме двух, были выложены из сырцовых кирпичей. Две наружные продольные стены, протянутые с востока на запад, глинобитные. Ширина этих стен 1,4 м, они более древние, чем вся постройка замка.

Рядом с этой постройкой «старого типа» находился караван-сарай, функционировавший в XI-XII вв. Это было четырехугольное в плане сооружение типа «тортколь». Тортколь возведен на естественном возвышении, высотой 3-4 м и имеет в плане размеры 39х40,5 м, ориентирован он сторонами по странам света.

Крепостные стены сооружения глинобитные на каменном фундаменте, шириной - 2,5 м. Внутренние стенки-перегородки - каменные на глиняном растворе.

Во дворе, в направлении от периметральных комнат практически к центру двора, уровень земли равномерно понижается. В месте максимального его понижения, в самом начале раскопок, обнаружилось прямоугольное углубление размерами 5,3х4,6 м - это хауз-бассейн.

Внутри комплекса, с восточной стороны, также как и с западной, застройка оказалась «периметральной». На протяжении 7 м левая часть восточных ворот и участок стены, примыкающий к воротам, были разрушены.

Помещение, следующее за разрушенным участком крепостной стены, оказалось нетронутым. Это было первое жилое помещение, вскрытое у восточной крепостной стены. Его площадь составляет около 30 кв. м.

В помещении была обнаружена караханидская медная монета. На обеих сторонах частично сохранились арабские надписи. В одном месте, рядом с кромкой монеты, просверлено отверстие диаметром 3 мм.

В этом же помещении (14), вблизи суфы, были обнаружены лежащими вплотную друг к другу несколько крупных фрагментов большого хума.

В помещении (11) найден небольшой чираг из поливной керамики. Длина предмета - 14 см, диаметр округлой части - 6 см.

Караван-сарай Тортколь вблизи Тараза. Одним из хорошо изученных этого типа построек является средневековый караван-сарай «Тортколь», находящийся в западной части современного Тараза. Караван-сарай функционировал на протяжении XI-XIII вв.

Изначально Тортколь представлял собой четырехугольник размерами 115х110 метров. Теперь его размеры составляют 83х100 метров. Начиная с 60-х гг. прошлого века, он разрушался, был уничтожен юго-западный угол и вся юго-западная стена и часть юго-восточной стены. При расширении улицы Сулейманова срезана часть северо-восточной стены и полностью уничтожена северо-восточная башня. В северо-западном углу в начале XX в. была выстроена мечеть. В конце

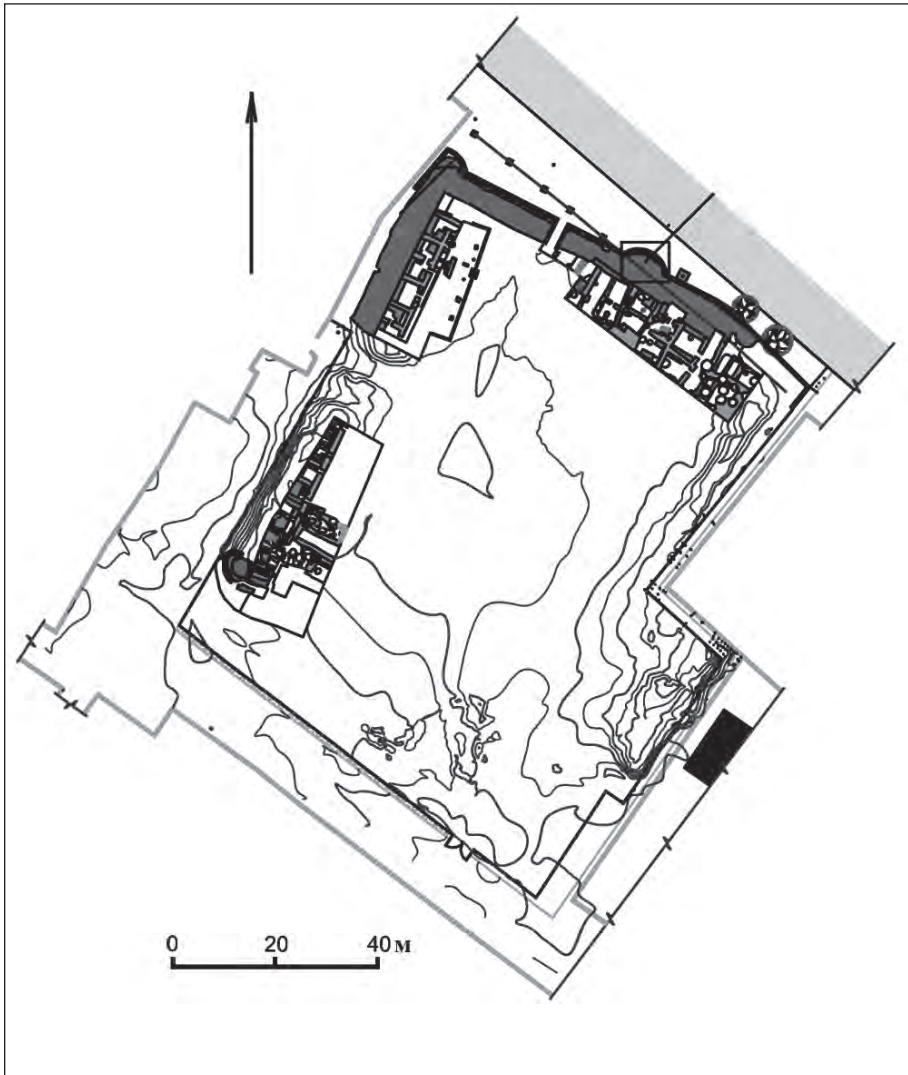

Рис. 183. Караван-сарай Тортколь

20-х гг. XX столетия она была разрушена воинствующими атеистами. Следы этого строения сохранились в виде основания стен из крупных камней и жженных кирпичей.

Первые исследования тортколя были проведены в 1983 г.

Раскопочные работы были сконцентрированы на возвышенности у северо-западного края объекта.

Исследователями зафиксирован верхний слой, представляющий мусорные напластования XX века, мощностью около 1,5 м. Под ним обнаружены остатки средневековых конструкций - это остатки секций, состоящие из жилого помещения и кладовой.

Помещение 1 подквадратное в плане, размером 4х3,4 м. Его северо-восточная стена одновременно является и оборонительной. В поме-

щении к юго-восточной стене посередине пристроена очажная тумба высотой 0,4 м. Очаг глиняный подковообразной формы. Он заполнен красновато-белой золой, топочное устье устроено с северной стороны. Перед очагом в полу находилась площадка подпрямоугольной формы - ташнау. В юго-восточной стене, справа от очага, имелись две хозяйственные ниши. Пол помещения неровный, на полу прослежен слой сгоревшего камыша и дерева.

Помещение 1-а - коридор размером 4х0,9 м. Проходом в северном углу он соединен с помещением 1. В юго-восточном углу имеется выход. Пол помещения неровный, обмазан глиной.

Помещение 2 подквадратное в плане, размером 3,7х3,6 м. Соединяется с помещением 1 проходом в восточном углу. В напольном слое помещения прослежены остатки циновки и обгоревшие зерна пшеницы. Помещение 3а отделено от помещения 2 короткими стенками шириной 20 см. У юго-восточной стены посередине обнаружен пристенный очаг в виде подпрямоугольной площадки размером 80х25 см с полукруглой нишей. Юго-западнее очага на полу найден горшок. Горшок лепной, с широким горлом, с ручкой. Сосуд орнаментирован растительными узорами. Такая застройка характерна и для других раскопанных участков караван-сарая.

Наиболее массовым материалом раскопок является керамика, она в основном станковая. Ее можно разделить по назначению: на столовую, кухонную и тарную; по способу отделки: на поливную и неполивную. Наиболее многочисленные – котлы, форма их стандартная, тулово приплюснутое, округлое, иногда сильно утолщено дно. Венчики совершенно прямые или отогнутые наружу, ручки налепные, петлевидные.

Кувшины изготовлены на гончарном круге, но есть и лепные. По размерам корпуса, форме горловины, орнаментам выделяются два типа. Первый тип – одноручные кувшины, узкогорлые, с вытянутым желобчатым сливом и яйцевидным туловом. Горловина и плечики сосудов украшены в основном растительными мотивами.

Большой лепной кувшин высотой 48 см, диаметр дна 14 см, изготовлен из плотной глины. На ручках есть налепы в виде шишечек, на горловине располагается композиция из овальных фигур, образованных из нескольких линий, отдельных сдвоенных линий и строенных точек.

Второй тип представлен сосудами с яйцевидным туловом, узкогорлыми, но не имеющими носика-слива. Они небольших размеров, высотой 30 см, изготовлены из хорошо отмученного теста красноватого цвета. Декор сосудов составляет узкая полоса бурого ангоба с потеками на плечиках.

Поливная посуда составляет почти половину керамических находок. Основную массу находок этой группы составляют тарелки, блюда, чаши. Использовались как глухие, так и прозрачные глазури, наносившиеся, как правило, по белому ангобу.

Сосуды покрыты и прозрачной глазурью, и окрашенной в зеленоватые тона; они украшены росписью и гравированным орнаментом.

Керамический материал позволяет определить время бытования поселения Тортколь XI – началом XIII в.

Из других находок следует отметить немногочисленные поделки из железа и меди: железные пряжки, гвоздики, скобы, наконечники стрел. Интерес представляет подвеска в виде миниатюрного медного кувшинчика. Она отлита в односторонней форме, рельефная, в виде половины сосуда по оси. Такие подвески известны в материалах из раскопок Пенджикента, где датируются XII в.

Обнаружен фрагмент кашинного сосуда с рельефным изображением головы барса, а также импортная чаша, сделанная из кашина. Она покрыта прозрачной глазурью и росписью синего цвета растительно-геометрического характера.

В 2008 г. изучение этого уникального памятника было возобновлено. Организованы комплексные археологические исследования, проведены раскопочные и консервационно-реставрационные мероприятия.

Раскопки установили, что караван-сарай представляет собой сооружение, четырехугольное в плане, окруженное стенами, ширина которых достигала 4 метров. Они укреплены округлыми угловыми башнями и полубашнями в центральной части. Основной въезд на территорию караван-сарая, оформленный в виде портала-пештака, был устроен в юго-западной стене. Он вел на территорию обширного центрального двора. Дополнительный проход был устроен в северо-восточной части караван-сарая.

Внутри у стен на территории юго-западной стены караван-сарая были открыты десять помещений. Изолированная комната площадью 6-9 кв. м с суфой для ночлега имела небольшой отопительный тандыр со сквозной прорезкой для того, чтобы можно было на небольшой жар поставить и подогреть сосуд с пищей или чаем. На хозяйственной небольшой площадке около тандыра находились предметы быта, необходимые прибывшему гостю: тарелка, пиала, светильник и кувшин для воды. Каждая комната имела выход в коридор, а его двери выводили жильцов во внутренний двор. Есть комнаты с отдельным выходом. У южной стены в одной из комнат обнаружен глиняный столик на трех ножках с лежащей на нем монетой XI в.

На юго-западном участке вскрыто 11 помещений. Комнаты в северо-западной части имеют площадь по 12-14 кв. м. Они так же имеют суфы для отдыха. В каждой комнате расположен тандыр или небольшой очаг, выложенный сырцовым кирпичом.

Северо-восточная сторона включает жилые и складские помещения. Узкое, длинное помещение с одним входом в южной стене, без суфы и тандыра, могло быть складом.

Два других помещения квадратной формы имеют суфу у стены и камин. Одно помещение не имеет суфы, а в середине квадрата на естественном останце лежит большая каменная плита для колонны. В северо-восточном углу от крепостной стены проходит коридор, куда есть выходы из двух комнат.

Привлекает внимание комната с входом в восточной стене. Ее площадь 25 кв. м, вдоль крепостной стены расположена широкая суфа с отопительной системой типа кана - подпольного обогревательного дымохода. На противоположной стороне также расположена суфа. В нее встроены камин овальной формы, с невысокой нишкой в стене. В юго-западном углу сырцовым кирпичом выложен круг в один кирпич по высоте, а внутри лежат камни. В восточной стене этого же коридора были двери в складские помещения, где в хозяйственных ямах хранили зерно. Вскрыты помещения, изолированные от других, где сосредоточены хозяйственные, производственные очаги и два средней величины тандыра. Эти помещения могли быть какой-то мастерской.

Наблюдается стандартность и в изготовлении горшков для приготовления еды: один размер, один узор по тулову чаши. Котлы круглодонные, двух видов по размеру на 3-4,5 и 6 литров. Встречаются блюда и пиалы, покрытые глазурью и росписями. Были найдены фрагменты от пиалы и сосуда-водолея, изготовленные из кашинной глины и покрытые голубой глазурью. Эти дорогостоящие предметы привезены из Ирана. Найдены два фрагмента от пиал, на которых почерком куфи были нанесены надписи. По технике изготовления и глазури их могли привезти из Самарканда.

По материалам раскопок выполнена полная реконструкция каравансарая и он превращен в объект туризма.¹³⁰

Монетные дворы казахстанских городов и денежное обращение

Крупные города в IX-X вв. были центрами внутриобластной, межобластной, а также и международной торговли. Для купли и продажи использовались монеты. В государстве Саманидов был регулярным чекан серебряных дирхемов, на которых арабским почерком куфи приводятся выпускные сведения. Эти серебряные дирхемы выполняли функцию мировых денег. Об этом свидетельствуют находки этих монет далеко за пределами Средней Азии - в Восточной Европе, в Прибалтике, а также в Скандинавских странах.

Главным средством обращения в Мавераннахре и на юге Казахстана в IX-XI вв. наряду с саманидскими монетами были дирхемы трех видов - мусейяби, мухаммади и гитрифи. На их лицевой стороне изображен бюст государя с разными атрибутами власти и надписями; на оборотной - священный жертвенник с огнем и стражей. В нумизматической литературе их называют условно «бухархудатскими» монетами, а также «черными дирхемами».¹³¹

Монеты чеканены от имени саманидского эмира Насра II б. Ахмада (301/914 - 331/943 гг.). Фараб входил в состав Испиджабской области, которая уже в 40-х годах IX в. была завоевана Саманидами, так как они придавали большое значение безопасности своих северных и восточных границ.

При раскопках Отрара, Куйрыктобе, Мардан-Куика и других памятников юга Казахстана найдены саманидские фельсы, чеканенные в Самарканде, Бухаре, Шаше, Испиджабе и Фарабе с начала X – XI в.¹³²

Собственный чекан в Испиджабе и Фарабе отражает качественные изменения в экономике этих двух областей, свидетельствует о расширении торговли, требующей увеличения количества средств обращения. Кроме того, чекан медных монет в Фарабе и Испиджабе от имени саманидского правителя Насра II б. Ахмада являлся как бы политической акцией, демонстрирующей вхождение этих областей в состав Саманидского государства.

Бухархудатские монеты всех трех типов встречаются в южно-казахстанских городах и находятся в денежном обращении в XII-XIII вв.

Саманидский чекан Фараба 310/922-923 г. был впервые выявлен Е.А. Давидович в составе клада монет, найденных в Самарканде в 1967 г.¹³³

Б.Д. Кочнев, исследуя частные вопросы саманидской нумизматики, выявил нелегальную фальсификацию саманидских фельсов от имени Мансура б. Нуха и Исмаила б. Ахмада в X в. Он считает, что в Средней Азии при Саманидах фальсифицировались не только фельсы, но и дирхемы. Им также были обнаружены испиджабские фельсы с упоминанием Саманида Нуха б. Мансура 995-996 г.¹³⁴

Монеты чекана Фараба и Испиджаба свидетельствуют о том, что эти владения входили в состав государства Саманидов на правах вассальных.

В середине X в. на территории Жетысу и части Восточного Туркестана возникло Караханидское государство, вобравшее в себя многие социальные институты предшествующих ему государственных образований. Основанное на системе уделов, оно состояло из восточного и западного владений - Восточного и Западного каганатов.

При археологических раскопках Отрара, Куйрыктобе, Испиджаба, Тараза, Талгара, Актобе были найдены в большом количестве караханидские монеты XI-XII вв. К числу интересных находок относятся монеты, выпущенные от имени караханида Сулеймана б. Дауда, найденные в разных местах - в Жетысу, Фергане и Средней Азии. Есть предположение, что местом их выпуска был средневековый Тальхир (Талхиз) - городище Талгар.¹³⁵

В XI-XII вв. действовал ряд монетных дворов - Баласагун (по монетам Куз-Орду и Кара-Орду), Орду, Тараз, Барсхан и Фараб. Монеты последнего были обнаружены Б.Д. Кочневым в кладе, найденном на территории средневекового Тараза. Монеты Фараба – медные посеребренные дирхемы двух разных достоинств.¹³⁶

Монеты Фараба распадаются на 4 типа, выпущенные от имени одного правителя с титулом ал-Хакан ал-Адил Шамс ад-Дунья ва-д-Дин Кутлуг Билга-хакан. В круговой надписи на оборотной стороне монет первого типа приведено также его мусульманское имя с куньей по отцу Хасан б. Абд ал-Халик. Выпускные сведения сохранились плохо, однако

дирхемы Фараба первого типа оказались в составе Керминского клада, найденного в долине Заравшана и состоящего в основном из монет, чеканенных в Самарканде в пределах 560/1164-1165 г. - 568/1172-1173 г. Это позволило предположить Б.Д. Кочневу, что не позднее последней должна быть и дата дирхемов Фараба. Для дирхемов второго типа хронологической ориентировкой является упоминание халифа Насира, правившего в 575-622/1180-1225 гг., поскольку в 607 г.х. в Фарабе чеканит свои монеты хорезмшах Мухаммад б. Текеш, завоевавший к этому времени Фарабский удел. Б.Д. Кочнев установил, что дирхемы второго типа могли выпускаться в 596/1199-1200 г. или 597/1200-1201 г., а также; возможно, в 603/1206-1207 г. Выпускные сведения на монетах третьего типа не сохранились.

Монеты четвертого типа, по мнению Б.Д. Кочнева, выпускались в 588/1192 или 598/1201 г. Таким образом, можно предположить, что выпуск караханидских медных посеребренных дирхемов Фараба начался, видимо, в 60-х годах XII в. и продолжался, по крайней мере, до 603/1206-1207, а может быть до 607/1210-1211 г., когда Караханиды утратили власть над областью Отрар. Чеканка этих монет и наличие среди них дирхемов двух достоинств свидетельствуют о том, что внутриобластная торговля Фараба во второй половине XII – начале XIII в. была весьма развита и обеспечивалась собственными средствами обращения. В политическом отношении Фарабский удел представлял собой самостоятельное владение, управлявшееся собственными ханами из дома Караханидов.

В коллекции караханидских монет Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа Б.Д. Кочнев обнаружил дирхемы города Будухкета, который, по сведениям письменных источников (Истахри, ал-Макдиси, Ибн Хордадбех и Кудама), находился в области Испиджаб.¹³⁷ Дирхемы содержат имена трех правителей и таким образом свидетельствуют о трехступенчатой феодальной иерархии. Две верхние ступени занимают Арслан-хан Мансур б. Али - верховный правитель во всех среднеазиатских владениях Караханидов и его племянник Атим-тегин, владетель всей области Испиджаб. Третье имя Абд ал-Малик принадлежит правителю Будухкета.

Б.Д. Кочнев четко прослеживает бесперебойную работу монетного двора Испиджаба с 392/1001-1002 по 412/1021-1022 гг., показывающую значение области Испиджаба в первой половине XI в. как крупного политического и финансово-экономического удела, внутри которого еще существовал маленький удел с собственным чеканом.

В.Д. Кочнев открыл также новые монетные дворы XI в., к числу которых относится чекан Баласагуна - столицы караханидского удела, которая фигурировала на монетах под названием Куз-Орду. В составе клада серебряных караханидских дирхемов из Жамбыла Б.Д. Кочневым был обнаружен дирхем, чеканенный в Баласагуне в 404/1013-1014 г. от имени Кутб ад-Даула Ахмада б. Али.¹³⁸

Исследуя монетный клад из Беловодска (Жетысу), Б.Д. Кочнев выявил монетный двор г. Барсхана, находившегося на южном берегу Иссык-Куля.

Монеты Барсхана показывают, что они выпускались довольно длительное время и были медные, посеребренные и серебряные. Это свидетельствует о высоком уровне товарно-денежных отношений, связанных с благополучным состоянием самого города.¹³⁹

Важным горнорудным районом в первой половине XI в. была область Шелджи, расположенная в верхнем течении Таласа. Первую монету, дирхем 413/1022-1023 г., выпущенную в Шелджи, опубликовал М.Н. Федоров.¹⁴⁰

Б.Д. Кочневу удалось выявить еще один аналогичный дирхем из Тойтубинского клада 1968 г. и еще две неизданные монеты из Шельджи и Кульятинского клада.

Проставленный на обратной стороне этих монет, выпущенных в Шельджи в 414/1023-1024 г., лакаб Самсам ад-Даула вообще не был зафиксирован у Караханидов и соответственно неизвестна была его принадлежность.

По данным Б.Д. Кочнева, этот лакаб принадлежал Йаган-тегину, который на дирхеме Шелджи 413/1022-1023 г. назван Йусуфом б. Мансуром. Кроме этой монеты, Б.Д. Кочнев опубликовал еще один дирхем Шелджи чекана 432/1040-1041 г. Он был выпущен сыном Йусуфа б. Мансура Мухаммедом б. Йусуфом, которому в 20-40-х гг. XI в. принадлежали Тараз, Чач, Тункет, Наукат, Ходженд, Шелджи и Дахкет.

Наличие монет Шелджи с тремя датами 413, 414, и 432 гг. х. - важный показатель значимости данной области при Караханидах.¹⁴¹ В северных областях Средней Азии, где число монетных дворов заметно сократилось, в Жетысу монетный чекан почти прекратился, даже монетный двор столицы Восточно-Караханидского каганата Куз-Орду (Баласагун) перестал функционировать.

При раскопках городища Актобе был найден клад медных караханидских монет. На одной из монет удалось прочесть название медного двора «город ал-Кадирийя».

К сожалению, сохранность монет клада плохая и надписи нечитабельны. Эти находки позволяют определить еще один монетный двор, в городе Кадирий, который, возможно, находился на месте городища Актобе.¹⁴²

В хронологии караханидских правителей Мавераннахра и Ферганы конца XI - первой половины XII в. по сей день немало белых пятен и неясностей из-за отсутствия достаточного для решения этих вопросов количества монет. Клады этого времени редки и невелики по размерам, тогда как клады ранних и позднекараханидских монет встречаются очень часто и насчитывают сотни и даже тысячи экземпляров. Из всего этого делается вывод, что на втором этапе (т. е. со второй половины XI в. и первой половине XII в.) резко возросла роль натурального обмена;

в Жетысу он приобрел даже преобладающий характер в повседневной торговле вплоть до монгольского завоевания.

Посеребрение медных монет наблюдается в денежном обращении Средней Азии и юга Казахстана и в последующее время, в период правления хорезмшаха Ануштегинида Мухаммеда ибн Текеша (1200-1220).

К концу второго десятилетия XIII в. государство Хорезмшахов сильно разрослось: кроме Хорезма, Мавераннахра, юга Казахстана в него входила территория нынешнего Афганистана и большая часть Ирана. Денежное обращение при Мухаммеде ибн Текеше было развитым. Его монеты встречаются по всей Средней Азии, монетные дворы работали в Бухаре, Самарканде, Термезе, Вахше, Чаганиане, Узгенде, Маргиане и казахстанском Яссы.

Рассматривая обильный чекан золотых монет Мухаммеда б. Текеша, который осуществлялся на многих среднеазиатских монетных дворах, Е.А. Давидович считает, что золото в IX-XIII вв., хотя и обрело все время монетную форму, но, по существу, не получило штучного обращения и шло на вес. Поэтому золотые монеты ломали, чекан гарантировал только их пробу.¹⁴³

Медные монеты были опубликованы в 1978 г. К.М. Байпаковым и В.Н. Настичем, затем в восточной коллекции Гос. Эрмитажа В.Н. Настич обнаружил две серебряные монеты Мухаммеда ибн Текеша, выпущенные в г. Яссы.¹⁴⁴

Таким образом, в число монетных дворов, действующих в начале XIII в., был включен и Яссы, ранее неизвестный по публикациям. Бытование этого города письменные источники относили к XIV в., монеты же Яссы указывают на существование населенного пункта с таким названием еще в домонгольскую эпоху, хотя эти монеты Мухаммеда и не имеют дат.

В.Н. Настич предполагает, что они были выпущены около 1210 г., когда Фарабский округ, куда входил в то время Яссы, был подчинен хорезмшаху.

В честь этого события Хорезмшахом Мухаммедом были отчеканены монеты не только в Яссы, но и в Отраре. Это были крупные медные посеребренные дирхемы 607/1210-1211 г.¹⁴⁵

Медные дирхемы Отрара с именем Мухаммеда б. Текеша 613/1216-1217 г. и 614/1217-1218 г. с наименованием монетного двора Утtrar, имевшие меньший размер и более краткий номинал, показывают, что хорезмшах придавал большое значение денежному хозяйству Отрара перед нашествием монголов. Монетная эмиссия Мухаммеда б. Текеша в городах присырдарьинского региона была не только политической акцией, декларирующей вхождение этого важного стратегического района в состав мусульманского государства Ануштегинидов, но и носила религиозно-идеологический характер, так как в г. Яссы находилась могила известного в мусульманском мире суфийского проповедника Ходжа Ахмеда, умершего в 652/1166-1167 г.

Меры веса

С принятием ислама территория Казахстана стала частью исламского мира и оказалась в сфере влияния мусульманской системы измерения товаров.

Специфической особенностью этой системы являлось различие цифровых значений одних и тех же мер в зависимости от места их применения.

Интересные находки были сделаны при раскопках городища Каратобе (Саурана) в культурном слое начала XIII в.¹⁴⁶ Это бронзовые чашечки от весов, диаметром 60 мм и высотой стенок 12 мм. На донце чашечек выгравированы розетки. С ними вместе находились две бронзовые граненые гирьки, они лежали в деревянном футляре.

При раскопках городища Талгар в слое, датированном концом X – началом XIII в. найдены гирьки, сделанные из железа и бронзы.

В качестве основного источника для изучения применения мер веса была использована коллекция гирь-разновесок с городища Талгар (X-XIII вв.),¹⁴⁷ состоящая из 15 экземпляров. Двенадцать из них имели форму кубика или близкую к нему, три представляли собой многогранники. В качестве сырья использовалось железо или сырцовая сталь. Оформление граней их произведено режущим инструментом.

Одна хорошо сохранившаяся гиря была отлита из бронзы в виде десятигранника. Коллекция гирь дала возможность определить принятые в то время в торговле меры веса.

В серии изученных разновесок самая мелкая гирька весит 2,85 грамма, первоначальный ее вес составлял 3,5 грамма. Это значение соответствует мусульманской мелкой единице веса товаров - «весовому дирхему».

Как известно, на Востоке существовало несколько значений дирхемов. Вес канонического, или стандартного, дирхема составлял 3,12 граммов. На сопредельной территории Средней Азии с X века известны дирхемы в 3,18; 3,36 и 3,5 грамма, исходя из веса составляющих мискалей (вес указанных дирхемов равен 7/10 мискаля в 4,55; 4,8 и 5 граммов).¹⁴⁸ Если исходить из того, что на территории Жетысу в употреблении находился мискаль в 5 граммов, то в данном случае мы имеем дело, скорее всего, с дирхемом в 3,5 грамма.

Вторая по величине гирька весит 5 граммов. Ее сопоставление с мусульманскими мерами показывает, что вес гирьки соответствует бухаро-самаркандскому мискалю в 5 граммов. Пятиграммовый мискаль известен в позднесредневековой Бухаре, но, по мнению Е.А. Давидович, он значительно более раннего происхождения.¹⁴⁹

Третья гирька размером 12x12x14 мм весит 8,95 грамма. Поверхность металла подверглась коррозии и разрушена. В соответствии с объемом коррозированного и утраченного металла реконструируемый вес составляет 10 граммов. Соответственно, с переводом на мусульманскую систему мер вес гирьки равен двум бухаро-самаркандским мискалям по 5 граммов.

Четвертая гирька размером 15x15x15 мм весит 16,2 грамма. Углы и грани частично коррозированы.

В соответствии с объемом коррозированного и утраченного металла реконструируемый вес составляет 20 граммов, что сопоставимо с четырьмя бухаро-самаркандскими мискалями.

Пятая гирька весит 25 граммов или 5 бухаро-самаркандских мискалей.

Шестая гирька весит 28,3 грамма. С учетом веса коррозированного и утраченного металла ее реконструируемый вес составляет 30 граммов, что соответствует шести бухаро-самаркандским мискалям.

Седьмая гирька весит 27,25 грамма. Реконструируемый вес - 30 граммов, что составляет шесть бухаро-самаркандских мискалей.

Восьмая гирька весит 47 граммов. Плоскости граней коррозированы, часть металла утрачена. Реконструируемый вес составляет 50 граммов. В соответствии с мусульманскими мерами вес гири равен 10 бухаро-самаркандским мискалям.

Девятая гирька хорошей сохранности весит 50 граммов, или, соответственно, 10 бухаро-самаркандских мискалей.

Десятая гирька весит 132,85 грамма. Реконструируемый первоначальный вес гири - 135 граммов, в переводе на мусульманские меры веса - 27 бухаро-самаркандских мискалей.

Одиннадцатая гирька весит 213 граммов.

Реконструируемый вес гири - 220 граммов, что соответствует 44 бухаро-самаркандским мискалям.

Двенадцатая гирька хорошей сохранности весит 290 граммов, или в переводе на мусульманские меры 58 бухаро-самаркандских мискалей.

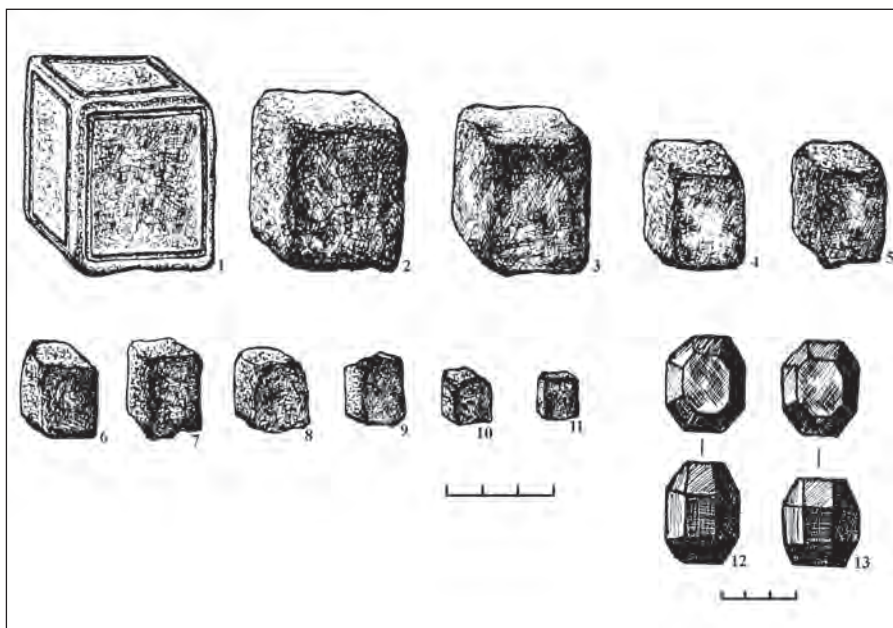

Рис. 184. Железные гири из городища Талгар

Две гири в изученной коллекции выполнены в форме двадцатигранника, лишь немного отличаются размерами. Одна из гирь весит 110 граммов, или 22 бухаро-самаркандских мискаля, вторая - 135 граммов, или 27 бухаро-самаркандских мискалей.

Бронзовая гиря отлита в форме десятигранника. Гиря клейменная. Вес гири с большой степенью точности составляет 40 граммов, что соответствует 8 бухаро-самаркандским пятиграммовым мискалям.

Анализ представленных весовых единиц свидетельствует, что, за исключением дирхема, рассмотренные гири являются кратными пятиграммового мискаля и все они относятся к единицам «малого веса».

Таким образом, пятиграммовый мискаль составляет основу рассмотренных весовых единиц.

По известным материалам, из единиц «малого веса» в позднесредневековой Бухаре «мискаль» употреблялся для взвешивания драгоценных металлов, камней, изделий из них, другие единицы «малого веса» отмечены у кокандских торговцев мясом, свечами, мукой и фруктами в XIX веке.¹⁵⁰

Помимо торговли, гири «малого веса» широко использовались в ремесленных производствах: в черной и цветной металлургии - для взвешивания легирующих материалов в ходе получения литой стали, бронзы, латуни, металлического припоя; в стеклоделии - при составлении шихты; в керамическом производстве - для отмеривания составных частей глазури; в кожевенном производстве - при получении дубильных и красящих веществ.

В качестве иллюстрации можно привести небольшую выдержку из трактата по минералогии аль-Бируни, содержащую часть рецепта приготовления литой стали: «Когда печь будет уже зажжена, приготовь мешочки, в которых должен быть ихлиладж (мироблан), корки фаната, соль теста и жемчужные раковины, всего поровну и в раздробленном виде, в каждом мешочке по сорок дирхемов» (124,8 фамма).¹⁵¹

Или рецепт составления глазури лазурного цвета, изложенный Тифлиси (XII век) в «Описании ремесел»: «Пусть возьмет два дирхема марганца и по столько же киновари и красного мышьяка, два данника медной окалины, два с половиной данника желтой серы и один дирхем пережженного серебра. Все это пусть растирает с уксусом, пока не станет как мазь, и обмажет этим глазурированный предмет, и прокаливает над огнем...».¹⁵²

В торговой и ремесленной практике помимо гирь «малого веса» широко использовались мерные единицы «большого веса». Отсутствие мерных единиц отмеченной номенклатуры веса в археологических коллекциях можно восполнить некоторыми данными, полученными при изучении продукции металлостроителей-кузнецов, чугунолитейщиков, металлургов.

Анализ археологического материала показывает, что на рынке продукция металлостроителей-ремесленников могла продаваться как поштучно, так и на вес. При продаже ряда категорий изделий, например топоров, мотыг, литых и кованых наконечников плуга, учитывался усредненный вес металла, затраченный на производство вещи и определявший ее цену.

В целях указания весовых различий товара могли использовать такие наименования, как «большой», «малый» или «средний». Подтверждением этому служат результаты лабораторного взвешивания железных топоров - одной из самых распространенных категорий кузнечных изделий.

Установленные показатели веса находок (1,4; 1,6; 1,9; 2 килограмма) позволяют выделить в их числе «топоры малые», «топоры средние», «топоры большие».

К весовому товару с большей долей уверенности можно отнести железные крицы и отдельные виды полуфабриката - бруски прокованного железа и бруски цементованного железа. Вес крицы, получаемой в ходе плавки железной руды, обуславливался различными факторами и не мог быть заранее определен металлургом. Лабораторное взвешивание 12 экземпляров криц показало, что вес их колеблется от 3,5 до 8 килограммов. Разные весовые величины установлены и у брусков полуфабриката - 1; 1,3; 1,4; 1,5; 1,7; 2,1 килограмма.

Согласно сообщениям аль-Бируни, на Востоке вес металла мог измеряться в маннах, а железное сырье - в ратлях.¹⁵³

Выяснить размер используемого манна в настоящее время не представляется возможным.

Причина заключается в том, что на практике размеры маннов различались не только по городам и областям, но даже на рынках одного города не исключалась возможность существования разных маннов, использовавшихся для взвешивания отдельных товаров.¹⁵⁴ Манн канонический равнялся 2 ратлям по 130 дирхемов, что соответствует весу в 812,5 граммов, при этом вес канонического ратля составлял 406,25 граммов.¹⁵⁵ Следовательно, весовое соотношение манна к ратлю равно 1:2. Находка гири в 135 граммов, практически составляющей данг (1/6 часть) от манна в 812,5 грамма, позволяет с некоторой долей уверенности предположить употребление канонического манна в качестве меры веса в городах Северо-восточного Жетысу. Измерение железных криц показывает, что их вес колеблется от 4,43 до 9,84 манна, а взвешивание железного полуфабриката ратлем - от 2,46 до 5,16 ратля.

Таким образом, изученная коллекция гирь представляет собой дробные мерные единицы «малого веса», входившие в общую номенклатуру весовых единиц на территории Северо-восточного Жетысу. Наличие развитой системы мер веса свидетельствует о сформировавшихся устойчивых условиях торговли средневекового города. Представленные в коллекции гирь реальные меры веса дают возможность легко переводить их из метрической системы в мусульманскую систему мер веса.

Некоторые черты городской жизни

Театрализованные представления. При раскопках городища Куйрыктобе в Отрарском оазисе, отождествленного со столицей округа Отрар-Фараб в X-XI вв. городом Кедером, были сделаны интересные находки.

Среди них следует отметить маску из обожженной глины, найденную в одном из домов. Дом, как удалось установить, был построен в IX-X вв. и с перестройками, ремонтами существовал до середины XIII в. Стены его надстраивались, утолщались за счет прикладов, полы последовательно поднимались вверх вместе с ростом культурного слоя. Основных строительных периодов было три: первая половина IX – X в.; X-XI вв. и XII – первая половина XIII в. Последний период жизни датируется находкой клада медных посеребренных дирхемов, чеканенных в Отраре в 50-х годах XIII в. Клад был найден в углублении у стены под полом. Строительный горизонт X-XI вв. датируется на основании находки двух медных монет в чираге, покрытом зеленой поливой. Монеты принадлежат чекану караханидов. Выпущены они во второй четверти XI века в Фергане, на одной из них читается имя Джелал-ад-дина.¹⁵⁶ Этой датировке не противоречит комплекс керамики, в том числе и поливной, найденной в мусорных ямах, начинавшихся с уровня пола.

По нижнему строительному горизонту дом прекрасно сохранился, высота его стен достигает 0,5-2,2 м. Он насчитывает три помещения, вытянутых по длинной оси. Вход в дом вел с улочки, проходившей вдоль городской стены изнутри. Отрезок этой улочки объединял блок-квартал из четырех однотипных домостроений.

Описываемый дом состоял из входного помещения, большая часть которого была отгорожена стеной и превращена в кладовую. Через оставшийся узкий коридор попадали в главное помещение дома площадью 20 кв. м. Вход в него был устроен в виде тамбура и отгорожен от площади комнаты стенкой-экраном.

Вдоль четырех стен помещения была устроена суфа шириной 1 м и высотой 0,3 м. В центре располагался открытый напольный очаг, прямоугольный в плане с бортиком. Устье его оформлено двумя выступающими шишками-налепами. Один из углов рядом с входом был отгорожен стенкой - здесь находился заком, а рядом с ним – хозяйственная площадка. Перед ней - уничтоженная поздней мусорной ямой тумба, куда обычно, судя по интерьеру других помещений, вмазывался тандыр.

Проход из комнаты, устроенный в углу стены, расположенной напротив входа, вел в прямоугольное помещение площадью 12 кв. м, выполнявшее, видимо, роль кладовой. Такая планировка в основном сохранилась и в более позднее время, но в XI в. комната-кладовая уже не входила в состав дома.

Маска, найденная в доме на полу (X-XI вв.), представляет собой овальной формы слегка выпуклый предмет высотой 20 и шириной 12 см. Толщина стенки - 3 см. На внутренней стороне видны следы формовки пальцами. Снаружи маска покрыта красным ангобом. В ней прорезаны «глаза» в виде узких щелок и рот. Горбатый нос и брови даны выступами, уши - налестками.

Маска, скорее всего, является атрибутом в неких зрелищных действиях.

Как известно, история зрелищных представлений в Средней Азии уходит в эпоху античности, и с III в. до н. э. здесь существовал театр «Масхара» (от греческого «ο ... маскарас»).¹⁵⁷ Дальнейшее развитие театр получает в эпоху Парфянского и Кушанского государств. О характере представлений можно судить по трудам Плутарха, который, описывая празднества, происходившие при дворе армянского царя Артавазда, когда там находился парфянский «царь царей» Ород, сообщает о постановке «Вакханок» Еврипида. Видимо, аналогичные спектакли ставились и в резиденциях парфянской знати.¹⁵⁸ Известно, что в Кушанскую эпоху развивается драма, в сохранившихся надписях упоминаются актеры, некоторые из них, возможно, были буддистами.¹⁵⁹

Изображения актеров известны в древних памятниках изобразительного искусства.

К рубежу нашей эры относится постройка дворца в Халчаяне, богато украшенного пластическими композициями. Скульптуры изображали представителей первых кушан из рода Герая. Интересен фриз с изображениями участников театральных действий - девочек-танцовщиц, ряженных скоморохов, музыкантов, сатиров. Образы фриза пронизаны духом эллинизма, являя «своеобразное преломление вакхической сцены на бактрийской почве».¹⁶⁰ Зал «танцующих масок» был открыт в дворцовом комплексе Топрак-калы в первый период его существования во второй половине II – III в. н. э.¹⁶¹ В числе барельефов на стенах зала, изображавших танцоров, были ряженные мужчины.

По мнению С.П. Толстова, «зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера».¹⁶²

Некоторые исследователи, присоединяясь к мнению С.П. Толстова, связывают изображенные ритуальные действия с сакскими вакхическими праздниками.¹⁶³ Среди терракотовых фигурок и наделов, найденных на городище Афрасиаб и относящихся к первой половине I в. н. э., имеются изображения комедийных актеров или масок «сатиров».¹⁶⁴

В раннем средневековье (VI - IX вв.) искусство театра и зрелищных развлечений получило широкое развитие в историко-культурных областях Средней Азии и Южного Казахстана. Письменные источники сообщают о высоком искусстве музыкантов и танцоров из Бухары, Самарканда и Чача. Не меньшей популярностью пользовались выступления акробатов и фокусников. В танском Китае, особенно в VIII в., славились актеры из Бухары, флейтисты из Самарканда, габоисты из Хотана, танцоры из Ташкента.¹⁶⁵

Много иноземных исполнителей попадало в Китай в качестве подарков, торговых сделок, были и вольные музыканты, представители различных видов исполнительских искусств.

Из всех артистов Средней Азии наибольшей популярностью пользовались танцоры – юноши и девушки. Представления подразделялись на две группы – «гибкие» танцы и «энергичные» танцы. Вторые были более любимыми. Один из них – «западный скачущий танец» – обычно исполнялся мальчиками из Ташкента, одетыми в блузы иранского образца и высокие остроконечные шапки, обшитые бусами. Они

были подпоясаны длинными кушаками, концы которых развевались во время исполнения танцевальных движений. «Танец Чача» исполняли две юные девушки в газовых халатах, украшенных многоцветной вышивкой с серебряными поясами. На них были рубашки с узкими рукавами и остроконечные шапки с золотыми колокольчиками, а на ногах красные парчовые туфли. Танцоры исполняли также танец «Девы с Запада, кружившиеся в вихре». Согдийские девушки, облаченные в алые платья и зеленые шаровары, обутые в сапожки из красной замши скакали, передвигаясь прыжками, и вращались, стоя на шарах.¹⁶⁶

Большой интерес представляет коллекция терракот танского времени из Китая, изображающая комических актеров, танцоров, актеров в масках, танцовщиц, акробатов. Судя по физическому облику, многие из этих фигурок изображают представителей народов Средней Азии.¹⁶⁷

Изображения актеров дошли до нас в терракоте, налехах, рельефе. На многих согдийских и некоторых мервских оссуариях имеются наклепные головки, возможно, соответствующие рельефным

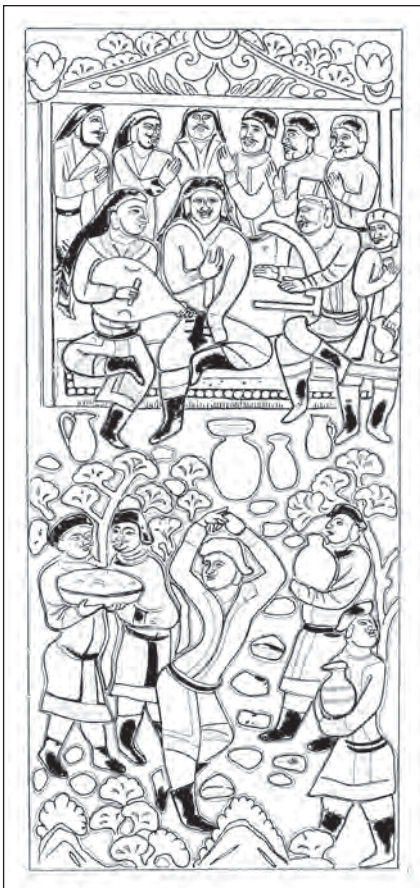

Рис. 185. Прием Аньэзя тюркского канана

Рис. 186. Прием Аньэзя знатного тюрка

маскаронам, входившим в оформление наусов. Видимо, это образы скорбящих.

На одном из самаркандских оссуариев в нишах оттиснуты изображения юношей, играющих на лире с маской у ног. Вероятно, это образ «Поющего Аполлона-Мусагета», или «Умирающего Александра». ¹⁶⁸ Театрализованное представление людей с масками и животными, в числе которых были коза и павлин, изображено в одной из стенных росписей Пенджикента. ¹⁶⁹

Письменные источники сообщают о бухарских музыкантах и декламаторах, исполнявших «плачи магов» о жизни и смерти Сиявуша. ¹⁷⁰

Арабское завоевание Средней Азии и Южного Казахстана, распространение ислама не уничтожили древние традиции и культы, а также и празднества с участием зрелищных представлений. Они продолжали существовать повсеместно.

Как отмечает А. Мец, мусульмане наряду со своими, справляли и христианские праздники, которые в сущности своей были отражением гораздо более древних обычаев. Так, в Египте христианский праздник шествия к темнице Иосифа близ Джиды отмечался и мусульманами.

В этот день устраивались всевозможные развлечения. Представлялись мимические сцены и теневой театр. Уличные актеры, например, включали в свой репертуар подражание голосам и жестам евнухов.

Доисламский Новый год - начало солнечного года - отмечался всюду празднествами со взаимными подарками. В Багдаде давали представления в масках даже перед самим халифом. ¹⁷¹

Традиция зрелищных представлений с участием актеров в масках продолжалась и в позднем средневековье. При Тимуре в его столице Самарканде устраивались празднества с участием музыкантов, танцоров и танцовщиц, комедиантов. Театрализованные празднества происходили на дворцовых площадях или в пригородной части. В сочинениях Шереф ад-Дина Али Йезди, Ибн Арабшаха, Клавихо имеются красочные описания празднеств и карнавалов, проводившихся в Самарканде. Изображения комических актеров в масках встречены на миниатюрах XV-XVII вв. ¹⁷² Народные представления с участием актеров сохранялись в Средней Азии до недавнего прошлого. О спектаклях под открытым небом в Ташкенте в начале нынешнего века сообщают очевидцы, бывшие на такого рода представлениях. ¹⁷³

Находка керамической маски в одном из городских домов Кедера свидетельствует о том, что представления актеров в масках проходили и в городах Средней Сырдарьи, в частности, в городах округа Отрар-Фараб. Возможно, что дом, где была обнаружена маска, принадлежал актеру – человеку, связанному со зрелищным искусством. Видимо, о таких людях писал Алишер Навои: «Приклеив себе бороду, он (масхара) заставляет смеяться публику. И борода его вызывает смех. И чтобы показать себя еще более смешным, на голову надевает обезьяноподобную бурку, с которой приходит к публике для того, чтобы рассмешить ее, но публика смеется не только из-за его бурки». ¹⁷⁴

Кстати, в Хорезме еще в начале XX в. сохранялись обряды ржания в козлиные шкуры и рога.¹⁷⁵

Как уже отмечалось, зрелищные и театральные представления имеют древние традиции, восходящие к эпохе античности, и были зачастую связаны с вакхическими празднествами. В связи с этим приобретает интерес находка в этом же доме обломка горла краснолощеного сосуда для вина. Горло его сделано в виде головы демона с козлиной бородой и рогами, большими ушами. Глаза процарапаны, вытянутые трубочкой губы выполняли роль слива. Возможно, этот оригинальный сосуд использовался и как маска в качестве реквизита представлений.

Находки из раскопок Кедера проливают свет на некоторые черты жизни и быта горожан средневекового Казахстана.

Шахматы в Тальхире. О первых находках шахмат в Тальхире сообщается в статье И.И. Копылова. Шесть шахматных фигур были найдены им на городище «Талгар» в домовладениях. Фигуры выточены из слоновой кости на станке. Три шахматные фигуры имеют шарообразную форму. Шары опираются на обрезанную коническую подставку. Сверху на двух шарах сохранились полусферические выступы. У первой фигуры ниже головки прочерчены три бороздки. И.И. Копылов предположил, что эти фигуры обозначают короля и двух ферзей, так как аналогичные полусферические головки помещались на восточных (арабских) фигурах короля и ферзя VII-IX веков. Две другие шахматные фигуры так же, как и восточные (арабские) шахматные фигуры - конь и пешка VII-IX веков, сделаны в виде сужающегося кверху цилиндра. Верхняя часть фигур округлая, а на вершине, как у двух первых, выточена полусферическая головка. У одной фигуры ниже головки прочерчены две концентрические резные линии. По конфигурации, размерам и орнаментальному оформлению полусферической головки резными линиями было отмечено сходство с цилиндрическими шахматными фигурами X-XII веков из Хульбука. По мнению И.И. Копылова, эти фигуры изображают коня. Шестая фигура также определена И.И. Копыловым как изображение коня. Она выполнена в виде слегка сужающегося цилиндра. В верхней части выточен выступ клиновидной формы, как бы врезанный в цилиндр. На плоскости сверху – прорезной орнамент.¹⁷⁶

В последние годы найдены еще несколько шахматных фигурок, аналогичных обнаруженным ранее.

Большинство исследователей склоняется к тому, что начало игре было положено в Индии. Иранские историки приводили факты в пользу персидского происхождения подобных игр, проникших затем в Греко-Бактрийское царство (Северо-Западную Индию). Английский востоковед Г. Мэррей датирует появление шахмат в Индии 570 годом нашей эры, затем, по его мнению, они попали в Иран.¹⁷⁷

Большинство исследователей считают, что родиной шахмат была Индия. Сасанидский Иран стал «связующим культурным мостом между Индией и арабо-европейским Западом». Персы перевели с санскрита

на среднеперсидский язык (пехлеви) некоторые известные литературные произведения, вывезенные ими из Индии, которые, в свою очередь, были переведены со среднеперсидского на арабский.

В результате ирано-индийских контактов иранцы познакомились с индийской игрой в шахматы (или протошахматы). Вскоре с ней познакомились в арабском мире, затем в Европе и России.

Название игры «шахматы» имеет арабско-персидское происхождение и восходит к персидскому «шах» (царь) и арабскому глаголу «мат(а)» (умер).¹⁷⁸

На восточной средневековой миниатюре середины XVI века «Приношение Хосрову даров из Индии» из списка «Шах-наме» Фирдоуси изображен сюжет, созданный на основе легенды, изложенной в произведении VI века «Книга о шахматах «Чатранг-намаг»», связываемой исследователями с «шахматной игрой». В сюжете повествуется о том, как индийский посол Татрагатвас, прибывший ко двору сасанидского шаха Хосрова I Ануширвана, привез богатые дары и предложил шаху заплатить дань Ирану, если кто-нибудь из мудрецов Ануширвана откроет секрет индийской игры в «шахматы». «Великий государь и царь индийский Сачидхарм ... послал шахматы (чатранг) в паре по шестнадцать фигур из изумруда и по шестнадцать фигур из красного яхонта». Если бы иранцы не смогли открыть секрет игры, то они должны были заплатить дань Индии. Шах попросил неделю на раздумье. Секрет шахматной игры разгадал везир шаха Бузургмехр (Бузург-Михр, сын Бохтака - советник сасанидского царя Хосрова (Ануширвана)), который занимался философией, астрономией, медициной. Он не только разгадал секрет шахмат, но и изобрел игру в нарды.¹⁷⁹

Вступая в спор о прародине шахматной игры, востоковед К.Е. Черевко заметил, что самое раннее из упоминаний о протошахматах содержит китайская классическая книга «Мэн-цзы» (IV в. до н. э.). По сведениям историка Бань Гу (32-92 гг. н. э.), в Южном Китае шахматы назывались «ци», а в Северном - «и». Имелось несколько разновидностей ци, среди которых - «звездные ци», где в игре подразумевались небесные тела, так же, как и в современных шахматах, проникших в Западную Европу через арабский мир. Идея игры в шахматы была перенесена из астрологии.¹⁸⁰

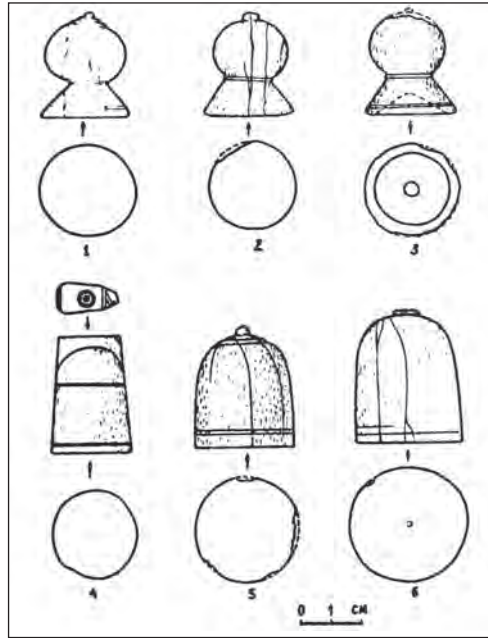

Рис. 187. Шахматные фигурки.
XII - начало XIII в.

Кроме того, известно, что шахматы проникли в Иран из Индии вместе с сочинениями известного баснописца Бидпая (или Пильная) в период царствования сасанидского царя Ануширвана Справедливого. Арабы взяли шахматную игру от персов в VII веке вместе с названием, производимым как «шитрандж».

В настоящее время в шахматной терминологии ясно различаются три языковые основы, которые принадлежат к трем разным эпохам культур или же трем отдельным культурам: индо-персидской, арабской и европейской. Анализ названий отдельных шахматных фигур позволяет отчасти проследить долгий, многовековой процесс развития игры.

Вот, например, арабские названия: аль-шах («король»), аль-фирзан (дословно «ученый, мудрец»), аль-фил («слон»), аль-фарас («всадник»), аль-рох («замок, ладья, тура») и, наконец, аль-беизак («пеший»).

Вклад арабов в развитие игры был всесторонним. Уже в 700 году встречаются первые упоминания о шахматной игре вслепую (то есть

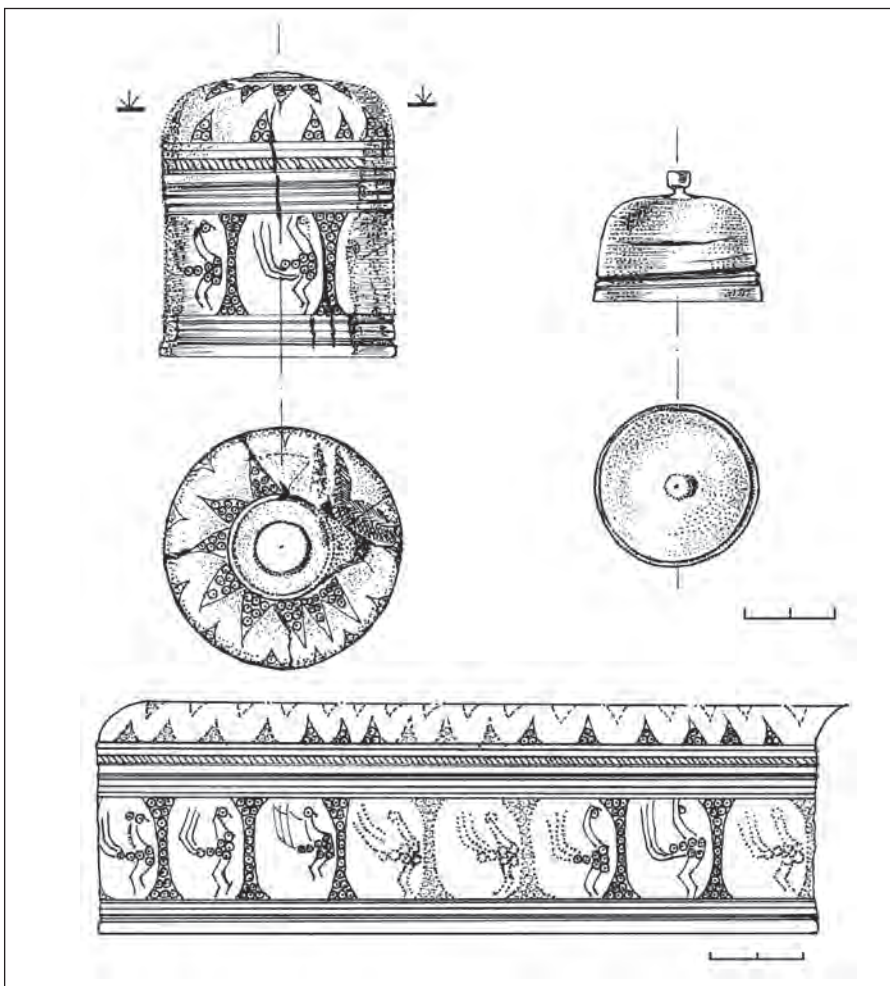

Рис. 188. Шахматная фигурка. XII - начало XIII в.

на память, не глядя на шахматную доску). С 800 года развивается шахматная проблематика, а полвека спустя аль-Адли написал первый трактат о шахматах.

Мавры переносят шахматы в Испанию, и лишь в 1010 году встречаются первые сведения о шахматах в христианском мире - в «Каталонском завещании». В действительности они были хорошо известны уже намного раньше. Во Франции шахматы находились под покровительством Карла Великого (VIII-IX вв.), который якобы получил в подарок от известного Харун-ар-Рашида прекрасные шахматы. Поэзия, которая не всегда строго придерживается фактов, говорит о том, что шахматы существовали на французских, бретонских и кельтских землях еще во времена царствования легендарного короля Артура. Сведения о шахматах встречаются в рыцарских песнях.

Другой выдающийся эпический поэт того же периода, нормандец Беруль, в песне о Тристане и Изольде (воспроизведенной впоследствии Жозефом Бедье) также упоминает о шахматах, известных в эпоху короля Артура.

В Германии шахматы распространились в X-XI веках. Так, например, в 1030-1050 годах монах Фромунд из Тегернзее создал поэму «Руодлиб», написанную на латинском языке, где имеется упоминание о шахматах.

Легенда приписывает происхождение квадратов шахматного поля в гербе Хорватии некоей шахматной партии, разыгранной в X столетии Святославом Сурипией с венецианским дожем Петром II. Ставкой было право на владение городами Далмации, и это право в результате игры досталось славянскому властелину, что и дало повод изобразить шахматы на его гербе.

Из Италии через Германию и из Испании через Францию шахматы попали в Англию. О быстром распространении и росте их популярности свидетельствует то, что многие старинные английские, германские и другие роды украшали свои гербы изображением шахматных фигур или шахматного поля.

Шахматы все больше продвигались на север. В X-XI веках они уже были известны на Скандинавском полуострове. Большой достопримечательностью являются персонифицированные шахматные фигуры XII века, сделанные скандинавами и найденные в 1831 году на острове Льюке у северного побережья Шотландии.

В России шахматы появились в VIII-IX веках, скорее всего, непосредственно с Востока, о чем свидетельствует терминология. Русский «ферзь» происходит от слова «визир». Умение играть в шахматы считалось отличительной чертой характера былинных богатырей. Так, богатырь Ставр Годинович, воспевая достоинства своей жены, говорит о ней: «Еще моя да молодая жена хорошо играет в шашки и шахматы».¹⁸¹

Средняя Азия сыграла важную роль в создании и развитии шахматной игры. Некоторые исследователи называют ее второй

родиной шахмат.

Средняя Азия фактически выступала в качестве промежуточного звена, объединяющего культурные достижения Индии и Китая. Вполне возможно, что создание шахматной игры происходило под взаимным влиянием индийской и китайской систем игры. В первых веках нашей эры буддисты Индии распространяли не только религиозные идеи, но и другие культурные достижения, среди которых игра в шахматы.¹⁸² О широком распространении шахмат в Средней Азии свидетельствуют их многочисленные находки, сделанные археологами на городищах Средней Азии.¹⁸³

Городские благоустройства

Не только и не столько письменные источники сообщают о городских благоустройствах, сколько свидетельствуют о них археологические исследования.

Раскопки в средневековых городах Казахстана установили, что улицы выложены каменными булыжниками и каменными плитами и зачастую не только магистральные.

При благоустройстве городских улиц использовался подручный материал, так в Тальхире не только две пересекающиеся центральные улицы, но и второстепенные вымощены окатанными равной величины булыжниками, взятыми из рядом расположенной реки.

Была расчищена центральная магистраль-мостовая, соединяющая западный и восточные въезды в город. Общая длина мостовой составила 300 метров, ширина - 3 и 3,5 метра. Вдоль мостовой тянулся тротуар для пешеходов. Он находился только на одной северной стороне маги-

Рис. 189. Мостовая и тротуар в Тальхире

стральной улицы. Уровень тротуара был выше уровня мостовой на 15-20 сантиметров и отделялся от нее бордюром из плотно уложенных камней.

Вдоль южной стороны магистрали проходил глиняный забор-дувал, отгораживавший жилой квартал от улицы. В нем с северной стороны были проходы, ведущие во двор жилого массива и к лавке медника.

При зачистных работах на тротуаре были найдены монеты, гвозди для подковывания лошадей, ключи, наконечники стрел, иглы, кресала,

Рис. 190. Городище Тараз. Водопровод. XI-XII вв.

обломок замка, ножи, фрагменты керамики и осколки стеклянных изделий.

Перпендикулярно центральной мостовой внутрь квартала отходила улица, поверхность которой также была вымощена камнем. Внутриквартальная улица расчищена на 21 метр в длину, ширина вымостки - около 2,5 м.¹⁸⁴

На самом перекрестке выделялся ряд крупных уплощенной формы камней, выступающих над поверхностью мостовой. Эти камни были уложены таким образом, чтобы пешеходам можно было во время дождей и паводков перейти улицу «не замочив ноги», и не мешали движению повозок. Подобные, так называемые, «висячие камни» встречены на перекрестках улиц в Помпеях, Пенджикенте и Афрасиабе.¹⁸⁵

Мостовая, как было установлено, ремонтировалась капитально не менее двух раз. Ремонт, проводившийся в XI-XII вв., был более

Рис. 191. Туалет в доме горожанина. Отрар. XII в.

тщательным – швы между камнями заполнялись не только фрагментами керамики, но и глиняным раствором. Более поздний ремонт конца XII – начала XIII в. был осуществлен без применения раствора глины.

При раскопках Тараза был открыт отрезок улицы длиной около 20 метров, подходивший к мечети Тараза (X-XI вв.), улица была вымощена крупными, подогнанными друг к другу неправильной формы каменными плитами.¹⁸⁶ Жженым кирпичом выложены площади и открытые дворы в дворцах и богатых домах. Кирпичные полы были обнаружены во дворце X – начала XIII в. на цитадели городища Оксыз на Сырдарье.

При раскопках цитадели городища Актобе Степнинское открытая перед входом в сооружение площадь вымощена кирпичами.¹⁸⁷ Размеры сохранившейся части вымостки - 240 кв. м при размере кирпича 40х40х5 см и 30х30х5 см.

Кирпичом был выложен двор в богатом доме, возможно, загородном дворце правителя Навакета, на городище Красная речка.

Водопроводы были составной частью общего благоустройства города, наряду с открытыми арыками, хаузами, колодцами. При прокладке учитывался рельеф местности, при их сооружении головная часть водопроводов была выше.

В усадьбах, которые расположены в пригородной части городов, на примыкающих к домам участкам обычно в их центре строились водохранилища-хаузы, соединяемые с источниками проточной воды. Стенки и дно хаузов зачастую облицовывались крупной галькой, покрытой поливой. Такой бассейн был обнаружен при раскопках одной из усадеб X-XII вв. в пригороде Отрара. Воду в город подавали при помощи водопроводов из глиняных труб-кубуров различного диаметра и стандартной длины 35-50 см. Узкая часть одной трубы вставлялась в широкую другой. В трубы вставлялись фильтры для очистки воды. Водопроводы зачастую «подключались» к водоотстойникам, сооружаемым у рудников и ключей, или на речках, перегороженных дамбами, протяженность водопроводов достигала 2-3 км.

Кроме того, ими использовались какие-то приборы либо навыки, позволяющие просчитать перепады на всем протяжении линий водопровода. По нитям керамического водопровода в различные районы города доставлялась питьевая вода, а также вода для городских нужд, для бань.

Водопроводы обнаружены при раскопках Отрара, Тараза, городищ Баба-Ата, Актобе, Талгара.¹⁸⁸ В Каялыке на участке 20-30 м прослеживается несколько ниток водопровода.¹⁸⁹

Плотность городской застройки в шахристанах, в центральной части города, как правило, окруженных стенами, была плотной и не предусматривала наличие зеленых посадок. Скудность населения диктовала большое внимание к санитарии и гигиене. Уже отмечалось, что в каждом доме имелись канализационные устройства, мусорные и ретирадные ямы для нечистот. Канализационные устройства-ташнау, санитарно-гигиенические узлы, там где умывались и куда сливали грязную хозяйственную воду, были обязательны в X – начале XIII в. в домах горожан.

Сточные воды выводились через отверстие в центральном кирпиче площадки ташнау в находившуюся под полом систему канализации, это были сосуды без дна, стоявшие один в другом. Через них сточные воды выводились в отстойники или уходили в водоносный слой. Устраивались и более сложные приспособления, открытые в домах Отрара и Саурана (городище Каратобе). При раскопках жилищ обнаружено два типа санитарных узлов. Первый – «место, где можно было справить

малую нужду», нечто типа писсуара. Второй тип - это устройства для «отправления нужды».

Первый тип характеризуется наличием керамической ванночки с невысокими бортиками, таза-тазара, соединенной сливом с водопоглощающим устройством, это либо поставленные друг на друга сосуды без дна, либо керамические трубы, впущенные в нижележащий культурный слой городища.

Для второго типа узлов характерно наличие керамического «унитаза-трубы», установленного впритык к ванночке, соединенной с системой водопоглощающего устройства и с ванночкой-тазаром. Унитазы изготовлены по технологии гончарных труб и внешне похожи на них. Как и гончарные трубы, они имеют на сужающемся конце «манжеты» в виде наклепного валика. Главное отличие от гончарных труб - широкий, овальный раструб вверху в виде овала и наличие отверстия или выемки для вставки слива-носика тазара. Описанные выше санитарно-гигиенические узлы находились в небольших помещениях-туалетах, расположенных в глубине домов.

К санитарно-гигиеническим атрибутам можно отнести и кумганы. Они использовались для омовения, а также для смыва нечистот из унитаза.

Найдены продолговатые эллипсовидные комочки из глины, высушенные на солнце, выполнявшие функции «туалетной бумаги».

Устройство отдельных санитарно-гигиенических помещений в составе дома характерно исключительно для караханидского периода. Появление в домах санитарно-гигиенических устройств, видимо, связано с усилением роли ислама и соблюдением горожанами установленных религией норм гигиены.

Аналогичные ванночки для умывания и «малой нужды», а также керамические унитазы, входившие в более сложный комплекс сантехнических изделий, были зафиксированы и в Саурани XI-XII вв.¹⁹⁰

Позднее, в XIII в такие устройства исчезают, их вытесняют вымощенные кирпичом площадки ташнау с водопоглощающим устройством.

Для мусора использовались колодцеобразные ямы различных диаметров и глубины.

Конечно, чистота города не была идеальной, многое зависело от почвы, на которой они стояли. Так, из письменных источников известно, что города Хорезма, где подпочвенные воды были высоки и копать глубокие ямы для мусора и отхожих мест не было возможным, не отличались чистотой.

Не славилась чистой и перенаселенная Бухара. Поэтому ее называли «отхожим местом Мавераннахра». Вода в каналах и хаузах Бухары была грязной, поскольку в нее выбрасывали мусор.¹⁹¹

Важной частью городского быта стали бани, которые появились в городах Средней Азии не ранее VIII в.¹⁹²

Есть мнение, что они пришли сюда из района Средиземноморья. Бани быстро завоевали популярность в городской среде. Первые бани

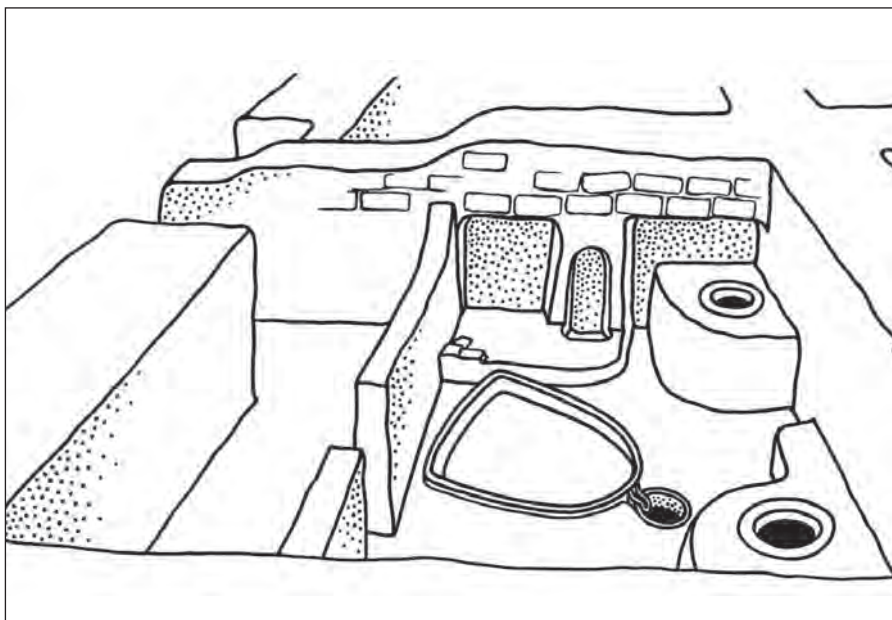

Рис. 192. Туалет в доме горожанина. Отрар. XII в.

известные по раскопам Афрасиаба, состояли из отдельных кабинок, у них еще не было системы подпольного отопления при помощи гипокауста (жаровых подпольных каналов), и лишь позднее – в XI – начале XIII в. складывается типичная для Востока баня-хаммам, с гипокаустом; крестовидная в плане, с помещениями для мытья разного температурного режима (холодные и горячие); с отводом воды в поглощающие колодцы при помощи кубуров; с топкой, где находился котел для горячей воды, которую черпали через специальные окошки или разносили в керамических тазиках.

Холодная вода подавалась по водопроводу из глиняных труб, или же черпалась из специальных резервуаров.

Бани стали наиболее популярным местом, вторым после мечети по частоте посещения. В городах было по нескольку бань, а в таких больших городах как Алеппо в Сирии и Мерв в Хорасане, их насчитывались десятки.¹⁹³

Баня – предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что «баня служила не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства игры в шахматы или нарды».¹⁹⁴ Бани являлись также своеобразными лечебными заведениями. Врач IX-X вв. Закария ар-Рази, описывая влияние бани на организм человека, рекомендовал украшать бани хорошей живописью, которая исцеляет от меланхолии и облегчает груз забот.¹⁹⁵

О популярности бани в быту свидетельствуют многочисленные ее характеристики, описания банных эпизодов, перечни своеобразных правил посещения бань.¹⁹⁶

Баню нередко использовали и в лечебных целях, как это было, например, в Эрзеруме, Бруссе и Тбилиси, где бани были возведены над лечебными источниками.¹⁹⁷ Трактат XI в., принадлежавший перу ибн Сины, содержит широкую информацию о том, какие целебные отвары и настои должны применяться в бане.¹⁹⁸ Популярность этих заведений среди городского населения была действительно огромной. Джелал Эссад писал: «Бани также необходимы мусульманину, как и мечети...».¹⁹⁹ Известно, например, что в Багдаде в первой половине X в. насчитывалось 10 тыс. бань. В ходе раскопок на Афрасиабе на небольшой территории было открыто пять бань, что, в свою очередь, дает возможность предположительно определить общее число бань, которых, возможно, было не менее шестидесяти.²⁰⁰

Быстрое распространение бань в средневековых городах определено двумя факторами: культовыми и бытовыми, предписаниями ислама (вспомним постройки «тахоратхана» при больших мечетях с отопляемыми полами, купольными и сводчатыми перекрытиями, используемыми для ритуальных омовений «тахорат»), а также широким распространением жженого кирпича. Вопрос о времени сложения крестовидного типа бань не решается однозначно. В.Л. Воронина полагала, что бани из жженого кирпича с крестовидной планировкой, со строго последовательной системой соединения помещений и градацией их температурного режима возникали в Средней Азии в XIV в., после того, как регион оправился после разрухи, вызванной монгольским нашествием.²⁰¹

Однако археологические материалы свидетельствуют об их более раннем появлении – в конце XI - XII в.²⁰² Во второй половине XIII в. и позднее, вплоть до XIX в., строились бани, продолжавшие архитектурно-планировочные традиции, сложившиеся в предшествующее время.²⁰³ Бани казахстанских городов известны по материалам раскопок, а одна сохранилась в Туркестане почти до наших дней и функционировала до середины XX в.²⁰⁴

Бани были двух типов - общественные и частные. Первые строились правителями и богатыми людьми и отдавались в пользование горожанам как богоугодные пожертвования, либо для получения прибыли. Возможно, наряду с мужскими, были бани и женские. Частные бани строили при богатых домах и дворцах, они предназначались для правителей или владельцев богатых домов, их семей, гостей, прислуги. Они были небольшими.

Бани сооружались из жженого кирпича, помещения их перекрывались куполами. Внутри устраивались ванны для мытья, стены иногда украшались водостойкими фресками. Температура в бане поддерживалась системой отопления - гипocaust. Она предусматривает наличие

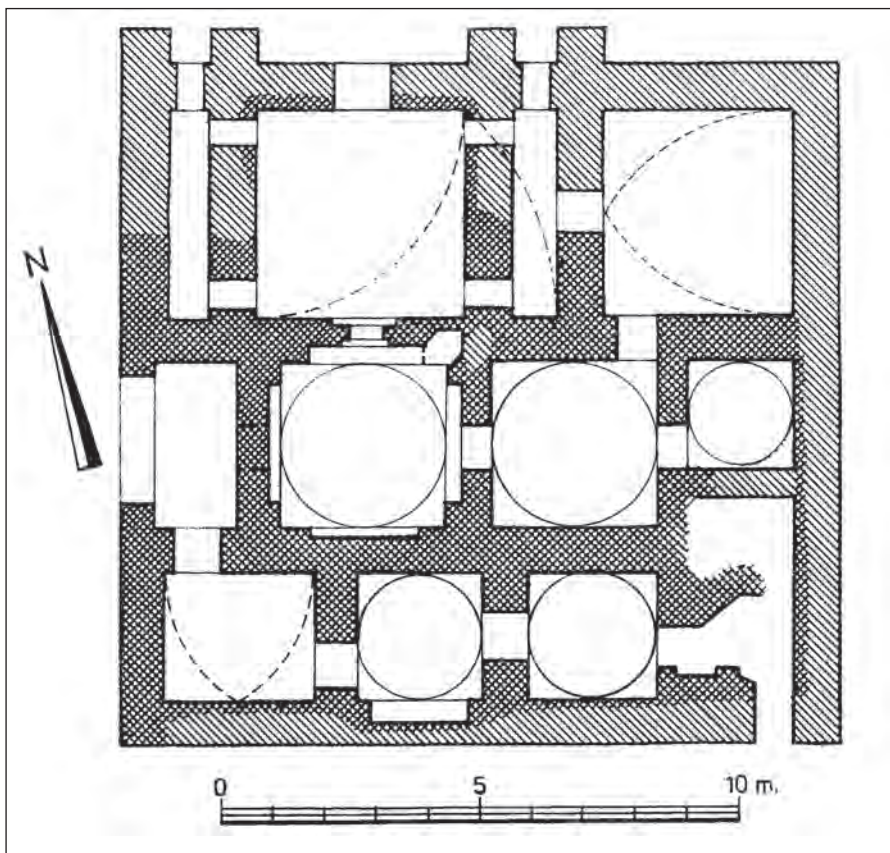

Рис. 193. Первая баня Тараза

подпольного пространства, где циркулировал горячий воздух. Он обогревал пол, который опирался на кирпичные столбики или стенки.

Температура регулировалась при помощи вертикальных каналов в стенах. Вода подогревалась в котлах, вмазанных в топку, и зачерпывалась оттуда ковшами, либо разносилась специальными людьми. Сточная вода выводилась системой кубуров.

Бани углублялись в землю, их ставили в специально выкопанных котлованах, на поверхность выступали купола - так в бане сохранялось тепло.

Хорошо изучена *первая баня Тараза*, открытая археологами еще в 1938 г. Она в плане близка к квадрату (14x13,3 м) и ориентирована почти точно по сторонам света. Топка с источником горячей воды помещалась в юго-восточном углу, а входная группа помещений в противоположной, северо-западной части здания и состояла из квадратного вестибюля и фланкирующих его симметричных коридоров.

Есть основание считать, что вестибюль был перекрыт не куполом, а сводом четырехметрового пролета, и что боковые массивы стен с коридорами играли роль контрфорсов, принимавших усилие распора свода.

Рис. 194. Фреска на стенке ванны в помещении № 2

Три небольшие комнаты вдоль южной стороны - две квадратные и вестибюль с широким входом на западной стороне образовывали изолированное «отделение» бани, может быть, для знатных посетителей.

Другая группа помещений была организована по двум перпендикулярным осям. На оси север-юг располагались большой вестибюль и следующая за ним квадратная (вероятно, купольная) комната размером 3,2х3,2 м с нишами по всем сторонам. За вестибюлем находилась купольная комната, к востоку от нее - комната таких же размеров и тоже, вероятно, купольная, но без ниш.

Замыкает эту цепочку помещений на востоке небольшая размером 2,1х2,1 м и тоже, возможно, купольная комната, примыкающая с севера к топке. Это, судя по ее расположению, горячая моечная. Большое помещение в северо-восточном углу, находящееся на общей (поперечной) оси с северным вестибюлем и боковыми коридорами, служило, видимо, массажной или теплой моечной. В одном помещении сохранилась кирпичная выстилка пола, в другом найдена кирпичная «ванна» - размером 175х47 см.

Вход в баню был в северной стене. Он вел в небольшую комнатку с полками для сидения. Стены ее были украшены фресковой росписью. Эта комната соединялась с помещениями, в которых находились ванны. В стенах помещений с ваннами были устроены ниши, также заполненные фресковой росписью. Она наносилась на поверхность штукатурки, устойчивой против воды.

Орнамент росписи по стенам геометрический и состоит из восьмиугольных желтых звезд, оконтуренных черной линией и связанных между собою красными крестами. Другими элементами росписи явля-

Рис. 195. Фреска на стене бани

ются восьмигранники из комбинаций четырехугольников серого цвета, окаймленных красными и желтыми шестигранниками. В многочисленных фрагментах штукатурки, упавшей с потолка, обнаружены росписи и краски несколько иного характера. Здесь можно наблюдать растительные сюжеты в виде вытянутых листьев и стебля. Преобладают голубые, синие и оранжевые тона красок.

В завале строительного мусора найдены следы лепных украшений в виде резных терракотовых цветов, видимо, тюльпанов, опущенных лепестками книзу.

Отапливалась баня нагретым воздухом, циркулирующим в каналах, проложенных под полом и полками.

Возле одной из ванн археологи нашли стопку монет (дирхемов) из низкопробного серебра, которые позволили датировать постройку и существование бани XI в.²⁰⁵

Вторая баня Тараза была обнаружена при рытье котлована под постройку на базарной площади Тараза, находившейся на месте цитадели городища.

Баня была частично раскопана, вскрыты топка и четыре помещения, два из которых раскопаны полностью. Сохранились топка, цистерны для горячей воды.

Вход в баню находился в юго-западной фасадной стене, через него посетитель попадал в помещение 1 площадью 6,8 кв. м, от которого сохранилась кладка в северном углу и фрагменты северной стены.²⁰⁶

Северная баня Отрара находилась у ворот Дарваза- и Суфи. Вход в баню находился в юго-западной стене. От центрального зала площадью 12,6 кв. м, выполнявшего роль парной и массажного отде-

ления, остались кладки стен, открытые только в северо-восточном углу, остальные стены реконструированы по отпечаткам кирпичей. Два помещения центрального зала площадью по 7,8 кв. м, видимо, выполняли роль массажных. В помещении 4 кирпичная кладка сохранилась в западной стене участками. Контур помещения 7 определен по отпечаткам кирпичей и кладке, сохранившейся на участке северной стены.

Помещения 5, 8 и 6, имевшие равную площадь, предназначенные, скорее всего, для мытья, сообщались с соседними посредством относительно узких проходов, что помогало поддерживать в бане определенный температурный режим. В помещении 5 площадью 7,1 кв. м кладка сохранилась на отрезке западной стены, примыкающей к юго-западному углу, и в восточной стене, связанной углом с участком южной стены. Остальные участки стен восстановлены по отпечаткам кирпичей. В помещении 8 площадью 6,7 кв. м сохранилась кладка южной стены, а также кладка узкого (ширина 0,35 м) входа в юго-западном углу помещения. Сохранившееся лучше других помещение 6 площадью 5 кв. м имело лишь участки до основания разрушенных стен, примыкавших к северо-восточному углу. Проход в северной стене у северо-западного угла соединял помещения 6 и 7.

Помещение 2 условной площадью 14 кв. м, видимо, предназначалось для отдыха и восстановлено в плане по кладке южной стены. Уцелела кладка восточной стены, и далее, на коротком участке, ее удалось проследить по отпечаткам. По отпечаткам же реконструирована западная стена. Помещения 8а и 9 являлись в комплексе подсобными и в них находились резервуары с водой для мытья, которые не сохранились. План удалось восстановить по отдельным участкам кладки стен: у внутренней стены между помещениями 8 и 8а, в углах и в районе топки в восточной стене, в юго-западном углу помещения 9. От стены, разделяющей помещения 8а и 8, прослеживался лишь метровый участок с отпечатками кирпичей.

Помещения примыкали к зданию бани с северной стороны. Стены их выложены также из жженого кирпича, однако судить об их назначении по имеющимся фрагментам конструкций затруднительно. Отметим лишь, что от северной стены бани под прямым углом отходят два участка кладки: один - длиной 2,4 м в районе северо-восточного угла помещения 1, другой - длиной 0,2 м - от северо-восточного угла. Банный комплекс включал еще ряд сооружений. В него входило помещение 13 (2,3х6,9 м), располагавшееся у юго-восточного угла.

Длинная стена следовала направлению восточной стены бани. Именно здесь в северной половине обнаружен колодец диаметром 0,85 м. С баней связано также сооружение из сырцового кирпича, примыкавшее к ней с юга, ориентированное с запада на восток (с некоторым отклонением к северу). Длинная стена сооружения под острым углом сближалась с южной стеной бани, а в районе помещения 9 - они почти смыкались. Сохранность основной части сооружения относительно

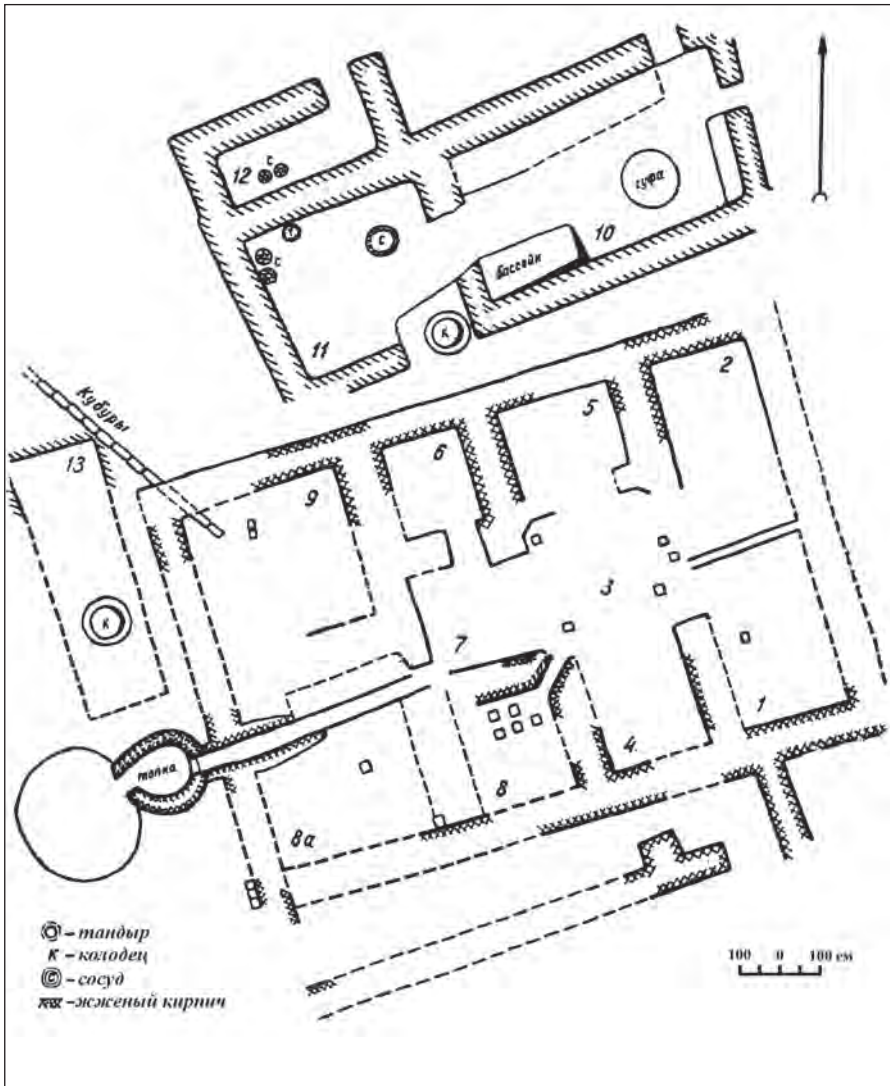

Рис. 196. «Южная баня» на городище Отрар. План

хорошая, наиболее разрушены угловые участки кладки (за исключением юго-восточного угла), бассейн глубиной 0,92 м с дном и стенами, вымощенными кусками шлака, взятыми из топки гончарной печи западнее желобов под помещениями 1, 8а, 9. В помещениях 3 и 8 в расположении столбиков просматривается устройство для свободной циркуляции горячего воздуха.

При раскопках бани найдена керамика, в том числе и поливная (чаши, блюда, чираги), которая относится к XI-XII вв. Своеобразна обнаруженная на полу помещения 12 бронзовая подставка для светильника, выполненная в форме шестигранника, прямоугольные грани которого сверху и снизу скреплялись припаем с прямоугольными пластинами.

Грани-пластины украшены прорезным орнаментом в виде крестообразной сетки.

Монеты, как и керамика, подтверждают датировку бани: она датируется XI-XII вв.

В помещении 10 (в плане оно трапециевидное, длина стен - 4,3; 9,8; 8,7 м) вели два входа - в южной и западной стенах, которые оба находились в его юго-западном углу. Пространство от западного входа до северо-западного угла было занято суфой. Справа от южного входа до самого угла также находилась суфа, верх ее выложен жженым квадратным и прямоугольным кирпичом, западная часть разрушена.²⁰⁷

Южная баня Отрара XI-XII вв. располагалась на территории южного рабада. Как оказалось, она находилась под баней XIII-XV вв. Поскольку основная часть бани уходит под комплекс более поздней постройки, раскопана лишь ее юго-восточная часть, включающая топку и систему цистерн для горячей воды.

Нагревательная емкость размером 2х3х0,8 м представляла собой цистерну, соединенную каналом диаметром 0,5 см с меньшей емкостью (0,6х0,6х0,8 м). Сохранилась керамическая пробка, которой перекрывалось сообщение емкостей. В центр дна нагревательной цистерны было вмазано устье железного котла: его дно и стенки были в свою очередь вмурованы в топку. Таким образом, котел служил своеобразным «греющим элементом»: горячая вода затем переливалась в ванну, откуда ее черпали и использовали для мытья. Дно и стенки цистерны и ванны были сложены из квадратного жженого кирпича и обмазаны несколькими слоями водонепроницаемого раствора (кыра) толщиной до 5 см.

В собранной здесь керамике преобладают тазики (тагора) с прямыми стенками и наклепными ручками. Найдено свыше трех десятков целых и фрагментов сферокопусов, служивших для перевозки и хранения лечебных ртутных препаратов. Интересна бронзовая подставка под светильник. Фигурное кольцо покоится на трех ножках, выполненных в виде звериных лап. Такие подставки известны в материалах X-XII вв. из Средней Азии.

При раскопках этой бани обнаружены караханидские монеты XI-XII вв., которые при сопоставлении с комплексом других монет позволяют датировать баню XI-XII вв.²⁰⁸

Еще две бани раскопаны на городищах Актобе и Екпенды.

Баня Актобе сохранилась частично. Размеры ее составили 10х7 м. Стены бани возведены из обожженного кирпича размером 37х25х4,5-5 см и 25х25х4,5 см.

Северная стена толщиной 0,8 м, восточная - 0,9 м, южная - 0,75 м. Их сохранившаяся высота 0,7-1,25 м. У северной стены находилась печь, на которой есть место, для котла. Расчищены участки подпольной отопительной системы – столбики из жженого кирпича, между которыми циркулировал горячий воздух.

Вдоль восточной стены проложена канализационная труба, по которой уходили наружу сточные воды. Баня датируется X-XIII вв.²⁰⁹

Баня Екпенды расположена рядом с городищем у с. Екпенды в 25 км южнее г. Шымкента, в месте слияния горных рек Бургулюк и Донгустау. К сожалению, баня полностью не раскопана. Вскрыта ее восточная часть, где находилось помещение для мытья и часть центрального зала с остатками гипocausta - подпольной системы обогрева. Судя по керамике, она функционировала в XI-XII вв.²¹⁰

Таким образом, основываясь на археологических материалах, можно констатировать высокий для своего времени уровень благоустройства в средневековых городах Казахстана.

- 1 *Мец. А.* Мусульманский ренессанс. - Алма-Ата, 1966. - С. 316.
- 2 *Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии. - Ташкент, 1983. - С. 49-50.
- 3 *Вархотова Д.П.* Два серебряных браслета из Чиназы // ИМКУ. - Ташкент, 1963. - С. 116-119; *Ахраров И., Темиргалиев Г.З.* Клад серебряных монет из Сиджака // СЭ. - 1966. - № 3. - С. 119-121.
- 4 *Древнетюркский словарь.* - Л., 1969. - С. 438.
- 5 *Спицын А.А.* Из коллекции императорского Эрмитажа. - СПб., 1906. - С. 240.
- 6 *Спицын А.А.* Из коллекции императорского Эрмитажа... С. 250.
- 7 *Спицын А.А.* Из коллекции императорского Эрмитажа... Рис. 4, 6, 8.
- 8 *Бируни Абу Рейхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). - Л., 1963. - С. 259.
- 9 *Спицын А.А.* Из коллекции императорского Эрмитажа... Рис. 57-63.
- 10 *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2012. - С. 341.
- 11 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. - Алма-Ата, 1981. - С. 20-60.
- 12 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 449.
- 13 *Бируни Абу Рейхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)... С. 113.
- 14 *Папюс.* Практическая магия. - СПб., 1912. - Ч. III. - С. 83-84; *Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра ... С. 64.
- 15 *Бируни Абу Райхан.* Избранные произведения. - Ташкент, 1963. - Т. II. - С. 158.
- 16 *Ферсман А.Е.* Рассказы о самоцветах. - Л., 1957. - С. 108.
- 17 *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX в. - Ашхабад, 1969. - С. 122-125.
- 18 *Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра. Художественная культура Средней Азии IX-XIII. - Ташкент, 1983. - С. 67-68; *Байпаков К.М.* Модница из Бунджиката // Зеркало. - Алматы, 2000. - Март. - С. 70-71.
- 19 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 168, 171.
- 20 *Байпаков К.М.* Раннесредневековые города и поселения Северо-восточного Семиречья... С. 78-81, рис. 5 (11-17).

- 21 *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Некоторые итоги раскопок на городище Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 22-41.
- 22 *Вахрушев В.А.* Архитектура и искусство глазами минералога. - Новосибирск, 1988. - С. 59-62.
- 23 *Ферсман А.Е.* Рассказы о самоцветах. - Л., 1957. - С. 108.
- 24 Всеобщая история искусств. - М., 1956. - Т. 1. - С. 320-321.
- 25 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и средневековье. - М., 1989. - С. 352-353.
- 26 *Агаджанов С.Г.* Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969. - С. 122-125.
- 27 *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. - М., 1981. - С. 299.
- 28 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI-XVII вв.). - Алма-Ата, 1981. - С. 173, рис. 100.
- 29 *Акишев А.К.* О культуре дождевого камня (джада, яда) на Отраре // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докладов научно-теорет. конф. - Алма-Ата, 1980. - С. 203-209.
- 30 *Лунина С.Б.* Техническое устройство гончарных печей в средневековом Мерве // Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1958; *Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве в X - начале XIII вв. // Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1962. - С. 303-418.
- 31 *Большаков О.Г.* Город Средней Азии в конце VIII - начале XIII вв. ... С. 284.
- 32 *Шарахимов Ш.Ш.* Гончарное производство средневекового Самарканда: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Ташкент, 1975. - С. 19-50.
- 33 *Пацевич Г.И.* Раскопки на территории древнего городища Тараз в 1940 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1956. - Т. I. Археология. - С. 76-79.
- 34 *Таиходжаев Ш.С.* Художественная поливная керамика Самарканда IX - начала XIII века. - Ташкент, 1967. - С. 91; *Вактурская В.В.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // Труды ХАЭЭ. - Москва, 1959. - Т. IV. - С. 268; *Ахраров И.* К истории поливной керамики в Средней Азии // Исследования материальной культуры Узбекистана. - Ташкент, 1965. - Вып. VI. - С. 151-152.
- 35 *Большаков О.Г.* Поливная керамика Мавераннахра VIII-XII вв. как историко-культурный памятник: автореф. дис. ... к.и.н. - Л., 1954. - С. 12.
- 36 *Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии в конце VIII - начале XIII вв. ... С. 277.
- 37 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - С. 149.
- 38 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 157-158.
- 39 *Таиходжаев Ш.С.* Художественная поливная керамика Самарканда IX - начала XIII века. - Ташкент, 1967. - С. 99.
- 40 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 157.
- 41 *Брусенко Л.Г.* Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. - Ташкент, 1986. - С. 59; Чуйская долина. Под ред. Бернштама // МИА. - М.-Л., 1950. - № 14; *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Керамика средневекового Отрара. - Алматы, 1991. - С. 118-119; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе - город Кедер. - Алматы, 2005. - С. 181; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 153, табл. XI; *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963; *Кузнецова О.В.* Поливная керамика Талгара // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2007. - Вып 1. - С. 102-106.
- 42 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 107-125; *Савельева Т.В.,*

- Кузнецова О.В. Средневековый Талгар – город мастеров (по результатам исследований 2003-2006 гг.). // Матер. Междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2007», 16-18 мая 2007 года. - Актобе, 2007. - С. 293-299; Маханбаева Н., Воякина Н. Керамический комплекс средневекового Каялыка // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2007. - № I. - С. 107-125.
- 43 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2005. - С. 82-83; Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. - Алматы, 1994. - С. 94-112; Кузнецова О.В. Поливная керамика Талгара // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - Алматы, 2007. - Вып 1. - С. 102-106.
- 44 Morgan Ch. The Byzantine Pottery // Corinth. Cambridge-Massachusetts, 1942. - Vol. XI.
- 45 Cox W.E. The book of Pottery and Porcelain. - New York, 1946. - Vol. I. - P. 172-180.
- 46 Cox W.E. The book of Pottery and Porcelain... P. 164-165.
- 47 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 161-174.
- 48 Агеева Е.И. Средневековое стекло из Тараза // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970.
- 49 Байпаков К.М. Введение // Художественная культура IX-XV вв. Культура Центральной Азии и Азербайджана. Стекло. - Самарканд-Ташкент, 2011. - Т II. - С. 6-11; Baipakov K.M. Preface // Artistic culture of Ccentral Asia and Azerbaijan. Glass. 9-15 century, - Samarkand- Tashkent, 2011. - Т. II. - Рис. 6-11, Байпаков К.М., Доцанова Т.С. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Стекло. Самарканд-Ташкент, 2011. - Т II. - С. 12-64, илл. 33-58; Baipakov K.M., Doschanova T.S. Kazakhstan // The artist culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9-15 centuries. - Samarkand- Tashkent. 20011. - Vol. II. - P. 12-64, III. 33-58.
- 50 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 163-167.
- 51 Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло Афрасиаба. - Ташкент, 1986. - С. 29.
- 52 Доцанова Т.С. Коллекция стеклянных изделий из Юго-Западного Семиречья (городища Тараз, Торколь и Мерке) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2009. - № 1. - С. 165-167.
- 53 Абдуразаков А.А., Безбородов М.А. Средневековые стекла Средней Азии. - Ташкент, 1966. - С. 37.
- 54 Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло Афрасиаба. - Ташкент, 1986. - С. 23, рис. 5, 6.
- 55 Мирзаахмедов Д.К., Ильясов С., Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. // ИМКУ. - Самарканд, 1999. - Вып. 30. - С. 24, рис. 5, 6.
- 56 Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии // Труды КАЭЭ. - М., 1960. - Т. 4. - С. 240, рис. 38, 58.
- 57 Доцанова Т.С. Новые коллекции стекла из городищ Куйруктобе и Койлык // Известия МОН РК. Серия обществ. наук. - 2003. - № 1. - С. 168.
- 58 Мирзаахмедов Д.К., Ильясов С., Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. // ИМКУ. - Самарканд, 1999. - Вып. 30. - С. 243.
- 59 Валулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). - Казань, 2005. - С. 50-53.

- 60 *Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища)... С. 41.
- 61 *Агеева Е.И.* Средневековое стекло из Тараза // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 11-14.
- 62 *Мирзаахмедов Д.К., Ильясов С., Адылов Ш.Т.* Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. ... С. 239.
- 63 Стекло из Нисы // Труды ЮТАКЭ. - Ашхабад, 1949. - С. 380-381.
- 64 *Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1963. - С. 110.
- 65 *Доцанова Т.С.* Коллекция стеклянных изделий из Юго-Западного Семиречья (городища Тараз, Торколь и Мерке) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2009. - № 1. - С. 158, рис. 2.
- 66 *Доцанова Т.С.* Новые находки стеклянных изделий с городища Куйруктобе // Известия МОН, НАН РК. Серия обществ. наук. - 2001. - № 1. - С. 159.
- 67 *Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища)... С. 220.
- 68 *Мирзаахмедов Д.К., Ильясов С., Адылов Ш.Т.* Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. ... С. 237-243.
- 69 *Доцанова Т.С.* Новые коллекции стекла городища Талгар и Отрарского оазиса // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2006. - № 1. - С. 96-100.
- 70 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 173; *Смагулов Е.А.* Два кувшина из Куйруктобе // Археологические исследования в Отраре. - Алма-Ата, 1977. - С. 141-144. - Рис. 1.
- 71 *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. - М., 1972. - С. 73.
- 72 *Маршак Б.И.* Согдийское серебро... С. 76.
- 73 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. - М., 1975. - С. 32.
- 74 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар XIII-XIV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 193-196.
- 75 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 97-105.
- 76 *Шишкин В.А.* Варахша. - М., 1963. - С. 45, 47, рис. 9.
- 77 *Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д.* Художественный металл городища Красная Речка (VI - начало XIII вв.). - Алматы, 2007. - С. 40, рис. 44.
- 78 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 295.
- 79 *Смагулов Е.А.* Древний Сауран. - Алматы, 2011. - Гл. 5. - Рис. 20, 33; - Гл. 4. - Рис. 4.
- 80 *Смагулов Е.А.* Древний Сауран... С. 259-268. Гл. 4. Рис. 20, 23, 25, 27, 28-33.
- 81 *Смагулов Е.А.* Древний Сауран... С. 256-257, гл. 4, рис. 17, 18.
- 82 *Ремпель Л.И.* Интересная археологическая находка в долине Таласа // Вестник АН КазССР. - № 4. - 1952. - С. 79-81.
- 83 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 163-164.
- 84 *Байпаков К.М.* Западно-тюркский и Тюркский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. - Алматы, 2010. - С. 363-373.
- 85 *Маршак Б.И.* Согдийское серебро... С. 77, 89.
- 86 *Байпаков К.М., Байбосынов К.* Сокровища Древнего Тараза. - Алматы, 2008. - С. 141.
- 87 *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. - Алматы, 2011. - С. 345.

- 88 *Маршак Б.И.* Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. - Л., 1977. - С. 77-89.
- 89 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. ... С. 287.
- 90 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 110-111, рис. 116-117.
- 91 *Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г.* Средневековый Шахристан. – Душанбе, 1966. - С. 180-181.
- 92 *Воронина В.Л.* Бронзы Ахсикета из коллекции А.И. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). - М., 1977. - С. 133-134, рис. 356.
- 93 *Байпаков К.М.* Талгарское блюдо // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1968. - № 7. - С. 87-91.
- 94 Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата, 1960. - С. 210. - № 3078.
- 95 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. - М.-Л., 1952. - № 26. - С. 149.
- 96 *Воронина В.Л.* Бронзы Ахсикета ... С. 133-134, рис. 356.
- 97 Культура и искусство древнего Узбекистана. - М., 1991. - Т. II. - С.116, рис. 552.
- 98 *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Клад художественной бронзы средневекового Тальхира // Промышленность. – 2005. - № 10. - С. 96-97.
- 99 *Иванов А.А.* О так называемых несторианских подсвечниках // К 100-летию со дня рождения Л.В. Банк: матер. конф. / Труды ГЭ. - СПб., 2008. - С. 381-385.
- 100 *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. - М., 1966. - С. 83, рис. 13.
- 101 *Копылов И.И.* Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. - Владивосток, 1986. - Рис. 4, 5.
- 102 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. - М., 1975.- Рис. 17.
- 103 *Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А.* Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. - Алматы, 1998; *Савельева Т.В., Зиняков Н.М.* Кузнечное ремесло в городах Илийской долины в IX-XIII вв. (технология обработки железа и железуглеродистых сплавов) // Известия МН-АН РК. Серия обществ. наук. - 1998. - № 1 (213). - С. 73-90; *Байпаков К.М., Зиняков Н.М., Савельева Т.В.* Булатная сталь средневекового Тальхира // Взаимодействие культур и цивилизаций / В честь юбилея В.М. Массона. - СПб., 2000. - С. 226-231; *Зиняков Н.М., Трнсов М.К.* Чугунолитейное производство городов Казахстана в период средневековья // Культурное наследие Южного Казахстана. - Чимкент, 2000. - С. 164-175.
- 104 *Байков А.А.* Прямое получение железа из руд // Собрание трудов. - М.-Л., 1949. - С. 340.
- 105 *Байков А.А.* Физико-химические основы способов прямого восстановления железа из руд // Собрание трудов. - М.-Л., 1949. - С. 365.
- 106 *Савельева Т.В.* Кузнечное ремесло жителей Илийской долины в XI-XII вв. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 1989. - № 1 (163). - С. 45-46.
- 107 *Мец А.* Мусульманский ренессанс. - М., 1966. - С. 365.
- 108 *Мец А.* Мусульманский ренессанс.. С. 365.
- 109 *Мец А.* Мусульманский ренессанс...
- 110 *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 73.
- 111 *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 80.

- 112 *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 82.
- 113 *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С. 81.
- 114 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 232-233 (примечание 1).
- 115 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С.235.
- 116 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С.235.
- 117 *Сарианиди В.И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. – 1968. - Вып. 114. - С. 3-9; *Янковская Н.В.* Некоторые вопросы экономики ассирийской державы // ВДИ. - 1956. - № 1. - С. 33.
- 118 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1988. - С. 352-353.
- 119 *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т. II. - С. 147-168; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 173.
- 120 *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1952. - С. 246-248; *Ма Юн* Шелковый путь с Востока на Запад // Курьер ЮНЕСКО. - 1984. - № 7. - С. 22; *Франкфор А.-П.* Проблема прототипа Великого Шелкового пути во II-I тыс. до н.э. и роль кочевых культур // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: тезисы докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. - Алма-Ата, 1987. - С. 78-81.
- 121 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Великий Шелковый путь... С. 372-373; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С. 98-101.
- 122 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья... С. 31.
- 123 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алма-Ата, 2007. - С. 14-17.
- 124 *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных новинках в империи Тан. - М., 1981. - С. 13-14.
- 125 *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. - М., 1967. - С. 43.
- 126 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 106-116.
- 127 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 20-109.
- 128 *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана - поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. - М., 1957. - Т. VI. - С. 166-167.
- 129 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами... Ч. 1. - С. 288.
- 130 *Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. – Алматы, 2012. - С. 352-366.
- 131 *Бурнашева Р.З.* Отрар. Отрарский оазис, Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу Южно-Казахстанских городов. - Алма-Ата, 1989. - С. 18.
- 132 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные по истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1978. - № 2. - С.44-49; *Настич В.Н.* Каталог монет городища Отрар-тобе (1079-1985 гг.) // *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 226-246; *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе // В глубь веков. - Алма-Ата, 1974. - С. 84.
- 133 *Давидович Е.А.* Фараб - среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштагенидов // Письменные источники Востока / Ежегодник. - М., 1972. - С. 124-129.

- 134 *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 5 (Саманиды, Караханиды, Тимуриды) // ИМКУ. - Ташкент, 1983. - Вып. 18. - С. 210-223.
- 135 *Бурнашева Р.З.* Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. - С. 182-186.
- 136 *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII – начала XIII вв. // Киргизия при Караханидах. - Фрунзе, 1983. - С. 75-103; *Кочнев Б.Д.* Караханидский чекан Фараба (Отрара) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 109-120.
- 137 *Кочнев Б.Д.* Будухкет - новый казахстанский монетный двор (XI в.) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1986. - № 7. - С. 49-54.
- 138 *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии (Саманиды, Караханиды, Джаниды). - Ч. 1. // ИМКУ. - Ташкент, 1978. - Вып. 14. - С. 121-130.
- 139 *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии (Караханиды). - Ч. 4. // ИМКУ. - Ташкент, 1982. - Вып. 17. - С. 126.
- 140 *Федоров М.Н.* Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. // НЭ. - М., 1974. - Т. XI. - С. 163.
- 141 *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике. - Ч. 4... С. 134-136.
- 142 *Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В.* Баласагун - монетный двор Чуйской долины XIII вв. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2012. - С. 174.
- 143 *Давидович Е.А.* Золото в денежном обращении Средней Азии IX-XVIII вв. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. - М., 1980. - С. 55-69.
- 144 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные по истории Отрара IX-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1978. - № 2. - С. 47-48.
- 145 *Настич В.Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII-XVII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983. - С. 143-152.
- 146 *Смагулов Е.А.* Древний Сауран - Алматы, 2011. - С. 322-323.
- 147 *Зиняков Н.М., Савельева Т.В.* Меры веса в городах Северо-восточного Семиречья по археологическим данным // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2007. - № 1. - С. 97; *Байпаков К.М., Сейдуманов С.Т., Савельева Т.В., Ауезов Е.К.* Средневековые столицы Жетысу. - Алматы, 2009. - С. 163-166.
- 148 *Савельева Т.В., Зиняков Н.М.* Мера веса в городах Северо-восточного Семиречья // Промышленность. - 2007. - № 8. - С. 96-98.
- 149 *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. - М., 1970. - С. 81; *Хинц В.* Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. - М., 1970. - С. 13.
- 150 *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии... С. 94-99.
- 151 *Бируни Абу Рейхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). - Л., 1963. - С. 240.
- 152 *Тифлиси Х.* Описание ремесел. - М., 1976. - С. 87.
- 153 *Бируни Абу Рейхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)... С. 235.
- 154 *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. - М., 1970. - С. 85.
- 155 *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии... С. 25, 37.
- 156 Определение нумизмата В.Н. Настича.

- 157 *Рахманов М.Р.* Из истории древнего театра Самарканда // Из истории искусств великого города. - Ташкент, 1972. - С. 316.
- 158 *Массон В.М.* Страна тысячи городов. - М., 1966. - С. 87-88.
- 159 *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. - М., 1985. - С. 410; *Hew N.* The Miracle plays of Nathura. - New Haven, 1972; *Damsteegt Th.* Epigraphical Hybrid Sanskrit. - Leiden, 1978. - С. 168.
- 160 *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии. - М., 1982. - С. 51.
- 161 Топрак-кала. Дворец //Труды ХАЭЭ. - М., 1984. - Т. XIV. - С. 17.
- 162 *Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1950 г. // СА. - 1953. - Т. 18. - С. 310.
- 163 Топрак-кала. Дворец... С. 84.
- 164 *Trever C.* Terracottas from Afrasiab. - Leningrad, 1934. - Tbl. X. - С. 145, tbl. XIII; *Мешкерис В.А.* Терракота Самаркандского музея. Каталог. - Л., 1962.
- 165 *Шефер Э.* Золотые персики из Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. - М., 1981. - С. 82.
- 166 *Шефер Э.* ... С. 84-85.
- 167 *Mahler T.C.* The Westerners among the figurines of the T'an Dynasty of China. - Roma, 1959. - С. 70.
- 168 *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусств великого города... С. 99.
- 169 *Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И.* Раскопки городища древнего Пенджикента //Археологические работы в Таджикистане. - Душанбе, 1986. - Вып. XIX. - С. 303-304.
- 170 *Наршахи Мухаммед.* История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. - Ташкент, 1897. - С. 25, 33.
- 171 *Мец А.* Мусульманский Ренессанс... С. 280, 320, 332.
- 172 *Рахманов М.Р.* Из истории древнего театра Самарканда... С. 324-329.
- 173 Россия в Средней Азии. Путешествия Евгения Маркова. - СПб., 1901. - Т. II. - С. 484-485, 658.
- 174 *Навои Алишер.* Собр. соч. - Ташкент, 1965. - Т. VI. - С. 79.
- 175 *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С. 33.
- 176 *Копылов И.И.* К вопросу о шахматной игре Шатриндже в Талкиге, в древнем Талгаре // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1992. - С. 71-82.
- 177 *Меррей Г.* Насколько стара шахматная игра // Шахматы СССР. - М., 1938. - № 12.
- 178 *Гижицкий Е.С.* С шахматами через века и страны. - Варшава, 1970. - С. 15.
- 179 *Назарли М.Д.* Исторический комитет литературной иллюстрации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. - М., 1991. - С. 177.
- 180 *Черевко К.Е.* У истоков шахматной игры // Наука и религия. - 1991. - № 6. - С. 46-48.
- 181 *Гижицкий Е.С.* С шахматами через века и страны. - Варшава, 1964. - С. 15-19.
- 182 *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. - М., 1975. - С. 372-373.

- 183 Гулямова Э. Шахматные фигурки с городища Хульбук // Известия ООН АН ТаджССР. – Душанбе, 1960. - № 1. - С. 70; Тургунов Б.А. Новые данные к истории шахмат Средней Азии // Тезисы докл. сессии, посв. итогам полевых археолог. исследований 1972 г. в СССР. - Ташкент, 1973. - № 11. - С.73.; Омельченко О.В. Шахматный конь с городища Афрасиаб // ОНУ. - 1969. - № 6. - С. 47-48; Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. - М., 1991. - С. 554-536; Древности Таджикистана. Каталог выставки. - Душанбе, 1985. - С. 287. - № 725.
- 184 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Жетысу... С. 19-25, 60-64; Копылов И.И. Мостовая улица древнего Талгара (конец XI - начало XIII в.) // Памятники истории и культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1984. - С. 67-70.
- 185 Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. - Ташкент, 1981.
- 186 Байпаков К.М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. Рис. на с. 343, 344.
- 187 Шалекенов У.Х. -Баласвгуни Город Баласагун в VI-XIII вв. - Алматы, 2009. - С. 119, рис. 21.
- 188 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987. - С. 112.
- 189 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 128, рис. 8-26; Агеева Е.И. Оборонительные сооружения рабада // Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. - С. 174-180, рис. 46-49.
- 190 Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2011. - С. 353, рис. 27.
- 191 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - М., 1973. - С. 369.
- 192 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. ... С. 307-308.
- 193 Большаков О. Г. Город в конце VIII – начале XIII в. ... С. 108-109.
- 194 Орбели И.О. Бани и скоморохи XII в. // Памятники эпохи Ш. Руставели. - Л., 1938. - С. 159-170.
- 195 Большаков О.Г. Ислам запрещает // Наука и религия. - 1967. - № 7. - С. 41.
- 196 Кабус-намэ. – М., 1958. - С. 113-114; Болдырев А.М. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV-XVI вв. // Труды ОВГЭ. - Ленинград, 1947. - Т. IV. - С. 336; Вамбери Г. Очерки жизни и нравов Востока. – СПб., 1887. - С. 120-130.
- 197 Халпахчян О.Х. Средневековые бани Армении // СА - 1960. - № 1.- С. 215.
- 198 Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. - Ташкент, 1954. - Кн. 1.
- 199 Эссад Дж. Константинополь от Византии до Стамбула. - М., 1919. - С. 267; Мец А. Мусульманский ренессанс. - М., 1973. - С. 311.
- 200 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. ... С. 309.
- 201 Воронина В.Л. Об узбекских банях // С.Э. - 1951. - № 1. - С. 41.
- 202 Байпаков К.М. Средневековые города Южного Казахстана и Семиречья. - Алма-Ата, 1986. - С. 141-144.
- 203 Хмельницкий С.Г. Между саманидами и монголами // Архитектура Средней Азии X – начала XIII в. - Берлин-Рига, 1997. - Ч. II. - С. 188-200.
- 204 Туякбаева Б. Баня восточная // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. - Алматы, 1994. - С. 280.

- 205 *Бернштам А.Н.* Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды ОВГЭ. – Л., 1940. - Т. II. - С. 177-183; *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами... С. 190-191.
- 206 *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. - Алматы-Самарканд, 2012. - С. 39.
- 207 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрар и Отрарский оазис). - Алма-Ата, 1990. - С. 83-87.
- 208 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрар и Отрарский оазис)... С. 87-88.
- 209 *Шалекенов У.Х.* Город Баласагун в V-XIII вв. - Алматы, 2009. - С. 116-118.
- 210 *Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И.* Средневековая баня из Екпенды // Матер. Междунар. науч. конф. «Маргулановские чтения». - Актобе, 2007. - С. 287-293.

Глава VI

РЕЛИГИИ И КУЛЬТЫ

Ислам и мусульманский культурный комплекс

Вопрос о сложении мусульманской культуры в средневековом городе Казахстана убедительно решается с позиции выделения мусульманского культурного комплекса. Под культурным комплексом понимается широкая совокупность предметов, учреждений и идей, образцов поведения, убедительно связанных с определенным элементом.¹ В данном случае мусульманский культурный комплекс связан с урбанизацией средневекового города. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами культовой и общественной архитектуры (мечети и минареты, мавзолеи, некрополи и погребальный обряд, ханаки и бани); изделиями из металла с арабскими надписями на них; керамическими и изделиями из стекла с надписями по-арабски; эпиграфикой археологической архитектуры.

Памятники зодчества - источник богатейшей информации о жизни общества, создавшего их. Они дают яркое представление о политической обстановке, идеологии, развитии научно-производственного потенциала, об эстетических нормах эпохи, о культурных контактах народов и распространении культурных эталонов, об уровне строительного дела.

Общая история зодчества, эволюция архитектурно-художественного образа, закономерности развития архитектуры, - все эти проблемы являются предметом исследований, успех которых определяется результатами, получаемыми при изучении памятников архитектурной археологии или археологической архитектуры.

В Средней Азии изучение архитектуры качественно изменилось лишь в послереволюционное время - во второй половине 20-30-х гг., благодаря раскопкам архитектурных памятников, осуществленным В.Л. Вяткиным и М.Е. Массоном.

Позднее, в 1945 г. на I Всесоюзном археологическом совещании в Москве было верно отмечено, что «подлинная и полная история древнерусской, национальной архитектуры может быть лишь результатом археологического раскрытия ее памятников и их реконструкции».² Этот вывод идентичен и для изучения истории архитектуры Средней Азии, где работали такие известные историки архитектуры, как Г.А. Пугаченкова, М.С. Булатов, В.Л. Воронина, В.Л. Лавров,

В.А. Нильсен, В.И. Пилявский, С.Г. Хмельницкий, Л.Л. Гуревич, которые приняли не только дефиницию «археологическая архитектура», но и разработали методику ее изучения применительно к Средней Азии.³

Итак, как важное направление исследований археологическая архитектура существует достаточно давно и играет немаловажную роль в археологической практике. Сам термин вошел в широкое употребление. Наиболее привычно для слуха - «археолого-архитектурное изучение памятников зодчества», - однако, такой вид исследований предполагает обычно решение практических задач консервации, имеет узкую направленность и является, по сути, лишь одним из аспектов собственно археологической архитектуры. Последняя, конечно, многое дает для датировок археологической стратиграфии изучаемого объекта, но задачи ее шире: изучение смены строений по археологическим остаткам ставит целью не только определение относительной и абсолютной хронологии, но и решение ряда других историко-архитектурных проблем.

Архитектура предстает как особый вид созидательной деятельности человека, соединяющей качества материальной и духовной культуры: «пользу, прочность и красоту» - по выражению Витрувия. Археология помогает в той или иной мере выявить многообразные свойства архитектуры, в зависимости от содержания архитектурных остатков и насыщенности находками культурных слоев.

Ведущий принцип самого метода археологической архитектуры - это изучение архитектурных остатков как развивающегося во времени организма: истории их возникновения, последующих переделок, гибели или запустения. Следы архитектурного творчества запечатлены как в самих архитектурных остатках, так и в культурных напластованиях, заполняющих покинутые строения.

Заключительным и важным разделом архитектурно-археологического исследования является реконструкция - описательная или графическая. Археологическая архитектура располагает методами примерного, а иногда и достаточно точного определения первоначальных высотных отметок здания по его остаткам и даже архитектурным деталям. Общий комплекс археологических наблюдений, расчетов и привлечения близких аналогий вооружает исследователя суммой реальных данных и возникающих на этой основе умозаключений, которые позволяют воспроизвести объемно-пространственную композицию здания и его интерьеров, дать зримое представление о красоте архитектуры древних эпох.

Изучение археологической архитектуры особенно актуально для Казахстана, где до наших дней сохранилось крайне мало построек эпохи средневековья. В их числе - мавзолей Айша-биби, Бабаджи-хатун, два мавзолея Сырлытам на Сырдарье, мавзолей и ханака Ахмеда Яссави, мавзолей Рабии Султан-Бегим в Туркестане, мавзолей Джоши-хана и Алаша-хана в Сарыарке.

Тем не менее, об археологической архитектуре Казахстана до недавнего времени почти не было известно. Имена перечисленных выше исследователей связаны с работами в Узбекистане, где сложилась

и успешно работает школа историков архитектуры, в Таджикистане и Туркменистане. В Казахстане же исследования, ориентированные на археологическую архитектуру, почти не велись. Археологи при раскопках архитектурных объектов ставили перед собой более общие задачи, связанные с изучением того или иного памятника, либо как объекта археологии (стратиграфия, хронология, типология), либо как феномена, важного для выявления уровня культуры, экономики и социального строя древних обществ.

Поэтому именно археологическая архитектура может дать материал, необходимый для изучения процессов развития архитектуры Казахстана в древности и средневековье. Обращение к ней, широкие исследования памятников с точки зрения решения проблем древней архитектуры, о которых сказано выше, стало причиной появления целого ряда работ, в которых опубликованы материалы по новым памятникам, их интерпретации.

Начиная с конца XX в. и особенно в первые десятилетия нового столетия, развернулись широкие поиски и исследования памятников археологической архитектуры периода средних веков и особенно тех, которые появились вместе с распространением ислама и формированием мусульманской городской культуры.

Изучение памятников археологической архитектуры позволяет глубже и зачастую по-новому решать вопросы исламизации Казахстана, развития архитектуры и влияния исламских ценностей на характер общественных построек, процессов развития культовой и мемориальной архитектуры на связь зодчества Казахстана с архитектурой мусульманского мира, архитектурой Великого Шелкового пути, взаимодействия отдельных стран и регионов и выделения архитектурных школ.

Рассмотрение остатков архитектуры в качестве источников по истории архитектуры и искусства, технологии самого строительства: использование различных конструктивных приемов, строительных материалов, а также общественных отношений, открывает новые возможности для анализа и обобщений в археологической архитектуре. По сути дела, постройки можно считать бытовым и социальным заказом, реализуемым через домостроительную технику и направленным на вычленение из природной среды конкретного объекта, удобного для жизни.

Действительно, такой важнейший фактор как уровень строительной техники определяется и экономическим потенциалом общества и природной средой, создающей определенные условия для размещения жилища и поставляющей исходный материал. «Однако главным при строительстве является социальный заказ, реализуемый через архитектурное решение с учетом экологического фактора и в соответствии с экономическим потенциалом, реализуемым через строительную технику. И в архитектурном решении, и в строительной технике может сказаться культурный традиционализм, этническая специфика».⁴

И, конечно, религиозный аспект, в данном контексте мусульманский.⁵

Городские постройки исламской архитектуры: мечети и минареты, мавзолеи и бани

С утверждением ислама произошли изменения в духовной и материальной культуре.

Меняется облик средневекового города и примыкающей к нему территории. Доминантами застройки становятся мечети с минаретами: квартальные, соборные, праздничные (загородные); медресе; ханака; мавзолеи; мусульманские некрополи с мавзолеями.

Мечети и минареты. Ислам, как религиозное учение, мировоззрение и образ жизни на юге Казахстана и в Жетысу, как отмечалось, победил во второй половине IX-X вв. Мечети стали повсеместной и важной деталью городской застройки. Строительство мечети было и гарантией посмертного блаженства. Об этом в XV в. со ссылкой на известный хадис, напоминает летописец походов Тимура Гийасаддин Али: «Кто построил мечеть для Аллаха, хотя бы как гнездо птицы ката, для того создает Аллах дом в раю».⁶

С точки зрения функций среднеазиатские мечети типологически распределяются на несколько групп.

Пятничные «джума» мечети также называются соборными и кафедральными. Это общегородские мечети для массовых пятничных богослужений. Городу полагалась одна пятничная мечеть. Обычная, но не обязательная деталь мечетей - минарет, строившийся рядом с внешней оградой или встроенный в один из углов мечети. Квартальные мечети были религиозными и общественными центрами жилых кварталов в городах и селениях.

Праздничные мечети назывались «намазга», «мусалла» (место молитвы), «идгах айт» (место праздника). Богослужения в них совершались в праздники Курбан-Байрам или Фитр. На богослужения в дни этих важнейших исламских праздников собиралось население города и окрестных селений, поэтому место для мечети-намазга выбиралось за городом или на его окраине, а сама мечеть представляла собой небольшую постройку, огороженную площадь с михрабом, ориентированным на кыблу. Иногда михраб находился в стене двора.

Поминальные мечети строились при почитаемых могилах или у кладбищ. При этом соблюдалось положение шариата, всегда строго исполнявшегося в Средней Азии и Казахстане, согласно которому запрещается молиться на могиле или в помещении с могилой. Почитаемому надгробию предназначалось «приветствие», а не молитва, и важная разница между этими действиями подчеркивалась тем, что приветствующий оборачивался спиной к михрабу поминальной мечети - молился же лицом к михрабу.

Обычно поминальная мечеть воздвигалась рядом с почитаемым погребением, которое по исламскому обычаю и закону совершалось под открытым небом; бывало и наоборот - уважаемого человека хоронили перед порогом мечети, которая тем самым принимала на себя еще и функции поминальной. В XI-XII вв. над такими почитаемыми

могилами стали воздвигать надгробные помещения, примыкающие к мечети и соединенные с ней, положившие начало двухкамерным мавзолеям, которые состоят из собственно мавзолея - «гурханы» и поминальной мечети - «зиаратханы», помещения для молитвы. Впоследствии оба помещения возводились одновременно. В XI-XII вв. сложение этого типа зданий только начиналось.⁷

Мечеть Акыртаса. В недостроенном дворцовом сооружении из камня, расположенном в 40 км восточнее г. Тараза, один из четырех блоков (северо-западный) имеет незастроенный участок размерами 27х27,75 м. Исследования, проведенные на Акыртасе в 1996 г., позволили считать его незавершенной мечетью. Это предположение подтверждается наличием нижней части михраба в западной стене, тремя тамбурными проходами в южной стене и наличием на «полу» нескольких обработанных каменных блоков - баз для колонн, на которые должна была опираться крыша постройки. Таким образом, эта мечеть планировалась как «столпная» или «многоколонная». Это один из ранних типов мечетей. Время сооружения дворца Акыртас – вторая половина VIII в.⁸

*Мечеть Баласагуна (городище Бурана).*⁹ В комплексе холмов северо-западного шахристана городища Бурана открыта мечеть. Это однокамерная прямоугольная в плане постройка из жженого кирпича с выделенным порталом с восточной стороны. Размер ее по внешнему периметру стен - 16,3х14 м; кирпичные стены сохранились на 2-метровую высоту, они имели трапециевидные внутренние ниши на осях.

Установлено, что комплекс пережил четыре строительных периода. Мечеть была построена на рубеже X-XI вв. Портал украшали резные кирпичики в сочетании с фигурной кладкой кирпича и резного ганча. Во второй строительный период, на рубеже XI-XII вв., в его оформление вводится архитектурная терракота, аналогичная памятникам Мавераннахра этого периода.

Третий и четвертый периоды в жизни здания связаны с ремонтами, мощением двора вокруг, пристройкой усыпальниц. В результате в монгольское время мечеть становится как бы утопленной в культурный слой и превращается в мазар. В северном углу ее устанавливается надгробие, под ним захоронения, преимущественно детей. По-видимому, какая-то внешняя опасность, возможно захват Баласагуна монголами, заставила мусульманскую суфийскую общину города занести в мечеть-мавзолей местные «святыни» - кайраки с арабскими текстами эпитафий, лежавшие на могилах обширного гуристана, образовавшегося к этому времени вокруг минарета и мавзолеев.¹⁰

Минарет Баласагуна (городище Бурана). Мечеть, в комплексе которой он находится, не сохранился. Подземная часть минарета представляет собой платформу, сложенную из камня и жженого кирпича. Платформа находится в котловане глубиной 5,6 м и размером 12,3х12,3 м. На восьмигранный цоколь был поставлен цилиндрический

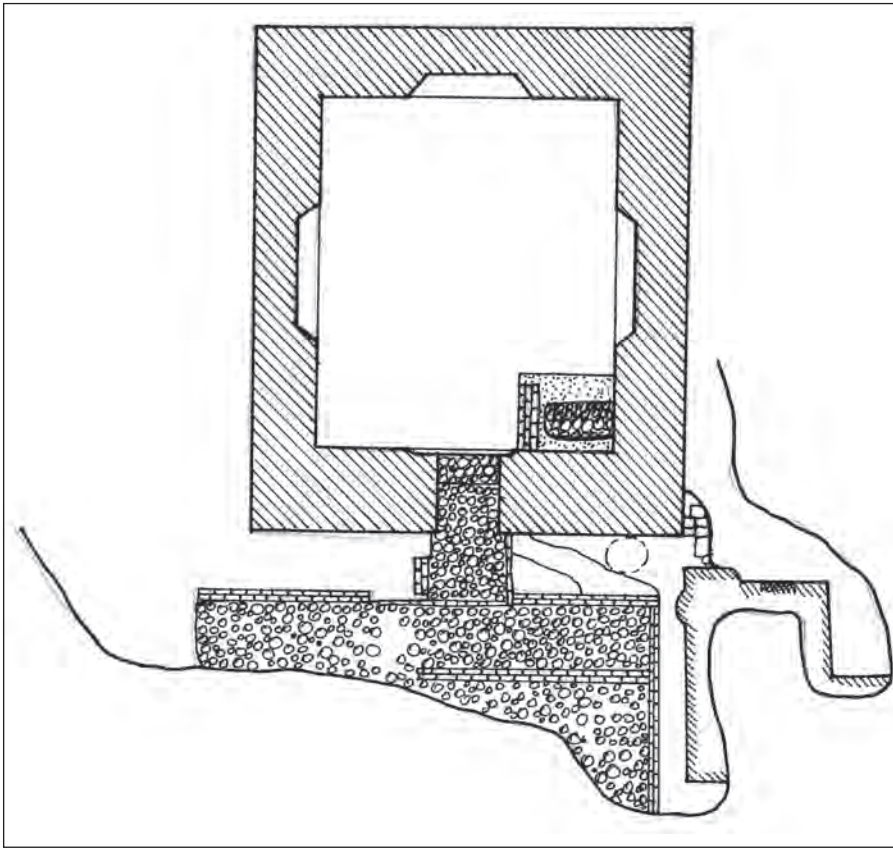

Рис. 197. Городище Бурана. Мечеть. X – XI вв.

ствол, сохранившийся на высоту 22 м. Верхняя часть его не сохранилась. Вход в минарет расположен на высоте 5 м и осуществлялся, видимо, по лестнице с крыши мечети.

Минарет сложен из жженого кирпича, декорирован поясами фигурных резных кирпичей. Буранинский минарет был сооружен в X в.¹¹

Минарет городища Актобе - города ал-Кадирийа был обнаружен в 50 м западнее центральных развалин.

В ходе раскопок минарета расчищены фундамент башни (стилобат) и остатки цокольной (верхней) части. Сооружение полностью сложено из жженных кирпичей, аккуратно подогнанных друг к другу, швы заполнены глиняным раствором.

Площадь четырехугольного фундамента башни составляет 8,65x8,5 м. Стены минарета были сложены из жженных кирпичей, а для внутренней части башни использованы кирпичи разных размеров (22x11x4,5 см; 31-32x13,5-14x5 см). В верхних слоях раскопа среди развалин обнаружены обломки специальных кирпичей и кирпичей с узорами.

Сам минарет, видимо, был восьмигранным, диаметр его цоколя составляет 7,85 м. Сохранившаяся высота постройки вместе с углубленным в землю стилобатом - 3,6 м.

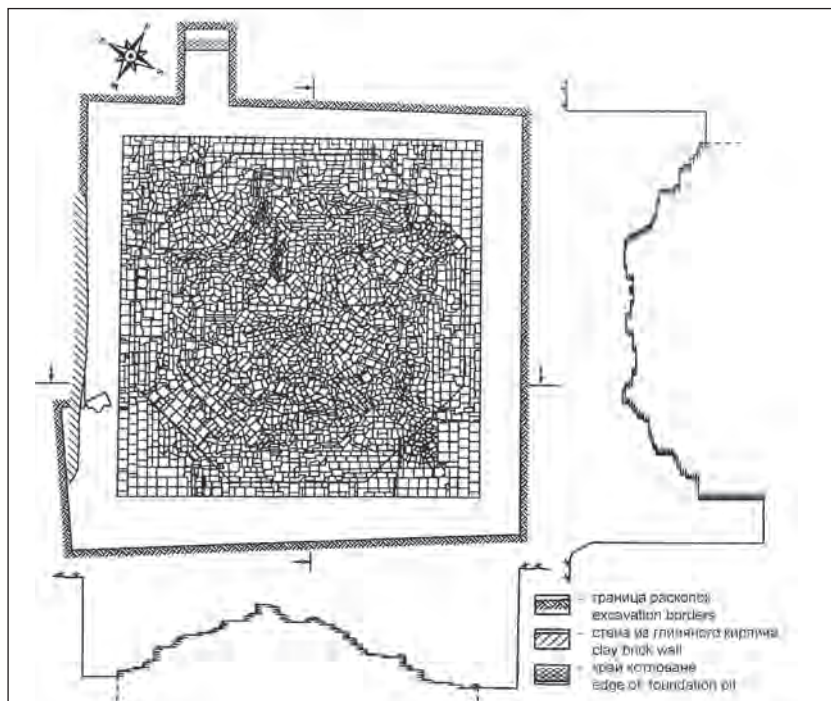

Рис. 198. Городище Актобе. План основания минарета. XI–XII вв.

Минарет был сооружен в XI–XII вв.¹²

Мечеть в Таразе находится вблизи мавзолея Карахана. Раскопки установили, что мечеть в плане квадратная со сторонами по внешнему обводу 20x20 м и внутренним залом размером 14,6x14,15 м. Внутри мечети 4 ряда сохранившихся каменных баз под колонны по 4 в каждом ряду. Поперечный шаг между осями равен 2,75 м, в продольном направлении - 3,5 м. Между каменными основаниями, расположенными напротив входа, шаг колонн составляет 3,8 м. Каменные основания разной формы и размеров, но по высоте они почти одинаковые - 0,4–0,45 м.

Мечеть ориентирована по сторонам света.

Стены мечети сооружены из пахсовых блоков и сырцового кирпича техникой комбинированной кладки. Толщина сохранившихся стен разная: северной (фасадной) - 3,1 м, восточной - 2,5 м, западной - 1,8 м и южной стены - 2 м. Сырцовый кирпич двух видов: прямоугольный (45x22,5x9 см) и квадратный (26x26x10 см). Внутренние вертикальные поверхности стен обкладывались прямоугольными сырцовыми кирпичами. Такая конструкция была выявлена в северной, южной и восточной стенах. Что касается западной стены, то она была подвержена капитальной перестройке. Основание стены сохранилось на высоту до 0,5 м. Большая часть стены заложена плитняком в последний период существования мечети. В западной стене у основания расчищена ниша михраба.

К стенам изнутри пристроены кирпичные выступы в виде угловых двойных пилонов, расположенных внутри помещений на равном расстоянии от углов. В плане они симметрично расположены относительно противоположных сторон. Обожженный кирпич имел размеры 26x13x4,5 см.

Пристенные опоры в виде пилонов, полуколонн предназначены уменьшить зависимость перекрытия от состояния каменных или глиняных стен, создать не связанный со стенами устойчивый каркас. Можно предположить, что они выполняли функцию дополнительной опоры для поддержания кровли. Северная стена является фасадной. Вход расположен не по центру, а смещен к северо-западу. Ширина входа составила 1,77 м. Вход выделен двумя выступающими пилонами, он шел со стороны вымощенной каменными плитами улицы шириной 2 м. Во входном проеме по обе стороны выявлены следы конструкции в виде углублений для закладки деталей дверей. Таразская мечеть датируется IX-XII в.¹³

Мечеть Кульшуба (городище Орнек). Этот памятник находится в 40 км восточнее г. Тараза, на трассе Великого Шелкового пути. Раскоп, заложенный в центральной части городища, частично вскрыл прямоугольную в плане постройку размером 40x20 м. Основания стен выложены из каменных булыжников. Сами стены шириной около 1 м

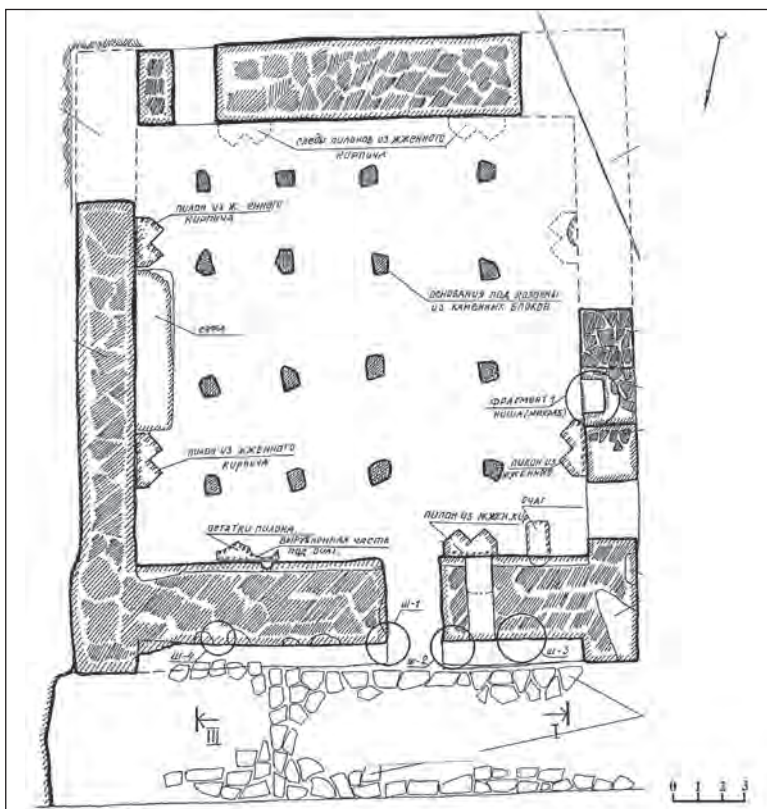

Рис. 199. Городище Тараз. План мечети Пайгамбара. X в.

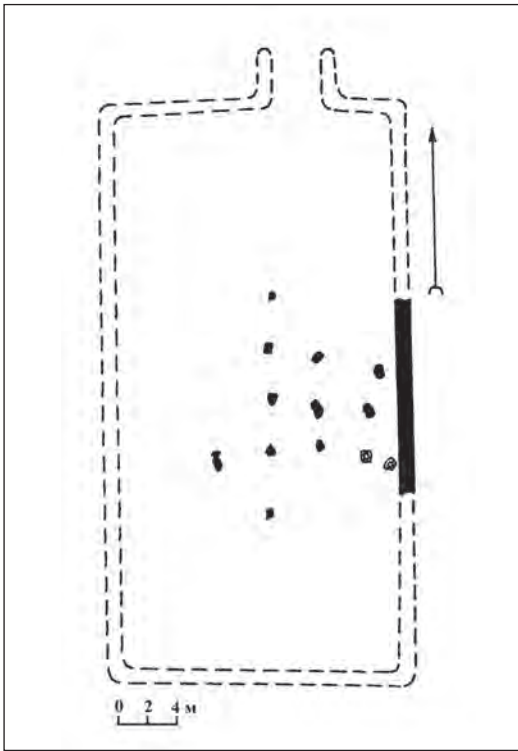

Рис. 200. Городище Орнек. Мечеть.
XI–XII вв. План

были глинобитными. Вход в мечеть находился в северо-восточной стене и оформлен двумя выступами стены длиной 3,5 м, образующими тамбур. Напротив входа находилась михрабная стена. На отдельных расчищенных участках пола обнаружено 14 каменных базовых колонн. Три базы были вытесаны из каменных глыб, две украшены резным орнаментом, другие – крупные необработанные валуны. Первая база размерами 0,5х0,5х1 м имеет слегка закругленную нижнюю часть и украшена на одной стороне резным орнаментом. Двойной линией изображена фигура в виде ножки вазы, на которой показан лист с двумя завитками, отходящими

от черешка. Вторая база - трапециевидная размером у основания 1,1х1,25 м и 0,75х1 м сверху, высотой 1,2 м. В верхней части имеется уступ высотой 10 см. С двух ребер блока сняты фаски. На двух гранях

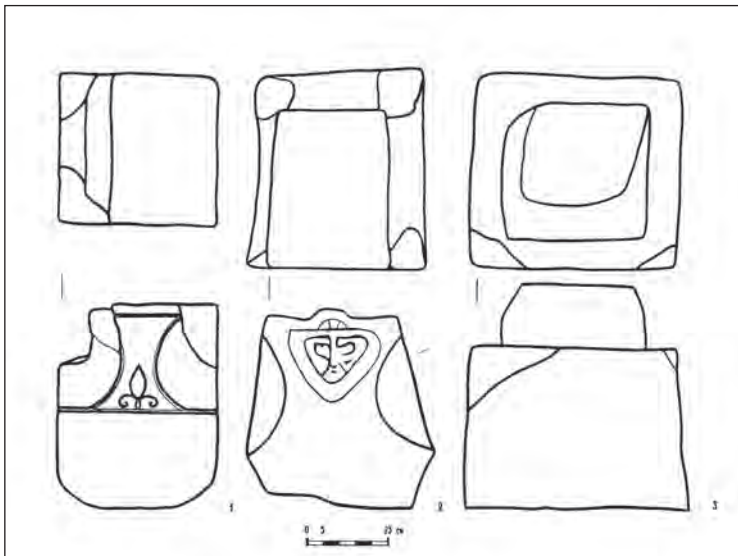

Рис. 201. Базы колонн мечети

вырезаны изображения антропоморфных существ. Третья база в виде двухступенчатого блока имеет размеры нижней ступени 1,3х1,2х1 м, верхней ступени - 0,85х0,9х0,4 м.

Остальные 11 баз - массивные каменные глыбы, уплощенные сверху, размерами в пределах 0,8х0,8 м. Колонны выстраивались правильными рядами на расстоянии 3-3,5 м друг от друга. На общей площади постройки могло быть 55 или 66 баз колонн - 11 по длине и 5 или 6 по ширине. Судя по планировке, это было прямоугольное сооружение с плоским перекрытием, которое опиралось на большое число колонн. Мечеть датирована X-XII вв.¹⁴

Мечеть города Кедер – городище Куйрыктобе. Город Кедер отождествляется с городищем Куйрыктобе в Отрарском оазисе.¹⁵ Это одно из крупных городищ, на территории которого с 1978 г. проводит раскопки ЮККАЭ. В центре города на территории шахристана была открыта мечеть, о которой писал Макдиси: «Кедер был новым городом; устройство в нем минбара (соборной мечети) вызвало междоусобные войны».¹⁶

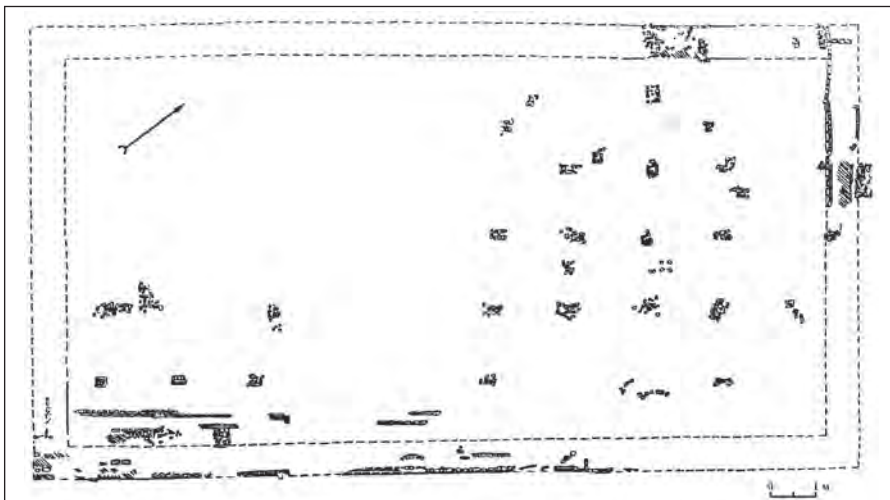

Рис. 202. Городище Куйрыктобе. План мечети. X-XII вв.

Сохранность мечети плохая, ее стены, сложенные из жженого кирпича, после запустения города в послемонгольское время разбирали на кирпичи для сооружения многочисленных погребальных склепов вблизи мечети. Это была прямоугольная постройка размерами 36,5х20,5 м по внешнему обводу стен, вытянутая по линии юго-запад - северо-восток.

В функционировании мечети отмечено два периода. Ранняя постройка, относящаяся к концу IX - началу X в., была перестроена в X в. и функционировала до XII в., после чего разрушилась и превратилась в кладбище. Кирпич для склепов выбирался из стен мечети, поэтому сохранность ее плохая, но основные параметры мечети восстанавливаются. Стены сложены техникой комбинированной кладки из жженого и сырцового кирпича.

Куйрыктобинская мечеть относится к типу столпных или колонных построек. Подобная мечеть была открыта на Сапол-тепа в Узбекистане, которая датирована XII в. Из поздних построек этого типа близки джума-мечети XVIII в. в Хиве и Хазараспе, мечети начала XX в. в Ургенче.¹⁷

Мавзолеи

Ранний ислам, как известно, запрещал возведение надгробных зданий, видя в них греховное обожествление человека, но запрет был нарушен уже в IX в. строительством в Самаре мавзолея над прахом халифа аль-Мунтасира. С тех пор возводились династические семейные усыпальницы-мавзолеи знатным людям, надгробные здания над прахом вероучителей, получившие название «мазар» и статус святых.

Мавзолеи-мазары принято считать культовыми сооружениями, а погребенных в них людей - исламскими святыми.

В системе построек X-XVIII вв. мавзолеи составляют значительную часть. Это объясняется популярностью суфизма в Казахстане с его культом могил и традиций уважительного, молитвенного отношения к погребенным людям, признанных мудрыми и праведными.

Большинство мавзолеев X - начала XIII вв. - купольные, чаще всего квадратные, многогранные или крестовидные в плане. Квадратное пространство здания обычно расширено осевыми нишами, купол на них опирается на tromпы. В двойных купольных оболочках, появившихся в XI в., верхняя иногда получала форму граненого, конического или рифленого шатра.

Для мавзолеев за доминирующий признак классификации можно принять количество, расположение и устройство входов. В этом случае классификация выглядит так:

Центрические здания типа «чортак» с четырьмя осевыми входами, равнозначными фасадами и пространством. Вариантом этого типа можно считать купольные залы с двумя входами на общей оси. Фасадные мавзолеи - это здания с главным входным фасадом, оформленным как портал, декорированным богаче других фасадов и иногда возвышающимся над ними подобно порталу-пештаку. Возможны и боковые входы. Эти мавзолеи рассчитаны на подход и восприятие с одной главной стороны. Иногда главный фасад отличает от других какая-либо одна, но важная особенность, например, фриз с надписью.

Портальные мавзолеи, главный фасад которых оформлен порталом-пештаком с пилонами, выступающими из плоскости фасада (в этом их отличие от зданий предыдущего типа), и высотой большей, чем высота других фасадов. Мавзолеи двух последних типов отличаются от аналогичных мечетей отсутствием михраба и ориентацией, как правило, по сторонам света.

В особую группу могут быть выделены мавзолеи с многогранным планом, обычно с сильно развитым порталом. По этому признаку такие мавзолеи входят в группу порталных.

Некоторые мавзолеи не отвечают ни одной из перечисленных категорий, - это по большей части многокамерные здания, так

задуманные, или получившие «нетиповой» облик вследствие достроек и перестроек, соединения гурханы с зиратханой и другими помещениями. Первые опыты построек такого рода датируются XI-XII вв.

Погребения в большинстве мавзолеев этого времени устроены в грунте под полом. Но уже в некоторых усыпальницах если не в XI, то в XII в. имеются склепы - небольшие, перекрытые сводом, с лазом-дромосом со стороны входа. Ранние склепы не связаны конструктивно со стенами мавзолеев, но очень точно расположены относительно лежащего над ними помещения - доказательство одновременности строительства.¹⁸

Мавзолей Кульшуба (городища Орнек.) За пределами центрального укрепления городища Орнек, в юго-западной части при вскрытии холма высотой 1,5 м и диаметром 30 м были выявлены две одновременные постройки. Верхняя из них представляла собой остатки мавзолея со стенами, ориентированными по сторонам света. Стены сложены из сырцового кирпича размером 21x20x9 см. Сохранившаяся высота стен 0,7-0,8 м, толщина - до 0,8 м. Размеры постройки по внешнему обводу стен 7,5x7,5 м. Пол мавзолея вымощен прямоугольным жженым кирпичом (24x12x4 см).

Мавзолей использовался под коллективные захоронения, совершаемые в склепах из сырцового кирпича. На полу его находились остатки деревянного перекрытия.

У южной стены найдены обломки деревянных обугленных досок. Один из обломков размерами 55x12,5x2,5 см украшен растительным орнаментом. Датируется мавзолеем XI-XII вв.¹⁹

Мавзолей Арыстан-баба воздвигнут над погребением известного тюркского шейха, который был учителем Ходжа Ахмеда Яссави в отроческие годы. Имя Арыстан-баба неоднократно упоминается в хикметах Ходжа Ахмеда.

После смерти Арыстан-баба был похоронен неподалеку от Отрара, рядом с городищем Куйрыктобе, отождествленным со столичным городом округа Отрар-Фараб в X-XI вв. Кедером. Следует подчеркнуть, что в Кедере в X в. была построена мечеть, возможно, одна из первых в этом регионе.²⁰

Вблизи Куйрыктобе обнаружен один из самых ранних мусульманских некрополей.²¹

История мавзолея связана с его, видимо, полным разрушением, затем восстановлением при Тимуре в конце XIV - начале XV в., разрушением от землетрясения в 1860 г. и сооружением нового мавзолея, а затем в 1909 г. было построено сооружение, которое состоит из мавзолея и мечети.²²

Мавзолей многокамерный и состоит из собственно мавзолея-усыпальницы Арыстан-баба, пристроенной гурханы с захоронениями его учеников и последователей, айвана и мечети. Над усыпальницами возвышаются два купола. Центром композиции является портал, стрельчатая арка которого опирается на расширяющиеся к низу

пилоны. Мечеть имеет столпную конфигурацию. Шесть деревянных колонн поддерживают перекрытия. Две колонны датируются концом XIV-XV в.²³

В ходе консервационных работ на мавзолее в 2004 г. в помещении гурханы была произведена разборка пола и при этом на глубине 12 см был обнаружен угол помещения, сложенный из жженого кирпича. Размеры обнаруженного кирпича аналогичны размерам кирпичей мечети Кедера. Размеры его 18х9х3,5 см и 19,5х15,5х5,5 см. В траншее была установлена сохранившаяся высота северной стены: 49 см (10 рядов кладки), длиной 2,96 м.

Были вскрыты и остатки других конструкций из жженого кирпича. Исследователи установили, что в истории мавзолея четко выделяется первоначальная постройка XII в. и постройка конца XIV в., включившая в себя постройку XII в.²⁴

Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави находится в центре города Туркестана. Первая постройка мавзолея над могилой Ходжи Ахмеда Яссави, как выяснилось, относится к более раннему времени.

С декоративным обликом этой ранней постройки исследователи связывают несколько фрагментов терракотовых резных плит, найденных в разные годы при реставрации, а само здание считается полностью разрушенным в конце XIV века при строительстве по велению эмира Тимура на этом месте грандиозного комплекса нового мавзолея.

От него сохранились, как принято считать, обнаруженные при зондаже стен XIV века в районе гурханы отдельные участки ранних стен, облицованные парными кирпичиками со вставками - «бантиками», и фрагменты резных терракотовых плиток. На основании подобных весьма фрагментарных данных можно было предположить, что мавзолей над прахом святого был сооружен сразу после его погребения в 1166 году, декоративное оформление его соответствовало стилю своего времени, а «сравнительно мелкий рисунок орнаментов говорил о том, что размеры мавзолея были невелики».

С.Г. Хмельницкий полагал, что «мавзолей XII века над могилой ходжи Ахмеда Яссави представлял собой, вероятно, квадратное помещение со сторонами длиной 7,5 м и неглубокими осевыми нишами на всех сторонах, которые были прорезаны входами, - здание должно было быть центрическим, типа чортака».

Есть все основания считать, что первый мавзолей ходжи Ахмеда Яссави в Туркестане был отнюдь не заурядной скромной постройкой, а стоял в одном ряду с самыми элитными и совершенными по декоративным свойствам памятниками своей эпохи.²⁵

Мусульманские бани

Как известно, в восточном городе баня занимала видное место в ряду общественных сооружений. После мечети она была самым посещаемым местом. «...Баня на Кавказе, как и на всем Востоке, предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного

богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы или нардах». ²⁶ Бани являлись также своеобразными лечебными заведениями. Врач IX-X вв. Закария ар-Рази, описывая влияние бани на организм человека, рекомендовал украшать бани хорошей живописью, которая исцеляет от меланхолии и облегчает груз забот. ²⁷

О популярности бани в быту населения свидетельствуют многочисленные ее характеристики, описания банных эпизодов, перечни своеобразных правил посещения бань. ²⁸

Баню нередко использовали и в лечебных целях - таковы, например, бани Эрзерума, Бруссы и Тбилиси, возведенные над лечебными источниками. ²⁹ Трактат XI в., принадлежавший перу ибн Сины, содержит широкую информацию о том, какие целебные отвары и настои должны применяться в бане. ³⁰

Популярность этих заведений среди городского населения была действительно огромной. Джелал Эссад писал: «Бани также необходимы мусульманину как и мечети...». ³¹ Известно, например, что в Багдаде в первой половине X в. насчитывалось 10 тысяч бань. ³² В ходе раскопок на Афрасиабе на небольшой территории при дворце цитадели было открыто пять бань, что в свою очередь дает возможность предположительно вывести общее число банных комплексов, которых, возможно, было не менее шестидесяти. ³³ Быстрое распространение бань в средневековых городах определено двумя факторами: культовыми и бытовыми узаконениями ислама (вспомним постройки «тахоратхана» при больших мечетях с отапливаемыми полами, купольными и сводчатыми перекрытиями, используемые для ритуальных омовений «тахорат»), а также широким распространением жженого кирпича.

Вопрос о времени сложения крестовидного типа бань не решается однозначно. В.Л. Воронина полагала, что бани из жженого кирпича с крестовидной планировкой, со строго последовательной системой соединения помещений и градацией их температурного режима возникали в Средней Азии в XIV в., после того, как регион оправился после разрухи, вызванной монгольским нашествием. ³⁴ Однако археологические материалы свидетельствуют об их более раннем появлении - в конце XI-XII в. Во второй половине XIII в. и позднее, вплоть до XIX в., строились бани, продолжавшие архитектурно-планировочные традиции, сложившиеся в предшествующее время. ³⁵ Бани казахстанских городов известны по материалам раскопок и одна сохранилась в Туркестане почти до наших дней и функционировала до середины XX в.

Бани были двух типов - общественные и частные. Первые строились правителями и богатыми людьми и отдавались в пользование горожанам как богоугодные пожертвования, либо для получения прибыли. Возможно, наряду с мужскими были бани и женские. Частные

бани строили при богатых домах и дворцах, они предназначались для правителей или владельцев богатых домов, их семей, гостей, прислуги. Они были небольшими.

Бани сооружались из жженого кирпича, помещения их перекрывались куполами. В помещениях устраивались ванны для мытья, стены иногда украшались водостойкими фресками. Температура в бане поддерживалась системой отопления, называемой гипокауст. Она предусматривает наличие подпольного пространства, где циркулировал горячий воздух. Он обогревал пол, который опирался на кирпичные столбики или стенки.

Температура регулировалась при помощи вертикальных каналов в стенах. Вода подогревалась в котлах, вмезанных в топку, и зачерпывалась оттуда ковшом, либо разносилась специальными людьми. Сточная вода выводилась системой кубуров.

Бани углублялись в землю, их ставили в специально выкопанных котлованах, на поверхность выступали купола - так в бане сохранялось тепло.³⁶

К настоящему времени обнаружены, исследованы две бани в Таразе, три бани в Отраре, на городищах Актобе Степнинском и Екпенды. Все они были построены и существовали в X - начале XIII в.³⁷

Некрополи и погребальный обряд

Исследован ряд мусульманских некрополей, расположенных рядом с городами Кедер (городище Куйрыктобе) и с городищем Баба-Ата.

Охарактеризован мусульманский погребальный обряд.

Погребения и некрополи являются важнейшим археологическим источником, используемым при исследованиях древней и средневековой истории. Исследование некрополей представляется важным при изучении религиозных представлений, на которые оказывают влияние два важнейших фактора - этнические особенности и общественные отношения. В свою очередь, через религию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых сохраняются такие вещественные явления, как способ захоронения, могильное и надмогильное устройство, сопровождающий инвентарь.

Эти явления характерны для формирования погребальной практики и в обществе, принявшем ислам.

Яркие изменения в погребальной практике отчетливо прослеживаются в Казахстане в IX-XII вв. и позже, в связи с принятием ислама горожанами, оседлым населением, скотоводами и кочевниками.

К сожалению, степень изученности некрополей эпохи ислама в Казахстане недостаточна. Специальные планомерные исследования в этом направлении не проводились, что, безусловно, является пробелом в казахстанской археологии.

Некрополь городища Баба-Ата находится в 0,8 км южнее цитадели городища, насчитывал 19 курганов с лессовыми насыпями, расположенными бессистемно, рядом друг с другом. Было вскрыто два кургана (№ 5 и 12).

В кургане № 12 диаметром 14 м, высотой 0,6 м сразу же под дерновым слоем обнаружена залитая слоем 8-10 см жидкой глины площадка размером 5,7х5,8 м, ориентированная углами по сторонам света. Под слоем глины находилась оградка, толщина стен которой достигала 0,8-1,0 м, в северо-восточной стене был устроен проем шириной 0,5 м. Внутри оградки на глубине 0,95 м на слое толщиной 0,2 м битой глины находились четыре прямоугольных склепа, расположенные параллельно северо-западной стене. Два из них сложены из кирпича-сырца, а два - из битой глины.

Первый склеп длиной 1,25 м, шириной 0,6 м сложен из сырцового кирпича размером 40-44х20х9-10 см высотой в пять рядов кирпича без связующего раствора.

Второй склеп, находящийся на расстоянии 0,35 м от первого, длиной 1,25 м, представлял собой ящик с открытыми короткими сторонами высотой 0,3 м, из уложенных поперек плашмя кирпичами размером 36х18х8-9 см и 42х21х9 см.

Два следующих глинобитных ящика располагались на расстоянии 0,3 м от второго склепа, следующий - на расстоянии 0,5 м от третьего. Ящики имели размеры соответственно: длина 0,6 м, ширину - 0,63 м, высоту - 0,34 м; второй - длину и ширину 0,37 м, высоту 0,35 м.

Под слоем пахсы толщиной 0,2 м, на котором находились ящики, на глубине 0,2 м находился нарушенный материковый грунт, под ним - в противоположном секторе располагались две овальной формы оградки, сложенные из кирпича-сырца и ориентированные с северо-запада на юго-восток. Обе оградки высотой в два кирпича, размер первой: длина 1,55 м, ширина 0,68 м; второй - длина 1,8 м, ширина юго-западной стенки 0,63 м, северо-восточной 0,82 м. Внутри них остатков захоронений не обнаружено.

В дерновом слое насыпи кургана найдено два обломка сосудов, один - тонкостенный, покрытый белым ангобом и сделанный на гончарном круге, второй - от хума.

Наличие над ящиками глинобитной кладки исключает возможность их ограбления до момента сооружения оградок и, очевидно, свидетельствует о том, что в них не было захоронений.

В кургане № 5 диаметром 8 м, высотой 0,2 м сразу под дерновым слоем проявились контуры прямоугольной оградки, северная стена которой сложена из битой глины, а три остальных - из камней, скрепленных глиняным раствором. На глубине 1,2 м от центра находилась выкладка, ориентированная с запада на восток, длиной 1,6 м, шириной 0,45 м, высотой 0,3 м, из кирпича-сырца размером 44-45х22х9-10 см, уложенного в три ряда плашмя без раствора. Под выкладкой обнаружена могильная яма глубиной 0,3 м с подбоем в южной стенке. Дромос узкий шириной 0,45 м, длиной 1,8 м. В подбое на подстилке из мелкой гальки и щебня лежал скелет вытянуто на спине, головой на запад. Сопровождающего инвентаря при захоронении не обнаружено.

Датировать раскопанные курганы можно X-XIV вв. н. э.

В кургане № 12 присутствуют два слоя захоронений: нижний – две грунтовые ямы, обложенные кирпичом, и верхний – глинобитные сооружения, являющиеся чем-то средним между мусульманскими сагана и склепами.

В кургане № 5 обнаружено типичное мусульманское захоронение.

Большое значение для определения времени, к которому относится могильник, имеет и его расположение. Он, подобно большинству некрополей, оставленных жителями городов, находится недалеко от стен города, который прекратил жизнь в XIV – начале XV в. Следовательно, эта дата должна быть верхним рубежом для кургана № 5 и верхнего яруса кургана № 12. Нижний ярус, безусловно, более ранний, может быть отнесен, судя по аналогиям, к IX-X вв. Кирпич размером 40-44x29x9-10 см, использованный при возведении сооружений верхнего яруса кургана № 12, характерен для построек всех основных горизонтов городища и поэтому не может быть ориентиром при датировке. Могильные ямы нижнего горизонта обложены кирпичом 36x18x10 см, встреченным в основном в нижних слоях цитадели. Очевидно, для их возведения брали кирпич разрушенных зданий, что позволяет уточнить датировку.

Курганные насыпи, а также другого рода надмогильные сооружения, не содержащие захоронений, хорошо известны по археологическим и этнографическим материалам Казахстана и Средней Азии. Скорее всего, их следует отнести к категории кенотафов, сооружаемых в честь родичей, умерших вдали от родины. Интересно отметить, что пережитки этого обычая в несколько измененном виде сохранились среди узбеков и казахов до настоящего времени. Так, например, при посещении верующими могил так называемых «святых» Ахмеда Яссави и Арсланбаба, родственники умерших вдали от родины сооружают возле «святого» места холмики из земли и пыли. У некоторых казахских родов, проживающих сейчас в районе г. Туркестана, существует обычай устанавливать в головах покойника деревянный столб, нижний конец которого упирается в дно могильной ямы, а верхний слегка выступает над могильным холмом. Имитацией подобного сооружения являются холмики, насыпанные возле комплекса Ахмеда Яссави, с воткнутыми в «них небольшими палочками».³⁸

Некрополь города Кедера – городище Куйрыктобе. Городище Куйрыктобе, расположенное в Отрарском оазисе, отождествляется с городом Кедером, жители которого уже в X в. построили соборную мечеть, остатки которой найдены и изучены. Рядом с городищем находится мавзолей Арсланбаб, построенный в XII в., а рядом – огромное кладбище, на котором хоронили вплоть до конца XX в. Ранние погребения скрыты под погребениями эпохи позднего средневековья и нового времени. Южнее городища в 1,5 км от цитадели было обнаружено раннее мусульманское кладбище, устроенное на отвалах выброса магистрального канала VIII-XII вв.

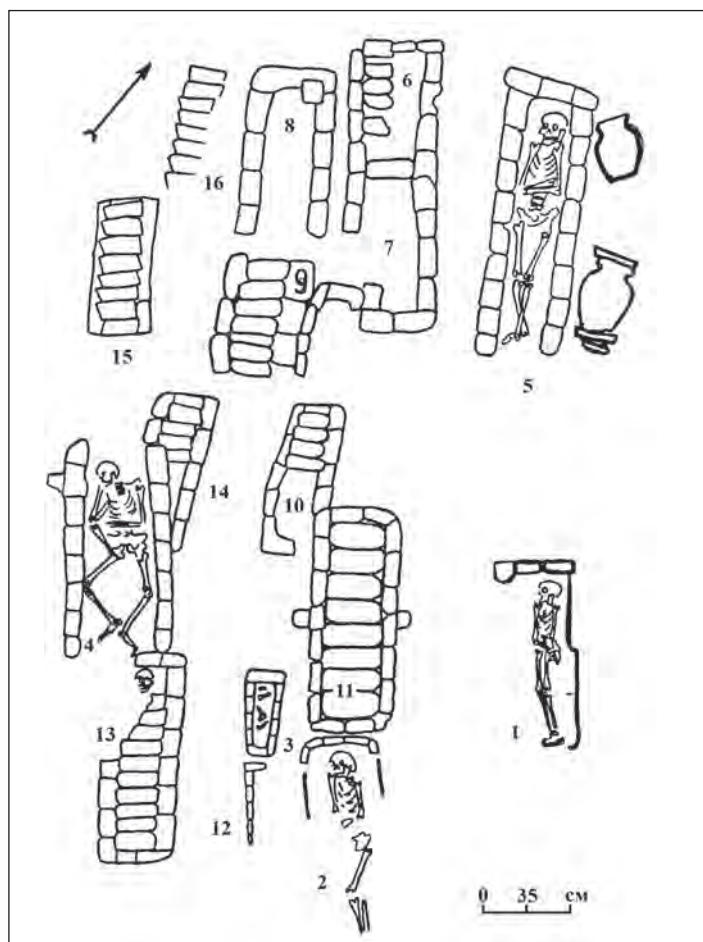

Рис. 203. Городище Куйрыктобе. Мусульманские захоронения. X в.

Раскоп I был заложен на бугре отвала, расчищено 7 погребений. Погребенные, судя по положению скелетов, были положены в вытянутом положении или на правом боку головой на северо-запад, лицом на юг - юго-запад. Руки у них согнуты в локтях или сложены на груди. Погребальный инвентарь отсутствует. В погребении № 5 южнее тазовых костей была найдена бронзовая монета саманидского чекана.³⁹

Раскоп II был заложен на плоской вершине одного из бугров. При поверхностном осмотре были обнаружены сырцовые планировки и останки погребенных.

Расчистка с последующим расширением площади раскопок выявила 12 погребений в склепах. Стенки их сооружены из сырцового кирпича. Перекрытия сделаны из нескольких кирпичей, положенных поперек боковых стен склепа, или из кирпичей, поставленных наклонно поперек боковых стен склепа.

Полностью вскрыто 5 из 12 склепов. Умершие уложены вытянуто, на правом боку или на спине. Ориентированы головой на северо-запад, лицом на юг или юго-запад. Руки согнуты в локте и сложены на

груди, частичное отклонение от общей схемы замечено в погребении 4, в котором широко расставленные бедренные и берцовые кости умершего соединены в костях стопы и образуют в коленном суставе прямой угол. Погребальный инвентарь отсутствует. Дальнейшее углубление на отдельных участках раскопа показало, что большинство из вскрытых склепов располагаются на подобных погребальных конструкциях. Расчищен лишь один из четырех склепов. В нем погребенный был уложен по описанной схеме. На уровне этого погребального горизонта, ниже пола погребений 5, найдены две хумчи.

Раскоп III был заложен вдоль внутреннего склона левобережного отвала древнего оросительного канала. Обнаружено 10 погребальных построек, из них расчищено 7. По конструкции, строительному материалу и обряду захоронения они ничем не отличаются от склепов из раскопа II. На западной окраине раскопа, на уровне основания строений, найдено четыре хумчи. Пятая вмазана боком на поверхности склепа. Раскоп не доведен до материка.⁴⁰

Таким образом, материалы из вышеназванных некрополей, а также данные, полученные при изучении захоронений в мавзолеях, ханака дают возможность считать, что мусульманский обряд захоронения среди горожан распространяется в IX-XII вв.

Известно, что для принявших ислам устраивались свои кладбища, но первые захоронения, совершенные по исламскому обряду, были отмечены на старых городских некрополях, например, на некрополе Джамуката, функционировавшем длительное время - в VI-IX вв., находились мусульманские захоронения X в.

Изделия из металла

Большую группу находок при раскопках средневековых городищ или слоев первой половины IX - начала XIII вв. составляют изделия из металла - бронзы, серебра, золота. Это украшения: браслеты, перстни, подвески, амулеты, поясная гарнитура, конское снаряжение. Часть из них имеет арабские надписи.

Поясная накладка из Отрара. Такие находки являются объектом исследований археологов и специалистов по эпиграфике. Ярким примером такой комплексной работы в казахстанской науке является статья В.Н. Настича, посвященная поясной накладке из Отрара,⁴¹ обнаруженной в стратиграфическом раскопе, в слое XIII-XIV вв.⁴²

Находка представляет собой массивную пластинку размером 3x4,4 см в форме прямоугольного щитка с фигурным обрезом в нижней части из сплава золотистой бронзы, покрытую патиной черного цвета.

На лицевой стороне накладки помещена надпись в две строки кувфическим письмом на арабском языке. Текст надписи гласит: «от Аллаха степень». Последнее слово имеет в русском языке несколько вариантов: ранг, звание, чин. Его можно понимать и как общественное положение.

Слово «степень» неоднократно встречается в Коране и употребляется в том же значении в связи с Аллахом, распределяющим людей

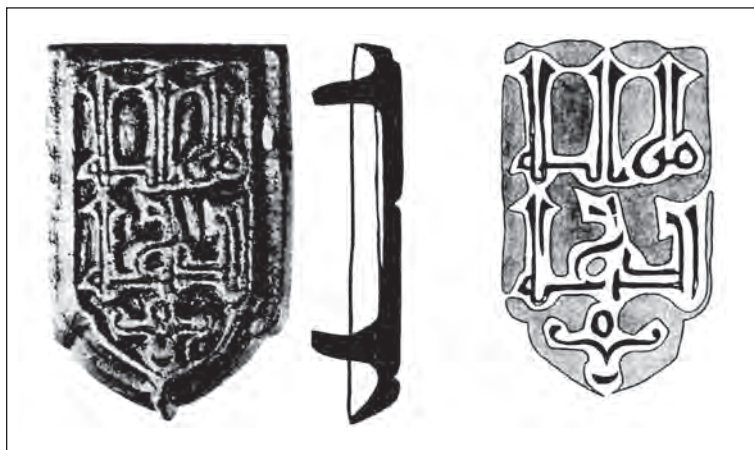

Рис. 204. Бронзовая накладка на пояс. XII в.

по степеням (или ступеням) в награду или в наказание за их поступки. Несомненно, что надпись на накладке связана по смыслу с указанными стихами из Корана.⁴³

Стиль куфи, которым оформлена надпись, известен по эпиграфическим памятникам Средней Азии, многие из них точно датированы.

Ближе всего к найденной накладке по стилю и особенностям почерка такие эпиграфические и нумизматические памятники конца X-XI вв. как бронзовый фельс караханидского чекана Согда 404/1013-1014, бронзовый монетовидный жетон XI в. из Самарканда, бронзовое литое зеркало из Унгерлиса (округ Тараза, современный Жамбылский район), датированное X-XI вв.

Датируется накладка, таким образом, концом XI-XII вв.⁴⁴

Если поясные наборы мусульманского периода встречаются в достаточном количестве, то поясов с эпиграфическим оформлением среди них известны единицы.

По свидетельствам археологических материалов и письменных источников X-XI вв., наборные пояса широко использовались в древний и средневековый периоды и в раннемусульманской Средней Азии и в Казахстане.

Приведенные сведения говорят о том, что в среде тюркского воинства такие накладки были особым знаком отличия. Это подтверждает и надпись на накладке, содержание которой можно трактовать как напоминание воину о его месте и обязанностях в мусульманском обществе.⁴⁵

Тюркские боевые пояса были широко распространены в Евразии. В мусульманскую эпоху, начиная со времени государства Саманидов, эти атрибуты воинского снаряжения развивались, приспосабливаясь к требованиям новой идеологии.

Потребности Арабского халифата, а позднее и других отделившихся от него мусульманских государств, в военной силе покрывались в значительной мере за счет притока тюркских рабов из Казах-

стана и Средней Азии. После разгрома Саманидов их владения были поделены между караханидскими и газневидскими правителями. Округ Фараб, к которому относился город Отрар, и соседний с ним Испиджаб в 992-996 гг., к середине XI в. вошли в состав одного из восточно-караханидских уделов. В.Н. Настич сделал очень интересное наблюдение, увидев в оформлении бляхи антропоморфность, а точнее, выполненную арабскими буквами на фоне бляхи «личину в головном уборе». И он прав, считая, что в стилизации изображения на бляхе с помощью букв арабского алфавита сохраняется домусульманская традиция. В данном случае под влиянием мусульманской догматики на культуру и искусство народов Средней Азии, где суннитский ислам, по словам А.Н. Бернштама, «вытравил всю живопись доарабского времени, в значительной степени волю изображения мастера только в области орнаментальных мотивов».⁴⁶

Трудно определить точно, где изготавливались эти пояса. Однако если учесть сообщение Гардизи об их происхождении из Туркестана, то можно утверждать, что местом их производства были некоторые из ремесленных центров восточно-караханидского государства. Причем высокие технические и художественные качества исполнения поясных наборов, судя по Отрарской накладке, предполагают их производство в крупных и городских центрах. Такими центрами ал-Макдиси называет Фергану и Испиджаб.⁴⁷

В настоящее время некоторые из таких центров могут быть названы с достаточной уверенностью. Это семиреченский город Навакет (Невакет), который отождествляется с городищем Красная Речка. В ходе грабительских поисков с помощью металлоискателей на городище была собрана и продолжает увеличиваться коллекция художественного металла в основном из верхних слоев (IX - начало XIII вв.). Часть находок поступает на «рынки древностей», другие отложились в коллекциях научных центров, в частных коллекциях. Изделия из таких коллекций (1100 экз.) были опубликованы.⁴⁸

В коллекцию из городища Красная Речка входят сосуды, фигурки, зеркала, украшения, амулеты. Наиболее многочисленными являются детали ременной гарнитуры наборного пояса и снаряжения коня.

Аналогичные коллекции вещей собраны и на других городищах, которые отождествляются со столичными городами Суяб, Баласагун.

Часть из вещей имеют надписи на арабском языке.

Так, начиная со времени принятия мусульманства, боевые пояса и другие атрибуты воинского снаряжения приспособлялись к требованиям новой идеологии, сохраняя при этом традиции другой идеологии.

Изделия из бронзы

Как выше отмечалось, большую группу из раскопок средневековых городищ Казахстана, а также случайных находок составляют бронзовые зеркала, кувшины, блюда, тарелки, ступки, муфты для соединения деревянных опор-шатров. На некоторых из них имеются

надписи. Особую группу изделий из бронзы составляют светильники, наделенные, как и прежде, не только функциональной, но и культовой и идеологической нагрузкой. Это могут быть короткие прорезные надписи на тулове чирагов-светильников. В группе присутствуют чираги с одним или несколькими носиками, зооморфные в виде животных, зачастую выполненных с высоким художественным вкусом.⁴⁹

Керамика и стекло

В ходе археологических раскопок собрана коллекция неполивной, штампованной и глазурованной керамики с арабскими надписями.

Часть этого материала опубликована. Уникальна находка черепка глиняного сосуда с нанесенной на него надписью в 10 строк из раскопанного жилища X-XI вв. на городище Куйрыктобе.⁵⁰ Из Отрара (квартал гончаров) из слоя XIII-XIV вв. происходит фрагмент кувшина с рельефной надписью.⁵¹

Е.И. Агеева опубликовала обломок глиняного блюда, на внутренней поверхности которого прочерчена до обжига надпись. Фрагмент блюда был найден в стратиграфическом раскопе на городище Шилик и датируется XIII – началом XIV в.⁵²

Надписи на керамике, в том числе и сделанные на обожженных

Рис. 205. Черепок с арабской надписью. Городище Куйрыктобе. XI в.

сосудах, найдены на обломках, обнаруженных при раскопках городища Талгар. Они датируются XI-XIII вв.⁵³ Керамика с надписями, датированная XIII-XIV вв., найдена в Таразе.⁵⁴

Датируется керамика в диапазоне второй половины XIV-XV вв.⁵⁵ Арабские надписи на поливных сосудах X-XII вв. обнаружены при раскопках городищ Жетысу и Южного Казахстана. Многочисленные группы чаш разных размеров, блюд происходят из раскопок городища Талгар, Тараз, городища Отрар и городищ Отрарского оазиса.⁵⁶

Надписи на стеклянных сосудах из средневековых городов Казахстана крайне редки. Одна из них достаточно полная, выполненная рельефом при выдувании в форму, встречена на стеклянном сосуде из Отрара.⁵⁷

На керамику с надписями в свое время обратил внимание А.Н. Бернштам, считая, что надписи на керамике выполненные почерком куфи, содержат, как правило, слова «Алла» и являются религиозными по своему характеру. Он относил надписи к эпохе Караханидов.⁵⁸

О.Г. Большаков в диссертации о поливной керамике Средней Азии VIII-XII вв. посвятил специальную главу анализу арабских надписей на ней. Эта тема звучит и в других его работах.⁵⁹

Вызывает споры само появление поливной керамики в Средней Азии. О.Г. Большаков убедительно доказывает, что производство керамики в среднеазиатских городах не было местным изобретением, как считают некоторые исследователи, а было заимствовано, скорее всего, из Ирака во второй половине VIII в. и до арабского завоевания ее не было.⁶⁰ Наиболее благоприятным временем для заимствования производства поливной керамики была вторая половина VIII в. В это время в Багдаде поселилось множество выходцев из Средней Азии. В то же время в Средней Азии было немало чиновников и военных из Ирака и других западных областей.

*Рис. 206. Фрагмент штукатурки с арабской надписью.
Городище Луговое. IX-X вв.*

Первой освоенной глазурью в Средней Азии была медно-свинцовая полива.⁶¹ «Революцию в производстве поливной керамики произвело освоение прозрачной свинцовой глазури, открывшей широчайшие возможности подглазурной росписи с четким, графически ясным рисунком. Применение белого ангоба, превращало поверхность глиняной посуды в идеальный фон для художника. Толчком к появлению белоангобной керамики, на наш взгляд, явилось стремление гончаров создать имитацию дорогого привозного фарфора. Во всяком случае, одна разновидность белоангобной посуды с пятнистой желто-зеленой глазурью и гравированным подглазурным орнаментом появилась как имитация конкретной разновидности китайской керамики. Но был ли именно этот вид белоангобной керамики предшественником всех остальных, мы сказать не можем. Вместе с манерой декорирования была заимствована новая форма столовой посуды – тарелка с широким, почти горизонтальным отворотом и плавным перегибом обратной стороны, встречавшаяся сначала только вместе с пятнистой глазурью поверхности».⁶²

Отмечается значительное сходство комплексов поливной керамики, происходящих из различных районов. Это одни и те же формы, орнаментика, цветовая гамма.

Керамика одного стиля со среднеазиатской в IX-XI вв. была распространена далеко за пределами Средней Азии: в Хорасане и по всей территории Афганистана. Таким образом, область ее распространения совпадает с территорией саманидского государства. Можно уверенно отметить, что эта керамика появляется в IX-X вв. и в Казахстане (на юге и в Жетысу).⁶³

Сходство поливной керамики на обширной территории свидетельствует о тесных экономических и культурных связях и единстве вкусов потребителей (в первую очередь горожан). Одновременно возникает вопрос, какие центры задавали тон.

Одним из них в производстве художественной керамики был Самарканд. Внешнее стилистическое исследование керамики, находимой за пределами района Самарканда, не позволяет выявить самаркандскую продукцию. Помочь в этом может только химический анализ черепка, глазури и краски. Однако, такого рода сводная работа по керамике «самаркандского типа» в городах Средней Азии не проведена. Нет сравнительного материала по керамике Афганистана, среднеазиатских городов и городов Казахстана (Испиджаб, Отрар, Тараз). Но внешне по черепку, качеству поливы и совершенству рисунка можно выделить посуду, привезенную из Самарканда и такую же, изготовленную в Отраре, Кедере, Таразе, Талгаре. Керамика, в силу своей хрупкости, не удобный для перевозки товар. Транспортировка его может быть оправдана только при условии высоких цен. Поэтому, чем дороже и лучше керамика, тем обширнее зона ее распространения, тем больше сходства в керамике одного типа, производившейся в разных областях.

Поливная керамика дает богатый материал для суждения о некоторых существенных явлениях культуры. Так, она прекрасно иллюстрирует историю бытования арабского языка в городской среде. В IX-X вв. наиболее характерным сюжетом росписи высококачественной керамики были арабские надписи. Они представляют различные по времени и стилю почерки: от строгого простого куфи IX в., заимствованного из Корана или иных дорогих рукописей, до сложных декоративных форм цветущего куфи.⁶⁴

В росписи керамики художники использовали декоративные возможности арабского шрифта. Некоторые надписи цветущим куфи, превращенные, на первый взгляд, в полосу растительного орнамента, не утратили читаемости.

По содержанию все надписи можно разделить на три группы.

Первая состоит из различных благопожеланий. Указанные благопожелания являются сокращением более полной исходной формы, которая не встречается на керамике Средней Азии, но известна на керамике Ближнего Востока, из чего можно сделать вывод, что

они были заимствованы уже в сокращенной форме. «Барака» часто входит составным элементом в длинные благопожелательные надписи с перечислением различных благ, желаемых владельцу.

Изредка встречаются пожелания, непосредственно связанные с назначением сосуда: «Пей (или «ешь») из него на здоровье».

Надписи второй группы имеют афористический характер. Например, арабские пословицы: «терпение - ключ к радости»: «верность - драгоценность», «начало ученья горько на вкус, а конец его слаще меда», «кто много говорит - много унижает себя».

Есть надписи, характерные для мусульманской этики. Наряду с призывом уповать на Аллаха попадают афоризмы о необходимости довольствоваться малым, отказываться от своих желаний. Встречаются религиозные надписи: «Стыдливость - ветвь веры». Слово «вера» (ал-иман) встречается на ряде непрочтенных надписей, в которых распознаются отдельные слова: ал-джанна - «рай», ан-нар - «пламя»; они, несомненно, также носят религиозный характер.

Это заставляет предполагать, что некоторые сентенции, которые, как казалось, носят светский характер, могут быть хадисами, хотя и не вошедшими в канонические сборники. Такова в первую очередь сентенция «Щедрость - свойство праведников обитателей рая». Весьма вероятно, что афоризмы о достоинстве знания подразумевают не науку вообще, не положительные знания, а науку о религии, богословие, которое в средние века было Наукой с большой буквы - ал-Илм.

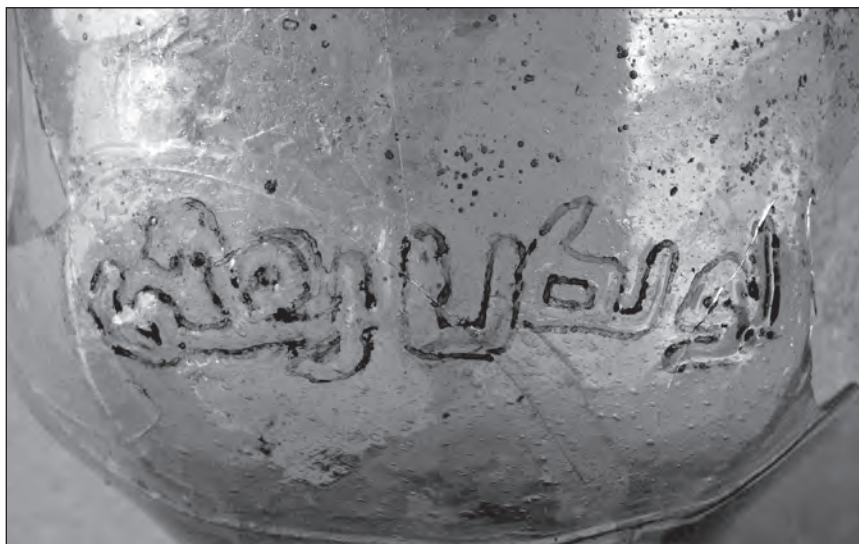
Характерно, что все надписи к хадисам относятся к X-XI вв., так же как и другие надписи со словом «вера». Видимо, в этом отражение усиления влияния ортодоксальной мусульманской идеологии, которым ознаменовалось начало XI в.

В XI в. постепенно исчезает керамика с осмысленными надписями на арабском языке. Они еще существуют, но в виде копий с более ранних образцов. К концу века сохраняются только краткие благопожелания - «барака» и вошедшее в моду в этом веке «ал-йумн» (благополучие). Это объясняется вытеснением арабского языка.

Новый потребитель, так же как мастера, изготовлявшие эту керамику, не знали арабского языка. Мода на надписи сохранилась, но копировали их без понимания смысла написанного.⁶⁵ Декор поливной керамики позволяет поставить еще один вопрос - о влиянии ислама на изобразительное искусство. С одной стороны, существует твердое убеждение, что ислам запрещал изображение живых существ, с другой считается, что наиболее строго изображение живых существ изгонялось не в X в. и последующих веках, когда окончательно сформировалась мусульманская идеология и началось решительное наступление на инакомыслие. С распадом же Халифата, который навязывал ислам покоренным народам, «мощные антихалифатские и яфетические выступления расшатали положение ислама, и живые существа вновь изображаются в искусстве».⁶⁶

С подобными представлениями, считает О.Г. Большаков, находит отражение общая тенденция представлять религию в средние века

чем-то насильно навязанным, а не естественной формой средневекового мировоззрения. Не лишнее напомнить, что «средние века присоединились к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму».⁶⁷ Это в равной мере относится и к мусульманскому Востоку. «Религия служила и орудием защиты существующего строя, и идеологией борьбы с ним. В средние века борьба велась не против религии вообще, а против конкретных ее форм, против одной формы ради другой. Атеизм был доступен лишь выдаю-

*Рис. 207. Стекланный кубок с арабской надписью.
Городище Отрартобе. XI-XII вв.*

щимся умам средневековья, гениям-одиночкам, а для рядового ремесленника и крестьянина религия была единственно возможной формой мировоззрения».⁶⁸

Запрет изображать живые существа не относится к числу важнейших положений ислама, он был сформулирован только в конце VIII в.

Канонические сборники хадисов, появившиеся в IX в., содержат высказывания, запрещающие изображения, но многие богословы вплоть до X в. считали их направленными не против изображений вообще, а только против тех, которые предназначены для поклонения. Лишь в XI в. в обстановке борьбы с различными проявлениями свободомыслия - от исламизма до мутазилизма - утвердилось буквальное понимание этих хадисов.

В конце XI в. ведущие деятели ортодоксального ислама уже определенно выступали против изображения живых существ в общественных местах. Ал-Газали (начало XII в.) писал: «К числу осуждаемого относятся изображения, которые бывают на дверях бани или внутри бани; каждому кто входит в нее, надлежит их уничтожать, если может, а если они на высоком месте, до которого не достает рука, то позволительно входить только в случае крайней необходимости, лучше же пойти в другую баню. Ведь смотреть на предосудительное не дозволено. И достаточно изуродовать лица на изображениях, чтобы они стали недействительными». Однако он допускал пользование некоторыми изделиями с изображениями. Ал-Газали, в связи с правилами приема гостей, писал: «К числу этого относится вешание занавесей, на которых имеется изображение... что же касается изображений на подушках и коврах, которые кладут для сидения, то это не предосудительно; то же касается изображений на тарелках и чашах, исключая сосуды, изготовленные в виде фигуры; так, верх некоторых курильниц бывает в виде птицы, это запрещено *харам*, следует сломать ту часть, где изображение».⁶⁹

Таким образом, даже в глазах строгого ортодокса, каким был ал-Газали в последний период жизни, употребление керамики с изображениями было допустимо при приеме гостей, когда требовалось наиболее строгое соблюдение всех правил приличия.

По мнению О.Г. Большакова, появление изображений живых существ на поливной керамике Средней Азии в X-XI вв. объясняется не возрождением домусульманских традиций, а сторонним влиянием. Показательно, что большая часть таких изображений связана слюстровой керамикой, повторявшей сюжеты росписи люстра; на другой керамике зооморфные изображения чрезвычайно редки и более схематичны, низведены до роли элементов орнамента. Роспись, иллюстрирующая литературные сюжеты, столь обычная в Иране, в Средней Азии пока не обнаружена. Причины этого явления неясны. Во всяком случае, следует отметить, что в Средней Азии запрет изображать живые существа, видимо, понимался более буквально, чем в других странах.⁷⁰

В конце XI - XII века в росписи поливной керамики постепенно утверждается более пестрый, ковровый стиль орнаментации, который можно связать с тюркизацией Мавераннахра.

Нумизматика

С подчинением Южного Казахстана и Жетысу саманидам, последовавшим за походами сюда арабских войск, произошли изменения в денежном обращении - переход на монеты нового типа.

Арсланидские монеты. Тухусские монеты Жетысу полностью деградировали. В середине IX в. здесь наблюдался кризис монетного дела. Новый тип монет был выпущен с легендой «Господина Арслана Бильге-кагана фан» в конце IX - начале X в.»⁷¹ Впервые одну из разновидностей арсланидских монет, найденную на Ак-Бешимском городище (и для того времени уникальную), описала О.И. Смирнова под названием «монета неизвестного кагана». В последние годы на городищах Шуйской долины были найдены еще 4 экземпляра этого типа. Два новых типа арсланидских монет, найденных на Красно-реченском городище, опубликовал В.Н. Настич. Легенда на первом из них, выполненная согдийским курсивом, читается против часовой стрелки «Господина Арслана Бильге-кагана фан». Эта группа монет стала называться «арсланидской».

В.Н. Настич предположил, что династия Арсланидов могла быть своеобразным посредником между тюргешами и сменившими их в Жетысу в X в. Караханидами. Таким образом, время изготовления арсланидских монет было определено им в широких рамках от середины VIII в. до середины X в.⁷²

Из генеалогии караханидских правителей известно, что деда Сатука Богра-хана, который был родоначальником установившейся в середине X в. династии Караханидов, звали «Бильга Кадыр хан»; О. Прицак же называет его Бильга Кюль Кадыр ханом, а А.З. Тоган

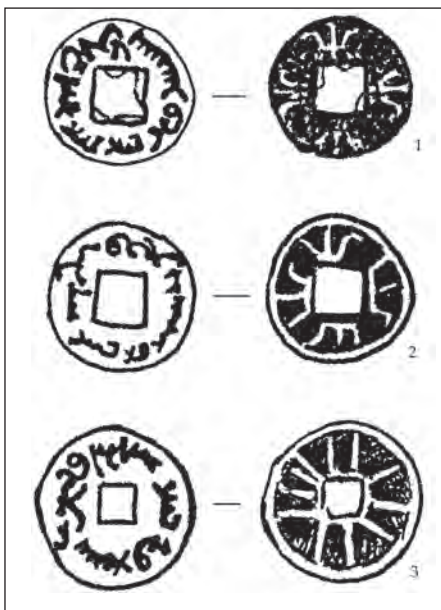

Рис. 208. Монеты Арсланидов X в.

- Бильге-каганом. Джамал ал-Карши называет двух сыновей Бильга Кадыр хана - Базир Арслан-хан и Огулчак Кадыр-хан. О. Прицак считает, что после Бильга Кадыр хана оба его сына правили одновременно: Базир в качестве главы (с титулом Арслан-хан) в Баласагуне, а Огулчак в качестве соправителя в Таразе, причем последний должен быть современником саманида Исмаила б. Ахмада. Именно при нем, по мнению О. Прицака, Исмаил завоевал в 893 г. Тараз, взяв в плен

Рис. 209. Монеты города Будухкета. XI в.

его хатун и 15 000 воинов, после чего Огулчак перенес свою столицу в Кашгар и предпринял в 904 г. поход на саманидскую территорию.⁷³

Датировка арсланидских монет концом IX - началом X в. позволяет ограничить этим же временем выпуски деградировавших тюркешских и тухусских монет. Возможно, в обращении еще оставались крупные тюркешские монеты, выпуск которых продолжался, по крайней мере, еще 150 лет.⁷⁴

Протокараханидские монеты Жетысу. Монета этого типа, найденная на городище Чигиль (район Тараза), впервые была опубликована Т.И. Сениговой.⁷⁵ Позднее В.Н. Настич сообщил о пяти загадочных монетах, происходящих с городищ Талгара (Казахстан) и Бураны (Кыргызстан), отлитых по образцу китайских, но с куфическими арабскими надписями, расположенными «крестом» по сторонам квадратного отверстия. Верхняя часть надписи прочитана им как «малик», правая «арам?», нижняя «йнал?» и левая «чиг?». Обратная сторона монет гладкая с неширокими бортиками, окаймляющими квадратное отверстие и гурт монеты. В.Н. Настич отнес эти монеты к «протокараханидским», выпускавшимся до утверждения в чекане

Караханидов монет традиционного мусульманского облика. Сравнивая палеографию надписи с легендами на мусульманских монетах, он датировал эти монеты X в.⁷⁶

За последние годы было собрано еще 29 монет этого типа, из них 3 на Краснореченском городище, все остальные - на городище Бурана. И это не случайно, ибо Бурана соответствует городу Караханидов Баласагуну, одной из столиц государства Караханидов.

«Мусульманские» монеты Южного Казахстана. Новый тип монет появляется в это же время и на юге Казахстана, сменяя анэпиграфные монеты кангаров с изображением на одной стороне шагающего льва, на другой тамг, наиболее распространенной из них была тамга в виде знака «Х».⁷⁷

В 1975 г. при раскопках Отрара обнаружены две бронзовые саманидские монеты, чеканенные в Барабе в 310/922-23 гг., с именем Насра II ион Ахмада (301-331/914-943 гг.). Третий экземпляр плохой сохранности найден в 1977 г.

В 1976 г. при раскопках городской стены на северо-западном ее обводе, в ретирадной яме, прорезавшей стену, датированную XII в., найдена еще одна бронзовая саманидская монета, сильно окисленная и обломанная. Несмотря на дефектность, она определяется довольно точно - это самаркандский фельс Насра I ибн Ахмада (250-279/864-892 гг.), битый в 272/885-886 или 278/891-892 гг.

1. Л. ст. В поле, в круговом линейном ободке - символ веры в три строки. По кругу - выпускные данные: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Самарканде в году двести семьдесят втором (или восьмом)». Об. ст. В поле - вторая часть символа веры, под ней имя «Наср». По кругу, между внутренним точечным и внешним линейным ободками: «Из того, о чем повелел амир Наср б. Ахмад, « да продлит Аллах его жизнь!»».

2. Л. ст. В поле, в круговом линейном ободке - символ веры, как на предыдущей монете, над ним орнаментальный значок, напоминающий тамгу; внизу слово (имя «Али»). По кругу - выпускные данные: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Барабе в году триста десятом». Внешний ободок линейный. Об. ст. В круговом точечном ободке - вторая часть символа веры, по ней имя «Наср». По кругу: «Из того, о чем повелел амир Наср б. Ахмад, «да возвеличит его Аллах!»».

3. Один тип с № 2, но другая пара штемпелей; круговые легенды сохранились фрагментарно. На лицевой стороне (алиф не пропущен), название монетного двора дефектно, дата почти стерта. Все сохранившиеся детали типа совпадают с аналогичными на предыдущем экземпляре.⁷⁸

Находки саманидских бронзовых монет на территории Отрара и Отрарского оазиса уже были известны по публикациям⁷⁹ и свидетельствуют о том, что этот район во второй половине IX - начале X в. находился в сфере экономического и политического влияния Саманидов. Однако до самого последнего времени считалось, что в этот период Отрар не имел собственной монеты. Благодаря находке и публикации

Самаркандского клада 1967 г.,⁸⁰ в составе которого обнаружены монеты Бараба 310 г. э. х., и двух аналогичных фельсов с самого городища Отрар, описанных выше, можно полагать, что к 310/922-23 г. область Фараба (Отрара)⁸¹ входила в состав Саманидского государства на правах вассального владения, правителем которого в это время, видимо, был некто Али (если слово, означенное на монетах в поле лицевой стороны, рассматривать как имя вассала), который чеканил в Фарабе свою монету.⁸²

Подчинение Отрара Саманидам, вероятно, произошло еще раньше. Известно, что правители Мавераннахра, видевшие в своих соседях-турках постоянную военную угрозу, придавали большое значение безопасности северных и восточных границ государства. Это послужило одной из причин захвата Испиджаба Нухом ибн Асадом в 840 г. и превращения его в мощную крепость⁸³ похода Насра I ибн Ахмада на Шавгар (район современного г. Туркестана) во второй половине IX в.⁸⁴ и других политических мероприятий, которые в конечном итоге привели к включению в состав саманидских владений всей территории области Испиджаба, куда исторически входил и Фарабский округ.⁸⁵

К этому теперь добавляется и факт местного производства монет, который характеризует экономическое состояние Фараба в первой четверти X в.

В исследовании вопросов развития городской культуры Казахстана не менее важен другой аспект взаимоотношений с государством Саманидов, культурно-экономический. Установление тесных хозяйственных и культурных связей между двумя регионами способствовало более активному развитию ремесла и торговли, распространению достижений науки и искусства Средней Азии и на юге Казахстана. Здесь формируется своеобразная культура, основанная на сплаве местных традиций с достижениями других областей. На этой почве родились такие гиганты, как аль-Фараби, Ибн Сина и аль-Бируни.⁸⁶ В эпоху Караханидов окончательно складывается тип монет с мусульманским оформлением - показательны монеты Будухкета, города рядом с Испиджабом.⁸⁷

Л. ст.: Насир ад-Даула; Об. ст.: Арслан-хан, Абу-л-Хасан Атимтегин, Али.

Выдающийся исследователь средневековых монет Средней Азии и Казахстана Е.А. Давидович в свое время писала, что, возможно, «караханидские монеты» чеканились в Отраре. По ее мнению, монетный двор здесь существовал при Караханидах, поэтому возможно, что караханидские монеты Бараба также когда-нибудь будут обнаружены».⁸⁸ Надежда эта вполне оправдалась: Б.Д. Кочневу удалось выявить позднекараханидский чекан Параба.⁸⁹

Надписи дирхемов первого типа не содержат никаких указаний на время их выпуска, так что при их датировке приходится исходить из даты кермининского клада.

Парабские дирхемы должны быть датированы в пределах от 560/1164-1165 до 569/1173-1174 г.

Дирхемы двух достоинств продолжали выпускать в Отраре и после падения власти Караханидов, при хорезмшахе Мухаммаде, который унаследовал от последних не только парабский монетный двор, но и традиционный набор из двух номиналов: ануштегинидские дирхемы Параба- Отрара следуют караханидским образцам.⁹⁰

Появление в Таразе парабских монет объясняется либо вхождением в его состав Отрарского удела, что представляется более вероятным, либо более тесными экономическими связями с областью по среднему течению Сырдарьи. Чекан Параба позволяет выяснить и некоторые черты политической истории округа.

Во второй половине XII - начале XIII в. караханидские владения в Средней Азии были разделены на несколько уделов, каждый управлялся собственными ханами из дома Караханидов. Крупнейший из уделов располагался в Центральном Мавераннахре со столицей в Самарканде; кроме того, по монетам известны Уздендский, Маргианский, Касанский и Бенакетский уделы. К их числу можно добавить и Парабское владение. Упомянутый на дирхемах типов 2, 3 и 4 правитель Параба Хасан б. Абд ал-Халик, безусловно, не идентичен современным ему государям Центрального Мавераннахра Ибрагиму б. Хусейну и Усману б. Ибрагиму, а, поскольку в монетных надписях никак не упоминает их, то, следовательно, выступает по отношению к ним вполне самостоятельным владетелем.

О последнем отрарском малике в связи с событиями XIII в. упоминают Джувейни и Насави. У первого он анонимен,⁹¹ второй называет его Тадж ад-Дином Билга-ханом.⁹² Во-первых, бросается в глаза совпадение тюркских титулов: Билга-хакан или Билга-хан на монетах и Билга-хан у Насави.

О том, как пресеклась эта ветвь, рассказывает тот же Насави. По его словам, Билга-хан был первым из хитаев, вассалов киданей, кто принял сторону хорезмшаха Мухаммада и явился к нему на службу.⁹³

При этом Тадж ад-Дин полагался на прежние свои заслуги, выразившиеся в том, что в трудное для Мухаммада время, когда тот, едва вступив на престол, вынужден был бороться против сильного гуридского султана Шихаб ад-Дина, он вместе с двоюродным братом Усманом пришел на помощь хорезмшаху и принял участие в битве при Андхуде, в которой погибли «многие из числа его храбрых друзей и верных воинов». Мухаммад, помня эти заслуги, вначале оказал почет Билга-хану и возвысил его. Но перед походом на Ирак (614/1217 г.) хорезмшах из предосторожности выслал в Нису самаркандского шейха ал-Ислама Джалал ад-Дина, его сына Шамс ад-Дина и его брата Ауход ад-Дина, а также Билга-хана. Климат Нисы считался очень нездоровым, особенно для тюрков, на что и рассчитывал Мухаммад. Однако Билга-хан прожил в этих условиях вполне благополучно более года и даже снискал любовь жителей Нисы. Увидев, что расчеты не оправдались, хорезмшах отправил в Нису Джахан Пахлавана Айза с приказом умертвить отрарского малика.

Годом гибели Тадж ад-Дина Билга-хана следует считать 609/1212 г., годом же высылки из Отрара - 607/1210 г., причем правильность приведенной у Джувейни даты вполне подтверждается монетами. Итак, выпуск медных посеребренных дирхемов Параба начался, видимо, в 560-х гг. (не позднее 569/1173-1174 г.) и продолжался, по крайней мере, до 603/1206-1207 г., быть может, до 607/1210-1211 г., когда Караханиды утратили власть «над областью Отрара».

За это время здесь были выпущены монеты не менее четырех типов.

Чеканка этих монет вообще и наличие среди них дирхемов двух достоинств в особенности свидетельствуют о том, что внутриобластная торговля Параба во второй половине XII - начале XIII в. была весьма развита и обеспечивалась собственными средствами обращения. Вполне возможно, в это время в «область Параба» входил Тараз.

Караханидские монеты, как и более поздние - джагатаидские, джучидские, тимуридские, шейбанидские, казахские дают представление о широко распространенных монетах, чеканенных по мусульманскому типу.

Эпиграфика. Кайраки

Информация о социальной структуре города, о культуре общества, о локализации населенных пунктов содержит эпиграфика на погребальных памятниках. Это надмогильные камни (кайраки) и намогильные кирпичи.

К сожалению, в отличие от других стран Средней Азии исследования этих ценнейших источников в Казахстане почти не проводились. Насколько же такие работы важны, свидетельствует кандидатская диссертация и статьи В.Н. Настича, посвященные изучению памятников Кыргызстана, из средневековых кладбищ Узгенда, кайраков из Сафед-Булона и Бураны, относящихся к XII-XV вв.

Так, анализируя сословно-профессиональные термины и якабы (почетные прозвища), В.Н. Настич обратил внимание на высокий статус в мусульманском обществе учености и грамотности среди духовенства и ремесленников.

В эпитафиях упоминаются достоинства усопших, заслуги перед исламом, их хаджи в Мекку и Медину.

Есть свидетельства языковой принадлежности умерших. Так, в надписи на одном из кайраков говорится о женщине-турчанке, грамотной мусульманки, в родословной которой целое поколение тюрок-мусульман.⁹⁴

Одна из глав диссертации В.Н. Настича посвящена отождествлению городища Бурана с городом Баласагуном. Важнейшим доказательством этого отождествления стали эпиграфические памятники - кайраки из городища Бурана.

Текст эпиграфики на кайраке из городища Мунары (Бураны) первым привел Мухаммед Хайдар Дулати (первая половина XVI в.).

Рис. 210. Некрополь Караспан. Намогильный кирпич. XII в.

Эпитафия посвящена «Имаму Мухаммеду факих ал-Баласагуни» с датой его смерти в 1311-1312 гг. Составлена она была «кузнецом Умаром ал-Баласагуни».

Следует отметить, что на городище найдены еще два кайрака с эпитафиями на умерших жителей Баласагуна.⁹⁵

Намогильные кирпичи. Следует охарактеризовать найденный при раскопках некрополя Караспан на юге Казахстана намогильный кирпич с эпитафией. Она была прочитана и проанализирована В.Н. Настичем.⁹⁶

В одном из погребений ранне-мусульманской эпохи археологом Б.Н. Нурмуханбетовым была обнаружена массивная керамическая плитка с арабской надписью. Плитка стояла наклонно на боку, надписью вниз, прикрывая лаз в ляхад.

Обследование находки показало, что она представляет собой кирпич неправильной четырехугольной формы размерами 25-27х38-40 см.

Надпись занимает верхнюю половину плоскости кирпича и содержит неполных 5 строк, выдавленных по сырой глине застроенным инструментом. Надпись выполнена грубым примитивным куфи с заметным влиянием стиля пасх.

В первых трех строках воспроизведены канонические мусульманские инвокации - так называемые басмала и калима (символ веры)

на арабском языке с искажениями и ошибками. Строки 4 и 5 содержат упоминание личности погребенной, написанное по-тюркски арабским письмом.

Перевод надписи:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад - посланник его. Сайрамка Туз катун.

Тюркское чтение слова – сайрамлуг/лыг – сайрамский (-ая), *родом из Сайрама*.

Надпись не имеет даты, однако основание для довольно точной датировки эпитафии дают многие предметные и палеографические аналогии в известных намогильных эпитафических памятниках Средней Азии.

Во-первых, следует отметить, что намогильные кирпичи (как с надписями, так и без них) являются, по заключению М.Е. Массона, наиболее древними погребальными памятниками Средней Азии в мусульманскую эпоху.⁹⁷ Самые ранние из них относятся к концу VIII - IX в. и прослеживаются до первой половины XIV в.

Во-вторых, преобладающее большинство известных намогильных кирпичей происходит из западной части Средней Азии - юга Туркмении, Самарканда и прилегающих областей. Центром их распространения здесь в XI-XII вв. был Мерв,⁹⁸ а для северной и северо-восточной областей, включая Южный Казахстан и Жетысу, сведения о таковых вообще отсутствуют. На этой территории более характерны каменные намогильники - кайраки, а в более позднее время – специально обработанные блоки прямоугольных или трапециевидных очертаний с высеченными на них надписями и украшениями. Таким образом, караспанский кирпич изготовлен для могилы женщины из Сайрама, по имени Тузкатун, умершей в первой половине XII в.

В сочинении Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» встречается первое и единственное домонгольского времени упоминание о городе Сайраме, отождествляемое автором с Испиджабом. То, что этот топоним действительно бытовал в XI-XII вв. подтверждается находкой из Караспана.

Христианство

Города в этот период продолжали оставаться полиэтническими и поликонфессиональными. В них кроме мусульман проживали общины христиан-несторианцев. В Суябе был раскопан несторианский комплекс, состоящий из церкви и монастыря. Он был построен в юго-восточном углу шахристана внутри городских стен. Он состоял из трех или четырех частей. Каждая часть, в свою очередь, подразделялась на вытянутое с востока на запад помещение длиной 25 м (в одном случае, возможно, двор), к которому с востока примыкало квадратное в плане помещение (5x5 м) с нишами и алтарем. Вдоль восточного фасада здания между алтарными помещениями располагался ряд дополнительных комнат. Длинные коридоры окружали здание с трех сторон, а также отделяли друг от друга его составные части.

Рис. 211. Каменная ступка

Комплекс был построен не сразу, а в три этапа. Наиболее ранняя часть – южная – «здание А». Вокруг центральной части из вытянутого зала и квадратного помещения с алтарем со всех сторон располагались коридоры. Арочные проходы – по два на северной и южной сторонах – связывали зал с обводными коридорами.

Проходы в северной и южной стенах алтарного помещения также выводили в коридоры. Впоследствии часть боковых стен помещения была использована в качестве винодавильни и хранилищ для вина.

Северная стена здания А имеет уклон наружу и производит впечатление фасадной. Второе здание (В), расположенное севернее, имело размеры 38х46 м и состояло из двух частей, разделенных коридорами. В каждой части с востока было пристроено квадратное помещение с тремя нишами, аналогичное алтарной комнате комплекса А. Они открывались на запад широкими проходами, которые вели в еще не раскопанные части здания, в которых можно видеть либо нефы, разделенные колоннадами, либо дворы. Их длина составляла около 30 м при ширине 18-10 м.

Малый «двор», судя по сохранившейся в углу глиняной штукатурке со следами росписей, скорее всего, был перекрыт. В восточной части здания между двумя квадратными помещениями размещалось три вспомогательных помещения, связанных проходами.

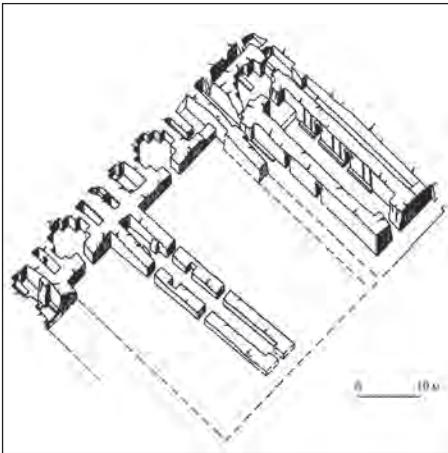

Рис. 212. Объект VIII. Аксонометрия

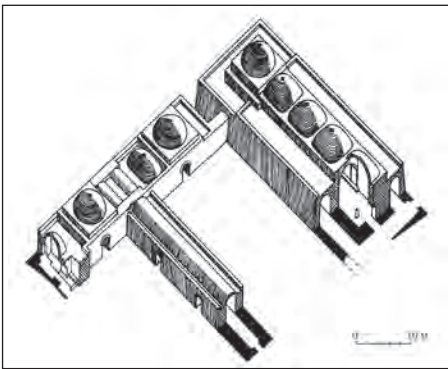

Рис. 213. Объект VIII.
Реконструкция

Большая часть помещений была некогда украшена живописью, от которой сохранились только незначительные фрагменты орнамента и, возможно, деталей одежды. В одном случае поверх красочного слоя находилась золотая фольга. Среди находок следует отметить несколько глиняных оттисков с изображением несторианских крестов и один нательный нефритовый крест. Отдельную группу составляют памятники письменности. На полу одного из помещений были обнаружены остатки переплета и несколько страниц рукописной книги.

Третий блок (С) находился к северу от здания В. Он состоял из квадратного помещения (3,5х3,5 м) с нишей в восточной стене и алтарем перед ней, а также смежного с ней вытянутого с востока на запад помещения. Сохранность стен всего комплекса в восточной части достигает 3,5 м, что позволяет сделать выводы о характере перекрытия большинства помещений. Длинные коридоры перекрывались сводом из сырцового кирпича. Квадратные помещения были перекрыты сводом «балхи». В длинном помещении комплекса А в боковых стенах открыты по три пары деревянных стоек, расположенных напротив друг друга. Они делили помещение на четыре примерно одинаковые подквадратные части. Вероятно, на эти стойки опирались подпружные арки, между которыми находились своды «балхи». Проходы и ниши имели арочное завершение.

Рис. 214. Объект VIII, помещение 3.
Реконструкция

На венчике одного из хумов была обнаружена согдийская дарственная надпись, а на обороте глиняной плакетки с крестом - тюркско-согдийская. Несколько тюркско-согдийских надписей было открыто и на штукатурке с росписями. По керамике и монетам комплекс относится к последнему периоду жизни Суяба X - началу XI в.⁹⁹

Кайраки. Интересные находки были сделаны на городище Красная речка. Еще в 1939 г. здесь была найдена галька-кайрак с прочерченным крестом и сирийской надписью. Она была прочитана частично, удалось разобрать два слова «Георгий кузнец». В 1980 г. при раскопках цитадели городища в стене, в ремонте прикладе были найдены два кайрака с выбитыми надписями и несторианскими крестами. Надписи были прочитаны и продатированы. На одном кайраке эпитафия содержала имя христианки «Девушка Йал-анч». Датированы кайраки VIII-X вв. Они представляют звено в категории развития таких надгробий с христианскими крестами и выполненными на сирийском языке эпитафиями.

Так же кайраки бытовали в погребальных комплексах с V-VI по XIII-XIV вв.

О христианстве в Жетысу в IX-X вв. свидетельствуют согдийские надписи на глиняных хумах для хранения вина. Надписи содержали христианские термины, такие как «учитель», «наставник». О христианстве свидетельствуют находки носильных крестов из бронзы, серебра и нефрита, сделанные на городищах Жетысу.¹⁰⁰

Буддизм

В IX-XII вв. позиции буддизма в Южном Казахстане и Жетысу сильно пошатнулись. Если в VII-VIII вв. в Жетысу в Шуйской долине отмечался рост влияния буддизма, появление храмов, открытых и исследовавших в городах Суябе, Навакенте, то, начиная с IX в., наблюдается строительство укрепленных монастырей. Остатки их обнаружены на городищах Новопокровское и Ключевское, предположительно отождествленные с городищами Пакап и Джуль.

Монастырь Ключевского городища был обнесен стенами, размеры его 67х68 м. При раскопках монастыря в завалах помещений найдены фрагменты глиняной скульптуры, фрагменты росписей, аналогичных находкам из буддийских храмов Восточного Туркестана.

Остатки буддийского монастыря в городище Новопокровском имели до раскопок вид бугра, размером по основанию 120х120 м. Остатки монастыря были исследованы экспедицией, возглавляемой А.Н. Бернштамом на городище Ак-Бешим. Размеры его составляли 71-110 м.

При раскопках найдены фрагменты глиняной скульптуры. Постройки перекрывались черепицей, отопление их осуществлялось при помощи канов. А.Н. Бернштам датировал монастырь каракитайским периодом - XI - начало XII вв.¹⁰¹

В.Д. Горячева считает эту постройку более ранней и относит к IX в., поскольку в этот период начинается гонение на буддизм в Центральном Казахстане и Жетысу. Монастырь однако, по ее мнению, мог дожить до X в.¹⁰²

Кульٹ огня

За время археологических раскопок накоплены разнообразные коллекции предметов материальной культуры и, в первую очередь, керамики. Некоторые группы керамических изделий помимо своих утилитарных функций несут определенную смысловую нагрузку. Раскрытие семантики самих изделий, а также орнамента на них позволяет глубже понять и оценить духовный мир давно ушедших поколений. К таким изделиям относятся так называемые очажки. Сейчас можно выделить несколько их типов.

Первый тип очажков - это сосуды в форме таза с прямыми стенками, украшенные внутри архитектурным, растительным и геометрическим орнаментом.

Вот как выглядели наиболее интересные очажки с городища Куйрыктобе. Первый очажок был вмазан в помещение (XII в.). Плоские бережки венчика находятся на уровне поверхности пола. Внутренняя поверхность стенок украшена следующим образом. Четыре полуколонки членят плоскость стенок на четыре части. Налепом выделена нишка - загнеток для огня (сохранилась лишь часть). Поверхность стенок между колонками украшена фризом из метоп, в центре которых находится налепная гофрированная шишка, имеющая в плане вид многолепесткового цветка. Выше пояса метоп идет зубчатый поясок, образованный выемчатой резьбой.

В центре дна очажка оттиснут медальон, в который вписана семиугольная розетка, внутри которой шестилепестковый цветок. Вокруг розетки идет круг из пятнадцати сережковидных фигур, обрамленных горошинами, а еще по две горошины находятся внутри сережек. От розетки отходят две полосы из таких же сережковидных фигурок по семь штук в ряду, между которыми ряд из X-образных оттисков.

Второй очажок был вмазан в пол жилого помещения соседнего дома. Четыре полуколонны разбивают его окружность на четыре части.

По плоскости венчика идет ряд вдавлений штампом в виде щитка с закругленным верхом и барельефным изображением дерева внутри.

Внутренняя поверхность стенок очажка украшена нанесенными штампом вертикальными полосками, видимо, имитирующими камыш, а по верху идет фриз из зубчатой линии, образованный выемчатой резьбой.

Три оттиска круглого штампа (розетки) украшают дно очажка. Тот из них, который был расположен в загнетке, не сохранился, так как здесь дно прогорело и выкрошилось. Диаметр самой большой розетки - 12 см; в центре ее в медальоне диаметром 8 см - барельефный оттиск в виде перекрещивающихся парных завитков. Он, если его разбить на отдельные мотивы, состоит из четырехлепестковой розетки и расположенных между лепестками пальметт. Затем идет двойная полоса, с одной стороны заполненная зубчатой линией, и полоса с кривой штриховкой внутри. По внешнему диаметру нанесены оттиски «штампа

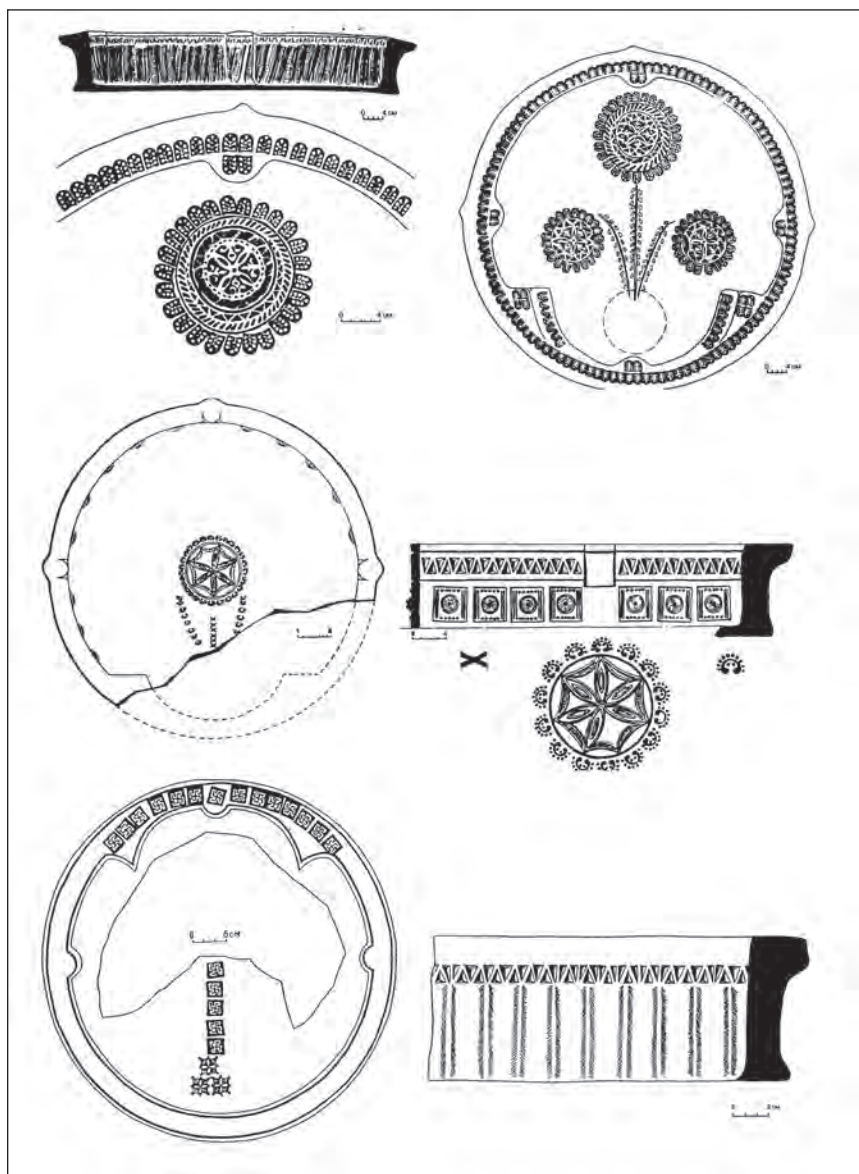

Рис. 215. Алтари. Отрартобе, Куйрыктобе

с деревом». Два других медальона несколько меньше по размерам. Все розетки соединены растительными побегами, выполненными резьбой и вдавлениями.

Третий очажок диаметром 61 см сохранился хуже. Он был найден в слое XII в. на рабаде Отрара. Осталась ниша (загнеток для углей), выделенная фигурным налепом, и три полуколонки, выступающие на 2 см внутрь. По верхней плоскости венчика шириной 5 см, в полосе, образованной двумя concentрическими линиями, расположены отиски квадратного штампа со свастикой (всего их 14). Внутренние поверхности стен украшены спаренными вертикальными линиями, имити-

рующими растительность, и фризом из зубчатой линии, образованной выемчатой резьбой. На плоскости сохранившегося дна – ряд таких же оттисков (их четыре) и три расположенных треугольником оттиска имеют на поле четырехлепестковые розетки, между лепестками которой расположены кружочки.

Следует отметить, что каждый из найденных при раскопках очажков, индивидуален.

Мастера, используя наборы различных штампов, а также варьируя такими деталями, как полуколонны, гофры, создавали оригинальные, неповторяющиеся красочные изделия. Среди наиболее распространенных мотивов украшений очажков встречаются изображения дерева, солярных знаков, медальонов, «Ж»- и «Х»-образных фигур, оттисков в виде ременных блях, зооморфных фигур.

Позднее очаги-жаровни («сандалы») получили широкое распространение в Средней Азии и Казахстане. Основой этого способа отопления служила неглубокая выемка в полу с жаровой ямкой в центре. Над углублением ставили табурет, сверху укрывали одеялом. Известны и древние формы сандалов, когда вместо табурета использовали деревянные колышки, а в жаровую ямку вмазывали большую миску. Предположительно, последняя является реминисценцией богато украшенных керамических жаровен, открытых в средневековых городских домах Южного Казахстана.

Очаги второго типа представляют собой подпрямоугольной формы керамические корытца с прямыми стенками высотой до 10 см. Верхняя часть корытца имеет выделенный выступ - загнеток, где располагалась жаровая ямка. В плане длинные стенки корытца могут быть прямыми или вогнутыми, но в целом абрис плана очага имеет антропоморфный характер. Один из таких хорошо сохранившихся очажков был обнаружен на полу помещения в Отраре.

Очажок был вмазан в пол до уровня верхних плоскостей стен. Внутренние плоскости стенок украшены выемчато-резным орнаментом в двух поясах. Верхний состоит из ряда разновеликих треугольников, второй - из идущих в ряд чередующихся стреловидных фигур и прямых веток или деревьев с листьями.

Дно оформлено следующим образом. Жаровое отверстие диаметром 18 см окружено пояском, заполненным розетками в виде кружков.

От него идет двойная прочерченная полоса, по обе стороны которой расположены попарно нанесенные штампом медальоны (всего их шесть) диаметром 4 см. Внутри них в круге - изображение четырехлепестковой розетки.

Еще один алтарь второго типа, встреченный при раскопках, был украшен семилепестковой розеткой на дне с ямкой для углей.

Стенки его орнаментированы геометрическим узором, а на плоскостях их в углах и по центру нанесены трилистники.

К третьему типу очажков относятся изделия в виде цилиндриков с выступами в нижней части, служившими для устойчивости.

По сути дела, это те же жаровни-тазики, но без дна. Такой очажок уже не устанавливался стационарно, он легко переносился в любое место помещения. Это прообраз манкала или алаудона - переносной металлической жаровни с горящими углями, широко использовавшейся в XIX-XX вв. в Средней Азии.

Четвертый тип - это очажки, имеющие полуцилиндрическую форму с широкими, выходящими на фасад плоскостями, устойчиво стоящими на расширяющемся книзу основании. Лицевая поверхность очажков украшалась рельефным орнаментом, оттиснутыми штампами. Элементы орнамента - геометрические, растительные, архитектурные. Очажки использовались как переносные.

Скорее всего, наиболее ранними в рассматриваемой группе изделий были очажки-жаровни, выполнявшие роль стационарных сандалов, тогда как очажки второго и третьего типа транспортабельные, видимо, появились несколько позднее, но, скорее всего, все три типа изделий сосуществовали в X – начале XIII в.

Безусловно к числу уникальных изделий относятся изделия, из керамики в виде кубообразных ящиков, в верхней плоскости которых имеются отверстия для установки сковородообразных сосудов для курения растений, отгоняющих «злых духов». Для их накаливания через устья-поддувало закладывали топливо. Стены этих огромных «курильниц», особенно фасадные, украшены архитектурными деталями (колонны), растительным орнаментом и астральными символами.

Рис. 216. Курильница из городища Мазраттобе

Эти культовые изделия несли важную смысловую нагрузку, связанную с культом огня и процедурами очищения огнем и благовоениями.

Обычай украшать очаги сохранился в Южном Казахстане и в более позднее время. Тандыры XII-XIII вв., открытые в жилых помещениях на городище Баба-Ата, украшены со стороны топки керамическими плитами с резным и штампованным орнаментом в виде различных розеток, кружков, крестообразных фигур и растительных побегов. Плитки с рельефным растительным и геометрическим орнаментом обнаружены на тандырах в некоторых домах Отрара XVI-XVII вв.¹⁰³

Исследователи, изучавшие очажки, по-разному трактуют их назначение. Преобладает мнение о связи очажков с культом огня.

Археолог В. Григорьев предполагал, что очажки являются своеобразными зороастрийскими иконами, перед которыми возжигался жертвенный огонь, а в орнаментике очажков он видел символы четырех стихий зороастризма.¹⁰⁴ Наиболее обстоятельно культовая семантика очажков обоснована Г.А. Пугаченковой и Л.М. Ремпелем, образно описавшими об «отсветах великих огней маздеизма», которые «продолжали теплиться в особых очажках в домах согдийцев, даже тех, в которых уже утвердился ислам и принята была арабская письменность».¹⁰⁵

Нельзя не видеть в богатом оформлении очажков культа огня реминисценции религиозно-мифологической концепции древнего населения сырдарьинского региона, восходящего к эпохе саков и усуней. Поиски прототипов средневековых очажков-алтарей приводят к бронзовым светильникам саков.¹⁰⁶

В частности, на очажке-жаровне из Куйрыктобе с розетками на дне, видимо, нашла отражение древняя структура организованного Космоса в мифологии.

Как уже отмечалось, одним из наиболее распространенных воплощений универсального знакового комплекса Космоса служит Мировое дерево. Оно символизирует пространственную структуру мира. Тройное членение по вертикали отражает универсальную картину организованного Космоса, так называемую тернарную модель, или триграмму.

На первой куйрыкской жаровне три сферы мира - это три круга, выстроенные по вертикали: подземный мир, земля, небо. Нижняя сфера - это дно жаровни с медальонами, заполненными растительным орнаментом, соединенными растительными побегами, возможно, корнями. Средняя сфера - это стенки жаровни, орнаментированные растительными побегами, ветвями деревьев. И, наконец, третья сфера - это зубчатый фриз, символ гор или горной цепи, на которой растут деревья, размещенные на плоскости венчика внутри штампованных щитовидных полей.

Образом, отражающим идею Мирового дерева, столба, движения огня, полета вверх и прочих символов, а также идею связи противопоставленных сфер Вселенной и единства мира, являются четыре вертикальные башни на стенках жаровни. Горизонтальная композиция схемы

Мирового древа образуется также круглым дном жаровни с тремя розетками и пятном мерцающих углей, каждый из символов расположен напротив башен, указывая направление стран света.

Аналогичным образом можно расшифровать структуру почти всех очажков и украшений их орнаментики.

Ученые обратили внимание на сходство орнаментальных мотивов и архитектурных деталей очажков с реальной архитектурой раннесредневековых замков. Л.И. Ремпель связывал один из очажков с «домом огня». ¹⁰⁷ Это, видимо, справедливо и, в свою очередь, позволяет искать сходство очажков и Вары (обители бессмертия), где выполнялась первая магическая ритуальная функция, присущая огню и приобщавшая к вечности. Квадратная Вара - это священная ограда против сил смерти, обитель огненного бессмертия. Земными подобиями ее были культовые, ритуальные алтари священного огня и погребальные сооружения, предаваемые огню. В средневековье эти далекие истоки культового назначения очага-жаровни, видимо, были забыты и вряд ли осознавались современниками в повседневной жизни, но связь очагов с культом огня была живой. Об этом свидетельствуют солярные знаки - розетки, косые кресты, свастика.

Очажки, конечно же, были связаны и с культом домашнего очага. Идея священности жилища и домашнего очага имела древние истоки. В свою очередь, культ очага переплетался с культом предков, который отождествлялся с родом. Исследователи, проанализировав широкий круг источников о роде, пришли к выводу о том, что род является всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным (откуда идет дождь и летят молнии), средним (природы и рождения) и нижним (его «огненным родством»). ¹⁰⁸

Археолог Б.А. Рыбаков доказал, что с культом рода связан определенный символ, которым было колесо Юпитера с шестью спицами – в виде круга с шестилепестковой розеткой внутри, аналогичного изображению на дне одного из куйрыкских очажков-жаровен. Этот знак был полисемантичен и выражал идею солнца, неба, небесного божества рода. ¹⁰⁹

Таким образом, южно-казахстанские очажки отражали, с одной стороны, идеи древних представлений об организации космоса, а с другой - духовно-религиозные представления, бытовавшие там.

Культом огня, как отмечалось, был распространен у саков, но вообще обращение к огню при погребальных обрядах было известно здесь еще с эпохи бронзы.

Культом огня отмечен в сакских захоронениях VI-V вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи, где он проявлялся в обряде трупосожжения, которое обычно рассматривалось как средство перенесения души умершего к небесному огню и великому божеству – солнцу.

Культом огня, судя по присутствию очажков в домах средневековых городов, продолжал сосуществовать с исламом. В этом отношении

показательно то, что дома с культовыми очагами-жаровнями на Куйрыктобе находятся рядом с мечетью X-XIII вв. Это еще одно из подтверждений жизнестойкости древних традиций в культуре населения средней Сырдарьи, в том числе и в религиозных воззрениях. Такое явление было характерно для Средней Азии. Так, в XI в. Бируни отмечал, что в Мавераннахре существовала тайная секта последователей зороастрийца Муканны.¹¹⁰ Поэт Дакики, пребывавший при дворе чаганианского эмира, из всех благ мира писал о четырех: вине, музыке, устах красавицы и вере Зороастра.¹¹¹

Небезынтересен факт почитания очага в суфизме, получившего широкое распространение на юге Казахстана, где существовал и действовал один из наиболее могущественных суфийских орденов - ясавийа. У суфиев ордена кубравийа в Хорезме этнографы зафиксировали пережитки культа очага. В общежитиях дервишей (каляндархона) имелись большие круглые очаги, где постоянно и днем, и ночью полыхало пламя. Перед уходом из каляндархоны дервиши совершали поклонение очагу, прикасаясь к нему руками, после чего проводили ими по лицу, глазам, шептали молитвы.

Кульг огня и домашнего очага дожил до недавнего прошлого. Казахи называют огонь «аулие» (святой), «ана» (мать). Огонь считают покровителем жилища, домашним святилищем. Огнем сопровождают брачный обряд. Невеста при входе в юрту свекра становится на колени перед очагом, затем ее сажают возле очага и льют в очаг жир. Невеста в это время падает несколько раз ниц, приговаривая: «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью». Женщины, нагрев руки на огне, водят ими по лицу невесты. При рождении ребенка огню тоже приносили жертвы. Казахи боялись гнева огня, поэтому клялись огнем. В жертву огню приносили жир и жертвенные свечи, сделанные из пропитанной салом ваты или материи, обернутой вокруг чия.¹¹²

Кульг барана. При раскопках Отрара и других городищ Отрарского оазиса собраны изделия с изображением барана и бараньих рогов. Такие изделия найдены и на раннеземледельческих поселениях, и в слоях Отрара, Куйрыктобе, Куик-Мардана. Наиболее поздние из них - ручки от крышек в виде барана (датированы временем позднего средневековья).

Почти две тысячи лет этот образ был популярен у населения Сырдарьи. Не случайно гончары «тиражировали» его в пластике и стилизованных рисунках, процарапанных на тулове еще сырого сосуда.

Самая ранняя группа изображений датируется первым - началом VIII вв. Выделено несколько типов: реалистические фигуры животного, стилизованные фигурки, налепы в виде бараньих рогов.

Как произведения коропластики, наиболее интересны протомы баранов, выполненные в реалистической манере. Примером может служить слив в виде головы барана (водолей), найденный на городище Томпак-асар на нижней Сырдарье. У барана горбоносая морда в обрам-

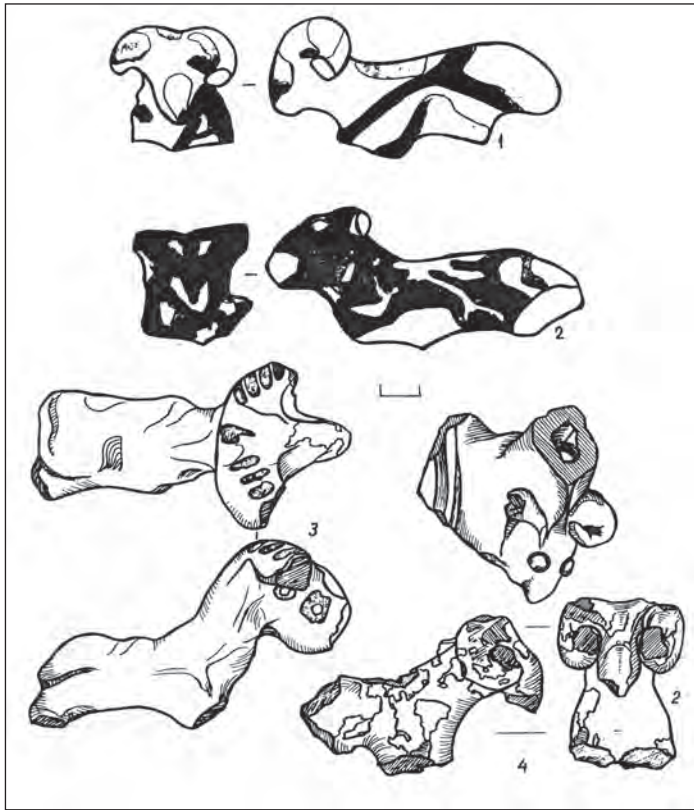

Рис. 217. Фигурки баранов

лении спиралевидных рогов с насечками, имитирующими кольцеватость. Глаза исполнены круглыми налепами с проколами вместо зрачков.

На Арыси при раскопках поселения Караултобе найдена фигурка барана, служившая ручкой крышки котла (первые века). Мощная напряженная шея, на которую посажена голова, как бы отогнута назад под тяжестью закрученных рогов, пасть полуоткрыта.

Фигурки барана служили в качестве ручек кружек. В научной литературе даже существует термин - «керамика с зооморфными ручками», которые бывают натуралистичными или же схематизированными (иногда до такой степени, что признаки животного передаются лишь налепом в виде рогов).

В группе изображений, датированных VIII-XII вв., выделяются реалистически выполненные фигурки баранов – протомы баранов, в том числе покрытые поливой, бывшие навершиями крышек. Встречаются налепы, оформленные в виде бараньих рогов или прочерченных изображений бараньих рогов. Например, представляет интерес найденная на Куйрыктобе в доме, датированном VI-VIII вв., стилизованная фигурка барана с головой, выполненной в реалистическом стиле. Подобные предметы использовались в качестве очажных подставок или как образы культового поклонения.

Уникальны крышки, богато украшенные штампованным и наlepным орнаментом в виде перистых листьев, солярных знаков, наlepных гофрированных шишечек, наlepных выпуклых листьев. Навершия, которые венчают эти крышки, имеют форму протома барана. Одна из них имеет высоту 7,5 см. Морда животного горбоносая, на голове - конический выступ. Закрученные в полтора оборота рога с насечками обрамляют миндалевидные глаза, выполненные в виде калачевидных наlepов, шея покрыта резными вертикальными линиями.

В ряде изделий подчеркнут лишь основной признак - свернутые в спираль рога, прилепленные к коническому навершию ручки. Среди таких предметов встречено навершие в форме необычного барана: две его головы обращены в разные стороны. Ручка украшена наlepами в виде гофрированных шишечек и скобчатыми вдавлениями.

Ручки, как было сказано, венчают сферические крышки.

Одна из них выглядит так. Поверхность ее украшена орнаментом, расположенным в четырех поясах, разделенных резными концентрическими линиями.

Край крышки волнистый, затем идут полосы из каплевидных вдавлений с оттисками солярных знаков, с оттисками стилизованных веток и поясом каплевидных вдавлений. Конической формы ручка имеет наlepы рогов, которые на тыльной стороне почти соприкасаются, придавая навершию характерный абрис бараньей головы.

Фигурки X-XII вв., покрытые поливой и подглазурной росписью, служили наlepными ручками крышек, а также могли быть и самостоятельными поделками. У одной из подобных скульптурок (длина ее 11 см, высота в холке 6 см) сохранились завитки рога и глаза в виде наlepных калачиков. Подобные изделия покрыты прозрачной поливой поверх белого ангоба с росписью на тулове в виде широких коричневых полос.

По-прежнему в это время бытуют украшения на ручках сосудов в виде наlepов бараньих рогов. Появляется керамика с прочерченным или процарапанным орнаментом, в основе которого - бараний рог.

Итак, наиболее ранние изображения барана найдены на поселениях каунчинской, отарско-каратауской и джетыасарской культур, сопоставляемых с Кангюем. Кангюй являлся наследником сакского объединения на Сырдарье, и, видимо, именно у саков кангюйцы заимствовали образ одного из наиболее почитаемых животных - барана, изображение которого было широко распространено в прикладном искусстве саков. В первые века нашей эры образ барана стал своеобразной эмблемой кангюйских и родственных им племен.

Преемником Кангюя стало племенное объединение кенгересов (печенегов). В VIII в. оазисы средней Сырдарьи, именовавшейся тогда рекой Канга, входили в единую политическую конфедерацию, объединенную общим сюзеренитетом кочевых печенежских племен. Но вскоре огузы, объединившись с карлуками и кимаками, напали на печенегов.

Остатки разгромленных печенегов откочевали на запад, а оседлые и полuosедлые группы остались на месте и были ассимилированы огузами.

Огузская держава просуществовала недолго, в XI в. кипчаки подчинили себе племена юга Казахстана, в том числе канглы.

Родство кипчаков и канглы подтверждается сообщениями авторов XII - начала XIII вв., которые употребляли этнонимы «кыпчак» и «канглы» как синонимы.

Таким образом, на протяжении VIII-XII вв. на Сырдарье сохранялся этноним кангуй - кангар - канглы.

И хотя изменился этнический облик племен, многие традиции в духовной культуре сохранялись, например, оставалось прежним украшение посуды изображениями барана. Какой смысл был заложен в изображении на посуде барана или его рогов?

В свое время археолог Г.В. Григорьев связывал появление таких ручек с тотемическими представлениями древних племен. Затем зооморфные ручки, а также изображения на них рогов и розеток знаменовали замену тотема-животного космическим тотемом-солнцем. Другие исследователи считали, что ручки барана «являются художественным образом барана - охранителя сосуда». По мнению третьих, появление такого рода изображений на сосудах у кангуйских и родственных им сарматских племен было связано с распространением зороастризма, в котором образ барана мог быть воплощением божества Фарна. Последний выступал в нескольких ипостасях: обеспечивающий обилие, гарантирующий здоровье, силу, защиту от злых сил.

Интересные наблюдения о пережитках культов животных сделаны этнографами.

По их мнению, многие элементы ранних форм религии на периферии зороастризма, в том числе и религии, основанной на обоожествлении животного мира, были очень живучи. Так, культовое значение барана объясняется сакральной связью его с идеей тотемизма, и представление о слиянии душ человека и животного в похоронном ритуале восходит к этой категории явлений.

В пережиточных верованиях баран и его образ являлись, прежде всего, оберегом. Рога барана-кошкара нейтрализовали сглаз, порчу, «дурной» взгляд. Кошкаргов держали в домах для охраны детей. Считалось, что баран покровительствовал и взрослым.

Сверхъестественной магической силой обладало само слово «баран», оно зачастую выступало в качестве личного имени, которое охотно давали человеку. Оберегами служили части этого животного.

В обычае вошло вешивание рогов барана над входом в жилище, прикрепление к головным уборам детей и девушек изображений рогов, вырезанных из дерева. Этот мотив был распространен в рисунках на хлебных печах, в орнаменте кошмы, коврах, вышивках в качестве оберега. Вообще многочисленные амулеты-обереги, входившие в состав костюма, были связаны с культом барана. Даже косточки барана включали в ожерелья различного тина.

Важное место было отведено барану в культовых воззрениях казахов: он почитался как жертвенное животное и служил оберегом.

Белого барана-кошкара с желтой головой или лысиной приносили в жертву с молитвой, в которой описывались его приметы: «О, аруах, для тебя именуую лунорогого, раздельно-копытчатого с запахом мускуса и с ушами, подобными баурсакам...» По народным преданиям, каждое из домашних животных имело божественное происхождение: так, быстроногая, как ветер, лошадь была создана из ветра, чистые овцы и бараны - из неба и огня. Немаловажную роль в жертвоприношении имел выбор масти животного. Особенно ценился серый цвет как символ неба, которому тоже поклонялись.

В связи с этим небезынтересно вспомнить об описанных фигурках баранов из группы изделий XV-XVIII вв.: все они покрыты именно серой или синей глазурью.

Таким образом, изображения барана на сырдарьинской керамике объясняются культом этого животного, игравшего важную роль в жизни племен и народов, начиная с древних кангюев, средневековых кангаров (печенегов), огузов, кыпчаков и кончая казахским племенем канглы. Конечно, на протяжении веков идеи, порожденные этим популярным животным, менялись, что-то забывалось, что-то появлялось новое. Сложные этнические процессы перемещения племен, смешение их, тем не менее, не привели к забвению культа барана-производителя – кошкара с мощными закрученными рогами, образ которого воспроизводили многие поколения сырдарьинских гончаров.¹¹³

Культ быка и коровы. Среди изображений на посуде можно встретить прочерченный рисунок бычьей или коровьей головы в фас на фрагменте хума и оформленные в виде бычьей головы носики водолеев IX-XI вв. Сакральное значение крупного рогатого скота известно хорошо. В зороастризме коровье молоко считалось священным: от коровьего молока и священной хомы зачинает пророка мать Зороастры. Анализу образа первого человека Гайомарта-быкочеловека посвятила статью К.В. Тревер, показав в ней важную роль быка в культовых воззрениях среднеазиатских народов.

В зороастризме образ человека и быка лежит в основе всего сущего. Согласно этой религии, после смерти быка из его тела произросли 55 видов зерна, 12 видов лечебных растений, а из его семени – бык и корова.

От Гайомарта произошли металлы, из семени - первые мужчина и женщина. Это исходный момент, по мнению исследователей, позволяющий объяснить культовое значение быка и в пережиточных явлениях.

Бесспорно, что в IX-XII вв. древнее значение образа коровы и быка были забыты, но реликты их продолжали существовать, и изображения животного - тому доказательство. Живучесть традиции прослеживается и в исторических, и в этнографических материалах. Так, еще недавно быка приносили в жертву водной стихии с целью обеспечения обилия воды в каналах и богатого урожая.

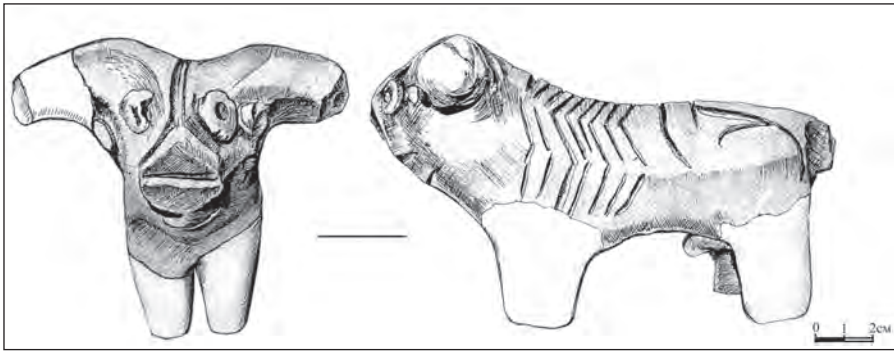

Рис. 218. Фигурка быка

Видимо, изображение быка на сосудах-водолеях, скорее всего, связано со стремлением придать сосуду свойство быть всегда полным, а владельца наградить пожеланием благополучия.¹¹⁴

Культ кабана. На городище Куйрыктобе в комплексе керамики XI в., извлеченной из бадраба, была фигурка кабана.

Изображение этого животного - достаточно распространенное явление на Сырдарье. Известна, например, находка фигурки кабана на поселении каунчинской культуры в Ташкентском оазисе. Исследователи связывают этот образ с самым воинственным божеством авестийского пантеона Веретрагной, выступающим в различных ипостасях, в том числе и в виде кабана. Скорее всего, фигурка вепря, найденная на Куйрыктобе, является реминисценцией древних верований в регионе.¹¹⁵

Культ петуха. При раскопках найдены изображения птиц, среди которых хорошо различаются петух и фазан. Изображения петуха встречены в виде оттисков на плоских крышках. На одной из них, найденной на раскопе, идущие в ряд петухи расположены по внешнему краю крышки.

У птиц характерный хвост и гребень на голове, не оставляющие сомнения, что изображены именно петухи.

Похожее изображение встречено еще на одной крышке, найденной на небольшом поселении, расположенном в 2 км восточнее Отрара. У птицы трехпалые ноги, выпуклый абрис крыла, хохолок на голове и характерная петушиная «бородка».

Группа выпуклых крышек украшалась навершиями в виде стилизованных головок птицы (петуха или фазана) с характерным гребнем - наделом на голове и «бородкой». Перья также переданы вдавлениями и насечками.

Интересна крышка с головкой петуха, клюв у которого выделен защипом, а гребень показан зубчиками насечки.

Петух, что достаточно хорошо известно, у многих народов олицетворял защиту от всякой нечисти, зла, хаоса. Крик петуха в неурочное время расценивался как предупреждение о надвигающейся беде.

Петух в «Авесте» - ближайший помощник доброго божества Сраоши, защищающего людей от козней демонов, создан для борьбы с нечистой силой».

В пережиточной обрядности народов Средней Азии и Казахстана петух и курица играли важную роль. У узбеков Хорезма, например, петух использовался в шаманских камланиях, олицетворял плодородие в свадебных ритуалах в качестве оберега.

В случаях изображения петуха на керамике и особенно в наверхиях крышек кухонных горшков, видимо, следует видеть оберег, защиту пищи от всего нечистого.¹¹⁶

Исследователи средневековой культуры отмечают, что для среднеазиатских народов ислам отнюдь не исчерпывал их духовно-религиозных представлений. Яркое проявление доисламских культов прослеживается по археологическим материалам из средневековых городов и, в частности, городов Отрарского оазиса.

Изучение казахского «язычества» как части общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины веков, позволяет более полно понять культуру племен и народов, населяющих среднеазиатско-казахстанский регион.

-
- 1 *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. - М., 1969. - С. 47.
 - 2 *Раппопорт П.А.* Архитектура Древней Руси и археология // КСИА. - 1982. - № 172. - С. 3-9.
 - 3 *Пугаченкова Г.А.* К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА. - 1982. - № 172. - С. 24-30.
 - 4 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. - Л., 1976. - С. 110-112.
 - 5 *Байпаков К.М., Шарденова З.Ш., Перегудова С.Я.* Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана. - Алматы, 2001; *Байпаков К.М.* Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 305-393; *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. - Алматы, 2012.
 - 6 *Гийассадин Али.* Дневник похода Тимура в Индию. - М., 1958. - С. 189.
 - 7 *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). - Ташкент, 1980. - С. 102-119; *Хмельницкий С.Г.* Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. - Берлин-Рига, 1996. - С. 69-127.
 - 8 *Байпаков К.М., Нортхедж А.* Новые данные об Акыртасе // Известия МН-АН РК. Серия обществ. наук. - 1997. - № 1. - С. 88-89; *Ваураков К.М., Northeedge A.A.* Mission france-kazakh d'Akyrtash // Etudes Karahanides. Carier d'Azia Centrale - Tashkent - Aixen. Provence. 2000. - № 9. - P. 344-345.
 - 9 Городище Бурана находится на территории Кыргызской Республики.
 - 10 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI - начало XIII вв.). - Бишкек, 2010. - С. 138-139.
 - 11 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI - начало XIII вв.)... С. 136-137.

- 12 *Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш.* Ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы мұнара // *Казахстан и Евразия сквозь века / История, археология, культурное наследие.* - Алматы, 2010. - С. 225-230.
- 13 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. - Алматы, 2007. - С. 344-345.
- 14 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы, 1998. - С. 110-112; *Байпаков К.М., Нортхедж А.* От ставки к городу // *Новости археологии / Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Яссави.* - Туркестан, 1997. - Вып. 1. - С. 54-55.
- 15 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 25-26; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедер. - Алматы, 2005. - С.74
- 16 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 233-234.
- 17 *Байпаков К.М., Терновая Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана. – Алматы, 2005. - С. 168-169.
- 18 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами... С. 152-153.
- 19 *Маньковская Л.Ю.* О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолей Фудины и Касби // *Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье.* - Москва, 1975. - С. 97; *Маньковская Л.Ю.* Мемориальное зодчество Средней Азии // *Художественная культура Средней Азии XI-XIII вв.* - Ташкент, 1983. - С. 32-38; *Хмельницкий С.Г.* Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. - Берлин-Рига, 1996. - Ч. 1. - С. 153-193.
- 20 *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедер... С. 74.
- 21 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ города Куйрыктобе // *По следам древних культур Казахстана.* - Алма-Ата, 1974. - С. 85-94; 1994. С. 33-134; *Воронина В.Л.* Колонны из Отрара // *Древности Казахстана.* - Алма-Ата, 1975. - С. 70-74.
- 22 *Кожя М.* Мавзолей Арыстанбаба. - Шымкент, 2009. - С. 7-9.
- 23 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-казахстанская область. - Алматы, 1994. - С. 33-134; *Воронина В.Л.* Колонны из Отрара // *Древности Казахстана.* - Алма-Ата, 1975. - С. 70-74.
- 24 *Акылбек С.Ш.* Мавзолей Арыстанбаба в свете новых данных // *Известия НАН РК. Серия обществ. наук.* - 2009. - № 1. - С. 87-92.
- 25 *Массон М.Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. - Ташкент, 1930; *Маньковская Л.Ю.* К изучению приемов среднеазиатского общества конца XIV в. // *Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави - искусство зодчих Узбекистана.* - Ташкент, 1962. - Т. 1. - С. 93-142; *Хмельницкий С.* Между саманидами и монголами... С. 258-259; *Смагулов Е.А.* Первый мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави // *Промышленность Казахстана.* - 2004. - № 2. - С. 94-98; *Проскурин А.М.* Ханака Ахмеда Ясави // *Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область.* - Алматы, 1994. - С. 273-277.
- 26 *Орбели И.О.* Бани и скоморох XII в. // *Памятники эпохи Ш. Руставели.* - Л., 1938. - С. 159-170.
- 27 *Большаков О.Г.* Ислам запрещает // *Наука и религия.* - 1967. - № 7. - С. 41.
- 28 Кабус-намэ. – М., 1958. - С. 113-114; *Болдырев А.М.* Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV-XVI вв. // *Труды ОВГЭ - Л., 1947.* - Т. IV. - С. 336; *Вамбери Г.* Очерки жизни и нравов Востока. - СПб., 1887. - С. 120-130.
- 29 *Халтахчян О.Х.* Средневековые бани Армении // *СА.* - 1960. - № 1. - С. 215.
- 30 *Абу Али ибн Сина.* Канон врачебной науки. - Ташкент, 1954. - Кн. 1.
- 31 *Эссад Дж.* Константинополь: от Византии до Стамбула. - М., 1919. - С. 267.

- 32 *Мец А.* Мусульманский ренессанс... С. 311.
- 33 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII вв... С. 309.
- 34 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях // СЭ. - 1951. - № 1. - С. 41.
- 35 *Байпаков К.М.* Средневековые города Южного Казахстана и Семиречья... С. 141-144.
- 36 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами... Ч. II. - С. 188-200.
- 37 *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. - Алматы - Самарканд, 2012. - С.37-42.
- 38 *Агеева Е.И.* Некрополь // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - С. 182-188.
- 39 Бронзовый фельс, чеканенный в Усрушане от имени Исмаила ибн-Ахмада, часть монеты с годом выпуска отломана. Предварительная датировка 843-844гг.
- 40 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрык тобе // В глубь веков. - Алма-Ата, 1974. - С. 85-94.
- 41 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 98-105.
- 42 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (топография, стратегия, перспективы). - Алма-Ата, 1972. - С. 60-61.
- 43 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара... С. 99.
- 44 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара... С. 103.
- 45 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара... С. 103.
- 46 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. - М.-Л., 1952. - № 26. - С. 150.
- 47 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 82-83.
- 48 *Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д.* Художественный материал городища Красная Речка (VI-начало XIII в.). - Алматы, 2007.
- 49 *Бернштам А.Н.* Чуйская долина... Табл. ХСІ; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 168, рис 69, 74, 75; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 106-112, табл. XI-XII; *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Древние сокровища Алматы. - Алматы, 2004. - С. 107-111, 115-119; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII в.). - Алма-Ата, 1986. - С. 175-177, рис. 76-78; *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. - Алматы, 2005. - С. 76-90.
- 50 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... Рис. 106.
- 51 *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис... С. 146.
- 52 *Агеева Е.И.* Новые эпиграфические находки // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. - 1960. - Т. 8. - С. 177, рис. 1.
- 53 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 125, рис. 131,132.
- 54 *Байпаков К.М., Байбосынов К.* Сокровища древнего Тараза. - Алматы, 2008. - С. 113, 154, 155.
- 55 *Самашев З., Кузнецова О.В., Плахов В.* Керамика Сарайчика. - Алматы, 2008. - С. 118, 119, 151, 158, 159, 188, 192, 193, 219.
- 56 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу... С. 82. Рис. 86. Табл. IX. Рис 150; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - Табл. XI, рис. 105-115; *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис... С. 156-157; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе - город Кедр. - Алматы, 2005. - С. 118-119, 172-175.

- 57 *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис... С. 104.
- 58 *Бернишам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 162-164. Рис. 71.
- 59 *Большаков О.Г.* Поливная керамика Мавераннахра как историко-культурный памятник (исследование собрания Государственного Эрмитажа): автореф. дисс... канд. ист. наук. - Л., 1954. - С. 12-14, *Большаков О.Г.* Средневековый город начала VIII – начала XIII в. ... С. 274-285.
- 60 *Ахраров И.Е.* К истории появления поливной керамики в Средней Азии // ИМКУ. – Ташкент, 1965. - № 6. - С. 150.
- 61 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 275.
- 62 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 276.
- 63 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 106-107.
- 64 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 279.
- 65 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII – начале XIII в. ... С. 279-280.
- 66 *Таиходжаев Ш.* Художественная поливная керамика Самарканда. - Ташкент, 1967. - С. 75.
- 67 *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., *Энгельс Ф.* Сочинения. - М., 1961. - Т. 20. - С. 314.
- 68 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 281.
- 69 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 276.
- 70 *Большаков О.Г.* Средневековый город в конце VIII - начале XIII в. ... С. 282.
- 71 *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. - Бишкек, 2002. - С. 132-134.
- 72 *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978-1983 гг.) // Красная речка и Бурана. - Фрунзе, 1989. - С. 102-117.
- 73 *Караев О.* История караханидского каганата (IX-начало XIII в.). - Бишкек, 1983. - С. 100-101.
- 74 *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья... С. 65.
- 75 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз... С. 104.
- 76 *Настич В.Н.* Монетные находки из Казахстана и Киргизии // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция: тезисы докл. и сообщений. - М., 1987. - С. 52-53.
- 77 *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса (1969-1972 гг.) // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 60-66.
- 78 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные по истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1978. - № 2. - С. 44-45.
- 79 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ города Куйрук-тобе // В глубь веков. - Алма-Ата, 1974. - С. 87, примечание 10; *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса (1969-1972 гг.) // Древности Казахстана. - Алма-Ата, 1975. - С. 67-68.
- 80 *Давидович Е.А.* Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX-X вв. из Самарканда) // Средняя Азия в древности и Средневековье. - М., 1977. - С. 112-115, 124.
- 81 Бараб и Фараб - две графические формы одного и того же топонима, отражающие арабскую передачу начального п, знак для которого отсутствует в арабском алфавите. Оригинальное произношение этого слова - Параб. См: *Бартольд ВВ.* Фараб // Сочинение. - М., 1965. - Т. III. - С. 525; *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 78, прим. 38.

- 82 *Давидович Е.А.* Барад – новый среднеазиатский монетный двор саманидов и Ануштенидов // Письменные памятники Востока. - М., 1977. - С. 124-126.
- 83 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. - М., 1963. - Т. I. - С. 269-270.
- 84 *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Сочинения. - М., 1963. - Т. II. - Ч. I. - С. 562-563.
- 85 *Волин С.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах... С. 80.
- 86 *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии... С. 133.
- 87 *Кочнев Б.Д.* Бударкет - новый монетный двор (XI в.) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1986. - № 1. - С. 49-54.
- 88 *Давидович Е.А.* Барад - новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинидов... С. 124-129.
- 89 *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные к истории Караханидов второй половины XII - начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. - Фрунзе, 1983.
- 90 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные из истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1978. - № 2. - С. 48.
- 91 The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. - Manchester, 1958. - Vol. 1. - P. 347-348.
- 92 *Шихаб Дин-Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Перевод с араб., предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. - Баку, 1973. - С. 66-67.
- 93 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия... С. 429.
- 94 *Настич В.Н.* Средневековая эпиграфика Ферганы и Семиречья (исторический анализ арабографических эпиграфий XII-XV вв. с территории Киргизии): автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. - Фрунзе, 1989; *Настич В.Н.* Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и Южного Казахстана // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. - М., - 1984. - С. 161-177; *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна (анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана. - Фрунзе, 1989. - С. 158-176.
- 95 *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при караханидах. - Фрунзе, 1983. - С. 227-228; *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (VI - начало XIII вв.). - Бишкек, 2010. - С. 175-177.
- 96 *Настич В.Н.* Намогильный кирпич из Караспана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1981. - № 5. - С. 47-52.
- 97 *Массон М.Е.* Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса // Эпиграфика Востока. - М.-Л., 1953. - Вып. 8. - С. 33-34.
- 98 *Массон М.Е.* Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса... С. 25, 31.
- 99 *Семенов Г.А.* Раскопки 1986-1988 гг. // Суяб - Ак-Бешим. - СПб., 2002. - С. 44-114.
- 100 *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда. - Фрунзе, 1988. - С. 62-75.
- 101 *Бернитам А.Н.* Чуйская долина... С. 55.
- 102 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI - начало XIII вв.). - Бишкек, 2010. - С. 117-118.
- 103 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана. Древний Отрар. - Алма-Ата, 1990. - С. 172-182.

- 104 *Григорьев Г.В.* Тус-Тупи // Искусство. - 1937. - № 1. - С. 136.
- 105 *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Самаркандские очажки // Из истории великого города. - Ташкент, 1972. - С. 234.
- 106 *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984.. - С. 20-23.
- 107 *Ремпель Л.И.* Изображение дома огня на двух терракотовых плитках с Афрасиабом // Доклады АН ТаджССР. - Душанбе, 1953. - Вып. 9. - С. 25-30.
- 108 *Рыбаков Б.Л.* Язычество древних славян. - М., 1981. - С. 442-453.
- 109 *Рыбаков Б.Л.* Язычество древних славян... С. 295-301, 456.
- 110 *Бируни Абу Райхан.* Памятники минувших поколений // Избранные произведения. - Ташкент, 1957. - Т. 1. - С. 217.
- 111 *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. - М., 1960. - С. 163.
- 112 *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения. - Алма-Ата, 1958. - С. 151-153.
- 113 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис)... С. 182-189; *Подушкин Н.И.* К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев реки Арыси (I-IV вв. до н.э.) // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 101, табл. II, рис. 1; *Левина Л.М.* Исследования в Джежыясарском урочище // Археологические открытия 1976. - М., 1977. - С. 517-518; *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. - Душанбе, 1968. - С. 3-13, 18; *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов... С. 154; *Кляшторный С.Т.* Древнетюркские рунические памятники. - М., 1964. - С. 179.
- 114 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис)... С. 190.
- 115 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис)... С. 190-191.
- 116 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис)... С. 191-193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очередной, условно названный третьим, этап урбанизации связан с эпохой Мусульманского ренессанса, наступившим после вхождения государств и населения средневекового Казахстана в культурное пространство, охватывающее территорию от Багдада до Семиречья и Восточного Туркестана на востоке и северо-востоке, до Приаралья и Сары-Арки на севере. Этот период длился с IX до начала XIII в.

Изучение памятников средневековой археологии и архитектуры, археологической архитектуры в Средней Азии и Казахстане в значительной своей части было связано с изучением памятников, относящихся к мусульманской культуре, которая утверждается здесь в VIII-IX вв. и получает бурное развитие в IX – начале XIII в. Как известно, ислам определял характер культуры Казахстана эпохи развитого и позднего средневековья и нового времени, вплоть до революции 1917 года и образования в 1922 г. СССР с его марксистско-ленинской идеологией и воинствующим атеизмом. И лишь после распада Советского Союза и с приобретением Казахстаном независимости начинается возрождение исламских ценностей.

Следует отметить, что «В советской науке ветви религиозной археологии получали маскирующие названия: церковная археология становилась древнерусской архитектурной археологией; иконография и история иконописи – историей древнерусской живописи; археология ислама – археологией Нижнего и Среднего Поволжья, Средней Азии эпохи феодализма». ¹ Следует добавить «и Казахстана».

Постепенно стало обычным интерпретировать многие явления материальной и духовной культуры истории Казахстана с позиций ислама и его определяющего влияния.

Большое значение в казахстанской археологии при изучении средневековых городов стало уделяться раскопкам исламской архитектуры – мечетей, мавзолеев, медресе, ханака. Число этих памятников быстро увеличивается.

Распространились дефиниции «культурный комплекс с общемусульманскими стандартами и эталонами», «тюрко-мусульманское культурное наследие».

Появилась первая сводка памятников средневековой исламской архитектуры Казахстана, которая показала, что число их значительно в разы превышает количество сохранившихся наземных исламских архитектурных сооружений.

Как известно, религиозное строительство – важнейший элемент любой цивилизации. Строя себе дом и храм человек, в конечном счете, создает свой национальный характер.

Поэтому так важно знать, куда уводят остатки архитектурных построек, что можно извлечь из них для понимания духовной культуры казахов.

Изучение исламской архитектуры и археологии, безусловно, помогает более обстоятельно решать вопросы исламизации Казахстана и исламизации тюрок, взаимоотношении ислама с зороастризмом, буддизмом, христианством и традиционных верований древних тюрок.

В связи с вышесказанным нельзя не отметить появление тенденции в создании единого поля изучения религии в целом, «мировой религии» - ислама, христианства, иудаизма.

Еще раз следует отметить, что новый этап в развитии религиозной археологии отмечается и в казахстанской науке.

Сущность мусульманской археологии Казахстана определяет не только мусульманская архитектура, но и другие категории материальной культуры: некрополи, погребения, нумизматика, кайраки и надмогильные кирпичи, художественный металл с арабскими надписями, керамика.

В IX – начале XIII в. на территории Казахстана возникли новые города в Жетысу и на юге Казахстана, в Сары-Арке складываются новые районы городской культуры в Илийской долине, в Центральном Казахстане.

Очень показателен список городов на территории Южного Казахстана и Жетысу, который приводит выдающийся арабский географ X в. ал-Макдиси: «Округ Испиджаб [расположен] на середине границы области [Мавераннахра], его главный город того же имени. К числу городов относятся Хурлуг, Джумишлагу, Усбаникет, Бараб, Шавгар, Сауран, Турар, Зерах, Шагильджан, Баладж, Берукет, Бурух, Яганкент, Азахкет, Дех Нуджикет, Тараз, Балу, Джикиль, Барсхан, Атлах, Джамукат, Шельджи, Куль, Сус, Текабкет, Дех Нави, Кулан, Мирки, Нушкет, Лакра, Джздгук, Урду, Навакет, Баласагун, Лабан, Шур, Чашма, Диль, Аvas, Джаркерд.²

В Илийской долине появляются города Тальхир, Ики-Огуз, Каялык. В Центральном Казахстане возникли города Диз-и-Руин.

В Прииртышье письменные источники IX-XI вв. называют 16 пока еще не найденных городов кимаков. Среди них летняя резиденция кагана кимаков Имакия, Карантия, Гаган, Дамурия, Сараус, Дахлан, Ханауш, Астур.

В Западном Казахстане в это же время уже существовали города Сарайчик и Мангышлак.

Среди общественных построек в городах этого периода следует назвать мечети, ставшие центрами духовной жизни и доминантами городской застройки. Не случайно, все авторы этого времени, пишущие о городах, указывают на наличие мечети, ее расположение в городе. Наи-

более ранние мечети выявлены и изучены в городах Таразе, Кедере, Баласагуне, на городище Орнек в Таласской долине; на городище Актобе в Чуйской долине. В городах и в их окрестностях возводятся мавзолеи и возникают мусульманские кладбища.

Шедеврами архитектуры являются мавзолеи Айша-Биби и Бабаджи-хатун вблизи Тараза, мавзолеем Сарлытам в Приаралье.

В этот период в городах строятся бани, выполняющие помимо своих основных функций, роль своеобразного места для встреч, бесед, заключения торговых сделок.

В XII-XIII вв. появляются бани с крестовидной планировкой и подпольным отоплением. Этот тип бань доживает на Востоке вплоть до наших дней. В крупных городах насчитывались десятки бань, они обнаружены и раскопаны археологами в Таразе, Отраре, на городище Актобе в Чуйской долине.

Как и раньше, города были застроены кварталами с внутренними дворами и улочками. Улицы и улочки в городах мостились булыжником, каменными плитами, жженым кирпичом. В городах имелись водопроводы.

Выделяется несколько типов домов с напольными очагами, суфами, санитарно-гигиеническими устройствами – туалетами.

Отмечены различия в топографии городищ Казахстана. Так, для Илийской долины характерны «торткули» - буквально четырехугольники, в Чуйской и Таласской долинах по-прежнему распространены городища «с длинными стенами», когда к центральной части города примыкала территория сельской округи, окруженная стеной.

Имелись различия в домостроительстве, в фортификации. Так, при строительстве домов в Талгаре – городе в Илийской долине – в строительстве широко использовались камень и дерево. К домам примыкали скотные дворы, во дворах некоторых домов имелись юрты. Это объясняется тем, что население города здесь пополнялось за счет оседающих скотоводов, принесших в город степные традиции.

Похожая ситуация имела место в Центральном Казахстане. На юге и в Приаралье города были тесно застроены домами. Застройку разряжали узкие улочки. Группы домов объединялись в городские кварталы. В отличие от кварталов европейских городов, где границами служили улицы, здесь границы кварталов определялись по задним стенам домов, а каждый такой квартал имел свою улочку, которая отходила от магистральной улицы.

Города были, как и раньше центрами ремесла и торговли, в том числе и международной. Из Испиджаба вывозились ткани, оружие, медь и железо.

Из Тараза – козьи шкуры, из Шельджи – серебро; из Туркестана – лошади и мулы. На базарах городов продавали зерно и ткани кочевникам.

В городах развивались кузнечное и медницкое ремесла, гончарство, стеклоделие, ювелирное ремесло, ткачество, высокого уровня достигало строительство.

Конкретными итогами обобщения многолетних исследований по третьему этапу урбанизации являются:

Составлена сводка по вопросам локализации городов Южного Казахстана и Приаралья, Юго-западного и Северо-восточного Жетысу, Центрального, Восточного и Западного Казахстана и подготовлены карты расположения городов IX – начала XIII в.

Охарактеризована топография городищ, дана их типология, показаны пути развития городского квартала и жилища, рассмотрены некоторые элементы социальной структуры городов, в частности демографии.

Отмечены особенности в топографии и застройке городищ регионов, общее и особенное в их застройке, домостроительстве.

Дана характеристика городов как административных центров и мест средоточения ремесла и торговли. Выявлено и отмечено, что работают монетные дворы, выпускают монетную продукцию в большом количестве, судя по находкам монет при раскопках и вкладах. Монеты чеканятся в Отраре, Испиджабе, Будухкете, Дженде, в Таразе, возможно, в Талгаре.

Активно функционирует Великий Шелковый путь, выделяются такие его участки как Семиреченский (Тянь-Шанский), Южно-Казахстанский (Сырдарьинский), Сарыаркинский, Урало-Прикаспийский.

На торговых трассах и в городах строятся караван-сарай.

Города также были связаны с потреблением и концентрацией в них сельскохозяйственной продукции, и ее продаже, в том числе в степь.

Города были аграризированы, что было особенно заметно в Юго-западном Жетысу, где города имели сельскохозяйственную округу, окруженную стенами, а их «рабады» сливались с сельскохозяйственной округой, и между рабадом и ею не было четких границ.

Для городов характерен высокий уровень благоустройств. В них имелись водопровод, канализация. В домах устраивались санитарно-гигиенические сооружения.

Важным элементом благоустройства городов были бани.

Основной религией горожан стал ислам, но наряду с ним сохранились христианство, буддизм, пережитки тенгрианства, зороастризма. Особенно заметны по археологическим материалам культ огня, животных и птиц, растений.

Все это свидетельствует о глубокой преемственности городской культуры, что также характеризует ее традиционность, связанную в том числе с этническими процессами, сохраняется преемственность и этнический состав населения.

В политическом и генеалогическом аспекте кыпчаки и канглы связывали себя с «Великой Кангхой» - Кангюем.³

Население городов было полиэтничным, но тюрки и тюркский язык в них стали преобладающим именно в этот период урбанизации.

Махмуд Кашгарский пишет: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Также жители Тараза и жители «Белого города» Мединной ал-Байда». «Сугдак – люди, жившие в Баласагуне. Они – из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они выглядят как тюрки и приняли их обычаи».⁴

Конечно, не случайным следует считать существование в составе казахов племен усунь и канглы. Усунь и Кангюй были первыми государствами на территории Казахстана, с развитием которых связан первый этап урбанизации.

В целом, этот этап урбанизации был временем расцвета средневековой городской культуры на территории Казахстана.

- 1 *Беляев Л.А.* Dig archeology abrahamica... С.8.
- 2 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв о долине р. Талас и смежных районах... С.80.
- 3 *Толстов С.П.* Города гузов... С.99-102; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С.177-179.
- 4 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С.83-85.

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазақстан урбанизациясының кезекті, шарты түрде үшінші деп аталатын кезеңі ортағасырлық Қазақстан мемлекеттері мен халқы исламға кіргеннен кейін дамыған, мәдени кеңістігі шығыс пен солтүстік-шығыста Бағдаттан Жетісуға дейін, солтүстікте Арал маңы мен Сарыарқаға дейін қамтыған Мұсылман ренессансымен байланысты. Бұл кезең IX ғасырдан XIII ғасырдың басына дейін созылады.

Орта Азия мен Қазақстанның ортағасырлық археологиялық және архитектуралық, археологиялық архитектура ескерткіштерін зерттеудің едәуір бөлігі, мұнда VIII–IX ғасырларда бекіген және Мұсылман ренессансы уақытында қарқынды дамыған мұсылман мәдениетімен ұштасқан ескерткіштерді зерттеумен байланысты. Ислам Қазақстан мәдениетінің дамыған және кейінгі ортағасыр дәуірі мен жаңа заман, 1917 жылғы төңкеріс пен 1922 жылы КСРО-ның құрылуы, оның маркстік-лениндік идеологиясы мен жауыққан атеизмге дейінгі сипатын анықтап бергені жұртқа мәлім. Тек Кеңес Одағы құлағаннан кейін ғана дін, оның ішінде ислам құндылықтары қайта өркендей бастады.

«Кеңестік ғылымда діни археология тармақтары бүркеме атау алды; шіркеу археологиясы ежелгі орыс архитектуралық археологиясы болды; иконография мен икон жазу тарихы – ежелгі орыс сурет өнері тарихы; ислам археологиясы – Төменгі және Орта Еділ бойы, Орта Азия мен Қазақстан феодализм дәуірі археологиясы»¹ болғандығын айта кеткен жөн.

Ислам позициясы және оны анықтаушы ықпалымен заттай және рухани мәдениеттің көптеген құбылыстары біртіндеп қарапайым түсіндіріле бастады.

Ортағасырлық қалаларды зерттеу барысында қазақстандық археология ислам архитектурасы ескерткіштеріне – мешіт, кесене, медресе мен ханакаларға көп көңіл бөле бастағандықтан, бұл ескерткіштердің саны тез көбейді.

«Жалпы мұсылмандық стандарт пен эталонды мәдени кешен», «түркі-мұсылмандық мәдени мұра» дефинициясы тарады.

Қазақстанның ортағасырлық ислам архитектуралық ескерткіштерінің алғашқы мәліметі пайда болды, мұны жер астында сақталған ислам архитектуралық құрылысының айтарлықтай мөлшерде көп екендігі көрсетті.

Діни құрылыс – кез-келген өркениеттің маңызды элементі. Өзіне үй мен храм тұрғызған адам, сайып келгенде өзінің ұлттық сипатын қалыптастырады. Мұсылман мәдениетімен байланысты ескерткіштер Қазақстан урбанизациясының кезекті, шарты түрде үшінші деп аталатын кезеңі ортағасырлық Қазақстан мемлекеттері мен халқы исламға кіргеннен кейін дамыған, мәдени кеңістігі шығыс пен солтүстік-шығыста Бағдаттан Жетісуға дейін, солтүстікте Арал маңы мен Сарыарқаға дейін қамтыған Мұсылман ренессансымен байланысты. Бұл кезең IX ғасырдан XIII ғасырдың басына дейін созылады.

Орта Азия мен Қазақстанның ортағасырлық археологиялық және архитектуралық, археологиялық архитектура ескерткіштерін зерттеудің едәуір бөлігі, мұнда VIII–IX ғасырларда бекіген және Мұсылман ренессансы уақытында қарқынды дамыған мұсылман мәдениетімен ұштасқан ескерткіштерді зерттеумен байланысты. Ислам Қазақстан мәдениетінің дамыған және кейінгі ортағасыр дәуірі мен жаңа заман, 1917 жылғы төңкеріс пен 1922 жылы КСРО-ның құрылуы, оның маркстік-лениндік идеологиясы мен жауыққан атеизмге дейінгі сипатын анықтап бергені жұртқа мәлім. Тек Кеңес Одағы құлағаннан кейін ғана дін, оның ішінде ислам құндылықтары қайта өркендей бастады.

«Кеңестік ғылымда діни археология тармақтары бүркеме атау алды; шіркеу археологиясы ежелгі орыс архитектуралық археологиясы болды; иконография мен икон жазу тарихы – ежелгі орыс сурет өнері тарихы; ислам археологиясы – Төменгі және Орта Еділ бойы, Орта Азия мен Қазақстан феодализм дәуірі археологиясы»¹ болғандығын айта кеткен жөн.

Ислам позициясы және оны анықтаушы ықпалымен заттай және рухани мәдениеттің көптеген құбылыстары біртіндеп қарапайым түсіндіріле бастады.

Ортағасырлық қалаларды зерттеу барысында қазақстандық археология ислам архитектурасы ескерткіштеріне – мешіт, кесене, медресе мен ханакаларға көп көңіл бөле бастағандықтан, бұл ескерткіштердің саны тез көбейді.

«Жалпы мұсылмандық стандарт пен эталонды мәдени кешен», «түркі-мұсылмандық мәдени мұра» дефинициясы тарады.

Қазақстанның ортағасырлық ислам архитектуралық ескерткіштерінің алғашқы мәліметі пайда болды, мұны жер астында сақталған ислам архитектуралық құрылысының айтарлықтай мөлшерде көп екендігі көрсетті.

Діни құрылыс – кез-келген өркениеттің маңызды элементі. Өзіне үй мен храм тұрғызған адам, сайып келгенде өзінің ұлттық сипатын қалыптастырады. Мұсылман мәдениетімен байланысты ескерткіштер тобына қабір үстіне қойылған эпитафиялы тастар – қайрақтар мен қабір үсті кірпіштер, сонымен қатар Юңтүстік Қазақстан мен Жетісудан табылған эпитафиялар кіреді.

Сондықтан архитектуралық құрылыстардың қалдығы не беретіндігін білу өте маңызды, өйткені одан қазақтардың рухани мәдениетін түсінуге болады.

Ислам археологиясын зерттеу араб шапқыншылығы уақыты, карлұқ, саман, қарахан, түрік, иран және араб мелекеттерінің өзара қарым-қатынасы, түріктердің иламдануы, олардың мәдениеті жөніндегі мәселелерді біршама жан-жақты шешуге көмектеседі.

Бірақ Қазақстанның ислам археологиясы ескерткіштері мен мәдени мұрасын зерттеуде христиан, иудаизм, буддизм көріністерімен жаһандық үдеріс контекстінде ислам әлемінің тарихын қарастыру маңызды.

Қазақстандағы мұсылман археологиясының мәні тек мұсылман архитектурасында ғана емес, заттай мәдениеттің басқа да категориялары: зират, жерлеу орны, нумизматика, қайрақ және қабір үсті кірпіштер, арабша жазуы бар көркемдік металдар мен керамикаларда жатыр.

Қазақстанның оңтүстігі мен Жетісуда жаңа қалалар пайда болып, Іле өңірінде, Орталық Қазақстанда қалалық мәдениеттің жаңа аудандары бой көтереді. Тальхир, Қаялық, Екіоғыз қалалары қалыптасады.

Қазақстан аумағындағы Испиджаб аймағында қалалар саны өте көп екендігін Х ғ. атақты араб географы әл-Макдиси көрсеткен: «Облыс [Мәуреннахр] шекарасының ортасында Испиджаб аймағы [орналасқан], оның басты қаласы осы аттас. Оның қалаларына Құрлық, Жұмышлагу, Усбаникент, Бараб, Шауғар, Сауран, Тұрар, Зерах, Шағылжан, Балаж, Берукет, Бурух, Яганкент, Азахкет, Дех Нуджикет, Тараз, Балу, Жікіл, Барысхан, Атлах, Жамұқат, Шелжі, Күл, Сус, Такабкет, Дех Нави, Құлан, Меркі, Нұшкет, Лакра, Жздгук, Урду, Навакет, Баласағұн, Лабан, Шур, Чашма, Діл, Авас, Жаркерд кіреді».²

Қалалардағы осы кезеңге жататын қоғамдық құрылыстардың ішінен рухани өмірдің орталығы және қалалық құрылыстың доминанты болған мешіттерді атауға болады. Сондықтан да сол уақыттың авторларының барлығы қала жөнінде жазғанда мешіттің барын, оның қалада орналасқандығын көрсетуі кездейсоқтық емес. Біршама ерте мешіттер Тараз, Кедер (Құйрықтөбе қаласы), Баласағұн (Бурана қаласы) қалаларынан, Талас өңіріндегі Өрнек қаласынан, Шу өңіріндегі Ақтөбе қаласынан анықталып, зерттелді. Қалаларда және оның төңіректерінде кесенелер тұрғызылып, мұсылман зираттары пайда болады.

Тараз маңындағы Айша бибі мен Бабажы қатын кесенелері, Арал маңындағы Сырлытам кесенесі архитектураның біртумасы болып табылады.

Қалаларда осы кезеңде өзінің негізгі қызметінен басқа сауда келісімдерін жасасуда өзіндік орын рөлін атқарған моншалар салынады. XIII ғ. крест тәрізді жоспарда әрі еден асты жылыту жүйесі бар моншалар пайда болады. Моншаның осы түрі Шығыста осы күнге дейін өмір сүріп келеді. Ірі қалаларда ондаған моншалар болды, оларды Тараз, Отырар, Шу өңіріндегі Ақтөбе қалаларынан археологтар тауып, қазба жұмыстарын жүргізді.

Бұрынғысынша қалаларда ішкі аулалары және көшелері бар махаллалар салынады. Қалалардағы көшелер мен кіші көшелерге малта тастар, тас тақталар, қыш кірпіштер төселеді. Қалаларда су құбырлары болды.

Үйлерді еден үсті ошағы, сыпасы, санитарлық-гигиеналық құрылығы – әжетханасына қарай бірнеше түрге бөлуге болады.

Қазақстан қалаларының топографиясы әртүрлі екендігі анықталды. Іле өңірі үшін «төрткүлдер» – турасында төртбұрыштылық тән болса, Шу мен Талас өңірлеріне баяғыша «ұзын қорғанды» қалалар тарайды. Бұл қаланың орталық бөлігіне қабырғамен қоршалған шаруашылық аймағының жалғасып жатуы. Қазақстанның оңтүстігіндегі «ұзын қорғанды» қалалар Талас Алатауының тау етегі белдеуінде кеңінен таралған.

Үй құрылысында, қорғаныс жүйесінде өзгешеліктер болды. Талғардағы үй құрылысы барысында, яғни Іле өңіріндегі қалалардың құрылысында тас пен ағаш кеңінен қолданылған. Үйге мал қорасы жалғасса, бірқатар үйлердің ауласында киіз үй болды. Бұл қала халқы мұнда далалық дәстүрді алып келген көшпенділердің отырықшыққа өтуде толығып отыруымен түсіндіріледі.

Осыған ұқсас жағдай Орталық Қазақстанда да орын алады. Оңтүстікте және Арал маңы қалаларда шағын аулалы үйлер өте тығыз салынған. Құрылыстарды кішкентай көшелер бөліп тұр. Тұрғын үй шоғыры қалалық махаллаларға біріккен. Шекарасында көшелер қызмет еткен еуропалық қалалардың махаллаларынан айырмашылығы мұнда махаллалардың шекарасы үйдің артқы қабырғасы бойынша анықталса, осындай әрбір махаллада бас көшеге шыққан өзінің кішкентай көшесі болды.

Қалалар бұрынғысынша қолөнер және сауда орталығы, онда да халықаралық болды. Испиджабтан мата, қару-жарақ, мыс пен темір; Тараздан – ешкінің терісі; Шелжіден – күміс; Түркістаннан – жылқы мен қашыр тасып әкетілді. Қалалардың базарларында астық пен көшпенділерге мата сатылды.

Қалаларда ұсталық пен мыс кәсібі, көзешілік, шыны жасау, зергерлік өнер, тоқмашылық дамиды.

Қалалардың гүлденуін татар-монғол шапқыншылығы тоқтатып, көптеген қалалар қиратылып, қала халқының саны азаяды және қала мен даланың дәстүрлі байланысы бұзылады, сонымен қатар шапқыншылық барысында қатты зардап шегеді.

Урбанизацияның үшінші кезеңі бойынша көп жылдық зерттеулерді қорытудың нақты нәтижелері мынандай:

Оңтүстік Қазақстан мен Арал маңы, Оңтүстік-батыс және Солтүстік-шығыс Жетісу, Орталық, Шығыс және Батыс Қазақстан қалаларының локализация мәселесі бойынша мәлімет құрастырылды және IX – XIII ғ. басындағы қалалардың орналасу картасы дайындалды.

Қалалардың топографиясы сипатталып, олардың типологиясы беріліп, қалалық махаллалар мен баспаналарының даму жолы көрсетіліп, қалалардың әлеуметтік құрылымының бірқатар элементтері, оның ішінде өте күрделі болса да мәселені шешу үшін қажет демография қарастырылады.

Аймақтардағы қалалардың топографиясы мен құрылысының ерекшеліктері, олардың құрылысы, үй құрылысындағы ортақтық пен айырмашылықтар анықталады.

Қалаларға қолөнер мен сауда орны шоғырланған әкімшілік орталық ретінде сипаттама беріледі. Теңге сарайлары жұмыс істеп, олар көп мөлшерде тиын өнімдерін шығарғандығын қазба барысында табылған тиындар мен көмбелер дәлелдейді. Тиындар Отырар, Испиджаб, Будахкет, Женд және Таразда, мүмкін Талғарда да соғылды.

Ұлы Жібек жолы белсенді қызмет етіп, одан Жетісу (Тянь-Шань), Оңтүстік Қазақстан (Сырдария), Сарыарқа, Жайық-Каспий маңы тармақтары бөлініп шықты.

Сауда жолы мен қалаларда керуен-сарайлар, рабадтар салынады. Қолөнершілер мен саудагерлердің көптеген тобы қалыптасады.

Қалалар сонымен қатар ауылшаруашылық өнімдерді шоғырландырумен және тұтынумен, оның ішінде оны далалық аймақтарға сатумен баланысты болды.

Олардың аграрлы болғандығы әсіресе Оңтүстік-батыс Жетісудан байқалады, ондағы қалаларда сыртын қабырғалар қоршап жатқан ауылшаруашылық аймағы болды, ал «рабадтары» ауылшаруашылық аймағына жалғасып жатқандықтан олардың арасында нақты шекара болмады.

Қалалар үшін жоғарғы деңгейлі құрылыс тән. Оларда су құбыры, канализация болды. Үйлерге санитарлық-гигиеналық құрылыстар орналастырылды.

Қалалардағы құрылыс ісінің маңызды элементі моншалар болды.

Қалалықтардың негізгі діні ислам болғанымен, сонымен қатар христиандық, буддизм, тәңіршіліктің сарқыншақтары, зороастризм сақталды. Әсіресе археологиялық материалдар бойынша от, жануар мен құс, өсімдіктер культі белгілі.

Мұның барлығы қалалық мәдениеттің терең сабақтастығын дәлелдейді, сонымен бірге қыпшақ-пешенек-оғыз тайпалары конфедерациясы сабақтастықты сақтаған этникалық үдерістермен байланысты олардың дәстүрлілігін сипаттайды.

Қыпшақтар мен қаңлылардың саяси және генеологиялық аспектісін «Ұлы Кангх» – Кангю байланыстырады.³

Қалалардың тұрғындары саяси этникалық болғанымен, түріктер мен түркі тілділердің осы уақытта қалаға қоныстануы басым болғандығын Махмұд Қашқари былай деп жазады: «Баласағұнның тұрғындары соғдыша да, түрікше де сөйлейді. Сонымен қатар Тараз халқы мен «Ақ қала» Медина әл-Байда халқы да». «Сугдак – Баласағұнда тұратын адамдар. Олар – Бұхара мен Самарқанд арасындағы Соғдыдан келгенімен, түріктер сияқты көрінеді және олардың әдет-ғұрпын қабылдаған».⁴

Әрине, қазақтардың құрамына үйсін және қаңлы тайпаларын кіргізуі кездейсоқтық емес.

- 1 *Беляев Л.А.* Dig archeology abrahamica... С.8.
- 2 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв о долине р. Талас и смежных районах... С.80.
- 3 *Толстов С.П.* Города гузов... С.99-102; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С.177-179.
- 4 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С.83-85.

CONCLUSION

Next, conditionally named the third phase of urbanization is associated with the Muslim Renaissance occurred after the entry of the States and of the population of medieval Kazakhstan in cultural space stretching from Baghdad to the Semirechye, and Eastern Turkestan in the East and North-East, to the Aral and Sary-Arka in the North. This period lasted from IX - early XIII century.

Study of the monuments of medieval archaeology and architecture, archaeological architecture in Central Asia and Kazakhstan in its large part was connected with the study of the monuments belonging to the Muslim culture, which is adopted here in VIII-IX centuries and had rapid development in IX - early XIII century, it is known, Islam has defined the character of Kazakhstan's culture of the epoch of developed and late middle ages and new time, until the revolution of 1917 and formation of USSR in 1922 with its Marxist-Leninist ideology and militant atheism. And only after the collapse of the Soviet Union and with the acquisition of independence by Kazakhstan there begins revival of Islamic values.

It should be noted that In Soviet science the branches of religious archaeology had masking names: Church archeology was ancient Russian architectural archaeology; iconography and history of icon painting - history of ancient Russian painting; archaeology of Islam - the archaeology of the Lower and Middle Volga region, Central Asian epoch of feudalism». ¹ Also adding «and Kazakhstan».

Gradually, it became conventional to interpret many of the phenomena of material and spiritual culture of the history of Kazakhstan from the position of Islam and its determining influence.

The large value in Kazakhstan archaeology at the study of medieval towns has been spared to the excavations of Islamic architecture - mosques, mausoleums, madrasa, khanaka. The number of these monuments is growing rapidly.

The definitions of «cultural complex with general muslim standards and benchmarks», «Turk-Muslim cultural heritage» are spreaded.

There appeared a first summary of a medieval monuments of the Islamic architecture of Kazakhstan, which showed that their number is considerably higher than the number of surviving ground Islamic architectural structures.

As it is known, the religious construction is the most important element of any civilization. Building a house and the temple, people, ultimately create its own national character.

Therefore, it is important to know, where the remains of the buildings bring, what you can learn from them for the understanding the spiritual culture of the Kazakhs.

The study of Islamic architecture and archeology, of course, helps to more thoroughly address the issues of Islamization of Kazakhstan and the Islamization of the Turks, the relationship of Islam and Zoroastrianism, Buddhism, Christianity and traditional beliefs of the ancient Turks.

In connection with the foresaid, it should be noted that the appearance of tendency in the creation of the unified field of the study of religion in general, it is the «world religion» of Islam, Christianity, Judaism.

Again it should be noted that a new stage in the development of religious archaeology is celebrated in Kazakhstan science, too. The essence of the Muslim archeology of Kazakhstan determines not only the Muslim architecture, but also other categories of material culture: cemeteries, burial, numismatics, kairaks and gravestones bricks, artistic metal with Arabic inscriptions, ceramics.

In IX - early XIII century at the territory of Kazakhstan there were new cities in Zhetysu and southern Kazakhstan, in Sary-Arka there are new areas of urban culture in the Ili valley, in Central Kazakhstan.

Very indicative is the list of cities on the territory of South Kazakhstan and Zhetysu, which leads outstanding Arab geographer of X century al-Maqdisi: «District of Ispidzhab [is] in the middle of the border area [Mawarannahr], the main town of the same name. Among the cities are related Khurlug, Jumishlagu, Usbaniket, Barab, Shavgar, Sauran, Turar, Zerah, Shagiljan, Baladzh, Beruket, Burukh, Yagankent, Azakhet, Deh Nudzhiket, Taraz, Baloo, Dzhikili, Barshan, Atlah, Jamukat, Sheldji, Kul, Sousse, Tekabket, Deh Navi, Kulan, Mirka, Nushket, Lakra, Dzhzduguk, Urdu, Navaket, Balasagun, Laban, Shur, Chashma, Diehl, Awas, Dzharkerd.²

In the Ili valley there appear cities as Talkhir, Iki-Oguz, Kayalyk. In Central Kazakhstan city Diz-i-Ruins was appeared.

In the Priirtysh written sources of IX-XI centuries called 16 have not yet found the cities of the Kimaks. Among them, the summer residence of Kagan Kimaks Imakiya, Karantiya, Gagan, Damuriya, Zarautz, Dahlan Khanaush, Astur.

In West Kazakhstan, at the same time there were already town Shed, and Mangyshlak.

Among the public buildings in the cities of this period should be called the mosque, which became the centers of the spiritual life and dominants of the city buildings. Not accidentally, all the authors of this time, writing about cities, indicate the existence of a mosque, its location in the city. The earliest mosques were identified and explored in the cities of Taraz, Keder, Balasagun, on the ancient site of Ornek in the Talas valley; on the settlement of Aktobe in the Chui valley. In cities and in surroundings the mausoleums and Muslim cemeteries are erected.

Masterpieces of architecture are the mausoleums of Aisha-Bibi and Babaja-Khatun mausoleums near Taraz, the mausoleum Sarlytam in the Aral Sea.

In this period, cities are built baths, which, alongside with its main functions, do the role of a space for meetings, discussions, conclusion of commercial transactions.

In XII-XIII centuries appeared baths with cross-shaped layout and underfloor heating. This type of baths live in the East up to our days. In large cities there were dozens of baths, they are discovered and excavated by archaeologists in Taraz, Otrar, settlement Aktobe in the Chui valley.

As before, the cities were built up by quarters with courtyards and streets. Streets and alleys in the cities were cobbled by stone, stone slabs, baked bricks. In the cities there were water pipes.

There are several types of houses with floor hearths, Sufa, sanitary-hygienic facilities - toilets.

Marked the differences in the topography of the ancient settlements of Kazakhstan. So, for the Ili valley are characteristic «tortkuls» - literally, boxes in the Chu and Talas valleys are still prevalent settlement «long walls», when the Central part of the city adjacent territory of rural districts, surrounded by a wall.

There were differences in the housebuilding and fortification. So, in the construction of houses in Talgar town in the Ili valley - in construction were widely used stone and wood. The houses were joined to the stockyards, in the yards of some houses were Yurts. This is explained by the fact that the population here was enlarged settling of nomadic pastoralists, who brought into the city steppe tradition.

A similar situation occurred in Central Kazakhstan. In the South and in Priaralye cities were closely built by houses. Construction was discharged by narrow streets. Group of houses united in the city's blocks. Unlike quarters of European cities where the boundaries served streets; there border quarters were determined on the rear walls of the houses, and each such quarter had its street which deviated from the main street.

City were, as before centres of crafts and trade, including international trade. Ispidzhab exported fabrics, weapons, brass and iron; From Taraz - goat-skins, from Sheldzhi - silver; from Turkistan, horses, and mules. At the markets of the cities there sold grain and cloth for nomads.

In the cities developed forge and medical crafts, pottery, glass making, jewelry craft, weaving, and high level reached construction. Specific results of generalization of long-term researches on the third phase of urbanization are.

Compiled a summary of the issues of the localization of the cities of southern Kazakhstan and the Aral Sea, South-West and North-East Zhetysu, Central, Eastern and Western Kazakhstan and prepared maps of the cities of IX - the beginning of XIII century.

Characterized topography of ancient settlements, given their typology, was showing the way of development of a city block and dwellings, some elements of the social structure of cities, in particular demography.

Marked the peculiarities of the topography and the building of settlements of regions, the general and especial in their construction, the house building.

Given the characteristic of cities as administrative centers and places of craft and trade. Identified and noted that the mints work, produce a coin-operated products in large quantities, judging by the finds of coins at the excavation in hoards. They coined in Otrar, Ispidzhab, Budukhkte, Dzhende, Taraz, perhaps in Talgar.

Was discovered active functioning of the Great silk road, there are such sections as Semirechye (Tien-Shan), South Kazakhstan (Syr Darya), Saryarka, the Ural-Caspian region.

On the trade roads and in cities are built caravanserais.

Cities have also been linked with the consumption and concentration in agricultural production, sale of it, including in the steppe.

Cities were agriculture, which was especially evident in the South-West Zhetysu, where the city had an agricultural district, surrounded by walls, and their «rabadas» merged with the agricultural community, and between the rabad and it was not clear boundaries.

Cities are characterized by a high level of modern conveniences. There was water, sewerage. The houses were arranged by sanitary facilities.

An important element of the improvement of cities was baths.

The main religion of the citizens became Islam, but along with them survived Christianity, Buddhism, remnants of Tengry, Zoroastrianism. Especially noticeable from archeological materials are the cult of fire, animals and birds, plants.

All this testifies to the deep continuity of urban culture, which characterizes its traditional character, including connection with ethnic processes, saving continuity and ethnic composition of the population.

In the political and genealogical aspect of the Kipchaks and Kangly associated themselves with the «great Kanghoi» - Kangyui.³

The urban population was polyethnic, but Turks and Turkish language became dominant in this period of urbanization. Mahmoud Kashgar writes: «the Inhabitants of Balasagun speak sogdi and Turkic language. Also residents of Taraz and residents of the «White city» of Medina al-Bayda». «Sugdak – people who lived in Balasaghun. They are from Sogda, which between Bukhara and Samarkand, but they look like Turks and adopted their customs».⁴

Of course, it is no accident we should consider the existence of usun and Kangly in the Kazakhs tribes. Usun and kangju were the first state on the territory of Kazakhstan, which is associated with the development of the first stage of urbanization.

In General, this stage of urbanization was the heyday of medieval urban culture on the territory of Kazakhstan.

1 *Беляев Л.А.* Dig archeology abrahamica... С.8.

2 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв о долине р. Талас и смежных районах... С.80.

3 *Толстов С.П.* Города гузов... С.99-102; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С.177-179.

4 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах... С.83-85.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГПИ им. Абая** - Алма-Атинский Государственный педагогический институт им. Абая
- ВДИ** - Вестник древней истории. Москва
- ЗОРСА** - Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург
- ИИ АН КиргССР** - Институт истории Академии наук Киргизской ССР
- ИИА АН УзССР** - Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
- ИИАЭ АН КазССР** - Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР
- ИМКУ** - История материальной культуры Узбекистана, Ташкент, Самарканд
- ИРГО** - Известия Русского географического общества, Санкт-Петербург
- КАЭЭ** - Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. Институт истории материальной культуры РАН, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Институт истории АН КиргССР. Москва
- КСИА** - Краткие сообщения Института археологии РАН, Москва
- КСИИМК** - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград
- МИА** - Материалы и исследований по археологии СССР, Москва
- МИКК** - Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва
- МИТТ** - Материалы по истории туркмен и Туркмении, М.-Л.
- МИЦАИ** - Международный Институт Центральноазиатских исследований, Самарканд
- НЭ** - Нумизматика и эпиграфика. Москва
- ОВГЭ** - Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
- ОНУ** - Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
- ООН АН ТаджССР** - Отделение общественных наук Академии наук Таджикской ССР
- ПТКЛА** - Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент

РГО - Русское географическое общество. Санкт-Петербург
СА - Советская археология. Москва
СЭ - Советская этнография. Москва
ТСАГУ - Труды Среднеазиатского государственного университета,
Ташкент
УСА - Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХАЭЭ - Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
Москва
ЮТАКЭ - Южно-Туркменская археологическая комплексная
экспедиция. Москва. Ашхабад

Байпаков К.М.

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)

Книга II

Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в.

Перевод на казахский язык
Ералы Акымбек

Перевод на английский язык
Меруерт Юсупова

Дизайн и вёрстка
Ольга Кузнецова

Подписано в печать 29.11.2013 г.
Формат издания **70x100 16.**
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»